Владимир Хрусталев

Последние дни Великой династии

РОМАНОВЫ

Секретные архивы о тайне гибели Царской семьи наконец-то раскрыты!

Владимир Михайлович Хрусталев

Романовы. Последние дни Великой династии

Светлой памяти Юрия Алексеевича Буранова и моего единственного сына Андрея Владимировича Хрусталева посвящается…

Предисловие

Впервые наш совместный труд с Ю.А. Борановым «Гибель императорского дома»1 появился 20 лет тому назад. Хотя с тех пор прошло достаточно много времени, но книга не утратила своей актуальности и широко цитируется в исторических исследованиях до сих пор. Она имела свои особенности, о чем отметим. В последние годы нам удалось выявить новые, неизвестные ранее документальные источники, которые позволяют уточнить многие факты, связанные с трагическими событиями гибели царской семьи и ряда великих князей в первые годы Советской власти. Поэтому я решил вернуться к этой теме. Кроме того, обобщающая и дополненная работа «Крушение Императорского Дома Романовых: уничтожение династии» дань памяти Ю.А. Буранову и разъяснение наших позиций, которые не всегда и во всем совпадали. Одновременно это еще одна попытка ответить на некоторые вопросы, которые ранее нами были поставлены.

Мы с Юрием Алексеевичем познакомились в конце 1980-х гг. и с тех пор начали тесно и плодотворно сотрудничать. У нас оказался общий профессиональный интерес историков к трагическим судьбам представителей династии Романовых, которые погибли во время Гражданской войны в России. Данная тема длительный период в Советском Союзе находилась под прессом официальной марксистско-ленинской идеологии, а временами под прямым «табу». В силу того, что Ю.А. Буранов являлся сотрудником ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ), а я отдела изучения и публикации документов ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ), то мы знали гораздо больше о тех трагических событиях, чем сообщалось в открытой печати. Многие аспекты этой темы составляли государственную тайну, а документы и ряд печатных изданий находились в «спецхранах». Для нас история государства Российского не делилась на

историю дореволюционную и историю советскую, а составляла одно целое, т. е. историю нашей державы, со всеми ее взлетами и падениями, как звенья неразрывной цепи. Мы стремились «докопаться до правды», установить истину и показать реальный образ последних «венценосцев» и членов императорской фамилии в истории нашего отечества. Это стремление поддерживалось в нас и тем, что Юрий Алексеевич родился на Урале, где многие Романовы по «року судьбы» окончили свой скорбный, земной путь. У меня также с малолетства был интерес к данной теме, т. к. моя бабушка Евгения Николаевна Соколова со стороны мамы и ее родня были почти из тех же мест, что и имеющий известность однофамилец, белогвардейский следователь «царского дела» Н.А. Соколов. К тому же мне довелось, с первых шагов профессиональной деятельности историка-архивиста, обнаружить неизвестные ранее документы об убийстве великого князя Михаила Александровича (брата царя). Они, к моему удивлению, во многом расходились с официальной версией. Хотя в советской историографии, в те времена, как теперь хорошо известно, часто эти события искажались или вовсе замалчивались. Яркий пример тому популярная книга М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз»2. Когда я учился в МГИАИ и аспирантуре, то эта тема была во многом еще «закрытая», но интерес к «тайне века» у меня остался на всю жизнь. В сентябре 1990 г. появились первые наши с Ю.А. Бурановым совместные опубликованные работы, посвященные судьбе Михаила Романова3 и его последнему дневнику4. Вскоре мы опубликовали еще один документальный очерк, посвященный алапаевским мученикам5. Наши труды были замечены. Мы получили предложение по заключению договора с издательством «Прогресс» на подготовку книги очерков по этой теме. Предложение было принято, и мы приступили к работе. Каждый из нас, прежде всего, продолжал изучать и описывать события по документам архивов, где мы работали, делясь между собою необходимой информацией и уточнениями направлений для дальнейшего поиска еще неизвестных материалов. Конечно, работа не ограничивалась только архивами и библиотеками. На последнем этапе Юрий Алексеевич (после согласования нами некоторых спорных вопросов и совместного редактирования окончательного текста) рукопись отдал на перепечатку. Мы предварительно договаривались не писать о том, о чем до конца еще не знаем или имеем на какие-то события различные точки зрения. Однако таких спорных моментов было немного. Этой позиции мы придерживались и в дальнейшем, в наших совместных работах. Об этом мы открыто указали во введении книги. В частности, мы подчеркивали, что в ней «не рассмотрена в деталях сама акция екатеринбургского расстрела». Эти вопросы мы оставили до поры «за кадром», для дальнейшего изучения, т. к. сроки сдачи рукописи были весьма напряженными, а писать чтото спонтанно, о чем еще сами не имели до конца четкого представления, посчитали не

приличным. Тем временем страна вслед за «горбачевской перестройкой» катастрофически втягивалась в эпоху «великих перемен». Каждый из наших соотечественников мог реально почувствовать в конце XX в. на своем личном опыте катаклизмы смены строя, подобно тем, что были в начале века после Февральской революции и «октябрьского переворота» большевиков. Те, казалось, далеко отодвинутые от нас во времени события, как бы вновь стали нашей реальностью переживаемого момента, хотя и зеркально отраженными, но с теми же разрушительными последствиями для страны. Наша надежда на появление книги также подверглась многим испытаниям, в том числе неопределенным и тревожным ожиданиям. В это время по предложению редакции популярного журнала, как пробный шар, мной была предпринята публикация документальных очерков6 на Урале по материалам ГА РФ (ЦГАОР СССР). В издательстве «Прогресс» дело, наконец, сдвинулось с места. К сожалению, квалификация нашей машинистки, как выяснилось, оказалась далеко не во всем на высоте. К тому же издательство в силу быстро меняющихся различных обстоятельств сократило на ходу объем книги на несколько авторских листов и, практически, без должного с нами согласования выпустило ее в свет. Книга вызвала большой интерес читателей и историков (вскоре была переиздана в Польше), но в нее даже не был вложен вкладыш, с допущенными опечатками и в связи с сокращением текста, вкрадшимися неточностями. Некоторые из них, по нашему мнению, выглядели нелепо. Так, например, всем хорошо известный один из участников убийства Григория Распутина князь Ф.Ф. Юсупов (граф Сумароков-Эльстон, младший) был напечатан через запятые, и вместо одного лица оказалось как бы несколько. Значительная часть текста о великом князе Николае Николаевиче (младшем) была вовсе опущена, а вместо образовавшейся «дыры» появилась строка: «Сам Николай Николаевич до Ставки не доехал, а должность Верховного главнокомандующего по решению Временного правительства занял генерал Алексеев»7. На наш взгляд, были явно видны вырезанные места, имелся в нескольких случаях сбой и опечатки в сносках. Тем не менее книга до сих пор актуальна. Как с горькой иронией позднее шутил Юрий Алексеевич: эта книга своеобразный «лакмусный тест» на самодеятельных плагиаторов от истории. По ней можно судить, кто в своих трудах честно ссылается на нее, а кто заимствует материал, ссылаясь только на наши, в ряде случаев, сбитые архивные сноски, но на самом деле не утруждался побывать в архивах и заглянуть в дела. И это легко доказать. Конечно, для нас утешение слабое. Поэтому в данном издании я даю на используемые материалы современные сноски, тем более что ряд архивных дел теперь получили новую шифровку, в связи с переработкой некоторых описей документальных фондов. Я, прежде всего, высказываю свою точку зрения на описываемые события, в необходимых случаях, отмечая иную

позицию Юрия Алексеевича, особенно на так называемую «записку Юровского». Мне думается, что он бы не возражал против такого подхода и не оказался на меня в обиде. Кто пожелает провести самостоятельный источниковедческий анализ, тот может найти список наших трудов и публикаций архивных материалов в конце книги. Исследователям необходимо учитывать, что нами предпринимались и отдельные независимые друг от друга самостоятельные публикации документов, статей и других трудов по разным аспектам «романовской темы», где, в ряде случаев, каждый из нас высказывал свой личный взгляд на те или другие «спорные для нас» проблемы.

Хотел бы специально подчеркнуть, что серию изданий, посвященных конкретным судьбам трагически погибших представителей династии Романовых, мы с Юрием Алексеевичем Бурановым намечали давно, но труднодоступность разработки материалов и дефицит времени ограничивало, к сожалению, наши возможности. Только теперь мне удалось кое-что сделать из ранее задуманного, в частности, написать книгу о жизненном пути великого князя Михаила Александровича. Мы участвовали и в других проектах документальных изданий по истории Императорского Дома Романовых8. В этой работе постоянно помогал мой сын А.В. Хрусталев. Однако жизнь не предсказуема и случилось так, что в начале 2005 г. они неожиданно один за другим ушли из нашего мира. В данном издании содержится не только наш с Ю.А. Бурановым многолетний совместный труд по поиску материалов, но и посильно оказанная помощь моего трагически погибшего сына Андрея. Несмотря на то, что после их смерти прошло восемь лет, но светлая память о них останется в сердцах многих, кто их знал лично, а также, надеюсь, и их читателей, навсегда. Поэтому мною в этой книге повествование часто ведется от множественного числа: мы, – и не только в честь их памяти (они со мной будут вечно), но и в знак нашей общей признательности труда многих поколений архивистов, которые сумели сохранить исторические реликвии до наших дней. Я не решился отступать в данной книге от апробированной нами ранее формы изложения материалов в виде исторических очерков и документальной хроники событий. Частично я сохранил структуру и текст нашей прежней книги, лишь уточняя и дополняя его, так как он дает верные общие представления о событиях того времени. Во многом это мой ответ на пожелания наших читателей. Однако, в какой-то степени, это другая книга, поэтому изменено ее название и продлено повествование до нашего времени. Конечно, в одном произведении невозможно ответить на все вопросы данной темы, но каждый из вас может найти интересующий материал в наших других брошюрах и сборниках документов. Мы иногда слышали упреки, что в наших совместных прежних трудах9 имеется много цитирований источников. Однако мы это делали сознательно, т. к. считали своей главной задачей показать документы и

не говорить о том чего не знаем или не нашли каким-то версиям достоверного документального подтверждения. Мы старались следовать девизу и словам Л.Н. Толстого, который подчеркивал: «Эпиграфом к истории я бы написал: ничего не утаю». Такая форма изложения, по нашему мнению, позволяет показать подлинность образов исторических личностей, передает дух эпохи, создает впечатление присутствия и соучастия в минувших событиях. Мы приводили взгляды на одни и те же события того времени представителей лагерей различной политической направленности, что, в какой-то мере, могло бы приблизить нас к установлению истины. Кроме того, ссылки на исторические источники в наших работах позволяют заинтересованным исследователям и читателям при желании обратиться к ним непосредственно, расширить свой кругозор, относительно тех фактов, которые привлекли их внимание. Я стремился как профессиональный историк-архивист не навязывать своих взглядов другим, а говорить с тем, кто взял в руки эту книгу максимально языком исторических документов, оставляя за заинтересованным читателем право выводов, т. к. народная мудрость утверждает: «Сколько человек, столько мнений». А мнения могут у каждого человека со временем меняться, в зависимости от приобретенных новых знаний на пути постижения истины. Прежде всего, к этому мы и стремились в наших трудах, т. е. самим приблизиться к истине и показать нашим читателям путь к ней. Хотя на практике хорошо известно, что этот процесс бывает бесконечным. Я хотел бы обратить внимание читателей на ряд особенностей повествования данной книги. При цитировании исторических источников, для облегчения понимания их содержания мною дается в круглых скобках текст соответствующих примечаний (выделенной курсивом пометкой. – *В.Х.*), а также в квадратных скобках восполняемые по смыслу недостающие отдельные слова и восстанавливаемые части слов. В угловых скобках воспроизводятся слова рукописей трудные для прочтения или поврежденных мест документов, что допускает варианты их другого воспроизведения. В необходимых случаях пространные комментарии приводятся внизу страницы, под строкой. Передача текста соответствует правилам публикации исторических документов. Данный труд, прежде всего, результат наших многолетних изысканий архивных материалов, многие из которых неизвестны даже профессиональным историкам.

Кардинальные преобразования в России «во времена великих перемен» в конце XX – начале XXI в., так же как и на заре минувшего мятежного столетия, очередной раз перевернули наше коллективное общественное сознание, взгляд на собственную историю. Мы вновь оказались, словно в другой стране. И только в последнее время пришло понимание целостности и преемственности развития нашей державы, ее политики, экономики и культуры, в какой-то мере стала восстанавливаться «связь времен».

Хроника «смутного времени», зафиксированная в личных документах членов Императорского Дома Романовых, с фотографической точностью отражает реалии истории того периода. Знакомство с уникальными архивными реликвиями, анализ, хотя, в какой-то степени, и известных, но отдаленных от нас во времени событий целой эпохи, помогут лучше понять действительность и ответить на многие вопросы, волнующие общество сегодня.

Введение

Государство Российское в 2007–2008 гг. отметило несколько знаменательных дат. Прошло 90 лет со дня свершения события мирового значения. Весной 1917 г. в России, а вернее, в отдельно взятой столице Российской империи г. Петрограде, в считаные дни произошел бунт или переворот, который вошел в анналы всемирной истории как Февральская революция. Ее кульминационным моментом было свержение монархии. Это положило начало конца Российской империи и более чем 300-летнему правлению династии Романовых. Историки проанализировали причины падения самодержавия в России и рассказали о том, как это произошло, хотя еще и не с достаточной полнотой, принося порой объективность в жертву политике. За реальными событиями часто отсутствовали неугодные исторические персонажи – люди, бывшие непосредственными их участниками. Ход истории порой зависит от волевого решения отдельной личности, облеченной властью. Понять это решение часто до конца можно, лишь взглянув на него не только через призму объективных обстоятельств и событий, но и сквозь субъективное преломление черт характера того или иного действующего лица, стоящего у руля государства. Другими словами, выяснив «роль личности» в истории.

2008 г. знаменателен еще двумя тесно связанными между собою памятными датами, о которых в недавнем прошлом официальные власти предпочитали не вспоминать. Это 140-летие со дня рождения Государя императора Николая Второго[1] и 90-летие со дня трагического убийства царской семьи в Екатеринбурге на Урале и ряда членов императорской фамилии в Перми и Алапаевске[2]. Несмотря на то, что существует множество исследований, особенно за границей, посвященных судьбам Романовых в 1917–1919 гг., здесь много еще остается неясного.

Династия Романовых начала в 1613 г. свое служение на Российском Престоле в драматический момент истории: угрозы потери страной национальной независимости, в период «смутного времени» и польского нашествия. За 304 года правления династии Российская империя стала мировой державой, занимавшей 1/6 Земного шара и реально влиявшей на судьбоносные процессы

развития цивилизации. Каждый седьмой человек планеты в то время проживал в нашей стране. Она обладала колоссальными природными ресурсами. По своему экономическому развитию Российская империя в начале века входила в пятерку передовых государств мира, а по темпам промышленного роста находилась среди лидеров. Однако она опять очутилась в силу стечения неблагоприятных роковых обстоятельств, благодаря многочисленным враждебным внешним и оппозиционным внутренним силам, на пороге национальной катастрофы. Одной из причин крушения державы явилось и то, что Императорский Дом Романовых, насчитывающий к тому времени 65 человек, 16 из которых носили титул великого князя, оказался расколотым. Позднее многие сторонники монархии, оказавшись в эмиграции, с горечью констатировали, подобно генералу Н.А. Епанчину, что некоторые: «Великие князья изменили Государю дважды: и как Императору, и как Главе Императорского Дома».

Сегодня общепризнанно, что в истории России XX в. имеется еще множество «белых пятен», которые только теперь раскрывают свои тайны. Таким «белым пятном» является один из поворотных моментов мировой и отечественной истории: неожиданное крушение и гибель Императорского Дома Романовых в феврале – марте 1917 г., не так давно (в 1913 г.) торжественно отпраздновавшего 300-летнее правление великой державой. До того были отмечены в Российской империи знаменательные события мирового значения: 200-летие победы русских войск над шведами под Полтавой и 100-летие Бородинского сражения под Москвой с «покорителем мира» Бонапартом Наполеоном. Таким образом, в каждом столетии во время правления династии Романовых были еще раз на деле подтверждены знаменитые, ставшие символическими, слова Святого князя Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

В истории России смена монархов или проведение крупных реформ часто кончались большими государственными потрясениями, а порой начиналась новая эпоха. Так, добровольное отречение от трона в 1825 г. наследника Константина в пользу своего брата Николая I Павловича послужило поводом к восстанию декабристов. Вынужденное отречение от власти императора Николая II и передача ее великому князю Михаилу Александровичу породило в чем-то схожую для судьбы монархии ситуацию в дни Февральской смуты 1917 г. До сих пор остаются открытыми вопросы: имел ли право Николай II передавать трон младшему брату? Почему Михаил не решился взять корону или не уступил право на нее следующему из династии Романовых, а отложил этот вопрос до решения Учредительного собрания? Почему члены Временного правительства, боровшиеся с царским режимом под лозунгом требования «правительства доверия», придя к власти, фактически с первых шагов избавились от «пут

парламента» и устранили Государственную думу? Насколько правомочно провозглашение Временным правительством 1 сентября 1917 г. в России республики, т. е. до вынесения решения Учредительным собранием, к созыву которого само всех призывало? Почему большевики разогнали Учредительное собрание и расстреляли демонстрацию простого народа, который выступил в его поддержку, тем самым напомнив в какой-то степени своими действиями события «кровавого воскресенья 1905 г.», и положили начало Гражданской войны в России?!

Окончательное крушение Дома Романовых, начавшееся «отречением от престола» двух «венценосных» братьев, было началом пути к гибели не только царской семьи, убитой в Екатеринбурге, но и группы членов императорской фамилии, казненных в 1918–1919 гг. в Перми, Алапаевске и Петрограде. Проследить их крестный путь, который пролег через унижения, клевету, аресты, ссылки, тюремное заключение и мученическую смерть, является одной из главных задач нашей работы. При сопоставлении фактов их гибели, прослеживаются, как нам представляется, контуры единого плана осуществления кровавой акции по уничтожению представителей династии Романовых.

По большому счету крушение Императорского Дома явилось отправной точкой скорбного пути к гибели не только последних российских «венценосцев», но многих сотен тысяч наших рядовых соотечественников в годы Гражданской войны, а впоследствии миллионов жертв за колючей проволокой сталинского ГУЛАГа, включая невинных детей, стариков и женщин. Чтобы разобраться в сложном переплетении событий тех лет, обратимся к документам и историческим фактам.

Определенно можно сказать, что к последнему русскому царю, которого называли не иначе как Николай Кровавый, российские историки, за исключением немногих (да и то в последнее время), мягко говоря, отнеслись несправедливо. В течение длительного периода на самодержца, который мог бы быть почти нашим современником (например, германский император Вильгельм II жил с 1859 по 1941), обрушивали поток клеветы, измышлений и ненависти. Его имя систематически дискредитировалось, так что многим становилось ясно: все это было планомерной акцией по вытравливанию из сознания простого русского народа (веками чтившего монарха, как одну из величайших своих национальных святынь) малейшей памяти об этой, несомненно, незаурядной личности, хотя и не лишенной человеческих слабостей.

Если следовать афоризму, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое», то необходимо установить последовательность и объективность событий, предшествующих крушению царской России. Надо, прежде всего, показать на документальной основе «отречение» Николая II и его брата, великого князя Михаила Александровича, от трона, а также проследить последующую трагическую судьбу представителей императорской фамилии. Мы стремились показать все эти события в восприятии и действиях представителей противостоящих лагерей, как явных монархистов, так и либералов, и непримиримых революционеров. Современники тех событий пророчески отмечали: «История императора Николая II и его царствования нелегко дается историкам. Уже теперь на фоне ее вырисовываются два противоположных, могущих казаться исключающими друг друга явления: 1) чрезвычайный, почти неслыханный рост благосостояния русского народа почти во всех областях государственной жизни и 2) трагический конец царствования, бросивший великую страну в омут неслыханных бедствий, поставивших ее на край бездны…» На пути исследователей стоит много преград. Это не только труднодоступность или порой отсутствие документальных данных, но и сложность понимания и объяснения причин происходившего в те годы многоаспектного исторического процесса.

Катастрофе Российской империи в немалой степени способствовало всепожирающее пламя Первой мировой войны, в горниле которого жертвами пали еще две династии: Гогенцоллернов в Германии и Габсбургов в Австро-Венгрии. Парадоксальность событий заключалась в том, что в открытом военном противостоянии столкнулись и рухнули три старейших европейских Императорских Дома, некогда стоявших единым щитом против наполеоновских притязаний на мировое господство. Последствия катастрофы оказались в какой-то степени трагичными не только для народов поверженных стран, но и для судеб мировой цивилизации. В России и Германии вскоре возникли тоталитарные режимы, хотя и с разными векторами направленности, но с одинаковыми притязаниями на нераздельное политическое влияние на нашей планете.

В данной работе автором делается попытка раскрыть наиболее неясные страницы в судьбе погибших членов императорской фамилии, включая многодетную царскую семью, в годы Гражданской войны. Вместе с тем здесь кратко говорится и о судьбе тех, кто сумел выехать за пределы России и тем спасти свою жизнь.

Книга написана на основе документов, в ряде случаев неизвестных не только широкому кругу читателей, но и профессиональным историкам. В ней

привлечены материалы «Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших царских министров и прочих должностных лиц» (ЧСК) при министре юстиции Временного правительства, документы и материалы, журналы заседаний и постановлений Царского и Временного правительств, ВЦИК, Совета Народных Комиссаров РСФСР. Нами использованы документы Наркомата юстиции, НКВД, ВЧК и местных ЧК, а также других советских органов власти. Мы привлекли материалы российской эмиграции (в частности, РЗИА[3]) и белогвардейских правительств, в том числе следственные дела по убийству царской семьи, составленные судебным следователем Н.А. Соколовым и прокурором В.Ф. Иорданским. Широко использовали документы из личных фондов царской семьи (в том числе дневники, письма и т. п.), великих князей и других представителей императорской фамилии и их ближайшего окружения. Отметим, что среди этих материалов имеются дела, сформированные Екатеринбургским Совдепом во время пребывания Романовых в ссылке весной и летом 1918 г. на Урале, изъятые после их расстрела и привезенные Я.М. Юровским в Москву. Удалось также выявить документы, воспоминания и свидетельства охранников и палачей Романовых. Все это в комплексе с печатными и архивными источниками, мемуарами и периодической печатью позволяет последовательно проследить развитие событий по уничтожению династии Романовых, вскрыть «тайные пружины» осуществления этой планомерной и кровавой акции. При этом мы стремились говорить с читателем максимально именно языком документов, оставляя за ним право выводов.

Прежде чем говорить о трагических судьбах Романовых и о грехах, в которых их обвиняют, необходимо хотя бы в общих чертах представлять, чем являлась Россия на рубеже веков? С каким экономическим и культурным потенциалом она вступила в полосу сценария, по которому через короткий промежуток времени развернулись упомянутые нами трагические события в Перми, Екатеринбурге, Алапаевске и Петрограде. Эта точка зрения аргументируется неизвестными ранее документами. В частности, это последние дневники великого князя Михаила Александровича и царской четы; протоколы допросов свидетелей по «царскому делу и убийству великих князей», составленные белогвардейским следствием. С другой стороны имеются материалы ВЧК и советских властей. Среди них воспоминания и свидетельства палачей, охранников, служащих советских учреждений, а также сообщения прессы с последующей дезинформацией о судьбе Романовых и другими материалами.

Временное правительство в обстановке разжигания и растущей ненависти толпы, требующей казни всех Романовых, с трудом сохранило им жизнь. Но при этом, как свидетельствуют документы, не встретив должной поддержки со

стороны союзников (Антанты) и некоторых влиятельных зарубежных «венценосных родственников» русской династии, не сумело отправить царскую семью и ряд великих князей за пределы страны. Последствия этого были трагичны.

Мы обращаем внимание читателей на тот факт, что Совнарком, в какой-то мере, «унаследовал» от Временного правительства «вопрос» судьбы Романовых.

Советское правительство до определенного момента продолжало политику своих предшественников, но затем пошло на более жесткие меры. Весной 1918 г. 13 членов Императорского Дома были привезены на Урал. Возможно, в это же время разрабатывался и план их уничтожения в случае обострения политической и военной обстановки.

Политическая и криминальная акция чекистов по похищению и убийству великого князя Михаила Романова в Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. была генеральной репетицией того сценария, по которому в дальнейшем развернулись трагические события в Екатеринбурге и Алапаевске.

Особенно убедительно контуры общего плана по осуществлению уничтожения Романовых на Урале прослеживаются в «алапаевской трагедии». Спустя сутки после расстрела царской семьи в Екатеринбурге, в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. в шахте под Алапаевском была тайно чекистами убита варварским способом группа великих князей и родная сестра царицы великая княгиня Елизавета Федоровна. Документы белогвардейского следствия по этому делу прокурора В.Ф. Иорданского, а с другой стороны материалы ЧК, свидетельствуют, что в Алапаевске также был использован весь предшествующий и апробированный арсенал средств: тайное убийство, поданное как «бегство», и последующая дезинформация общественного мнения в прессе. Однако всё тайное становится рано или поздно явным, и следы содеянного преступления большевиков были обнаружены, а его участники полностью изобличены.

Не меньшей таинственностью была окружена казнь царской семьи в полуподвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, что породило массу версий. И здесь чекисты первоначально пытались организовать «бегство» Романовых. Этот замысел с помощью провокационных «подметных писем офицера» не удался, и была расстреляна вся царская семья, включая детей и приближенных. Советское правительство признало только факт казни Николая II. Раскрытие тайны убийства всей царской семьи в РСФСР последовало лишь в 1921 г. после появления сначала статьи, а затем и книги бывшего члена Екатеринбургского Совдепа П.М. Быкова «Последние дни Романовых» (Свердловск, 1926). Вся последующая советская историография отражала официальную версию,

выводившую Совнарком из-под прямой ответственности по принятию решения о расстреле Романовых, приписывая эту инициативу и перекладывая ответственность на местные власти – на Уральский областной Совет. Этот богатый криминальный «опыт» был использован большевиками на практике и позднее, в аналогичной ситуации при расстреле адмирала А.В. Колчака в Сибири. Казнь «верховного правителя» и на этот раз была преподнесена как инициатива и вынужденная мера местного ревкома. Однако документы, изобличающие роль вождей «мировой революции» в данной секретной акции по ликвидации врага Советской власти, утаить не удалось. Теперь они опубликованы, включая секретные прямые предписания В.И. Ленина. Примечательно, что в конце января 1919 г. в Петрограде большевиками были открыто и демонстративно расстреляны великие князья: Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий и Николай Михайловичи, – с помещением об этом сообщения в периодической печати. Их могилы на территории Петропавловской крепости до сих пор неизвестны. Казнь великих князей чекистами в Петрограде была совершена, как утверждалось позднее, в ответ на арест и затем убийство революционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург в Германии.

В последние годы в России, после длительного замалчивания, появился целый ряд статей и публикаций (на основе «записки» чекиста Я.М. Юровского), в которых приводятся некоторые детали обстоятельств убийства царской семьи. Однако в этом потоке сообщений часто содержатся отрывочные и порой противоречивые сведения, основывающиеся не на документальных фактах, а на предположениях и логических умозаключениях. Порой эти сообщения не только не приближают к раскрытию тайн гибели династии Романовых, но и ведут к созданию новых мифологических версий. Только разработка архивных документов в центральных и местных государственных архивах, в том числе включая ведомственные материалы ВЧК-ОГПУ-МГБ-КГБ-ФСБ, позволит приблизиться к раскрытию «белых пятен» в крушении и гибели Дома Романовых.

4–6 июля 1991 г. под Свердловском на Урале было официально вскрыто захоронение с останками царской семьи, которые еще ранее были обнаружены местными энтузиастами во главе с геологом А.Н. Авдониным и известным киносценаристом Г.Т. Рябовым. Более года шла экспертиза данных материалов «тайного захоронения» криминалистами местной прокуратуры. Однако скоро выяснилось, что «уголовное дело» не имеет перспектив, и оно было закрыто Свердловской областной прокуратурой «за давностью лет» совершенного преступления. В периодической печати появился целый ряд острых критических статей на эту тему. Итогам этого же расследования была

посвящена Международная конференция, которая состоялась 27–28 июля 1992 г. в Екатеринбурге. Позднее этой проблеме были посвящены еще ряд научных конференций, которые, однако, не дали окончательного ответа и оставили многие вопросы открытыми, в том числе о «подлинности» обнаруженного земного последнего пристанища императора. (См.: «Тайна Царских останков. Материалы научной конференции “Последняя страница истории царской семьи: итоги изучения екатеринбургской трагедии”». Екатеринбург, 1994.)

Через некоторое время это «дело» неожиданно вновь было «реанимировано», но уже в Москве. По указанию Генерального прокурора Российской Федерации 19 августа 1993 г. было возбуждено уголовное дело, которому был присвоен № 16/123666. Ведение следствия поручили старшему прокурору-криминалисту В.Н. Соловьеву.

23 октября 1993 г. распоряжением председателя Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдина была создана специальная «Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи», работу которой возглавил Ю.Ф. Яров. Целью комиссии, судя по архивным документам, являлось: на основе «достаточности и достоверности исследований выдача рекомендаций Правительству по захоронению останков царской семьи и их приближенных». Работе специальной государственной комиссии под председательством Ю.Ф. Ярова – Б.Е. Немцова и ходу проведения следствия Генеральной прокуратурой Российской Федерации нами будет уделено особое внимание.

Так была перевернута еще одна таинственная страница, связанная с историей гибели династии Романовых. По мнению некоторых исследователей и общественных деятелей, данная тема из области исторической перешла в разряд политической проблемы.

Наша книга, конечно, не исчерпывает всей полноты темы, но надеемся, что она позволит раскрыть новые неизвестные страницы истории последних лет Дома Романовых для многих читателей, разрешит по-новому взглянуть на, казалось бы, всем знакомые и в то же время незнакомые исторические факты Российского государства.

В июле 1998 г. состоялась церемония торжественного захоронения при всем народе останков императора Николая II и членов его семьи в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Это событие было неоднозначно встречено как в России, так и мировой общественностью. В частности, на похоронах был

первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин, но не было Патриарха и официально РПЦ дистанцировалась от этой «политической акции» (по мнению некоторых). Тем не менее царская семья была канонизирована по решению церковного архиерейского собора в августе 2000 г. в Москве, а еще ранее в октябре – ноябре 1981 г. это было сделано РПЦЗ в Вашингтоне (США).

Следует еще раз отметить, что в последние годы внимание российского общества было привлечено к судьбе царской семьи рядом обстоятельств: вскрытие тайного захоронения «бывших узников Ипатьевского дома» под Екатеринбургом и торжественное погребение их по православному обряду в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга; возвращение на родину части подлинных документов: следственного «дела об обстоятельствах убийства царской семьи и представителей Российского Императорского Дома Романовых на Урале» (архив белогвардейского следователя Н.А. Соколова); причисление последнего императора и его семьи к лику страстотерпцев Поместным архиерейским собором РПЦ в августе 2000 г.

В начале 2008 г. было широко объявлено в средствах массовой информации об обнаружении (еще осенью 2007) под Екатеринбургом отсутствующих ранее в «тайном царском захоронении» останков младших Романовых: цесаревича Алексея Николаевича и его сестры Марии. Автор имеет в отношении всех этих событий свое мнение.

Мы считаем, что академический труд по установлению истины, тех далеких и трагических событий начала XX столетия, еще впереди. Наша первоочередная задача обозначить эту проблему и попытаться дать ответы на некоторые из ранее поставленных нами вопросов.

Мне бы не хотелось, чтобы эта книга углубляла размежевание российского общества относительно различных политических ориентаций, а послужила только для того, чтобы каждый задумался об истинном предназначении России на своем жертвенном пути развития цивилизации и роли каждого из нас в общей судьбе нашего Отечества. Как известно, все события в этом мире взаимосвязаны. Особенно понимаешь это «во времена великих перемен». Такие времена пережили представители династии Романовых: революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, крушение прежнего мира в 1917 г., начало пожара Гражданской войны и всеобщей разрухи в России. Известно, что история общества развивается по спирали своеобразными циклами, которые, в какой-то мере, повторяются на новом этапе своего пути. Многие события «смутного времени» были зафиксированы в личных дневниках, письмах и других документах бывших «венценосцев». Сегодня, читая эти исторические

реликвии, невольно возникают и напрашиваются сравнительные аналогии с нашим неспокойным, переломным периодом конца XX – начала XXI в. Это неудивительно, т. к. мы являемся очевидцами многих событий и исторических уроков, которые уже переживала и проходила многострадальная наша отчизна. История предупреждает от повторения ошибок, а порой и наказывает нерадивых учеников новыми испытаниями. Попробуем связать и проследить историческую нить времен, которую неоднократно пытались оборвать и начать сначала, но на свой лад временщики России.

Я вижу, как рушатся царские троны,

Когда их сметает людской ураган,

Республику сделает хуже коровы

И белых и красных жестокий обман.

Из «Центурий» Нострадамуса

Глава I

Коллективный портрет на историческом фоне

Говорить о царствовании Николая II – легко, говорить о личности последнего самодержца России – трудно. И не только потому, что царствование его было у всех на виду, а личная жизнь скрыта, но еще и потому, что любой человек неповторим и это всегда загадка, тайна и мистика. Это тем более трудно сделать в отношении императора Николая Александровича и его супруги императрицы Александры Федоровны (урожденная немецкая принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская) – натур сложных и противоречивых, вокруг которых до сих пор в общественном мнении бытуют взаимоисключающие характеристики.

Часто о личности мы судим не только по словам, но по выражению глаз и улыбке, по чертам характера, по делам и поступкам. Порой слово, случайно сорвавшееся с уст, характеризует героя гораздо ярче и правильнее, чем целая речь, заранее им обдуманная и произнесенная, но не отвечающая его убеждениям, а служащая для достижения поставленной цели. Поэтому к пониманию сути «венценосных особ», по нашему мнению, легче подойти путем знакомства с отдельными фактами и эпизодами из их жизни, так внезапно и трагически оборвавшейся. Монархист В.В. Шульгин говорил, что «цари живут в стеклянных дворцах – все, что делается в их стенах, становится сейчас же

известно». Пристально всмотримся в черты портрета императорской семьи, чтобы лучше понять как их самих, так и ход исторических событий.

* * *

В мятежное время Февральской и Октябрьской революций, да и после гибели Николая II, периодическая печать и многочисленные мемуары современников отмечали фатальность судьбы бывшего царя. Газеты и журналы, отдающие дань повальному увлечению читателей «оккультными науками» и сеансами спиритизма, пестрели подобного рода заметками:

«Число 23 в жизни Николая II.

– …Видите ли, – серьезно ответил мне астролог, – …в жизни Николая II, несомненно, странную роль играет число 23. Родился он 6 мая (по старому стилю) 1868 года; 23 апреля по старому стилю как раз будет 6 мая по новому; сумма цифр рождения 1 + 8 + 6 + 8 тоже = 23. Если затем к году рождения – 1868 – прибавим 23, то получим – 1891, год, когда на Николая – и именно 23 апреля – в Токио покушался японец Санзо Цуда.

Далее: Николай вступил на престол в 1894 году, если к этому числу прибавить 23, то получим – 1917, год его отречения. Царствовал он 23 года. Наконец – именины женщины, сыгравшей такую роль в его жизни, Александры Федоровны – 23 апреля…

Интересно, что сумма цифр 1917 равна 18-ти, то же, что у другого трагического для русского абсолютизма года 1881-го, года, когда был убит Александр II, и, собственно говоря, началась русская революция…»

Заметка относится к лету 1917 г., грешит рядом неточностей, но заканчивается прозрачным намеком на обреченность бывшего «помазанника Божия». Если быть точными и продолжать подобную арифметику, то Государь император Николай Александрович царствовал 22 года, 4 месяца и 18 дней, вступив на Российский престол 26 с половиной лет от роду.

По продолжительности царствования он занимал в ряду русских императоров шестое место, уступая лишь Петру Великому, Екатерине II, Александру I, Николаю I и Александру II.

Наличие религиозного мистицизма в характере Николая II отмечал французский посол в России Морис Палеолог: «Однажды Столыпин предлагал Государю важную меру внутренней политики. Задумчиво выслушав его, Николай II делает движение скептическое, беззаботное, движение, которое как бы говорит: “Это

или что-нибудь другое, – не все ли равно”… Наконец, он заявляет грустным голосом:

“Мне не удается ничего из того, что я предпринимаю, Петр Аркадьевич. Мне не везет… К тому же человеческая воля так бессильна”…

Мужественный и решительный по натуре, Столыпин энергично протестует. Тогда царь у него спрашивает:…

– Знаете ли вы, когда день моего рождения?

– Разве я мог бы его не знать?

– Шестого мая. А какого святого праздник в этот день?

– Простите, Государь, не помню.

– Иова Многострадального.

– Слава Богу, царствование Вашего Величества завершится со славой, так как Иов, смиренно претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божьим и благополучием.

– Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие. У меня в этом глубокая уверенность. Я обречен на страшные испытания; но не получу моей награды здесь, на земле… Сколько раз применял я к себе слова Иова: “…Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне”»10.

В самом деле, какой-то злой рок, казалось, отметил его судьбу скорбной печатью. Шла молва, что в день крестин новорожденного великого князя, в то время, когда шествие направлялось из храма под торжественный перезвон колоколов, орден «Андрея Первозванного», жалуемый при рождении каждому члену императорской фамилии, вдруг неожиданно сорвался с подушечки, которую нес церемониймейстер, и с шумом упал на пол. «Недоброе, худое предзнаменование», – роптали суеверные люди. В действительности, как утверждают исторические документы, такого происшествия не было. Однако эта мысль невольно возникала вновь, когда впоследствии царствование Николая II, начавшись страшной ходынской катастрофой в дни коронования императора в Москве, было отмечено печатью многих трагических вех истории российской: неудачная Русско-японская война, революционные события 1905–1907 гг., кровавая бойня Первой мировой войны, всепожирающее пламя революции 1917 г. и гражданской междоусобицы. Предчувствие рока постепенно проникло

в сознание императора, и он знал, что «Господь ведет его по пути Иова», надо только претерпеть, а там дальше… Божья воля.

Следует заметить, что в семье Романовых знали о предсказании святого Серафима Саровского, записанном, по слухам, каким-то генералом и якобы хранящимся в департаменте полиции, гласившем о сыне Александра III приблизительно следующее: «Начало двадцатого века: кровопролитная война. Глад, мор, трясение земли. Сын восстанет на отца и брат на брата. Царствование долгое (чуть не шестьдесят лет), первая половина его тяжкая, вторая светлая и покойная».

Ни задатки юного великого князя Николая Александровича, ни начало жизненного пути наследника престола, казалось, не предвещали трагического финала. Флигель-адъютант А.А. Мордвинов, находившийся долгое время при императоре Николае Александровиче и великом князе Михаиле Романове, описывал случай, рассказанный ему учителем английского языка «венценосных» братьев К.И. Хиссом: «Однажды мы читали вместе с маленьким Николаем Александровичем один из эпизодов английской истории, где описывается въезд короля, любившего простонародье, и которому толпа восторженно кричала: “Да здравствует король народа!” Глаза у мальчика заблистали, он весь покраснел от волнения и воскликнул: “Ах, вот я хотел бы быть таким…”. Это интимное желание быть любимым «многими», «всеми», по преимуществу простыми людьми и притом только русскими, хотя и было запрятано у Николая Александровича глубоко, все же чувствовалось во многих случаях и впоследствии…»11

Впечатления детства, как всем известно, наиболее сильны и памятны. Они в значительной степени определяют позднее весь мир человека и влияют на его психику. Именно в них – в этих «наивных грезах» или «детских страхах» – часто кроются подлинные мотивации многих последующих его действий и поступков.

Большое влияние на формирование личности юного Николая имели его августейшие родители. Позднее Александра Петровна Олленгрэн – воспитательница царских детей, както вспоминала, что получила от Александра III (тогда еще наследника престола великого князя Александра Александровича) устную инструкцию, которой ей следовало руководствоваться: «Ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них (Николая и его брата Георгия. – *В.Х.*) оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь

прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне «фарфора» не нужно. Мне нужны нормальные русские дети. Подерутся – пожалуйста. Но доказчику – первый кнут. Это – самое мое первое требование»12.

Воспитанием мальчиков, в числе прочих, занимался и англичанин мистер К.И. Хисс, который не только научил своих подопечных говорить по-английски, но и в совершенстве стрелять, ездить верхом, ловить рыбу и т. п. Он часто говаривал Николаю: “Пользуйтесь временем, пока Вы еще наследник, прислушивайтесь к правде; Вы еще можете ее изредка слышать, а когда будете царем, никогда уже не услышите”. Но наследник Российского престола усвоил и другое внушение своего наставника генерала Г.Г. Даниловича: “Помните, Ваше Высочество, что каждый из ваших приближенных преследует, прежде всего, свою личную пользу”. Цесаревич с малых лет твердо знал, что «русские цари поставлены самим Богом, что русские цари, как защитники и носители национального духа страны, должны являться для народа последним оплотом отеческой доброты и бесконечной справедливости»13.

Ребенок рос тихий и задумчивый. С ранних лет в нем уже складываются основные черты его характера: чувство долга и самообладания.

«Бывало, во время крупной ссоры с братьями или товарищами детских игр, – вспоминал К.И. Хисс, – Николай Александрович, чтобы удержаться от резкого слова или движения, молча уходил в другую комнату, брался за книгу и, только успокоившись, возвращался к обидчикам и снова принимался за игру, как будто ничего не было»14.

От своих наставников Николай усвоил главное: воспитание не заканчивается в юношеском возрасте. Для того чтобы успешно пройти свой жизненный путь, необходимо постоянно работать над собой, что борьба со своими недостатками и развитие природных способностей и талантов есть нравственный долг каждого человека. Он всю жизнь добросовестно следовал этим мудрым наставлениям, постоянно стремился к самосовершенствованию. Так, например, много лет спустя в беседе с министром С.Д. Сазоновым, когда разговор коснулся свойственной многим людям раздражительности, император Николай II, слегка улыбнувшись, сказал: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого»15.

Некоторые министры затаили на императора Николая II обиду, т. к. бывало в их карьере случаи, когда он их хвалил и награждал за службу, а вскоре отправлял в отставку. Правда, это не исключало, что через какой-то промежуток времени

они могли опять оказаться на ответственных должностях, если их ошибки были не столь велики. Император не любил вступать в дискуссии и детально объяснять, что он хотел от своих подчиненных. Конечно, при желании, как известно, можно научить и «слона играть на барабане», но как говорится в народной поговорке «стоит ли овчинка выделки». Проще было найти другого чиновника на высокий пост, который бы не забывал, что, прежде всего, должны быть интересы государства, а «не своя личная польза». Если между сановниками случались интриги и открытые конфликты, то «самодержец» обычно не выяснял долго, кто прав или кто виноват. Он часто убирал обоих, что являлось острасткой на будущее для других государственных мужей и предотвращало «ведомственные войны». Государственный аппарат, по убеждению императора, должен был действовать как одно целое: четко и слаженно. Императора Николая II его недоброжелатели (особенно в советские времена) упрекали как «никудышного управленца» и не имеющего сильной воли, который не терпел тех, кто начинал своей славой бросать на него тень. Стоит напомнить, что благодаря последнему царю во главе правительства стояли такие выдающиеся личности, как С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, а Российская империя выдвинулась на передовые позиции в мире. Правда, когда как, казалось, всесильный и незаменимый граф С.Ю. Витте за интриги получил отставку, то он посвятил себя написанию воспоминаний, в которых порой сквозит большая обида. В беседе с писателем А.С. Сувориным он с нескрываемым раздражением высказал, что император Николай II не «самоволец, а своеволец». В этом замечании, не правда ли, есть какое-то противоречие тому утверждению, что у царя была слабая воля. Конечно, все познается в сравнении. Вскоре в России наступили времена правления государственного деятеля, в характере которого и даже в выбранном им псевдониме, звучала зловещая воля – И.В. Сталин. Этим деятелем до сих пор некоторые наши соотечественники восхищаются, как заботливым «отцом народов» и талантливым управленцем, «поднявшего страну с колен» на недосягаемую высоту. Хотя эту страну он и его соратники (общими усилиями) уронили после революций 1917 г. в пропасть анархии и экономического хаоса. Не стоит забывать и о методах управления Сталина, когда начальники выполняли свою должность не столько «на совесть», сколько «за страх». Можно было в любой момент оказаться в тюрьме, на Соловках или попасть под расстрел. Приближенным к Сталину наркомам или министрам нужно было к тому же обладать талантом «приспособленцев» и на интуитивном уровне почувствовать, что желает «вождь народов» или «хозяин». Генеральный секретарь на самом деле обладал властью большей, чем последний самодержец Николай II. Он фактически направлял все свои усилия, как бы усидеть на вершине государственной пирамиды, построенной большевиками. Социальный

мировой эксперимент, основывающийся на сталинском тезисе «обострения классовой борьбы в условиях построения социализма, стоил больших жертв для простого народа. Каждый гражданин нашей свободной социалистической страны в случае малейшего не согласия или роптания оказывался под прессом отлаженной карательной системы ГУЛАГ. Однако путь к всеобщему добру не должен проходить через насилие, иначе добрыми намерениями дорога может быть вымощена в ад. Это не раз бывало во всемирной истории человечества. После смерти диктатора Сталина, даже более либеральные правители России в лице Генеральных секретарей ЦК КПСС часто применяли во многом все те же апробированные силовые методы управления. Так, например, для многих еще памятны события расстрела протестующего народа в Новочеркасске в «хрущевские времена», или усмирения не так давних «беспорядков» в Сумгаите, Тбилиси, Риге, а также последний расстрел «парламента» в Москве, который можно сравнить лишь с расстрелом Кремля большевиками в дни «октябрьского переворота» 1917 г. Однако не будем отвлекаться на проявление «родимых пятен» сторонников жесткой власти, т. к. в народной поговорке говорится: «Горбатого могила исправит». Вопрос лишь в том, стоит ли наступать на одни и те же грабли, которые вновь маячат на нашем пути, еще раз?

Следует заметить, что последний Российский император Николай II начал вести свой дневник в тринадцать с половиной лет и продолжал, практически без пропусков, ежедневно на протяжении почти 36 лет. Подобные дневники вели все члены царской семьи, в том числе и дети, но не с такой поразительной тщательностью. Первые свои регулярные дневниковые записи цесаревич заносил в небольшие памятные книжечки, выполненные типографским способом, где на каждый день были отпечатаны: даты по старому и новому стилю, указаны религиозные праздники, дни рождения и именины членов императорской фамилии и т. п. Каждая такая книжечка имела деревянные маркированные обложки с инкрустацией, выполненной из разных пород дерева. Они были подбиты белым муаром, имели золотой обрез и металлические замочки, которые закрывались маленьким ключиком, что относительно гарантировало тайну их содержания. Судя по записям в дневниках, они не были рассчитаны для посторонних глаз, непосредственны и по-детски искренни, порой однообразны и, вероятно, рассматривались воспитателями наследника престола как одно из обязательных дисциплинирующих ежедневных занятий.

Перелистаем несколько страниц этой реликвии:

«Мой дневник я начал писать с 1 января 1882 г.

1/13 Пятн[ица]. Обрезание Господне. Св. Василия Великого. Празднуется рожд[ение] Его Высочества Великого князя Алексея Александровича. День неприсутственный.

Утром пил шоколад; одевал л[ейб]-гв[ардии] резервный мундир; за завтраком с нами сидели Сандро и Петя; ходили в сад с Папа: рубили, пилили и разводили большой костер; легли спать около 1/2 десятого»16.

Пропустим два дня: **«4/16 [января]. Понед[ельник]. Собор 70 Апостолов.**

Утром я читал "Хижину дяди Тома"; затем пили будничный кофе, или cafe au lait (кофе с молоком. – *В.Х.*); учились в означенные часы; за завтраком были кн. Юрьевская (морганатическая супруга императора Александра II. – *В.Х.*), Гого и беби, катались с Папа в санях и сами благополучно правили; после прогулки работали; у меня немного заболела голова, но к вечеру поутихла; после обеда играли в Арсенале, читали и легли спать в десятом часу.

5/17 [января]. Вторн[ик]. Муч[еника] Феопемпта.

В 3/4 восьмого пили будний кофе; учились; присутствовали на обедне и водосвятии; священник окропляет наши комнаты; Миша (великий князь Михаил Михайлович, флигель-адъютант. – *В.Х.*) был дежурным у Папа; завтракали с нами Миша и Н.К. Гирс; работали в "Зверинце" с Мишей и Mr. Heath; после обедали; затем я играл с Mr. Heath на бильярде и проиграл партию; [готовил] подарки кн. Юрьевской и часы; легли в десятом часу.

6/18 [января]. Среда. Богоявление Господне. День неприсутственный.

В 8 ч[асов] утра пили праздничный кофе; читали; были у Мама; одевали л[ейб]-гв[ардии] Преображенский мундир; были на обедне и присутствовали при водосвятии Серебрян[ого] оз[ера] у Эхо; в строю находились: терцы, кубанцы, сводная рота, 1-й эскадрон кирасирского п[олка].

Затем был большой завтрак – гуляли с д. Гегом (великий князь Сергей Александрович. – *В.Х.*); в 16 [часов] была елка [для] офицер[ов] всего конвоя: я раздавал билеты; после обеда играли в Арсенале; легли в десятом часу…

8/20 [января]. Пятн[ица]. Преп[одобных] Георгия, Емилиана, Григория.

Одевшись, читал "Хижину дяди Тома"; без двадцати минут восемь мы выпили будний кофе; учились; завтракали с нами Елена и Володя Шереметевы; катались в санях: Георгий и я сидели на козлах, и оба поочередно правили, а Папа и Володя сидели сзади; после катания мы пилили, рубили дрова, и Георгий

разводил костер; во время обеда у Георгия заболела голова, и он лег на постель Гоша; затем он закутался в простыню на диване, пока Mr. Duperre читал ему "Groguemitaine". Легли в десятом часу»17.

Первым записям дневника присущи лаконизм и некоторая монотонность, что, впрочем, соответствовало ритму распорядка дня повседневной жизни цесаревича. Иногда, правда, юному Николаю надоедало писать одно и то же, и тогда идут пропуски или подобные фразы: «Ничего необычного не произошло», «Весь день прошел по-обыкновенному».

Главное, по нашему мнению, что дневники цесаревича отражают не только фактологическую сторону происходящих событий в его жизни, но и дают представление о формировании его характера, привычках, склонностях и т. п. Однако по этим записям не видно и следа, что в цесаревиче ощущается превосходство его положения над окружающими, стремление быть лидером или жажды власти над другими. Вот одна из характерных его дневниковых записей 1882 г.:

«Январь. 13/25 Среда. Муч[еника] Ермила.

Встали в семь, читали; без двадцати минут восемь пили будний кофе; учились; у Георгия были опыты из естественной истории; Папа, Мама, Георгий и я принимали две депутации и двух человек особо; мне поднесли превосходно сделанную деревянную тарелку с надписью "Воронежские крестьяне – Цесаревичу" с хлебом-солью и русским полотенцем; завтракали с нами князь и княгиня Оболенские и баронесса Раден; работали в "Зверинце"; после обеда играли в Арсенале, затем я читал, и легли спать в 10-м часу»18.

Уже в это время Николаю было свойственно чувство такта, что отмечалось многими из современников, кто общался с ним. Великий князь Александр Михайлович (друг с детства Сандро) на склоне лет вспоминал о первой встрече с ним в 1875 г. в Ливадии:

«Длинная лестница вела от дворца прямо к Черному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, полный радостных впечатлений, я налетел на улыбавшегося маленького мальчика моего возраста, который гулял с няней с ребенком на руках. Мы внимательно осмотрели друг друга. Мальчик протянул мне руку и сказал:

– Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя в прошлом году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Мое предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться именно с ним. По-видимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись с этого момента, длилась сорок два года. Старший сын наследника цесаревича Александра Александровича, он взошел на престол в 1894 году и был последним представителем династии Романовых…

Ничто не может изгладить из моей памяти образа жизнерадостного мальчика в розовой рубашке, который сидел на мраморных ступеньках длинной Ливадийской лестницы и следил, хмурясь от солнца, своими удивительной формы глазами за далеко плывшими по морю кораблями. Я женился на его сестре Ксении девятнадцать лет спустя»19.

И далее, повествуя о времени коронации императора Александра III в Кремле, великий князь отметил:

«18 мая император отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой – Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.

Лежа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьев над нашими головами, мы четверо – Ники, Жорж, Сергей и я – делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств.

– Подумай, какой великой страной станет Россия к тому времени, когда мы будем сопровождать Ники в Успенский собор, – мечтательно сказал брат Сергей.

Ники улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть-чуть грустной улыбкой»20.

Отметим, что даже влиятельный сановник граф С.Ю. Витте, находившийся в последние годы с Николаем II в довольно сложных отношениях и явно его недолюбливавший, подчеркивал среди своих заслуг и достижений перед Россией решающую роль императора: «В сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это – доверие императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно императору Николаю II»21. И там же в своих воспоминаниях писал: «Во всяком случае, отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II»22.

Дети императора Александра III были обычными нормальными русскими детьми. Несмотря на строгость и авторитет отца, они все же иногда позволяли себе шалить. Особенно часто это случалось, когда вместе с царскими детьми в Гатчине гостили их многочисленные двоюродные и троюродные братья и сестры не только больших семейств великих князей Владимира Александровича и Михаила Николаевича, но и зарубежных родственников. С.Ю. Витте вспоминал о начале своей карьеры при Александре III и впечатлении, произведенном на него царской семьей: «Государь пробыл в Киеве несколько дней. На обратном пути, не помню почему, Андреевский не мог сопровождать поезд, и я заменил его; с Государем приезжали и братья его: Владимир Александрович и Алексей Александрович. Помню, как теперь, что при отходе поезда все мы собрались на вокзале в царских комнатах. Сначала приехали великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович, а затем, через несколько минут, император с императрицей и детьми, т. е. с двумя мальчиками: Николаем, нынешним императором, и братом его Георгием. Оба мальчика страшно шалили; там было много публики, в парадной форме провожающей Государя, и они все время бегали между ногами публики. Вдруг Владимир Александрович хватает за уши наследника Николая и сильно его дерет, говоря: "Я тебе говорю – перестань шалить". Тогда я сказал кому-то, стоявшему около меня, что вот теперь Владимир Александрович дерет его за уши, а пройдет несколько десятков лет, как бы он ему этого не припомнил»23.

Далее Витте делился своими заботами той памятной поездки: «Когда поезд останавливался на станциях, то цесаревич Николай и великий князь Георгий постоянно выбегали из вагона и бегали осматривать буксы вагона и паровоз. Гувернер постоянно говорил им, чтобы они этого не делали, но они всетаки каждый раз выбегали, так что я все время боялся, как бы не оставить на какой-нибудь станции цесаревича Николая и великого князя Георгия»24.

Однако чрезмерные шалости не всегда благополучно сходили с рук царским детям. Если воспитателям не помогали словесные внушения, то в ход могли пойти и другие меры воздействия. В дневнике цесаревича за 29 мая 1882 г. имеется запись: «Мама нам подарила необходимые предметы для рыбной ловли; завтракал д. Пиц (великий князь Павел Александрович. – *В.Х.*); так как Георгий очень шалил за завтраком, то его повели в кусты, сняли панталоны и высекли веткой (попоша от этого странного обращения с ней раскраснелась); катались с Папа и Мама в коляске; ловили рыбу: я поймал трех одинаковых щук…»25

По всеобщему мнению, любимцем Александра III из трех его наследников был младший сын Михаил, краснощекий здоровяк, с веселым и живым характером.

Старшие братья Николай и Георгий не переставали удивляться, какие многие шалости строгий к ним отец прощал Мише. Как бы им досталось за такие вольности?! А в устах Миши эти шутки до слез смешили отца, заставляя его сотрясаться всем могучим телом. Вот одна из подобных сцен из жизни царской семьи: «Взрослые сидят на террасе, возле которой внизу, в песке копается Миша. Бывший в хорошем настроении духа, Александр III взял лейку с водой и, подозвав Мишу, сверху широкой струей забрызгал мальчика. Смеялся Миша, весело грохотал грузный отец, почтительно заливались присутствовавшие.

– Ступай, Миша, переодеваться. Весь, гляди, мокрый. Но Миша заупрямился.

– Ты меня поливал, теперь моя очередь, становись на мое место.

И вот Миша уже на террасе, с лейкой доверху полной водой, теребит отца:

– Скорее, папа, скорее.

Ничего не поделаешь: Александр III, как был в мундире, спускается вниз, становится на место Миши и терпеливо ждет, пока Миша не выльет всего содержимого лейки на лысину отца. Довольные друг другом, возбужденные оба, отец с сыном идут переодеваться»26.

Как говорят, по задаткам юного отрока можно судить о характере мужа. Император Александр III мог оценить шутку и любил сам пошутить над другими.

Великий князь Кирилл Владимирович (старший сын великого князя Владимира Александровича) с теплотой вспоминал о времени, проведенном в детстве в кругу царской семьи: «Если мы не встречали Рождество в Царском, то проводили его с дядей Сашей, тетей Минни и нашими кузенами в Гатчине. Мы нередко ездили туда в течение года, но Рождество в Гатчине являлось особым поводом для сбора семьи.

Мы восхищались нашими старшими кузенами и несколько завидовали им, потому что они могли делать то, до чего мы еще не доросли.

Миша был любимцем дяди Саши, и мне тоже он очень нравился своим милым характером…

Елке и подаркам всегда предшествовала служба в церкви, после которой, по традиции нашей семьи, мы собирались в какой-нибудь темной комнате. Затем дядя Саша уходил в комнату, где стояла елка, чтобы узнать, все ли готово. Мы пребывали в томительном ожидании и страшно волновались. Наконец дядя

Саша звонил в колокольчик и дверь распахивалась, и мы вбегали в комнату, где на столах вокруг елки нас ожидали великолепные подарки.

Мы очень любили дядю Сашу, он был исключительно добр к нам, и многие счастливейшие часы моего детства, особенно зимой и ранней весной, я провел у него в Гатчине. Туда нас часто приглашал на уик-энд кузен Миша. Весной мы ходили на веслах по живописным, кристально чистым озерам парка, питавшимся родниковой водой, а летом совершали прогулки на велосипедах по его аллеям.

Зимой мы играли во всевозможные игры на снегу: катались на коньках и съезжали на санях с ледяных гор на территории дворца. Спуск был крутым и очень быстрым. Я обычно сидел на коленях матроса, возглавлявшего процессию. Царило беспредельное веселье. Дядя Саша часто наблюдал за нашими играми, получая от них не меньшее удовольствие, чем мы сами»27.

В дневнике цесаревича Николая за 1884 г. имеется запись: «11 июня. Понедельник. Утром шел дождь. Мама ездила верхом с д. Пицом. Завтракали с т. Мари (великая княгиня Мария Александровна. – *В.Х.*), д. Пицом, Петюшой и Боголюбов. Гуляли с Папа в Александрии. Погода совсем прояснилась. После обеда ездили верхом: я на Карабахе, брат на Гусаре. Я объехал кругом всей Александрии 4 с половиною раза. Вечером Папа нас поливал. Вода попала за голенища наших сапог. Мы поднимали ноги, и вода вытекала струею, наподобие гадящих собак. Тетя Мари помирала при этом со смеху. Конечно д. Пиц подпустил несколько нравоучительных фраз, которые я дурно расслышал»28.

Граф С.Ю. Витте позднее отмечал свое общее впечатление от наблюдаемых им взаимоотношений подрастающего поколения в царской семье: «Больше всех император Александр III любил своего сына, Михаила Александровича.

Почему человек любит того или другого – это тайна души, а потому трудно было бы объяснить, почему император Александр III больше всего любил своего Мишу. Но факт тот, что он его любил больше всех.

Все дети императора Александра III, не скажу, чтобы боялись отца – нет, но стеснялись перед ним, чувствуя его авторитет.

Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно.

Как-то раз, когда я приезжал в Гатчину, камердинер Михаила Александровича рассказывал мне, что вот какого рода история случилась.

Император Александр III утром очень любил ходить гулять со своим Мишей и во время прогулок он с ним играл. Вот както они проходили около цветов, которые садовник поливал водопроводным рукавом. Неизвестно почему, вероятно, Михаил Александрович лез в воду, не слушался императора, но кончалось тем, что император Александр III взял этот рукав – это было летом – и окатил Михаила Александровича водой из рукава. Затем они вернулись домой, Мишу сейчас же переодели.

– Затем, – рассказывал мне камердинер, – после завтрака император обыкновенно занимался у себя, так и в этот раз. Он занимался в своих комнатах, которые как раз находились внизу, под комнатами, в которых жил Михаил Александрович.

В перерывы между занятиями император Александр III несколько высунулся за окошко, оперся на локти и так стоял и смотрел в окно.

Михаил Александрович это заметил, сейчас же взял целый рукомойник воды и всю эту воду вылил на голову Государя.

Ну, с императором Александром III сделать безнаказанно такую штуку мог только его Миша, потому что если бы это сделал кто-нибудь другой, то ему здорово бы досталось»29.

Николай Александрович всю жизнь любил и чтил своих родителей, которые уделяли много внимания и времени детям. Когда дети были маленькими, то одним из любимых их развлечений было поочередное катание на длинном шлейфе платья своей дорогой Мама, которая с веселым смехом возила их по зеркальному паркету дворца. Не меньше восторга доставляло детворе, когда обожаемый Папа позволял им гурьбой забираться на его могучую спину, и он на четвереньках, пыхтя, изображал паровоз, неустанно ползал с ними, полностью отдаваясь общему веселью. Такие милые сердцу сценки можно было наблюдать не только в Гатчинском дворце, но и на отдыхе царской семьи у родственников в Дании, где король Христиан IX шутя, строго покрикивал на разбушевавшуюся малышню: «Дети! Прекратите лупить русского царя!» Общее восхищение детей и взрослых вызывала физическая сила Александра III, когда в его могучих руках толстый железный прут как бы сам по себе завязывался в узел, а массивная кочерга могла превратиться в восьмерку. Он всем на удивление легким движением пальцев запросто гнул серебряный рубль, ломал подкову или рвал на несколько частей сложенную колоду карт. Далеко не каждому такое было

под силу, хотя, повзрослев, его сыновья Николай и особенно Михаил освоили некоторые из подобных трюков обожаемого «венценосного отца».

В дневниках юного цесаревича Николая имеется множество свидетельств о тесном общении с родителями: «Ходили гулять с Папа вокруг озера и в “Зверинец”; была великолепнейшая погода, очень жаркая; мы вдвоем ломали лед палками; нас провожал до средних ворот северный олень, ожидая получить хлеба, но у нас его не было…»

«Гуляли с Папа и Мама в “Зверинце”; обедали; в Арсенале была маленькая лекция Миклухо-Маклая; он рассказывал о своем 12-летнем пребывании в Новой Гвинее и показывал нам свои рисунки…»30

Ходили слухи, что великий путешественник предлагал принять в состав Российской империи папуасов Новой Гвинеи. На это Александр III мудро заметил, что у него со своими «туземцами» проблем хватает.

Продолжаем листать далее дневник: «В первый раз катались на коньках; много работали с Папа и Mr. Heath над очищением будущего катка от снега…» и т. д. В ответ царские дети боготворили своих родителей.

В первом дневнике цесаревича можно найти упоминания о подготовке своими руками простых детских подарков к дню рождения дорогого отца:

«Февраль. 7/19 Воскр[есение]. Преп[одобных] Парфения и Луки.

Проснувшись в семь и одевшись, сели за чтение; пили праздничный кофе; чистили [клетки] канареек и попугаев и рисовали для Папа…»31 Наконец, наступил долгожданный для царских детей день: **«Февраль. 26/10 Пятн[ица]. Св. Порфирия, архиепископа. Рождение] Его Величества, Государя Императора Александра Александровича. День неприсутственный.**Проснувшись и одевшись, сели за шоколад; читали; надели мундиры новой формы моего Московского и Иркутского полков; подарил Папа собственные картинки и зверей; получили письма от Mr. Heath; ходили к обедне; завтракали в Арсенале; Сандро и Петя сидели с нами; последний остался весь день у нас; катались с горы и попеременно [пролазили] через маленькое отверстие в снегу; обедали у себя в половине шестого; играли у Ксении в конек-горбунок; Петя уехал, а мы легли спать в половине десятого»32.

Цесаревич Николай во многом стремился подражать отцу и нежно любил мать, на которую, по мнению родственников и приближенных, очень был похож. Повзрослев, Николай Александрович признавался, что являлся любимцем

матери, в отличие от отца, который больше благоволил к младшему, Михаилу. Император Николай II всю жизнь в душе хранил теплые воспоминания о счастливых и беззаботных днях раннего детства и по просьбе своих дочерей часто рассказывал им занятные различные истории: «Когда я был маленький, – говорил он, – я был любимцем моей матери. Только появление маленького Миши отставило меня, но я помню, как я следовал за ней всюду в мои ранние годы. Мы проводили чудесно время в Дании с моими кузенами. Все собирались вместе в Берисдорфе. Нас было так много, съезжавшихся к нашему деду (королю Христиану IX), что некоторые из моих греческих кузенов спали на диванах в приемных комнатах! Мы купались в море. Я помню, как моя мать выплывала далеко в Зунд со мною: я сидел на ее плечах. Были небольшие волны, и я схватился за ее курчавые короткие волосы своими обеими ручками, и так сильно, что она крикнула от боли. Наша цель была специальная скала в море, и когда мы ее достигали, мы были оба в восторге»33.

Страшным потрясением для юного Николая была гибель от рук революционеров-террористов деда – императора Александра II, что оставило в его душе (как свидетельствуют дневниковые записи) неизгладимое впечатление на всю жизнь.

В воскресенье утром 1 марта 1881 г. император Александр II одобрил проект правительственного сообщения о созыве представителей земств. Вскоре средь бела дня в самом центре столицы, на Екатерининском канале, в императорскую карету Н.И. Рысаковым была брошена бомба. Это седьмое покушение «народовольцев» на Александра II оказалось роковым. Кучер, конвоирующие карету казаки и случайные прохожие оказались раненными и некоторые из них скончались на месте. Оставшийся невредимым император успел выйти из разбитой кареты и поспешил оказать помощь пострадавшим, но тут же был сражен второй бомбой еще одного террориста, И.И. Гриневицкого. Взрывом Александру II сильно раздробило ноги и всего изрешетило осколками. Смертельно раненный император приказал немедленно доставить его в Зимний дворец и, теряя сознание, побелевшими губами шептал по дороге: “Во дворец… Там умереть…”. В три часа тридцать минут пополудни он скончался от потери крови.

Спустя многие годы, во время Первой мировой войны, император Николай II с грустью рассказывал на прогулке в парке детям о мученической смерти своего деда Царя-Освободителя.

«Мы завтракали в Аничковом дворце, мой брат и я, – говорил он, – когда вбежал испуганный слуга: “Случилось несчастье с императором, – сказал он. –

Наследник (Александр III) отдал приказание, чтобы великий князь Николай Александрович (то есть я) немедленно приезжал бы в Зимний дворец. Терять время нельзя”.

Генерал Данилов и мы побежали вниз и сели в какую-то придворную карету, помчались по Невскому к Зимнему дворцу.

Когда мы поднимались по лестнице, я видел, что у всех встречных были бледные лица. На ковре были большие красные пятна. Мой дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дядя и тетя. Никто не говорил. Мой дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели. “Папа, – сказал он, повышая голос, – Ваш «луч солнца» здесь”. Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но не мог поднять рук, ни сказать то, что хотел, но он, несомненно, узнал меня. Протопресвитер Баженов подошел и причастил его в последний раз. Мы все опустились на колени, и император тихо скончался. Так Господу угодно было», – печально закончил свой рассказ Николай II.

По свидетельству приближенных: «Он продолжал идти молча. Не было ни грубых слов по отношению к убийцам, ни возмущения. Покорность воле Божией была основой его религии, и его вера в Божественную Мудрость, которая направляет события, давали Николаю II то совершенно сверхъестественное спокойствие, которое никогда не оставляло его»34.

Эту трагедию болезненно пережила вся императорская фамилия. Великий князь Александр Михайлович отмечал в своих воспоминаниях: «Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думающего о возможности вторичного покушения, не покидал нас. Мы понимали, что-то несоизмеримо большее, чем наш любящий дядя и мужественный Монарх, ушло вместе с ним невозвратимо в прошлое. Идиллическая Россия с Царем-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы понимали, что русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием… Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов – все это будет погребено вместе с убитым императором в склепе Петропавловской крепости. Взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только

Российской империи, но и всего мира зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царем и стихиями отрицания и разрушения»35.

Эта драма, к сожалению, имела свои необратимые и далеко идущие последствия не только для династии Романовых, но прежде всего для исторической судьбы всей Российской империи. Государь Александр II был коварно убит накануне подготовленной им к обнародованию проекта первой конституции России.

Стоит отметить, что в воспоминаниях многих современников тех трагических событий содержатся упоминания о конституции, которую намеревался подписать убиенный император Александр II. Однако в дневнике великого князя Константина Константиновича (знаменитого поэта К.Р.) от 7 ноября 1882 г. имеется следующая любопытная запись: «Ходили с Папа гулять целых 2 часа… Я спрашивал Папа, действительно ли существовала какая-то чрезвычайно важная бумага, которую покойный Государь будто бы уже подписал утром 1 марта. Папа отвечал, что бумаги этой не видал, но слышал про нее от княгини Юрьевской, и что про нее не было речи на совещании у нынешнего Государя 8 марта 1881 г.»36.

Всю жизнь Николай II с чувством глубокой доброты вспоминал о своем деде, отмечая его дни рождения и трагической гибели присутствием на богослужении. По просьбе своих детей он любил в свободное время рассказывать им об императоре Александре II: «Когда я был маленьким, меня ежедневно посылали навещать моего деда. Мой брат Георгий и я имели обыкновение играть в его кабинете, когда он работал. У него была такая приятная улыбка, хотя лицо его бывало обычно красиво и бесстрастно. Я помню то, что на меня произвело в раннем детстве большое впечатление.

Мои родители отсутствовали, а я был на Всенощной с моим дедом в маленькой церкви в Александрии. Во время службы разразилась сильная гроза. Молнии блистали одна за другой. Раскаты грома, казалось, потрясали и церковь, и весь мир до основания. Вдруг стало совсем темно. Порыв ветра из открытой двери задул пламя свечей, зажженных перед иконостасом.

Раздался продолжительный раскат грома, более громкий, чем раньше, и вдруг я увидел огненный шар, летевший из окна прямо по направлению к голове императора. Шар (это была молния) закружился по полу, потом обогнул паникадило и вылетел через дверь в парк. Мое сердце замерло. Я взглянул на моего деда. Его лицо было совершенно спокойным. Он перекрестился, так же спокойно, как и тогда, когда огненный шар пролетал около нас.

Я почувствовал, что это и немужественно, и недостойно так пугаться, как я, я почувствовал, что нужно просто смотреть на то, что произойдет и верить в Господню милость так, как он, мой дед, это сделал.

После того как шар обогнул всю церковь и вдруг вышел в дверь, я опять посмотрел на деда. Легкая улыбка была на его лице, и он кивнул мне головой. Мой испуг прошел. И с тех пор я больше никогда не боялся грозы. Я решил всегда поступать как мой дед, давший мне пример исключительного хладнокровия»37.

После злодейского убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II на Российский престол взошел его 36-летний сын Александр III, решительно повернувший государственный курс от либеральных реформ к консерватизму.

8 (20) марта 1881 г. Александр III получил письмо из Англии от императрицы Виктории I: «Мой дорогой брат! Мой дорогой сын, ваш свояк (наследник английского престола Альберт-Эдуард. – *В.Х.*), будет носителем этих строк и передаст Вам мои чувства глубокого отчаяния и истинной грусти, которые я испытала, узнав о кончине Вашего дорогого отца. Я до сих пор пребываю в ужасе от этого страшного события, этого жуткого преступления, которое было так же воспринято везде в моем королевстве и за его пределами. В то же время я прошу Вас принять мои наилучшие пожелания по поводу Вашего счастья. Пошли Вам Бог необходимые силы для того, чтобы нести тот тяжелый груз, который Он Вам послал! Я попросила Берти представлять меня на грустной церемонии похорон Вашего Августейшего Отца. Я хочу Вам также объявить, что он от моего имени должен представить Вас к Ордену Подвязки. Я прошу передать Минни, что я очень счастлива, что она вскоре сможет, в качестве утешения, увидеть свою дорогую сестру. Позвольте выразить Вам еще раз мою глубокую симпатию и просить Бога хранить Вас, так же как Минни и ваших детей. Навсегда остаюсь, дорогой брат, Вашей любящей доброй сестрой. Виктория, королева и императрица»38.

Другого рода было послание императору от Центрального исполнительного комитета партии «Народная воля», где значились строки: «В вашем положении есть лишь два выхода: или неминуемая революция, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное подчинение воле народа…». Идеи либерализма с юных лет были близки Александру III, но его нельзя было запугать или силой принудить к тому, чему он противился или в чем разочаровался. Такое давление вело к противоположному результату, его решительному размежеванию с либералами.

Бывшая фрейлина А.Ф. Тютчева делилась впечатлениями о произошедших переменах в облике Александра III: «Я говорила Государю о том стыде и горе, которые испытывает всякий русский при мысли о страшном преступлении, ответственность за которое падает на всю страну. “Нет, – живо возразил Государь, – страна тут ни при чем; это кучка негодных и фанатичных мятежников, введенных в заблуждение ложными теориями, у которых нет ничего общего с народом. Теперь нужно позаботиться оградить школы, чтобы яд разрушительных теорий, проникнувший в высшие классы, не проник в народные массы. К сожалению, выяснилось, что Желябов, стоявший во главе заговора, – крестьянин и очень способный человек”.

Я была очень взволнована и должна сказать, очень изумлена и поражена, слушая Государя, а еще больше, глядя на него.

Я знала Государя с детства, так как ему было лет восемь-девять, когда я вступила в должность фрейлины к покойной императрице. С этого раннего возраста отличительными чертами его характера всегда были большая честность и прямота, привлекавшие к нему общие симпатии. Но в то же время он был крайне застенчив, и эта застенчивость, вероятно, вызывала в нем некоторую резкость и угловатость, что часто встречается у тех натур, которые для внешнего проявления требуют тяжелого усилия над собой. В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад.

Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, – одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами. Невозможно, видя его, как я его видела, не испытать сердечного влечения к нему и не успокоиться, по крайней мере, отчасти, в отношении огромной тяжести, падающей на его богатырские плечи; в нем видны такая сила и такая мощь, которые дают надежду, что бремя, как бы тяжело оно ни было, будет принято и поднято с простотой чистого сердца и с честным сознанием обязанностей и прав, возлагаемых высокой миссией, к которой он призван Богом. Видя его, понимаешь, что он сознает себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти»39.

Можно согласиться с высказанным мнением, что перемены произошли разительные в поведении и облике нового императора. Несмотря на проявления

твердого характера с первых шагов Александра III, его никак нельзя обвинить в пристрастии: повелевать и властвовать. Он даже в молодости и в мечтах не желал быть императором, о чем свидетельствуют многие документы. В тот день, когда великому князю Александру Александровичу исполнился 21 год (т. е. уже после неожиданной смерти наследника престола Николая), он с грустью записал в дневнике: «Вспомнил я письмо милого брата, которое он написал мне ровно год назад, где он поздравляет меня с 20 годами. Но вот его не стало, и он оставил мне свое место, которое для меня было всегда ужасно, и я только одного желал, чтобы брат мой был женат скорей и имел сына, тогда только, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться»40.

Запомним эти строки, т. к. много лет спустя смысл их будет повторен младшим сыном Александра III великим князем Михаилом Александровичем. Однако положение, долг и обстоятельства часто меняют человека.

Через месяц, 2 апреля, пять заговорщиков террористов, причастных к взрывам бомб, были уже повешены. Он остается неуклонно верен консерватизму и все свое непродолжительное, но славное, особенно успехами во внешней политике, благодаря принципам мирного существования с другими странами, царствование. Таким образом, после бурных революционными событиями последних лет правления Александра II, Россия вступила в эпоху успокоения, не прерывавшуюся до смерти царя, которого в народе окрестили именем: Царя-Миротворца.

В придворной жизни прекратились былые интриги, исчез фаворитизм, так как Александр III был более постоянен в своих симпатиях и редко менял министров в правительстве, что вносило стабильность в государственный курс державы. Он являлся искренним пацифистом во внешней политике. За время его царствования отношения России к Германии хотя и утратили тот сердечный характер, которым они отличались при Александре II, но тем не менее сохранили полную доброжелательность.

Однако пацифизм императора Александра III исходил не от слабости Российской империи, и это он доказал с первых шагов царствования. Так, например, великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях писал:

«Не прошло и года по восшествии на престол молодого императора, как произошел серьезный инцидент на русско-афганской границе. Под влиянием Англии, которая со страхом взирала на рост русского влияния в Туркестане, афганцы заняли русскую территорию по соседству с крепостью Кушкою. Командир военного округа телеграфировал Государю, испрашивая инструкций.

“Выгнать и проучить как следует”, – был лаконичный ответ из Гатчины. Афганцы постыдно бежали, и их преследовали несколько десятков верст наши казаки, которые хотели взять в плен английских инструкторов, бывших при афганском отряде. Но они успели скрыться.

Британский Ее Королевского Величества посол получил предписание выразить в С.-Петербурге резкий протест и потребовать извинений.

– Мы этого не сделаем, – сказал император Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Св. Георгия 3-й степени. – Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию, – заявил Государь. Гирс (министр иностранных дел. – *В.Х.*) задрожал.

– Ваше Величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

– Хотя бы и так, – ответил император.

Новая угрожающая нота пришла из Англии. В ответ на нее царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей храбрости, ибо британский военный флот превышал наши морские вооруженные силы по крайней мере в пять раз.

Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для рассмотрения русско-афганского инцидента.

Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины. Молодой русский Монарх оказался лицом, с которым приходилось серьезно считаться в Европе…

– Во всем свете у нас только два верных союзника, – любил он говорить своим министрам, – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас»41.

Александр III возобновил «Союз трех императоров» при личном свидании с Вильгельмом I и Францем Иосифом в Скерневицах в 1884 г. Однако в 1887 г. Австрия вышла из этого союза, а в 1890 г. ее примеру последовала и Германия.

Таким образом, сближение России с Францией было лишь логическим последствием европейской политики ее прежних союзников. Но и тут царь придерживался своей обычной осмотрительности, представляя тенденции сближения с Францией идти не форсированным чередом. Усилению антипатий к Германии послужило и то, что супруга императора Мария Федоровна (урожденная датская принцесса Дагмар) болезненно восприняла вместе со своей бывшей родиной потерю Шлезвиг-Гольштинии. При Российском

Императорском Дворе лишь старый великий князь Михаил Николаевич (дядя царя) остался верен дружбе, соединявшей две династии – русскую и германскую.

Несмотря на сближение монархической России с республиканской Францией, русско-германские отношения не утратили своей корректности за все время царствования Александра III. Император Вильгельм II хотя и уклонился от возобновления союза в 1890 г., но, со своей стороны, способствовал сохранению дружественных отношений, отчасти под обаянием личности Александра III, отчасти же помня предсмертное завещание своего деда, всю свою внешнюю политику строившего на близости отношений с Россией.

Следуя заветам деда, молодой император Вильгельм II, по вступлении на престол, в первую очередь посетил Петербург, а не Вену, несмотря на союзные отношения, связывающие династии Гогенцоллернов и Габсбургов.

Любопытны обстоятельства этого визита в Россию. Когда германская эскадра приближалась к Кронштадту, то Александр III находился на мостике императорской яхты в сопровождении великого князя Алексея Александровича и адмирала Н.Н. Ломена. Заметив, что эскадра застопорила ход, российский император спросил: "Алексей, почему они там застряли?".

– "Ждут визита Вашего Величества", – ответил великий князь. – "Ну, им придется долго ждать, – возразил Государь, – поезжай, Алексей, и привези гостей". Приказание было в точности выполнено.

Взаимные визиты и добрые отношения продолжались и в последующие времена.

Великая княгиня Ольга Александровна на склоне лет делилась воспоминаниями о своем отце императоре Александре III:

«В продолжение всего его правления Россия не знала, что такое война. Он старательно избегал всякого рода международных осложнений. Недаром он получил название Царь-Миротворец. Двурушничество и расчет – оба эти понятия были ненавистны ему. Решая какую-то проблему, он не любил ходить вокруг да около. На угрозы он отвечал резкостью и насмешкой. Однажды на банкете австрийский посол принялся обсуждать докучливый балканский вопрос и намекнул, что если Россия решит вмешаться в спор на Балканах, то Австрия может немедленно мобилизовать два или три армейских корпуса. Император взял со стола массивную серебряную вилку, согнув ее до неузнаваемости, и бросил к столовому прибору австрийского дипломата со словами: "Вот что я

сделаю с двумя или тремя армейскими корпусами”. Помню, что кайзер однажды предложил отцу разделить всю Европу между Германией и Россией. Папа тотчас оборвал его:

– Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало»42.

Благодаря своей супруге Марии Федоровне император Александр III находился в родстве со многими европейскими королевскими домами. Ее отец Христиан IX был королем Дании, затем в 1903 г. старший брат Фридрих VIII наследовал корону отца. Сестра принцесса Александра сделалась принцессой Уэльской, а затем королевой Великобритании и императрицей Индии; второй брат – королем Греции, под именем Георга I; младшая сестра Тира – герцогиней Кумберлендской. Когда собиралось в Дании все большое семейство, то многие проблемы «европейского дома» порой становились домашним делом.

Случались и небольшие курьезы. Так, в одно из посещений Копенгагена царской семьей летом 1886 г. туда прибыл французский крейсер, который удостоился визита Александра III. По этому случаю было много волнений относительно церемониала; как быть с французским национальным гимном – Марсельезой?! Произошел конфуз. Самодержец Всероссийский – и вдруг революционный гимн… Но Александр III повелел всем не тревожиться и спокойно выслушал произведение Руже де Лиля, едко заметив: “Ничего тут нет удивительного: я недостаточно хороший музыкант, чтобы сочинить французам новый гимн”. К таким вольностям русского царя многие привыкли. Хотя знаменитые его фразы: “Европа может подождать, когда русский царь ловит рыбу”, или “Пью за здоровье моего единственного друга, царя Николая черногорского”, – недаром волновали многих послов. И это была не бравада, а реальная сила, спокойное и уверенное сознание своего могущества.

Сближение России с Францией существенно не повлияло на добрые взаимоотношения Александра III с Вильгельмом II. Последний был уверен в искренности миролюбия своего могучего соседа, считая это сближение гарантией европейского мира и «крепкой уздой» на возможные попытки реванша со стороны Третьей республики в пересмотре границ с Германией.

В своей частной жизни император Александр III был образцовым семьянином, нежным мужем и заботливым отцом. Окружая супругу Марию Федоровну вниманием и заботливостью, он, однако, не допускал ее вмешательства в государственные дела, которые вел твердой рукой. Непреклонную волю царя чувствовали все. Он не допускал с чьей-либо стороны даже попыток к изменению своих самых обыденных привычек. Александр III был врагом всякой

пышности. В огромном Гатчинском дворце он довольствовался самым скромным помещением и выделил цесаревичу всего только две небольшие комнаты. Николай с детства боготворил отца и брал с него пример.

С наступлением лета царская семья переезжала в Петергоф, где в Александрии, в маленьком дворце на берегу моря, жизнь протекала по образцу Гатчины. Лишь 22 июля, день тезоименитства императрицы, ознаменовывался торжественной службой и выходом в Большом Петергофском дворце, парадным завтраком, а вечером фейерверком на море, иллюминацией Петергофа и знаменитых фонтанов.

Обычно большая часть летнего времени царской семьей проводилась в экскурсиях, в гребном спорте, рыбной ловле, и Государь предавался на природе физическим упражнениям, составлявшим потребность его мощной фигуры. При росте 6 футов 4 дюйма (около 193 см) Александр III обладал огромной работоспособностью и необычной физической силой. Иногда водная поездка в шхеры заменялась жизнью в небольшом деревянном дворце в Спале и Скерневицах, где устраивались охоты на оленей. Мария Федоровна также участвовала в этих охотах, сопровождаемая детьми, с которыми почти никогда не расставалась.

Несмотря на то что императора Александра III усиленно охраняли, но это не останавливало покушений «народников». В 1887 г. был раскрыт очередной заговор, произведены аресты.

В числе арестованных оказался студент Александр Ильич Ульянов (1866–1887). Писательница Лариса Васильева в своей книге «Кремлевские жены» рассказывает читателям, как близко знавший Ленина Иван Федорович Попов (автор известной в свое время пьесы «Семья» – об Ульяновых) поведал ей о встрече с вождем накануне Первой мировой войны: «Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказал, как уезжал на лодке по Волге с братом Сашей, и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды “Вольность”:

Самовластительный злодей!

Тебя, твой трон я ненавижу,

Твою погибель, смерть детей

С жестокой радостью вижу».

После Октябрьского переворота 1917 г. большевиков многие связывали преследование династии Романовых местью Ленина за казнь брата.

Великий князь Константин Константинович 1 марта 1887 г. записал в дневнике: «Опять суждено нам жить под вечным страхом и трепетать за дни Государя. Вчера, в годовщину смерти покойного императора был открыт ужасный замысел. Слава Богу, Государь благополучно избежал угрожавшей ему опасности. Папа слышал об этом за обедом у дяди Миши, который узнал подробности от градоначальника Грессера. Пока Государь и все семейство слушали заупокойную литургию в Петропавловском соборе, полиция схватила несколько человек совершенно приличной наружности, одетых студентами; за ними стали следить еще накануне. Их привели в дом градоначальника (пока тот тоже был в крепости), и нашли на них небольшие разрывные бомбы, спрятанные у кого в портфеле под мышкой, у кого в кармане, а у одного в нарочно для этого устроенной коробке в виде книги, которую он держал в руках. Злоумышленники стояли в разных местах по пути из крепости в Аничков [дворец], одни на углу Б. Садовой и Невского, другие на углу Невского и Б. Морской. После обедни Государь завтракал в Зимнем дворце у Павла [Александровича]; Грессер вызвал его из-за стола. Государь оставался совершенно спокоен, узнав об этом происшествии, и никому не рассказал его. Не знаю, как о нем узнала императрица; она была в ужасе. Ее положение действительно должно быть ужасно. Как и было давно назначено, Государь вчера же переехал в Гатчину. Неужели опять начнется эта охота, эта травля? Неужели и этот Государь должен когда-нибудь пасть жертвой убийц?… Неужели молитвы всей России не сохранят нам его?»43.

Жизнь в Гатчине царской семьи не изменилась. Юная великая княжна Ксения Александровна записала 2 марта 1887 г. в дневнике: «Проснувшись, я думала, что мы в Аничкове. Была отличная погода. Уроков, конечно, не было, что было отлично. Утром братья катались на горах, а я все еще разбиралась. Завтракали с нами д. Алексей (великий князь Алексей Александрович. – *В.Х.*), Оболенские, гр. Перовский и гр. Воронцов. Потом оставались немножко там. В половине четвертого пошли гулять с Папа и Мама. Мы также были в оранжереях. Затем обедали с Ники и Джоржи. Вечером играла с Мишей»44.

Обычным для детей был и воскресный день 8 марта, о чем записала Ксения в дневнике: «Проснувшись, Миша и я ужасно возились в постелях. Вставши, пили кофе, а затем пошли к Мама. Там оставались недолго. Вернувшись, играли, а потом пошли в церковь. Завтракали в Арсенале. Сидела около Георгия и Миши. Потом скоро пошли к Мама. Около 3 ч. пошли на горы с Воронцовыми. Софки не было. На горах было ужасно весело. Там также были Н[ики] и Г[еоргия]

товарищи. В половине шестого обедали, а затем возились. В 8 ч. проводили гостей»45.

На следующий день тайна покушения на Александра III стала известна Ксении, которая сделала запись: «Встали около восьми часов. Погода была отличная. Днем не было народу. Учились. Перед завтраком представлялись Папа и Мама те чудные полицейские, которые поймали поганых людей, потому что те свиньи хотели стрелять в Папа. – Завтракали с нами д. Алексей, д. Сергей, т. Элла и гр. Перовский (фин). Днем мы покатались немножко на горах, которые тают, а потом ломали лед на Серебряном озере, что было очень весело. Вернувшись, обедали»46.

От 17 марта еще одна тревожная строчка в дневнике Ксении: «Отца Иоанна (Кронштадтского) хотели убить, но, к счастью, он спасся»47.

Государь лично следил за воспитанием трех своих сыновей и особенно за воспитанием наследника престола. Не будучи предназначен к царствованию сам, Александр III уступал в образовании своему старшему брату, умершему в молодости от туберкулеза, цесаревичу Николаю, в честь которого и назвал своего сына. Он отдавал себе отчет в этом существенном пробеле. Отсюда его постоянная забота о должном обучении и воспитании будущего самодержца Российской империи.

Учебные занятия Николая начались в 1877 г. под надзором генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича, в прошлом начальника пехотного военного училища. Общий план занятий был рассчитан на 12 лет. В течение первых 8 лет он получал домашнее образование, в основе которого лежал усовершенствованный гимназический курс. Так называемые «древние мертвые», или «классические», языки – древнегреческий и латынь – были исключены, а вместо них цесаревичу преподавали политическую историю, русскую литературу, элементарные основы минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии; повышенное внимание уделялось английскому, французскому и немецкому языкам. Интересно заметить, что для начального обучения Г.Г. Данилович составил расписание, рассчитанное на 24 урока в неделю: по четыре урока на русский язык, чистописание и арифметику, по три урока на английский и французский языки и по два – на Закон Божий, историю и рисование. Занятия проходили шесть дней в неделю с 9 часов утра и до 5 часов вечера и составляли четыре учебных часа в день с перерывами на завтрак, для прогулки на воздухе и гимнастических упражнений. Даже во время обычных ежегодных пребываний царской семьи у своих родственников в Дании ничто не могло сколько-нибудь значительно изменить распорядок дня цесаревича Николая.

В одном из писем своему другу детства Сандро (великому князю Александру Михайловичу) пятнадцатилетний наследник престола сетовал: «Вот описание дня, который мы проводим здесь. Встаем позже, чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс, и здесь все семейство кушает утренний завтрак; от 10 до 11 – наш второй урок; иногда от 11 – до половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок – от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три – гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается страшная возня, в половине десятого мы в постели. Вот и весь день»48.

Дисциплинированное выполнение этого расписания, как видно в дальнейшем, оказало влияние и на формирование делового распорядка дня императора Николая II.

Последние четыре года общего плана занятий наследника, к которым в дальнейшем пришлось добавить еще один год, были посвящены «курсу высших наук» – военных, юридических и экономических. Это была смешанная программа курсов Академии Генштаба, юридического и экономического факультетов университета. В число наставников и преподавателей наследника были приглашены видные ученые и признанные авторитеты страны: духовник царской семьи, протоиерей И.Л. Янышев читал курсы канонического права, богословия, истории церкви и религий; обширный курс политической истории преподавал Е.Е. Замысловский, читавший в то время лекции по русской истории в Петербургском университете и историко-филологическом институте. Международное право вел М.Н. Капустин. Один из выдающихся экономистов своего времени, в 1881–1886 гг. – министр финансов России, идеолог либерально-реформаторского направления, академик Н.Х. Бунге преподавал Николаю статистику и политэкономию. Академик Н.Н. Бекетов (двоюродный дед поэта А. Блока), основатель отечественной школы физико-химиков, читал ему курс общей химии. Общее же руководство процессом образования наследника престола было доверено ведущему идеологу консерватизма и «первому советнику» императора Александра III, а в прошлом также его учителю – К.П. Победоносцеву, который, кроме того, взял на себя преподавание юридических наук: курсов энциклопедии законоведения, государственного, гражданского и уголовного права.

Такой усиленный курс «гражданских наук» подразумевал воспитание неординарного, как бы сейчас сказали: энциклопедически подготовленного

человека. Однако практическая значимость и усвояемость полученных цесаревичем знаний оставались для многих его преподавателей так до конца не известными. Порой и сам ученик, несмотря на всю свою дисциплинированность, с усилием заставлял себя поглощать все эти науки. Очевидно, каждый на своем личном опыте знает, как порой трудно в таком возрасте сидеть за учебниками. Иногда это настроение прорывалось и в дневниковых записях наследника, которые так часто позднее цитировались его критиками и недоброжелателями, появлялись подобные строки: «Сегодня я закончил свое образование – окончательно и навсегда!»

Не менее выдающейся была и команда его учителей в военных областях знаний: профессор и член-корреспондент Петербургской Академии наук, генерал от инфантерии Г.А. Леер (стратегия и военная история); профессор Академии Генштаба, почетный член Петербургской Академии наук, генерал от инфантерии Н.Н. Обручев (военная статистика, или военная география, дававшая всестороннее географическое, этнографическое, военно-экономическое и политическое знание возможных театров военных действий); крупный ученый и военный инженер-фортификатор, более известный как выдающийся композитор и музыкант, генерал Ц.А. Кюи (фортификация); начальник Академии Генштаба, крупный военный теоретик и боевой генерал М.И. Драгомиров (боевая подготовка войск). Кроме того, Николаю были прочитаны курсы: истории военного искусства (А.К. Пузыревский), геодезии и топографии (О.Э. Штубендорф), тактики (П.К. Гудима-Левкович), артиллерии (Н.А. Демьяненко) и военной администрации (П.Л. Лобко).

Несмотря на то, что император Николай II являлся достаточно европейски образованным, просвещенным и культурным человеком, все же в тесном кругу родственников и друзей он признавался, что «имеет образование серенькое». Любопытны ранние наблюдения в связи с этим за наследником престола, сделанные в разные годы в своем дневнике великим князем Константином Константиновичем (Президент Академии наук и известный поэт «К. Р.»). Так, например, 21 декабря 1888 г. он записал: «Из беседы с милым Цесаревичем после обеда я опять, как и всегда, вынес самое отрадное впечатление. Он одарен чисто русскою, православною душой, думает, чувствует и верит по-русски. Мы говорили про отечественную историю и про восточный вопрос. Говорили про Иоанна III, про царевича Дмитрия и Самозванца, про кончину Павла I и про последнюю Турецкую войну…»49

Хорошее знание российской истории Николаем Александровичем в дальнейшем сказались в формировании отношений его к тем или иным событиям, к

государственным и историческим деятелям, к их поступкам. Приближенный к царскому двору генерал А.А. Мосолов делился воспоминаниями:

«Сознаюсь, что за все 16 лет службы при дворе мне всего лишь дважды довелось говорить с Государем о политике.

Впервые это было по случаю двухсотлетия основания Петербурга. Столбцы газет были переполнены воспоминаниями о победах и преобразованиях Петра Великого. Я заговорил о нем восторженно, но заметил, что царь не поддерживает моей темы. Зная сдержанность Государя, я все же дерзнул спросить его, сочувствует ли он тому, что я выражал.

Николай II, помолчав немного, ответил:

– Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западною культурою и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично.

Из дальнейшего разговора мне показалось, что кроме сказанного Государь ставит в укор Петру и некоторую показательную сторону его действий, и долю в них авантюризма»50.

К стати сказать, идеалом Николая II был царь Алексей Михайлович. На костюмированном балу 1903 г. он и его супруга были одеты в костюмы той эпохи. Под покровительством последнего императора в Царском Селе в стиле XVII в. был построен Федоровский Государев Собор.

Часто образ Николая II сопоставляли не с Петром Великим, а с волевой натурой императора Александра III. В связи с этим стоит упомянуть сравнительную характеристику, данную графом С.Ю. Витте двум последним самодержавным монархам России: «Император Александр III был, несомненно, обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей, и в этом отношении император Николай II стоит гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию»51. Имеется в воспоминаниях С.Ю. Витте еще одно любопытное сравнение двух венценосных братьев: «Как по уму, так и по образованию великий князь Михаил Александрович представляется мне значительно ниже способностей своего старшего брата Государя императора, но по характеру он совершенно пошел в своего отца»52.

Другую интересную оценку интеллектуального уровня Николая II оставил в своих воспоминаниях проницательный и тонкий психолог человеческих душ, выдающийся юрист и писатель А.Ф. Кони: «Мои личные беседы с царем убеждают меня в том, что это человек, несомненно, умный, если только не считать высшим развитием ума разум как способность обнимать всю совокупность явлений и условий, а не развивать только свою мысль в одном исключительном направлении. Можно сказать, что из пяти стадий мыслительной способности человека: инстинкта, рассудка, ума, разума и гения, он обладал лишь средним и, быть может, бессознательно первым. Точно так же он не был ограничен и необразован. Я лично видел у него на письменном столе номер «Вестника Европы», заложенный посредине разрезкой, а в беседе он проявлял такой интерес к литературе, искусству и даже науке и знакомство с выдающимися в них явлениями, что встречи с ним, как с полковником Романовым, в повседневной жизни могли быть и не лишены живого интереса…»53.

Недаром говорят: «Сколько людей, столько и мнений». Но заметим, что хотя воспоминания А.Ф. Кони, опубликованные в советской России, несут печать некоторой тенденциозности духа революционной эпохи и, несомненно, редакторской правки, все же говорят их читателям о многом.

Однако вернемся к «серенькому» образованию Николая Александровича, который не представлял себе жизни без службы в армии. В 1884 г. он был произведен в поручики. В этом же году его избирают почетным членом Русского Археологического общества Петербургского и Московского университетов, а еще ранее в связи с 150-летним юбилеем Российской Академии Наук он был удостоен такой же чести этого знаменитого учреждения.

Император Александр III, желая ознакомить наследникацесаревича со всеми родами войск на практике, заставил его пройти службу не только в пехоте, кавалерии, артиллерии, но и во флоте, при крайне тугом производстве в чины. Этим и объясняется то обстоятельство, что к смерти своего отца Николай Александрович оказался всего лишь в чине полковника.

Ни один из императоров до Николая II не соприкасался так близко и длительно с армейской службой на младших должностях. Посудите сами: на действительную военную службу он вступил в возрасте 16 лет, в день совершеннолетия, 6 мая 1884 г., когда, как сказано в его послужном списке, «произнес клятвенное обещание в лице наследника Всероссийского Престола в большой церкви императорского Зимнего дворца и при торжественном собрании, бывшем в Георгиевском зале, принял воинскую присягу под

штандартом лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Величества полка…»54. Николай основательно прошел обер-офицерскую службу в пехоте и кавалерии, где был младшим офицером, командиром роты и эскадрона, проделав 5 летних сборов. Он также отбыл две летние кампании во флоте и в течение летнего сбора 1893 г. командовал 1-й гвардейской конной батареей. Основы военного дела на практике и восприятия военных традиций цесаревич получил в лейб-гвардии Преображенском полку – колыбели Российской армии. Именно в этом полку, перед восшествием на престол, он в чине полковника командовал первым батальоном. В полковники он был произведен 6 августа 1892 г., хотя отец его – император Александр III – такой чин имел в восемнадцать лет.

Любопытно заметить, что с 1891 г. командиром лейб-гвардии Преображенского полка, где по традиции служили русские цари, являлся великий князь Константин Константинович. Именно он 1 января 1893 г. отдал приказ по полку: «Во исполнение Высочайшего повеления, предписываю флигельадъютанту Полковнику Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику и Великому Князю Николаю Александровичу вступить в командование 1-м батальоном»55.

В дневнике великого князя Константина Константиновича за январь 1893 г. описание этого события заняло несколько страниц:

«Знаменательный день. Наследник Цесаревич снова вступил в ряды нашего Преображенского полка. Он уже был в строю в нашем полку и командовал Государевой ротой; то было в лагерное время, в 1887 и 1888 годах. Но тогда он оставался на службе недолгое время и командовал только по наружной части. Теперь же он принял батальон вместе со всеми строевыми и хозяйственными обязанностями батальонного командира, принял на довольно продолжительный срок… Но расскажу по порядку. Я с утра был так радостно взволнован и счастлив, что меня не испугал 22-градусный мороз, и я, поездив верхом в манеже, пошел в казармы на Миллионной [улице] в обыкновенном летнем пальто поверх парадной формы. Офицеры собрались уже на казарменной парадной лестнице, кроме офицеров 1-го батальона, стоявших вместе с ротами в своих помещениях.

Наконец подъехал к подъезду Цесаревич в санях и вошел в подъезд. Я его встретил и за ним стал подниматься по лестнице. Он каждому офицеру подавал руку, направо и налево, и никого не пропустил. Я шел за ним, переживая минуты сладостного умиления. “Он наша радость с малолетства”, как сказал поэт, он надежда России и снисходил до нас, слуг Царевых, готовых каждую

минуту сложить за него головы. В душе моей как бы звучала горячая молитва: “да почиет над Ним Божие Благословение, да поможет нам Господь всегда помнить, какое выпало на нашу долю счастье, и быть его достойными”. Но нет, это только слова, а словами я не выражу того, что переживал.

3 января, перед крестинами Олега.

Продолжаю про вчерашнее. Прошло полчаса, все офицеры пришли в собрание, многие переоделись в сюртуки. И вот Огарев явился с докладом о сдаче, а Цесаревич о приеме 1-го батальона. Я принял их в своем кабинете. Оставшись с Ники с глазу на глаз, я благословил его иконой, – створцами с изображением Преображения Господня, Николая Угодника и Ангела-хранителя. Ники переоделся в сюртук, пошли закусывать и сели завтракать, он справа от меня. Я заметил, что Ники как бы опасался, чтобы с ним не обходились как с Наследником престола, желая во всем сравняться с прочими батальонными командирами. А мне нужно было усилие, чтобы держаться по отношению к Ники как подобает начальнику.

4 января. Продолжаю. За завтраком тосты были нарочно устранены, чтобы этот завтрак не имел ничего торжественного. Но после кофе мне показалось, что будет как-то сухо, если просто встать и выйти из столовой. Я велел подать большой золоченый жбан, подарок Сергея, и наполнить его шампанским. Тогда запели застольные песни и, между прочим, “Николай Александрович, здравствуйте!”, таким образом, все выпили за здоровье нового батальонного командира, но запросто. Когда встали из-за стола, Ники еще долго, часов до 4-х, оставался в собрании. Я нарочно не держался все время около него, чтобы не мешать ему говорить с офицерами…»56

Уже через короткое время Константин Константинович заметил некоторую перемену в поведении своего «венценосного» подчиненного, записав в дневнике: «Ники приезжал утром в батальон, мы виделись в собрании, где он закусывал. Видимо, он уже втягивается в новую среду. Он держит себя совсем просто, но с достоинством, со всеми учтив, ровен, в нем видна необыкновенная непринужденность и вместе с тем сдержанность. Ни тени фамильярности и много скромности и естественности…»57

Наследник престола поражал всех феноменальной памятью на лица. Он знал по фамилиям всех своих подчиненных, и даже губернии, из которых они были родом. С самого начала цесаревич обратил внимание на занятия с солдатами, стараясь внушить им, что звание российского солдата высоко и почетно, как значилось в раздаваемой им памятке. Он любил, присутствуя при обучении

нижних чинов фехтованию и приемам рукопашного боя, взять ружье и, с небольшого разбега, проткнуть штыком чучело или пострелять в цель.

Уважение к ратной службе солдата осталось у императора Николая II на всю жизнь. Возможно, этим можно объяснить, что при восшествии на престол он отказался от очередного воинского звания и распорядился снять со своих портретов услужливо нарисованные художниками генеральские погоны, оставшись в своем чине полковника. Конечно, это не означало, что Николай II не мечтал о славе. Его поступок был искренним, но оказался опрометчивым. Милое, казалось бы, желание остаться после смерти отца в своем прежнем чине полковника, противоречило основному закону, называющему царя главой армии, чему соответствовал чин генерала. Курьезность положения все отчетливее проявлялась позднее, на высоте положения и бегущих лет, когда полковнику пошел уже пятый десяток, и все товарищи его по службе давно были произведены в генералы. Николай II же по убеждению не мог позволить себе получить генеральский чин русской армии, хотя таковой ему был дарован в армии Германии, а во время Первой мировой войны в 1916 г. англичане удостоили царя фельдмаршальского жезла своих вооруженных сил. Позднее Уинстон Черчилль говорил: «Мы забыли о самом трудном подвиге императора Николая II, который в чрезвычайно неблагоприятных условиях привел Россию к порогу победы. В феврале император стоял у кормила власти, и армия держалась стойко, оказывая постоянный нажим на немецкие передовые линии; фронт ни в чем не испытывал недостатка; победа не вызывала сомнений»58.

Николай II проявлял постоянную заботу о солдатах. Так, 24 октября 1909 г., находясь в Ливадии, царь, желая лично на себе попробовать тяжесть солдатского снаряжения, несколько часов один в полной выкладке рядового 16-го стрелкового императора Александра III полка маршировал по окрестным горам. Когда он вышел в Ореанду и, пройдя по шоссе, нарочно остановился спросить у дворцового городового дорогу в Ливадию, то тот, не узнав царя, ответил довольно резко, что туда нельзя идти и чтобы он повернул обратно. Вряд ли городовой узнал когда-нибудь свою ошибку, так как Государь молча повернулся и пошел, куда ему показали. Другой раз он предпринял такой же марш-бросок более 40 верст в форме рядового 52-го Виленского Е. И. В. великого князя Кирилла Владимировича полка. И опять он никем узнан не был, а «встретивший его по дороге офицер небрежно отдал честь солдату, отбивавшему шаг с поворотом головы при встрече с ним»59, о чем позднее Государь, смеясь, рассказывал своим приближенным.

В связи с этими прогулками царя сначала в Ялте, а позднее по всей России получил распространение следующий анекдот.

Встречаются два еврея, и один говорит другому:

– Абрамович, вы слышали, какой у нас Государь храбрый?

– А что? Нет, не слышал.

– Государь два часа один, совсем один, понимаете, в солдатской форме ходил!

– Ну!.. Это и всё? Какая же тут храбрость? Попробовал бы он надеть наш еврейский лапсердак и пройти мимо дома генерала И.А. Думбадзе! Вот тогда я сказал бы, что он таки – да храбрый!

Дворцовый комендант, генерал А.Н. Дедюлин рассказал Государю этот анекдот. Его Величество, расхохотавшись до слез, ответил: «Ну, на это я, пожалуй, не решился бы! Передайте об этом Ивану Антоновичу…»60

Многие обвиняли самодержцев Александра III и Николая II в антисемитизме. Однако именно во время царствования последнего Государя евреи получили большие права, чем до этого они пользовались в Российской империи, а также в ряде других стран. Перед Февральской революцией предусматривались разработка и принятие царским правительством нового закона о равноправии евреев. Очевидно, некоторые позднее вспоминали эти времена, оказавшись под властью Адольфа Гитлера в цивилизованной Европе. Однако вернемся к последовательности событий.

Результатом испытаний Николаем II новой солдатской амуниции явилось ее усовершенствование и замена вещевого мешка в армии более практичным ранцем.

Командир полка, снаряжение и форму которого лично испытывал император, «испросил в виде милости зачислить Николая II в первую роту и на перекличке вызывать его как рядового». Государь на это согласился и потребовал себе послужную книжку нижнего чина, которую собственноручно заполнил. В графе для имени написал: «Николай Романов», о сроке же службы – «до гробовой доски»61.

Николай II не представлял себе жизни без армии. Он любил бывать и часто присутствовал на парадах и военных смотрах, что поднимало боевой дух полков. «Кончился смотр… Сколько разговоров среди «молодых» солдат про впечатления этого незабываемого для них дня! Сколько писем разносилось по глухим деревушкам – к старикам родителям, к женам с описанием царского

смотра; про царя, царицу, наследника-цесаревича и великих княжон, которых удостоился видеть и слышать их сын или супруг…»

Николай II сохранил человечность по отношению к солдатам в суровые дни Первой мировой войны, когда, повинуясь чувству долга и ответственности перед Россией, принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Его часто можно было видеть на фронте. В конце 1915 г. за участие царя в военных операциях Георгиевская Кавалерийская дума Юго-Западного фронта отметила его орденом Святого Георгия 4-й степени. Наследник Алексей, находившийся с отцом в зоне фронта, был награжден Георгиевской медалью, которой он очень гордился.

Если судить о престолонаследнике и затем императоре Николае II по печатным трудам советского периода, то он выглядит мало пристойно. Таковы были законы и требования послереволюционного времени. Однако обратимся к подлинным архивным документам и свидетельствам очевидцев тех далеких и, как оказывается, актуальных до сих пор событий.

Критики императора Николая II часто обвиняют его во всех земных грехах, всячески подчеркивая его «ничтожество». Обычно в этом ряду в первую очередь отмечается «Ходынская катастрофа» в дни коронации императора в мае 1896 г. в Москве. Стоит напомнить эти печальные события:

«По роковому стечению обстоятельств, последующие дни коронационного празднества были неожиданно омрачены известной катастрофы на Ходынском поле. Здесь на обширном пространстве собралась толпа свыше полумиллиона человек, ожидавшая обещанной раздачи коронационных подарков и гостинцев. Вследствие неожиданного количества собравшихся людей, полиция не сумела справиться с толпой, и в момент начала раздачи подарков произошла невероятная давка»62. Через короткое время порядок был восстановлен, но было уже поздно. Погибших на месте оказалось 1282 человека, раненых несколько сот63. Даже в то время можно было видеть разную оценку этой трагедии. Некоторые говорили, что при коронации королевы Виктории I в Англии погибло гораздо больше народа, чем на Ходынке, и что это никак не отразилось на ее популярности. Можно вспомнить также жертвы во время похорон «отца народов» И.В. Сталина в марте 1953 г., количество их до сих пор составляет государственную тайну. Таких примеров мировая история человечества знает множество. Однако это не может быть оправданием того, что случилось. Члены императорской фамилии также по-разному отнеслись к этому несчастью. Великий князь Александр Михайлович, находясь после

Октябрьской революции в эмиграции, писал о Ходынской катастрофе следующее:

«Согласно программе празднеств, раздача подарков народу должна была иметь место в 11 час. утра на третий день коронационных торжеств. В течение ночи все увеличивавшиеся толпы московского люда собрались в узких улицах, которые прилегали к Ходынке. Их сдерживал только очень незначительный наряд полиции. Когда взошло солнце, не менее пятисот тысяч человек занимали сравнительно небольшое пространство и, проталкиваясь вперед, напирали на сотню растерявшихся казаков. В толпе вдруг возникло предположение, что правительство не рассчитывало на такой наплыв желающих получить подарки, а потому большинство вернется домой с пустыми руками.

Бледный рассвет осветил пирамиды жестяных кубков с императорскими орлами, которые были воздвигнуты на специально построенных деревянных подмостках.

В одну секунду казаки были смяты и толпа бросилась вперед.

– Ради Бога, осторожнее, – кричал командовавший офицер, – там ямы…

Его жест был принят за приглашение. Вряд ли кто из присутствовавших знал, что Ходынское поле было местом учения саперного батальона. Те, кто были впереди, поняли свою роковую ошибку, но нужен был, по крайней мере, целый корпус, чтобы остановить этот безумный поток людей. Все они попадали в ямы, друг на друга, женщины, прижимали к груди детей, мужчины, отбиваясь и ругаясь.

Пять тысяч человек было убито, еще больше ранено и искалечено. В три часа дня мы поехали на Ходынку. По дороге нас встретили возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое "ура" звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдерживать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая

внимания на приближавшуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

– Помни, Ники, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоем царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях… Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея [Александровича] заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета»64.

Теперь обратимся к другим историческим источникам. Император Николай II записал 18 мая 1896 г. в своем дневнике: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки и тут произошла страшная лавка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 1/2 ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 1/2 завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствование при этом печальном “народном празднике”. Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и “Славься”.

Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутаций и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимися предводителям двор[янства]. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello (Монтебелло Луи-Густав, французский посол в России. – *В.Х.*). Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.»65.

В этот же день великий князь Константин Константинович сделал более подробную запись в своем дневнике: «Услыхал от людей, что будто ранним утром, когда на Ходынском поле, где в 2 часа должен был начаться народный праздник, раздавали народу от имени Государя кружки и посуду (кружек было заготовлено полмиллиона), произошла страшная давка, и оказалось до 300 человек, задавленных до смерти.

Тяжело было ехать к 2-м часам на народный праздник, зная, что уже до начала было столько несчастий. Сам я не видел, но мне говорили некоторые, между прочим, Митя (брат К.Р., великий князь Дмитрий Константинович. – *В.Х.*), что на дороге попадались навстречу пожарные с большими фургонами, переполненными трупами несчастных пострадавших.

На поле перед павильоном, построенным для Государя против Петровского дворца, собралось семьсот тысяч народу, т. е. более чем Наполеон привел с собою в Москву. Тут говорили, что погибших уже не 300, а около 1500.

Когда Их Величества показались на балконе павильона, грянуло оглушительное ура. Огромный хор пел “Боже, царя храни” и “Славься” при колокольном звоне и громе пушек. Это была торжественная, захватывающая минута. Вечером Их Величества и все мы были на балу у французского посла. Французское правительство отпустило великолепную мебель и гобелены на украшение дома. Слышал от Витте, что из Государственного казначейства отпускается 300 000 рублей в помощь семьям, пострадавшим на народном празднике»66.

Старшая сестра императора, великая княгиня Ксения Александровна отмечала, что после этих печальных событий было уже не до бала у посла Франции, когда они там находились: «Конечно, мы были расстроены и совсем не в подобающем расположении духа! Ники и Аликс хотели уехать через полчаса, но милые дядюшки (Сергей и Владимир) умоляли их остаться, сказав, что это только сентиментальность (“поменьше сентиментальности!”) и сделали скверное впечатление! Вздор! Бедные Н[ики] и А[ликс] были совсем грустные, конечно»67.

Вернемся к дневнику великого князя Константина Константиновича: «**19 мая** – Москва. Больно подумать, что светлые торжества коронования омрачились вчерашним ужасным несчастьем: более 1000 погибло утром перед народным праздником.

Еще больнее, что нет единодушия во взглядах на это несчастие: казалось бы, генерал-губернатор должен явиться главным ответчиком и, пораженный скорбью, не утаивать или замалчивать происшествие, а представить его во всем ужасе. Между тем это не совсем так. Вчера вечером Государь, узнав, что погибло 300 человек – истинное число пострадавших еще не было ему известно, – вышел к обеду заплаканный и глубоко расстроенный. Я слышал это от очевидца – Сандро. Государь не хотел было ехать на французский бал, но его убедили показаться там хотя бы на один час; и что же: на балу Владимир, Алексей и сам Сергей упросили Государя остаться ужинать…»68

Перелистаем еще несколько страниц самого дневника императора:

«**19-го мая**. Воскресенье. С утра началось настоящее пекло, продолжавшееся до вечера. В 11 ч. пошли с семейством к обедне в церковь Рождества Богородицы наверху. Завтракали все вместе. В 2 ч. Аликс и я поехали в Старо-Екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, в которых лежали несчастные пострадавшие вчера…

20-го мая. Понедельник. День стоял отличный, только было очень ветрено и поэтому пыльно. Поехали к обедне в Чудов монастырь; после молебна Кирилл [Владимирович] присягнул под знаменем Гвардейского Экипажа. Он назначен флигельадъютантом. Был семейный завтрак в Николаевском дворце. В 3 ч. поехал с Аликс в Мариинскую больницу, где осмотрели вторую по многочисленности группу раненых 18-го мая. Тут было 3–4 тяжелых случая…»69

Позднее великая княгиня Ольга Александровна делилась воспоминаниями: «Москва погрузилась в траур. Катастрофа вызвала много откликов. Враги царствующего дома использовали это для своей пропаганды. Осуждали полицию, больничную администрацию и городские власти. И все это вывело на свет много горьких семейных разногласий. Молодые великие князья, особенно Сандро, муж Ксении, возложили вину за трагедию на губернатора Москвы дядю Сергея. Я считала, что мои кузены к нему несправедливы.

Больше того, сам дядя Сергей был в таком отчаянии и предлагал тотчас же подать в отставку. Но Ники не принял ее. Пытаясь возложить всю вину на одного из членов семьи, мои кузены фактически обвиняли всю семью, и это в то время, когда солидарность в семье была особенно необходима. И когда Ники отказался отставить дядю Сергея, они обвинили его»70.

Далее великая княгиня Ольга Александровна рассказывала: «Русские социалисты, укрывшиеся в это время в Швейцарии, обвинили императора в равнодушии к страданиям своих подданных, поскольку вечером Государь и императрица отправились на бал, который давал французский посол маркиз де Монтебелло.

– Я знаю наверняка, что никто из них не хотел идти к маркизу. Сделано это было лишь под мощным нажимом со стороны его советников. Дело в том, что французское правительство истратило огромные средства на прием и приложили много трудов. Из Версаля и Фонтенебло для украшения бала привезли бесценные гобелены и серебряную посуду. С юга Франции доставили сто тысяч роз. Министры Ники настаивали на том, чтобы императорская чета

отправилась на прием с целью выразить свои дружественные чувства по отношению к Франции. Я знаю, что Ники и Алики весь день посещали раненых в больницах. Так же поступили Мама, тетя Элла, жена дяди Сержа, а также несколько других дам. Многие ли знают или желают знать, что Ники потратил многие тысячи рублей на пособия семьям убитых и пострадавших в Ходынской катастрофе? Позднее я узнала от него, что сделать это тогда было очень непросто. Не желая обременять Государственное Казначейство, он оплатил все расходы по проведению коронационных торжеств из собственных средств. Сделал это так ненавязчиво, незаметно, что никто из нас – за исключением, разумеется, Алики – не знал о его поступке»71.

Расследование по делу Ходынской катастрофы первоначально было поручено министру юстиции Н.В. Муравьеву. Затем обер-церемониймейстеру на коронации графу К.И. Палену. По делу расследования был сделан вывод о виновности московской полиции и московского генерал-губернатора. Оберполицмейстер Власовский был уволен со службы. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович просил об отставке, но она не была принята императором. Семьям погибших и пострадавших были выделены крупные пособия, похороны приняты на государственный счет и т. д.

Николай Александрович Романов был среднего роста 5 футов и 7 дюймов (168 см), выделялся пропорциональностью сложения и стройной спортивной фигурой. Волосы имел золотисто-рыжеватого цвета, несколько темнее была тщательно подстриженная, холеная борода. Украшением его красивого продолговатого лица, на котором часто светилась очаровательная улыбка, были голубые глаза. Говорят, что глаза есть зеркало души человека. По мнению многих, у Государя были особые глаза: открытые, голубые, кроткие, полные какой-то особой доброты и простоты, неотразимой привлекательности. Своим взглядом он без слов очаровывал людей, предубежденных против него, обезоруживал своих врагов. Он, как и отец его, Александр III, был однолюб и примерный семьянин, но в отличие от отца зависел, в какой-то степени, от влияния своенравной и властолюбивой супруги Александры Федоровны.

В обществе бытовало мнение относительно слабо вольности Николая II. Но это было общее заблуждение, создававшееся первым впечатлением уступчивости императора. Он не любил спорить и редко в полемике отстаивал свое мнение, однако часто делал так, как считал должным. Об этом есть многочисленные свидетельства графа С.Ю. Витте, других царских министров и политических лидеров. В частности, своеобразие характера Николая II отмечал французский президент Эмиль Лубе: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, беззащитного против влияний и

давлений. Это глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством, он имеет задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видом робости, немного женственной, царь имеет сильную душу и мужественное сердце. Непоколебимое и верное. Он знает, куда идет и чего хочет»72. Эту черту в характере самодержца отмечал и В.И. Гурко в своей книге, посвященной царской чете: «Стойко продолжал он лелеять собственные мысли, нередко прибегая для проведения их в жизнь к окольным путям»73.

Несмотря на то что на Николая II большое влияние имела его супруга, ее настойчивые просьбы, как явствуют их многочисленные письма и дневники, далеко не всегда исполнялись императором. В годы испытаний Первой мировой войны окружение императора считало, что влияние Александры Федоровны (бывшей немецкой принцессы) пагубно для России. Взаимоотношения царя и царицы имели свое своеобразие, т. к. здесь тесно переплетались семейные и государственные дела.

Брак царской четы оказался счастливым, хотя имел длительную предысторию. Вероятно, ни одна из русских императриц не была столь несправедливо опорочена современниками, как супруга Николая II. Александре Федоровне ставили в упрек чрезмерную гордыню и высокомерие, плохой русский язык и скромные туалеты, непонимание и предательство интересов России. Ее имя уличные сплетни тесно связывали с ненавистным и порочным для многих именем Григория Распутина.

Но проходит время и история, освобожденная от оков политики и интриг, четко все расставляет по своим местам. И совсем иным представляется сегодня образ Александры Федоровны – императрицы, жены, матери…

Она родилась 6 июня (25 мая – по старому стилю) 1872 г. в тихом и провинциальном Дармштадте, столице небольшого герцогства Гессен-Дармштадтского, что лежит между Рейном и Майном. При крещении ее нарекли по протестантскому обряду длинно и торжественно: Алиса – Виктория – Елена – Луиза – Беатриса. Она была младшей в большой, дружной семье герцога Людвига (Людовика) IV и урожденной принцессы Алисы Английской (два сына и пять дочерей). Маленькая принцесса являлась общей любимицей, особенно бабушки, английской королевы Виктории I. Близкие называли ее Аликс, а родители величали: наша Санни, т. е. Солнышко. В семье хранили память о посещении Дармштадта супругой Александра II императрицей Марией Александровной, которая, увидев маленькую Алису, сказала баронессе А.К. Пилар: “Поцелуйте у нее руку – это будущая ваша императрица”.

Беда пришла неожиданно. В 1878 г. в городе вспыхнула эпидемия дифтерии. Болезнь не обошла стороной герцогский дворец. Шестилетняя Алиса потеряла мать. Смерть потрясла девочку – она замкнулась в себе, стала робкой и застенчивой.

Большую часть детства и отрочества Аликс провела у бабушки, королевы Виктории I, в Англии, которая с нежностью опекала и воспитывала внучку. Известно, что королева Виктория не любила немцев и особое нерасположение питала к императору Вильгельму II, что невольно передалось и Аликс. Принцесса много занималась, она оказалась способной ученицей и достигла хороших успехов в истории, географии, ее познания в немецкой и английской литературе намного превышали уровень студента колледжа. Аликс прослушала даже курс лекций по философии и была удостоена степени доктора философии Гейдельбергского университета. Она прекрасно пела и музицировала на фортепьяно, но только в тесном кругу близких.

Условия воспитания, определенно, отразились на характере будущей императрицы. Французский посол в России М. Палеолог 7 января 1915 г. отмечал: «Александра Федоровна, родившаяся немкой, никогда не была ею ни умом, ни сердцем. Конечно, она немка по рождению, по крайней мере, со стороны отца, так как ее отцом был Людвиг IV, великий герцог гессенский и рейнский, но она – англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878 г., будучи шести лет, она потеряла свою мать и с тех пор обычно жила при английском дворе. Ее воспитание, ее обучение, ее умственное и моральное образование также были вполне английскими. И теперь еще она – англичанка по своей внешности, по своей осанке, по некоторой непреклонности и пуританизму, по непримиримой и воинствующей строгости ее совести, наконец, по многим своим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все, что проистекает из ее западного происхождения.

Основа ее натуры стала вполне русской. Прежде всего, и, несмотря на враждебную легенду, которая, как я вижу, возникает вокруг нее, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью. И как не быть ей привязанной к этой усыновившей (так в тексте. – *В.Х.*) ее родине, которая для нее резюмирует и олицетворяет все ее интересы женщины, супруги, Государыни, матери?

Когда она в 1894 г. вступала на трон, было уже известно, что она не любит Германии и особенно Пруссии»74.

Вот еще одно мнение графини М.Э. Клейнмихель: «Немецкое происхождение императрицы также служило причиной для недружелюбного к ней отношения,

хотя она, подобно погибшей от руки убийц на Урале, сестре ее Елизавете, получила совершенно английское воспитание. Она гордилась тем, что она внучка королевы Виктории…»75.

В 1884 г. Аликс участвовала в большом событии. Ее сестра Элла (впоследствии великая княгиня Елизавета Федоровна), которая была на 8 лет старше, выходила замуж за брата русского царя, великого князя Сергея Александровича. Вся семья отправилась в далекий Петербург. Великий князь Константин Константинович в этот памятный день записал в дневнике: «В Петергофе недолго пришлось ждать на станции, скоро подошел поезд невесты. Она показалась рядом с императрицей, и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта; с ней приехали отец, брат, старшая сестра с мужем и две младших…»

Под очарованием впечатления и в минуту душевного порыва великий князь Константин Константинович вскоре посвятил своей родственнице прекрасные стихи:

Я на тебя гляжу, любуясь ежечасно:

Ты так невыразимо хороша!

О, верно под такой наружностью прекрасной

Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной

В твоих очах таится глубина;

Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;

Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой

Твою не запятнает чистоту,

И всякий, увидав тебя, прославит Бога,

Создавшего такую красоту!

Рядом с сестрой Эллой принцесса Аликс выглядела совсем маленькой девочкой, затерявшейся среди блеска императорского двора. В церкви во время венчания

она оказалась рядом с шестнадцатилетним цесаревичем Николаем, стройным юношей с удивительно красивыми и выразительными глазами. Оба – натуры замкнутые, настроенные романтично, они, видимо, с первой встречи испытали зарождение серьезного чувства взаимной симпатии, привязанности, которое стало крепнуть в живое и глубокое чувство любви.

После своей свадьбы Николай II, будучи с Александрой Федоровной в Петергофе, сделал в дневнике 3 июня 1895 г. такую запись: «После кофе пошли наверх и обошли Коттедж, учебный дом и итальянский домик у сетки. Видели окно, на котором мы оба вырезали свои имена в 1884 г.»76.

В тяжелые годы Первой мировой войны, в одном из писем 1916 г. Александра Федоровна признавалась своему супругу: «Тридцать два года назад уже мое детское сердце исполнилось глубокой любовью к тебе».

Так началась эта романтическая повесть, герои которой сумели не только годами бороться за право и для коронованных особ брака по любви, но добиться его и построить идеальнейшую семью.

Их следующая встреча произошла через пять лет, когда Аликс приехала к сестре Элле (великой княгине Елизавете Федоровне) погостить. Ей только исполнилось семнадцать лет, и она превратилась в очаровательную, немного грустную девушку с печальными серо-голубыми глазами. Они виделись каждый день, и именно этот приезд Аликс в Россию определил их судьбу. Они полюбили друг друга, хотя понимали, что все будет не так просто. Интуиция не подвела их. До помолвки пролегли еще пять долгих лет. Именно в этот приезд Аликс в Россию цесаревич Николай принимает окончательное решение, что женится только на ней. В своем решении он еще более укрепился, когда узнал из письма тети, великой княгини Елизаветы Федоровны, о надежде на взаимность к нему принцессы Аликс. Великая княгиня в этом послании, написанном на английском языке, сообщала цесаревичу из своего подмосковного имения:

«Ильинское.

29 августа 1890 г.

Милый Ники!

Я надеюсь, что, не получив от меня ни одного письма с тех пор как мы расстались, ты не подумал, что я тебя забыла. Все дело в том, что мне хотелось действительно сообщить тебе новости, ведь ты их, наверное, ждешь с таким нетерпением. Так вот, мы много раз беседовали с ней, и все же преграда,

которую, как я надеялась, можно разрушить, пока еще представляется непреодолимой. Пелли (так она называла Аликс. – *В.Х.*) любит по-прежнему сильно и глубоко (два последних слова подчеркнуты. – *В.Х.*), но только она не может решиться переменить веру. У нее такое чувство, будто бы она делает что-то не так. Я собрала все свои силы, всю свою любовь и сестринскую привязанность, чтобы убедить ее, что она непременно – иначе и быть не может – полюбит эту веру, к которой я тоже собираюсь принадлежать и которая является настоящей и истинной верой, сохранившейся неповрежденной спустя века, и продолжает оставаться такой же чистой, какой она была вначале…»77.

Нельзя сказать, что Александр III с симпатией отнесся к сердечному увлечению сына. Брак наследника престола был слишком серьезным политическим событием, чтобы при этом учитывались нежные чувства детей. Отец не дает своего согласия. Николаю предлагались различные кандидатуры в невесты и в том числе французская принцесса Елена Орлеанская. Однако всегда мягкий и робкий с отцом цесаревич был на этот раз неумолим. Он подвергается многим соблазнам и, по принципу «время лечит», его отправляют для расширения кругозора в длительное морское путешествие.

В октябре 1890 г. наследник престола в сопровождении свиты и родного брата Георгия (средний сын Александра III, умерший от туберкулеза в возрасте 27 лет) начал большое заграничное путешествие, посетив на военном корабле «Память Азова» многие страны мира. У цесаревича в самом начале круиза, судя по всему, было подавленное настроение. В письме из Афин от 5 ноября 1890 г. он с грустью писал домой:

«Моя милая душка Мама,

Я только что получил твое чудное длинное письмо, за которое я не могу тебя достаточно поблагодарить. Пока я его читал, я едва удерживался от слез, при воспоминании того ужасно грустного и тяжелого дня, когда мы расстались на так долго! Пока мы ехали, я все время мысленно был с вами в Гатчине и час за часом следил за тем, что вы должны были в это время делать. Единственное утешение в вагоне были завтраки и обеды, в разговорах с моими спутниками я забывал на несколько минут мое горе. Я так тронут тем, что ты говоришь в твоем письме, и я молю Бога, чтобы Он тебя утешил и не позволил бы грустить о нашем отсутствии! Подумай, милая Мама, каждый день, который проходит, все приближает счастливый день нашего возвращения домой…

Первые три дня мы провели у себя спокойно, но, как я уже писал в телеграмме, после этого началась серия балов подряд: первый был во дворце, второй у французского посланника (Doyen) и сегодня третий – у Опу. В сущности, я

очень веселился, почти как у нас; много знакомых: с прошлого года и порядочно красивых дам – жаль только, что балы следуют три дня подряд. В общем они чрезвычайно напоминают наши балы, только мазурку не танцуют. Вчера у француза было страшно тесно, мне в первый раз пришлось плясать во фраке; говорят, что сегодня у Опу будет еще меньше места. Наши моряки очень усердно танцуют, Оболенский и Волков также, Барятинский не может, а Кочубей и Ухтомский не умеют…

Жаль, что мы остаемся тут всего неделю, тете Ольге так хотелось устроить праздник на «Азове», но положительно времени недостает. Мы уходим в среду 7-го в Порт-Саид и надеемся быть в Каире 10-го. Завтра уезжают д. Павел и Аликс, она привезет тебе это письмо. Ожидаем с громадным нетерпением прибытия первого фельдъегеря в Каир.

Теперь прощай, моя милая душка Мама. Нежно обнимаю тебя, дорогого Папа, Ксению, Мишу и Ольгу. Низкий поклон от моих спутников. Да хранит тебя Бог!

Твой *Ники*»78.

Путешествие для Николая и его молодых спутников оказалось интересным и познавательным. Он видел грандиозный Суэцкий канал, вместе с наследником шведским и принцем греческим поднимался на пирамиду Хеопса, восхищался Индией и экзотикой тропиков, побывал в Китае. Однако его родной брат великий князь Георгий Александрович в связи с резким ухудшением состояния здоровья вынужден был прервать дальнейшее плавание и вернуться с полдороги в Россию. На столе в каюте наследника, рядом с фамильными портретами, постоянно находился и портрет любимой принцессы Аликс. Еще во время путешествия Николай Александрович через курьера получил долгожданное письмо от своей тети великой княгини Елизаветы Федоровны, в котором она сообщала обнадеживающие новости:

«Петербург.

5 марта 1891 года.

Дорогой Ники!

С любовью благодарю за твое милое письмо. С тех пор как я в последний раз писала тебе, у нас столько всего произошло – Сергея назначили генерал-губернатором Москвы. Мы были очень тронуты тем доверием, которое твой отец оказал моему дорогому мужу, дав ему такую важную должность, и добротой и любовью, которые он проявил, сделав Сергея своим генерал-

адъютантом. Но ты легко можешь себе представить, как нас взволновало начало совершенно новой жизни…

Я получила несколько писем от Пелли. Бедняжка, она мучает себя еще больше, чем всегда, и умоляет передать тебе со всей определенностью, что она вправду считает, что этому никогда не бывать. Но ее любовь сильнее, чем раньше, и я вижу, что она думает только о тебе. Тебе придется воевать самому, а я все же всегда надеюсь на Божью помощь. Почему не встретится такое глубокое чувство с обеих сторон? Я даю ей книги – те же, которые я прочла сама, и она, к счастью, их читает и, может быть, в конце концов, так полюбит эту веру, что это даст ей решимость мужественно встретить все то недоброе, что могут о ней сказать. И, наконец, я помню, как сама думала, что никогда не переменюсь, а сейчас так счастлива этим. Она передает тебе большой привет. Молись, дорогой, очень усердно, и, может быть, все будет хорошо.

Суббота перед Вербным воскресеньем будет для меня великим днем. В нашей маленькой церкви эта служба пройдет очень тихо, а после Пасхи мы уедем в Москву.

У нас стоит тихая погода, а за границей везде холодно, совершенно необычно для этого времени года.

От нас обоих большой привет,

остаюсь твоя любящая

Тетушка»79.

Великая княгиня Елизавета Федоровна (старшая сестра принцессы Аликс), как сообщала в письмах цесаревичу, твердо решила принять православие. Это стало общим знаменательным событием для всей императорской фамилии. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике:

«1891 год. Санкт-Петербург

14 апреля.

Вчерашний день был знаменателен для нашего Дома: Элла присоединилась к Православию. Она сделала это не из какихнибудь целей, а по твердому убеждению, после зрелого двухлетнего размышления. Трогательный обряд присоединения совершился у Сергея в его домовой церкви, рано утром. Присутствовали Государь, все семейство (кроме Михен и моей жены, которым

как лютеранкам неудобно было присутствовать) и некоторые близкие знакомые. За обедней Элла причастилась…»80

В связи с этим событием цесаревич подарил своей тете Элле небольшой образ Спасителя на золотой цепочке, с которым она не расставалась вплоть до мученической смерти от рук чекистов. Эта реликвия в настоящее время хранится в храме-памятнике Николаю II в Брюсселе в Бельгии.

Однако вернемся к путешествию Николая Александровича, которого поджидали роковые превратности судьбы.

Круиз завершился в Японии неожиданным покушением на наследника Российского престола. 29 апреля 1891 г. цесаревич Николай Александрович и сопровождавший его в этом путешествии кузен, греческий принц Георгий, в отличном расположении духа отправились в очередную поездку по стране в небольшой городок Оцу. Ничего, казалось, не предвещало беды. Однако, проезжая по одной из узких улочек уютного городка, высокий гость подвергся неожиданному нападению. Вот как сам цесаревич описал этот инцидент в своем дневнике:

«Проснулся чудесным днем, конец которого я бы не видел, если бы не спасло меня от смерти великое милосердие Господа Бога! В 8 1/2 [часов] отправились в дзинрикися (т. е. в коляске рикши. – *В.Х.*) из Киото в небольшой городок Оцу, куда приехали через час с 1/4 удивлялся неутомимости и выносливости наших джинрикшей. По дороге в одной деревне стоял пехотный полк, первая часть, виденная нами в Японии.

Немедленно осмотрели храм и выпили горького чаю в крошечных чашках; затем спустились с горы и поехали к пристани. Ехали вдоль канала, прорытого из оз[ера]Бива внутри гор, работа поистине египетская! С пристани отправились на паровых катерах по озеру к дер[евне] Карасаки, где на мысе стоит огромная сосна около 1000 лет и при ней маленький храм. Здесь рыбаки поднесли разного рода рыбы, только что вытащенные при нас – лососи, форели, лещи, плотва и др.

Вернувшись в Оцу, поехали в дом маленького кругленького губернатора. Даже у него в доме, совершенно европейском, был устроен базар, где каждый из нас разорился на какую-нибудь мелочь; тут Джоржи и купил свою бамбуковую палку, сослужившую мне через час такую великую службу.

После завтрака собрались в обратный путь. Джоржи и я радовались, что удастся отдохнуть в Киото до вечера! Выехали мы опять в джинрикшах в том же

порядке и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы над ухом, повернулся и увидал мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблею в обеих руках.

Я только крикнул: “Что тебе?” и выпрыгнул через джинрикшу на мостовую; увидев, что урод направляется на меня и что его никто не останавливает, я бросился бежать по улице, придерживая кровь, брызнувшую из раны. Я хотел скрыться в толпе, но не мог, потому что японцы, сами перепуганные, разбежались во все стороны. Обернувшись на ходу еще раз, я заметил Джоржи, бежавшего за преследовавшим меня полицейским. Наконец, пробежав всего шагов 60, я остановился за углом переулка и оглянулся назад. Тогда, слава Богу, все было окончено: Джоржи – мой спаситель – одним ударом своей палки повалил мерзавца; и когда я подходил к нему, наши джинрикши и несколько полицейских тащили того за ноги; один из них хватил его же саблей по шее.

Все ошалели; чего я не мог понять, это каким образом Джорж, я и тот фанатик оставались одни посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне и остановить полицейского. Из свиты, очевидно, никто не мог помочь, так как они ехали длинной вереницей; даже принц Арисугава, ехавший третьим, ничего не видел. Мне же пришлось всех их успокаивать, и я нарочно оставался подольше на ногах. Рамбах сделал первую перевязку, а главное, остановил кровь; затем я сел в джинрикшу, все окружили меня: и так шагом мы направились в тот же дом. Жаль было смотреть на ошалевшие лица принца Арисугава и других японцев; народ на улицах меня тронул; большинство становилось на колени и поднимало руки к лицу в знак сожаления. В доме губернатора мне сделали настоящую перевязку и положили на диван в ожидании прибытия поезда из Киото. Более всего меня мучила мысль о беспокойстве дорогих Папа и Мама и о том, как написать об этом случае в телеграмме. В 4 час[а] отправились на жел[езную] дорогу под большим конвоем пехотного батальона. В поезде и в карете в Киото голова сильно ныла, но не от раны, а от туго завязанного бинта. Как только приехали к себе, сейчас же доктора приступили к заделке повреждений на голове и к зашиванию ран, которых оказалось две. В 8 1/2 [часов] все было готово; я себя чувствовал отлично, после скудного (диета) обеда лег спать с мешком льда на башке. Вот как благодаря милости Божьей этот день благополучно кончился!»81.

Как отмечал князь Э.Э. Ухтомский, находившийся в свите и позднее написавший трехтомник «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891», первыми словами Николая Александровича после этого инцидента были: «Это ничего, только бы

японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие». Эти же слова были повторены «цесаревичем тотчас же принцу Арисугава, подбежавшему к нему несколько секунд спустя».

Великий князь Константин Константинович 1 мая 1891 г. записал в дневнике: «Когда я встал вчера, камердинер Степанов показал мне «Правительственный вестник», в котором была телеграмма об избавлении цесаревича от грозившей ему опасности. Это было в Японии, в окрестностях города Киото. На наследника напал японец-полицейский и нанес ему удар саблею по голове. Бывший тут мой племянник Georgie, грек, повалил на землю злоумышленника, ударив его палкой. Рана цесаревича, к счастью, не опасна, он не слег и чувствует себя хорошо. В Гатчине был назначен благодарственный молебен. Я и так собирался ехать туда являться по случаю выступления в командование полком, а тут и вся семья туда поехала. Я был позван к Государю в его приемный кабинет, хотя прием и был отказан. Я вошел к Государю, как только кончился доклад статс-секретаря по делам Финляндии Дена. Царь меня поцеловал и, выслушав мои поздравления со спасением цесаревича, сказал, что телеграммы приходят успокоительные, что у Ники нет лихорадки, и он продолжает путешествие»82.

Это происшествие в Японии, как впрочем, и всё, что происходило в Императорском Доме Романовых, стало вскоре достоянием широких кругов общества. Известный московский репортер В.А. Гиляровский набросал довольно едкий и актуальный для всех времен экспромт, который тайно ходил по рукам:

Приключением в Оцу

Опечален царь с царицею

Тяжело читать отцу,

Что сынок побит полицию.

Цесаревич Николай,

Если царствовать придется,

Никогда не забывай,

Что полиция дерется.

Покушение на Николая Александровича в Японии показало, что жизнь представителей царской семьи не была гарантирована от террористов не только в России, но и за рубежом. В связи с этим в царской семье великий князь Георгий Александрович 11 июня 1891 г. был назначен опекуном над младшим братом Михаилом.

Инцидент в Оцу вызвал массу толков, как в России, так и в других странах. Он широко освещался на страницах мировой печати. Однако многие обстоятельства покушения на цесаревича, в частности причины и цели, а также его организаторы, остались нераскрытыми. Вызывает интерес поведение тридцатисемилетнего полицейского-террориста в ходе следствия, который вроде бы долго не давал никаких показаний, а затем выдвинул сомнительную версию, что он принял цесаревича за того человека, который прибыл в страну с шпионскими целями для подготовки вторжения в Японию. В итоге Верховный суд приговорил Цуда Сандзо к пожизненному заключению, хотя японское правительство настаивало на вынесении ему смертной казни. Внезапная смерть осужденного в тюрьме спустя всего несколько месяцев после суда дала еще один повод полагать, что это не был маньяк-одиночка, а само покушение было подготовлено достаточно влиятельными силами.

Это «темное дело» позднее даже пытались привязать к дипломатическим и военным событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. В доказательство последнего, часто ссылаются на авторитет влиятельного сановника С.Ю. Витте, который указывал в опубликованных воспоминаниях по этому поводу следующее:

«Этот инцидент весьма тягостно отразился в Петербурге; он очень сильно подействовал на императора Александра III и не менее тягостно, что вполне естественно, подействовал и на наследника. Мне представляется, что это событие вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к Японии, т. е. я хочу сказать, что этот удар шашкой японского изувера, нанесенный в голову молодому цесаревичу, конечно, неблагоприятно повлиял на его впечатление о Японии и о японцах в частности.

Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев, как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особой легкостью воспринимался императором, а потому император всегда относился к японцам презрительно.

Когда началась последняя ужасная и несчастная война, то в архивах всех министерств можно было найти официальные доклады с высочайшими надписями, в которых император называет японцев «макаками».

Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной и бессильной, которая может быть уничтожена одним щелчком российского гиганта, то, вероятно, мы бы не начали эту позорную политику на Дальнем Востоке, не заявили бы, что мы должны иметь верховенство в Тихом океане, не захватили бы Порт-Артур, не втюрились бы в эту войну и не пережили бы всех тех ужасов, которые мы переживали как во время войны, так еще больше как ее последствия…

Наконец, поездка из Владивостока через всю Сибирь на почтовых, конечно, тоже не могла не произвести реального впечатления величия той роли, которая Богом предназначена для молодого наследника, будущего императора.

Поэтому, естественно, все это вместе в мировоззрении молодого цесаревича не могло не занять своего места среди других впечатлений, которые должны были найти приют в сердце и уме цесаревича. Он гораздо более склонял свою голову, свой ум и свои чувства в направлении к Востоку и притом к Востоку Дальнему, нежели к Востоку Ближнему и к Западу.

Вследствие этого, можно сказать, поездка его на Дальний Восток в известной степени как бы предрешила и характер всего его царствования. Вот почему я говорю, что поездка эта была фатальна»83.

Можно, конечно, соглашаться или нет с такими однозначными выводами графа С.Ю. Витте, но нельзя не учитывать, что воспоминания писались в 1911 г., когда бывший министр давно находился в отставке и испытывал к царю, так сказать, не лучшие чувства. Впрочем, многие дипломаты отмечали, что Николай II во внешней политике определенно держался по крайней мере двух принципов: Россия должна наращивать свое влияние на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и прав был его прадед Николай I, когда говорил, что “где стоит русская нога, оттуда уходить нельзя”. Вместе с тем известно, что Николай II высказывал в этой области политики и другое мнение: “Пойти вперед легко, остановиться трудно”.

Однако вернемся к дневникам самого цесаревича во время нахождения его еще в Японии. Записи в дневнике в какой-то степени опровергают утверждения графа С.Ю. Витте. Спустя всего два дня после покушения, 1 мая 1891 г., Николай Александрович отмечает в своем дневнике: «Встал бодрым и веселым… Все японское мне также нравится теперь, как и раньше 29-го, и я

нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика, их соотечественника; мне так же, как прежде, любы их образцовые вещи, чистота и порядок…»84.

6 мая цесаревич торжественно отметил на борту «Азова» свое 23-летие и лично вручил двум своим спасителям джинрикшам «по золотой медали и по 2500 долларов каждому, сказав им, что они будут получать по 1000 дол[ларов] пенсии ежегодно до смерти»85. По тем временам это были большие деньги.

В день отъезда из Японии 7 мая 1891 г. наследник Российского престола записал свои впечатления: «Настал последний день нашей стоянки в японских водах; странно сказать, что не без грусти оставляю эту любопытную страну, в которой мне все нравилось с самого начала, так что даже происшествие 29-го апр[еля] не оставило после себя и следа горечи или неприятного чувства»86. На следующий день в дневнике еще одна запись:

«И грустные и радостные мысли толпились в голове при расставании с Японией: первые оттого, что не удалось проехать через всю эту любопытную страну, которая мне понравилась больше всех других, а также потому, что предстоявший переход во Владивосток был последним на чудном «Азове», радостные мысли оттого, что благодаря этой перемене маршрута я могу вернуться домой двумя неделями раньше; пожалуй, успею захватить конец лагеря»87.

После возвращения с Дальнего Востока через необъятные сибирские просторы в Петербург цесаревич 21 декабря 1891 г. записывает в своем дневнике:

«Рассуждали о семейной жизни. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года прошло с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петергофе, а с тех пор ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г[ессенской]. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy оставил или был отказан, единственное препятствие или пропасть между нею и мною – это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти убежден, что наши чувства взаимны!

Все в воле Божией. Уповая на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее»88.

Еще через месяц, 29 января 1892 г., он напишет в дневнике: «В разговоре с Мама утром она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери гр. Парижского, что меня поставило в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а, по-видимому, Мама желает, чтобы я следовал этой! Что будет?»89.

Однако Николай остался верным своему сердечному выбору и продолжал с упорством ждать, когда родители согласятся на этот брак. Принцесса Алиса отклонила предложение стать невестой английского наследника престола принца Эдуарда. 1 марта 1891 г. скончался ее отец, и она осиротела, но интуитивно чувствовала, что в мире есть еще одно сердце, в котором она живет. Время продолжало свой неумолимый бег.

Император Александр III был в расцвете лет, и никто не мог предполагать, что царствование его будет скоротечным. Тем не менее он постепенно начал подготавливать наследника к Государевой службе. С 1889 г. для ознакомления с управлением государства Николай стал участвовать в работе Государственного совета и Комитета министров. В этих же целях он часто сопровождал отца в официальных поездках по стране. В конце 1891 г. на цесаревича были возложены обязанности председателя Особого комитета для помощи нуждающимся в неурожайных местностях, а в 1892 г. он возглавил Комитет по сооружению Транссибирской железной дороги. На этом новом поприще наследник добился определенных успехов. Позднее граф С.Ю. Витте отмечал в своих воспоминаниях: «Я должен сказать, что когда наследник стал председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. Как я уже имел случай говорить, в этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца»90.

В 1893 г. Николай Александрович был послан в Лондон представлять царскую фамилию на бракосочетании его двоюродного брата принца Георга, герцога Йорского, будущего короля Георга V, с принцессой Марией Тэкской. Цесаревича поселили во дворце Мальборо вместе с остальными августейшими персонами королевских дворов Европы. Свадьба состоялась 24 июня (6 июля) в прекрасный летний день. Николай с грустью мечтательно представлял, как было бы хорошо, если бы на месте этой счастливой пары находились он и Аликс. Представить это было достаточно легко, так как Георг и Николай были столь похожи друг на друга, что даже люди, которые их хорошо знали, путали одного с другим. Георг лишь был немного ниже ростом и тоньше, чем Николай, лицо у

него было более узким, и глаза более выдавались вперед, но оба расчесывали волосы на прямой пробор и носили одинаковую вандейковскую остроконечную бородку. Стоя рядом друг с другом, они выглядели как братья-близнецы. Тем более их роднило то, что цесаревич в совершенстве владел английским языком и манерами изысканного джентльмена. Несколько раз в течение церемонии это сходство было причиной ряда курьезных замешательств.

Весною 1894 г. Александр III заболел инфлюэнцей, которая дала осложнения на почки и вызвала брайтонову болезнь (нефрит почек). Первой причиной болезни, очевидно, были ушибы, полученные во время железнодорожной катастрофы под Харьковом (недалеко от станции Борки) 17 октября 1888 г., когда чуть не погибла вся царская семья. Император получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в кармане серебряный портсигар оказался сплющенным. С того памятного и трагического события прошло шесть лет. Врачи настаивали на немедленной перемене климата и советовали ему переехать на Корфу в Италию. Император предпочел отправиться в Крым, заметив: “Если мне суждено помирать, так уж лучше дома”. Двор переселился в Ливадию, но болезнь продолжала прогрессировать.

К 1894 г. всем стало ясно, что главными победами эпохи царствования Александра III стало разгром революционеров и сохранение мира с другими государствами. Император утратил былой порыв к преобразованиям Российской империи и, по воспоминаниям генерала Н.А. Епанчина, потерял веру в то, что министры способны исполнять точно его волю. Он уже физически не мог, как раньше принимать самостоятельных решений и впадал во все большую зависимость от ВоронцоваДашкова, Черевина и Рихтера. Он все чаще просил их просматривать деловые бумаги, поступающие к нему от министров.

Еще до переезда в Крым Александр III выразил желание женить или, по крайней мере, помолвить наследника престола. Николай был счастлив, что, наконец, смог получить разрешение своего державного отца на помолвку с его ненаглядной принцессой, которую ласково называл Аликс. Вечером 2 (14) апреля 1894 г. он в обществе трех августейших дядей, их жен и свиты выехал в Кобург, официально – на свадьбу брата принцессы Алисы (герцога Эрнеста-Людвига Гессенского с принцессой Викторией-Мелитою Саксен-Кобург-Готской), а фактически – сделать ей предложение. Туда же поспешил и император Вильгельм, озабоченный устроить брак наследника Российского престола с немецкой принцессой и боявшийся, как бы цесаревич не попал в английские сети. 4 апреля Романовы прибыли в Кобург, торжественно встреченные родственниками, парадом войск и восторженным населением.

Однако надежды на успех были минимальные. Об этом можно судить по дневниковой записи великого князя Константина Константиновича (известный поэт «К.Р.») от 9 апреля 1894 г.:

«Я узнал от императрицы (имеется в виду Мария Федоровна. – *В.Х.*), что в день отъезда Ники из Гатчины, т. е. в субботу 2 апреля, Ксения (великая княжна Ксения Александровна. – *В.Х.*) получила телеграмму от Алисы, теперешней невесты, которая предупреждала, что останется непреклонной, т. е. не согласится присоединиться к православию. Ники был очень огорчен и хотел остаться, но императрица настояла, чтобы он уехал. Она советовала ему доверчиво обратиться к королеве Виктории, которая имеет большое влияние на свою внучку. Итак, не было никакой надежды, что помолвка состоится…»91.

Тем временем «светское общество» обеих столиц России нетерпеливо ожидало дальнейших событий, и недостаток информации усиленно компенсировало различными слухами и сплетнями. Особым вниманием был удостоен наследник престола. Своеобразным барометром атмосферы аристократических кругов можно считать дневник хозяйки влиятельного петербургского салона, убежденной монархистки генеральши А.В. Богданович, фиксировавшей в нем на протяжении многих лет факты и всякую услышанную, мягко сказать, всячину, а вернее – сплетни. Так, в 1889 г. она зафиксировала не очень лестный отзыв о цесаревиче Николае: «Цесаревич любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет вставать, говорит не очень приветливо и развивается физически, но не умственно»92. Последующие записи, относящиеся к началу 1894 г., также полны скептицизма: «Он очень упрям и советов не терпит»93. И далее еще, скорее всего, из области слухов, но воспринятых влиятельной генеральшей как достоверные факты: «Цесаревич ведет очень несерьезную жизнь… не желает царствовать, не желает жениться»; «Датская королева (т. е. бабушка цесаревича Николая. – *В.Х.*) хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника» и т. п. Как говорят в таких случаях: комментарии излишни.

Возможно, на это не стоило отвлекать внимание наших читателей, если бы не следующие обстоятельства: широкая циркуляция подобных извращенных слухов в обществе и явное желание многих покопаться в чужом белье. Это порочное явление захватило многих высокопоставленных чиновников, в том числе и дипломатов, профессионально «чутких на ухо» до всякого рода сплетен. Так, в дневнике графа В.Н. Ламздорфа (советника российского министра иностранных дел) имеется запись от 4 апреля 1894 г.:

«После завтрака ко мне заходил Деревицкий; он близок с несколькими молодыми людьми, бывающими у балерин Кшесинских; рассказывают, будто бы та из сестер, которой покровительствует наследник-цесаревич, упрекала его, что он отправляется к своей «подлой Алиске» и что будто бы Его Императорское Высочество применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его. В 2 часа меня вызывает министр. Мы разговариваем, в частности, о том, что произойдет в Кобурге; г[осподи]н Гирс тоже сомневается, чтобы великий князь наследник-цесаревич решился на женитьбу; ему известно из надежных источников, что начальник полиции Валь жалуется на трудности, возникающие у полицейских при ночных посещениях балерины наследником-цесаревичем. Великий князь предпочитает возвращаться от нее пешком и инкогнито. Заметив, что за ним ведется наблюдение во время таких прогулок, он пожаловался генералу Валю; тот попробовал оправдать принимаемые меры, доказывая, что они имеют целью заботу о безопасности, а не слежку; в ответ наследник-цесаревич будто бы заявил: "Если я еще раз замечу кого-нибудь из этих наблюдателей, то я ему морду разобью – знайте это". Если услышанное мною соответствует действительности, то будущее многообещающе! Впрочем, некоторые из молодых людей, близких к наследнику, считают, что он предоставляет собой подрастающего Павла I…»94. Как мы видим, крупицы подлинного утонули в море вымысла и лжи, что создавало негативную атмосферу в определенных кругах общественного мнения против наследника престола.

Через неделю граф делает новую запись: «В 11 часов виделся с министром. Несколько дней тому назад разрешили продажу фотографий принцессы Алисы, теперь их можно найти в витрине любого магазина, где продают открытки и гравюры. Г-н Гирс, когда я ему показываю одну из таких фотографий, не находит будущую цесаревну красивой. Он рассказывает, что во время своего первого появления при нашем дворе, в 1889 г., она даже показалась ему уродливой. В те времена наследникцесаревич избегал встречаться с ней, Государыне она тоже не нравилась… Теперь уверяют, будто наследник влюблен в нее целых пять лет, будто он все эти годы постоянно носил с собой ее портрет и т. д., и т. п. Все это не соответствует действительности, а вот радость Их Величеств действительно искренна. Государь и Государыня, видимо, раскрыли лишь совсем недавно связь их августейшего сына с балериной Кшесинской, а его затянувшееся холостячество уже начинало их беспокоить»95.

Забегая вперед, отметим, что многие представления автора дневника и близких к нему персон вскоре кардинально изменятся.

Стоит также процитировать воспоминания самой балерины М.Ф. Кшесинской, написанные на склоне лет. Правда, они далеко не всегда соответствуют действительности событий. Читая их, создается порой впечатление, что знаменитая прима-балерина желаемое выдавала за действительное. Она немного не дожила почти до 100-летнего своего юбилея. Злые языки утверждали абсурдные вещи в ее биографии, которые перекочевывают до сих пор на страницы авантюрных политических и любовных романов. Одной из таких распространенных небылиц являлось утверждение, что в 1894 г. наследник престола Николай Александрович уже имел от нее ребенка?! Но вернемся к событиям помолвки цесаревича и предоставим слово самой М.Ф. Кшесинской: «Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто наследник привозил с собой дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе»96.

И далее: «Мнения могут расходиться насчет роли, сыгранной императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней наследник нашел себе жену, целиком восприявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга. В тяжелые дни испытаний и заключения она была его верной спутницей и опорой и вместе с ним со смирением и редким достоинством встретила смерть.

Известие об его сватовстве было для меня первым настоящим горем… Я понимала, что тревожное состояние здоровья Государя ускорит решение вопроса о помолвке наследника с принцессою Алисою, хотя Государь и императрица были оба против этого брака по причинам, которые остались до сих пор неизвестными… После своего возвращения из Кобурга наследник больше ко мне не ездил…»97

Однако оставим М.Ф. Кшесинскую, обывательские слухи столичной публики и вернемся к заграничной поездке наследника престола.

Первый серьезный разговор Николая с принцессой Аликс произошел на следующее утро после прибытия в Кобург, о чем он записал в своем дневнике: «5 апреля. Вторник. Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов пришли к т[ете]Элле в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела и выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и все же очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала…»98

На следующий день новая запись: «…Аликс потом пришла, и мы говорили с ней снова; я поменьше касался вчерашнего вопроса, хорошо еще, что она согласна со мной видеться и разговаривать…»99

Наследник Николай всё медлил с решительным предложением, опасаясь, вероятно, получить отказ. Наконец, колебания и томительные ожидания были преодолены. 8 апреля 1894 г. в дневнике появилась запись: «Чудный, незабвенный день в моей жизни – день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После 10 часов она пришла к т[ете] Михен (великая княгиня Мария Павловна, супруга великого князя Владимира Александровича. – *В.Х.*) и, после разговора с ней, мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какою радостью удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я целый день ходил как в дурмане… Даже не верится, что у меня невеста»100.

Через день, 10 апреля 1894 г., в письме к матери Николай описал пережитое: «Моя милая дорогая Мама, я не знаю, как начать это письмо, потому что столько хочется сказать, что мысли путаются в голове… На другой день нашего приезда сюда я имел с Alix длинный и весьма нелегкий разговор, в котором я постарался объяснить ей, что иначе как дать свое согласие она не может сделать другого! Она все время плакала и только шепотом отвечала от времени до времени: “Нет, я не могу”. Я все продолжал, повторяя и настаивая на том, что уже раньше говорил. Хотя разговор этот длился больше двух часов, но он окончился ничем, потому что ни она, ни я друг другу не уступали. На следующее утро мы поговорили гораздо более спокойно; я ей дал твое письмо, после чего она ничего не могла возразить… Она захотела поговорить с т. Михен; это ей тоже посоветовал и Эрни. Уезжая, он мне шепнул, что надежда на добрый исход есть. Я должен при этом сказать, что все эти три дня чувствовалось страшное томление; все родственники поодиночке спрашивали меня насчет ее, желали всего лучшего, одним словом, каждый выражал свое сочувствие весьма трогательно. Но все это возбуждало во мне еще больший страх и сомнение, чтобы как-нибудь не сглазили. Император (Вильгельм II. – *В.Х.*) тоже старался, он даже имел с Alix разговор и привел ее в то утро 8-го апреля к нам в дом. Тогда она пошла к т. Михен и скоро после вышла в комнату, где я сидел с дядями, т. Элла и Wilhelm. Нас оставили одних, и… с первых же слов… согласилась! О Боже, что со мной сделалось тогда! Я заплакал, как ребенок, она тоже… Нет! Милая Мама, я тебе сказать не могу, как я счастлив и так же, как я грустен, что не с вами и не могу обнять тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, места все кажется милым, добрым, отрадным.

Я не мог совсем писать, руки тряслись, и потом, в самом деле, у меня не было ни одной секунды свободы. Надо было делать то, что остальное семейство делало, нужно было отвечать на сотни телеграмм и хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другая: веселой и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое Его благодеяние…»101

В ответ на это взволнованное послание сына императрица Мария Федоровна направила ему нежное письмо, а принцессе Алисе дорогой подарок, прося ее не называть больше тетей, а мамой.

Волей случая рядом со счастливой парой, оказался их будущий слуга камердинер А.А. Волков, который разделил их скорбный путь в Сибирской ссылке и только чудом избежал расстрела в Перми. В это время на свадьбе в Кобурге он находился с великим князем Павлом Александровичем, о чем позднее вспоминал: «Особенно памятна мне первая моя встреча здесь с будущей императрицей. Великий князь Павел Александрович поручил мне доставить ей ценный от него подарок. Я отправился в занимаемое ею помещение Кобургского дворца и застал ее в одной из тесных дворцовых гостиных. Сидела она на диване вместе со своим женихом и при виде меня как-то сконфузилась и отошла к окну, ничего мне не сказав. Наоборот, будущий император приветствовал меня очень ласково:

– А, милый Волков, что скажешь хорошего?

Я доложил о цели моего прихода, и тогда Цесаревич пригласил подойти свою невесту, объяснил ей, кто я таков и зачем явился. Она, по-видимому, была рада подарку и милостиво отпустила меня, дав на прощание поцеловать руку. В Кобурге мы пробыли около трех недель, весело и разнообразно. Особенно оживлял собравшееся там общество своею веселостью и подвижностью великий князь Владимир Александрович. Там же видел я впервые императора германского Вильгельма II. Он держал себя не только скромно, но, по временам, прямо заискивающе. Дело доходило до того, что он самолично помогал надевать пальто великим князьям. Вообще чувствовалось, что он выбивается из сил, чтобы понравиться русской царской семье. Но особенных симпатий у нее он, кажется, не завоевал»102.

Позднее императрица Александра Федоровна часто вспоминала этот счастливый день их обручения. В ее письме к Николаю II от 8 апреля 1915 г. мы читаем: «Мои горячие молитвы и благородные мысли, полные глубочайшей любви, витают над тобой сегодня в эту дорогую годовщину. Как время летит – уже 21 год! Знаешь, я сохранила это серое платье принцессы, в котором я была в

то утро. Сегодня надену твою любимую брошку»103. И через год в другом письме супругу на фронт: «Дорогой мой, более чем когда-либо я буду думать о тебе в 22-ю годовщину нашего обручения. Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства… Сегодня я буду носить твою дорогую брошку. Я еще ощущаю твой серый костюм, запах его, у окна в Кобургском дворце…»104. И даже в письмах царской семьи из Тобольской ссылки можно найти строки: «Сегодня 24-я годовщина нашей помолвки…»105

Не правда ли, такие браки совершаются разве что только на небесах!

Перед отъездом в Россию Николай открылся перед невестой о своем мимолетном романе с Кшесинской, на что Аликс великодушно и мудро заметила, сделав запись 17 июля 1894 г. в его дневнике: «Я твоя, ты мой – будь в этом уверен! Ты пленен в моем сердце, и ключик потерян, и ты навсегда останешься там. Дорогой Ники!»106.

Тем временем состояние здоровья Александра III катастрофически ухудшалось. На консилиуме 4 октября 1894 г. врачи без колебаний решили, что больному осталось жить недолго. Пульс не падал ниже 100 ударов в минуту, отеки уменьшить не удавалось, положение осложнялось болезнью сердца, которую раньше вообще не замечали. Аликс по вызову срочно выезжает в Россию. В Берлине ее провожал император Вильгельм II. В октябре 1894 г. немецкие газеты писали о ней: «Она изволила получить всестороннее и прекрасное образование. Отличительной чертой ее характера является милосердие к страждущим и благотворение. Она очень любит читать, преимущественно путешествия и исторические сочинения. С русским языком она успела познакомиться настолько, что перед отъездом из Дармштадта довольно хорошо владела им».

Аликс ехала в Крым как частное лицо. В Варшаве встречала ее родная сестра великая княгиня Елизавета Федоровна. Ксения Александровна 10 октября 1894 г. записала в дневнике о встрече принцессы в Крыму: «День эмоций! Утром у нас сидел Николай! В 11 1/4 ч. поехали в Ливадию. Ники отправился в 10 ч. в Алушту встретить невесту. – У Папа был отец Иоанн. Огромная эмоция, Папа был утомлен. Спал он не дурно. В 12 ч. завтрак. Папа с Мама отдельно. – Д. Владимир и т. Михень пришли сегодня ночью на «Саратове» из Одессы. – Потом Папа лег в постель. Днем ходили с Ники гр[еческим], Минни и Джорженькой к морю. Миша и Беби верхом, чудили. Погода парадидьяк[4], 19° в т[ени] и тихо. – У моря очень хорошо. Вернулись в экипаже. Зашли к т. Михень. Был чай у Мама. У Папа вид был лучше опять. В 5 1/4 ч. приехали Alix с Ники. Очень красивая, приветливая, ужасно взволнована. Так хорошо, что приехала.

Ее сейчас же повели к Папа. Папа также очень взволнован. Потом краткое молебствие в маленькой церкви. Было довольно много народу. Ужасно трогательно, но так грустно! Вернувшись, читала у себя. Обедали, как всегда, наверху с Alix, а потом играли в карты. Папа очень устал, хотел спать. 19° тепла всю ночь»107.

Незадолго до смерти, когда император Александр III уже передвигался с большим трудом, узнав о приезде в Ливадию жениха и невесты, он надел мундир и поднялся навстречу. "Что вы делаете, Ваше Величество", – с ужасом воскликнул, увидев это, лейб-медик императора Гирш. "Не ваше дело", – возразил Александр III, – "я так поступаю "по Высочайшему повелению". Император оказал большое уважение Аликс и проявил к ней большую ласку, о чем она вспоминала всю жизнь.

Задатки властности Аликс проявились еще до вступления ее в брак. Уже через пять дней после приезда в Ливадию она сочла нужным записать в дневнике своего жениха: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко… Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты, дорогой, сын твоего отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»108.

В этой записи уже ясно слышны те нотки, которые впоследствии так громко зазвучали в ее письмах к Николаю II периода Первой мировой войны и Февральской революции.

Тем временем в столице распространяются тревожные слухи о скорой кончине императора Александра III и предстоящих потрясениях в России. Уже знакомый нам граф В.Н. Ламздорф 13 октября 1894 г. зафиксировал в своем дневнике: «Министр страдает одышкой несколько сильнее обычного; говорит, что вчера ему нанес визит генерал Вердер (германский посол в России. – *В.Х.*), настроенный весьма пессимистически относительно здоровья нашего Государя под влиянием сведений из Берлина. Генерал Вердер, обычно хорошо информированный, рассказал г-ну Гирсу, что министр внутренних дел по телеграфу запросил наследника-цесаревича, находящегося в Ливадии, не должен ли и он прибыть туда, учитывая складывающуюся обстановку; в ответ министр внутренних дел будто бы получил от Его Императорского Высочества следующую телеграмму: "В настоящее время министры должны оставаться на своих местах". В городе ходят всякие слухи, речь идет даже о том, что свадьба наследника-цесаревича будто бы будет сыграна в ближайшие дни»109.

На следующий день он возвращается к тем же проблемам и записывает: «На сегодняшнем молебне в нашем посольстве в Берлине присутствуют кайзер

Вильгельм, принцы, высокие сановники двора и т. п. Кайзер, как и все другие присутствующие, становится на колени во время произнесения молитвы о здоровье нашего монарха. На молебне присутствуют также канцлер граф Каприви и прусский министр внутренних дел граф Эйленбург; в тот же день, двумя часами позже, оба они уходят в отставку. Их отставка и возвращение кайзера к некоторым политическим тенденциям Бисмарка становятся основой довольно неожиданного государственного кризиса. Министр внутренних дел г-н Дурново наносит визит г-ну Гирсу. Опираясь на имеющиеся у него сведения, он заявляет, что нет никакой надежды спасти Государя, дни которого сочтены. Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десяток дней тому назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя великий князь наследник-цесаревич. Государь ограничивается тем, что ставит подпись и накладывает резолюции на тех бумагах, где это совершенно необходимо… Как рассказал министр внутренних дел, приняты решительные меры по предотвращению беспорядков, возникновение которых было вероятным, судя по некоторым признакам. Так, например, на Юге были сделаны попытки распространять слухи, будто Государя лечат почти исключительно врачи-евреи (Лейден, Захарьин, Гирш), с целью вызвать в случае катастрофы один из тех еврейских погромов, которые в дальнейшем послужат отправной точкой внутренних беспорядков. Министр Дурново считает также, что в Ливадии состоится в недалеком будущем если не свадьба, то обручение наследника. К вопросу о евреях. Среди петиций и писем, полученных из-за границы и пересланных в министерство в пакетах из Ливадии, я нахожу следующий своеобразный документ: “Париж, 4 октября 1894 г. О, царь, император всея Руси, самодержавный властитель миллионов людей, вся твоя сила не мешает тебе страдать подобно самому обычному из смертных. Самые знаменитые доктора мира не излечат тебя от болезни, ниспосланной тебе Богом в наказание за твою жестокость и в напоминание о том, что ты просто человек, подобный всем другим, и что тебе нужно подумать о страданиях, причиняемых тобою израилитам России. Верни им свободу, вспомни, что они люди, подобные тебе самому, не преследуй расы, по отношению к которой у тебя не может быть никаких упреков. В этом твое спасение! Пусть только с израилитами обращаются в России наравне с другими твоими подданными, и ты выздоровеешь! Некто французский израилит”. Невольно напрашивается в связи с этим воспоминание о трагической и таинственной смерти одного из главных поваров, исчезнувшего во время возвращения части придворной челяди из Спалы; его раздавленное тело нашли потом на железнодорожных путях»110.

Как мы можем видеть из этих дневниковых записей графа, при только наметившейся смене монарха у чиновников разного ранга проявился профессиональный стереотип мышления, т. е. определения новых ориентиров в

своей карьере и поиска новых врагов, которые могли бы гарантировать их незаменимость на посту в государственном аппарате власти.

19 октября 1894 г. как в обеих столицах, так и по всей России во всех церквах и храмах был отслужен молебен о здравии императора. Болезнь царя-миротворца привлекала внимание многочисленной прессы во всем мире. Молебны за здоровье русского царя прошли в Великобритании и в соборе Парижской Богоматери; в Ватикане такую службу провел папа Лев XIII, а в Вашингтоне в аналогичной службе участвовали президент Кливленд, его кабинет и конгрессмены. Даже британский посол в эти дни вынужден был признать: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие». Сам лично принимавший участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Александр Александрович, как известно, заявлял: «Всякий правитель… должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны»111. Не так давно на Западе широко бытовало негативное отношение к российскому императору. Эмиль Диллон (корреспондент английской газеты «Дейли телеграф») в очерке, посвященном жизни императора Александра III, констатировал: «Таков этот царь, пугало для Западной Европы, где политические карикатуры иначе не изображает его, как в образе медведя с короной на голове, – человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства»112. Теперь Российская империя и весь мир замерли в тревожном ожидании дальнейших событий.

Находясь на смертном одре, император Александр III был обеспокоен тем, что сын Николай не был еще в полной мере подготовлен к той тяжкой ноше, которую он безвременно перекладывал на него. За два дня до кончины между ними состоялся обстоятельный разговор. В частности, умирающий отец завещал наследнику престола: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я, и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет назад от истекшего кровью отца… Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть… В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое “передовое общество”, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть? Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало

только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит к благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего, покровительствуй церкви. Она не раз спасала Россию в годины бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства»113.

Спустя всего десять дней по прибытии Аликс в Россию, 20 октября 1894 г. император Александр III скончался в возрасте 49 лет. Даже утром, в последние минуты своей жизни, он думал только о благополучии России, но почувствовал себя плохо, позвал супругу Марию Федоровну и сказал ей: “Чувствую конец. Будь спокойна. Я совершенно спокоен”. Затем позвал всю семью, благословил молодых, пригласил своего духовника протопресвитера Янышева и причастился. Имеется также свидетельство, что незадолго до смерти император потребовал к себе наследника и приказал ему немедленно подписать манифест к населению о восшествии на престол.

О последних часах жизни императора Александра III оставил воспоминания лейб-медик Н.А. Вельяминов:

«19 октября Государь провел день в своей уборной комнате, сидя в креслах и очень страдал от одышки, усилившейся вследствие присоединившегося воспаления легкого при нарастающей слабости сердца. В 9 часов вечера его перевезли на кресле в спальню. Будучи позван к больному, я предложил свою помощь при переходе в постель, но Государь отпустил меня, сказав, что он меня позовет. Однако когда меня позвали в 10 часов, я нашел его уже в кровати очень уставшим. По обыкновению я сделал легкий “массаж” ног, т. е. в сущности, самое легкое поглаживание, что он очень любил, напудрил болевшую и зудевшую от напряжения кожу, наложил бинты и ушел в кабинет императрицы, предвидя, что ночь будет тяжелая, а Государь будет стесняться посылать за мной. Около двенадцати часов меня снова позвали – Государь очень тяжело

дышал и жаловался, что он лежать больше не может, что это невыносимая мука. На мои увещания лучше остаться в кровати, Государь попросил его переложить и устроить ему полусидящее положение, что мы с камердинером и исполнили. При этом присутствовала императрица, уже переодевшаяся к ночи. Однако перемена положения мало облегчила больного, он, видимо, очень страдал от одышки. Не зная, как ему помочь, я предложил послать за Лейденом. Последний скоро явился, и мы просидели с ним до 2-х часов, массируя руки и успокаивая словами. Государь пытался уснуть, но тотчас просыпался, стонал, но не жаловался. При этом он все время уговаривал императрицу лечь спать. Около 2-х часов мы ушли, Лейден пошел спать в мою комнату, где находился и Гирш, а я прилег в кабинете императрицы, но в три часа меня опять позвал Государь. Императрица спала или, по крайней мере, делала вид, что спит. Я просидел с больным до 4 1/2 утра, что-то ему рассказывая. Он нервно курил, бросал недокуренные папиросы и, закуривая новые, постоянно спрашивал который час, – видимо он не мог дождаться утра и света. Между прочим, несмотря на свои страдания, он все беспокоился, что он курит, а я нет, предлагал мне курить, а на мой отказ курить в спальне Государыни посылал меня в другую комнату покурить: “Мне так неловко, что я все курю, а вы не курите так долго, пойдите покурить”, – говорил он. “Мне так совестно, – сказал он в другой раз, – что вы не спите которую ночь, я вас совсем замучил”. В 4 1/2 встала императрица, и мы до 5 часов просидели с нею у кровати, занимая больного разговорами. Государь стал энергично требовать, чтобы его пересадили в кресло. Чтобы его отвлечь от этой мысли, я в 5 часов приказал подать утренний кофе. Государь этому обрадовался и пил кофе с Государыней. В 6 часов пришел Лейден и мы с большим трудом пересадили больного в его кресло и выкатили на середину комнаты.

В 8 часов пришел цесаревич, а Государыня ушла одеваться. Мы остались втроем. Вдруг Государю стало очень нехорошо, и он приказал сыну позвать Государыню. “Зачем?” – спросил цесаревич. “Да так, будет лучше”. Одышка все усиливалась, пульс стал резко слабеть. Пришла Государыня, а я вышел и послал за гр. Воронцовым. Последний пришел и вошел без доклада в спальню. Государь, не видевший графа уже около 3-х недель, нисколько не удивился его приходу, а, напротив, как будто обрадовался. Вскоре пришел и вел. кн. Владимир Александрович, Государь тоже этому не удивился, обнял и поцеловал его; вслед за великим князем в комнату вошла сестра Государя вел. кн. Мария Александровна герцогиня Эдинбургская, только что приехавшая из-за границы. Государь даже не спросил ее, когда она приехала, а только ласково поздоровался с ней. Постепенно стали приходить все члены императорской фамилии. Со всеми входившими Государь здоровался, но не выражал никакого удивления тому, что так рано, без его разрешения, постепенно собралась вся

семья, и я понял, что он сознает близость своей кончины и, в сущности, со всеми прощается. Самообладание его было так велико, что он даже поздравил вел. кн. Елизавету Федоровну с днем ее рождения. Приходившие члены семьи, поздоровавшись, уходили затем в соседнюю комнату. При Государе оставались только императрица, все дети, принцесса Алиса, Лейден и я. В 11 1/2 часов пришел отец Янышев. Государь пожелал причаститься. Двери в другую комнату открылись, вошла вся семья и министр двора, все стали на колени, и умирающий царь внятно, на вид совершенно спокойно стал читать молитву перед причастием “верую Господи и исповедую…”.

После причастия Государь как будто несколько оправился и продолжал оставаться в том же кресле среди своих самых близких членов семьи, т. е. Государыни, детей и невестки; кроме того, здесь были Лейден и я. Говорили, что еще утром Государь выразил желание видеть отца Иоанна, который после обедни около 12 часов и прибыл. Государь встретил его очень ласково и, несомненно, был очень доволен его появлением. О. Иоанн совершил молитву и помазал некоторые части тела святым елеем. После этого Государь его отпустил. Уходя отец Иоанн громко сказал не без рисовки: “прости (т. е. прощай), царь”.

Государь, видимо, страдал от неприятного чувства в сильно опухших ногах, для которых трудно было выбрать удобное положение; ввиду того, что больной довольно громко стонал, я предложил ему слегка помассировать ноги, зная, что это ему иногда давало облегчение. Все вышли из комнаты, и мы остались вдвоем. В то время, что я массировал, Государь сказал мне: “Видно профессора меня уже оставили, а вы, Николай Александрович, еще со мной возитесь по вашей доброте сердечной”. Из этого, как и из целого ряда других фактов, следовало заключить, что Государь вполне ясно сознавал приближение смерти, но оставался поразительно покойным и за все время не проронил ни одного слова о том, что отлично понимал приближение конца. Однако был такой момент, когда он пожелал остаться наедине с наследником; все вышли на несколько минут; я не сомневаюсь, что он что-то говорил своему наследнику, но, что именно, я, конечно, не знаю, может быть, этого никогда не узнал и никто другой.

После массажа больной почувствовал облегчение, и даже несколько поднялся пульс, Лейден полагал, что такое состояние может протянуться и до вечера, поэтому я вышел на несколько минут и спустился к себе в комнату, чтобы что-нибудь перекусить, так как с вечера ничего не ел и не пил, но очень скоро кто-то прибежал ко мне и сказал, что, кажется, Государь кончается, я побежал наверх. Когда я вошел в комнату, я увидел, что Государь сидел в том же положении,

только голова, которую обнимала стоявшая на коленях Государыня, склонилась набок и прислонилась к голове императрицы; больной больше не стонал, но еще поверхностно дышал, глаза были закрыты, выражение лица вполне спокойно; все члены семьи стояли вокруг на коленях; отец Янышев читал отходную. Лейден взял пульс и показал мне головой, что пульса нет, прекратилось и дыхание, – Государь скончался. Императрица не двигалась, как окаменевшая. Все вокруг плакали. Картина была из тех, которые никогда не забываются теми, кто их видел. Теперь уже прошло более сорока лет, что я врач, видел я много смертей – людей самых разнообразных сословий и социального положения, видел умирающих, верующих, глубоко религиозных, видел и неверующих, но такой смерти, так сказать, на людях, среди целой семьи, я никогда не видел ни раньше, ни позже, так мог умереть только человек искренно верующий, человек с душой, чистой, как у ребенка, с вполне спокойной совестью. У многих существовало убеждение, что император Александр III был человек суровый и даже жестокий, но я скажу, что человек жестокий так умереть не может и в действительности никогда и не умирает.

Все встали»114.

Европейская пресса отреагировала на безвременную кончину Александра III изъявлениями горести по поводу тяжелой утраты и восхищения царем, которого не так давно на тех же страницах нередко называли деспотом. Даже английские и немецкие издания восхваляли роль царя в международных отношениях и его умение сохранить мир. Смерть императора Александра III вызвала самые бурные отклики во Франции, новой стратегической союзнице России. Французское правительство приказало задрапировать в траур церкви и правительственные здания. Палата представителей прервала свои заседания по случаю смерти царя. Всенародная скорбь по умершему самодержцу в Российской империи продемонстрировала Европе, популярность и жизнеспособность русской монархии.

Император Александр III передал своему преемнику Россию, успокоенную внутри и грозную извне.

Позднее, печатанием серии грязных пасквилей, вышедших в 1895–1912 гг. в Лондоне и Берлине, с надписью на титульных листах: «Новые материалы из жизни российских коронованных особ, составленные на основании заграничных документов», была предпринята попытка придать этим событиям политическую интригу. В брошюрках сообщалось: «По дошедшим из-за границы сведениям, Мария Федоровна отказывалась присягнуть Николаю II. Министры, придворные и все бывшие тогда в Ливадии совершенно растерялись от такой

неожиданности. Дело принимало тревожный характер. Многие уже предвидели возможность не только перемены в порядке престолонаследия, но и целого дворцового переворота, на который особенно рассчитывал ждавший в столице известий из Ливадии великий князь Владимир Александрович.

Волнение и растерянность достигли крайнего предела, но никто не решался обратиться к императрице с требованием присяги. В конце концов, все придворные в отчаянии обратились к одесскому генерал-губернатору графу Мусину-Пушкину, известному своей смелостью. Последний, сопровождаемый придворными, пошел прямо на врага: войдя к императрице, он громко провозгласил императором Николая II. Ободренные придворные поддержали его, и императрице ничего не оставалось, как преклониться пред совершившимся фактом, тем более что ее партия с Воронцовым-Дашковым во главе оказалась совершенно бессильной…»

От начала до конца это была ложь, направленная на подрыв основ государственного строя в России. На самом деле почти все члены императорской фамилии и представители многих королевских дворов Европы собрались в эти печальные дни в Ливадии, а позднее в Петербурге. Великий князь Георгий Александрович, средний сын Александра III, записал в день кончины отца в своем дневнике: «О Боже! Какой ужасный день пришлось пережить нам всем. Мы потеряли нашего дорогого возлюбленного Папа. Это просто ужасно, ужасно. Около 9 часов нас позвали наверх. Бедный Папа был страшно слаб, так как не спал всю ночь и сидел в кресле в спальне; он с трудом дышал, и ему все время давали вдыхать кислород. Скоро собралось все семейство, а также тетя Мари, только что приехавшая. Пришел Янышев, причастил Папа Св. Тайн и читал молитвы. Затем отец Иоанн также пришел молиться, после чего Папа стало как будто немного легче. Мы все время оставались в комнате и выходили только немного покушать. В третьем часу бедному Папа стало хуже, и около 3 часов он тихо и спокойно скончался; казалось, что он уснул. Эта была чудная смерть, но Боже, как это было всем нам тяжело. Трогательно было видеть, как все люди плакали, прощаясь с Папа. Бедную Мама с трудом удалось увести из комнаты, но все-таки она была удивительно спокойна. Бедному Ники должно быть всего тяжелее. В 1/2 5 ч. пошли к присяге, которая произошла на площадке у церкви. Потом пошли к Мама, с которой сделался обморок у постели Папа… Затем была панихида; все ревели навзрыд. Кто мог ожидать, что Россию постигнет такое горе. Вчера еще утром бедному Папа было лучше… Да, этого дня я никогда не забуду! Прощай, дорогой Папа, навеки! Я до последней минуты не терял надежды: мне просто казалось невозможным, чтобы Бог взял его от нас, но, видно, Он нашел, что

Папа сделал довольно добра и за его праведную жизнь взял его к Себе. Видит ли бедный Папа, как все его любили и оплакивают?»115.

Драматизм событий передают следующие строки письма великой княгини Елизаветы Федоровны к королеве Виктории от 24 октября 1894 г.: «Моя дорогая Бабушка, самое сердечное спасибо за Ваши ласковые строки. Я не могла писать до этого времени. Мы были в таком волнении. То было хуже, то лучше, и, наконец, это ужасное горе…

Как Вы знаете, это был день моего рождения. Он провел такую тяжелую ночь и был ужасно слабым. Мы пришли рано. Минни (императрица Мария Федоровна) позвала нас туда. Только подумайте, он позвал меня, чтобы поздравить меня и Сергея, и потом поцеловал нас всех одного за другим. Он говорил ясно и сознавал все. Но мы заметили уже знак смерти в его глазах. Его дети и Минни стояли на коленях вокруг него, и Аликс, конечно, тоже, которая была как маленький ангел утешения в продолжение всего того времени, а также и теперь.

Потом мы оставались в соседней комнате. Дверь была широко открыта и можно было видеть заднюю часть его головы. Он сидел в кресле. Лежать в постели было для него мукой с его ослабевающим сердцем и водой, от которой он так опух. Да, он помолился за меня.

Был вызван священник, его личный духовник, и мы все встали на колени. Он попросил причастить его Святых Тайн, после чего он отдыхал, а затем попросил другого священника, которого вся страна очень почитает. Тогда двери закрыли, но дети сказали мне, что когда этот священник положил свою руку на его голову, он сказал: “Я чувствую себя так хорошо” – и все это время хотел, чтобы тот священник был рядом. Потом этот батюшка помазал его святым елеем. Тогда Саша отпустил его отдохнуть и попросил прийти опять, что тот священник и сделал. Они разговаривали друг с другом и с другими… Внезапно доктора сказали нам, что пульс становится сильнее, но через несколько минут его пульс стал ослабевать. Двери открыли, и мы опустились на колени, чтобы услышать его последний тихий вздох. Никакой агонии не было, и эта чистая душа отлетела на небо. О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа и то, что из этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы Вы знали, какое спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от горя! Пусть Господь благословит его. Никогда Он не имел более верного, более благородного слуги. Бедная дорогая Минни здорова и так полна христианского смирения. Она, Ники и я причастились Святых Тайн на следующий день вместе с Аликс после ее обращения в православие, которое было таким прекрасным и трогательным. Она прочитала

все превосходно и была очень спокойной… В четверг все едем в Севастополь морем, потом в Москву… и в понедельник – в Петербург. Похороны, я думаю, будут через несколько дней, так как весь народ захочет увидеть его еще раз. Аликс, конечно, находится вместе со своими будущими свекровью и мужем. В Петербурге Эрни и она будут жить с нами в нашем доме и вскоре после этого состоится свадьба. Эта свадьба будет семейной, как и свадьба Мама. Это не только их желание, но желание всей семьи и всей России. Они смотрят на это как на свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословенную священным Таинством брака. Это будет скоро, вероятно, 14/26 числа. Это последние дни, когда могут венчать, так как начинается Рождественский пост и потом можно только в новом году. Минни, вероятно, уедет сразу после этого, чтобы быть с Георгием, и не останется в своем старом доме, где жизнь без него может убить ее. Я так беспокоюсь, чтобы она не заболела. Она такая тоненькая, как маленький ребенок. Она ухаживала за ним днем и ночью все эти месяцы без отдыха, переживая в своем сердце…

Нежно целую. Я должна кончать, но скоро напишу еще…

Господь да благословит Вас.

Всегда Ваша послушная и любящая…

Элла»116.

Цесаревич Николай Александрович 20 октября 1894 г. с горечью и печалью записал в дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобным ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился Св. Тайн; вскоре начались легкие судороги… и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!.. Вечером в 9 1/2 была панихида – в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался»117.

Царствование императора Александра III для России было периодом успокоения и стабильности. Его скоропостижная кончина вселяла во многие души тревогу за будущность Российской империи и каждого ее верноподданного. Это чувство общего смятения достаточно точно передают следующие строки великого князя Александра Михайловича: «Люди умирают

ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но тем не менее смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!

Помочь ему?.. Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание…»118

Это была сиюминутная слабость, вырвавшаяся из-под контроля Николая II, доверенная близкому родственнику и другу детства, искренне разделявшему вместе с ним общую невосполнимую утрату и скорбь. Вскоре молодой император, повинуясь чувству долга, взял себя в руки и никто не мог догадаться по его лицу, что творилось в его душе.

В день смерти Александра III, 20 октября 1894 г., было обнародовано о восшествии на Российский престол цесаревича, великого князя Николая Александровича. Государь император Николай II, выражая беспредельную скорбь о невозвратимой утрате, вместе с тем возвестил, что отныне он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет «священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устроение счастья всех Наших верноподданных»119.

На следующий день принцесса Алиса Гессенская приняла православие, о чем молодой Государь записал в дневнике: «И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час[ов] в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 ч. вечера – другая…»120.

Принцесса Алиса по православному обряду была наречена Александрой, в честь Святой мученицы царицы Александры, и получила традиционное отчество Федоровна, так как икона Феодоровской Божией Матери покровительствовала Императорскому Дому Романовых.

В тот же день, т. е. 21 октября 1894 г., второй сын покойного императора Александра III – великий князь Георгий Александрович был объявлен цесаревичем и наследником престола.

Все эти дни шли панихиды, и только 7 ноября 1894 г. состоялось погребение Александра III в Петропавловской крепости.

Через неделю, в день рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 14 ноября 1894 г., в церкви Зимнего дворца состоялось очень скромное по причине траура бракосочетание, которого молодые так долго ждали, во имя которого столь много пережили и которое совпало с такими печальными днями. Позднее Аликс с горечью отмечала: «Свадьба наша была как бы продолжением этих панихид – только что меня одели в белое платье»121.

Это значительное событие нашло отражение 14 ноября в дневнике Николая: «Я надел гусарскую форму и в 11 1/2 поехал с Мишей (брат царя. – *В.Х.*) в Зимний. По всему Невскому стояли войска для проезда Мама с Аликс. Пока совершался ее туалет в Малахитовой, мы все ждали в Арабской комнате. В 10 минут первого начался выход в Большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком! Шаферами у меня были: Миша, Джоржи, Кирилл и Сергей. В Малахитовой нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мной в карету с русской упряжью с форейтором, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах была пропасть – едва могли проехать! По приезде в Аничков на дворе встретил почет[ный] кар[аул] от ее л. – гв. Уланского п[олка]. Мама ждала с хлебом-солью в наших комнатах. Сидели весь вечер и отвечали на телеграммы…»122

По воспоминаниям придворных вельмож на невесте во время бракосочетания было белое серебряное платье с бриллиантовым ожерельем, на голове горела разноцветными огнями сквозная бриллиантовая корона. Сверх платья была надета золотая, парчовая, подложенная горностаевым мехом мантия с длинным шлейфом. Она была бесконечно грустна и бледна.

Государь отмечал, что у Аликс в этот день была сильная головная боль. Она глубоко переживала эту сложную гамму новых ощущений и чувств среди столь непривычной и торжественной обстановки.

Своим красивым почерком Александра Федоровна 27 ноября записала в дневнике супруга: «Отныне нет больше разлуки, наконец, мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда здешней жизни придет конец, мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе. Твоя, твоя…»123

Молодой Государь Николай II был отнюдь не властолюбив. 31 декабря 1894 г. он записал в своем дневнике: «Мороз усилился и дошел до 14°, потом он сдал. Несмотря на это, утром все-таки пошли гулять. Принимал: Делянова, Ванновского и бар. Фредерикса. Завтракал Черевин. Не катались по городу и не бегали на коньках из-за мороза: гуляли в саду с Мама и тетей Аликс. Пили чай вдвоем. Читал до 7 1/2, когда пошли наверх к молебну. Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, кот. случилось в этом году. Но, уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год – потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня также и счастьем, о каком я не мог даже мечтать – дав мне Аликс»124. Далее в дневнике имеются записи нескольких стихотворений, сделанные рукой Государыни Александры Федоровны на английском, французском и русском языках.

Однако молодая пара встретила настороженное, а порой и враждебное отношение высшего света. Некоторые из них давали очень резкие и злобные характеристики царской чете: «Николай II оказался таким же однолюбом, как и его отец. Выбор его сердца пал на скромную, застенчивую немецкую принцессу одного из второстепенных германских дворов. Принцесса эта, получив английское воспитание, сохранила в крови специфический провинциализм и тягу к мещанскому уюту. Вся она была олицетворением приватности и антиподом державности. В семье простого смертного она была бы отрадой и украшением… Вероятно, она принесла бы счастье и любому европейскому конституционному монарху. Но на престоле Российского самодержца она оказалась почти вороной в павлиньих перьях. А ее дородность и красота бок о бок с тщедушной фигурой мужа вызывали какие-то смутные предчувствия. Наружное несоответствие было и у четы Александра III с его женою. Но колосс муж бок о бок с крошечной женой внушали русскому сердцу больше доверия, чем крупная жена бок о бок с тщедушным мужем»125. Конечно, это были злопыхатели, недовольные властью и своим положением, но, к сожалению, они своего звездного часа все же дождались.

Люди, которые могли наблюдать молодую царицу не только на балах и официальных приемах, а в более интимной обстановке, отзывались о ней совсем по-другому. Так, флигель-адъютант С.С. Фабрицкий, бывавший в царской семье, свидетельствовал: «Государыня обладала довольно вспыльчивым

характером, но умела сдерживаться, а затем очень быстро отходила и забывала свой гнев… Ее Величество обладала редко развитым чувством долга, и это как бы давало ей возможность быть упорной во многих случаях, когда по ее понятиям так требовал ее долг…»126. Далее он указывал: «К характеристике Государыни императрицы Александры Федоровны надо добавить, что она была в полном смысле слова красавицей, в которой соединялось все: царственная осанка, правильные черты лица, большой рост, правильная фигура, изящная походка, грация, большой ум, огромная начитанность и образованность, талант к искусствам, прекрасная память, сердечная доброта и т. п., но у нее не было искусства очаровывать, не было умения и желания нравиться толпе. А это, по-видимому, для царственных особ необходимо»127.

Однако эта наука оказалась очень сложной. Отчуждению молодой царицы от «петербургского света» значительно способствовали внешняя холодность ее обращения и отсутствие внешней приветливости. Происходила эта холодность, по-видимому, преимущественно от присущей Александре Федоровне необыкновенной застенчивости и испытываемого ею смущения при общении с незнакомыми людьми. В кругу близких, когда застенчивость проходила, Александра Федоровна преображалась, становилась центром веселья и скучать в ее кругу не приходилось.

Ближайшая подруга царицы А.А. Вырубова (Танеева), многие годы наблюдавшая царскую семью в интимной обстановке, а позднее разделившая во многом их крестный путь, писала в своих воспоминаниях: «Возвращаясь с докладом от юной Государыни, мой отец делился с нами своими впечатлениями. На первом докладе он уронил бумаги со стола, Государыня, быстро нагнувшись, подала их сильно смутившемуся отцу.

Необычайная застенчивость императрицы его поражала. “Но, – говорил он, – ум у нее мужской”…

Однажды, во время одного из докладов, в соседней комнате раздался необыкновенный свист.

– Какая это птица? – спрашивает отец.

– Это Государь зовет меня, – ответила, сильно покраснев, Государыня и убежала, быстро простившись с отцом.

Впоследствии, как часто я слыхала этот свист, когда Государь звал императрицу, детей или меня; сколько было в нем обаяния, как и во всем существе Государя»128.

Люди, близко знавшие царскую семью, отмечали ее простоту в обхождении с другими, скромность в одежде и непритязательность в быту. Рассказывали, что однажды в Гамбурге при прогулке Николая Александровича по улицам города, у проезжавшего мимо почтальона выпал ящик, Государь бросился, поднял этот ящик и передал его почтальону. На замечание спутника, зачем он изволил беспокоиться, Государь ответил: "Чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения".

Однако другие нравы господствовали в аристократической среде столицы. Придворные особы часто сопоставляли вдовствующую императрицу Марию Федоровну и молодую царицу Александру Федоровну. Графиня М.Э. Клейнмихель, критикуя супругу Николая II, отмечала: «Она была горда и застенчива в то же время, и была совсем непохожа на свою приветливую тещу, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, чья улыбка всех очаровывала. Ввиду того, что молодая императрица в юные годы не подготовлялась к своей будущей роли и никогда не должна была подчинять свою высшей воле другого, она не знала людей и, несмотря на это, считала свои суждения безупречными… Она судила всех и все очень строго… Вместо того чтобы искать сближения и привлечь к себе сердца, царица избегала разговоров и встреч, и стена, отделявшая ее от общества, все росла»129.

Чувствуя нерасположение к себе светского общества, Александра Федоровна невольно стала удаляться от строгих критиков, не будучи в состоянии лицемерить и любезно принимать у себя тех, кто заочно ее осуждал. Получился заколдованный круг отчуждения, который с годами все увеличивался.

Несмотря ни на что, брак Николая Александровича и Александры Федоровны оказался счастливым. Молодая чета в трепетном ожидании готовилась к появлению на свет своего первенца. Они решили: если будет наследник, то назовут его Павлом, а если девочка – Ольгой. Эти имена были согласованы с «дорогой Мама», которая одобрила такой выбор. Через год после свадьбы, 3 ноября 1895 г., артиллерийский салют в 101 залп известил миру о рождении в Царском Селе у Николая II и Александры Федоровны их дочери – великой княжны Ольги Николаевны. При рождении она весила 3 килограмма 600 граммов. Счастливый отец в волнении записал в дневнике:

«Вечно памятный для меня день, в течение которого я много-много выстрадал! Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях – бедная! Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 ч[асов] дорогая Мама приехала из Гатчины; втроем, с ней и Эллой, находились неотступно при Аликс. В 9 час[ов]

ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой (имя трижды подчеркнуто в дневнике. – *В.Х.*). Когда все волнения прошли, и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс перенесла рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодрою…»130

Судьбе было угодно подарить царской чете четырех дочерей. Это нередкое в частной жизни явление, в жизни «венценосцев» стало едва ли не проклятием. Каждую беременность Александра Федоровна ждала сына, чтобы выполнить, как она считала, долг императрицы перед Отечеством. И каждый раз рождение дочери ставило под сомнение династическую стабильность в Российской империи. Почти сплошь предки Николая II имели сыновей. Все европейские дворы имели наследников (Вильгельм II даже четверых) и только Российский трон 10 лет стоял сиротевшим. Для настороженной к року, болезненно самолюбивой императрицы Александры Федоровны это явилось трагедией.

Александра Федоровна была заботливой матерью: она сама ухаживала, кормила своих детей, просиживала ночи около их кроватей, когда они болели. В основу воспитания своих детей царская семья положила развитие в них главных качеств: трудолюбия, скромности, простоты и отзывчивости на чужое горе.

Сама императрица Александра Федоровна никогда не оставалась без дела: она все время вязала, вышивала, рисовала, приготовляла разные вещи для подарков в благотворительных целях. Она не выносила безделья, считая его предосудительным и вредным. И к этому же настойчиво приучала своих детей. Александра Федоровна не позволяла им сидеть сложа руки. Но далеко не все окружающие с восторгом лицезрели полнейшую идиллию своего императора. Ее упрекали, что «она в первую очередь не императрица, а мать». Придворную знать раздражали бесконечные беременности царицы, нарушавшие пышный церемониал двора, ее приверженность к уединению, нелюбовь к балам, маскарадам. Застенчивость императрицы вызывала едкие насмешки аристократов. Скромная дармштадтская принцесса так и не стала «своей» для блестящего петербургского света. Большой Двор при Николае II все больше становился в антагонизм с дворами малыми, что усилило придворные интриги и послужило питательной средой для возникновения придворной «камарильи», больших и малых «политических салонов».

После рождения дочерей Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, 30 июля (12 августа – по новому стилю) 1904 г. «Бог даровал России наследника престола…». Это долгожданное событие произошло в летней резиденции царской семьи в Петергофе.

По существовавшей традиции в честь рождения цесаревича был произведен артиллерийский салют в 301 залп. По всей Российской империи гремели пушки, звонили колокола и развевались национальные флаги.

Счастливый Николай II описал это событие в своем дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот[орый] так явно посетила нас милость Божья. В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, кот[орого] при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня, по крайней мере. Утром побывал, как всегда, у Мама, затем принял доклад Коковцева и раненного при Вафангоу арт[иллерийского] офицера Клепикова и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час[ов] поехал к молебну с детьми, к кот[орому] собралось все семейство. Писал массу телеграмм…»131

Командир лейб-гвардии Кирасирского полка генерал Г.О. Раух, поздравляя на другой день Государя с рождением наследника, осведомился, какое имя будет дано ему при крещении.

“Императрица и я решили дать ему имя Алексея. Надо нарушить линию Александров и Николаев…” – ответил Николай II.

Государыня звала сына Солнечным лучом, Крошкой, Беби, Агунюшкой. Николай Александрович в своем дневнике называет его «наше маленькое сокровище». Однако рядом с долгожданным семейным счастьем соседствовало непоправимое несчастье. Сын унаследовал таинственную болезнь Гессенского дома, гемофилию (не сворачиваемость крови. – *В.Х.*). Жизнь мальчика ежечасно была под смертельной угрозой.

В 1913 г., в дни трехсотлетия Дома Романовых, больного царевича проносили пред войсками на руках: «Его рука обнимала шею казака, было прозрачно-бледным его исхудавшее лицо, а прекрасные глаза полны грусти…»

«Когда он был здоров, – свидетельствовал позднее учитель наследника Пьер Жильяр, – дворец как бы перерождался: это был как бы луч солнца, освещающий всё и всех»132. Это был умный, живой, сердечный и отзывчивый ребенок.

Сохранились любопытные наблюдения С.Я. Офросимовой за особенностями поведения маленького цесаревича Алексея, о чем она позднее писала в своих воспоминаниях:

«Цесаревич не был гордым ребенком, хотя мысль, что он будущий царь, наполняла все его сознание своего высшего предназначения. Когда он бывал в обществе знатных и приближенных к Государю лиц, у него появлялось сознание своей царственности.

Однажды цесаревич вошел в кабинет Государя, который в это время беседовал с министром. При входе наследника собеседник Государя не нашел нужным встать, а лишь приподнявшись со стула подал цесаревичу руку. Наследник, оскорбленный, остановился перед ним и молча заложил руки за спину; этот жест не придавал ему заносчивого вида, а лишь царственную, выжидающую позу. Министр невольно встал и выпрямился во весь рост перед цесаревичем. На это цесаревич ответил вежливым пожатием руки. Сказав Государю что-то о своей прогулке, он медленно вышел из кабинета. Государь долго глядел ему вслед и, наконец, с грустью и гордостью сказал: “Да. С ним вам не так легко будет справиться, как со мною”»133.

Однако с семейным счастьем соседствовала постоянная тревога за состояние здоровья наследника.

Фрейлина императрицы А.А. Вырубова (Танеева) описывала такие разговоры:

«– Подари мне велосипед, – просил он мать.

– Алексей, ты же знаешь, что тебе нельзя.

– Я хочу учиться играть в теннис, как сестры.

– Ты же знаешь, что ты не смеешь играть!”. Иногда Алексей Николаевич плакал, повторяя: “Зачем я не такой, как все мальчики?”»134.

Отчаяние родителей, надежда на чудесную силу исцеления их сына (как бы сейчас назвали экстрасенсом) Г.Е. Распутиным позволили этому человеку своим порочным поведением и циничным хвастовством о близости к царской семье в конце концов дискредитировать Романовых. Феномен Распутина и «распутинщины» породил целый поток литературы в годы революции, да и в наши дни (например, всем хорошо известные романы В. Пикуля). Болезнь сына предопределила поступки, желания, мысли матери. Каждый год его жизни,

борьба с болезнью наследника Алексея забирали ее здоровье, душевные силы. Она уверовала в слова Распутина, что «наследник жив, покуда жив я».

Александра Федоровна мечтала вырастить сына, увидеть его на престоле могучей империи. «Мы должны оставить Беби спокойное и великое царствование», – писала она мужу в годы Первой мировой войны. Материнский инстинкт заставлял ее противодействовать всему тому, что подрывало власть монарха, приближало страну к грядущей катастрофе; упорно искать выход из политического тупика. Она оказалась на передней линии огня оппозиции в полной изоляции, непонятая и нелюбимая всеми, кроме собственного мужа и детей.

Глава II

Кризис власти. Триумф и падение династии

Политическая ситуация в стране в начале 1917 г. напоминала грозные события 1905 г. Тогда, в конце Русскояпонской войны, после революционных выступлений в России, император Николай II обратился за советом к С.Ю. Витте, что делать? Искушенный в интригах и политических делах опытный царедворец сказал: “Ваше Величество, вы должны сделать выбор. Или дать народу конституцию, или назначить военного диктатора с неограниченной властью”.

Так появился царский манифест 17 октября 1905 г. Права монарха были ограничены – в частности, бюджетными правами Государственной думы. Законопроекты могли стать законами Российской империи только после одобрения обеими палатами: Государственной думой и Государственным Советом. В этих новых условиях сотрудничества с Думой председатель Совета Министров П.А. Столыпин заложил основы конституционализма в России. Крылатыми стали обращенные им к сторонникам революционного переустройства державы слова: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Он определил путь: «Сначала – успокоение, а потом – реформы». Это был призыв к гражданскому миру во имя величия и процветания страны.

Часто приходится слышать обвинения Николая II в трагических событиях «кровавого воскресенья» 1905 г. (или «позора самодержавия»). Отсюда появился штамп в имени монарха: Николай Кровавый, – главным образом благодаря большевикам. Во все времена за всё, что происходило в державе, в ответе был «самодержец». Это неписаный закон для главы любого государства.

Стоит вспомнить почитателям большевиков – расстрел мирной народной демонстрации сторонников Учредительного собрания теми же большевиками, когда они это собрание разогнали своим единоличным решением. Во времена Ленина и Сталина это стало «в порядке вещей», что теперь хорошо известно. На совести наиболее «либерального» руководителя государства Н.С. Хрущева расстрел протестующего населения Новочеркасска и ряд других грехов. Этот проявляемый пласт «родимых пятен» сторонников твердой власти можно продолжить и во времена М.С. Горбачева: Рига, Тбилиси и др. После развала Советского Союза, памятен всем, недавний танковый расстрел «демократами» в Москве «парламента» в Белом доме, что грозило новым пожаром Гражданской войны в России. Каждый из читателей пусть задумается об этих событиях и прежде, чем что-то осуждать или одобрять с «чужого голоса», лучше самому ознакомиться и проверить тот или иной факт.

Насколько справедливы были такие обвинения в адрес Николая II? Напомним ход событий тех роковых дней и заглянем в архивные источники.

1905 г. выдался большим испытанием для России, шла Русско-японская война, которая во многом складывалась неудачно и вызывала отрицательную реакцию в стране. Стоит напомнить, что во время войны к довольно радикальным действиям перешли представители новой волны либерализма, состоявшие в подавляющем большинстве из демократической интеллигенции. Была создана нелегальная организация «Союз освобождения». На страницах его (Союза) печатного органа «Освобождение» часть либералов во главе с П.Н. Милюковым стала высказываться за поражение царизма в Русско-японской войне, считая, что военное поражение, как в Крымской войне при Николае I, ослабят царизм и заставят его перейти к долгожданным демократическим реформам. В конце сентября – начале октября 1904 г. в Париже состоялось первое нелегальное совещание революционных и либеральных партий Российской империи. Это активизировало их совместную подрывную деятельность в борьбе с основами государственного строя.

Адъютант великого князя Михаила Александровича полковник А.А. Мордвинов на склоне лет писал в воспоминаниях: «Беспорядки 1905 года начались в виде какого-то тяжелого предзнаменования, до сих пор не достаточно разъяснимым выстрелом из салютационного орудия, картечью по водосвятию на крещенском параде, на котором присутствовал Государь.

В то время я был полковым адъютантом, и, вынеся свой кирасирский штандарт из зала дворца, находился в числе адъютантов остальных воинских частей в самой середине сквозной беседки-часовни, устраиваемой ежегодно со времен

Екатерины II, как всегда на льду проруби Невы, против Иорданского подъезда Зимнего дворца.

Его Величество и великие князья стояли во время молебствия немного поодаль, налево от знамен и штандартов, довольно заметной издали, отдельной группой. Государыни императрицы, великие княгини и все остальные, собравшиеся на Высочайший выход, смотрели на эту красивую церемонию из окон дворца.

В то время как митрополит погружал святой крест в воду, раздался обычный салют, с верхов Петропавловской крепости и из полевых орудий батареи гвардейской конной артиллерии, находившей около Биржи. Одновременно со звуком салюта мне послышалось какое-то шуршание по льду, небольшой треск сверху и я почувствовал, как что-то пронеслось около меня.

Я поднял невольно глаза наверх, думая, что это, вероятно, падают обломки от неудачно пущенной ракеты. Но никаких обломков я не заметил, как не заметил никакого смущения и среди остальных – молебствие продолжало совершаться в прежнем, торжественном порядке.

Государь спокойно приложился к кресту и неторопливо, своей обычной походкой, обошел вместе с митрополитом окропляемые знамена и штандарты.

Лишь по окончании всей церемонии, когда мы возвращались обратно во дворец, я заметил, к моему изумлению, несколько окон в нем разбитых, а поднимаясь по дворцовой лестнице вместе с другими, услышал как кто-то волнуясь говорил: “Какое чудо, что мы все остались живы… ведь по нас стреляли самой настоящей боевой картечью, а поранили только глаз одного городового, да говорят пробили знамя морского корпуса… Воображаю, какой переполох должен был быть в залах у дам…”.

Действительно, это было чудо, так как иначе назвать его нельзя.

Возвращаясь с выхода домой, я прошел осмотреть беседку на Иордании. Весь низ ее, около льда, был густо изрешечен картечными пулями. Очень много из них попало и в верхнее строение часовни, в купол, а также и в средние окна дворца. Как при таком густом и широком разлете картечи не оказалось ни одного попадания ни в находившегося внизу у льда духовенства, ни в стоявших в середине беседки людей, ни в образах около купола, приходится объяснить лишь одним Промыслом Божьим.

В дворцовых залах, полных народа, также никто не пострадал и особого смятения, благодаря звуку салюта, заглушившего звон разбитых стекол, не

произошло. Картечные пули, достигнув дворца, видимо, были уже на излете и, пробив стекла, упали у самых окон; лишь немногие из них докатились до середины Николаевского зала»135.

Любопытно выяснить реакцию Николая II на эту не штатную ситуацию. В частности, в его дневнике было записано за эти дни: «**6-го января**. Четверг. До 9 час. поехали в город. День был серый и тихий при 8° мороза. Переодевались у себя в Зимнем. В 10 1/2 пошел в залы здороваться с войсками. До 11 час. тронулись к церкви. Служба продолжалась полтора часа. Вышли к Иордании в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильевского острова и обдало ею ближайшую к Иордании местность и часть дворца. Один городовой был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито. После завтрака принимали послов и посланников в Золотой гостиной. В 4 часа уехали в Царское. Погулял. Занимался. Обедали вдвоем и легли спать рано.

7-го января. Пятница. Погода была тихая, солнечная с чудным инеем на деревьях. Утром у меня происходило совещание с д. Алексеем и некоторыми министрами по делу об аргентинских и чилийских судах. Он завтракал с нами. Принимал девять человек. Пошли вдвоем приложиться к иконе Знамения Божьей Матери. Много читал. Вечер провели вдвоем.

8-го января. Суббота. Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах.

9-го января. Воскресенье. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь»136.

Трагичный для Российской империи день, вошедший в анналы истории под наименованием «Кровавое воскресенье» (или «позора самодержавия»), нашел отражение в дневнике великого князя Константина Константиновича: «**9 января**. – Мраморный дворец. На Путиловском, Невском и некоторых других заводах рабочие не только забастовали, но тысячными толпами ходили по улицам, требуя от рабочих других заводов, фабрик, мастерских, типографий и пр., чтобы и там прекратили работы, грозя в противном случае насилием.

Нежелание рабочих этих заведений согласиться на требования путиловских не помогало, и полицией было сделано распоряжение, закрывать мастерские во избежание побоища. Не думаю, чтобы такая уступчивость была целесообразна. То же было и с типографией Академии наук. Только я потребовал от полиции письменного заявления о необходимости прекратить работу, как того требовала нахлынувшая толпа забастовавших»137.

Великая княгиня Ксения Александровна также сделала пространные записи: «**9 января**. Воскресение. – Петербург.

Вот уж денек! Бог знает, что здесь творится. Город на военном положении, по улицам – патрули и разъезды, всюду войска. Из Пскова пришла 24-я дивизия на подмогу. Главная задача была, чтобы не пустить толпу на Дворц[овую] площ[адь] и набережную и это было достигнуто, но пришлось стрелять преображ[енцам] по толпе из арки, т. к. они не слушались. – Они непременно хотели прийти к Зимнему [дворцу], видеть Ники, но т. к. их не пускали туда, то разные темные субъекты объясняли народу, что царь их больше слушать не хочет, он не на их стороне, надо покончить с казнокрадами, это их вина, надо бить, душить и т. д. Такую речь Петров (ездовой) сам слышал. В это же время проезжал какой-то генерал, его остановили и избили. (Все это было на Морской.) Мы были у обедни, потом завтракали Couple, сестра Соф[ьи] Дмитр[иевны], Ueptain и Фогель. Болтали после. Потом Клопов влетел, читал нам письмо, кот[орое] он написал Ники, говорит, что надо чтонибудь сделать, чтобы остановить все это, даже следовало бы Ники принять депутацию от рабоч[их] самых спокойных, чтобы они [могли] высказать ему лично свою просьбу. Это произвело бы впечатление, как на них, так и на скверный элемент, закрыло бы им рты. Эти бедные люди слепы, оружие в руках революционного элемента, которое пустило все средства в ход, играя самыми лучшими святыми чувствами. Во главе этого движения стоит священник, ужаснейший мерзавец Гапон, кот[орый] тоже участвовал в беспорядках, с крестом в руках! Его окружили плотной стеной и его никак не могли схватить. Стреляли в нескольких местах на Васильевск[ом] острове (там было хуже всего и даже в одном месте была устроена баррикада!). За Нарвской заставой, у Дворц[овой] площ[ади], на полицейском мосту и т. д. Я должна была ехать к М[арии] П[авловне], но меня не пустили! Говорили страшно много по телефону с Георгием, Минни и др. К чаю пришли Секрелиц и Фогель, потом дети нас пригласили смотреть волшебный фонарь. Очень много писала. Обедали одни, потом пришли Шотелин, Соф[ья] Дмитр[иевна] с Сережей, страшно много рассказывали. Борис Шер (они приехали от них) участвовал в усмирении толпы и вернулся домой под ужасным впечатлением. Ужас, что говорилось среди этих людей, они прямо кричали, что Государя им не надо и его нет и т. д. Солдаты

были так обозлены, что их с трудом можно было сдерживать. Ольга тоже в Царском и там осталась на ночь. Сидела почти до 12 ч.»138.

Великий князь Константин Константинович уточнял произошедшие трагические события: «**10 января**. – Петербург. Слухи, ходившие по городу о том, что 9 числа стачечники или рабочие намереваются собраться на Дворцовой площади, чтобы подать прошение Государю, оправдались. Приняты были меры: пехота и конница оберегали подступы к дворцу. После полудня густые толпы народа хлынули к дворцу; войска их задерживали, и в некоторых местах были даны залпы. Я слышал, что священник Георгий Гапон, стоящий во главе разрешенного год назад Общества заводских и фабричных рабочих, оказался явным революционером. От деятельности, направленной к улучшению быта рабочих, Общество перешло к политической агитации. Говорят, о. Гапон или схвачен или даже убит. Утром казалось на улицах спокойно. Поехал в санях в главное управление. Действительно, ничего подозрительного не было заметно. Думал, что на приеме никого не будет, однако пришли. Когда собрался ехать домой, сказали, что на улицах опять появляются толпы и может быть не безопасно. Особенно неприятно военным – их оскорбляют и словами, а иногда и действием. Взял с собой Риттиха, который за меня тревожился; мы надели шашки наверх пальто и поехали вместе в санях. Добрались до дому вполне благополучно. Потом уже не выходил и не выезжал»139.

Вскоре был уволен петербургский градоначальник И.А. Фуллон, назначено расследование. В какой-то степени, пострадал дядя царя великий князь Владимир Александрович, который командовал войсками Гвардии.

Многие в наши времена возвеличивают роль Столыпина по выведению Российской империи из кризисной ситуации. Правда, реже вспоминают методы, которые были употреблены к этому. П.А. Столыпин энергично взялся за борьбу с революцией. На взрыв эсерами его дачи на Аптекарском острове в Петербурге, когда он лишь чудом остался жив, но пострадали его малолетние дети, притом было убито, находившихся в приемной, 27 человек и ранено 32 (6 умерло от ран на другой день), ответил массовыми репрессиями. Столыпин убедил царя и практиковал введение военно-полевых судов, отправлявших на виселицу за причастность к революционному террору. Появились специальные «столыпинские вагоны», перевозившие в Сибирь арестованных революционеров, и «столыпинские галстуки» (ими стали называть намыленные веревки на виселицах) для тех, кто выбрал вооруженный и непримиримый путь борьбы с царизмом до конца. За три года после революции 1905 г. по приговорам военно-полевых судов за политические убийства и грабежи было

казнено 2835 человек. Столыпин 10 мая 1906 г. в своей речи, как вылечить Россию от тяжкой хвори, подчеркивал:

– В деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать! В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!

Осенью 1909 г. Столыпин призывал:

«Итак, на очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучит перед Европой и всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для всех нас, русских! Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»140.

В частное владение более чем 2,5 млн семейств крестьян перешло более половины общинной земли. Однако вернемся к нашему повествованию.

Являлась ли Российская империя слабейшим звеном в цепи капиталистических государств, как утверждал В.И. Ленин и его последователи? Была ли она так уж неизбежно обречена на революцию? Не доказывает ли противоположное то, что сама Февральская революция, после всем памятного поражения народных выступлений 1905–1907 гг., оказалась для вождей большевиков полной неожиданностью? Они фактически «проворонили» («великую и бескровную») революцию. Если бы не помощь масона (по совместительству эсера) А.Ф. Керенского, который от имени Временного правительства реабилитировал на «подмогу» всех мастей революционеров, то им бы не видать Петрограда как «своих ушей», а значит, и «триумфа» великого Октябрьского переворота 1917 г. Правда, позднее А.Ф. Керенский отрицал свой вклад в дело «мировой революции». В эмигрантских воспоминаниях генерала А.С. Лукомского имеются любопытные сведения: «В обществе было и будет много споров о том, “кто сделал революцию?”. Как мне передавали, А.Ф. Керенский, которого как-то упрекнули в том, что он был одним из руководителей революционного движения в феврале и марте 1917 года и что этим он сыграл в руку немцам, – будто бы ответил: “Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались направить ее в должное русло”»141.

Вступая в Первую мировую войну в 1914 г., Российская империя являлась уже совсем другой страной, чем она была 10 лет назад. Статистика и факты убедительная вещь. При Николае II в стране произошли глобальные изменения во всех областях жизни. Несомненно, Россия встала на путь индустриального развития гораздо позже ряда европейских государств. Однако становление промышленности в ней произошло в кратчайшие сроки. По темпам роста уже в конце XIX в. Россия уступала лишь Соединенным Штатам, а в начале XX в. в ряде отраслей народного хозяйства опережала и их. За короткое время, на рубеже веков, промышленное производство в царской России удвоилось. При этом продукция тяжелой промышленности увеличилась в 2,8 раза. Подчеркнем, что речь идет именно о базовых отраслях, производящих средства производства. Их доля в общем объеме промышленной продукции достигла трети. Выплавка чугуна в этот период возросла с 45 до 165 млн пудов, а производство стали – с 16 до 116 млн. По этим показателям Россия обогнала преуспевающую Францию, а по добыче нефти вышла на первое место в мире.

В 1900–1913 гг. страна вновь добилась удвоения объема промышленного производства. При этом удельный вес продукции тяжелой промышленности достиг 40 %. Таким образом, в период между 1890 и 1913 гг. русская промышленность «увеличила свою производительность в четыре раза». По темпам роста промышленной продукции и производительности труда Россия не знала себе равных в мире. Успешно развивалось и сельское хозяйство, что позволило значительно увеличить экспорт. Россия вышла на первое место в мире, выращивая больше половины мирового производства ржи, больше четверти производства пшеницы и овса, около четверти производства картофеля, около двух пятых производства ячменя и т. д. Российская империя превратилась в главного экспортера сельскохозяйственных продуктов, стала первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта зерновой и животноводческой продукции. Российские монополистические объединения все активнее выходили на внешние рынки, успешно конкурировали с монополиями США, Англии, Германии и Франции.

Немец В.Д. Прейер отмечал («Russische Agroreform, 1914») успех земельной реформы и ее важность, указывая, что это настоящий сдвиг, ничуть не уступающий по масштабам освобождению крестьян142.

Достаточно эффективной была и структура внешнеэкономических связей страны. Например, в 1905 г. Россия вывезла товаров на сумму свыше 1 млрд рублей, а ввезла на 550 млн. В среднем за 1904–1913 гг. превышение экспорта над импортом составило 318 млн рублей ежегодно. Все это позволило России в течение царствования Николая II ввести (в 1896 г.) и иметь устойчивую золотую

«конвертируемую» валюту. Золотой запас увеличился с 648 млн до 2257,8 млн рублей. «Устойчивость денежного обращения была такова, что даже во время Русско-японской войны, сопровождавшейся повсеместными революционными беспорядками внутри страны, размен кредитных билетов на золото не был приостановлен».

До Первой мировой войны в России налоги были самыми низкими в мире. Так, например, бремя прямых налогов в России составляло почти в 4 раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раза меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов было в среднем вдвое меньше, чем в перечисленных выше странах.

Приведем еще один интересный факт, который говорит о многом. В самом начале царствования Николая II (в 1894) в России проживало 122 млн, а накануне Первой мировой войны – 182 млн человек, что свидетельствует, говоря современным языком, об успешной демографической политике. Иными словами, каждый седьмой человек планеты проживал на территории Российской империи.

Залог подъема российской экономики во многом был связан с разработкой нового фабричного законодательства, одним из активных создателей которого являлся сам император как главный законодатель страны. Целью этого законодательства было упорядочение взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, а также стремление облегчить положение трудящихся. Так, например, закон 2 июня 1897 г. впервые вводил нормирование трудового дня, который не должен был превышать одиннадцати с половиной часов в сутки, а в субботу и предпраздничные дни – 10 часов. Чуть позднее законом устанавливался 10-часовой рабочий день. Для сравнения можно указать, что в Германии вопрос об этом только поднимался.

В 1903 г. был принят закон о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев. По этому закону «владельцы предприятий обязаны вознаграждать рабочих, без различия их пола и возраста, за утрату более чем на три дня трудоспособности от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедших вследствие таковых работ». В нем же предусматривалось: «Если последствием несчастного случая, при тех же условиях, была смерть рабочего, то вознаграждением пользуются члены его семейства». И наконец, законом 23 июня 1912 г. в России было введено обязательное страхование рабочих от болезней и несчастных случаев. Следующим шагом предполагалось введение закона о страховании по инвалидности и старости, но последовавшие военные и революционные

события отсрочили его осуществление на целых 20 лет. Такую цену приходилось платить народу за глобальные «потрясения» основ государства Российского.

За период царствования Николая II смета Министерства народного просвещения увеличилась с 25,2 млн до 161,2 млн рублей. В то же время общие правительственные расходы на народное образование по всем ведомствам возросли с 40 млн до 270 млн рублей. Одновременно органы земского и городского самоуправления увеличили свои расходы на народное образование на 329 %. Таким образом, в начале 1913 г. общий бюджет народного образования в России достиг к тому времени колоссальной цифры – полмиллиарда рублей золотом. По закону начальное обучение было бесплатным. С 1908 г. оно объявлялось обязательным. К началу Первой мировой войны число школ превысило 130 тысяч. Любопытно отметить, что по количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX в. первое место в Европе, если не во всем мире.

На наш взгляд, можно спорить о мнениях, об оценках, но не о фактах и цифрах. Статистические данные, приведенные выше, говорят сами за себя. За период царствования Николая II было достигнуто не только значительное экономическое и культурное развитие страны, но и совершены большие государственные преобразования – установление народного представительства (Государственная дума, местные органы самоуправления). В области международной – положена российским императором инициатива учреждения международного Гаагского суда и создания элементов коллективной безопасности.

Существенным достижением для России явилось преодоление характерных «голодовок», которые бывали в прежние времена, «как последствия неурожаев». Простой народ хотя и жил в массе своей бедно (как, впрочем, в других странах Европы и Америки до преодоления времен Великой депрессии), но материальное положение его заметно улучшалось. Приведем еще один показатель. Сумма вкладов в сберегательные кассы (куда именно стекались мелкие сбережения) возросла с 300 млн рублей в 1894 г. до 2 млрд рублей в 1913 г. Всего же рост государственных доходов за период царствования Николая II определялся почти в 900 %, что говорит о благополучии державы и росте народного благосостояния.

Царское правительство всячески поощряло создание новых предприятий, строительство железных дорог и т. п., главным образом путем казенных заказов.

Велась определенная политика по привлечению иностранного капитала для развития экономики страны, но не в ущерб национальным интересам России.

В начале XX в. Россия выдвинулась в число передовых стран мира. Недаром известный в то время французский экономический обозреватель Эдмон Тэри, анализируя ход мирового процесса, в книге «Россия в 1914 году» писал: «Рассматривая результаты, полученные с начала XX века, они (читатели. – *В.Х.*) придут к заключению, что если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении…».

Стремительным экономическим взлетом страна отметила в 1913 г. 300-летие Дома Романовых, который торжествовал свой триумф. Во времена Советского Союза еще долгие десятилетия будут браться за ориентир заветной цели показатели предвоенного года.

Начало Первой мировой войны опрокинуло надежды на лучшее будущее многих народов. 28 июня 1914 г. (по новому стилю) 19-летний Гаврило Принцип (сербский националист, австрийский подданный), выступавший за освобождение Боснии и Герцеговины, расстрелял престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда (1863–1914) и его морганатическую супругу герцогиню Софию Гогенберг (1868–1914). Это было уже второе покушение в этот день после неудавшегося первого, когда Габринович бросил бомбу в автомобиль, в котором эрцгерцогская чета направлялась по улицам Сараево в Городскую Ратушу. Террорист-убийца был схвачен на месте преступления и позднее приговорен к 20 годам каторги (как несовершеннолетний), но умер в тюрьме в 1918 г. от туберкулеза.

В связи с быстро разрастающимся международным конфликтом император Николай II записал 12/25 июля в дневнике: «В четверг вечером Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемы для независимого государства. Срок его истек сегодня в 6 часов дня. Очевидно, разговоры у нас везде только об этом… От 11 ч. до 12 ч. у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, кот[орые] нам следует принять…»143.

Военный министр царского правительства, генерал В.А. Сухомлинов позднее писал в своих воспоминаниях об этом историческом совещании:

«Не совсем врасплох, но довольно неожиданно получил я предложение прибыть на заседание совета в Красное Село 25 июля (12 июля по старому стилю. – *В.Х.*), в разгар лагерного сбора.

Помню, что во время моей поездки на заседания, я не испытывал никакого предчувствия относительно надвигавшейся катастрофы. Я знал личное миролюбие царя и не получил никакого извещения о предмете предстоящего заседания. Поэтому я придавал поездке в Красное Село настолько малое значение, что поехал один, не взяв с собою ни начальника Генерального штаба, ни даже дежурного адъютанта: предметом совещания могло быть чисто военное дело Петербургского военного округа или что-либо, касающееся лагерных сборов… В малом летнем дворце великого князя Николая Николаевича я встретил нескольких министров, между ними министра иностранных дел, а также несколько высших чинов военного ведомства. Многие из них также ничего не знали о предмете предстоящего совещания; однако высказывали, ссылаясь на присутствие Сазонова, предположения, указывающие на политическое положение.

Государь вошел в зал заседания вместе с дядей. На нем была летняя форма одежды своего Гусарского полка. Как всегда, приветливо улыбаясь и не показывая никакого душевного волнения, Государь приветствовал присутствующих общим поклоном и без особых церемоний сел за стол; по его правую руку сел Горемыкин, по левую – великий князь.

Помещение, в котором мы собрались, была большая столовая, примитивно устроенная, с большими стеклянными дверьми, ведущими через балкон или веранду в парк. Посреди стоял большой, покрытый зеленой скатертью обеденный стол, за который мы, по знаку Государя, сели. Против Государя сидел Сазонов, я сидел через несколько мест от него по ту же сторону, если не ошибаюсь, рядом с министром финансов Барком. Морского министра я на заседании не видел.

Без всякого вступления Государь предоставил министру иностранных дел слово, который нам в приблизительно получасовой речи обрисовал положение, создавшееся вследствие австро-сербского конфликта для России. То, о чем Сазонов докладывал, было крупное обвинение австро-венгерской дипломатии. Все присутствовавшие получили впечатление, что дело идет о планомерном вызове, против которого государства Тройственного союза (Entente cordiale), Франция и Англия, восстанут вместе с Россией, если последняя попытается не допустить насилия над славянским собратом. Сазонов сильно подействовал на наши воинские чувства. Он нам объявил, что непомерным требованиям можно

противопоставить, после того как все дипломатические средства для достижения соглашения оказывались бесплодными, только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это обозначало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи.

Государь был совершенно спокоен. Впоследствии выяснилось, что накануне заседания у него было продолжительное собеседование с глазу на глаз с его дядей, великим князем Николаем Николаевичем, который молча сидел рядом с Государем и усиленно, нервно курил. Для меня, в течение целого ряда лет имевшего случай наблюдать отношения этих двух высочайших особ, было совершенно ясно, что великий князь настроил Государя уже заранее, без свидетелей, и говорить теперь в заседании ему не было никакой надобности.

Несмотря на то что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта.

В заключительном слове Государя была та же надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьезная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает даже на дипломатические наши миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай, частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней.

На этом основании и решено было предварительно объявить начало подготовительного к войне периода с 13/26 июля.

Если же и после того не наступит улучшение в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию.

Моя роль при этом постановлении была, как уже выше сказано, весьма скромная. Как военный министр, против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большой политики, я не имел права протестовать, хотя бы он и угрожал войной, ибо политика меня не касалась. Настолько же не моим делом военного министра было решительно удерживать Государя от войны. Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели бы право обвинить меня в трусости, если бы после того, как в роли военного министра в мирное время пользовался всеми преимуществами моего высокого военного положения,

предостерегал бы от войны и притом в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение были за то, чтобы русская дипломатия не отступала перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 г. Ко всем таким соображениям, которые, однако, меня ни на минуту не смущали, в смысле трудности предстоящей задачи, присоединилось еще впечатление, которое у меня и представителей других ведомств получилось от доклада представителя министерства иностранных дел. Из этого следовало, что другого выхода, как объявление войны, не было и каждое мое слово против войны было бы бесполезно.

Моим протестом 25 июля я бы только отрицал возможность применения вооруженного нейтралитета. В данном случае решение подлежало министру иностранных дел, а он требовал частичной мобилизации!… В соответствии с этим намечены были отправные точки, несмотря на то, что я был противником частичной мобилизации и такого своего мнения не скрывал. Моим делом было приготовить армии для шахматной игры Сазонова, следовательно, и в этом отдельном вопросе мне приходилось повиноваться.

Было бы другое дело, повторяю, если бы я в 1914 г. оказался в положении Редигера в 1909 г. В 1914 г. армия была настолько подготовлена, что, казалось, Россия имела право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.»144.

Однако заметим, что военный министр В.А. Сухомлинов о многом умолчал. После Русско-японской войны в результате чистки царской армии за один год в отставку было отправлено: 341 генерал – почти столько же, сколько имелось во всей французской армии, и 400 полковников. В 1913 г., т. е. накануне мировой войны, в русской армии все еще не хватало 3000 офицеров. За шесть лет, предшествовавших 1914 г., сменилось шесть начальников Генерального штаба, что оказало отнюдь не благоприятное влияние на разработку военных планов предстоящей войны. Военные заводы России производили не более двух третей требуемого количества артиллерийских снарядов и менее половины винтовочных патронов. Почти все воюющие страны в годы мировой войны, как выяснили впоследствии историки и военные исследователи, не имели достаточного количества военного снаряжения и боеприпасов. Однако Сухомлинов не израсходовал даже правительственные фонды на производство боеприпасов. Россия вступала в мировую войну, имея 850 снарядов на каждое орудие, по сравнению с 2000–3000 в западных армиях, хотя еще в 1912 г. он согласился с компромиссным предложением о доведении этого количества до 1500 снарядов на орудие. Существовала еще одна не решенная до конца проблема. В состав русской пехотной дивизии входило 7 батарей, а немецкой –

14. К началу мировой войны: «Россия была полностью обеспечена орудиями по существующему мобилизационному расписанию – 959 батарей при 7088 орудиях. Громадная сила, так как союзная Франция имела 4300 орудий. Но противники превосходили русских и французов как по общему числу орудий (Германия – 9388, Австро-Венгрия – 4088), так, что еще важнее, и по тяжелой артиллерии. Германия располагала 3260 тяжелыми орудиями, Австро-Венгрия примерно 1000. На вооружении русской армии было 240 тяжелых орудий, во Франции тяжелая артиллерия находилась в зачаточном состоянии»145. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, в то время как в немецкой их насчитывалось 381. Предупреждение многих военных о том, что будущая война явится дуэлью огневой мощи, Сухомлинов по существу проигнорировал.

Николая II, судя по его дневниковым записям, продолжал напряженно следить за ходом событий на Балканах:

«**14/27 июля [1914 г.].** Понедельник… В 6 часов принял Маклакова. Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [видно, что] австрийцы, по-видимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить. Весь вечер читал.

15/28 июля. Вторник. Принял доклад Сухомлинова и Янушкевича… В 8 1/2 ч. принял Сазонова, который сообщил, что сегодня в полдень Австрия объявила войну Сербии… Читал и писал весь вечер.

16/29 июля. Среда. Утром принял Горемыкина. В 12 1/4 ч. произвел во дворце около ста корабельных гардемарин в мичманы…

Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом.

Вечером читал и еще принял Татищева, которого посылаю завтра в Берлин»146.

Император Николай II обменялся 16 (29) июля 1914 г. телеграфными посланиями с германским императором Вильгельмом II, который приходился ему и императрице Александре Федоровне кузеном. На следующий день, 17 (30) июля, российский император направил письмо с генерал-адъютантом Л.И. Татищевым:

«Дорогой Вилли.

Посылаю к тебе Татищева с этим письмом. Он будет в состоянии дать тебе более подробные объяснения, чем я могу это сделать в этих строках. Мнение России следующее:

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены – ужасное преступление, совершенное отдельными сербами. Но где доказательство того, что Сербское правительство причастно к этому преступлению?… Вместо того чтобы довести до сведения Европы и дать другим странам время ознакомиться с результатами всего следствия, Австрия предъявила Сербии ультиматум, дав срок 48 часов, и затем объявила войну. Вся Россия и значительная часть общества других стран считает ответ Сербии удовлетворительным: невозможно ожидать, чтобы независимое государство пошло дальше в уступках требованиям другого правительства… Чем дальше Австрия зайдет в своей агрессивности, тем серьезнее окажется положение. К тебе, ее союзнику, я обращаюсь, как к посреднику, в целях сохранения мира.

Ники»147.

В тот же период состоялся обмен посланиями императора Николая II с Сербским королевичем-регентом Александром, который 11 июля 1914 г. обратился к России за помощью и защитой:

«…Мы не можем защищаться… Поэтому молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее… Мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в Вашем славянском и благородном сердце…».

Российский император Николай II вскоре дал обнадеживающий ответ:

«Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим искренним желаниям, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии…»148.

Как мы можем видеть, Николай II осторожно подходил к острой ситуации, надеясь погасить пламя начинавшейся мировой войны совместными международными коллективными усилиями.

Телеграмма эта была получена как раз в тот день, когда Австро-Венгрия 15 (28) июля объявила войну Сербии и произвела огромное впечатление на славян. На следующий день 16 (29) июля Белград подвергся обстрелу. В тот же день Россия привела в готовность свои войска на австрийской границе, а 17 (30) июля, как и

Австрия, объявила всеобщую мобилизацию. На следующий день, т. е. 18 (31) июля Германия направила России ультиматум, требуя отменить в ближайшие двенадцать часов мобилизацию и «дать нам четкие объяснения по этому поводу». Война приближалась ко всем границам.

Можно также утверждать, что императрица Александра Федоровна и ряд царских министров не желали войны. Против возможной беды предостерегал и «друг семейства» Григорий Распутин, который находился в это время у себя на родине в селе Покровское в Сибири (после покушения на его жизнь, нанесения ножевого ранения в живот), следующей телеграммой полумистического содержания:

«Милый друг! Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно и просвету нет. Слез-то море и меры нет, а крови? Что скажу? Слов нет, неописуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят, и верные, не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказанье, когда уж отымет путь, – начало конца.

Ты царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать, так все по-другому.

Не было от веку горшей страдалицы, вся тонет в крови великой. Погибель без конца, печаль.

Григорий»149.

Не правда ли, какое грозное предостережение патриотическим восторгам первых дней войны?! Какая поразительная картина предвидения ужасной участи России!

Однако волна патриотизма захлестнула многих. Так, например, великий князь Николай Михайлович еще 15 (28) июля 1914 г. обратился к императору Николаю II со следующим письмом:

«Прости, если в тревожные минуты отрываю Твое внимание. На сей раз ходатайствую о себе лично и прошу не выдавать меня до поры до времени. Дело в том, что если бы война с немцами всех сортов все-таки возгорелась, то я хотел бы очевидно принять активное участие, а не сидеть здесь сложа руки.

Ввиду того, что за 10 лет я окончательно отстал от фронта, то мог бы принести пользу только в качестве генерала, состоящего по особым поручениям.

Если будущие действующие армии были бы вверены Николаше, Ренненкампфу, Жилинскому и Иванову, то я бы просил меня назначить именно в Киевскую

армию к Иванову. Тебе может быть покажется странным, что я заблаговременно заявляю о своем ходатайстве, но в тревожные дни особенно перед войнами, всегда столько просьб, что пусть моя будет одной из первых. Твое принципиальное согласие для меня очень важно… 12 [июля] я вернулся сюда, а вчера радовался от всей души бодрому и повышенному настроению всех слоев населения столицы. Это отрадное явление действует чарующе на тех, которым дороги интересы Родины и давно я не видал Петербурга таким, как он был за эти два дня… Если все окончится благополучно и войны не будет, предполагаю поехать на 2 недели в Грушовку и Екатеринославскую губернию 22 или 23 июля, потом обратно сюда и в конце августа в Боржом.

Весь Твой *Николай М[ихайлович]*»150.

Министр Императорского Двора граф В.Б. Фредерикс позднее вспоминал обстановку, предшествующую началу мировой войны:

«Когда граф Пурталес (германский посол в России. – *В.Х.*) пришел ко мне и со слезами на глазах умоляя меня еще раз попытаться убедить отменить приказ о мобилизации, я направился к императрице и объяснил ей всю серьезность этого непоправимого шага. “Вы правы, – сказала она, – надо во что бы то ни стало предотвратить это страшное несчастье. Впрочем, здесь вкралось некоторое недоразумение – мобилизация объявлена не против Германии, а против Австрии. Государь говорил мне об этом несколько раз, и Вильгельм либо плохо осведомлен, либо прикидывается таковым”. Мы пошли вместе к Государю, у него уже находился Сазонов. Я говорил с полным убеждением, искренно и сердечно, как мне диктовала моя глубокая симпатия к царю. Я умолял его не брать на себя эту огромную ответственность перед историей и перед всем человечеством. Государыня меня поддержала, говорила сначала по-французски, затем – поанглийски… Государь задумался. Сазонов, повернувшись в мою сторону, сказал: “А я имею храбрость взять на себя ответственность за эту войну. Война эта неизбежна. Она сделает Россию еще сильнее и могущественнее. И вы, министр двора, которому подобает соблюдать интересы Государя, вы хотите, чтобы он подписал свой смертельный приговор, оттого, что Россия никогда не простит ему тех унижений, которые вы ему навязываете!” – Государь, до этой минуты колебавшийся, казалось, сразу предпринял какое-то решение и приказал, прекратив разговор с Сазоновым и мною, призвать к нему немедленно Сухомлинова и великого князя Николая Николаевича. На следующий день была объявлена война!»151.

Теперь нам всем хорошо известно, что Сазонов, Сухомлинов и великий князь Николай Николаевич убедили императора в невозможности отменить уже

объявленную частичную мобилизацию по техническим причинам и вообще в нерациональности таких шагов. Однако все это вело к большой войне.

В дневниковых записях императора Николая II нашло отражение эскалация событий, связанных с началом войны:

«**19-го (1 августа) июля**. Суббота. Утром были обычные доклады.

После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении Верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию. Поехал с Аликс в Дивеевскую обитель.

Погулял с детьми. В 6 1/2 ч. поехали ко всенощной. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну… Вечером приехал англ. посол Buchanan с телеграммой от Georgie. Долго составлял с ним вместе ответ. Потом еще видел Николашу и Фредерикса…

20-го (2 августа) июля. Воскресенье. Хороший день, в особенности в смысле подъема духа. В 11 ч. поехал с Мари и Анастасией к обедне. Завтракали одни. В 2 1/4 ч. отправились на «Александрии» в Петербург и на карете прямо в Зимний дв[орец]. Подписал манифест об объявлении войны. Из Малахитовой прошли выходом в Николаевскую залу, посреди кот. был прочитан манифест и затем отслужен молебен. Вся зала пела “Спаси, Господи” и “Многая лета”.

Сказал несколько слов. При возвращении дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа. Около 6 час. вышли на набережную и прошли к катеру чрез большую толпу из офицеров и публики. Вернулись в Петергоф в 7 1/4 ч. Вечер провели спокойно»152.

Читая эти строки дневника, невольно на память приходит фраза известного немецкого канцлера О. Бисмарка: «Все войны популярны в день их объявления». Однако столь же неизбежно популярность их резко падает, особенно после получения первых чувствительных поражений.

По свидетельству придворных, императрица Александра Федоровна, узнав о печальной вести начала войны, горько разрыдалась.

Обстоятельства объявления войны Германией России описал в своих воспоминаниях министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов:

«Этот шаг, последний и бесповоротный, был совершен Германиею в субботу 1-го августа. В 7 часов вечера ко мне явился граф Пурталес и, с первых же слов,

спросил меня, готово ли русское правительство дать благоприятный ответ на предъявленный им накануне ультиматум. Я ответил отрицательно и заметил, что, хотя общая мобилизация не могла быть отменена, Россия тем не менее была расположена по-прежнему, продолжать переговоры для разрешения спора мирным путем.

Граф Пурталес был в большом волнении. Он повторил свой вопрос и подчеркнул те тяжелые последствия, которые повлечет за собою наш отказ считаться с германским требованием отмены мобилизации. Я повторил уже данный ему раньше ответ. Посол, вынув из кармана сложенный лист бумаги, дрожащим голосом повторил в третий раз тот же вопрос. Я сказал ему, что не могу дать ему другого ответа. Посол, с видимым усилием и глубоко взволнованный, сказал мне: “В таком случае мне поручено моим правительством передать Вам следующую ноту”. Дрожащая рука Пурталеса вручила мне ноту, содержащую объявление нам войны. В ней заключалось два варианта, попавшие, по недосмотру германского посольства, в один текст. Эта оплошность обратила на себя внимание лишь позже, так как содержание ноты было совершенно ясно»153.

Позднее дворцовый комендант генерал-майор В.Н. Воейков в своих мемуарах с печалью писал: «Сбылось то, чему трудно было верить, но что мне в 1919 году выдавалось за факт: говорили, что в 1911 году в Риме состоялся масонский съезд, постановивший вовлечь европейские державы в войну с целью свержения тронов…»154.

Интересно отметить, что на подобные секретные данные и на влияние масонов ссылается в своих воспоминаниях и германский император Вильгельм II. Однако всем известна истина, что победителей не судят.

Роль масонов темна и касаться этого мы сейчас не будем, тем более что подобному сюжету имеется много разного рода «посвящений». В России кроме масонов имелись влиятельные силы, которые были заинтересованы в большой войне. Для них война являлась беспроигрышной лотереей. С одной стороны, на войне можно было нажить огромные капиталы и в случае победы получить новые рынки сбыта, подавить своих конкурентов. Существовала и другая сторона медали. Реальные силы оппозиции на надежду уступки власти со стороны царского режима (в условиях мирного времени при успешном экономическом и социальном развитии страны) рассчитывать не могли. Уступки хотя бы части власти можно было добиться или вырвать лишь в трудных условиях военного времени. Такие же надежды питали и

революционеры, т. к. их ставка на восстание 120 млн крестьян в борьбе за землю также была подорвана аграрной реформой Столыпина.

Рвавшийся к государственному рулю новый класс, главным образом в лице крупной буржуазии, понять было можно. Россия управлялась, по меткому выражению императора Николая I, «30 000 столоначальников»155, т. е. профессиональной бюрократией. Для того чтобы добиться влиятельного положения в государственном аппарате, чтобы стать директором департамента, сенатором или министром, нужно было пройти длинную лестницу служебной карьеры, и никакие миллионы не могли играть решающей роли и освободить от этой обязанности. Российская буржуазия считала себя обиженной таким положением. Она стремилась играть в России такую же доминирующую роль, которую имела крупная буржуазия в Европе. Таким образом, приближалось время открытой схватки с царем за перестройку российской государственности по меркам их личных и сословных интересов. Военная обстановка этому могла благоприятствовать.

Первая мировая война для многих членов династии Романовых оказалась неожиданным и весьма неприятным сюрпризом. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что вдовствующая императрица Мария Федоровна и старшая сестра императора Николая II великая княгиня Ксения Александровна находились в это время за границей. Обратимся к сохранившимся личным документам Романовых, которые позволяют судить о многих нюансах начала великой драмы.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна 17 (30) июля 1914 г. в письме к своей дочери, великой княгине Ксении Александровне, писала из «Marlborough house», где находилась в гостях у родной сестры:

«От души благодарю тебя, моя душка милая Ксения, за твое дорогое письмо из Vissebes. Но кто мог провидеть это неожиданное пертурбации в этом коротком сроке. Кажется, что все с ума сошли, не верится, что все это так скоро могло случиться! Я совершенно… не могу спокойно сидеть здесь и уже после завтра уезжаю, но как путешествие через Германию будет, не знаю. Может быть, остановят нас на дороге. Бедная т. Аликс не хотела меня пускать, но я просто не могу ждать здесь… Я не имею никаких известий от Ники, что совсем не понятно. Я ему в первый день телеграфировала, [чтобы] узнать, нужно ли мне вернуться, на что он ответил: если тебе больше спокойнее будет здесь, то приезжай. Что это за ответ? И после этого ничего. Бедный Ники, конечно, его положение ужасно тяжелое…. Но другие тоже ничего не пишут, как будто мне все равно, это возмутительно… Все, что произошло, так ужасно и так страшно,

что слов нет. Боже мой! Что нас еще ожидает и как это все кончится?… Положение ужасное, куда не смотришь… Больше не могу писать. Нежно тебя обнимаю, моя душка Ксения, да поможет нам Господь!…

Твоя измученная, но любящая тебя Мама.

Миша был сегодня. Я ему сказала, [что] лучше ему со мною вернуться теперь, но он отказался. Но видно, что он все чувствует, как мы, но не может!»156.

Как видно из письма Марии Федоровны, поворот международных событий был неожиданный для нее. Перед возвращением в Россию она имела свидание со своим младшим сыном Михаилом Александровичем, который в этот период находился с семьей в Англии. В связи с заключением в 1912 г. младшим братом царя морганатического брака, то ему было запрещено с семьей возвращение в Россию, а на имущество и капиталы великого князя была наложена опека.

В дневнике Марии Федоровны 17 (30) июля 1914 г. была сделана следующая запись: «В 12 часов пришел Миша. Мы немного прогулялись. Я умоляла его поехать домой вместе со мной именно сейчас – в такой серьезный момент. Для него это было бы теперь самым лучшим решением. Никакого результата, к сожалению, я не добилась! Позавтракали мы в саду. Затем отправились к леди Пейджет, где пили чай и осматривали ее прелестный сад. Там была также мадам Оберн. Погода стоит замечательная. Вечер провела в одиночестве»157.

Великий князь Михаил Александрович оказался в данном случае в двойственной ситуации. Очевидно, что он стремился вернуться в Россию, но буквально накануне встречи со своей матерью вдовствующей императрицей Марией Федоровной, им было отправлено письмо Николаю II, которое приведем полностью:

«16 июля 1914 г. – Knebword House Herts.

Дорогой Ники,

Хотя ты мне и не отвечаешь на мои письма относительно изменения моего положения, которое всецело зависит от тебя, я еще раз обращаюсь к тебе. Учрежденная по твоей воле опека, очевидно, должна была иметь в виду ограждение состояния моего от разорения. Никаких определенных действий, из которых можно было бы усмотреть угрозу имущественному благосостоянию моему, мною совершенно не было и, следовательно, опека имела в виду лишь возможность проявления в будущем расточительности или безмерных трат. Сопровождение опеки над имуществом опекой над личностью, не увеличивая

нисколько обеспечения целости состояния, поставило меня в положение слабоумного или психически ненормального человека и создало совершенно невыносимые условия моего дальнейшего существования, отняв у меня возможность даже временного возвращения в Россию, как человека, которого постигла унизительная кара. Я вынужден избегать людей, которым неизвестна истинная причина постигшего меня бедствия, лишен возможности всякого участия в наблюдении за ведением моих дел, а в то же время остался до сих пор председателем разных обществ, ученых, просветительных и благотворительных.

Я глубоко убежден, дорогой Ники, что ты не мог желать поставить меня именно в такое тяжкое, унизительное положение и что учреждение опеки имело лишь единственную цель ограждения целости моего состояния, а если это так, то опека над личностью является прежде всего для сказанной цели совершенно излишнею, да и самая опека над имуществом могла бы быть заменена другими менее оскорбляющими мое человеческое достоинство мерами.

Пережив столько тяжелого и унижений за все последнее время, решаюсь еще раз обратиться к тебе и просить тебя или ограничиться наложением запрещения на все мое недвижимое имущество и капиталы с разрешением мне пользоваться лишь доходами с них или, если это было бы признано тобой не удовлетворяющим поставленной цели, заменить нынешнюю опеку попечительством в твоем лице или лица, которое тебе было бы угодно назначить, как, например, лично известного тебе Николая Павловича Лавриновского. Такое отвечающее вполне цели и назначению ныне действующей опеки попечительство по твоему повелению заменило опеку по расточительности в отношении лейб-гусарского полка графа Стенбок[а] и о такой же милости прошу теперь и я, хотя имущества своего до сих пор не расточал и не растрачивал.

Надеюсь на твое доброе сердце, что ты не назначишь лиц, мне неприятных и вредящих мне, где только возможно, так как это равнялось бы теперешнему тяжелому положению.

Обнимаю тебя

Сердечно любящий тебя Миша»158.

Как видно из письма, великий князь Михаил Александрович был смертельно обижен на своего старшего брата, но, соблюдая рамки вежливости и смирения, просил о нисхождении. Пока на эту просьбу он еще не получил ответа, то считал себя не вправе возвратиться из изгнания на родину.

Следует заметить, что в этот же период с разрешения императора вернулся из Франции со своим семейством великий князь Павел Александрович. Этому примеру мог последовать и великий князь Михаил Михайлович (Миш-Миш), но он предпочел остаться представителем от русской армии в Англии, что, возможно, уберегло его позднее от гибели от рук большевиков, как погибли трое его родных брата в 1918–1919 гг.

Возвращение членов императорской фамилии в Россию проходило с целым рядом злоключений. Так, например, императрица Мария Федоровна 19 июля (1 августа) 1914 г. писала в своем дневнике: «Сегодня я провожу последний день с моей дорогой Аликс. Как это ужасно! Неизвестно, когда мы теперь снова сможем увидеться. Уж конечно, не в этом году, раз начинается война!… В полном отчаянии я расстаюсь с моей любимой Аликс! Какое жестокое прощание в этот такой ужасно серьезный момент. Переезд прошел прекрасно! В 5 1/4 прибыли в г. Кале, где меня должна была встретить Ксения. Однако ее там не оказалось. Она встречала меня лишь в Бельгии. Она (Ксения) потеряла всех своих людей и весь свой багаж». На следующий день 20 июля (2 августа) еще одна запись в дневнике Марии Федоровны: «Во Франции нас повсюду встречали: “Vive la Russie!” (“Да здравствует Россия!” – франц.). Мобилизация шла полным ходом. В Германии ничего не было заметно до тех пор, пока мы не прибыли в предместье Берлина, где лица прохожих дышали ненавистью. Когда мы въехали в Берлин – отвратительное место, в поезде появился Свербеев и сообщил, что объявлена война, а также что мне не разрешено пересечь германскую границу. Он сам был как помешанный. Видно было, что он совершенно потерял голову и уже не был послом. Он сказал мне, что маленькая Ирина находится здесь с семьей Юсуповых и что все они арестованы. Слыхано ли что-либо подобное! Какие подлецы! Потом появился немецкий господин, чиновник, который заявил, что я должна вернуться назад и ехать домой через Англию, Голландию или Швейцарию или, может быть, я предпочла бы Данию. Я протестовала и спросила, что случилось. На это он ответил: “Россия объявила войну”. Я ответила, что это ложь, а также то, что мобилизация начата ими [германцами] тайно и проводится уже в течение четырех лет, в то время как Россия только теперь начала осуществлять эти действия [мобилизацию] и только теперь заявила об этом официально. “Но это, – сказала я, – еще не означает начала войны”. В конце концов, через 2 часа наконец-то выбрались из всей этой грязи и уже находились на пути в Вамдруп»159.

С началом Первой мировой войны император Николай II, судя по дневниковым записям, беспокоился за благополучие своих близких:

«**22-го июля [1914 г.].** Вторник. Вчера Мама приехала в Копенгаген из Англии через Берлин. С 9 1/2 до часа непрерывно принимал. Первым приехал Алек (имеется в виду принц Александр Петрович Ольденбургский. – *В.Х.*), кот. с большими возвратился из Гамбурга затруднениями и едва доехал до границы. Германия объявила войну Франции и направляет главный натиск на нее.

У меня были доклады: Горемыкина, Сухомлинова и Сазонова. Кирилл (великий князь Кирилл Владимирович. – *В.Х.*) был дежурным.

23-го июля. Среда. Утром узнал добрую весть: Англия объявила войну Германии за то, что последняя напала на Францию и самым бесцеремонным образом нарушила нейтралитет Люксембурга и Бельгии.

Лучшим образом с внешней стороны для нас кампания не могла начаться. Принимал все утро и после завтрака до 4 час. Последним у меня был франц. посол Палеолог, приехавший официально объявить о разрыве между Францией и Германией…

24-го июля. Четверг. Сегодня Австрия, наконец, объявила нам войну. Теперь положение совершенно определилось. С 11 1/2 на Ферме у меня происходило заседание Совета министров. Аликс утром ходила в город и вернулась с Викторией и Эллой (имеются в виду великая княгиня Виктория Федоровна и родная сестра Государыни великая княгиня Елизавета Федоровна. –*В.Х.*). Кроме них завтракали: Костя и Мавра (имеются в виду великий князь Константин Константинович и его супруга великая княгиня Елизавета Маврикиевна. – *В.Х.*), только что вернувшиеся из Германии и тоже, как Алек, с трудом проехавшие через границу»160.

Следует отметить, что «русский колосс», как называли Россию за рубежом, оказывал магическое воздействие и вселял радужные надежды на союзников по Антанте. На шахматной доске военного планирования огромные размеры и людские резервы Российской империи имели самый большой вес. Несмотря на ее неудачи в Русско-японской войне, мысль о «русском паровом катке» утешала и ободряла Францию и Англию. Численность и потенциал Российской армии внушали уважение: 1 423 000 человек в мирное время, еще 3 115 000 при мобилизации составляли вместе с 2 000 000 территориальных войск и рекрутов 6 500 000 человек.

Русская армия представлялась гигантской массой, пребывающей как бы в летаргическом сне, но, пробужденная и пришедшая в движение, она неудержимо покатится вперед, волна за волной, невзирая на потери, заполняя ряды павших воинов все новыми бойцами. Усилия, предпринятые после войны

с Японией, для устранения некомпетентности и коррупции в армии привели, как многие предполагали, к некоторому улучшению положения. «Каждый французский политик находился под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов потенциальной мощи и богатства», – писал сэр Эдуард Грей еще в апреле 1914 г. в Париже, где он вел переговоры по вопросу заключения морского соглашения с русскими. Он и сам придерживался тех же взглядов. «Русские ресурсы настолько велики, сказал он как-то президенту Пуанкаре, – что в конечном итоге Германия будет истощена даже без нашей помощи России»161.

Союзникам по Антанте было известно, но и не только им, что Россия физически не в состоянии закончить мобилизацию и концентрацию своих войск к этому условленному сроку, но для них было важно, чтобы русские начали наступление теми силами, которые окажутся у них в готовности. Франция и Англия были полны решимости, принудить Германию вести войну на два фронта с самого начала, стремясь сократить численное превосходство немцев по отношению к своим армиям.

Остановимся на одном важном, но для многих малоизвестном факте. Император Николай II в самом начале войны намеревался взять в свои руки Верховное главнокомандование действующей армии на фронте. Об этом событии позднее подробно поведал в своих воспоминаниях военный министр В.А. Сухомлинов:

«Следующий доклад мой должен был состояться в субботу 19 июля (1 августа); но мне передано было из Петергофа, что Государь примет военного министра с докладом 20 июля / 2 августа в Петербурге, после Высочайшего выхода, в Зимнем дворце.

В воскресение выход состоялся. Император Николай II, после молебствия, обратился с прочувствованною речью к собравшимся представителям армии. Более четырех тысяч человек приветствовало царское слово с большим энтузиазмом. Когда после того я был принят с докладом, Его Величество очень ласково меня принял, поблагодарил за тот блестящий порядок, в котором прошли все распоряжения по мобилизации, и обнял меня даже.

При всем желании Государя нашего, – войны избежать не удалось, – и так он решил сам стать во главе действующей армии, то, ввиду предстоящего отъезда на фронт, состоялось заседание Совета Министров, под председательством самого Государя в Петергофе, на так называемой «Ферме». – В сущности, это был небольшой павильон в парке, всего одна зала с небольшими пристройками примитивного фасона и незатейливой меблировкой.

Посреди зала находился стол настолько большого размера, что вокруг него могло поместиться до 20–25 человек. Вся мебель чуть ли не Екатерининских времен. На стенах висели старинные же гравюры, с изображениями охот, древних замков и портретами XVII столетия в напудренных париках, жабо, с отложными, широкими, кружевными воротниками…

На эту Ферму Государь пришел пешком, совершенно один и без оружия.

В настоящее время, на расстоянии девяти лет с того дня, когда решался вопрос большого исторического значения, а именно: станет ли Государь во главе действующей армии, – имеются уже данные, дающие возможность в этом разобраться. Я не могу винить Государя в том, что он не проявил силы воли и от своего решения, на основании которого я направлял все подготовительные работы к походу, отказался в совещании министров. – Перед престолом Всевышнего дает теперь ответ наш бедный царь. Лягание же поверженного льва – спорт, к которому у меня расположения никогда не было.

Но интересно выяснить, насколько я виноват в том, что настойчиво, энергично не пошел против всех остальных членов совещания и категорически не заявил, что Государь не должен менять своего решения выступить в поход вместе со своими войсками.

Обстановка заседания была такова, что правее Государя сидел председатель Совета Министров Горемыкин, а левее Его Величества – военный министр.

После заявления Государя о том, что, предполагая стать во главе армии, выступающей в поход, он желал бы дать Совету Министров некоторые полномочия для окончательного решения дел в его отсутствие, во избежание всяких проволочек и задержек с бюрократической точки зрения. Его Величество предложил Горемыкину высказать свое мнение.

Старик «премьер-министр» чуть ли не со слезами на глазах просил Государя не покидать столицу, ввиду политических условий, создавшихся в стране, и той опасности, которая угрожает государству – отсутствие главы его из столицы, в критическое для России время. Речь эта была трогательна и, видимо, произвела на Государя большое впечатление.

К ней горячо присоединился министр земледелия и государственных имуществ Кривошеин, энергично высказавшийся за то, чтобы Государь оставался в центре всей административно-государственной машины; излагал свои доводы он с таким пафосом, что, видимо, его речь производила на Государя тоже сильное впечатление.

Затем министр юстиции Щегловитов, опытный профессор, в своих спокойных доводах, основанных на исторических данных, сославшись на Петра Великого и обстановку прутского похода того времени, увлек всех нас своим убежденным докладом о том, почему Государю необходимо оставаться у кормила правления.

После него решительно все остальные члены заседания высказались в том же смысле, и очередь дошла до меня.

Обращаясь в мою сторону, Его Величество сказал: “Посмотрим, что на это скажет наш военный министр?”

– “Как военный министр, – доложил я на это, – скажу, конечно, что армия счастлива будет видеть верховного своего вождя в ее рядах, тем более что я давно знаю это непреклонное желание и Его Величества; в этом смысле формируется штаб и составляется положение о полевом управлении. Но я, как член совета, сейчас остаюсь в одиночестве, и такое единодушное мнение моих товарищей не дает мне нравственного права идти одному против всех”.

– “Значит, и военный министр против меня”, – заключил Государь и на отъезде в армию больше не настаивал»162.

Наконец, в дневнике Николая II от 27 июля 1914 г. была сделана следующая запись: «В 10 1/2 была обедня вследствие приезда дорогой Мама в 12.36 сюда в Петергоф. Встречало все семейство, министры и свита. Был выставлен дивный почетный караул от Гвардейского экипажа. Мама приехала с Ксенией, совершив 9-дневное путешествие из Англии на Берлин, откуда ее не пропустили к нашей границе, затем Копенгаген, через всю Швецию на Торнео и на СПб. Она совсем не устала и в таком же приподнятом настроении как мы все. Завтракали и обедали в Коттедже. Погулял с дочерьми. В 6 ч. принял Николашу. Погода была отличная»163.

Через две недели произошло еще одно знаменательное событие в большом императорском семействе. Это событие нашло отражение в дневнике императрицы Марии Федоровны:

«11/24 августа. Понедельник. Ужасное возбуждение. Сегодня ожидаю моего Мишу. В 11 часов приняла Гадона. Благодарю Господа за эту блестящую кампанию, в которой участвовали кавалергарды и Конная гвардия. Получила милое письмо от Ольги. Миша пришел незадолго до завтрака. Наша встреча была очень эмоциональной! Затем мы с Ксенией посетили раненых офицеров в Благовещенском госпитале… Домой вернулись к чаю, на котором также присутствовал Ники с двумя младшими дочерьми. Таким образом, Ники и

Миша впервые встретились здесь у меня. Эта встреча меня глубоко тронула. Миша расплакался, но вскоре они оба подавили в себе эмоции и больше ни о чем не вспоминали»164.

Более лаконичная запись в дневнике императора Николая II от 11 августа 1914 г.: «Отличный летний день. Погулял. Принял Григоровича, Горемыкина и Кривошеина. После прогулки в 4 ч. отправился с Мари и Анастасией на моторе на Елагин к Мама. Пил у нее чай с Ксенией. В это время вошел Миша, вернувшийся вчера ночью из Англии тоже чрез Норвегию и Швецию на Торнео. Радостно было встретиться! Вернулся в Ц[арское] С[ело] с ним. Он обедал у нас.

Вечером читал»165.

На фронте первые победы русской армии чередовались с сокрушительными поражениями. В августе 1914 г. Франция находилась в таком опасном положении, что французское правительство со всеми высшими учреждениями вынуждено было перебраться из Парижа в Бордо. Наступление русской армии на территорию Германии (во многом неподготовленное) было искупительной жертвой, чтобы спасти Париж и отвлечь на себя часть немецких войск. Так, например, вдовствующая императрица Мария Федоровна 19 августа записала в дневнике: «Жуткие сообщения с фронта – потерпели страшное поражение в Восточной Пруссии. Три генерала погибли. Среди них мой дорогой Самсонов! Какой ужас! Приняла Ильина, Мейендорфа и Куломзина. Я нахожусь в совершенном отчаянии! Миша не пришел. К завтраку сегодня была лишь Саша Козен»166.

Позднее маршал Фош говорил: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим обязана, прежде всего, России»167.

В начале Первой мировой войны Россия, выручая от разгрома французов и английский экспедиционный корпус, предприняла спешное наступление в Восточную Пруссию. Немцы вынуждены были перекинуть из Франции два корпуса своих войск для отражения русского наступления. Им удалось не только остановить наступление, но и нанести сокрушительные удары по 1-й и 2-й русским армиям, которые понесли весьма большие потери. Военная удача отвернулась от русских войск, и они подверглись тяжким испытаниям. В частности, в рукописных воспоминаниях казачьего начальника В.А. Замбржицкого отмечались за этот период кровопролитные бои 1-й кавалерийской дивизии В.И. Гурко: «Да, подошли к нам минуты испытаний… Это было тогда, когда немцы только что разгромили Самсонова под Сольдау, а затем обрушились на зарвавшуюся вперед армию Ренненкампфа, грозя отрезать

ее с тыла. Наша дивизия прикрывала его левый фланг и нам пришлось выдержать всю силу удара обходных корпусов, предназначавшихся Ренненкампфу, и не будь Гурко, прямо скажу, несдобровать бы всей первой нашей армии… А положение было не то что скверное, – отчаянное прямо, и я не представляю себе, как мы оттуда живыми ушли! Как сейчас помню бой у села Петрашка. Навалились на нас 3 немецкие пехотные дивизии и конница, да еще с тяжелой артиллерией. А у нас что? Легкие конные пушечки, так разве ими отобьешься?… А местность то лесистая по краям, все перелески да перелески, того и гляди, обойдут немцы. Да по середке открытое поле, и за пригорочком лежат наши казаки, а где разбросались уланы и казаки. Гвоздят немцы по бугру, и все чемоданы, все чемоданы, так и чешут, так и сносят, так и мнут. Невмоготу терпеть, нет никакой мочи, ну просто не выдерживает сердце. Пригнулись мы, в землю вросли, про себя молитву “Живый в помощи Всевышнего” читаем. Тянет сползти с проклятого бугра, уйти куда-нибудь, и бежать, бежать без оглядки назад из этого сплошного ада. А не смеем! Мы то лежим, а он, Гурко, т. е. стоит во весь рост на этом бугру и хоть бы что! Точно не по нему то бьют, точно не вокруг него столбом рвутся и воют снаряды, точно не смерть витает, не убитые и раненые валяются и корчатся, а сладкая музыка играет, и ангелы песни поют. Стоит это он себе по своей привычке стеком по носку сапога хлоп-хлоп и нет-нет парой слов перекинется с адъютантом своим Арнгольдом. Далеко видать алые генеральские лампасы… Штаб весь ушел давно, Гурко его назад отослал, а сам с Арнгольдом остался. И пока стоит он здесь, на бугре, не смеем и мы уйти… А там, из-за перелесков, вдруг выносится конная немецкая бригада из двух полков и летит на нас в атаку. Ну, пропали, думаем! Только вижу, махнул рукой Гурко нашему резерву – трем сотням. Те вмиг на коня, и марш-марш, на немца колонной поскакали… Господи ты, Боже мой, что тут было!… А Гурко стоит все с той же легкой усмешкой, застывший в спокойной, бесстрастной позе. Затаив дыхание, глядим и мы туда, где сейчас решается судьба. Что-то будет? Вдруг видим, немецкая бригада дрогнула, замедляет ход, идет все тише, тише и сразу повернув, шарахнулась в сторону, уходит от наших казаков… Не приняла боя… Что тут было. Мы как лежали, так всею цепью сразу поднялись и с криками “ура” бросились на немцев. Гусары, уланы, драгуны, казаки, – все один перед другим старались отличиться на глазах любимого начальника. Шли в атаку и пешие, и конные, не обращая никакого внимания на огонь… В этот день мы потеряли половину личного и конного состава, но удержали за собой позиции… Армия Ренненкампфа была спасена»168.

Ценой большой крови русских солдат союзники России по Антанте были спасены от разгрома. В качестве компенсации 5 сентября 1914 г. Англия подписала с царским правительством тайный международный договор, по которому Черноморские проливы после окончания войны должны были отойти

России. Это был приз русских за участие в мировой войне, хотя англичане, возможно, никогда не собиралась выполнять свои обязательства по договору, что в дальнейшем подтвердилось их занятой позицией в дни Февральской революции.

События на фронте менялись как в калейдоскопе с поразительной быстротой. 21 августа 1914 г. Николай II с чувством глубокого удовлетворения записал в дневнике:

«Днем получил радостнейшую весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу!

Погода тоже стояла светлая.

Завтракал и обедал Саблин (деж.). Гулял и ездил на велосипеде с М[арией] и А[настасией]. Миша и д. Павел пили чай.

Невероятно счастлив этой победе и радуюсь торжеству нашей дорогой армии!»169.

По свидетельству воспоминаний графини Л.Н. Воронцовой-Дашковой неожиданную помощь великий князь Михаил Александрович вновь получил со стороны старого графа И.И. Воронцова-Дашкова:

«Чтобы спасти его от вынужденного бездействия придворной жизни, на помощь ему во второй раз пришел старый граф И.И. Воронцов-Дашков, очень любивший великого князя.

Незадолго до этого у наместника Кавказа генерал-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова возникла идея сформирования из всех кавказских народностей кавалерийскую дивизию. И теперь граф телеграфно обратился к Государю с просьбой о назначении великого князя начальником этой дивизии.

На такую телеграмму отказа быть не могло. И великий князь стал начальником "Дикой дивизии"»170.

23 августа 1914 г. великий князь Михаил Александрович получил очередное воинское звание генерал-майора с зачислением в Свиту императора и назначение командующим Кавказской туземной конной дивизией на Юго-Западном фронте.

Этот факт нашел отражение в дневниковой записи императора от 27 августа: «Видел Кирилла, приехавшего на несколько дней из штаба Николаши. Завтракал Миша, кот. получил Кавказскую конную туземную дивизию»171.

В этот же день Михаил Александрович уже в новой военной форме сделал визит к вдовствующей императрице Марии Федоровне.

Многие считали, что младший брат царя возглавит какоенибудь гвардейское подразделение на фронте. Нынешнее назначение Михаила Романова явилось полной неожиданностью для самой армии. Он был объявлен командующим новой дивизией, сформированной из добровольцев мусульманских наездников с Кавказа, членов племен, которые никогда раньше не бывали в составе регулярной армии. Михаила повысили с полковника до звания генерал-майора, но тем не менее это назначение расценивалось как-то, что его «не простили». Конечно, за свой проступок перед императором с самовольной женитьбой, он не мог рассчитывать на возвращение, на прежнее место командира Кавалергардского полка или на командование регулярной гвардейской дивизией, но все же, по мнению многих, заслуживал более почетного назначения.

Шел день за днем, но великий князь Михаил Александрович, стремившийся в действующую армию, вынужден был по разным причинам все еще оставаться в Петрограде. Так, например, его старшая сестра великая княгиня Ксения Александровна сообщала об этом в своем письме на фронт от 14 (27) сентября 1914 г. великому князю Николаю Михайловичу:

«Спасибо, милый Бимбо, за фотографии. Вижу, что и на войне костюм все тот же: та же рубашка и та же трубка неизменно в зубах!

Ты жалуешься, что никто не пишет, и я вполне сочувствую, что это несносно, но я не писала до сих пор, оттого, что писать в настоящее время весьма трудно (хотя и есть о чем!) и как-то тяжело. Кроме того, у меня мало времени, я только по утрам здесь, а сейчас же после завтрака еду в город, где остаюсь до 6 1/2 ч. и возвращаюсь довольно рамольной. У нас в доме весь день работают, шьют на раненых и работа кипит. Приходят разные совсем незнакомые дамы и женщины и сидят с 10 ч. до 7 ч. Мы уже отправили множество вещей в разные места, но большей частью все идет на наш санитарный поезд.

Он уже три раза привозил раненых из разных мест. Последние из Варшавы, раненные в боях 26–27 августа.

[Великий князь] Георгий [Михайлович] открыл лазарет у тебя в доме, на 24 кровати. Пока только 15 человек, все егеря.

Я бываю там почти каждый день. Что за чудный народ: тихий, трогательный, полный веры в Бога и правоту нашего дела. Мне становится легче в их

присутствии и от их рассказов! Но, Боже мой! Что это за кошмар, вечный, сплошной кошмар, в котором встаешь и ложишься и от которого никуда не уйдешь.

Здесь гораздо хуже, чем там. Я так завидую Ольге и не знаю, что бы дала, чтобы быть на ее месте и при деле.

Я видела множество раненых, и все они делают самое отрадное впечатление и чувствуешь, что с таким народом нельзя не победить! Только, увы! Что это нам будет стоить, какие страшные потери еще впереди!…

Мама была очень простужена и все еще кашляет, но все же ей лучше. Мы все еще живем в Елагине; тут хорошо, а главное – совсем новое место, обстановка, что приятно в настоящее время. Миша, кажется, доволен своим назначением, но не знает еще, когда едет. Вот уже 3 раза, что сообщали выехать (на Кавказ), но его все задерживают здесь. – Надеюсь, справится со своей ордой и что все будет благополучно. Он ведь почти 3 года был вне строя…

Но теперь пора кончать письмо. Напишу опять, когда-нибудь. Прости за бессодержательность этого письма!

Я тоскую и на душе весьма тяжело! Всей душой ненавижу эту войну.

За чем, за что?! Да еще с такими скотами. – Это не война, а какая-то бойня бессмысленная и жестокая.

Помоги нам Бог! – Обнимаю тебя. – Если что нужно, напиши.

Твоя сестрица Ксения.

Поклоны Никите и Сереже Д.»172.

Великий князь Михаил Александрович находился в подавленном настроении. Поводом к тому послужило и то, что его друг с детства великий князь Андрей Владимирович также отправлялся на фронт.

С начала Первой мировой войны после лечения великий князь Андрей Владимирович находился в России и докладывал Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу о своей готовности вновь вернуться в строй. Он сожалел, что накануне великих испытаний, выпавших на долю России, так опрометчиво ушел из своей батареи, о чем можно судить по его дневниковым записям и письмам к родственникам. В итоге его просьба была удовлетворена. М.Ф. Кшесинская в своих

воспоминаниях позднее писала: «В конце сентября отправился на фронт и Андрей. Я была в полном отчаянии, хотя он рисковал жизнью меньше других, так как из-за слабого здоровья служил при штабе Северо-Западного фронта. В то время мы жили надеждой, что ни одна из сторон не сможет выдержать длительных боев, и все скоро закончится»173.

Великий князь Андрей Владимирович поступил на службу при Генеральном штабе. Осенью 1914 г. он, наконец, попал в действующую армию в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом генерала Н.В. Рузского, затем получил назначение участвовать в расследовании причин поражения 2-й армии генерала А.В. Самсонова под Сольдау в августе 1914 г.

События на фронте менялись как в калейдоскопе. Победы чередовались с поражениями, но оптимизма в успехе окончания войны в пользу России это ни у кого не убавило. В качестве примера сошлемся на интересное восприятие обстановки в то время бароном Н.Е. Врангелем (отца вождя Белого движения барона П.Н. Врангеля), который в начале войны оказался во Франции и только что окольными путями вернулся в столицу: «В Петербурге меня, прежде всего, поразило изобилие гражданского мужского населения. У нас уже были призваны миллионы, а мужчин в городе было столько же, как в мирное время, тогда как в Париже все, что могло, было уже под ружьем. Россия, очевидно, израсходовала лишь малую часть своей наличности, имела неограниченный запас, во Франции запасов уже не было. Одна она неминуемо скоро была бы раздавлена.

И настроение было иное. Во Франции чувствовалась тревога, в Англии сосредоточенное напряжение – у нас в исходе войны никто не сомневался. Россия, верили, должна победить.

Недавнее прошлое теперь казалось забытым. Между Царем и народом розни, казалось, больше не было. К великому князю Николаю Николаевичу, популярностью до этого времени не пользовавшемуся, стали относиться с доверием и даже с любовью… На театре войны солдаты и офицеры дрались как львы, единение между ними было полное»174.

Вскоре на фронт отправился и великий князь Михаил Александрович, который перед своим отъездом посетил императрицу Марию Федоровну. Она с тревогой 23 сентября записала в своем дневнике: «К чаю был Миша. Потом мы прощались, и я благословила его. Очень горестное прощание! Да будет Десница Господня простерта над ним!»175.

Через четыре дня пришло известие о смертельном ранении на фронте князя крови императорской Олега Константиновича, сына великого князя Константина Константиновича.

2 августа 1914 г. Турция заключила с Германией союзный договор, по которому она обязывалась выступить на стороне Берлина. На покрытие военных расходов германская сторона предоставила Стамбулу заем в 100 миллиардов франков. Император Вильгельм II заверял султанское правительство, что он стремится к сохранению территориальной целости Турции и не возражает против ее притязаний, прежде всего к России.

Турция намеревалась захватить у России (в случае победы держав Центрального блока) весь Кавказ и Крымский полуостров. Некоторые влиятельные в стране пантюркисты мечтали о гораздо большем – «о долинах Волги и Камы» с татарским населением176.

Российская империя тоже имела давние территориальные притязания к Турции. Прежде всего, в высших светских кругах со времен Екатерины II давно обсуждали вопрос об оказании помощи порабощенным христианам Османской империи, возврате и восстановлении святынь православия в лице Константинополя (Стамбула), а также возможности «приобретения» Черноморских проливов. Это решило бы проблему беспрепятственного выхода русских кораблей из Черного моря в Средиземноморье.

27 сентября 1914 г. Турция закрыла свои проливы для торговых кораблей стран Антанты. Без официального объявления военных действий 16 октября объединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого адмирала В. Сушона бомбардировала Одессу и другие черноморские порты России. Была потоплена русская канонерская лодка «Донец». В ответ на враждебные действия 2 ноября 1914 г. войну Турции объявила Россия, 5 ноября – Англия, на следующий день – Франция. В свою очередь Турция объявила «джихад» (священную войну) странам Антанты, включая Россию.

Турецкий султан-калиф Решад Мехмед V (1844–1918) был провозглашен Верховным главнокомандующим. Однако фактическое руководство турецкой армией было сосредоточено в руках панисламиста военного министра Энвер-паши (1881–1922) и начальника штаба главного командования немецкого генерала Ф. Бронзарта фон Шеллендорфа, а также военного адъютанта султана генерал-фельдмаршала барона К. фон дер Гольца.

Следует заметить, что с началом войны Персия заявила о своем строгом нейтралитете, к которому Российская империя и Великобритания отнеслись с должным уважением.

Фронтовые управления во время Первой мировой войны в русской армии были созданы для руководства боевыми действиями на важнейших стратегических направлениях.

Императорский поезд во время войны преодолел с Николаем II около ста тысяч верст. Царь неожиданно появлялся в самых отдаленных уголках фронта. Так, например, он в 1914 г. посетил цитадель Карса на турецком фронте в Закавказье, где лично участвовал в награждении Георгиевскими крестами отличившихся воинов. Один из солдат, награжденный крестом из рук императора, в смущении обратился к нему со словами: “Я, Ваше Императорское Величество, в бою не участвовал”. Государь был удивлен откровением и смелостью солдата и громко с улыбкой ответил: “Молодец… Наверное, скоро заслужишь крест. Хорошо, что по совести заявил мне”177. Награда солдату была оставлена, и он оправдал доверие императора в ближайшем же сражении.

Однако обратимся к дневнику императора, в котором нашли отражение события, связанные с его поездкой в конце 1914 г. на Кавказ:

«**25-го ноября**. Вторник. Проснулся чудным светлым утром. Проезжали новыми для меня местами мимо хребта вдали, дивно освещенного теплым солнцем. Выходил на некоторых станциях и гулял. Во время завтрака увидели Каспийское море у Петровска. В Дербенте и Баладжарах были большие встречи и настоящие кавказские лица. На второй ст. было все начальство из Баку и почет[ный] караул от Каспийской флотской роты…

26-го ноября. Среда. Встал чудным солнечным утром. Оба хребта гор видны были отчетливо справа и слева. Утром вошел в поезд ген. Мышлаевский, кот. я принял. В 11 час. прибыл в Тифлис. Граф Вор[онцов] был нездоров и потому графиня встретила на станции с придворными дамами. Почетный караул от Тифлисского воен[ного] уч[илища] и начальство. Поехал с Бенкенд[орфом] в моторе; в одной черкеске было тепло. Народа на улицах была масса. Конвой Наместника сопровождал впереди и сзади. Посетил древний Сионский собор, Ванский армянский собор и Суннитскую и Шиитскую мечети. Там пришлось подыматься и спускаться по крутым узким извилистым улицам старого живописного Тифлиса. Порядок большой. Приехал во дворец после часа. Побывал у графа и позавтракал с графиней, Бенкендорфом, Воейковым, Дмитрием и Павлом Шереметевым. Днем посетил три лазарета с ранеными:

армянского благотворительного общ[ества], купеческого общ. и судебного ведомства. Вернулся во дворец около 6 час.

Писал телеграммы. Обедал в том же составе. Около 10 час. вошли с улицы грузины с инструментами и проплясали несколько танцев; один из них принес корзину фрукт.

27-го ноября. Четверг. Праздник Нижегородского полка провел в Тифлисе, а полк проводит его в Польше! В 10 час. начался большой прием военных, гражданских чинов, дворянства, городской думы, купечества и депутации крестьян Тифлисской губ. Погулял в красивом саду 1/4 часа. Принял двух раненых офицеров – нижегородцев и подп. кн. Туманова 4-го стр. И[мператорской] Ф[амилии] полка. После завтрака посетил больницу Арамянца – 180 раненых и лазарет в зданиях не открытой губ. тюрьмы – свыше 600 раненых. Вернулся после 6 час., и пил чай, и сидел с Воронцовыми. После обеда воспитанники гимназий прошли с фонарями и пропели гимн перед окнами дворца. Вечером читал бумаги…

30-го ноября. Воскресенье. В 9.40 прибыл в Карс. Морозу было 4°, тихо, но, к сожалению, туман. На станции начальство и отличный поч. кар. 1-я рота нового 10-го Кавказского стрелкового полка. На улицах шпал[ерами] 3-я Кавк[азская] стр[елковая] бригада, Карская креп. арт. и запасные батальоны. Был у обедни в креп. соборе; служил добрый экзарх. Завтракал в поезде. Затем выехал с Бенкендорфом осматривать крепость.

Посетил военный лазарет – немного раненых. Поехал на форты: Бучкиев, Рыдзовский и новый Южный, на противоположной стороне. Очень основательно и много сделано за время; но туман совершенно не давал возможности ориентироваться и видеть окружающую местность. Возвратился в поезд с наступлением сумерек…

1-го декабря. Понедельник. Самый знаменательный для меня день из всей поездки по Кавказу. В 9 час. прибыл в Сарыкамыш. Радость большая увидеть мою роту Кабардинского полка в поч[етном] кар[ауле]. Сел в мотор с Бенкендорфом, Воейковым и Саблиным (деж.) и поехал в церковь, а затем через два перевала на границу в с. Меджингерт. Тут были построены наиболее отличившиеся ниж. чины всей армии в числе 1200 чел. Обходил их, разговаривал и раздавал им Георгиевские кресты и медали. Самое сильное впечатление своим боевым видом произвели пластуны! Совсем старые рисунки кавказской войны Хоршельта. Вернулся в Сарыкамыш в 4 ч. и посетил три лазарета. Простился с ген. Мышлаевским, нач. штаба ген. Юденичем, другими

лицами и с моей чудной Кабардинской ротой, в которой роздал 10 Георг. крестов; и в 4 1/2 часа уехал обратно на Карс. Поезд шел плавно и тихо…»178.

Любопытно отметить, что в дневнике великого князя Андрея Владимировича, который приходился царю кузеном (служил при штабе генерала Рузского) и в силу своего положения был в курсе многочисленных слухов высшего света, имеется запись от 17 января 1915 года. Он отмечает обстоятельства упомянутой нами поездки императора на Кавказ: «В 11 часов утра я поехал в замок отдать визит кн. Енгалычеву. Мы снова разговорились. “Я сегодня получил шифрованную телеграмму из Ставки, – говорит мне кн. Енгалычев, – и вопрос о польских легионах решен в том духе, как я Вам вчера говорил. Ну, слава Богу, с этим теперь покончили…

А вот на Кавказе – дела творятся. Прямо чудеса что такое…”

На это я рассказал Енгалычеву, то, что мне говорил генерал Гулевич про тот же Кавказ.

Государь был на Кавказе. Я лично уже слышал от Государя (ему Воронцов докладывал, что наступление турок нельзя ожидать раньше февраля – марта, когда снега стают. Потом Государь был в Сарыкамыше и только успел доехать обратно до Ставки, как была получена телеграмма, что Сарыкамыш уже окружен турками). Как теперь оказалось, именно в то время, когда Государю докладывали, что турки будут наступать не раньше февраля – марта, два их корпуса уже обходили нас справа, а в то время, когда Государь был в Сарыкамыше, авангард турок показался уже на горах и курды, по сведениям пленных, даже хотели обстрелять царский поезд, но никак не ожидали, что он так скромно выглядит. Через два дня после отъезда Государя Сарыкамыш был занят. Из этого видно, в какой опасности Государь был благодаря беспечности и халатности штаба кавказского наместника…

На этом мой разговор с кн. Енгалычевым кончился, и я уехал. В приемной он мне представил своего помощника сенатора Любимова, жандармского генерала и других лиц»179.

Позднее последний дворцовый комендант, генерал-майор В.Н. Воейков, который находился в Свите императора и отвечал за его безопасность, признавался в своих эмигрантских мемуарах:

«Возвратившись из Меджингерта в Сарыкамыш, я через несколько времени узнал, какую сделал оплошность, приняв на веру ручательство за безопасность посещения Государем передовых войск в Сарыкамышском направлении;

оказалось, что штаб турецкой армии, с Энвер-пашою во главе, находился на высотах – так близко от ущелья, по которому пролегал путь Его Величества, что направление следования было видно с турецких аванпостов. Благополучный исход этого выезда можно приписать только счастливой случайности, так как туркам в голову не могло прийти, что в одном из появившихся на дороге автомобилей следовал Русский Белый Царь. Кроме того, как потом узналось со слов пленных, вблизи шоссе скрывались в дикой гористой местности курды и турецкие передовые части, производившие, при участии германских офицеров, рекогносцировку местности на путях к Сарыкамышу.

Когда Государь, покидая Меджингерт, сел в автомобиль, генералы, офицеры и казаки кинулись провожать Его Величество, поднялась дикая скачка по сторонам царского пути, пролегавшего по каменистому неровному грунту. Проявление теплых чувств к Его Величеству со стороны народонаселения Кавказа сразу парализовало мечты турок о том, что мусульманское население станет на сторону нашего врага и что в горных областях начнутся волнения, мятежи, беспорядки»180.

6 января 1915 г. французский посол в России Морис Палеолог записал в своем дневнике: «Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, на дороге из Карса в Эрзурум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же – никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги»181.

Император Николай II продолжал пристально следить за боевыми действиями на Кавказе. 7 января 1915 г. он записал в дневнике: «По донесениям графа Воронцова видно, что преследование остатков разбитых турецких корпусов закончилось; они все прогнаны далеко за границу. Так окончилось знаменитое движение внутрь наших пределов армии под командою, мнящего себя Наполеоном, Энвер-паши!»182.

Саракамышская операция окончилась почти полным поражением 3-й турецкой армии. К началу 1915 г. в ней насчитывалось всего 12 400 человек. Она потеряла 90 тысяч человек, в том числе 30 тысяч замерзшими в горах, и свыше 60 орудий. Фактически от этого сокрушительного поражения 3-я турецкая армия так и не смогла оправиться до конца войны, несмотря на систематическое ее пополнение.

Экономический потенциал России позволил ей вынести на своих плечах главный удар неприятельских армий в военной кампании 1914 г. Однако

положение резко изменилось к лету 1915 г., в связи с отступлением русских армий из Галиции и Польши, что происходило в условиях острого недостатка боеприпасов, военного снаряжения и ошибок руководства. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов был отстранен от должности и затем отдан под суд. Обстановка в стране подтолкнула большинство фракций в Государственной думе и Государственном Совете объединиться в августе 1915 г. в «Прогрессивный блок». Вне блока оставались только крайние правые и меньшевики. «Прогрессивный блок» выступал с критикой царского правительства за неспособность обеспечить победу в Первой мировой войне и выдвигал программу ограниченных либерально-демократических реформ. Главным требованием «блока» являлось создание «министерства доверия» во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Государственной думой. Требование оставалось в рамках закона о Думе 1906 г.

На закрытом заседании Совета Министров 6 августа 1915 г. было объявлено о решении Николая II лично возглавить армию в столь ответственный и критический момент. Оппозиция, предвидя, что такой шаг императора осложнит ей политическую борьбу и критику хода военной кампании, насторожилась. Ряд министров тоже пытались убедить Николая II не брать на себя ответственность за обстановку на фронте, утверждая, что это все усложнит управление государственными делами. В коллективном письме ряда министров к царю прямо указывалось, что его отъезд в Ставку «грозит по нашему крайнему разумению России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями»183.

Председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин предостерегал своих коллег, что любая попытка переубедить императора в своем решении не будет иметь успеха. Его речь не достигла своей цели, но она дает объяснение позиции Николая II:

«Сейчас же, когда на фронте почти катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться от задуманного им шага. Повторяю, в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-нибудь влияния. Оно подсказано сознанием царского долга перед Родиной и перед измученной армией. Я так же, как и военный министр, прилагал все усилия, чтобы удержать Его Величество от окончательного решения и просил его отложить до более благоприятной обстановки. Я тоже нахожу принятие Государем командования весьма рискованным шагом, могущим иметь тяжелые последствия, но он, отлично понимая этот риск, тем не менее не хочет

отказаться от своей мысли о царском долге. Остается склониться перед волей нашего царя и помочь ему»184.

Стоит отметить, что председатель Государственной думы М.В. Родзянко еще 12 июля 1915 г. направил письмо императору Николаю II с призывом не принимать на себя Верховное командование действующими армиями185.

Особенно было встречено «в штыки» известие о намерении императора Николая II взять на себя бремя Верховного главнокомандующего со стороны целого ряда ближайших родственников. Так, например, вдовствующая императрица Мария Федоровна категорически отвергала эту идею. В ее дневнике имеется запись за 12 (25) августа 1915 г.: «Ники пришел со всеми 4-мя девочками. Он сам начал говорить о том, что хочет принять на себя высшее командование вместо Николая [Николаевича]. Я была в таком ужасе, что со мной едва не случился удар. Я высказала ему все. Я настаивала на том, что это будет крупнейшей ошибкой! Я умоляла его этого не делать. В особенности теперь, когда наше положение на фронте такое серьезное. Я добавила, что если он так поступит, то все усмотрят в этом приказ Распутина. Мне кажется, что это произвело на него впечатление, потому что он сильно покраснел! Он не понимает, как это опасно и какое несчастье это может принести нам и всей стране»186.

В самой Ставке в Могилеве шла также невидимая борьба. Так, например, даже за два дня до своей смены великий князь Николай Николаевич пытался, по свидетельству протопресвитера Российской армии и флота отца Георгия Шавельского, повлиять на ситуацию:

«Когда я вошел к великому князю, у него уже сидел генерал Алексеев. Великий князь сразу же обратился к нам.

– Я хочу ввести вас в курс происходящего. Ты, Михаил Васильевич, должен знать это как начальник Штаба; от о[тца] Георгия у меня нет секретов. Решение Государя стать во главе действующей армии для меня не ново. Еще задолго до этой войны, в мирное время, он несколько раз высказывал, что его желание, в случае Великой войны, стать во главе своих войск. Его увлекала военная слава. Императрица, очень честолюбивая и ревнивая к славе своего мужа, всячески поддерживала и укрепляла его в этом намерении. Когда началась война… он назначил меня Верховным. Как вы знаете оба, я пальцем не двинул для своей популярности, она росла помимо моей воли и желания, росла и в войсках, и в народе. Это беспокоило, волновало и злило императрицу, которая все больше опасалась, что моя слава, если можно так назвать народную любовь ко мне, затмит славу ее мужа… Увольнение мое произвело самое тяжелое впечатление

и на членов императорской фамилии, и на Совет Министров, и на общество… Конечно, к должности, которую он принимает на себя, он совершенно не подготовлен. Теперь я хочу предупредить вас, чтобы вы, со своей стороны, не смели предпринимать никаких шагов в мою пользу… Иное дело, если Государь сам начнет речь, тогда ты, Михаил Васильевич, скажи то, что подсказывает тебе совесть. Так же и вы, о. Георгий»187.

Отметим, что Николаю II были известны настроения в Ставке. До его сведения давно доходили слухи, что великий князь Николай Николаевич позволял себе говорить многие непозволительные вещи, как, например, что императрицу Александру Федоровну «надо заточить в монастырь».

Все упорнее ходили слухи о возможном дворцовом перевороте. Об этих разговорах свидетельствовал начальник канцелярии Министерства императорского двора, генерал А.А. Мосолов:

«Думали, что переворот приведет к диктатуре Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях – и к его восшествию на престол. Переворот считался еще возможным ввиду распрей в императорской фамилии и, главное, ввиду популярности великого князя в армии.

Об этих настроениях знали полиция и контрразведка. Не знать о них, конечно, не мог и Государь. Попали ли тогда в его руки какие-либо конкретные доказательства, положительно не знаю, но в переписке императрицы все время звучит нотка опасения пред влиянием великого князя на фронте, в польских кругах и т. д.

Слухи о перевороте упорно держались в высшем обществе: о них, чем дальше, тем откровеннее говорили. Имел ли к таким слухам какое-либо отношение Николай Николаевич? Не думаю. Со временем отъезда великого князя на Кавказ это просто стало невероятным»188.

В популярной книге советских времен М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» приводится версия, что великий князь Николай Николаевич стал жертвой интриг Григория Распутина. По словам Касвинова, так и не успел Николай Николаевич осуществить свою заветную мечту: «Буде Григорий Ефимович (Распутин) мелькнет в Ставке или хотя бы где-нибудь во фронтовой полосе, повесить его на первом же суку с последующими извинениями перед царской четой за недоразумение, объяснимое условиями военного времени»189.

Стоит заметить, трагикомичность ситуации заключалась в том, что именно великий князь Николай Николаевич в свое время ввел Г.Е. Распутина в царскую

семью. Известный в широких петербургско-московских придворных и промышленных кругах князь М.М. Андронников, допрошенный Чрезвычайной Следственной Комиссией уже после падения царского режима 6 апреля 1917 г., дал следующие показания по этому поводу?:

«Распутина выдумал великий князь Николай Николаевич…

Председатель. – Каким образом?

Андронников. – Очень просто. У него заболела легавая собака в Першине. Он приказал ветеринару, чтобы собака выздоровела. Ветеринар заявил, что по щучьему велению – это довольно странно! Он заявил, что у него есть такой заговорщик в Сибири, который может заговорить собаку. Заговорщик был выписан: оказался – г-н Распутин. Он заговорил собаку. Я не знаю, каким это образом возможно, была ли это случайность или нет, но факт тот, что собака не околела…

Председатель. – Откуда Вы это знаете?

Андронников. – Я знаю из рассказа одного из покойных Газенкампфов. Потом заболела герцогиня Лейхтенбергская. (Она еще не была великой княгиней: она была невестой Николая Николаевича, жила в Першине.) Распутин ее тоже заговорил – одним словом она ожила… Великий князь и герцогиня знали наклонность императрицы Александры Федоровны к гипнотизму (как Вы изволите помнить, был сначала Филипп, потом Папиус и целый ряд других гипнотизеров), и вот они рекомендовали Распутина Государыне. Это было давно; лет 10 тому назад. Тогда совершенно скромно явился этот мужичок, который развернулся впоследствии в большого политического деятеля.

Председатель. – Для Вас несомненна политическая роль Распутина?

Андронников. – Ясно, как Божий день! Если он позволял себе звонить к министрам и говорить: “Я тебя сокрушу, выгоню”…

Председатель. – Не только говорил, но в иных случаях и реализовал.

Андронников. – Реализовал, потому что он имел огромное влияние: он вхож был к больной императрице и к сумасшедшей Вырубовой, и этих двух заставлял делать все по-своему. Они, в силу гипноза, опять-таки, совершенно болезненного, всецело подчинялись всем требованиям этого глупого мужика…»190.

Однако вернемся к нашему повествованию. Можно предположить, что император знал о многих «тайных делах» великого князя Николая Николаевича, что сыграло также определенную роль в его смещении с поста Верховного главнокомандующего. Когда министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс начал было заступаться за великого князя перед Николаем II, то тот, хлопая рукой по папке, резко сказал: «Здесь накопилось достаточно документов против великого князя Николая Николаевича. Пора покончить с этим вопросом».

Николай II остался непреклонным в своем решении. Прибыв в Ставку, он отдал следующий приказ:

«Приказ Армии и Флоту 23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в Милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять Наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай»191.

В тот же день император подписал рескрипт на имя бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича о назначении его своим Наместником на Кавказе.

Начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А.А. Мосолов так комментировал эти события:

«Государь полагал, что он один мог сменить великого князя благодаря своему знанию командного состава армии. Этим избегалась обычная ломка ее организации. Заменою же Янушкевича Алексеевым царь надеялся придать иной ход военным действиям.

С политической точки зрения Государь считал удаление Николая Николаевича на Кавказ желательным. Оппозиционные элементы, памятуя ту роль, которую великий князь сыграл пред 17 октября [1905 г.], поддерживая Витте, старались использовать его имя для своих целей, хотя с тех пор Его Высочество давно перешел в лагерь самых ярых реакционеров.

Итак, постепенно создалось расхождение между Ставкою и монархом. При замкнутости характера царя мало кто это замечал. Проявилось оно, когда царь

высказал сперва Фредериксу, а затем и другим своим близким созревающее у него решение принять на себя Верховное командование. Граф сразу высказался против этого намерения по причинам политическим. Но не все окружение царя последовало примеру министра двора. Главною же сторонницею этого решения была императрица. Она уже делила людей на черных и белых душою, а вокруг Николая Николаевича ей чудились черные.

Несмотря на единодушный совет всех членов правительства, перемена состоялась.

Решение стоило царю дорого. Сочувствия и понимания он нашел мало, но веление долга, как он его понимал, Николай II исполнил»192.

Стоит отметить, что этим решительным шагом император возложил на себя всю ответственность за положение на фронтах и в действующей армии. Тем самым был положен конец распрям в взаимных обвинениях генералов друг друга и правительства за неудачи в военных действиях и плохом снабжении фронта боеприпасами. Перед монархом не поспоришь. Оппозиции также пришлось на какое-то время поубавить пыл в критике всего и всея, добиваясь своего участия в государственном аппарате управления великой державой.

Вскоре Николай II с волнением сообщал супруге:

«Благодарение Богу, все прошло и вот я опять с этой новой ответственностью на моих плечах. Но да исполнится воля Божия! Я испытываю такое спокойствие, как после Святого причастия… Начинается новая чистая страница, и что на ней будет написано, один Бог Всемогущ ведает!

Я подписал мой первый приказ и прибавил несколько слов довольно-таки дрожавшей рукой!..»193

Заметим, что Николай II еще во время Русско-японской войны при первых неудачах на фронте порывался взять на себя Верховное командование, но этому не было суждено тогда сбыться. Теперь же он настоял на своем требовании, хотя многие, даже близкие родственники, отговаривали его от этого шага.

Однако, забегая вперед, мы отметим, что этот поступок императора оказался на том этапе оправданным: фронт стабилизировался, улучшилось снабжение армий и т. д. Позитивные сдвиги вынуждены были признать многие противники этого решения. Так, например, жандармский генерал А.И. Спиридович с удовлетворением писал о замене великого князя Николая Николаевича на столь ответственном посту:

«После отъезда великого князя стало как-то легче. Как будто разрядилась гроза. Кто знал истинный смысл совершившегося, крестились. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа». Он также далее отмечал: «Принятие Государем Верховного командования было принято на фронте хорошо. Большинство высших начальников и все великие князья (не считая Петра Николаевича, брата ушедшего) были рады происшедшей перемене. Исторические предсказания изнервничавшихся министров не оправдались»194.

Великий князь Андрей Владимирович, свидетельствуя о переменах в настроении офицеров и вообще на фронте, сделал следующую запись в своем дневнике:

«Смена штаба и вызвала общее облегчение в обществе. Большинство приветствовало эту перемену и мало обратило внимания на смещение Николая Николаевича. В итоге все прошло вполне благополучно. В армии даже все это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости. Вера в своего Царя и в Благодать Божию над ним создала благоприятную атмосферу»195.

Через некоторое время новое свидетельство в дневнике:

«Как неузнаваем штаб теперь. Прежде была нервность, известный страх. Теперь все успокоилось. И ежели была бы паника, то Государь одним своим присутствием вносит такое спокойствие, столько уверенности, что паники быть уже не может. Он со всеми говорит, всех обласкает; для каждого у него есть доброе слово. Подбодрились все и уверовали в конечный успех больше прежнего»196.

В переписке с супругой Александрой Федоровной император Николай II называл своего начальника штаба генерала Михаила Васильевича Алексеева «моим косоглазым другом» и всегда о нем благоприятно отзывался, а о совместной работе и сотрудничестве с ним говорил, что это носит характер «захватывающего интереса».

Заметим, что к этому времени стала очевидной политическая расстановка сил в стране. Обнаружились разногласия «государственных мужей» с императором о его роли во время войны, а также стремление ряда министров, вопреки воле Николая II, найти опору в сотрудничестве с «Прогрессивным блоком». В результате образовался государственный кризис. 3 сентября 1915 г. Дума была распущена до следующей сессии, и вопрос о «министерстве доверия» ликвидировался. Вопрос, который мог бы быть безболезненно решен, перерос в затяжной кризис власти. Истоки кризиса лежали в неудачах на фронте, что

породило надежды оппозиции на изменение государственного курса и вхождение ее представителей в состав нового правительства. Николай II вновь стоял перед дилеммой, как в 1905 г.: «Или сильная военная диктатура… или примирение с общественностью».

Однако в памяти Николая II еще свежи были уроки грозного 1905 г., когда наказ его отца Александра III о сохранении в неприкосновенности устоев самодержавия был нарушен. И в те дни было много противоречивых советов, как спасти «больную» Россию, – от рецепта дяди царя, великого князя Владимира Александровича: «Лучшее лекарство от народных бедствий – это повесить сотню бунтовщиков», – до уступок оппозиции и провозглашения конституции. Тогда пришлось пойти на компромисс и таким образом спасти положение, но в душе Николая II все протестовало, когда решения навязывались помимо его воли.

Неудачи на фронтах Первой мировой войны не только ухудшили экономическое, но и обострили политическое положение в стране. Требуя реформ, активизировалась оппозиция в лице либеральной буржуазии и общественности. Представители оппозиции все настойчивее требовали политических уступок от самодержавия. «Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться, – утверждал один из членов Прогрессивного блока В.В. Шульгин. – Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят. Но побежденных судят… За поражения надо платить. Чем? Той валютой, которая принимается в уплату. Надо расплачиваться уступкой власти… хотя бы кажущейся, хотя бы временной»197.

Теперь один за другим были уволены в отставку министры, пользовавшиеся симпатиями «Прогрессивного блока». С отъездом императора в Ставку усилилась министерская чехарда, в которой судьба того или иного претендента на власть все в большей степени зависела от Александры Федоровны (не без некоторого влияния Г.Е. Распутина). «В своем политическом веровании, – как отмечал граф В.Н. Коковцов, – императрица была гораздо более абсолютна, нежели Государь»198.

Такая позиция в деле управления страной вызывала резкую критику на заседаниях Государственной думы со стороны лидеров «Прогрессивного блока». В частности, 1 ноября 1916 г. Павел Николаевич Милюков заявил: «Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством. Но все частные причины сводятся к этой одной общей: к неспособности и злонамеренности данного правительства». С парламентской

трибуны он бесстрашно призывал: «Вы должны понять, почему у нас сегодня не осталось никакой другой задачи, кроме той задачи, которую я уже указал, – добиваться ухода этого правительства. Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны. Да ведь, господа, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны… Кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами… Я вам назову этих людей: Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер…». Следующая фраза: «Победа придворной партии, группирующейся вокруг молодой царицы» – была произнесена Милюковым по-немецки для того, чтобы председатель заседания Думы не остановил его и не лишил слова. В речи Милюкова, прежде всего, имелось в виду назначение (протеже Распутина) Б.В. Штюрмера председателем Совета Министров. Он выступил с резкой критикой действий правительства, задаваясь риторическим вопросом: «Что это: глупость или измена?»199.

Последовавший запрет публикации речи кадета П.Н. Милюкова способствовал распространению ее в списках. В конце концов она была напечатана в газетах с большим количеством пропущенных мест, как результат работы цензуры. Эти пропуски в сознании многих граждан заполнялся своим им только созвучным смыслом. Однако по рукам ходили полные списки текста речи без всяких пропусков, а иногда и со своеобразными добавлениями, которых не было на самом деле. Царица обвинялась в принадлежности к «немецкой» партии – сторонникам сепаратного мира с немцами. Обвинение строилось на тезисе, что “ибо сама императрица была родом из Германии”, то среди воюющей против России армии Вильгельма II было немало ее августейших братьев и родственников. Кроме того, в Думе прозвучали прямые обвинения о влиянии Григория Распутина через царицу на государственные дела. Впоследствии многие называли эту речь штурмовым сигналом революции!

Следует отметить, что выступления в Думе привлекли внимание и великого князя Михаила Александровича, который на тот момент был болен и находился в Гатчине. В его дневнике от 5 ноября 1916 г. имеется пометка: «Потом приехал Врангель, неожиданно, с интересными вестями о том, что вообще говорится в Петрограде и в Думе в особенности»200. Нам любопытно сравнить свидетельства его ближайшего окружения, о роли великого князя в эти дни на политические события. Так, например, барон Н.А. Врангель записал в своем дневнике: «Пришли к заключению, что согласно общей воле решительно всех этого негодяя (Распутина. – *В.Х.*) следует устранить. Великий князь в шутку предлагал мне поехать вместе с ним на моторе и покончить с ним. Говоря серьезно, великий князь хочет написать Государю. Но я отсоветовал – лучше поговорить на словах в Ставке, когда он поправится. Он чувствует за собой долг

это сделать, долг перед семьей и родиной… Между прочим, великий князь рассказал, что про необходимость удалить Распутина уже говорил Государю откровенно один старик (вероятно, принц А.П. Ольденбургский?). Старик этот даже расплакался и вызвал слезы у Государя, но ничего не было сделано»201.

Михаил Александрович также решился внести свою лепту в общее дело «раскрыть глаза царю». В письме Николаю II от 11 ноября 1916 г. он писал из Гатчины следующее:

«Дорогой Ники, год тому назад, по поводу одного разговора о нашем внутреннем положении, ты разрешил мне высказывать тебе откровенно мои мысли, когда я найду это необходимым. Такая минута настала теперь, и я надеюсь, что ты верно поймешь мои побуждения и простишь мне кажущееся вмешательство в то, что до меня в сущности не касается. Поверь, что в этом случае мною руководит только чувство брата и долга совести. Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас. Перемена в настроении самых благонамеренных людей – поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, внушающий мне самые серьезные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже за целостность государственного строя. Всеобщая ненависть к некоторым людям, будто бы стоящим близко к тебе, а также входящим в состав теперешнего правительства – объединила, к моему изумлению, правых и левых с умеренными, и эта ненависть, это требование перемены уже открыто высказывается при всяком случае. Не думай, прошу тебя, что я пишу тебе под чьим-либо влиянием: эти впечатления я старался проверить в разговорах с людьми разных кругов, уравновешенными, благонамеренность и преданность которых выше всякого сомнения, и, увы – мои опасения только подтверждаются. Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России. При моей неопытности я не смею давать тебе советов, я не хочу никого критиковать. Но мне кажется, что решив удалить наиболее ненавистных лиц и заменив их людьми чистыми, к которым нет у общества (а теперь это вся Россия) явного недоверия, ты найдешь верный выход из того положения, в котором мы находимся, и в таком решении ты, конечно, получишь опору, как в Государственном Совете, так и в Думе, которые в этом увидят не уступку, а единственный правильный выход из создавшегося положения во имя общей победы. Мне кажется, что люди, толкающие тебя на противоположный путь, т. е. на конфликт с представительством страны, более заботятся о сохранении собственного положения, чем о судьбе твоей и России. Полумеры в данном случае только продлят кризис и этим обострят его. Я глубоко уверен, что все изложенное подтвердят тебе все те из наших родственников, кто хоть немного

знаком с настроением страны и общества. Боюсь, что эти настроения не так сильно ощущаются и сознаются у тебя в Ставке, что вполне понятно; большинство же приезжающих с докладами, оберегая свои личные интересы, не скажут резкую правду. Еще раз прости за откровенные слова; но я не могу отделаться от мысли, что всякое потрясение внутри России может отозваться катастрофой на войне. Вот почему, как мне ни тяжело, но любя так, как я тебя люблю, я все же решаюсь высказать тебе без утайки то, что меня волнует. Обнимаю тебя крепко, дорогой Ники, и желаю здоровья и сил. Сердечно любящий тебя *Миша*»202.

По некоторым сведениям, проект письма великого князя составил барон Н.А. Врангель, а редактировать его помогал известный кадет В.А. Маклаков. По утверждению дневниковой записи Н.А. Врангеля: «Волконский настоял на смягчении в письме великого князя к Государю всех намеков об “уступках” большинству в Думе и пр., т. к. императрица, едущая завтра в Ставку, этим пугает Государя». Далее Врангель уточнял: «Между тем, ознакомленный с мнением Волконского великий князь очень желал писать Государю более решительно, но я его отговорил»203.

Следует подчеркнуть, что флирт светских и великокняжеских кругов с либералами казался противоестественным Николаю II и только делал бесперспективными их попытки повлиять на императора.

Уступить и пойти на встречу требованиям Государственной думы настаивали ряд великих князей, которые придерживались завета императора Александра II: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу». Реформы, по мнению части «семейства», можно было совершить только через «ответственное министерство», представляющее интересы крупной буржуазии, уже давно контролирующей развитие экономики страны. Еще 28–29 октября 1916 г. при нахождении императора в Киеве с ним имели встречи великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Мария Павловна (старшая), которые пытались убедить Николая II уступить требованиям Думы, а также удалить Распутина. Их поддержала вдовствующая императрица Мария Федоровна, постоянно там живущая. Переговоры успеха не имели. Мария Федоровна 29 октября записала в дневнике: «Всю первую половину дня Ники делал смотр кадетским училищам… Торжественный завтрак с Ники и его свитой. Проехались с ним и милым Алексисом по двум мостам, которые мальчика необычайно заинтересовали. Затем заехали к Ольге [Александровне], чтобы Ники смог попрощаться с нею. Она собирается венчаться в пятницу, без посторонних, в маленькой церквушке, а затем отправиться в деревню! Не ведаю, что мне делать – присутствовать при этом или нет? Надеюсь, Господь ниспошлет мне верное решение. Дома пили

чай. Пауль, Дмитрий [Константинович] и Михень от всей семьи преподнесли мне замечательную икону. За обедом был только Ники, беседовали обо всем понемножку. В 10 часов он уехал. Два таких счастливых дня остались позади»204.

Великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях отмечал о встречах с Николаем II в 1916 г. и передавал атмосферу, которая была при разговорах, в том числе в Ставке: «Когда я переменил тему разговора и затронул политическую жизнь в С.-Петербурге (так в воспоминаниях. – *В.Х.*), в его глазах появились недоверие и холодность. Этого выражения, за всю нашу сорокалетнюю службу, я еще у него никогда не видел… Беседа была натянутой… После завтрака я отправился к моему брату Сергею Михайловичу, бывшему генералинспектором артиллерии, и имел с ним беседу. По сравнению с Сергеем Михайловичем, брат мой Николай Михайлович был прямо оптимистом! Последний, по крайней мере, находил средства к борьбе в виде необходимых реформ. Настроение Сергея было прямо безнадежным»205.

1 ноября в Ставку (Могилев) к царю приезжал великий князь Николай Михайлович все с теми же уговорами. Император в этот день сделал пометку в дневнике: «После обеда у меня долго сидел Ник[олай] Мих[айлович]»206. В своем письме великий князь Николай Михайлович к Николаю II в начале ноября 1916 г. указывал:

«Ты часто выражал волю вести войну до победы. Но неужели же ты думаешь, что эта победа возможна при настоящем положении вещей?

Знаешь ли ты внутреннее положение империи? Говорят ли тебе правду? Открыли ли тебе, где находится корень зла?

Ты часто говорил мне, что тебя обманывают, что ты веришь лишь чувствам своей супруги. А между тем слова, которые она произносит, – результат ловких махинаций и не представляют истины. Если ты бессилен освободить ее от этих влияний, будь, по крайней мере, беспрерывно настороже против интриганов, пользующихся ею как орудием.

Удали эти темные силы, и доверие твоего народа к тебе, уже наполовину утраченное, тотчас снова вернется.

Я долго не решался сказать тебе правду, но я на это решился с одобрения твоей матери и твоих двух сестер. Ты находишься накануне новых волнений. Я скажу больше: накануне покушения. Я говорю все это для спасения твоей жизни, твоего трона и твоей родины». (Это письмо впервые было опубликовано после

Февральской революции в газетах «Русское слово» № 54 и «Речь» № 58 от 9 (22) марта 1917 г. – *В.Х.*)

Николай II, не выдержав общего штурма родни, отправил послание великого князя Николая Михайловича супруге для сведения: «Посылаю тебе письма Николая [Михайловича], которых он не отсылал мне, но привез с собой, – они дадут понятие, о чем мы говорили»207. Раздражение Александры Федоровны не имело пределов. Императрица 4 ноября в своем очередном письме к супругу с возмущением отмечала: «Большое тебе спасибо за твое дорогое письмо, только что мною полученное. Я прочла письмо Николая [Михайловича] и страшно возмущена им. Почему ты не остановил его среди разговора и не сказал ему, что если он еще раз коснется этого предмета или меня, то ты сошлешь его в Сибирь, так как это уже граничит с государственной изменой? Он всегда ненавидел меня и дурно отзывался обо мне все эти 22 года, – и в клубе также (у меня был такой же самый разговор с ним в этом году), – но во время войны и в такой момент прятаться за спиной твоей мама и сестер и не выступить смело (независимо от согласия или несогласия) на защиту жены своего императора, это – мерзость и предательство. Он чувствует, что со мной считаются, что меня начинают понимать, что мое мнение принимается во внимание, и это невыносимо для него. Он – воплощение всего злого, все преданные люди ненавидят его, – даже те, кто не особенно к нам расположены, возмущаются им и его речами. – А Фред[ерикс] стар и никуда не годен, не сумел его остановить и задать ему головомойку, а ты, мой дорогой, слишком добр, снисходителен и мягок. Этот человек должен трепетать перед тобой; он и Николаша – величайшие мои враги в семье, если не считать черных женщин (великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, черногорские принцессы. – *В.Х.*) и Сергея [Михайловича]… Во вчерашней речи Милюков привел слова Бьюкенена о том, что Шт[юрмер] изменник, а Бьюк[енен] в ложе, к которому он обернулся, промолчал, – какая подлость! Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, но Бог все же поможет нам выйти из этого положения, я не страшусь. Пускай они кричат – мы должны показать, что мы не боимся и что мы тверды. Женушка – твоя опора, она каменной скалой стоит за тобой… Тяжко и грустно: так горячо борешься за правое дело, а вследствие этого, конечно, «злоумышленники» стараются все дело погубить. – Я чувствовала, что Николай [Михайлович] не к добру поехал в Ставку, – скверный он человек, внук еврея!… Прощай, радость жизни моей, мой единственный и мое все»208.

В этот же период великий князь Георгий Михайлович также в унисон родственникам отмечал в письме к императору: «Затем считаю долгом написать тебе, после длинных разговоров с доблестным и редко преданным тебе

ген[ералом] Брусиловым, о тех прискорбных явлениях, которые мне пришлось уже замечать не только в тылу, но и здесь.

Положительно у всех заметно беспокойство за тыл, т. е. за внутреннее состояние в России. Прямо говорят, что если внутри России дела будут идти так, как теперь, то нам никогда не удастся окончить войну победоносно, а если это действительно не удастся, то тогда конец всему. Ненависть к Штюрмеру чрезвычайная.

Тогда я старался выяснить, а какие же меры могли бы излечить это состояние? На это могу ответить, что общий голос – удаление Штюрмера и установление ответственного министерства для ограждения тебя от обмана различных министров.

Эта мера считается единственною, которая может предотвратить общую катастрофу. Если бы я это слышал от левых и разных либералов, то я не обратил бы на это никакого внимания. Но это мне говорили и здесь говорят люди, глубоко преданные тебе и желающие от всей души блага только тебе и России нераздельно; вот почему я решился написать это тебе.

Признаюсь, что я не ожидал, что я услышу здесь, в армии, то же, что я слышал всюду в тылу. Значит, это желание всеобщее, глас народа, глас Божий, и я уверен, что Господь тебе поможет пойти навстречу всеобщему желанию и предупредить надвигающуюся грозу из нутра России.

Прости, что я тебе так откровенно написал, но совесть моя заставила меня написать это именно из армии, ибо я услышал это из уст самых преданных тебе, глубоко порядочных и отважных людей, и писал я тебе это письмо, как верноподданный и горячо тебя любящий человек»209.

Позднее об этом письме Георгий Михайлович делился воспоминаниями с чиновником Могилянским:

«– Когда я в последний раз был в Ставке у Государя, я, по поручению ген. Брусилова, настойчиво просил Государя о том, чтобы образовано было министерство, приемлемое для Государственной думы, из всем известных и почтенных общественных деятелей. Я пошел дальше поручения Брусилова, я настойчиво рекомендовал дать министерство ответственное перед Государственной думой. Мало того, я передал Государю собственноручно написанную записочку в этом смысле.

– Как реагировал Государь на слова Вашего Высочества?

– Никак. Он хранил упорное молчание. Записку, не говоря ни слова, взял и… начал говорить о посторонних сюжетах. Я понял, что моя миссия окончилась абсолютной неудачей.

– Как Вы объясняете себе настроение Государя?

– Он целиком под влиянием императрицы. По-моему, он любит ее и не хочет ее огорчать, зная ее враждебное отношение к конституционному режиму вообще, а к Государственной думе в частности…»210.

Совпало так, что после выступления П.Н. Милюкова через считаные дни Б.В. Штюрмеру пришлось уйти. Натиск Государственной думы, как отмечалось выше, был поддержан давлением великих князей. 9 ноября 1916 г. император Николай II отправил председателя правительства Б.В. Штюрмера в отставку. Вместо него был назначен из того же правого лагеря А.Ф. Трепов, который, между прочим, также недолго находился у государственного руля. Тем не менее это был первый случай в истории России, когда смена главы правительства произошла как бы по прямому требованию Думы. Это обстоятельство усилило впечатление от выступления и повысило авторитет Милюкова как политического и государственного деятеля. Вслед за этим 26 ноября Государственный Совет, а 30 ноября съезд объединенного дворянства присоединились к общему требованию устранить влияние «темных сил» и создать правительство, готовое опираться на большинство в обеих палатах. Все это вместе взятое было грозное коллективное предупреждение царскому режиму. В то же время деятели оппозиции постоянно подчеркивали, что ведут «борьбу с правительством во имя сохранения государственной идеи», т. е. борьбу с окружением монарха во имя монарха.

Позднее Н.А. Базили, находясь уже в эмиграции, брал интервью у одного из лидеров оппозиции А.И. Гучкова по поводу этого демарша Государственной думы:

«Б а з и л и. Я одного только не понимаю, ведь речи Милюкова были одним из крупных факторов в революционировании общественного мнения. Как он сам на это смотрел. Ведь если он боялся взрыва, то с этим не вяжется характер его речи.

Г у ч к о в. Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это, прежде всего, потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым вполне удовлетворила бы. Я мало участвовал в этих прениях, не

возражал, а только сказал одну фразу, которая послужила исходной нитью для некоторых дальнейших шагов и событий: мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции. Вот эта фраза, которая не означала призыва присоединиться к революции, а только указывала, что из этих двух возможностей, о которых мы говорили (возможность, так сказать, катастрофы власти под влиянием революционного напора [либо] призыва государственных элементов), я видел только вторую. Я был убежден, что, если свалится власть, улица и будет управлять, тогда произойдет провал власти, России, фронта.

Этих совещаний было два. Еще раз мы как-то собрались, а затем я был болен, лежал, и вдруг мне говорят, что приехал Некрасов, который никогда не бывал у меня. Приехал ко мне и говорит: из ваших слов о том, что призванным к делу создания власти может оказаться только тот, кто участвует в революции, мне показалось, что у нас есть особая мысль… Тогда я ему сказал, что действительно обдумал этот вопрос, что допустить до развития анархии, до смены власти революционным порядком нельзя, что нужно ответственным государственным элементам взять эти задачи на себя, потому что иначе это очень плохо будет выполнено улицей и стихией. Я сказал, что обдумаю вопрос о дворцовой революции – это единственное средство»211.

Генерал А.И. Деникин позднее определенно утверждал, что борьба «Прогрессивного блока» с царским правительством находила, «несомненно, сочувствие у Алексеева и командного состава». Речи В.В. Шульгина и П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Государственной думе, свидетельствовал он, «читались и резко обсуждались в офицерских собраниях». Один «видный социалист и деятель городского союза» говорил генералу А.И. Деникину, что, побывав впервые в армии в 1916 г., он был поражен, «с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной грязи»212.

Весьма осведомленный и приближенный к императору генерал-майор свиты Д.Н. Дубенский несколько иначе передавал в своих дневниках и записках политическую атмосферу, которая царила в это время в Ставке и обеих столицах России:

«В конце ноября, по служебным делам, мне пришлось приехать из Ставки в Петроград. Государь оставался в Могилеве, и отъезд Его Величества в Царское Село предполагался в половине декабря.

Столица поразила меня после тихой, спокойной, деловой и серьезной жизни в Ставке. – Там и Государь, и Штаб, и все учреждения с утра до вечера работали и были заняты серьезными, неотложными делами, вызываемыми громадной войной. Почти все были чужды других интересов. Те слухи, которые доходили из столицы до Могилева, мало сравнительно интересовали занятых людей и только та или другая бойкая газетная статья, речь Пуришкевича в Государственной думе, какая-либо особо злобная и крупная сплетня о Царском Селе или о Распутине, заставляли толковать о Петроградских вестях более напряженно.

Здесь в Петрограде – наоборот, весь город жил не столько серьезной политикой, сколько пустыми слухами и пошлыми сплетнями. Появилась положительно мода ругать в обществе правительство и напряженно порицать Царское Село, передавая ряд заведомо лживых и несообразных известий о Государе и его семье. Газеты самые спокойные и более, так сказать, правые, подобно «Новому Времени», все-таки ежедневно стремились указывать на ту или иную, по их мнению, ошибку правительства. Государственная дума, руководимая «Прогрессивным блоком», с августа 1916 г., определенно вела открытую борьбу с правительством, требуя, как наименьшего, ответственного министерства.

Бывало, вернешься домой, повидаешь гвардейских офицеров, близких знакомых, разных общественных деятелей и лиц служебного мира, поговоришь с ними и невольно поразишься всем тем, что услышишь.

Точно какой-то шквал враждебной правительству агитации охватил наш Петроград и, как это ни странно, в особенности старались принять в ней участие наш высший круг и нередко и сами правящие сферы. Все вдруг стали знатоками высшей политики, все познали в себе способности давать указания, как вести великую империю в период величайшей войны. Почти никто не упоминал о трудах Государя, о стремлении его помочь народу вести борьбу с врагом успешно. Наоборот, все говорили о безответственном влиянии темных сил при Дворе, о Распутине, Вырубовой, Протопопове, о сношениях Царского Села даже с Германской императорской фамилией. Лично я стоял далеко от всего этого шума столичной жизни, так как, находясь в Ставке при Его Величестве, мало бывал в Петрограде во время войны.

После Нового года, на короткое время, я уехал в Москву. Там в Первопрестольной шли те же совершенно разговоры, как и в Петрограде.

Торгово-промышленный класс, имевший огромное влияние и значение в Первопрестольной, руководил общественным мнением. Фабриканты, заводчики, получая небывалые прибыли на свои предприятия во время войны,

стремились играть и политическую роль в государстве. Их выражение: – «промышленность теперь все», не сходило с языков. Московская пресса – «Русское Слово» (Сытина) и «Утро России» (Рябушинских) – бойко вела агитацию против правительства и Царского Села»213.

Стоит подчеркнуть, что в свою очередь императрица Александра Федоровна не очень жаловала Государственную думу. «И зачем Дума? – вопрошала она. – Неужели нельзя править без нее?»

В позиции императрицы в годы Первой мировой войны произошли заметные изменения. Как справедливо отмечал один из исследователей биографии Александры Федоровны: «Пока дела шли более или менее благополучно, у императрицы не было оснований для вмешательства в дела правления; она была поглощена семейной жизнью… Началась “осада властей” революционерами и общественностью. Положение ее державного супруга делалось все более трудным и сложным. Чувствовалась опасность для самой царской семьи, для династии. Могла ли императрица смотреть на это равнодушным взором? Ведь это становилось уже делом ее семьи, любимого мужа, обожаемого сына…».

Из дневников и писем царицы видно, что она стремилась в трудную минуту стать помощницей и опорой супругу. Вот строки из ее письма, написанного к Николаю II: «Если бы я только могла больше тебе помочь, я так усердно молюсь, чтобы Бог дал мне мудрость и разумение, чтобы быть тебе настоящей помощницей во всех отношениях…»

Переписка императорской четы составляет несколько сотен писем, значительная часть из них на английском языке. Она касается многих вопросов, в том числе повседневной жизни Романовых, и говорит о многом. Так, например, Александра Федоровна 12 ноября 1916 г. пишет Николаю II на фронт: «Трудно писать и просить за себя, уверяю тебя, но это делается ради тебя и Бэби, верь мне. Я равнодушна к тому, что обо мне говорят дурно, только ужасно несправедливо… Я всего лишь женщина, борющаяся за своего повелителя, за своего ребенка, за этих двух самых дорогих ей существ на земле, и Бог поможет мне быть твоим ангелом-хранителем…»214.

Продолжаем цитировать письма императрицы. Со свойственной Александре Федоровне решительностью и темпераментом она принимает вызов оппозиции: «Но, уверяю тебя, хоть я и больна и у меня плохое сердце, все же у меня больше энергии, чем у них всех вместе взятых… Меня не любят, ибо чувствуют (левые партии), что я стою на страже интересов твоих, Беби и России. Да, я более русская, нежели многие иные, и не стану сидеть спокойно»215. Императрица предостерегала своего супруга в ноябре 1916 г. об угрозе дворцового

переворота: «Милый, остерегайся, чтобы Николаша не вырвал у тебя какого-нибудь обещания или чего-нибудь подобного… Прости, что пишу тебе это, но я чувствую, что так надо… Ради блага России помни, что они намеревались сделать – выгнать тебя (это не сплетня, – у Орл[ова] уже все бумаги были заготовлены), а меня заточить в монастырь. Ты не касайся этого в разговоре, так как все это миновало, но дай им почувствовать, что ты не забыл и что они должны тебя бояться. Они должны дрожать перед своим Государем, – будь более уверен в себе – Бог тебя поставил на это место (это не спесь), ты помазанник Божий, и они не смеют этого забывать. Они должны почувствовать твою власть – пора, ради спасения твоей родины и трона твоего сына»216.

Непримиримость политических сил в России всё возрастала. Продолжалась вынужденная перестановка министров в правительстве. Еще в сентябре 1916 г. Николай II признавал пагубность этого явления: «От всех этих перемен голова идет кругом. По-моему, они происходят слишком часто. Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны»217. Император пытался найти приемлемый компромисс, но это не удавалось, т. к. уступки принимались за слабость власти и тут же выдвигались новые требования.

В это время произошло событие, которое повлияло на осложнение политической ситуации в стране. А.Д. Протопопов, выдвигаемый как сторонник «Прогрессивного блока», неожиданно был назначен с согласия императора в Министерство внутренних дел. Однако это назначение резко изменило позиции самого Протопопова и превратило его в рьяного сторонника самодержавия, чем он, по образному выражению председателя Государственной думы М.В. Родзянко, «вонзил нож в спину» думской оппозиции. Таким образом, появление Протопопова на политической сцене было проявлением не столько «темных сил», сколько порождением самой Думы, что и вызывало столь ожесточенную борьбу «Прогрессивного блока» за его смещение. Это поднимало против него особую ненависть бывших товарищей. «Маленький Протопопов – большое недоразумение»218, – бросил в конце 1916 г. крылатую фразу А.И. Гучков. Но при этом «забыл», что в интервью с журналистами по поводу назначения Протопопова сам недавно заявлял: «У Протопопова хорошее общественное и политическое прошлое. Оно целая программа, которая обязывает»219. Сказано достаточно определенно. Подлинная суть «большого недоразумения» с Протопоповым состояла в том, что породила Протопопова Дума, а именно та партия, которую возглавлял Гучков. По выражению российского историка А.Я. Авреха: «Унтер-офицерская вдова сама себя высекла – вот глубинная причина ненависти Думы и «общественности» к своему недавнему соратнику»220. В ход пошли интриги и последовали новые осложнения в важных государственных

делах. Следует ради справедливости заметить, что часто сам А.Д. Протопопов своими опрометчивыми действиями давал повод к таким нападкам.

Николай II в нерешительности заколебался. В ноябре 1916 г. в одном из писем Александре Федоровне он сообщал о необходимости перемен в составе правительства: «Мне жаль Про[топопова] – хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека мин[истерство] внут[ренних] дел в такие времена! Старого Бобринского также надо сменить. Если мы найдем на его место умного и энергичного человека, тогда, надеюсь, продовольственный вопрос наладится и без изменений в существующей системе. Пока будут происходить эти перемены, Думу закроют дней на 8, иначе они стали бы говорить, что это делается под их давлением… Только, прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе… Нежно целую вас всех. Навеки твой Ники»221.

Вскоре последовал ответ Александры Федоровны, в котором подчеркивала: «Душка, помни, что дело не в Протоп[опове]… Это – вопрос о монархии и твоем престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих. Вспомни, как в прошлом году ты уезжал в армию, – ты тогда тоже был один с нами двумя против всех, которые предсказывали революцию в том случае, если ты поедешь. Ты пошел против всех, и Бог благословил твое решение. Снова повторяю, что тут дело не в Прот[опопове], а в том, чтоб ты был тверд и не уступал – “Царь правит, а не Дума”. Прости, что снова пишу об этом, но я боюсь за твое царствование и за будущее Бэби»222.

Николай II предпринимал попытки найти выход из изоляции и политического тупика. В ноябре 1916 г. в Ставку был экстренно вызван военно-морской министр адмирал И.К. Григорович (пользовавшийся доверием Думы). По свидетельству самого Григоровича, из предварительного разговора с начальником штаба Ставки генералом М.В. Алексеевым у него сложилось впечатление, что ему предложат возглавить правительство. Кстати заметим, что среди архивных документов Николая II сохранились несколько вариантов состава «министерства доверия» с участием представителей «Прогрессивного блока». Однако император после переговоров с супругой переменил свое намерение. Назначение Григоровича на новый ответственный пост не состоялось. Главой правительства был назначен А.Ф. Трепов.

За политическими событиями в России пристально и настороженно следили многие иностранные дипломаты. Так, например, французский посол в Петрограде Морис Палеолог в своем дневнике за 11/24 ноября 1916 г. с нескрываемой тревогой записал:

«Отставка Штюрмера официально объявлена сегодня утром. Трепов заменяет его на посту председателя Совета министров; новый министр иностранных дел еще не назначен. С точки зрения военной, которая должна преобладать над всякими другими соображениями, назначение Трепова доставляет мне большое облегчение. Во-первых, заслуга Трепова в том, что он не терпит Германии. Его пребывание во главе правительства, значит, гарантирует нам, что союз будет лояльно соблюдаться и что германские интриги не будут больше так свободно развиваться. Кроме того, он – человек энергичный, умный и методичный; его влияние на различные ведомства может быть только превосходным.

Другая новость: генерал Алексеев получил отпуск. Временно исполнять его обязанности будет генерал Василий Гурко, сын фельдмаршала, бывшего героя перехода через Балканы.

Отставка генерала Алексеева мотивирована состоянием его здоровья. Правда, генерал страдает внутренней болезнью, которая заставит его в ближайшем будущем подвергнуться операции; но есть, кроме того, и политический мотив: император решил, что его начальник Главного штаба слишком открыто выступал против Штюрмера и Протопопова.

Вернется ли генерал Алексеев в Ставку? Не знаю. Если его уход является окончательным, я охотно примирюсь с этим. Правда, он всем внушает уважение своим патриотизмом, своей энергией, своей щепетильной честностью, своей редкой работоспособностью. К несчастью, ему недоставало других, не менее необходимых качеств: я имею в виду широту взгляда, более высокое понимание значения союза, полное и синтетическое представление о всех театрах военных операций. Он замкнулся исключительно в функции начальника Генерального штаба высшего командования русских войск. По правде сказать, миссию, высокую важность которой недостаточно понял генерал Алексеев, должен был бы взять на себя император; но император понимал это еще меньше, в особенности с того дня, как единственным истолкователем союза при нем сделался Штюрмер.

Генерал Гурко, заменивший ген. Алексеева, – деятельный, блестящий, гибкий ум; но он, говорят, легкомыслен и лишен авторитета»223.

Правых взглядов А.Ф. Трепов, назначенный во главе правительства, оказался очередной промежуточной временной фигурой. В одном из писем императрицы Александры Федоровны к супругу, в Ставку от 14 декабря 1916 г. мы читаем: «Трепов ведет себя теперь, как изменник, и лукав, как кошка, – не верь ему, он сговаривается во всем с Родзянко, это слишком хорошо известно»224. Дни А.Ф. Трепова как премьер-министра были сочтены. Так был упущен еще один шанс, добиться приемлемого компромисса и выйти из политического кризиса.

Царя буквально обложили со всех сторон требованиями уступок оппозиции и проведения буржуазных реформ. В этом преуспевали не только Государственная дума, Прогрессивный блок. Так, 25 декабря 1916 г. великий князь Александр Михайлович начал писать свое нескончаемое письмо Николаю II, в котором указывал: «Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством?.. Какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, и Россию к неминуемой гибели. Я говорю – тебя и Россию – вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может; но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может; это надо раз навсегда себе усвоить, и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю – палат, потому что существующие механизмы далеко не совершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немыслимо существующее положение, когда вся ответственность лежит на тебе, и на тебе одном… Как председатель, так и все министры должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны… Состоявшиеся… назначения показывают, что ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех твоих верноподданных. Эта политика только на руку левым элементам, для которых положение «чем хуже, тем лучше» составляет главную задачу; так как недовольство растет, начинает пошатываться даже монархический принцип…

Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, что она жаждет, т. е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем сил народных, а следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы ты доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые подлаживаются под что-то непонятное».

Спустя некоторое время, 25 января 1917 г., Александр Михайлович, собравшись с духом, продолжил свое послание: «События показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели; при таких условиях молчать является преступным перед Богом, тобой и Россией.

Недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом… Такое положение продолжаться не может…

В заключение скажу, что, как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготовляет революцию, – народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище: революции сверху, а не снизу. Твой верный Сандро»225.

Письмо было дописано только 4 февраля 1917 г. и, казалось, не произвело особого впечатления на Николая II, но настойчивые предостережения и требования окружения, несомненно, подготавливали его к необходимости перемен.

Доклады Охранного отделения были в унисон общественному мнению и предупреждали об опасности надвигавшихся голодных бунтов: «Озлобление растет, – констатирует охранка 5 февраля 1917 г., – и конца его росту не видать. А что стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех анархической революции, сомневаться не приходится».

Среди некоторой части приближенных к императору преобладали фатализм и вера в судьбу, а поэтому и пассивное отношение к событиям. «Морской волк», друг Николая II адмирал К.Д. Нилов в присущей ему простоватой манере твердил: “Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре – это все равно”. Несмотря на нараставший размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступление войск против правительства невозможным, во всяком случае, до окончания войны.

Накануне Февральской революции, несмотря на кажущийся многим поворот к самодержавию, все же твердой власти не было. Были лишь небольшие штрихи и попытки к ее проявлению. Дума не была распущена до конца войны, как было сделано с подобными органами в ряде стран воюющей Европы. Назначение премьер-министра с диктаторскими полномочиями (что предлагал генерал М.В. Алексеев), отвечающего за стабильность положения внутри страны и

подчинение экономики нуждам войны, так и не состоялось. Хотя подобная мера была широко использована во время Первой мировой войны во Франции.

Революция витала в воздухе. Такое предчувствие было у многих. Зрели многочисленные заговоры, о чем часто говорили открыто. Необходимы были решительные и скорые действия.

Глава III

На путях к дворцовому перевороту

Во все усложняющейся обстановке Первой мировой войны, возрастающем революционном движении, непрекращающейся министерской чехарде многие видели кризис власти и неспособность Николая II справиться с ситуацией. Вызревали многочисленные варианты дворцового переворота.

Французский посол в России Морис Палеолог в дневниковой записи от 13 августа 1915 г. излагал (со слов бывшего гвардейского офицера) один из таких вариантов. Суть его состояла в том, что императора Николая II оставить на троне как своего рода декорацию, а императрицу Александру Федоровну и ее сестру, московскую игуменью Елизавету Федоровну, сослать в монастырь Приуралья; «распутинскую клику» запрятать еще дальше, в «глубь Сибири»226.

Строились и более радикальные планы, даже после убийства «святого» и «всемогущего» Григория Распутина. 5 января 1917 г. на банкете у миллионера Богданова фабрикант Путилов прямо предложил, обращаясь к князю императорской крови Гавриилу Константиновичу, собрать нечто вроде «земского собора» (всю царскую фамилию, лидеров партийных фракций в Государственной думе, представителей дворянства, командующих армиями и т. п.), «торжественно объявить императора слабоумным, непригодным для лежащей на нем задачи, неспособным дальше царствовать и объявить царем наследника под регентством одного из великих князей»227.

Таким настроениям в немалой степени способствовали поджигательские речи, звучащие с трибуны Государственной думы. Атака велась систематически и продуманно, под флагом критики и строгой законности, и лидеры оппозиции твердили, что они все делают для пользы России, для освобождения народа от ига «темных сил» и что поэтому они не против царя как такового; что они настоящие «монархисты» и являются не «оппозицией Его Величеству», а «оппозицией Его Величества»…

Другими словами, что они против окружающих царя неверных слуг, для пользы же самого царя.

В то же время, 1 ноября 1916 г., как мы уже отмечали выше, один из лидеров «Прогрессивного блока» П.Н. Милюков произносит в Государственной думе речь, в которой прозрачно обвиняет царицу в измене. Впоследствии многие называли эту речь штурмовым сигналом революции!

Опытной рукой направляются слухи о дворцовом перевороте, о предстоящей неизбежной революции, о попытках подготовки сепаратного мира с немцами и т. п.

Ползет клевета. Царь женат на немке, которой Германия конечно ближе, чем Россия! Царица – изменница России!

А за первой клеветой другая.

Царица неверная царю жена! Наследник? Да разве вы не знаете, что он не сын царя Николая? Наследник ведь сын генерала Орлова. А о Гришке Распутине слышали?

Под видом все дозволенной критики «святого старца» на страницах газет на самом деле чернили царскую семью. Так велась кампания по подготовке общественного мнения для предстоящих переворотов в государстве и царском дворце.

Член Государственной думы, монархист В.В. Шульгин признавал: «Раздражение России… действительно удалось направить в отдушину, именуемую Государственной думой. Удалось перевести накипевшую революционную энергию слова в пламенные речи и в искусные звонко звенящие «переходы» к очередным делам». Удалось подменить «революцию», т. е. кровь и разрушение – «резолюцией», т. е. словесным выговором правительству… Но… В минуту сомнений мне иногда начинает казаться, что из пожарных, задававшихся целью потушить революцию, мы невольно становились ее поджигателями»228.

Всякое слово обличения царского правительства и «темных сил» в такой обстановке моментально подхватывалось многоголосым эхом оппозиции, а всякое слово увещания правительства все больше глохло, как «глас вопиющего в пустыне». Николай II понимал, что в таких условиях каждая уступка правительства побуждает оппозицию к выставлению все новых и новых требований.

Определенные круги оппозиции отдавали себе отчет, что с Николаем II договориться трудно, а с Александрой Федоровной просто невозможно, поэтому необходим переворот с выдвижением на трон более покладистого монарха. Конечно, без помощи военных в таком деле не обойтись, кроме того, необходима была поддержка дипломатов. Если в армии существовала определенная оппозиция влиянию царицы на государственные и военные дела, то дипломатов Антанты стали запугивать перспективой заключения «распутинской кликой» сепаратного мира. Утверждалось даже, что экономический кризис в стране царское правительство создает искусственно, чтобы иметь повод вскоре предательски завершить войну за спиной союзников.

Николай II, чтобы покончить с подлыми слухами об якобы предпринимаемых царским правительством попытках заключения сепаратного мира с немцами, отдает распоряжение генералу В.И. Гурко: подготовить проект приказа. Вскоре 12 декабря 1916 г. император обращается к армии и флоту и подписывает приказ, который приведем полностью:

«Среди глубокого мира более двух лет тому назад Германия, втайне издавна подготовлявшаяся к порабощению всех народов Европы, внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию, что вынудило Англию присоединиться к нам и принять участие в борьбе. Проявленное Германией полное пренебрежение к основам международного права, выразившееся в нарушении нейтралитета Бельгии, и безжалостная жестокость германцев в отношении мирного населения в захваченных ими областях понемногу объединили против Германии и ее союзницы Австрии все великие Державы Европы.

Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждена была в первый год войны уступить врагу часть своих пределов. Но эта временная неудача не сломила духа ни наших верных союзников, ни в вас, доблестные войска Мои. А тем временем путем напряжения всех сил государства разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще с осени минувшего 1915 года, враг наш уже не мог овладеть ни единой пядью русской земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем нашем фронте от нападения к обороне. Силы его, видимо, истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти. Германия чувствует, что близок час ее окончательного поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости.

И вот, подобно тому, как во время превосходства в своих боевых силах над силами своих соседей, Германия внезапно объявила им войну, так теперь, чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает объединившимся против нее в одно неразрывное целое союзным державам вступить в переговоры о мире.

Естественно, желает она начать эти переговоры до полного выяснения степени ее слабости, до окончательной потери ее боеспособности. При этом она стремится для создания ложного представления о крепости ее армии использовать свой временный успех над Румынией, не успевшей еще приобрести боевого опыта в современном ведении войны. Но если Германия имела возможность объявить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзницы, среди коих теперь находятся могущественнейшая Англия и благородная Италия, в свою очередь, имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они сочтут для себя благоприятным.

Время это еще не наступило. Враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войною задач, – обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, – еще не обеспечено. Заключить ныне мир – значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские русские войска и флот, труды эти, а тем более священная память погибших на полях доблестных сынов России не допускают и мысли о мире до окончательной победы над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее окончить.

Я не сомневаюсь, что всякий верный сын Святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных Моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творящий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, только тогда, когда, окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердой уверенности, что самою силою вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору.

Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный ваших геройских подвигов, славные войска Мои, – мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память.

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукой написано:

“НИКОЛАЙ”»229.

Однако слухи о подготовке сепаратного мира продолжали эксплуатироваться оппозицией вплоть до начала Февральской революции.

Члены английской миссии в России лорда Мильнера не раз слышали откровенные разговоры о возможном убийстве царя и царицы, а сэр Джордж Клерк писал: «Каждому из нас приходится слышать о неизбежности самых серьезных событий, вопрос только о том, кто должен быть устранен: император, императрица, Протопопов или все трое».

Сама идея дворцового переворота ее организаторами преподносилась как бы «против революционной прививкой».

Такая тактика приносит свои плоды. Так, в дневнике великого князя Андрея Владимировича от 11 сентября 1915 г. читаем: «Удивительно, как непопулярна бедная Аликс. Можно, безусловно, утверждать, что она решительно ничего не сделала, чтобы дать повод заподозрить ее в симпатии к немцам, но все стараются именно утверждать, что она им симпатизирует. Единственно, в чем ее можно упрекнуть, – это, что она не сумела быть популярной»230. Далее в дневнике имеются и такие строки: «По мнению графа Ад. Замойского, после войны, безусловно, будет революция, которая отберет все земли у помещиков. Во главе этого аграрного движения станет Даниловчерный, а потому и надо быть с ним в хороших отношениях… Мысли, безусловно, дикие. Но я прибавляю – и вредные»231.

Насколько глубоко мысль о предательстве запала в среду военных, говорят строки из дневника генерала В.И. Селивачева, которые публиковались в советской печати:

«Вчера одна сестра милосердия сообщила, что есть слух, будто из Царскосельского дворца от Государыни шел кабель для разговора с Берлином, по которому Вильгельм узнавал все наши тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда – ведь какими жертвами платит народ за подобное предательство!»

Со своей стороны отметим, этот слух имел такое широкое распространение, что даже после Февральской революции следователи Чрезвычайной Следственной Комиссии (ЧСК) Временного правительства выясняли его достоверность. Материалы ЧСК показали, что ничего подобного на самом деле не было. В

частности, в протоколе допроса Б.В. Штюрмера (бывшего премьер-министра) от 31 марта 1917 г. на вопрос следователя об отношении Александры Федоровны к Германии и находила ли она нужным скорейшее заключение мира, тот ответил: «Если кто-нибудь это утверждает, то я говорю – никогда ничего подобного не было. Это было такое презрение к Вильгельму, какое я редко от кого слышал, именно скажу презрение, иного ничего не было».

Обвинения царя и царицы в склонности к сепаратному миру было лишь оружием оппозиции для подготовки их свержения. Известно, что Николай II до конца оставался верен союзническим обязательствам. Когда в конце 1915 г. граф Эйленбург пытался начать мирные переговоры, царь их отверг, то же самое повторилось, когда весной 1916 г. попытался это сделать великий князь Гессенский (брат царицы)232.

Насколько сильным оружием в руках оппозиции оказалась клевета, говорит выступление после революции В.В. Плеханова на Всероссийском совещании Советов, где он упомянул, что «царь не хотел защищать Россию», что «царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей».

Подобные взгляды на роль Николая II в русской истории на долгие годы в нашей стране стали стереотипными.

Однако вернемся к последовательности событий. В такой обстановке напряженности, предшествующей революционным событиям 1917 г. в России, заговорщикам было не очень сложно найти опору для осуществления своих преступных замыслов. В архивных документах имеются свидетельства о нескольких таких мятежных очагах.

Например, в показаниях известного революционера В.Л. Бурцева, данных ЧСК 1 апреля 1917 г., он, сообщая о контактах с полицией, указал на жандармского генерала А.В. Герасимова: «…Он (Герасимов. – *В.Х.*), не будучи в заговоре, был, однако, посвящен в планы дворцовых переворотов и не в целях шпионажа, а в качестве человека сочувствующего… Вы, конечно, знаете, что в декабре – январе ждали в Кронштадте дворцового переворота. Он был в это посвящен. Нельзя было обойтись без цареубийства, и он был за цареубийство, как и я…».

Говоря о системе полицейского сыска и провокаций, Бурцев отмечал: «В печати я не раз говорил, что система провокации в деле Азефа была доведена до того, что царь лишь случайно не был убит, что убийца стоял около него ближе, чем Богров к Столыпину. Ко мне всегда приставали все, – разъяснить, в чем дело. Но так как я был связан честным словом, то я никогда не раскрывал тайны. На самом деле система этой провокации, во времена Герасимова, довела до того,

что царь едва не был убит. Мне Азеф говорил с упреком: “Если бы не вы, так царь был бы убит. Не сейчас, так потом, – я его хотел убить…”. Если бы я не стал разоблачать Азефа, он сам говорил, что, идя тем путем, на котором он стоял, он мог сделать цареубийство».

Как мы видим, спектр вариантов переворота был очень обширен: от бескровного устранения монарха от дел или высылки его за границу до «тени Павла I» руками заговорщиков или просто террористического акта со стороны революционеров.

Заметим, что у последних был накоплен достаточный опыт по систематическому истреблению наиболее верных приверженцев трона. Известно, что от выстрелов и бомб террористов погибают: великий князь Сергей Александрович (супруг великой княгини Елизаветы Федоровны); царские министры: Плеве, Сипягин, Боголепов и Столыпин; генерал-губернаторы и губернаторы: граф Игнатьев, Слепцов, Старынкевич, Александровский, Хвостов, главный военный прокурор Павлов, петербургский градоначальник фон Дер-Лауниц, генералы и адмиралы: Чухлин, Мин, Алиханов и многие другие. Изданная в 1907 г. «Книга Русской Скорби», в 14 томах, памятник жертвам революционного террора, содержит сведения от царских министров и губернаторов до урядников, священников и учителей. Что это?! Борьба за свободу или начало разрушения государства Российского?!

Этому валу разрушительной силы не был поставлен надежный заслон, как во времена императора Александра III. Многие царские министры служили интересам государства с опаской за свою жизнь и оглядкой на оппозицию, как бы чего не вышло. В то же время многие из них считали себя патриотами и верными сынами Отечества. Своеобразный «шкурнический интерес» таких карьеристов довольно верно подметил писатель Василий Иванович Немирович-Данченко: «Ведь и в верхах любили Россию, но странною любовью. Они любили Россию под собою, а не рядом. Им казалось, что замени их – и Отечество погибло. Ведь и Горемыкин и Штюрмер думали не иначе. Они отождествляли судьбу России со своими собственными, хотя они давно врозь. И когда, в какое время… Вот уж, именно, время великое, а люди малые и не только малые, но и недобросовестные…».

Многие «столпы Отечества» не отдавали себя отчета в критичности политической ситуации в стране, больше ища оправданий своим поступкам и действиям, чем служа интересам державы. Так, старый дипломат Е.Н. Шелькин передавал свой разговор с И.Л. Горемыкиным: «“Вы видите этот пепел, – говорил он мне, указывая на свою сигару. – Мне стоит дунуть, и он разлетится.

То же представляет и пресловутая революция”. – “Однако же вы не дунули?” – спросил я его. Горемыкин, в то время уже не занимавший места председателя Совета Министров, нахмурился. “Я не раз хотел дунуть, – сказал он, – но Государь не хотел идти со мною до конца”».

Заговорщики понимали, что Николай II неуязвим среди армии, пока высшее командование остается верным присяге. Поэтому они направили все усилия, чтобы заручиться поддержкой хотя бы некоторых генералов. Однако в правящих государственных верхах считали, что они надежно контролировали ситуацию в стране. Многие считали, что в условиях военного времени широкого революционного выступления в армии невозможно. Однако не отрицалась возможность отдельных небольших заговоров. В секретных заседаниях Совета Министров 4 августа 1915 г. министр юстиции А.А. Хвостов уже говорил о поддержке А.И. Гучкова левыми кругами ввиду того, что «его считают, в случае чего, способным встать во главе батальона и отправиться в Царское Село».

В воспоминаниях А.Ф. Керенского также имеется свидетельство, что «в последнюю зиму монархии генерал Крымов, вместе с Гучковым и Терещенко, готовил дворцовый переворот».

Известно, что А.И. Гучков (основатель и лидер партии октябристов) из сторонников Николая II в годы русской революции (1905–1907 гг.) перешел позднее в наиболее непримиримую оппозицию. Недаром его имя часто упоминалось в письмах императрицы Александры Федоровны, которая еще в сентябре 1915 г. отмечала: «Все знают, что Гучков работает против нашей династии» или «Ах, если б только можно было повесить Гучкова»233. В частности, она в письме к Николаю II от 20 сентября 1916 г. с тревогой предупреждала: «…Пожалуйста, душа моя, не давай доброму Алексееву начать играть роль с Гучковым. Родзянко и тот теперь образуют одно и стараются обойти Алексеева, притворяясь будто никто, кроме них, не может работать. Он должен заниматься исключительно войною, – остальные отвечают за то, что происходит в тылу…»234. На следующий день, т. е. 21 сентября 1916 г. еще одно письмо с ее предостережением: «…Нужно вырвать Алексеева у Гучкова с его скверным влиянием… Родзянко, Гучков, Поливанов и компания интригуют гораздо больше, чем это наружу видно (я чувствую), для того, чтобы вырвать разные вопросы из рук министров»235.

О «подрывной деятельности» А.И. Гучкова знали силовые органы царского правительства. Так, например, жандармский генерал А.И. Спиридович характеризовал ситуацию: «В борьбе с правительством весомую роль сыграл Гучков, который вел опасную, конспиративную работу по организации заговора

против Государя среди высшего состава армии. В этом деле ему помогал Терещенко. Он с Коноваловым прикрывал революционную работу рабочей группы Военно-промышленного комитета. Рабочие не верили, конечно, ни Гучкову, ни Коновалову, но, признавая их пользу в подготовке революции, шли с ними рука об руку. В данный момент Гучков широко распространял свое письмо к генералу Алексееву, в котором он выступал против отдельных членов правительства. В нем он распространял такие тайны правительства военного времени, за оглашение которых любой военный следователь мог привлечь его к ответственности за государственную измену. И только за распространение этого письма он, Гучков, мог бы быть повешен по всем статьям закона куда более заслуженно, чем подведенный им под виселицу несчастный Мясоедов.

Штюрмер доложил Государю о происках Гучкова и о письме Гучкова к Алексееву.

Государь допросил Алексеева. Тот ответил, что он не переписывается с Гучковым. Этим дело и закончилось. Слабость правительства и генерал Алексеев спасли тогда Гучкова. Верил ли Государь в его революционную деятельность – трудно сказать. Но царица правильно оценила весь приносимый им вред и правильно считала, что его надо арестовать и привлечь к ответственности»236.

Со своей стороны заметим, что письмо А.И. Гучкова к генералу М.В. Алексееву от 15 августа 1916 г. было впервые опубликовано еще в советские времена. Оно содержало ряд секретных сведений о поставках вооружений и т. п. Вместе с тем в нем Гучков резко критиковал царское правительство: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт, и вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью… Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны. Надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик»237.

Скандалы, возникающие вокруг А.И. Гучкова, только добавляли его имени авторитет ярого оппозиционера. 14 декабря 1916 г. царица в письме к мужу

указывала: «Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные проступки), отняла бы чин у Самарина (он подписал эту московскую бумагу). Милюкова, Гучкова и Поливанова – тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Я только женщина, но душа и мозг говорят мне, что это было бы спасением России – они грешат гораздо больше, чем это когда-либо делали Сухомлиновы. Запрети Брусилову и пр., когда они явятся, касаться каких бы то ни было политических вопросов…»238.

Планы заговорщиков вначале были очень туманными. Все разговоры вращались вокруг «ответственного министерства», согласие на которое необходимо было добиться у царя. Чтобы этого удалось достигнуть, решено было удалить Александру Федоровну в Крым (были и другие предложения), если даже пришлось бы применить силу.

В течение лета и осени 1916 г. в Ставке шли многочисленные тайные переговоры и совещания, в которых заговорщиками даже поднимался вопрос о низложении императора. В конце 1916 г. разговоры о военном заговоре звучали не только в Ставке (в Могилеве), но и в столичных аристократических и политических салонах. В декабре великая княгиня Елизавета Федоровна, встревоженная подобными слухами, посылает своего приближенного фон В.В. Мекка предупредить царицу о готовящемся предательстве.

В курсе подготовки заговора был и начальник штаба Верховного главнокомандования в Могилеве генерал М.В. Алексеев. Он, имея негласные контакты и переговоры с представителями заговорщиков, одновременно готовил проект военной диктатуры, который 15 июня 1916 г. представил на рассмотрение императору Николаю II. Однако когда император, в конце концов, отверг этот проект, Алексеев стал склоняться к военному заговору «во имя спасения России».

Смысл плана заговора сводился к тому, чтобы во время одной из многочисленных поездок Николая II на фронт или в столицу захватить его поезд и вынудить отречься в пользу цесаревича Алексея при регентстве одного из великих князей. Затем в духе дворцовых переворотов XVIII века намечалось арестовать и сменить правительство.

Казалось, все было готово. Имеется свидетельство, что генерал М.В. Алексеев при обсуждении срока переворота сказал: «Так передайте князю Львову в спешном порядке, что для дела, о котором мы с ним говорили, я назначил день: 30 октября»239. Однако через некоторое время он сказался больным и вскоре уехал на лечение в Крым, сдав временно должность начальника штаба

Верховного главнокомандующего генералу В.И. Гурко. Болезнь М.В. Алексеева, можно предположить, была настоящая, а не «дипломатическая» или «медвежья», т. к. по возвращении в Ставку 23 февраля 1917 г. он чувствовал себя еще не совсем здоровым.

Любопытен и другой эпизод. Когда заговорщики посетили генерала Алексеева во время его пребывания в Крыму, он (по свидетельствам очевидцев) заявил: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду»240.

Факт посещения генерала М.В. Алексеева в Севастополе представителями «некоторых думских и общественных кругов» подтверждает в своих исследованиях и генерал А.И. Деникин. Приведем его версию событий:

«В Севастополе к больному Алексееву приехали представители думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость, как бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, “и так не слишком прочно держится”, просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял меня впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а всё дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее некоторые обстоятельства стали известны… предполагалось вооруженной силой остановить Императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение Государю отречься от Престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»241.

Февральские и мартовские события 1917 г. показали истинные позиции генерала М.В. Алексеева, который не оставил своих соучастников по общему «делу» без своеобразной координирующей поддержки.

Заметим, что «охранка» тоже не дремала, отрабатывая свой хлеб. В «совершенно секретном» докладе жандармского генерала К.И. Глобачева от 26 января 1917 г. сообщалось о «действующей пока законспирировано» группе, состоящей из А.И. Гучкова, князя Г.Е. Львова, С.Н. Третьякова, А.И. Коновалова, М.М. Федорова и некоторых других. В докладе подчеркивалось, что «вся надежда этой группы – неизбежный в самом ближайшем будущем дворцовый переворот, поддержанный всего-навсего одной-двумя сочувствующими частями».

Слухи о военном заговоре беспокоили французского посла М. Палеолога. В своем дневнике он анализировал ситуацию: «Император Николай, конечно, останется верен союзу с нами, в этом я нисколько не сомневаюсь. Но ведь он не бессмертен. Сколько русских, и особенно в самой близкой к нему среде, втайне желают его исчезновения. Что может произойти при смене царя? На этот счет у меня нет иллюзий: Россия тогда немедленно откажется от участия в войне»242.

Фактический отказ генерала М.В. Алексеева активно участвовать в военном заговоре затормозил его выполнение. В следственных материалах ЧСК Временного правительства имеются показания А.И. Гучкова, в которых он говорит о своей роли в заговоре: «…Я ведь не только платонически сочувствовал этим действиям, я принимал активные меры… Провести это было трудно технически… план заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить по дороге между Царским Селом и Ставкой Императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство… Надо было найти часть, которая была бы расположена для целей охраны ж. д. пути, а это было трудно»243.

Технику исполнения плана дворцового переворота Гучков представлял так: «Предполагалось уговорить царя (что и было сделано. – *В.Х.*) поочередно приводить гвардейские кавалерийские полки в столицу на отдых и для поддержания порядка, а затем выманить царя из Ставки и при помощи кавалергардов совершить дворцовый переворот, добившись отречения в пользу цесаревича и регентства».

Из следственных материалов ЧСК можно понять, что А.И. Гучков имел непосредственные связи через генерала А.М. Крымова с Румынским и,

очевидно, через генерала Н.В. Рузского с Северным фронтами, а также имел свидания с некоторыми великими князьями. Некоторые из участников событий указывают на сочувствие заговору генерала А.А. Брусилова, который заявлял: «Если придется выбирать между царем и Россией, я пойду за Россией»244.

Однако, по признанию А.И. Гучкова, трудности были не только технические: «У многих были известные принципы, верования и симпатии, для многих это представляло трагедию…, требовалась с нашей стороны известная осторожность»245.

Некоторые участники заговора позднее в своих воспоминаниях пытались устраниться от этих событий и снять с себя, в какой-то мере, ответственность за все последовавшие катастрофические события в России. Так, например, генерал А.А. Брусилов писал:

«Доходили до меня сведения, что задумывается дворцовый переворот, что предполагают провозгласить наследника Алексея Николаевича императором при регентстве великого князя Михаила Александровича, а по другой версии – Николая Николаевича, но все это были темные слухи, не имевшие ничего достоверного. Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну; зная свойства характера Алексеева, я был убежден, что он это не выполнит»246.

В воспоминаниях А.И. Верховского, наоборот, выпячивается роль заговорщиков, приводятся дополнительные любопытные факты и откровения того же Гучкова в узком кругу единомышленников: «На 1 марта был назначен внутренний дворцовый переворот. Группа твердых людей должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать царя и выслать его немедленно за границу. Согласие некоторых иностранных правительств было получено»247.

Заговорщики наметили гарнизон села Медыха и стали искать подходы к его офицерам. В начале января 1917 г. в Петроград приезжал командир одной из кавалерийских дивизий на Румынском фронте генерал А.М. Крымов, который приглашался на разные совещания верхушки буржуазной оппозиции. В заговор были вовлечены генерал А.А. Маниковский, ответственный сотрудник Военного министерства, князь Д.Л. Вяземский, аристократ с большими связями среди высшего офицерства, и некоторые другие. Многие участники заговора, по свидетельствам С.П. Мельгунова, В.В. Шульгина и др., являлись членами масонских лож.

Князь Д.Л. Вяземский и М.И. Терещенко отправились на фронт, стремясь посетить воинские части охраны железной дороги между Петроградом и Могилевом. Заговорщики не сомневались в успехе своего дела. Однако обстоятельства не благоприятствовали им. На этот раз почувствовал себя плохо главный вдохновитель всего дела А.И. Гучков, который 13 октября 1916 г. выехал лечиться в Кисловодск. Хотя дело и без него продолжало двигаться, но медленно. Вернулся он в столицу только 20 декабря. А за три дня до этого был убит Г.Е. Распутин, что привело к ужесточению репрессий, общему ухудшению обстановки. Неожиданным и самым главным явилось то, что император Николай II спешно вернулся в столицу по срочному вызову своей супруги. Неделя шла за неделей, а император все продолжал оставаться в Царском Селе. В связи с этими обстоятельствами Гучков стал поговаривать, что «дело» придется отложить до Пасхи, т. е. до 2–3 апреля 1917 г.

Любопытное подтверждение этому имеется у английского посла Бьюкенена: «Один мой русский приятель, который стал потом членом Временного правительства, сообщил мне через полковника Тарнгидля, нашего помощника военного атташе, что революция произойдет перед Пасхой, но что мне нечего беспокоиться, так как она продолжится всего две недели»248.

По признанию самого А.И. Гучкова, о стадии подготовки к осуществлению военного заговора можно было судить следующим образом: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления…»

На самом деле, по нашему мнению, картина «военного заговора» вырисовывается недостаточно убедительной на деле, для реального планируемого переворота. Военные устами генерала А.М. Крымова говорят думской оппозиции: если вы решитесь, мы вас поддержим… А те, в свою очередь, подталкивают военных: если вы сумеете заставить царя отречься, то мы это используем на благо России. Все надеялись, что кто-то начнет первым и только «зондировали» позиции друг друга, опасаясь брать инициативу на себя. В то же время морально все были готовы к предстоящим событиям и каждый способствовал осуществлению плана переворота.

Вызывает удивление, что генерал А.М. Крымов в дни Февральской революции оказался в тени и не принимал активного участия. Тому есть свои причины.

Стоит отметить, что союзники по Антанте опасались заключения Россией сепаратного мира с Германией. Они желали содействовать урегулированию отношений между царским правительством с деятелями «Прогрессивного блока» и Государственной думой в целях более успешного ведения военных

действий на фронте. Монархисты обвиняли английского посла Д. Бьюкенена в том, что он подготовил русскую революцию, что под его влиянием думские лидеры пошли на обострение ситуации в борьбе с царским режимом. Французский посол в России М. Палеолог 28 декабря 1916 г. (по новому стилю) записал в дневнике: «Вот уже несколько раз меня расспрашивают о сношениях Бьюкенена с либеральными партиями и даже серьезнейшим тоном спрашивают меня, не работает ли он тайно в пользу революции. Я каждый раз всеми силами протестую»249. Между прочим, Бьюкенену бросали такие же обвинения по его возвращению на родину. Ему приходилось постоянно оправдываться. Даже его дочь Мириэль вынуждена была его защищать. В своей книге она позднее писала: «Английское посольство являлось тем единственным домом в русской столице, в котором планы дворцовой революции не подвергались обсуждению… Верность его Государю стояла выше всяких подозрений»250.

Однако имеются и другие свидетельства. Жандармский генерал А.И. Спиридович позднее писал в воспоминаниях о событиях первого дня 1917 г.: «Новогодний Высочайший прием… Принимая поздравления дипломатов, Государь очень милостиво разговаривал с французским послом Палеологом, но, подойдя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему, видимо, что-то неприятное. Близстоящие заметили, что Бьюкенен был весьма смущен и даже сильно покраснел. На обратном пути в Петроград Бьюкенен пригласил к себе в купе Мориса Палеолога и, будучи крайне расстроенным, рассказал ему, что произошло во время приема. Государь заметил ему, что он, посол английского короля, не оправдал ожиданий Его Величества, что в прошлый раз на аудиенции Государь упрекал его в том, что он посещает врагов монарха. Теперь Государь исправляет свою неточность: Бьюкенен не посещает их, а сам принимает их у себя в посольстве. Бьюкенен был и сконфужен, и обескуражен. Было ясно, что Его Величеству стала известна закулисная игра Бьюкенена и его связи с лидерами оппозиции»251.

Супруга великого князя Павла Александровича княгиня О.В. Палей, поддерживавшая знакомство со многими дипломатами, позднее писала в своих воспоминаниях:

«Так прошел январь, причем общее положение дел ухудшалось день ото дня. В газетах недовольство прорывалось даже сквозь цензуру. Революционная пропаганда в войсках резервистов распространялась не по дням, а по часам. А рассадником ее стало английское посольство под началом Ллойд Джорджа. Наши либералы, князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и иже с ними, из посольства не вылезали. Там же и решено было отказаться от мирных путей борьбы и встать на путь революции. Причем сам английский посол, сэр

Джордж Бьюкенен, Государю нашему просто мстил. Николай не любил его и в последнее время держался с ним все суше и суше, особенно после того как Бьюкенен сошелся с Государевыми личными врагами. На последней аудиенции Государь принял посла стоя и даже не предложил ему сесть. Бьюкенен спал и видел отомстить. Водил он дружбу кое с кем из великих князей. С их помощью он чуть было не затеял дворцовый переворот…»252.

В России в начале 1917 г. все ожидали решительных перемен, и политическая оппозиция начала «сжигать мосты». Особой активностью отличались думские лидеры «Прогрессивного блока», т. к. срок полномочий IV Государственной думы скоро истекал, предстоящие выборы не могли гарантировать их прежнего положения, а также личную неприкосновенность. Представителям оппозиции необходимо было набирать политические очки и попытаться решительно переломить ситуацию в свою пользу. Так, например, в воспоминаниях председателя Государственной думы М.В. Родзянко имеется описание одного из конспиративных совещаний, которое происходило на его квартире:

«С начала января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Государственного Совета и членов Особого Совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили, – не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу, и временные успехи сводят к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами:

– Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя.

Крымов замолк, и несколько минут все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

– Генерал прав – переворот необходим… Но кто на него

решится? Шидловский с озлоблением сказал:

– Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским: поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова:

“Если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией”. Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

– Вы не учитываете, что будет после отречения царя… Я никогда не пойду на переворот. Я присягал… Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения – пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, но не насилием…

Много и долго еще говорили у меня в этот вечер. Чувствовалась приближающаяся гроза, и жутко было за будущее: казалось, какой-то страшный рок влечет страну в неминуемую пропасть»253.

Конечно, читая эти строки, трудно поверить в искренность уверений тонкого политика и искушенного царедворца Родзянко. Вскоре сами события показали, и стало ясно: у кого и как «слово» расходится с «делом».

Относительно боевого генерала А.М. Крымова (1871–1917) следует заметить, что в его политической позиции не все было однозначно. Во многих взглядах он был введен в заблуждение, что несколько для него прояснилось, когда он побывал в Петрограде. Возможно, этим можно объяснить то, что Крымов практически никак не проявил себя в дни Февральской революции, а затем принял активное участие в «корниловском мятеже» против Временного правительства. Стоит в этой связи упомянуть еще об одной встрече генерала Крымова с генералом Дубенским в начале 1917 г.:

«В пояснение сего расскажу случайную встречу мою (в начале февраля) с генералом Александром Михайловичем Крымовым. О нем говорили как о выдающемся боевом начальнике и имя его пользовалось большим уважением в Ставке. Я помню, как при каком-то сообщении о боях в Карпатах, где была дивизия Крымова, Государь сказал: “Там этот молодец Крымов, он управится скоро…”

Вот этого-то генерала Крымова, недавно прибывшего в Петроград, я встретил у начальника Главного штаба генерала Архангельского. Мы все трое были сослуживцы по Мобилизационному отделу Генерального штаба еще до войны и

потому говорили откровенно и свободно. Генерал Крымов большой, полный, в кавказской черной черкеске, с Георгием на груди, ходил по известному круглому кабинету начальника Главного штаба и указывал на целый ряд ошибок во внутренней политике, которые, по его мнению, совершил Государь. Он возмущался, негодовал и когда мы спрашивали его, откуда почерпнуты им сведения о каких-то тайных сношениях Двора с Германией, он отвечал:

– “Да так говорят…”.

Мы стали разъяснять Крымову и указывать, что многое в его словах преувеличено, извращено и передано в искаженном виде. Наш приятель стал задумываться, меньше возражал и в конце концов сказал: “Где все это знать у нас в Карпатах…”.

Генерал Крымов был человек горячий, неглупый, безусловно, порядочный, но увлекающийся.

– “А в Ставке часто бывал Распутин?” – спросил он меня.

– “Да он никогда там не бывал. Все это ложь и клевета”.

– “А мы на фронте слышали, что он был там вместе с царицей. Как это досадно, что подобные сплетни достигают позиций и тревожат войска”, – сказал уже смущенно Крымов.

Крымов передал нам, что у них ходит слух о сепаратном мире и о том, что есть сношения между Царским [Селом] и Вильгельмом. Говорил он уже как о явных баснях, но вносящих сомнения, смуту.

Грустно было слушать подобные толки и сознавать силу подобной интриги, начавшей доходить из столиц до армии и подтачивающей доверие к ее Верховному Вождю»254.

В условиях нарастания в России революционной ситуации политическими партиями вынашивались различные планы, в военных кругах зрели заговоры.

Министр внутренних дел А.Д. Протопопов забил тревогу, утверждая, что генерал В.И. Гурко прислал в столицу не те части, которые приказал император. Вместо верной гвардейской кавалерии с фронта был возвращен Гвардейский Экипаж во главе с великим князем Кириллом Владимировичем, который (для многих было известно) оппозиционно относился к Николаю II.

Великий князь Александр Михайлович позднее в своих мемуарах отмечал, что каким-то странным и таинственным образом приказ об их отправке 13 гвардейских кавалерийских полков был отменен. Гвардейская кавалерия и не думала покидать фронт. «Позднее я узнал, что изменники, сидевшие в Ставке, под влиянием лидеров Государственной думы осмелились этот приказ Государя отменить»255.

Были попытки со стороны правительства и силовых властей стабилизировать ситуацию. По словам того же А.Д. Протопопова, за А.И. Гучковым усиленно следил Департамент полиции, велся список посещавших его лиц. Известны были полиции и собрания военных, которые устраивал Гучков. До сведения Николая II был доведен факт встречи А.И. Гучкова с генералом В.И. Гурко. Создается впечатление, что император был «в курсе дела», но, очевидно, получая какие-то сведения, выжидал, считая, что необходим убедительный компрометирующий материал для нанесения решительного и сокрушительного удара по заговорщикам и оппозиции.

План такого разгрома оппозиции предлагался Николаю II еще в ноябре 1916 г., сразу же после знаменитой и скандальной речи Милюкова в Государственной думе. Позднее этот документ оказался в следственных материалах ЧСК. В документе под заголовком «Записка, составленная в кружке РимскогоКорсакова и переданная Николаю II князем Голицыным»256 говорилось:

«В настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума, при поддержке так называемых общественных организаций, вступила на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа…»257.

Далее предлагалась конкретная программа действий, состоящая из 9 пунктов. Отметим лишь некоторые из них:

«I. Назначить на высшие государственные посты министров, главноуправляющих и на высшие командные тыловые должности по военному ведомству (начальников округов, военных генерал-губернаторов) лиц, не только известных своей издавна засвидетельствованной и ничем не поколебленной и не заподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом…

II. Государственная дума должна быть немедленно Манифестом Государя Императора распущена без указания срока нового ее созыва.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то осадное), со всеми его последствиями…»

Это были предложения крайних правых, на которые император Николай II не пошел, т. к. стремился удержать ситуацию в равновесии, без резких шараханий из крайности в крайность.

Николай II стремился изолировать заговорщиков и изменить ход событий. Он сообщил А.Д. Протопопову о своем намерении немедленно отправиться в Ставку с тем, чтобы обеспечить переброску в столицу необходимых армейских подразделений и принять дисциплинарные меры в связи с поведением генерала Гурко.

Обе силы в своем противостоянии зашли достаточно далеко. Царь стремился опередить заговорщиков, а заговорщики опередить царя. При этом каждая из сил надеялась своим упреждающим выпадом склонить чашу весов в свою сторону и предотвратить революционную вспышку. Разница заключалась в том, что заговорщики и нарастающая революционная волна действовали в одном направлении, а Николай II пытался практически в изоляции противостоять этой разрушительной стихии, особенно опасной в условиях военного времени. Положение Николая II значительно осложнялось произошедшим расколом императорской фамилии Дома Романовых. В данной ситуации наиболее здравые люди понимали, что все это ставило Россию на грань национальной катастрофы.

В конечном итоге в проигрыше оказались и те и другие. Позднее А.И. Гучков с горечью констатировал: «Революция, к сожалению, произошла на две недели слишком рано»258.

Стоит отметить, что царская чета знала об оппозиционных настроениях в определенных кругах общества и даже среди ряда членов императорской фамилии. В частности, многие подстрекательские разговоры доходили до сведения Николая II через охранку. Комментируя подобные события, французский посол в России М. Палеолог записал в дневнике: «Вечером я узнал, что в семье Романовых сильное возбуждение и волнение…». Естественно, Николай II хорошо осознавал, что значит угроза дворцового переворота.

Реальность существования такой угрозы подтверждают публичные выступления А.Ф. Керенского 26 февраля, 7 и 17 марта 1936 г. в аудитории Социального музея на улице Лас-Каз в Париже с докладами: «Можно ли было спасти царскую семью?». Дискуссия по докладам проходила в бурной обстановке: «Я спрашиваю (А. Керенский кричит уже во весь голос), было или не было, что Распутин вершил судьбы России, было или не было, что вел. кн. Кирилл Владимирович устраивал заговоры в армии с целью заточить Государыню в монастырь?..». Давая отчеты по этим докладам, эмигрантское «Возрождение» 19 марта 1936 г. печатало для своих читателей: «А.Ф. Керенский рассказывает, как великие князья Кирилл Владимирович и другие посылали к нему, Керенскому, эмиссаров, спрашивая, не произойдет ли революционного взрыва, если будет произведена революция наверху и Государя заставят отречься».

По свидетельству некоторых очевидцев, наблюдавших Николая II в конце 1916 и начале 1917 г., казалось, будто он предчувствовал великую катастрофу. Он был подобен человеку, который неудержимо и решившись на все, идет навстречу таящейся опасности.

Глава IV

Раскол семейства

В конце 1916 г. Императорский Дом Романовых, насчитывавший 65 человек (после кончины К.Р., титул великого князя на этот момент имели 15), оказался расколотым.

Конфликт назревал давно. Многие члены императорской фамилии имели личные обиды на царскую чету. Прошли времена, когда Александр III жесткой рукой наводил дисциплину в многочисленном «семействе». Стоило в то время одному из них, великому князю Михаилу Михайловичу без «высочайшего дозволения» жениться по любви на графине Софье Мерегберг, как Александр III не только разжаловал его и лишил всех привилегий, но тут же выпроводил за пределы России. Наглядный урок подействовал устрашающе. Когда о таком же браке мечтал, влюбившись в некую царско-сельскую купчиху, великий князь Николай Николаевич, то он обратился к царю с почтительнейшим ходатайством о разрешении на брак. Александр III ответил короткой, но не оставляющей никаких надежд фразой: «Со многими дворами я в родстве, но с Гостиным двором в родстве не был и не буду».

После смерти Александра III великие князья лишились былой дисциплины. Николай II по молодости лет был робок и неприветлив по отношению к своим

дядям и кузенам, бывшим старше его и привыкшим смотреть чуть свысока, и поэтому временами, не оказывавшим ему должного почтения. Хотя иногда он пытался действовать так же, как и его отец. В частности, это проявилось в связи с морганатическими браками великого князя Павла Александровича и родного младшего брата Михаила. Однако вскоре и они были прощены. Молодая царица отмечала в письмах к своим родным, что царя «окружают тесной толпой родичи – великие князья и великие княгини». Она понимала опасность, грозившую императорской фамилии, и, пользуясь своим влиянием на супруга, советовала ему пресечь со всей строгостью злоупотребления своим положением некоторых членов «семейства». Советы ее принимались к исполнению, но по прошествии некоторого времени царь часто уступал требованиям своих родственников, а его супруга уже имела недоброжелателей в их лице.

По установленной традиции, каждый из членов императорской фамилии давал клятву и принимал присягу на верность службы царю и Отечеству, в которой говорилось:

«Я… обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому Государю императору Николаю Александровичу, самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять. Его Императорского Величества Государства и земель его врагов, телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и допущать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание, и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать; от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру надлежит. В чем да поможет мне Господь

Всемогущий. В заключение же сей моей клятвы, целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»259.

Однако, как показали события, не все оказались верными данной присяге.

Группа великих князей, обеспокоенная последствиями грядущей революции, предприняла несколько попыток повлиять на Николая II. Они считали необходимым пойти на частичные реформы и тем самым остановить неумолимый ход событий.

Главным препятствием на пути осуществления этого замысла являлась позиция, которую занимал император. Известно, что в свое время Николай II имел продолжительную беседу с графом Л.Л. Толстым (сын писателя Льва Толстого). В этой беседе царь привел главный аргумент, которого придерживался все свое царствование. Он сказал, что ему лично ничего не нужно, что он хотел бы «покойно жить в своей семье, но что клятва, принесенная им во время коронации, не дает ему права на отречение от неограниченной власти». Однако родственники Николая II считали, что царь пошел бы на уступки «думской оппозиции», если бы не влияние на него супруги Александры Федоровны и всеми ненавидимого Григория Распутина.

Большое влияние Г.Е. Распутина на царскую чету тревожило представителей императорской фамилии, т. к. видели в этом смертельную опасность для монархии. Вчерашний крестьянин, совершивший паломничество в Иерусалим и по многим святым местам России, получивший при императорском дворе официальный титул «зажигателя светильников», в действительности был вершителем многих судеб. Обладая сильной волей и определенным даром внушения, Распутину удалось добиться огромного влияния на Александру Федоровну, уверовавшую в «святую силу» этого человека, способного, по ее убеждению, спасти от болезни единственного и любимого сына царевича Алексея. Имеются многие достоверные свидетельства, что ему удавалось благотворно воздействовать на болезнь и облегчать физические страдания наследника. Так, фрейлина Анна Вырубова описывает один из таких случаев:

«Все знают, что во время постоянных заболеваний Алексея Николаевича их величества всегда обращались к Распутину, веря, что его молитва поможет бедному мальчику. В 1915 году, когда Государь стал во главе армии, он уехал с Ставку, взяв Алексея Николаевича с собой. В расстоянии нескольких часов пути от Царского Села у Алексея Николаевича началось кровоизлияние носом. Доктор Деревенко, который постоянно его сопровождал, старался остановить кровь, но ничего не помогало, и положение становилось настолько грозным, что Деревенко решился просить Государя вернуть поезд обратно, так как Алексей

Николаевич истекает кровью. Какие мучительные часы провела императрица, ожидая их возвращения, так как подобного кровоизлияния больше всего опасались. С огромными предосторожностями перенесли его из поезда. Я видела его, когда он лежал в детской; маленькое, восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревенко возились около него, но кровь не унималась. Федоров сказал мне, что он хочет попробовать последнее средство – это достать какую-то железу из морских свинок. Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила от нее записку с приказанием вызвать Григория Ефимовича [Распутина]. Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, сказав родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось. Государь на следующий день уехал в Ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимали, как это произошло. Но это факт. Поняв душевное состояние родителей, можно понять и отношение их к Распутину: у каждого человека есть свои предрассудки и когда наступали тяжелые минуты в жизни, каждый переживает их по-своему; но самые близкие не хотели понять положения…»260.

Профессор В.Н. Сиротин, лейб-медик Императорского Двора, также свидетельствовал о необычайных гипнотизерских способностях Г.Е. Распутина, об его чародейских возможностях заговаривать кровотечения наследника после тщетных усилий многих врачей.

Григорий Распутин, пользуясь своим положением, часто пророчил царской семье: «Пока я жив, будет жива царская семья. Умру я, и вы уйдете в могилу!»

Жизнь Григория Ефимовича Распутина, фаворита семьи последнего российского императора, всегда была окутана множеством догадок, легенд, сплетен и анекдотических вымыслов. Прежде всего, это касалось его биографии. Даже в 1915 г., когда Тобольская жандармерия заинтересовалась Григорием Ефимовичем, помощник начальника Тобольского губернского жандармского управления в Тюменском, Ялуторовском и Туринском уездах ротмистр В.М. Калмыков в своем секретном донесении назвал приблизительный возраст Распутина – около 38 лет, т. е. с 1877 г. рождения. Однако по архивным документам удалось установить, что Распутин родился 10 января 1869 г. Интересна и история, связанная с его фамилией. В архивах, среди документов Николая II сохранилось прошение Григория Распутина от 15 декабря 1906 г.:

«Ваше Императорское Величество. Проживая в селе Покровском, я ношу фамилию Распутина, в то время как и многие односельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения.

Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу дабы повелено было мне и моему потомству именоваться по фамилии "Распутин Новый".

Вашего Императорского Величества верноподданный

Григорий»261.

Просьба вскоре была удовлетворена. В документах Покровского волостного правления Тобольской губернии (на родине Григория Ефимовича) за 1908 г. есть примечание против фамилии Распутин: «Григорию высочайше разрешено именоваться по фамилии "Распутин Новый". Предписание Тобольской Казенной палаты от 7-го марта 1907 г. за № 9136 в деле № Ц/1907 г.».

Приставка к фамилии появилась при следующих обстоятельствах: когда наследник царевич Алексей впервые увидел «святого», он назвал его «новый», тем самым выделив из круга ему уже знакомых лиц приближенных.

Следует отметить, что в Распутине одновременно уживались две противоположные натуры: одна – праведника, другая – грешника, которые попеременно одерживали верх в его душе. О таких людях в свое время метко заметил известный русский писатель Ф.М. Достоевский, что «никогда вперед не знаешь, в монастырь ли они поступят или деревню сожгут».

Распутин-праведник обращался с проповедями и святым словом не только к царской семье. Известно, что в 1911 г. под фамилией Григорий Распутин-Новый вышла философско-религиозного содержания брошюра «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам».

Николай II записал в своем дневнике 1 ноября 1905 г.: «Познакомились с человеком Божьим – Григорием из Тобольской губ.»262. Многие объективные и достойные люди, впервые соприкасаясь с Распутиным, выносили двоякое впечатление: во-первых, что он, несомненно мужик умный и хитрый, как говорится, «себе на уме», а во-вторых, что обвинение его в пресловутом влиянии – результат дворцовых интриг со стороны тех лиц, которые пытались использовать его для своих корыстных целей.

Надо сказать, что у Распутина не было никаких политических программ. Он просто проповедовал мистическую веру в народного царя как «помазанника Божия». Николай II и Александра Федоровна верили, что в лице одного из «святых» простолюдинов с ними бескорыстно и правдиво говорит истинно русский народ. Распутин никогда не льстил им и часто в глаза говорил колкости, призывая к «смирению» и «укрощению гордыни». Многие слова проповедей «святого друга» были созвучны душевным струнам царской четы. Николай II был убежден в необходимости сохранить верность клятве, которую он дал отцу на его смертном одре, клятву «достойно нести бремя абсолютной монархии».

Зато в Государственной думе Г.Е. Распутин оппозицией был оценен и избран как подходящий элемент для антидинастической пропаганды. Недаром доктор Е.С. Боткин с горечью отмечал: «Если бы не было Распутина, то противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь»263. Во всяком случае, при всем желании найти в советах Распутина что-либо, подсказанное врагами отечества, в чем его обвиняли, было невозможно. Его советы и проповеди призывали только к укреплению строя и блага народа.

В то же время разгульная и распутная жизнь «пророка» вне пределов дворца приобретала все больший скандальный общественный резонанс. В «свете» создавалось устойчивое мнение о воздействии «темных сил» на курс государственной политики. Подливало масло в огонь пьяное хвастовство Распутина, любившего рассказывать собутыльникам по пирушкам о своих близких отношениях с царем и царицей, фамильярно называя их «папа» и «мама». Это еще более придавало черты достоверности грязным пасквилям, посвященным похождениям Распутина, подобным брошюре «Святой черт», написанной по заказу монахом-расстригой Илиодором за границей. В этой книжонке фигурировали телеграммы с указанием номеров и дат, которыми якобы Распутин обменивался с царской семьей. Позднее ЧСК Временного правительства установила, что все эти документы подложные и никогда посылаемыми не были. Но те, кто бывал на фронте, свидетельствовали, что в окопах среди всякой нелегальщины ходила самодельная открытка: Распутин обнимает Николая II и Александру Федоровну. И надпись: «Втроем-то лучше!»

В ноябре 1916 г. в Государственной думе особенно громко звучали обличительные речи против Распутина:

«Откуда все это зло? – спрашивал монархист В.М. Пуришкевич и отвечал: – Я позволю себе здесь, с трибуны Государственной думы, сказать, что все зло идет

от тех темных сил, от тех влияний, которые двигают на места тех или других лиц и заставляют взлетать на высокие посты людей, которые их не могут занимать, от тех влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным!». Он призывал министров собраться с силой и просить царя: «Да не будет Гришка Распутин руководителем внутренней и общественной жизни!». Пуришкевич взывал к депутатам Думы: «Ступайте туда, в Царскую Ставку, киньтесь в ноги Государю и просите царя позволить раскрыть глаза на ужасную действительность, просите избавить Россию от Распутина и распутинцев больших и малых»264.

Подобные речи позволяли многим говорить в простом народе: «Теперь у нас царствует не Николай II Романов, а Григорий I Распутин».

Эту парадоксальную ситуацию критики Распутина одновременно «левыми» и «правыми» ярко обрисовал монархист В.В. Шульгин в своих воспоминаниях. Один его знакомый, «близкий к трону», так характеризовал в ходе их разговора место и роль старца: «Все же, что говорят, будто он влияет на назначения министров, – вздор: дело совсем не в этом… Я Вам говорю, Шульгин, сволочь – мы… И левые и правые. Левые потому, что они пользуются Распутиным, чтобы клеветать, правые, т. е. прохвосты из правых, потому что они, надеясь, что он что-то может сделать, принимают его "каракули"… А в общем плохо…»265.

Многим казалось, что достаточно удалить Распутина от царского дворца, и многие беды минуют Россию. Но на просьбу министра Императорского Двора графа В.Б. Фредерикса прогнать Григория Распутина от себя, царь ответил: "Вы этого вопроса не касайтесь, это мое дело". Если верить некоторым высказываниям великих князей, то Николай II будто бы сознавался, что «по мне лучше десять Распутиных, чем одна истерика Александры Федоровны». Даже обращения с этой же просьбой близких родственников: родной сестры царицы, великой княгини Елизаветы Федоровны и матери Николая II, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, – ни к чему не привели, что послужило еще большим отчуждением в семейных отношениях Дома Романовых.

Страстная речь Пуришкевича увлекла молодого князя Феликса Юсупова, женатого на племяннице царя. Он взял на себя инициативу по устранению «друга семейства» и 20 ноября позвонил Пуришкевичу. Заговорщики обратились за советом о посредничестве к известному адвокату и одному из лидеров кадетской партии В.А. Маклакову, которых ответил: «Вы воображаете, что Распутина будут убивать революционеры? Да разве они не понимают, что Распутин их лучший союзник? Никто не причинил монархии столько вреда, сколько Распутин; они ни за что не станут его убивать».

Князь Ф.Ф. Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович (двоюродный брат Николая II) и В.М. Пуришкевич решаются действовать на свой страх и риск. С помощью добровольных помощников покушение удается, о чем имеются многочисленные свидетельства. Князь Юсупов нелегко переступил черту дозволенного: «Внутренний голос мне говорил: всякое убийство есть преступление и грех, но во имя Родины, самый вредный, подлый, путем дьявольского влияния захвативший власть над Государем и императрицей своею сатанинской силой, должен быть уничтожен… Я твердо верил, что уничтожение Распутина спасет царскую семью, откроет глаза Государю, и он, пробудившись от страшного распутинского гипноза, поведет Россию к победе и счастью»266.

Итак, в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. произошло событие, которое, по своим последствиям, может быть поставлено наравне с думскими речами 1 ноября. В особняке князя Ф.Ф. Юсупова был убит Григорий Распутин. Его заманили туда в гости и, после неудачной попытки отравления, застрелили почти в упор несколькими выстрелами, а тело увезли и спустили в полынью под лед. Преступление во имя блага Родины свершилось, но «злоумышленники» оказались разоблаченными. Следует напомнить, что члены императорской фамилии были подвластны только одному царю, а не закону.

Для Николая II, который спешно вернулся из Ставки по вызову Александры Федоровны в столицу, самым серьезным ударом стал тот факт, что убийство было совершено членами императорской фамилии. По свидетельству А.А. Вырубовой, он повторял: «Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обагрены кровью мужика»267. И почти 50 лет спустя младшая сестра царя великая княгиня Ольга Александровна все еще испытывала презрение и стыд за такой поступок своих родственников: «Не было ничего героического в убийстве Распутина. Оно было преднамеренным, что еще более отвратительно. Стоит только подумать о двух именах, наиболее тесно связанных с убийством, – великого князя, одного из внуков Царя-Освободителя и отпрыска одного из наших великих родов, жена которого являлась дочерью великого князя. Это является доказательством того, как низко мы пали!»268.

Вскоре Феликс Юсупов и Дмитрий Павлович были взяты под домашний арест. Князь Юсупов 17 декабря обратился к императрице Александре Федоровне с письмом, в котором попытался, хитря и лукавя, как-то оправдаться:

«Ваше Императорское Величество.

Спешу исполнить Ваше приказание и сообщить Вам все то, что произошло у меня вечером, дабы пролить свет на то ужасное обвинение, которое на меня возлагают.

По случаю новоселья ночью 16-го декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей, несколько дам. Вел[икий] князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12 [ч.] ко мне протелефонировал Григорий Ефимович [Распутин], приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер и спросил, откуда он мне звонит. Он ответил: “Слишком много хочешь знать” и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много голосов. Вот все что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче.

Вернувшись от телефона к своим гостям, я им рассказал мой разговор по телефону, чем вызвал у них неосторожные замечания. Вы же знаете, Ваше Величество, что имя Григория Ефимовича во многих кругах было весьма непопулярно.

Около 3-х часов у меня начался разъезд и попрощавшись с великим князем и двумя дамами я с другими пошел в свой кабинет. Вдруг мне показалось, что где-то раздался выстрел, я позвонил человека и приказал ему узнать, в чем дело. Он вернулся и сказал: “Слышен был выстрел, но неизвестно откуда”. Тогда я сам пошел во двор и лично спросил дворников и городовых, кто стрелял. Дворники сказали, что пили чай в дворницкой, а городовой сказал, что слышал выстрел, но не знает, кто стрелял. Тогда я пошел домой; велел позвать городового, а сам протелефонировал Дмитрию Павловичу спрося [его], не стрелял ли он.

Он мне ответил след[ующее], что выходя из дома он выстрелил неск[олько] раз в дворовую собаку и что с одной дамой сделался обморок. Когда я ему сказал, что выстрелы произвели сенсацию, что он мне ответил, что этого быть не может, т. к. никого кругом не было.

Я позвал человека и пошел сам на двор и увидел одну из наших дворовых собак убитой у забора. Тогда я приказал человеку зарыть ее в саду.

В 4 часа все разъехались и я вернулся во дворец вел[икого] князя Александра Михайловича, где я живу.

На другой день, т. е. сегодня утром, я узнал об исчезновении Григория Ефимовича, которое ставят [причиной] в связи с моим вечером. Затем мне рассказали, что как будто видели меня у него ночью и что он со мной уехал. Это сущая ложь, т. к. весь вечер я и мои гости не покидали моего дома. Затем мне говорили, что он кому-то сказал, что поедет на днях познакомиться с Ириной. В

этом есть доля правды, т. к. когда я его видел в последний раз, он меня просил познакомить его с Ириной и спрашивал, тут ли она. Я ему сказал, что жена в Крыму, но приезжает 15-го или 16-го декабря. 14-го вечером я получил от Ирины телеграмму, в которой она пишет, что заболела и просит меня приехать вместе с ее братьями, которые выезжают сегодня вечером. Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводят.

Остаюсь глубоко преданным Вашему Величеству

Феликс»269.

Императрица Александра Федоровна передала это письмо министру юстиции. Последующие события доходят до нас в дневниковых записях великого князя Андрея Владимировича: «***21 декабря***. В 5 1/2 ч. у меня собрались: мама-, дядя Павел, Кирилл и Борис, а позже и Сандро. Собрались по инициативе дяди Павла, который хотел нам сообщить следующее: 19 декабря он был у Ники в 11 ч. вечера и спросил, по какому праву Аликс приказала арестовать Дмитрия. На это Ники ответил, что это был его приказ (тут надо отметить несоответствие в показаниях. Ежели бы этот приказ исходил от Ники, он передал бы его прямо Максимовичу. Ежели Аликс получила от Ники телеграмму, она бы так и сказала Максимовичу, а не просила сделать ей лично одолжение, что показал Максимович сегодня кн. Васильчикову. Таким образом, Ники прикрыл Аликс). На просьбу освободить Дмитрия он сказал, что не может ему сейчас дать ответ, но пришлет завтра утром. И действительно, дядя Павел получил от Ники письмо примерно следующего содержания, которое дядя Павел нам прочел: “Отменить домашний арест Дмитрия не могу до окончания следствия. Молю Бога, чтобы Дмитрий вышел из этой истории, куда его завлекла его горячность, чист”. Затем дядя Павел передал про свидание с Дмитрием и как он на образе и портрете матери поклялся ему, что в крови этого человека рук не марал. Цель совещания заключалась в том, посылать ли Ники или нет заготовленный ответ, и прочел письмо, которое мы все одобрили. С приходом Сандро, мы обсуждали, что же будем делать дальше, ежели Ники все же не освободит Дмитрия и поведет следствие до конца. Тогда решили, что дядя Павел снова поедет к Ники и покажет всю опасность создавшегося положения, которое рисуется так. Фактом ареста Дмитрия на всю Россию доказано соучастие Дмитрия в деле убийства Распутина. Т. к. убийство Распутина приветствуется всей Россией, и ликования было много вплоть до гимнов в театрах, целование на улицах и т. д., то, естественно, имя Феликса Юсупова и Дмитрия у всех на устах и они народные герои, освободившие Россию от кошмарной грязи. Чем больше будут преследовать Дмитрия, тем больше его будут возносить, а этим восстановят

против Царского Села всю Россию и армию, которая станет за Дмитрия горою. Это нежелательно, и для прекращения всего дела следует следствие прекратить, дело предать забвению и поставить крест на всем. Но шансы, что так просто и трезво посмотрят на дела мало и вот почему. Протопопов утвержден в должности министра внутренних дел. Макаров уволен и его заместил Н.А. Добровольский в Министерстве юстиции. Трепов подал в отставку. Трепов и Макаров настаивали в Царском Селе на прекращении дела, а Протопопов, наоборот, на продолжении следствия. Между прочим, Трепов просил у Дмитрия разрешение поставить военный караул в его доме, для охраны его от агентов Протопопова, которые хотят Дмитрия убить. Хорошо правительство, где министр-президент принимает меры против министра внутренних дел. При таком составе правительства и взаимоотношений министров между собой (Трепов не видал Протопопова с 19 ноября) вряд ли можно ожидать, что Ники поймет всю опасность создавшегося положения. Протопопов же со своей стороны хочет доказать в Царском Селе, что шайка, убившая Распутина, не кончила своего дела и хочет убить и других лиц повыше. Ежели эта точка зрения восторжествует, то можно ожидать суда над Дмитрием, а это значит бунт открытый. И подымать [его] в такое время. Война, враг грозит, а мы такой бранью заняты. Как не стыдно было подымать шум из-за убийства такого грязного негодяя. Срам на всю Россию. /…/ ***23 декабря 1916 г.*** Я лежал в постели весь день, и чувствовал себя очень плохо. Около 10 ч. вечера, когда я уже засыпал, ко мне по телефону звонит Гавриил и сообщает, что в 2 ч. утра Дмитрия высылают в Персию в отряд генерала Баратова. Он едет с экстренным поездом, в сопровождении генерала Лайминга и флигель-адъютанта графа Кутайсова, который получил личную инструкцию от Государя везти Дмитрия и не давать ему возможности сообщаться с внешним миром: ни телеграфом, ни письменно. Я немедленно позвонил к Кириллу и хотел ехать к нему, но он сказал, что мама-, Dicky и он, сами приедут ко мне сейчас. Я просил и Гавриила приехать, и сам стал быстро одеваться. Скоро все приехали, и надо было решить, что предпринять. Попытаться ли спасти Дмитрия и помешать его отъезду или предоставить событиям идти своей чредой. Решили последнее, но все же мы хотели иметь мнение председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, но он отказался приехать из-за позднего часа, было уже 12 ч., боясь вызвать излишние толки. Затем приехал ко мне и Сандро. Он тоже находил, что в данную минуту ничего нельзя делать. Феликс тоже сослан под охраной в Курскую губернию в свое имение. Затем он передавал нам весь свой разговор с Ники, с Треповым и Протопоповым. Разговор с Ники он вел в духе, как мы решили на совещании с дядей Павлом, что все дело надо прекратить и никого не трогать, в противном случае могут быть крайне нежелательные осложнения. По словам Сандро, он ярко охарактеризовал современное положение и всю

опасность, но ничего не вышло. Сандро просил Ники сразу кончить дело при нем же по телефону, но Ники отказался, ссылаясь, что он не знает, что ответить Аликс, ежели она спросит, о чем они говорили. Сандро предложил сказать, что говорили об авиации, но Ники сказал, что она не поверит, и решил обождать доклада Протопопова, обещав дело все же прекратить. На этом Сандро должен был уехать, не добившись освобождения Феликса. Трепов ничего не мог тоже сделать, и был, по словам Сандро совершенно беспомощный. После этого мы решили ехать немедленно к Дмитрию, проститься с ним, что немедленно и выполнили, оставив мамаи Dicky у меня. Дмитрия мы застали спокойным, но бледным как полотно. Вот как он нам передал, как сам узнал о своей ссылке. Генерал-адъютант Максимович просил Дмитрия приехать к нему, что надо сознаться крайне не корректно. Дмитрий поехал в сопровождении генерала Лайминга и генерал-адъютант Максимович передал ему Высочайшее повеление, которое заключалось в том, что в 2 ч. утра экстренный поезд отвезет его через Кавказ в наш отряд генерала Баратова в Персию, где он будет иметь пребывание. Генерал Баратов получил специальные инструкции. Сопровождать же Дмитрия будет флигель-адъютант граф Кутайсов в виде тюремщика. Когда Дмитрий вернулся, к нему приехал градоначальник Балк и сообщил о времени ухода поезда. В 1 1/2 ч. мы простились с Дмитрием. Тут был Сандро и Мари. Его адъютанта Шаубатова не пустили с ним, и он бедный был в отчаянии. Вернулись мы ко мне. Кирилл завтракал. Мамаи Dicky пили чай. Около 3-х [часов] разъехались»270.

В день отправки Дмитрия Павловича на Персидский фронт, его посетил великий князь Николай Михайлович и сделал следующую запись в своем дневнике: «Только что проводил Дмитрия Павловича; Феликс уехал раньше в Ракитное. Мое почтение, кошмар этих шести дней кончился! А то и сам на старости лет попал бы в убийцы, имея всегда глубочайшее отвращение к убиению ближнего и ко всякой смертной казни. Не могу еще разобраться в психике молодых людей. Безусловно, они невропаты, какие-то эстеты, и все, что они совершили, – хотя очистили воздух, но – полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной, и с Протопоповым. Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убийств, не вполне еще определенные, но логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было. Голова идет кругом, а графиня Н.А. Бобринская, Миша Шаховской меня пугают, возбуждают, умоляют действовать, но как, с кем, – ведь одному немыслимо. С Протопоповым еще возможно поладить, но каким образом обезвредить Александру Федоровну? Задача – почти невыполнимая. Между тем время идет, а с их отъездом и Пуришкевича я других исполнителей не вижу и не знаю. Но, ей-ей, я не из породы эстетов и, еще менее, убийц, надо выбраться на чистый

воздух. Скорее бы на охоту в леса, а здесь, живя в этом возбуждении, я натворю и наговорю глупости»271.

29 декабря 1916 г. во дворце Марии Павловны (старшей) в их защиту было составлено коллективное письмо, которое подписали 16 человек «семейства», как называли себя члены Императорского Дома.

Среди них были представители главных семейных «гнезд» императорской фамилии. Это была семья покойного великого князя Владимира Александровича: его вдова великая княгиня Мария Павловна (старшая), их дети великие князья: Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи; жена Кирилла – великая княгиня Виктория Федоровна.

Письмо было подписано также самым старшим в «семействе» (единственным из оставшихся в живых сыновей Александра II), великим князем Павлом Александровичем и его дочерью великой княгиней Марией Павловной (младшей).

Семейство великого князя Константина Константиновича (старшего; известного поэта К.Р., умершего в 1915 г.) представляли князья императорской крови: Иоанн, Гавриил, Игорь и Константин Константиновичи, жена Иоанна – сербская королевна Елена, а также их мать, великая княгиня Елизавета Маврикиевна.

Представители четвертой группы Романовых, составляли сыновья покойного великого князя Михаила Николаевича. Великие князья Николай и Сергей Михайловичи, поставив подписи, также подтвердили свое участие в оппозиции императору.

Наконец, письмо подписала великая княгиня Ольга Константиновна – королева Эллинов.

Это было грозное предупреждение Николаю II, хотя по форме оно и было весьма лояльным:

«Ваше Императорское Величество,

Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича. Мы знаем, что он болен физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно. Вы, бывший его Опекун и Верховный Попечитель, знаете какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей Родине. Мы умоляем Ваше Императорское

Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском.

Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии, ввиду отсутствия жилищ, эпидемий и других бичей человечества; пребывание там для великого князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели и в сердце Вашего Императорского Величества, верно, проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы были добры как отец.

Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству переменить Свое решение и положить гнев на милость.

Вашего Императорского Величества горячо преданные и сердечно любящие…»272.

Письмо содержало только просьбу смягчить наказание Дмитрию Павловичу, не отправлять его в Персию, а в одно из поместий князя – Усово или Ильинское. Но за этой лояльностью крылось нечто большее. Великие князья давали знать, что они целиком поддерживают свершившееся, оставляя размышлять императору, насколько они пойдут дальше. В петербургских салонах замелькала тень Павла I.

Убийство Распутина отнюдь не улучшило отношений в Императорском Доме, наоборот, углубило разрыв. Но это была только вершина айсберга. Причины раскола лежали гораздо глубже. Так, княгиня З.Н. Юсупова еще в письме от 25 ноября 1916 г. к сыну Феликсу писала с большим раздражением о царской чете: «Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаления управляющего (царя. – *В.Х.*) на все время войны и невмешательство Валидэ (царицы. – *В.Х.*) в государственные вопросы. И теперь, я повторяю, что пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише (М.В. Родзянко. – *В.Х.*) от меня». Вот еще строки из письма супруги председателя Государственной думы А.Н. Родзянко к своей подруге, княгине З.Н. Юсуповой от 1 декабря, т. е. незадолго до убийства Распутина: «Все назначения, перемены, судьбы Думы, мирные переговоры – в руках сумасшедшей немки, Распутина, Вырубовой, Питирима и Протопопова».

Даже великая княгиня Елизавета Федоровна 18 декабря 1916 г. из Москвы направила многозначительную телеграмму:

«Великому князю Дмитрию Павловичу. Петроград.

Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя недолго в Сарове и Дивееве, молясь за вас, всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Элла».

К слухам о заговоре князей очень большое внимание проявляют иностранные дипломаты, участвуя в интригах двора. Так, в дневнике М. Палеолога от 12 января 1917 г. (или 31 декабря 1916 г. по старому стилю) имеется любопытная запись: «Меня уверяют с разных сторон, что позавчера было совершено покушение на императрицу во время обхода госпиталя в Царском Селе и что виновник покушения – офицер – был вчера утром повешен. О мотивах и обстоятельствах этого акта – абсолютная тайна.

Все члены императорской фамилии, в том числе и вдовствующая королева греческая, собравшиеся вчера у великой княгини Марии Павловны, обратились к императору с коллективным письмом.

Это письмо, составленное в самых почтительных выражениях, указывает царю на опасность, которой подвергает Россию и династию его внутренняя политика; оно кончается мольбой о помиловании великого князя Дмитрия, дабы избежать великих опасностей»273.

Как мы видим, слухи переплетались с провокационными вымыслами и реальными событиями, но все они складывались не в пользу царской семьи. Возникла реальная опасность блокирования оппозиции с интригами Императорского Двора и семейными неурядицами Дома Романовых.

В этой ситуации, оказавшись перед единым фронтом всех враждебных сил и рассерженных членов Императорского Дома, Никола II не пошел на решительные меры (подобно Петру I, не остановившемуся для утверждения самодержавия даже перед казнью собственного сына). Родственная кровь не была пролита: великий князь Дмитрий Павлович был сослан для прохождения дальнейший службы в Персию, а Ф.Ф. Юсупов – в ссылку в собственное имение. Это не значило, что император простил убийц.

Характерен нравственный подход в оценке им событий, отраженный в резолюции императора на коллективном письме его родственников. Он писал: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай».

Императрица Мария Федоровна, узнав об убийстве Г.Е. Распутина, 17 декабря 1916 г. записала в дневнике: «Перед самым обедом пронесся слух, что будто бы убит Р[аспутин]. Не могу поверить, что это правда»274. Через день еще одна запись по этому поводу в ее дневнике: «В первой половине дня приехала Ксения, говорили только об этой невероятной истории. Все радуются и превозносят Феликса до небес за его доблестный подвиг во имя Родины. Я же нахожу ужасным, как все это было сделано. Обвиняют сейчас Феликса и Дм[итрия]. Но я не верю ни одному слову. Состояние неприятное. Почва уходит из-под ног…»275. В дневнике имеется еще одна любопытная запись от 31 декабря: «М[аленькая] Мария (дочь великого князя Павла Александровича. – *В.Х.*) прибыла рано утром, передала мне письмо от несч[астного] Пауля (великий князь Павел Александрович. – *В.Х.*). Он в отчаянии от того, что его сына ночью внезапно отправили в Персию, так что он даже не успел ни повидаться с ним, ни благословить его. Скверная история. У меня волосы встали дыбом от ее рассказа. Пауля Ники даже не принял, так как ни на что не может решиться из-за нее, той, которая всех ненавидит и мечтает о мести. Чем же все это закончится?..»276.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, обеспокоенная складывающимися тревожными обстоятельствами, пытаясь урезонить своего старшего сына и сгладить конфликтную ситуацию, писала в письме к нему: «Прости, я уверена, что ты отдаешь себе отчет, как глубоко ты возмутил всю семью своим резким ответом, бросив им ужасное и полностью необоснованное обвинение. Я надеюсь, что смягчишь участь бедного Дмитрия, не отсылая его в Персию… Бедный дядя Павел (отец Дмитрия, великий князь Павел Александрович. – *В.Х.*) написал мне в отчаянии, что он не имел возможности даже попрощаться с сыном… Не подобает тебе вести себя таким образом… Это меня очень расстраивает»277.

Однако рассерженное «семейство» продолжало интриговать и плести сети заговора против Николая II. Особенно этим отличались великий князь Николай Михайлович и великая княгиня Мария Павловна (старшая), поддерживаемая своими тремя сыновьями. Последние являлись по старшинству в роду, после Николая II, цесаревича Алексея и брата царя Михаила, в случае изменения династической ветви, реальными претендентами на трон. Это становилось тем более опасным, что Мария Павловна имела крепкие связи с Государственной думой в лице М.В. Родзянко. Позднее председатель Государственной думы писал в своих воспоминаниях о переговорах с великими князьями:

«На другой день на завтраке у великой княгини я застал ее вместе с ее сыновьями, как будто бы они собрались для семейного совета…

Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове и об императрице. При упоминании ее имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну, что, благодаря ей, создается угроза царю и всей царской фамилии, что такое положение дольше терпеть невозможно, что надо изменить, устранить, уничтожить…

Желая уяснить себе более точно, что она хочет сказать, я спросил:

– То есть как устранить?

– Да я не знаю… Надо что-нибудь предпринять, придумать… Вы сами понимаете… Дума должна что-нибудь сделать… Надо ее уничтожить…

– Кого?

– Императрицу.

– Ваше Высочество, – сказал я, – позвольте мне считать этот наш разговор как бы не бывшим, потому что если вы обращаетесь ко мне, как к председателю Думы, то я по долгу присяги должен сейчас же явиться к Государю императору и доложить ему, что великая княгиня Мария Павловна заявила мне, что надо уничтожить императрицу»278.

Конечно, трудно поверить, что искушенный царедворец Родзянко вспомнил о долге присяги и напомнил в таком тоне о нем великим князьям. Конечно, зная о более жестком курсе императора, репрессиях им предпринимаемых, Родзянко готовил себе алиби, не желая непосредственно подставлять себя под удар в больших семейных передрягах Императорского Дома. Но атмосферу, господствующую в столице, он передает достоверно: «Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию»279. Однако Родзянко этой ответственности на себя не взял. Не желали этого делать ни великокняжеская оппозиция, ни лидеры «Прогрессивного блока». Каждый ждал, надеясь, что это сделают другие. Кадет В.А. Маклаков подчеркивал (по словам посла М. Палеолога), что ни один из великих князей «не осмеливается взять на себя малейшую инициативу и каждый хочет работать исключительно для себя. Они хотели бы, чтобы Дума зажгла порох… В общем итоге они ждут от нас того, что мы ждем от них»280. Всем стало ясно, что после

убийства Распутина ничего не переменилось, как и не прекратились разговоры о «темных силах», только эти силы стали искать уже выше.

Существовало несколько групп, обсуждавших вопрос о подготовке дворцового переворота. Они, вероятно, с целью конспирации не были связаны между собой, хотя и намечали осуществить очень похожие планы. Еще в октябре 1916 г. состоялась беседа, в которой принимали участие П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов, кн. Г.Е. Львов, М.И. Терещенко, С.И. Шидловский и др., всего человек 15. На совещании обсуждался вопрос о смещении Николая II. Заглянули в Свод законов Российской империи, попытались найти статьи, которые предусматривают замену одного монарха другим. Они хотели установить регентство и намечали Совет регентства, обсуждали состав нового правительства. Затем определили руководящую тройку, в которую вошли Гучков, Некрасов и Терещенко281. Намечая план дворцового переворота, заговорщики предполагали устранить Николая II, после чего провозгласить императором цесаревича Алексея, а регентом предполагались две кандидатуры: или великого князя Михаила Александровича, или великого князя Николая Николаевича.

Дело дошло до того, что 1 января 1917 г. представитель Союза городов, тифлисский городской голова А.И. Хатисов, по поручению князя Г.Е. Львова, ездил на Кавказ предлагать великому князю Николаю Николаевичу произвести дворцовый переворот и провозгласить себя царем. После трехдневного пребывания и обсуждения этого предложения, великий князь заявил «посланнику демократии», что, по его мнению, при задуманном низвержении царя, русский крестьянин и армия не станут на сторону заговорщиков, а потому он не считает возможным сделать то, что ему было предложено. Как позднее писал А.И. Хатисов в воспоминаниях: «На этом аудиенция закончилась, и я условленной телеграммой “Госпиталь открыт не будет” уведомил Львова об ответе великого князя»282. Таким образом, как мы видим, измена ходила вокруг трона.

Николай II не стал дожидаться, когда недовольство великих князей перерастет во что-то более грозное, и предпринял превентивные меры. Великому князю Николаю Михайловичу, возмутителю спокойствия в яхт-клубе и политических салонах, было предписано, срочно выехать в его имение Грушевку Херсонской губернии. В ответ Николай Михайлович в час ночи 31 декабря с возмущением записал в своем дневнике: «Готово дело. Только что фельдъегерь мне привез приказание выехать в ссылку в Грушевку. Александра Федоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?! А он что за человек, он мне противен, а я его все-таки люблю, так как он души недурной, сын своего отца и матери,

может быть, люблю по рикошету, но что за подлая душонка! Хорошо встречаю Новый год! Что он нам даст? Ничего хорошего. Иду спать, спать и спать»283.

Великий князь Кирилл Владимирович был срочно командирован с военной инспекцией на Мурман, а его брат великий князь Борис Владимирович с теми же целями на Кавказ. Это возымело свое должное действие, но далеко не на всех членов большого семейства.

Великий князь Андрей Владимирович с беспокойством записал 4 января 1917 г. в своем дневнике: «Не без цели хотят всю семью перессорить, а главное, поссорить с Государем».

Через день еще одна запись: «Вчера вечером Кирилл получил от Ники телеграмму, в которой пишет, что давно хотел послать его на Мурман благодарить моряков от его имени за службу. Таким образом, и он удален из Петрограда, правда, временно и с почетом, но все же удален»284.

Великая княгиня Мария Павловна, прощаясь перед отъездом на лечение в Кисловодск, сказала одному из провожающих ее генералов: «Вас я увижу, так как предполагаю вернуться в Петроград через Симферополь; в Петроград же вернусь только тогда, когда все здесь будет кончено».

Однако великой княгине уже не было суждено еще раз увидеть столицу.

Члены «семейства» Дома Романовых подчинились воле императора, но отнюдь не покорились.

Глава V

«Кругом измена и трусость, и обман»

Существует мнение, что Николай II легко, без борьбы отказался от российского престола, как будто (по крылатому выражению генерал-майора Д.Н. Дубенского) «сдал эскадрон». Так ли было на самом деле? Воспроизведем последовательность событий.

Правительство предпринимало меры на случай ожидаемых революционных выступлений. В январе 1917 г. разработка плана переброски в столицу армейских и полицейских войск была завершена. Николай II, обеспокоенный беседой с министром внутренних дел А.Д. Протопоповым, который выразил тревогу о надежности запасных гвардейских батальонов в Петрограде, вызвал для консультации генерала С.С. Хабалова. После его доклада царь немедленно

отдал приказ начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу В.И. Гурко (генерал М.В. Алексеев был еще болен) возвратить в казармы Петрограда, как будто для отдыха, два гвардейских кавалерийских полка с фронта и полк уральских казаков.

Был ли повод для беспокойства Николая II в эти дни? Да, был! Резко возросло число забастовок. Лидер партии кадетов П.Н. Милюков позднее писал в своих исторических исследованиях об этом периоде времени: «Как бы то ни было, из объективных фактов с бесспорностью вытекает, что подготовка к революционной вспышке деятельно велась – особенно с начала 1917 г. – в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона. Застрельщиками должны были выступить рабочие. Внешним поводом для выступления рабочих на улицу был намечен день предполагавшегося открытия Государственной думы, 14 февраля. Подойдя процессией к Государственной думе, рабочие должны были выставить определенные требования, в том числе и требования ответственного министерства. В одном частном совещании общественных деятелей этот проект обсуждался подробно…»285.

14 февраля после перерыва возобновляла свои заседания Государственная дума. В дневнике Николая II об этом событии нет упоминаний, но за 10 февраля имеются две важные пометки: «В 2 часа приехал Сандро (великий князь Александр Михайлович. – *В.Х.*) и имел при мне в спальне разговор с Аликс». И далее: «До чая принял Родзянко»286.

Николай II имел в эти дни несколько деловых встреч с великими князьями на предмет результатов их командировок по определенным заданиям. Так, Кирилл Владимирович докладывал императору о результатах поездки на Мурман и в Архангельск, Георгий Михайлович сделал обзор о трехмесячной инспекционной поездке по фронтам. То же самое относится и к докладу Павла Александровича – генерала от кавалерии, инспектора войск гвардии.

Иной характер имела 10 февраля встреча в Александровском дворце Царского Села с Александром Михайловичем.

Вот как это событие описывает сам великий князь: «Я вошел бодро. Аликс лежала в постели в белом пеньюаре с кружевами. Ее красивое лицо было серьезно и не предсказывало ничего доброго. Я понял, что подвергнусь нападкам. Это меня огорчило. Я ведь собирался помочь, а не причинять вред. Мне также не понравился вид Ники, сидевшего у широкой постели. В моем письме к Аликс я подчеркнул слова: “Я хочу вас видеть совершенно одну, чтобы говорить с глазу на глаз”. Было тяжело и неловко упрекать себя в том, что она влечет своего мужа в бездну в присутствии его самого.

Я поцеловал ее руку, и ее губы едва прикоснулись к моей щеке. Это было самое холодное приветствие, с которым она когда-либо встречала меня с первого дня нашего знакомства, в 1893 году. Я взял стул, придвинул его близко к кровати и сел против стены, покрытой бесчисленными иконами и освещенной голубыми и красными лампадами.

Я начал с того, что, показав на иконы, сказал, что буду говорить с Аликс, как на духу. Я кратко обрисовал общее политическое положение, подчеркивая тот факт, что революционная пропаганда проникла в гущу населения и что все клеветы, и сплетни принимались им за правду. Она резко перебила меня:

– Это неправда! Народ по-прежнему предан царю. (Она повернулась к Ники.) Только предатели в Думе и в петроградском обществе мои и его враги. Я согласился, что она отчасти права.

– Нет ничего опаснее полуправды, Аликс, – сказал я, глядя ей прямо в лицо. – Нация верна царю, но нация негодует по поводу того влияния, которым пользовался Распутин. Никто лучше меня не знает, как вы любите Ники, но все же я должен признать, что ваше вмешательство в дела управления приносит престижу Ники и народному представлению о самодержце вред. В течение двадцати четырех лет, Аликс, я был вашим верным другом. Я и теперь ваш верный друг, но на правах такового я хочу, чтобы вы поняли, что все классы населения России настроены к вашей политике враждебно. У вас чудная семья. Почему же вам не сосредоточить ваши заботы на том, что дает вашей душе мир и гармонию? Предоставьте вашему супругу государственные дела!

Она вспыхнула и взглянула на Ники. Он промолчал и продолжал курить.

Я продолжал. Я объяснил, что каким бы я ни был врагом парламентарных форм правления в России, я был убежден, что если бы Государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для Государственной думы, то этот поступок уменьшил бы ответственность Ники и облегчил его задачу.

– Ради Бога, Аликс, пусть ваши чувства раздражения против Государственной думы не преобладают над здравым смыслом. Коренное изменение политики смягчило бы народный гнев. Не давайте этому гневу взорваться.

Она презрительно улыбнулась.

– Все, что вы говорите, смешно! Ники – самодержец! Как может он делить с кем бы то ни было Божественные права?

– Вы ошибаетесь, Аликс. Ваш супруг перестал быть самодержцем 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать о его “Божественных правах”. Теперь это – увы – слишком поздно! Может быть, через два месяца в России не останется камня на камне, что бы напоминало нам о самодержцах, сидевших на троне наших предков.

Она ответила как-то неопределенно и вдруг возвысила голос. Я последовал ее примеру. Мне казалось, что я должен изменить свою манеру говорить.

– Не забывайте, Аликс, что я молчал тридцать месяцев! – кричал я в страшном гневе. – Я не проронил в течение тридцати месяцев ни слова о том, что творилось в составе нашего правительства или, вернее говоря, вашего правительства. Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас! Разве все мы должны страдать за ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собою ваших родственников в пропасть.

– Я отказываюсь продолжать этот спор, – холодно сказала она. – Вы преувеличиваете опасность. Когда вы будете менее возбуждены, вы сознаете, что я была права.

Я встал, поцеловал ее руку, причем в ответ не получил обычного поцелуя, и вышел. Больше я никогда не видел Аликс»287.

У царя в этот же день была еще одна встреча, обычная перед открытием Думы, с председателем ее М.В. Родзянко, который всё добивался ответственного министерства. В своих воспоминаниях Родзянко позднее указывал:

«Необычайная холодность, с которой я был принят, показала, что я не мог даже, как обыкновенно, в свободном разговоре излагать свои доводы, а стал читать написанный доклад. Отношение Государя было не только равнодушное, но даже резкое. Во время чтения доклада, который касался плохого продовольствия армии и городов, передачи пулеметов полиции и общего политического положения, Государь был рассеян и, наконец, прервал меня:

– Нельзя ли поторопиться? – заметил он резко. – Меня ждет великий князь Михаил Александрович…

По поводу передачи пулеметов царь равнодушно заметил:

– Странно, я об этом ничего не слыхал… А когда я заговорил о Протопопове, он раздраженно спросил:

– Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе… Почему же теперь он вам не нравится? Я ответил, что с тех пор, как Протопопов стал министром, он положительно сошел с ума… При упоминании об угрожающем настроении в стране и возможности революции царь прервал:

– Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как в прошлый раз, то она будет распущена. Приходилось кончать доклад:

– Я считаю своим долгом, Государь, высказать вам мое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас последний. – Почему? – спросил царь.

– Потому что Дума будет распущена, а направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго… Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, по-видимому, не будет. Вы, Ваше Величество, со мной не согласны, и все останется по-старому. Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит.

Государь ничего не ответил и очень сухо простился»288.

Как видим, позиции сторон не изменились. Противостояние продолжалось. Срок полномочий Думы приближался к завершению. Впереди маячили выборы, и депутаты стремились набрать политические очки борцов за интересы демократии и народа. Жена Родзянко, передавая в письме к княгине З.Н. Юсуповой впечатления своего мужа от последнего разговора с Николаем II, писала: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что не одна Александра Федоровна виновата во всем. Он как русский царь еще более преступен».

В январе в Петрограде, как и во всей стране, резко возрос размах беспорядков среди рабочих. Так, если в 1916 г. по всей России прошло 243 политических забастовки, то за первые два месяца 1917-го их число составило 1140.

31 января оппозиционная Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, которую возглавлял А.И. Гучков, была арестована, и ей было предъявлено обвинение в участии в «преступной организации, стремящейся к свержению существующего государственного строя». Это был первый предостерегающий звонок со стороны царских властей. Лидеры оппозиции почувствовали критический момент политического равновесия и опасность за свое дальнейшее благополучие.

В Петроград с докладом к императору прибыл генерал В.И. Гурко. Свидетелем этой встречи была княгиня Е.А. Нарышкина, которая записала 8 февраля в дневнике: «Император принял генерала, приехавшего из армии. Разговор: Какое впечатление на вас произвел Петроград? Много толков, но, к несчастью, среди разговоров много верного. Следовало бы жить в мире с Думой и отставить Протопопова. Император горячо воскликнул: “Никакой возможности жить в мире с Думой, я сам виноват, я их слишком распустил. Мои министры мне не помогали. Протопопов один мне поможет сжать их в кулак (показал сжатый кулак)”. Резко отпустил, не владея собой. Обедала у Бенкендорфов. Из чужих никого. У нас опасения насчет Думы»289.

8 февраля по личному приказу Николая II Петроградский военный округ был выделен из Северного фронта, и командующий округом генерал Хабалов получил широкие полномочия. Гарнизон Петрограда состоял из почти 200 тысяч недавно призванных и необученных солдат, ожидавших отправления на фронт. Оказавшись во главе Петроградского военного округа, 59-летний генерал С.С. Хабалов практически солдат не знал и данной должности не соответствовал. Почти всю свою жизнь, начиная с 1900 г., он был преподавателем, инспектором и начальником военных училищ. Император знал об этом, но во время войны было сложно с боевыми военачальниками. На эту ответственную должность предполагалось выдвижение генерала К.Н. Хагондокова (участника подавления восстания в Маньчжурии), но императрица Александра Федоровна, както услышав, что он неосмотрительно отозвался о Распутине, заявила, что «лицо у него очень хитрое». Назначение его так и не состоялось.

По Петрограду стали быстро распространяться слухи, будто Царское Село уже приняло решение расправиться с Государственной думой. Слухи все с каждым днем разрастались, вызывая всеобщее беспокойство. Открытие сессии Государственной думы и обстановку, господствующую на ней, красочно передает в своих воспоминаниях А.Ф. Керенский. Он писал:

«Когда 14 февраля открылось заседание Думы, в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной, близившемся к своей высшей точке. Милюков заявил, что, по его мнению, страна далеко опередила свое правительство. Но мысль и воля народа способны выразить себя только через узкие щели, которые оставляет мертвая бюрократическая машина…

Отвечая на замечание Милюкова относительно “мертвой бюрократической машины”, я сказал то, о чем думали, но не рисковали говорить открыто депутаты Думы. И заявил, что ответственность за происходящее лежит не на

бюрократии и даже не на “темных силах”, а на короне. Корень зла, сказал я, кроется в тех, кто сейчас сидит на троне. Обращаясь к членам Прогрессивного блока, я продолжал:

“Нам говорят: правительство виновато, правительственные люди, которые как “тени” приходят и уходят с этих мест. Но поставили ли вы себе вопрос, наконец, во всю ширь и всю глубину, кто же те, кто приводит сюда эти “тени”? И если вы вспомните, как много здесь говорилось о “темных силах”… и вот эти “темные силы” исчезли! Исчез Распутин! Что же, мы вступили в новую эпоху русской жизни? Изменилась ли система? Нет, не изменилась, она целиком осталась прежней…

Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало, героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и которые этого хотят? Как сочетать это ваше убеждение, если оно есть, с тем, что отсюда подчеркивается, что вы хотите бороться только “законными средствами”?! (В этом месте Милюков перебил меня, указав, что такое выражение является оскорблением Думы.) Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в орудие издевательства над народом?.. С нарушителями закона есть только один путь – физического их устранения”.

Председательствующий в этом месте спросил, что я имею в виду. Я ответил: “Я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима”. Председатель Думы позднее распорядился об исключении из стенографического отчета этого моего заявления, оправдывающего свержения тиранов. Когда мои слова передали царице, она воскликнула: “Керенского следует повесить!” На следующий день или, быть может, днем позже Председатель Думы получил от министра юстиции официальное заявление с требованием лишить меня парламентской неприкосновенности для привлечения к судебной ответственности за совершение тяжкого преступления против государства. Получив эту ноту, Родзянко тотчас пригласил меня в свой кабинет и, зачитав ее, сказал: “Не волнуйтесь. Дума никогда не выдаст вас…”»290.

Положение дел обострялось, оппозиция начала сжигать мосты.

До М.В. Родзянко дошли сведения, что царь созывал некоторых министров во главе с главой правительства князем Н.Д. Голицыным. На данном совещании обсуждался вопрос о последствиях возможного решения о даровании ответственного министерства. Возможно, Николай II желал показать министрам, что над ними был тоже занесен «дамоклов меч», чтобы подтолкнуть

их на решительные меры. А может быть, просто зондировал их общий настрой к обострившейся политической ситуации. Совещание показало, что князь Голицын был доволен таким возможным поворотом дела, который снял бы с него непосильную ношу. Но вечером 20 февраля его снова вызвали в Царское Село. Николай II сообщил ему, что он уезжает на короткое время в Ставку. Когда князь Голицын напомнил царю, что тот собирался ехать в Думу и говорить о даровании «ответственного министерства», то Николай II спокойно ответил, что он изменил свое решение.

Что вызвало такое резкое изменение решения? Можно только догадываться. Известно, что 23 февраля в Ставку вернулся после продолжительной болезни начальник штаба генерал М.В. Алексеев. Бывшая фрейлина С.К. Буксгевден позднее делилась воспоминаниями: «Я находилась возле императрицы в тот момент, когда император пришел к ней с телеграммой в руке. Он попросил меня остаться и сказал императрице: “Генерал Алексеев настаивает на моем приезде. Не представляю, что там могло случиться такого, что потребовалось мое обязательное присутствие. Я съезжу и проверю лично. Я не задержусь там дольше, чем на неделю, так как мне следует быть сейчас именно здесь”»291. Великий князь Михаил Александрович передал в разговоре с братом в Александровском дворце Царского Села, что в Ставке выражают неудовольствие его длительным отсутствием. Возможно, Николай II еще раз решил взвесить все аргументы и прояснить до конца обстановку, прежде чем принимать такой ответственный шаг. По этому поводу есть любопытные рассуждения в воспоминаниях жандармского генерала А.И. Спиридовича: «Горячая кампания, поднятая против проектов Маклакова и Протопопова, возымела успех. Когда 11 февраля Маклаков лично привез Государю проект манифеста о роспуске Государственной думы, тот принял его, но заметил, что вопрос надо обсудить всесторонне. Изменение отношения Государя к Думе было так очевидно, что все говорили, будто император намерен приехать на открытие Государственной думы, чтобы объявить о даровании ответственного министерства. Говорили, что слухи шли от премьера князя Голицына. Вопрос о комбинации правительства – Маклаков и Протопопов – заглох совершенно»292. Здесь стоит пояснить, что бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков советовал императору сосредоточить все силы на борьбе с внутренним врагом, «который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»293.

Накануне отъезда в Могилев, как видно из дневника Николая II, поздно вечером он принял министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Известно, что он сообщил Протопопову, что генерал Гурко вместо полков личной гвардии, о направлении которых в Петроград он распорядился, послал туда только

морскую гвардию. Моряками командует великий князь Кирилл Владимирович, который вызывал определенные опасения. Царь собирался осуществить намеченную переброску верных войск в столицу. Перед тем как покинуть Петроград, Николай II подписал указы Сената, как об отсрочке, так и о роспуске Думы, не поставив на обоих документах даты, и вручил их на непредвиденный случай князю Н.Д. Голицыну. Протопопов просил царя не задерживаться в Ставке без крайней необходимости и заручился его обещанием возвратиться не позднее чем через восемь дней.

Таким образом, проведя 66 дней в столице, выслушав все стороны, оставив за собой бунтующую Думу и заболевших корью детей, царь выехал в Ставку.

Несмотря на нарастающий размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступление войск против правительства невозможным, во всяком случае, до окончания войны. В этом убеждали царскую семью командующий Петроградским военным округом генерал С.С. Хабалов и министр внутренних дел А.Д. Протопопов. Николай II в 14 часов 22-го февраля выехал из Царского Села в Ставку (Могилев). Чуть позднее, в связи с обострением политического положения в стране, он принял решение о перерыве заседаний Государственной думы. Первые сообщения из Петрограда о стачках и беспорядках были оценены императором как бунтарская вспышка голодного люда и проявление неудовольствия в связи с перерывом заседаний Думы. Когда в Ставку пришла тревожная телеграмма председателя Государственной думы М.В. Родзянко о начале революции, Николай II (по некоторым свидетельствам) сказал министру Императорского Двора графу В.Б. Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»294.

Тем не менее вечером 25 февраля Хабалов и Протопопов получили от царя из Ставки телеграфное предписание: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии. Николай»295.

В Петрограде власти проявили растерянность. Так, позднее, 22 марта 1917 г. на допросе в ЧСК генерал С.С. Хабалов признавался: «Эта телеграмма, как бы вам сказать? – быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом… Как прекратить завтра же? Сказано: “завтра же”… Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало… Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: “хлеба дать”, дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись “долой самодержавие”, – какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? – Царь

велел: стрелять надо… Я убит был – положительно убит! – По тому, что я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату…»296.

В депешах военных властей Петрограда не сообщалось об истинных причинах, послуживших толчком к революционному взрыву, что в конечном итоге привело к государственному перевороту. Князь Владимир Андреевич Оболенский, принадлежавший к радикальному крылу кадетов, анализируя эти события, писал: «Вспыхнувшая в конце февраля 1917 года революция не была неожиданностью. Она казалась неизбежной. Но никто не представлял себе – как именно она произойдет и что послужит поводом для нее… Революция началась с бунта продовольственных “хвостов”, а этот бунт вспыхнул потому, что министр земледелия Риттих, заведовавший продовольствием Петербурга, испугавшись уменьшения подвоза хлеба в столицу, отдал распоряжение отпускать пекарням муку в ограниченном размере по расчету 1 фунта печеного хлеба в день на человека. Ввиду сокращения хлебных запасов эта мера была вполне разумной, но лишь при одновременном введении системы хлебных карточек… Все были уверены, что начавшийся в Петербурге бунт будет жестко подавлен… 26 февраля Керенский был уверен в том, что не сегодня завтра его арестуют… Но этот ряд стихийно-хаотических действий создал перелом в истории России, перелом, называемый Февральской революцией. На следующий день открылась новая страница русской истории»297.

Такого же мнения был В.Д. Набоков: «Происходившее нам казалось довольно грозным… Тем не менее еще 26-го вечером мы были далеки от мысли, что ближайшие два-три дня принесут с собою такие колоссальные, решающие события всемирно-исторического значения».

Обстановку в Петрограде, в стенах Государственной думы передают многие ее члены в своих воспоминаниях. С утра 27 февраля в здании Государственной думы собралось много депутатов. Так как газет с 26 февраля не было, большинство еще не слышало о перерыве сессии. Начались частные совещания. Никто не знал в точности, что происходит: говорили о солдатских бунтах. Настроение было подавленное. «Словесная борьба кончилась… – отмечает В.В. Шульгин. – Она не предотвратила революции… А, может быть, даже ее ускорила»298.

Совещание депутатов признало, что Государственная дума, ввиду перерыва сессии, заседать не может, но решено было пока не расходиться и ждать событий. Был образован «Временный Комитет» из представителей фракций блока и крайних левых. В это время толпа, достигшая Таврического дворца, ворвалась во двор и проникла внутрь здания. «С первого же мгновения этого

потопа отвращение залило мою душу… Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе…» – пишет В.В. Шульгин и далее констатирует: «С этой минуты Государственная дума, собственно говоря, перестала существовать»299.

Но если Государственная дума уже 27 февраля перестала существовать, как реальная величина, – ее имя оказалось весьма сильным орудием в руках революционных сил. От имени Временного Комитета по всей стране рассылались телеграммы, изображавшие положение в совершенно искаженном виде300.

У царского правительства был солидный опыт по подавлению революционных выступлений. Однако то, что происходило теперь, выходило за пределы накопленного опыта. Как в свое время метко заметил Бернард Шоу: «Единственный урок, который человечество может извлечь из истории, это то, что оно никаких уроков из нее не извлекает». События развивались по туго закрученной спирали. Революция в Петрограде началась 23 февраля. В шифрованной телеграмме А.Д. Протопопова в Ставку дворцовому коменданту В.Н. Воейкову для императора от 25 февраля сообщалось совершенно секретно: «Внезапно распространившиеся [в] Петрограде слухи [о] предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба взрослым по фунту малолетним [в] половинном размере вызвали усиленную закупку публикой хлеба очевидно в запас почему части населения хлеба не хватило точка. На этой почве двадцать третьего февраля вспыхнула [в] столице забастовка сопровождающаяся уличными беспорядками точка Первый день бастовало около 90 тысяч рабочих второй до 160 тысяч сегодня 200 тысяч точка Уличные беспорядки выражаются [в] демонстративных шествиях частью [с] красным флагом разгромом [в] некоторых пунктах лавок частичном прекращении забастовщиками трамвайного движения [в] столкновениях [с] полицией точка 23 февраля ранены два помощника пристава сегодня утром [на] Выборгской стороне толпой снят [с] лошади избит полицмейстер полковник Шалфеев ввиду чего полицией произведено несколько выстрелов [в] направлении толпы оттуда последовали ответные выстрелы точка Сегодня днем более серьезные беспорядки происходили около памятника императору Александру III и на Знаменской площади где убит пристав Крылов точка Движение носит неорганизованный стихийный характер наряду [с] эксцессами противоправительственного свойства бунтующих местами приветствуют войска точка Прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством точка [В] Москве спокойно»301. Похожей по содержанию в этот же день пришло телеграфное сообщение в Ставку (Могилев) от петроградских военных властей: «Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие

недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении беспорядков, кроме петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска, и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка. № 486 / сек. Хабалов»302. Это сообщение доложили Николаю II на следующий день, т. е. 26 февраля, очевидно, считая, что не следует беспокоить императора незначительными происшествиями.

Интересна реакция императрицы Александры Федоровны на события в Петрограде, о которых 25 февраля она сообщала супругу: «Устала после приемов, разговаривала с Апраксиным и Бойсманом. Последний говорит, что здесь необходимо иметь настоящий кавалерийский полк, который сразу установил бы порядок, а не запасных, состоящих из петербургского люда. Гурко не хочет держать здесь твоих улан, а Гротен говорит, что они вполне могли бы разместиться.

Бойсман предлагает, чтобы Хабалов взял военные пекарни и пек немедленно хлеб, так как, по словам Бойсмана, здесь достаточно муки. Некоторые булочные также забастовали. Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже. Я велела Бойсману обратиться к Калинину (домашнее прозвище А.Д. Протопопова. – *В.Х.*) и сказать ему, чтоб он поговорил с Хабаловым насчет военных пекарен. Завтра воскресенье, и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризуют все фабрики – тогда не будет беспорядков. Забастовщикам прямо надо сказать, чтоб они не устраивали стачек, иначе их будут посылать на фронт или строго наказывать. Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос может свести с ума. Прости за унылое письмо, но кругом столько докуки.

Целую и благословляю.

Навеки твоя старая Женушка.

Никто не чувствует себя особенно плохо. Аня [Вырубова] кашляет и страдает больше всех. Все целуют тебя 1000 раз»303.

26 февраля А.Д. Протопопов направляет еще одно секретное сообщение в Могилев для императора:

«Сегодня порядок в городе не нарушался до четырех (зачеркнуто: до трех. – *В.Х.*) часов дня, когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, не подчинявшаяся требованию разойтись. Ввиду сего возле Городской думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там сборище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечениях Невского [с] Владимирским проспектом и Садовой улицей, причем [во] всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска каменья, комьями сколотого [на] улицах льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть [к] стрельбе боевыми патронами по толпе, [в] результате чего оказались убитые, раненые, большую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. [В] начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разъезды. Охранным отделением арестованы запрещенное собрание 30 посторонних лиц [в] помещении группы Центрального военного комитета и 136 человек партийных деятелей, а также революционный руководящий комитет из пяти лиц. [По] моему соглашению [с] командующим войсками контроль [за] распределением выпечного хлеба [и] также учетом использования муки возлагается на заведующего продовольствием империи Ковалевского. Надеюсь, будет польза. Около шести часов вечера четвертая рота Павловского полка, возмущенная участием учебной команды того же полка [в] подавлении беспорядков, самовольно вышла с оружием под командой унтер-офицера навстречу учебной команде, желая с ней расправиться, но, встретив разъезд конных городовых, открыла по нему огонь, причем один городовой убит, другой ранен. Затем эта рота возвратилась [в] свои казармы, куда явился батальонный командир полковник Экстерн, который был ранен. По сему поводу производится расследование военными властями. Рота усмирена вызванными Преображенцами. Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить [к] работам. [В] Москве спокойно. МВД. Протопопов»304.

По Петрограду революционеры раскидывали листовки с призывом свержения монархии:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Братья солдаты!

Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода, ранее обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев.

Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному и гибнущему народу и конец братоубийственной и бессмысленной бойне.

Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!»305.

Только 27-го власти сообщили в Ставку царю о своей неспособности контролировать ситуацию и запросили помощи с фронта. Так, в телеграмме военного министра генерала Беляева, отправленной в Ставку 27 февраля в 19 часов 22 минуты, говорилось: «Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города. Беляев»306.

Через 7 минут вдогонку первой пошла еще одна депеша: «Совет Министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. Ввиду проявленной генералом Хабаловым растерянности, назначил в помощь ему генерала Занкевича, так как генерал Чебыкин отсутствует. Беляев»307.

В Ставку по-прежнему шли тревожные телеграммы. 27 февраля в 12 часов 40 минут Родзянко сообщил в Ставку Николаю II: «Занятия Государственной думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите

немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии, неминуемо. От имени всей России, прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной думы Родзянко»308.

Однако Николай II по-прежнему не намерен был уступать Думе. Поздно вечером 27 февраля 1917 г. в 22 часа 30 минут в разговор со Ставкой по прямому проводу включается великий князь Михаил Александрович, пытаясь предупредить столкновение противоборствующих лагерей и избежать кровопролития:

«– У аппарата великий князь Михаил Александрович. Прошу вас (т. е. генерала Алексеева. – *В.Х.*) доложить от моего имени Государю императору нижеследующее: для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета Министров, что подтвердил мне и князь Голицын. В случае увольнения кабинета, необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, отмеченном доверием Вашего Императорского Величества и пользующимся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета Министров, ответственного единственно перед Вашим Императорским Величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. Ввиду чрезвычайно серьезного положения не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего Вашего Императорского Величества имени, причем, с своей стороны, полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог быть князь Львов. Генерал-адъютант Михаил.

– Сейчас доложу Его Императорскому Величеству телеграмму Вашего Императорского Высочества. Завтра Государь император выезжает в Царское Село. Позволю себе доложить, что если последует сейчас какоелибо повеление Государя императора, то я немедленно телеграфирую Его Вашему Императорскому Высочеству. Генерал Алексеев.

– Я буду ожидать ваш ответ в доме военного министра и прошу вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить Его Императорскому Величеству, что, по моему убеждению, приезд Государя императора в Царское

Село, может быть, желательно отложить на несколько дней. Генерал-адъютант Михаил».

Николай II не захотел лично ответить брату. Михаилу было сообщено:

«– У аппарата Его Императорское Высочество великий князь Михаил Александрович? Государь император повелел мне от его имени благодарить Ваше Императорское Высочество и доложить вам следующее. Первое. Ввиду чрезвычайных обстоятельств Государь император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиною часа дня. Второе. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, Его Императорское Величество отлагает до времени своего приезда в Царское Село. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собой надежный батальон. Третье. С завтрашнего числа с Северного и Западного фронтов начнут отправляться в Петроград, из наиболее надежных частей, четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личною просьбою о том, чтобы высказанные Вашим Императорским Высочеством мысли в предшествовавшем сообщении вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах его императорскому величеству как относительно замены современных деятелей Совета Министров, так и относительно способа выбора нового Совета и да поможет Вашему Императорскому Высочеству Господь Бог в этом важном деле. Генерал Алексеев.

Со своей стороны сообщаю лично вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращения его величества, так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час.

– Благодарю вас, Михаил Васильевич, за принятый на себя труд. Желаю вам полного успеха. Генерал-адъютант Михаил.

– Завтра при утреннем докладе еще раз доложу Его Императорскому Величеству желательность теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаграждено. Желаю здоровья Вашему Императорскому Высочеству и успеха в той помощи, которую вы желаете оказать Государю императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба и дальнейшего хода войны и жизни государства. Генерал Алексеев»309.

Уже через час после этого разговора царь направил в Петроград председателю Совета Министров Голицыну следующую телеграмму:

«О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. Николай»310.

Как видим, позиция императора не изменилась, курс остался прежним. По распоряжению Николая II в ночь на 28 февраля в столицу направляются верные царю войска под командованием генерала Н.И. Иванова. С фронта было снято несколько кавалерийских полков.

За внешним кажущимся спокойствием Николая II скрывалось огромное душевное переживание и напряжение. Необходимо было определенно решить оставаться в Ставке, имея под рукой связь и управление войсками, но в то же время в опасности оставалась в Царском Селе семья. В своем письме из Ставки Николай II писал Александре Федоровне 26 февраля: «Вчера вечером был в церкви. Старуха, мать архиерея, благодарила за деньги, которые мы пожертвовали. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся 1/2 часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом Преч. Девы.

Если это случится еще раз, скажу об этом Федорову. Я надеюсь, что Хабалов сумеет остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову!»311.

В Царское Село выезжает и сам царь. В эти дни в своем дневнике он записал: «**27-го февраля**. Понедельник. В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское] С[ело] поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28-го февраля. Вторник. Лег спать в 3 1/4, т. к. долго говорил с Н.И. Ивановым, кот[орого] посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехал Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час»312.

Тактику жестких мер против революционных выступлений разделяла и императрица Александра Федоровна: «Если мы хоть на йоту уступим, завтра не будет ни Государя, ни России, ничего!.. Надо быть твердыми и показать, что мы господа положения»313.

В непримиримой схватке столкнулись силы, требовавшие более или менее радикальных общественных перемен, и силы, попытавшиеся сохранить самодержавную систему. Страна раскалывалась на лагеря. Видя это, Е.А. Нарышкина констатировала: «Император думает и работает только для своей неограниченной власти. Увы, увы – у него в будущем отнимут гораздо больше, чем он должен был бы отдать добровольно, обеспечив себе популярность и любовь своего народа…»314

Накануне, 1 марта, Временный комитет Государственной думы решил послать в Бологое для свидания и переговоров с императором Николаем II делегацию из трех лиц. Ехать должны были председатель Думы М.В. Родзянко и ее члены октябрист С.И. Шидловский и меньшевик Н.С. Чхеидзе. Член Думы октябрист Савич спросил Родзянко, есть ли гарантия того, что делегация вернется благополучно в Петроград, и ее не арестуют в Бологом. Впоследствии Н.В. Савич делился воспоминаниями об этом эпизоде: «Эти слова произвели потрясающее впечатление, видимо, об этой возможности не подумали, не предвидели решительно ничего. По крайней мере, Родзянко долго и внимательно смотрел на меня и вдруг сказал: “Он прав, мне, как председателю Временного комитета, нельзя туда ехать”. Затем он решительно отказался от поездки, несмотря на настроения некоторых членов Временного комитета, после этого отказался ехать Шидловский, а затем и Чхеидзе. Словом, от делегации ничего не осталось»315.

Другой депутат Государственной думы В.В. Шульгин, который недавно ратовал за перемены в стране, в это время думал о другом: «Если подавить бунт можно, то и слава Богу. Это сделают не только без нас, но и против нас… Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50 000 “февралистов”, то это будет за дешево купленное спасение России»316.

Обстановка в стране за несколько часов круто изменилась не в пользу самодержавия. Вооруженная борьба с революцией требовала дополнительных сил и энергичных действий. Это понимал и Николай II, в силу обстоятельств оказавшись в Пскове, где сделал запись в дневнике:

«**1-го марта**. Среда. Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского… Гатчина и Луга тоже оказались

занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события. Помоги нам Господь!»317.

Дневник свидетельствует, что на Николая Александровича легли не только заботы о судьбе России и династии, но и тревога за благополучие семьи. Когда он уезжал из Царского Села, то один за другим тяжело заболели корью сын и дочери, что накладывало дополнительную гнетущую печать на его душевное состояние. А впереди предстояла серьезная политическая борьба.

Николай II, которому восставший народ и революционные части фактически закрыли путь на Петроград и вынудили направиться в Псков, где находился штаб Северного фронта, пытается добиться решения поставленной задачи, поменяв тактику. Политический компромисс, уступка оппозиции в принятии решения о создании ответственного министерства (перед Государственной думой) – даются императору в нелегкой борьбе с самим собой. Так, генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» вспоминал: «Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; Государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему Указ об ответственном министерстве. “Я знал, что этот компромисс запоздал, – рассказывал Рузский… – но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от исполнительного комитета Государственной думы, предложил переговорить с Родзянко”»318.

В это время генерал М.В. Алексеев, взяв на себя ответственность, информирует командующих фронтами о происходивших событиях в Петрограде и Ставке. В частности, он обращается с посланием к генералу Иванову в Царское Село, что в какой-то степени дезориентировало его действия против мятежников (поступило во дворец 1 марта в 1 час 15 минут): «Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко, заседая в Государственной думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового

министра путей сообщения Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к успешной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. Алексеев»319.

Текст этой телеграммы был сообщен также генералам: Рузскому, Брусилову, Эверту и др.

1 марта 1917 года в 5 часов 51 минуту Родзянко извещал генерала Алексеева следующей телеграммой: «Временный Комитет членов Государственной думы сообщает вашему высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной думы. Родзянко».

В Пскове Николай II оказался в изоляции и фактически оппозицией ему был предъявлен ультиматум.

А.И. Деникин в «Очерках…» пишет:

«Утром 2-го [марта] Рузский представил Государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан…»320. Между тем из Петрограда в Псков выехали к царю посланцы Думы Гучков и Шульгин.

П. Жильяр в своих воспоминаниях указывал:

«Ответ Думы ставил перед царем выбор: отречение или попытка идти на Петроград с войсками, которые оставались ему верны; но это была бы гражданская война в присутствии неприятеля… У Николая II не было колебаний… он передал генералу Рузскому телеграмму с уведомлением о своем намерении отречься от престола в пользу сына.

Несколько часов спустя Государь приказал позвать к себе в вагон профессора Федорова и сказал ему: “Сергей Петрович, ответьте мне откровенно, болезнь Алексея неизлечима?”

Профессор Федоров, отдавая себе отчет во всем значении того, что ему предстояло сказать, ответил: “Государь, наука говорит нам, что эта болезнь неизлечима. Бывают, однако, случаи, когда лицо, одержимое ею, достигает почтенного возраста. Но Алексей Николаевич тем не менее во власти

случайности”. Государь грустно опустил голову и прошептал: “Это как раз то, что мне говорила Государыня… Ну, раз это так, раз Алексей не может быть полезен Родине, как бы я того желал, то мы имеем право сохранить его при себе”»321.

Переживания и опасения Николая II за благополучие семьи в этих трагических событиях имели большое место.

В эти дни по доходящим отдельным сведениям в Царском Селе было очень тревожно, что и заставило императора покинуть Ставку в Могилеве. 28 февраля командиры царскосельских воинских частей обратились к дяде императора, престарелому великому князю Павлу Александровичу, с просьбой дать указания на случай возникновения беспорядков. Успокаивая встревоженных командиров, великий князь заявил, что завтра в Царское Село возвратится Николай II: «Я уверен, что он даст желаемое ответственное министерство, лишь бы не было слишком поздно. В Царском Селе наследник и императрица и наш долг их охранять»322. Ситуация была тревожная. 28 февраля после 9 часов вечера Александра Федоровна увидела из окна, что Александровский дворец окружают верные части, занимая боевую готовность, а по телефону сообщили, что вооруженные мятежники, грозя все разнести, приближаются к дворцу. Слышны выстрелы, кровопролитие казалось неизбежным. Александра Федоровна, быстро накинув белый платок, вместе с еще здоровой дочерью Марией выходит к войскам, чтобы предотвратить столкновение. Своим приближенным она сказала: «Я иду к ним не как Государыня, а как простая сестра милосердия моих детей»323. До 12 часов ночи по морозу она с дочерью обходила солдат, ободряя их и умоляя сохранять спокойствие и вступить в переговоры с мятежниками. Мужество и благоразумие Александры Федоровны победили, враждующие стороны после переговоров разошлись без кровопролития.

Телеграммы царицы, направляемые к супругу, возвращались ей с пометками синим карандашом, что местопребывание «адресата» неизвестно. Глухая стена молчания убивала Александру Федоровну, чувствующую сердцем беду. Она предпринимала все новые и новые усилия разорвать этот круг неизвестности. 2 марта 1917 г. она пишет письмо, полное тревог и отчаяния:

«Мой любимый, бесценный ангел, свет моей жизни.

Мое сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения, и мы ничего не знаем о тебе, а ты не знаешь ничего о нас. Теперь я посылаю к тебе Соловьева и Грамотина, даю каждому по письму и надеюсь, что, по крайней мере, хоть одно дойдет до тебя. Я хотела послать аэроплан, но все люди исчезли. Молодые люди расскажут тебе обо всем, так что

мне нечего говорить тебе о положении дел. Все отвратительно, и события развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо верю – и ничто не поколеблет этой веры – все будет хорошо… Не зная, где ты, я действовала, наконец, через Ставку, ибо Родзянко притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они хотят не допустить тебя увидаться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сделать? Это величайшая низость и подлость, неслыханная в истории, задерживать своего Государя. Теперь Протопопов не может попасть к тебе потому, что Луга захвачена революционерами. Они остановили, захватили и разоружили Бутырский полк и испортили линию. Может быть, ты покажешься войскам в Пскове и в других местах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным способом.

Павел [Александрович], получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны и т. д. Борис [Владимирович] уехал в Ставку. Я видела его утром, а вечером того же дня он уехал, ссылаясь на спешный приказ из Ставки – чистейшая паника. Георгий [Михайлович] в Гатчине, не дает о себе вестей и не приезжает. Кирилл, Ксения, Миша не могут выбраться из города. Твое маленькое семейство достойно своего отца. Я постепенно рассказала о положении старшим… – раньше они были слишком больны – страшно сильная корь, такой ужасный кашель. Притворяться перед ними было очень мучительно. Беби я сказала лишь половину…

Вчера ночью от 1 до 2 1/2 виделась с Ивановым, который теперь здесь сидит в своем поезде. Я думала, что он мог бы проехать к тебе через Дно, но сможет ли он прорваться? Он надеялся провести твой поезд за своим. Сожгли дом Фред[ерикса], семья его в конногвардейском] госпитале… Два течения – Дума и революционеры – две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы – это бы спасло положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает. Какое яркое солнце сегодня, только бы ты был здесь! Одно плохо, что даже Экип[аж] (Гвардейский экипаж Кирилла Владимировича. –*В.Х.*) покинул нас сегодня вечером – они совершенно ничего не понимают, в них сидит какойто микроб… Родзянко даже и не упоминает о тебе. Но когда узнают, что тебя не выпустили, войска придут в неистовство и восстанут против всех. Они думают, что Дума хочет быть с тобой и за тебя. Что ж, пускай они водворят порядок, что они на чтонибудь годятся, но они зажгли очень большой пожар и как его теперь затушить?.. Сердце сильно болит, но я не обращаю внимания – настроение мое

совершенно бодрое и боевое. Только страшно больно за тебя… Это вершина несчастий! Какой ужас для союзников и радость врагам! Я не могу ничего советовать, только будь, дорогой, самим собой. Если придется покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них. О, мой святой страдалец! Всегда с тобой неразлучно твоя…»324.

Однако письмо так и не попало в руки Николая II, гонцы были перехвачены.

Александра Федоровна была права, упрекнув в пассивности великих князей. Результаты недавнего конфликта дали свои результаты. Большинство было готово к монархическому перевороту, надеясь в глубине души от перестановки мест на государственной лестнице что-то выиграть. Но никто не ожидал революции с такими катастрофическими последствиями. На начальной стадии беспорядков достаточно было кому-то из великих князей возглавить твердой рукой верные еще полки, и события могли принять совершенно иной характер. В стане восставших, особенно до 28 февраля, не было никакой уверенности в своей победе. Был момент, когда даже лидеры социалистических партий считали, что революционная волна пошла на спад. Знаменитый комиссар Временного правительства А.А. Бубликов признавался: «Ведь в Петербурге (так в воспоминаниях. – *В.Х.*) была такая неразбериха. Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на “верхах” так мало было толку, порядка и действительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простым перерывом железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в Министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно»325.

Однако вместо поддержки царя или проявления нейтралитета великий князь Кирилл Владимирович предпринял такие действия, которых от него никто не ожидал. Так, дворцовый комендант Императорского Двора генерал-майор В.Н. Воейков писал об этих событиях: «Великий князь Кирилл Владимирович, с царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече, явился 1-го марта в 4 часа 15 мин. дня в Государственную думу, где отрапортовал председателю Думы – М.В. Родзянко: “Имею честь явиться к вашему высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ. Я желаю блага России”, причем заявил, что Гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной думы…»326.

Сам великий князь Кирилл Владимирович позднее пытался объяснить причину появления Гвардейского экипажа под его командованием в Петрограде

следующими обстоятельствами: «Один из моих батальонов нес охрану императорской семьи в Царском Селе, но положение в столице стало чрезвычайно опасным, и я приказал ему вернуться в столицу. Это были чуть ли не единственные преданные войска, которым можно было доверить наведение порядка, если бы ситуация еще более ухудшилась. Государыня согласилась на эту вынужденную меру и в Царское были отправлены другие войска, хорошо справлявшиеся со своими обязанностями.

Столичные военачальники отдавали противоречивые приказы. То они посылали солдат занимать какие-то улицы, то предпринимали еще что-нибудь столь же бесполезное, тогда как единственным верным шагом было бы передать всю полноту власти военным. Только это могло спасти положение. Одного-двух полков с фронта было бы достаточно, чтобы в несколько часов восстановить порядок…

Я должен был решить, следует ли мне подчиниться приказу правительства и привести моих матросов к Думе или же подать в отставку, бросив их на произвол судьбы в водовороте революции… Меня заботило только одно: любыми средствами, даже ценой собственной чести, способствовать восстановлению порядка в столице, сделать все возможное, чтобы Государь мог вернуться в столицу.

Правительство еще не стало откровенно революционным, хотя и склонялось к этому. Как я говорил, оно оставалось последней опорой среди всеобщего краха. Если бы Государь вернулся с верными ему войсками и был восстановлен порядок, то все можно было бы спасти. Надежда пока еще оставалась…

Итак, я направился к Думе во главе батальона Гвардейского экипажа. По пути нас обстреляли пехотинцы и я пересел в автомобиль.

В Думе царило “вавилонское столпотворение”… В этой тягостной атмосфере я провел остаток дня под охраной своих матросов. Поздно вечером ко мне в комнату зашел студент Горного института и сказал, что меня ждет машина и я могу ехать»327.

Первую резкую оценку действий великого князя Кирилла Владимировича дала императрица Александра Федоровна в своих письмах к Николаю II. Так, в письме от 2 марта 1917 г. она указывала: «Кирилл ошалел, я думаю: он ходил к Думе с Экип[ажем] и стоит за них. Наши тоже оставили нас (Экип.), но офицеры вернулись, и я как раз посылаю за ними»328. В другом письме от 3 марта она сообщает супругу: «В городе муж Даки (великий князь Кирилл

Владимирович. – *В.Х.*) отвратительно себя ведет, хотя и притворяется, будто старается для монарха и родины»329.

Осуждение поступка Кирилла Владимировича можно найти во многих эмигрантских мемуарах. Графиня М.Э. Клейнмихель, описывая первые дни Февральской революции, сетовала: «На следующее утро я вышла узнать, что происходит. Я узнала новости, радостные для одних и горестные для других; я слыхала много речей, и когда я увидела во главе Гвардейского экипажа великого князя Кирилла Владимировича, революционная осанка которого восхищала солдат, я поняла, что династии нанесен тяжелый удар. Впоследствии говорили, что великому князю посоветовал так поступить английский посол. Я уверена, что Кирилл не раз, впоследствии, в этом раскаивался»330.

Однако наиболее справедливое замечание по поводу этого события высказал бывший начальник штаба «Дикой дивизии» П.А. Половцов: «Из числа грустных зрелищ, произведших большое впечатление, нужно отметить появление Гвардейского экипажа с красными тряпками, под предводительством великого князя Кирилла Владимировича. Нужно заметить, что в Думе ясно обозначилось два течения: одни хотели сохранить идею какой-то закономерной перемены власти с сохранением легитимной монархии, другие хотели провозглашать немедленно низложение династии. Появление великого князя под красным флагом было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли. А неделю спустя это впечатление было еще усилено появлением в печати интервью с великим князем Кириллом Владимировичем, начинавшееся словами: “мой дворник и я мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все”, и кончавшееся заявлением, что великий князь доволен быть свободным гражданином и что над его дворцом развивается красный флаг. А про разговоры, якобы имевшие место между великим князем и Родзянко, по Думе ходили целые легенды»331.

В стенах Государственной думы, надо заметить, великого князя Кирилла Владимировича приняли весьма любезно, т. к. еще до его прибытия в комендатуре Таврического дворца уже было известно о разосланных им записках начальникам частей Царскосельского гарнизона, гласивших: «Я и вверенный мне Гвардейский экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная вам часть также присоединитесь к нам. Командир Гвардейского экипажа Свиты Его Величества контр-адмирал Кирилл»332.

Между прочим, стоит отметить, что моряки Гвардейского экипажа заняли Николаевский и Царскосельский вокзалы в Петрограде, чтобы воспрепятствовать прибытию войск, верных царю333.

Комендант Таврического дворца полковник Г.Г. Перетц писал: «Днем (1 марта. – *В.Х.*) был занят революционными войсками Зимний дворец, и над ним вместо императорского штандарта взвился красный флаг свободы. Замечательно, что событие это по времени совпало с тем моментом, когда в Зимний дворец тридцать шесть лет тому назад был привезен умирающий Александр II и над дворцом взвился черный флаг.

В 4 часа 15 минут в Таврический дворец приехал великий князь Кирилл Владимирович. Его сопровождали адмирал, командовавший Гвардейским экипажем, и эскорт чинов Гвардейского экипажа.

Великий князь прошел в Екатерининский зал, куда был приглашен председатель Гос. думы М.В. Родзянко. Обратившись к последнему, Кирилл Владимирович отрапортовал:

– Имею честь явиться к Вашему Высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам Гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий и теперь я могу заявить, что весь Гвардейский экипаж в полном распоряжении Гос. думы.

Эти слова покрыты были громкими криками “ура”. М.В. Родзянко поблагодарил великого князя и, обратившись к окружавшим его солдатам, сказал:

– Я очень рад, господа, словам великого князя, я верил, что Гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке выполнят свой долг, помогут справиться с собственным врагом и выведут Россию на путь победы!

Затем М.В. Родзянко обратился к великому князю и спросил:

– Угодно ли вам будет остаться в Гос. думе?

Великий князь ответил, что к Гос. думе подходит Гвардейский экипаж в полном составе и что он хочет представить его председателю Госдумы.

– В таком случае, – сказал М.В. Родзянко, – когда я вам понадоблюсь, вы меня вызовите.

После этого великий князь прошел в комнату думских журналистов, где за стаканом чая по-товарищески беседовал с представителями печати. Когда же пришел Гвардейский экипаж, он вышел к своим солдатам и вместе с ними засвидетельствовал свою преданность народу.

Не безынтересно отметить, что 1 марта к зданию Государственной думы с красными флагами, под звуки “Марсельезы”, прибыл среди прочих частей и петроградский жандармский дивизион также засвидетельствовать свою верность на службу народу»334.

Кирилл Владимирович был первым из императорской фамилии, нарушивший присягу царю и заявивший думским деятелям, что он и вверенный ему Гвардейский экипаж переходит на сторону Государственной думы и выражает радость по поводу свершившейся революции335. Весть об этом событии получила широкое распространение и оказала известное влияние на дальнейшее поведение офицеров.

Данный факт не остался без внимания иностранных дипломатов. Так, французский посол в России М. Палеолог записал в дневнике: «Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя за Думу. Он сделал больше. Забыв присягу в верности и звание флигель-адъютанта, которое он получил от императора, он пошел сегодня в четыре часа преклониться пред властью народа. Видели, как он в своей форме капитана 1-го ранга отвел в Таврический дворец Гвардейские экипажи, коих шефом он состоит, и представил их в распоряжение мятежной власти»336.

Это не помешало впоследствии Кириллу Владимировичу самому претендовать на Российский престол. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко позднее утверждал, что он содрогнулся, узнав о приходе в Таврический дворец с красным бантом на груди члена императорского дома. Он якобы выразил Кириллу удивление по поводу такого нарушения присяги и просил его удалиться и увести с собой Гвардейский флотский экипаж. Однако эти заявления бывший председатель Государственной думы придумал задним числом. На самом деле Родзянко выразил тогда великому князю благодарность за присоединение к революции и признание власти Временного комитета, ибо это как бы оправдывало поведение самого Родзянко, тоже нарушившего присягу царю337.

Разговор Николая II с прибывшими из Петрограда в Псков представителями Думы описан в мемуарах В.В. Шульгина, А.И. Деникина и др. При встрече царь заявил делегатам: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу

моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата»338. Еще до отречения он отдал распоряжение генералу Н.И. Иванову не предпринимать никаких военных действий и вернул кавалерийские части на фронт.

Отречение Николая II от престола за себя и несовершеннолетнего Алексея в пользу Михаила явилось для всех полной неожиданностью. Это решение было непростым и для Николая Романова. В дневнике он записал: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц[иал]-дем[ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»339.

Выразить свое отношение к событиям у Николая II были основания. Среди телеграмм с требованием об отречении императора было послание и от великого князя Николая Николаевича, который командовал армией на Кавказском фронте. Влиятельный дядя царя «коленопреклонно» умолял в телеграмме оставить престол:

«Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверх меры. Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклонно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив Себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас.

Генерал-адъютант Николай»340.

Великий князь Александр Михайлович позднее писал в воспоминаниях: «Мой двоюродный брат великий князь Николай Николаевич был превосходным строевым офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую

дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры. Тот, кому случалось присутствовать на парадах Петербургского гарнизона, имел возможность видеть безукоризненное исполнение воинских уставов в совершенстве вымуштрованной массой войск: каждая рота одета строго по форме, каждая пуговица на своем месте, каждое движение радовало сердце убежденных фронтовиков. Если бы великий князь Николай Николаевич оставался бы на посту командующего войсками гвардии и Петроградского военного округа до февраля 1917 года, он всецело оправдал бы все ожидания и сумел бы предупредить февральский солдатский бунт. Оглядываясь на двадцать трехлетнее правление императора Николая II, я не вижу логического объяснения тому, почему Государь считался с мнением Николая Николаевича в делах государственного управления. Как все военные, привыкшие иметь дело с строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта»341.

Подписав отречение, Николай II выехал из Пскова в Ставку, формально, попрощаться с войсками и сдать Верховное командование. Возможно, в его душе еще чуть теплилась надежда, что еще удастся разорвать круг заговорщиков и переломить ситуацию. Во всяком случае, он имел шанс до конца понять, где была допущена ошибка и кто его предал. С дороги в Могилев (со станции Сиротино, что находится в 45 км западнее Витебска) 3 марта в 14 часов 56 минут он посылает телеграмму:

«Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму.

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине.

Ники»342.

Однако это послание до адресата не дошло.

В манифесте об отречении Николая II от 2 марта 1917 г., доставленном депутатами Государственной думы А.И. Гучковым и В.В. Шульгиным в Петроград, провозглашалось:

«Ставка.

Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

г. Псков

2-го марта

15 час. 15 мин.[5] 1917 г.»343.

Тревожные известия об отречении докатились между тем до императорской семьи в Царском Селе. Александра Федоровна болезненно переживала это известие. Пьер Жильяр, находившийся при наследнике Алексее, вспоминал:

«К концу полудня известие об отречении императора от престола достигло дворца. Императрица опровергла это известие как ложный слух. Однако через некоторое время великий князь Павел пришел и подтвердил ей это известие. Она всетаки отказывалась верить в это и только после того, как великий князь сообщил ей некоторые подробности, императрица наконец уяснила всю очевидность дела: вчера вечером во Пскове император отказался от престола в пользу своего брата великого князя Михаила.

Императрица дошла до такого отчаяния, какое трудно себе представить. Но громадное мужество все-таки ее не покидало. Я видел ее вечером у Алексея Николаевича. Сделав над собою почти сверхчеловеческое усилие, она, как обыкновенно, пришла навестить больных детей, чтобы ничто не беспокоило больных, которые не знали, что произошло со времени отъезда императора в Ставку.

Поздно ночью мы узнаем, что великий князь Михаил также отказался от престола и что Учредительное собрание должно решить судьбу России.

На другой день я вновь встретил императрицу у Алексея Николаевича. Она была спокойна, но очень бледна»344.

Николай II записал 3 марта в дневнике: «Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9 1/2 перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше»345.

Эти лаконичные строки дневника императора дополняют воспоминания флигель-адъютанта А.А. Мордвинова:

«Наступило утро 3 марта. Наш поезд, вышедший в три часа ночи из Пскова, уже двигался по направлению к Могилеву, в Ставку…

Государь и после отречения продолжал сохранять не только для нас, его любящих, но и для людей посторонних, равнодушных все то присущее ему величие, которое эти последние думали, что можно с него снять. Это и замечалось и чувствовалось мною как во время остановок на станциях, так и по приезде в Могилев и во время дальнейшего пребывания в Ставке.

Во время этого переезда все лица ближайшей свиты, находившиеся в поезде, решили сообща записать до малейших подробностей, чуть ли не минутам, все то, что происходило за эти три дня, и Нарышкин записывал все подробно под нашу диктовку, хотел напечатать на пишущей машинке и дать это описание каждому из нас. Копии телеграмм главнокомандующих мы получили, наш общий дневник он переписать не успел.

Государь рано утром с дороги послал в Киев телеграмму своей матери, императрице Марии Федоровне, прося ее приехать на свидание в Могилев, а также телеграммы, в Царское Село – Ее Величеству и в Петроград – великому князю Михаилу Александровичу, уведомлявшую о передаче ему престола.

Телеграмма эта, наверно, не дошла, так как, судя по воспоминаниям В.Д. Набокова, великий князь "очень подчеркивал свою обиду, что брат его «навязал» ему престол, даже не спросив его согласия"…

Около четырех с половиной часов дня, когда поезд стал подходить к какой-то станции, скороход предупредил меня, что Его Величество собирается выйти на прогулку. Остановка была недолгая, всего несколько минут. Я вышел на рельсы с противоположной стороны от платформы. День был серый, ненастный, темнело. Была оттепель. Сильная грязь и нагроможденные поленницы дров оставляли очень мало места для прогулки. Государь уже успел спуститься из своего вагона и, увидя меня, направился в мою сторону. "А и вы, Мордвинов, вышли подышать свежим воздухом", как-то особенно добро и вместе с тем, как мне показалось, необычайно грустно сказал Государь и продолжал идти вперед. Я пошел рядом с ним. Мы были совершенно одни – все мои товарищи по свите оставались в вагоне. Ординарец, урядник конвоя, находился далеко.

Впервые за эти мучительные дни мне явилась неожиданная возможность остаться на несколько минут с глазу на глаз с Государем, олицетворявшим мне мою родину, с человеком, которого я так любил и за которого теперь так страдал…

Я чувствовал его душевное состояние, мне так хотелось его утешить, облегчить…

Государь шел также молча, задумавшись, уйдя глубоко в себя. Он был такой грустный, ему было так "не по себе"… Я посмотрел на него и вдруг заговорил, почти бессознательно и так глупо и путано, что до сих пор краснею, когда вспоминаю эти свои взволнованные "успокоения", оставшиеся в наказание у меня в памяти.

– Ничего, Ваше Величество, – сказал я. – Не волнуйтесь очень, ведь вы не напрашивались на престол, а, наоборот, вашего предка в такое же подлое время приходилось долго упрашивать, и, только уступая настойчивой воле народа, он, к счастью России, согласился нести этот тяжелый крест… Нынешняя воля народа, говорят, думает иначе… что ж, пускай попробуют, пускай управляются сами, если хотят. Насильно мил не будешь, только что из этого выйдет.

Государь приостановился.

– Уж и хороша эта воля народа! – вдруг с болью и непередаваемой горечью вырвалось у него. Чтобы скрыть свое волнение, он отвернулся и быстрее пошел вперед. Мы молча сделали еще круг.

– Ваше Величество, – начал опять я, – что же теперь будет, что вы намерены делать?

– Я сам еще хорошо не знаю, – с печальным недоумением ответил Государь, – все так быстро повернулось… На фронт, даже защищать мою родину, мне вряд ли дадут теперь возможность поехать, о чем я раньше думал. Вероятно, буду жить совершенно частным человеком. Вот увижу свою матушку, переговорю с семьей. Думаю, что уедем в Ливадию. Для здоровья Алексея и больных дочерей это даже необходимо, или, может, в другое место, в Костромскую губернию, в нашу прежнюю вотчину.

– Ваше Величество, – с убеждением возразил я, – уезжайте возможно скорее за границу. При нынешних условиях даже в Крыму не житье.

– Нет, ни за что. Я не хотел бы уехать из России, я ее слишком люблю. За границей мне было бы слишком тяжело, да и дочери и Алексей еще больны.

– Что ж, что больны, – начал было я, но кто-то подошел и доложил, что время отправлять поезд, и мы вошли в вагон.

В Орше, куда уже под вечер прибыл наш поезд, к нам в купе вошел Базили – чиновник Министерства иностранных дел, заведовавший дипломатической канцелярией в Ставке. Он выехал к нам навстречу из Могилева по поручению генерала Алексеева с портфелем каких-то срочных бумаг для доклада Его Величества в пути. Что это были за бумаги, я не помню, хотя Базили о них и упоминал: кажется, они касались уведомления союзников о случившемся»346.

Следует отметить, что на обратном пути в Ставку (Могилев) бывшим императором были получены две телеграммы.

В них «командир III конного корпуса, граф Келлер, и командир гвардейского кавалерийского корпуса, Хан Нахичеванский, предлагали Государю себя и свои войска для подавления “мятежа”»347. Николай II не воспользовался этими предложениями и только поблагодарил генералов, очевидно, не желая давать повода к разжиганию гражданской войны.

А.И. Деникин позднее так описал переживания Николая Александровича Романова после отречения: «Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II – отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве, при свидании с Алексеевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерешительно сказал:

– Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея…

Алексеев унес телеграмму и… не послал. Было слишком поздно.

Телеграмму эту Алексеев, “чтобы не смущать умы”, никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки»348.

В своих воспоминаниях подполковник царской Ставки в Могилеве В.М. Пронин также отмечал: «По приезде Государя в Ставку после отречения ген. Алексееву была передана заготовленная и подписанная Государем 2 марта на имя председателя Государственной думы об отречении от престола в пользу сына. Телеграмма эта по неизвестным причинам не была послана»349.

Этот факт обратил на себя внимание многих исследователей. Так, военный историк Е.И. Мартынов одним из первых указывал, что «при существовавшей обстановке вопрос о порядке престолонаследия не имел никакого практического значения, но все-таки характерно, что Алексеев позволил себе скрыть от Временного правительства такой документ, которому оно придавало особую важность.

Объяснение, что телеграмма уже запоздала, не выдерживает критики: Государь передал ее Алексееву вечером 3 марта, а оба манифеста об отречении (Николая и Михаила) были опубликованы только на следующий день, утром 4 марта»350.

По нашему мнению, растерянность и смятение царя можно объяснить его ответственностью не только за будущее России, но и за судьбу сына Алексея. Имел ли он моральное право решать за него? Это накладывало определенную печать на действия Николая II. Возможно, он вспомнил отдых в Крыму, где

маленький наследник Алексей убежденно лепетал: “Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы”. Там любимой пищей царевича были щи, каша и черный хлеб, как он говорил, “который едят все мои солдаты”.

Вместе с тем отречение Николая II за себя и за своего сына Алексея в пользу брата Михаила Александровича было очевидным нарушением закона о престолонаследии, т. к. царь не имел права отрекаться за прямого наследника. Некоторые политические деятели усматривали в этом определенную самоцель: с одной стороны, в случае перемены ситуации, объявить отречение недействительным, а с другой – осложнить обстановку, спутав карты лидерам оппозиции в Государственной думе. Во всяком случае, известно по дневнику императора, что отказ Михаила Романова от трона был болезненно воспринят Николаем II.

По возвращении бывшего императора на несколько прощальных дней в Ставку, он разговаривает с Александрой Федоровной по телефону. Затем 4 марта посылает ей телеграмму: «Спасибо, душка. Наконец, получил твою телеграмму этой ночью. Отчаянье проходит. Благослови вас всех Господь. Нежно люблю. Ники»351.

В тот же день Александра Федоровна пишет ему большое теплое успокаивающее письмо, в котором имеются следующие строки: «Каким облегчением и радостью было услышать твой милый голос, только слышно было очень плохо, да и подслушивают теперь все разговоры! И твоя милая телеграмма сегодня утром – я телеграфировала тебе вчера вечером около 9 1/2 и сегодня утром до часу. Беби перегнулся через кровать и просит передать тебе поцелуй…». В письме царица упоминает любопытную деталь: «Революция в Германии! В[ильгельм] убит, сын ранен. Во всем видно масонское движение». И последние строки письма: «Только сегодня утром мы узнали, что все передано Мише, и Беби теперь в безопасности – какое облегчение!»352.

Перед возвращением Николая II в Царское Село Александра Федоровна просит П. Жильяра подготовить цесаревича Алексея и ввести его в курс произошедшего:

«Я пошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что Государь возвращается завтра из Могилева и больше туда не вернется.

– Почему?

– Потому, что ваш отец не хочет быть больше Верховным главнокомандующим! Это известие сильно его огорчило, так как он очень любил ездить в Ставку. Через несколько времени я добавил:

– Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не хочет быть больше императором.

Он удивленно посмотрел на меня, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

– Зачем? Почему?

– Потому, что он очень устал и перенес много тяжелого за последнее время.

– Ах да! Мама мне сказала, что когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали. Но папа потом опять будет императором?

Я объяснил ему тогда, что Государь отрекся от престола в пользу великого князя Михаила Александровича, который в свою очередь уклонился.

– Но тогда кто же будет императором?

– Я не знаю, пока никто!..

Ни слова о себе, ни намека на свои права наследника. Он сильно покраснел и был взволнован. После нескольких минут молчания он сказал:

– Если нет больше царя, кто же будет править Россией?

Я объяснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься государственными делами до созыва Учредительного собрания, и что тогда, быть может, его дядя Михаил взойдет на престол. Я еще раз поражен скромностью этого ребенка»353.

Как мы отмечали поздно вечером 3 (16) марта Николай II вернулся в Могилев, куда на следующий день прибыли вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Александр Михайлович из Киева. «Друг Сандро» позднее писал в своих воспоминаниях о свидании с Николаем II в Ставке после его отречения:

«Я должен был одеться, чтобы пойти к Марии Федоровне и разбить сердце матери вестью об отречении сына. Мы заказали поезд в Ставку, так как тем временем получили известие, что Ники было дано «разрешение» вернуться в Ставку, чтобы проститься со своим штабом.

По приезде в Могилев поезд наш поставили на «императорском пути», откуда Государь обычно отправлялся в столицу. Через минуту к станции подъехал мотор Ники. Он медленно прошел по платформе, поздоровался с двумя казаками конвоя, стоявшими у входа в вагон его матери, и вошел.

Он был бледен, но ничто другое в его внешности не говорило, что он был автором этого ужасного манифеста. Он оставался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая императрица никогда мне потом не рассказывала, о чем они говорили. Когда меня вызвали к ним, Мария Федоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги и, конечно, курил.

Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без императора.

– Миша не должен был этого делать, – наставительно закончил он. – Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет.

Это замечание, исходившее от человека, который только что отдал шестую часть вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих, лишило меня дара речи. После неловкой паузы он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были: 1) желание избежать в России гражданского междоусобия, 2) желание удержать армию в стороне от политики, чтобы она могла продолжать делать общее с союзниками дело, 3) вера в то, что Временное правительство будет править Россией более успешно, чем он.

Ни один из этих доводов не казался мне убедительным…

Он показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих разными фронтами в ответ на его запрос. За исключением генерала Гурко, все они, и между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский советовали Государю немедленно отречься от Престола. Он никогда не был высокого мнения об этих военачальниках и оставил без внимания их предательство. Но вот в глубине пакета он нашел еще одну телеграмму с советом немедленно отречься, и она была подписана великим князем Николаем Николаевичем.

– Даже он! – сказал Ники и впервые его голос дрогнул»354.

В дневниках императрицы Марии Федоровны, которые она вела на датском языке, мы имеем сегодня возможность прочитать следующую запись от 4 марта 1917 г.:

«Спала плохо, хотя постель была удобная. Слишком много волнений. В 12 часов прибыла в Ставку, в Могилев, в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции. Горестное свидание! Мы отправились вместе в его дом, где был накрыт обед вместе со всеми. Там также были Фредерикс, Сергей Михайлович, Сандро, который приехал со мной, Граббе, Кира, Долгоруков, Воейков, А. Лейхтенбергский, Ежов и доктор Федоров. После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию, затем – чтобы спасти страну – предложил образовать новое правительство и Ники (невероятно!) – отречься от престола в пользу своего сына. Но Ники, естественно, не мог расстаться с сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он, наконец, сдался и подписал манифест. Ники был неслыханно спокоен и величественен в этом ужасно унизительном положении. Меня как будто оглушили. Я ничего не могу понять! Возвратилась в 4 часа, разговаривали с Граббе. Он был в отчаянии и плакал. Ники пришел в 8 часов ко мне на ужин. Также был Мордвинов. Бедняга Ники открыл мне свое бедное кровоточащее сердце, и мы оба плакали. Он оставался до 11 часов…»355.

4 марта 1917 г. Николаю II было написано послание сочувствия от генерала В.И. Гурко:

«Ваше Императорское Величество Всемилостивейший Государь.

В столь тяжелые дни, которые переживает вся Россия и которые всего болезненнее не могут не отразиться на Вас, Государь, позвольте мне, движимому душевным влечением, обратиться к Вам с настоящими строками.

Я надеюсь, что в этом Вы усмотрите лишь потребность сказать Вам, в какой мере я, и уверен, многие миллионы верных сынов России болезненно восприняли высоковеликодушный поступок Вашего Величества, когда Вы влекомые чувством желания блага и целости России предпочли принять на себя все последствия и наибольшую тягость разворачивавшихся событий – нежели ввергнуть страну во все ужасы длительной междоусобной брани, или – что еще хуже – возможности хотя бы временного торжества вражеского оружия. Поступок, за который история и благодарная память народная в свое время воздаст Вам, Государь, должное. Сознание, что в такую минуту Вы не колеблясь

решились на акт величайшего самопожертвования ради целости и блага Вашей страны, коей по примеру Ваших венценосных предков Вы всегда были первым и наиболее верным слугой и радетелем, да послужит Вам, Государь, достойной наградой за принесенную на алтарь Отечества неизмеримую жертву. Я не нахожу слов, чтобы выразить мое преклонение перед величием совершенного Вами государственного подвига, перед величием принесенной Вами за себя и за Вашего наследника – жертвы. Я вполне понимаю, что Вы не решились отдать для государственного служения Вашего единственного сына, которому через три с половиною года суждено было бы принять в свои еще слишком юные руки бразды правления. Тем более что мало надежды, что к тому времени жизнь России войдет в ровное и спокойное течение. Но пути Всевышнего неисповедимы и не Он ли Вами руководил, не сохраняете ли Вы Вашему сыну возможность более правильного и неспешного воспитания до более зрелых лет и более обширного изучения государственных наук и более полного познания людей и жизни. Дабы к тому времени, когда после ряда лет бурного проявления государственной жизни, нарушенной недавними событиями, взоры всех благомыслящих людей в России, вне сомнения, обратятся на него, как на надежду России, чтобы он во всеоружии приобретенных познаний и жизненного опыта мог бы быть призван к принятию своего законного наследия на благо, счастье и величие России.

Но, даже не заглядывая в столь сравнительно отдаленное будущее, нельзя не предвидеть и той возможности, когда страна и народ после горького опыта, пережитых внутренних волнений – времени шатания, государственного не устроения и форм правления, до которых исторически и социально народ русский еще далеко не развился – страна и народ вновь обратятся к своему законному Государю и помазаннику Божию, ожидая и прося у него нового, быть может, еще большего государственного и личного подвига.

Прошлая история народов нас учит, что в этом нет ничего невозможного, а исключительность тех условий, при которых произошел Государственный переворот в столице, и то обстоятельство, что для большинства народа это было такою же неожиданностью, как и для армии, связанной близостью врага внешнего – дает основание предполагать, что это весьма вероятно.

Возможность этого, однако, невольно заставляет думать о тех событиях, которые ныне происходят в столице: Тогда как Временное правительство объявило и проводит в жизнь полную амнистию всем политическим заключенным – оно одновременно заключает в тюрьмы Ваших бывших верных слуг, которые если в чем-либо в глазах нового правительства и погрешили, то, во всяком случае, действовали в пределах существовавших и существующих

законов. Такой поступок является к тому же нарушением как раз той свободы, которую выставляют на своем знамени люди, захватившие власть.

Но есть и другая сторона всего этого. Если предвидеть возможность проявления желания страны вернуться к законному порядку, то надо, чтобы те, которые составят ядро, могущее сплотить вокруг себя людей, которые дорожат не минутной властью, а лишь стремятся к правильному развитию и постепенному эволюционированию русского народа – не были бы остановлены воспоминанием, что в годину временного крушения их идеалов не было достигнуто, хотя бы чрезвычайными мерами, спасение личной свободы, а быть может, и жизни тех, большинство которых в свое время верою и правдою служили своей Родине и Царю, руководствуясь, хотя, быть может, и устарелыми, но все же законно действовавшими законами.

Позволяю себе, Государь, обратить Ваше внимание на это обстоятельство потому, что среди громадности тех событий, которые столь быстро надвинулись на Вас, Вы легко могли упустить из виду всей важности такого шага – шага, который в будущем может иметь неисчислимые последствия и для Вас, Государь, и Вашей Династии и для будущей судьбы России.

Памятуя Ваше всегда благосклонное ко мне отношение, за те немногие месяцы, что я волею Вашею был призван быть Вашим ближайшим помощником в деле Верховного Главнокомандования – я льщу себя надеждою, что Вы столь же благосклонно примите излияние души, наболевшей за эти грозные дни жизни России и будете верить, что мною руководило лишь чувство преданности Русскому Венценосцу преемственно воспринятой от моих предков, всегда имевших мужество и честность в тяжелые дни Государственной жизни России выражать своим Государям свое откровенное мнение и неподдельную правду.

Примите же, Государь, мои искренние пожелания увидеть Вам более светлые дни, которые одновременно должны быть и порой новой зори обновленной в пережитых испытаниях России и чувства безграничной преданности Вашего, Государь, верноподданного Василия Гурко. г. Луцк»356.

Вскоре Государь прощался с чинами штаба Ставки. Генерал-майор свиты императора Д.Н. Дубенский записал в этот день:

«Шестого марта Государь прощался со своей Ставкой. Утром в 11-м часу весь наличный персонал служащих во всех учреждениях и отделах Ставки собрался в управлении дежурного генерала, и здесь в большом зале ожидали прибытия Его Величества. Тут были великие князья: Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович, свита, все генералы, офицеры и гражданские чины с

генералом Алексеевым во главе. Тут же построилась команда нижних чинов разных частей войск, находившихся в Могилеве.

Весь зал был переполнен, стояли даже на лестнице и при входе. Шли тихие разговоры и все напряженно смотрели на двери, откуда должен был появиться Государь. Прошло минут десять и послышались легкие, быстрые шаги по лестнице. Все зашевелилось и затем замолкло. Послышалась команда: “Смирно”.

Государь в Кубанской пластунской форме бодро, твердо и спокойно вошел в середину зала. Его Величество был окружен со всех сторон. Около него находился генерал Алексеев. Государь немного помолчал, затем при глубочайшей тишине своим ясным, звучным голосом начал говорить. Его Величество сказал, что волею Божией ему суждено оставить Ставку, что он ежедневно в продолжении полутора лет видел самоотверженную работу Ставки и знает, сколько все положили сил на служение России во время этой страшной войны с упорным и злым врагом. Затем сердечно поблагодарил всех за труды и высказал уверенность что Россия вместе с нашими союзниками будет победительницей и жертвы все мы несли не напрасно.

Думаю, что восстановив речь Государя по памяти, я не очень исказил слова Его Величества, да и суть речи была не в словах, а в той сердечности, той особой душевности, с которой он последний раз говорил со своими сотрудниками. Ведь Государь оставлял свою работу со Ставкой накануне наступления, которого ждали со дня на день и к которому все уже было подготовлено. Все это знали от Алексеева до младшего офицера и писаря. У всех были твердые надежды на победу и даже разгром врага. И вдруг все переменилось и глава империи, верховный вождь армии оставляет Россию и свои войска. Все это было у всех на уме и на сердце. А Государь смотрел на всех своими особыми удивительными глазами с такой грустью, сердечностью и с таким благородством.

Ему стал отвечать генерал Алексеев взволнованным каким-то надтреснутым голосом, но речь его продолжалась очень недолго, так как от слез он не мог ее продолжать. Генерал Алексеев успел сказать только, что Его Величество не по заслугам ценит труды Ставки, что они все делали только то, что могли, но что сам Государь отдавал всю душу свою работе и тем давал всем силы работать для России… Его Величество подошел к генералу Алексееву и крепко обнял его. Я стоял очень близко от Государя и ясно видел, как у него скатилась крупная слеза, а у генерала Алексеева все лицо было мокрое от слез. Уже при первых звуках голоса Государя послышались рыдания и почти у всех были слезы на глазах, а затем несколько офицеров упали в обморок, начались

истерики и весь зал пришел в полное волнение, такое волнение, которое охватывает близких при прощании с дорогим любимым, но уже не живым человеком. Около меня стояли генерал Петрово-Соловой, великий князь Александр Михайлович и целый ряд других лиц и все они буквально рыдали.

Государь быстро овладел собою и направился к нижним чинам, поздоровался с ними и солдаты ответили: “Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству”. Государь начал обходить команду, которая также как и офицерский состав Ставки с глубокой грустью расставались с своим царем, которому они служили верой и правдой. Послышались всхлипывания, рыдания, причитания; я сам лично слышал, как громадного роста вахмистр, кажется кирасирского Его Величества полка, весь украшенный Георгиями и медалями, сквозь рыдания сказал: “Не покидай нас, батюшка”. Все смешалось, и Государь уходил из залы и спускался с лестницы окруженный глубоко расстроенной толпой офицеров и солдат. Я не видал сам, но мне рассказывали, что какой-то казак-конвоец бросился в ноги царю и просил не покидать России. Государь смутился и сказал: “встань, не надо, не надо этого”…

Настроение у всех было такое, что казалось, выйди какойлибо человек из этой взволнованной, потрясенной толпы, скажи слова призыва, и все стали бы за царя, за его власть. Находившиеся здесь иностранцы поражены были состоянием офицеров царской Ставки; они говорили, что не понимают, как такой подъем, такое сочувствие к императору не выразилось во что-либо реальное и не имели последствий.

Как это случилось так, но это случилось, и мы все только слезами проводили нашего искренно любимого царя.

Одно надо сказать – мы все знали, что Государь уже отрекся от престола, и нарушать его волю было трудно»357.

Николай II прощался с представителями союзных армий, находившихся при Ставке в Могилеве 7 марта. Описывая события этого периода, великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях подчеркнул:

«Генерал Алексеев просит нас присягнуть Временному правительству. Он, по-видимому, в восторге: новые владыки, в воздаяние его заслуги перед революцией, обещают назначить его Верховным главнокомандующим!

Войска выстраиваются перед домом, в котором живет Государь. Я узнаю форму личной охраны Государя. Это батальон георгиевских кавалеров, отделение

гвардейского железнодорожного батальона, моя авиационная группа и все офицеры штаба.

Мы стоим за генералом Алексеевым. Я не знаю, как чувствуют себя остальные, но лично не могу понять, как можно давать клятву верности группе интриганов, которые только что изменили данной присяге. Священник произносит слова, которые я не хочу слушать. Затем следует молебен. Впервые за триста четыре года существования монархии, на молебне не упоминается имени Государя. Мои мысли с Ники, который до окончания этой церемонии находится у себя. Что-то он переживает в этот момент. Наконец, Временное правительство снизошло до его просьбы, и его отъезд назначен на завтра. В четыре часа дня он и Сергей должны уехать в Петроград. Я же и вдовствующая императрица отправляемся в Киев.

Отсутствие всех остальных членов Императорской фамилии вызывает во мне чувство горечи. Неужели они боялись, что, приехав в Ставку, они рискуют своим положением пред Временным правительством, или же эта поездка им запрещена. Этот вопрос так и остался без ответа»358.

Вечером 7 (20) марта он собственноручно составил свое прощальное обращение к армии, датированное им 8 (21) марта. В нем говорилось:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в наших сердцах беспредельная любовь к вашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

НИКОЛАЙ»359.

Как известно, Временное правительство запретило его распространение.

Революционные события, имевшие следствием отречение от престола Николая II, привели в растерянность членов Императорского Дома.

Попытку перехватить инициативу и хоть как-то оставить за династией определенную сферу власти предпринял великий князь Николай Николаевич. События застали его в роли главнокомандующего Кавказской армией. При отречении Николай II подписал Указ о назначении великого князя Верховным главнокомандующим. 5 марта Николай Николаевич выехал из Тифлиса в Ставку. Перед отъездом, вызвав к себе из Кисловодска великого князя Андрея Владимировича, он сообщил ему:

«Последние акты, подписанные Государем, были мое назначение и кн. Львова председателем Совета Министров, но указ Сенату не опубликован… Больше я ничего не знаю и не знаю, пропустят ли мой поезд, но надо полагать, что я доеду»360.

Далее он сказал: «Насчет Кирилла (Владимировича. – *В.Х.*) я еще ничего не решил, но повелеваю, чтобы никто из братьев к маме (Мария Павловна, старшая. – *В.Х.*) не ездил ни в коем случае». «Потом дядя Николаша, – записал в дневнике великий князь Андрей Владимирович, – упомянул, что единства в нашей семье нет, что дядя Саша (Александр III. – *В.Х.*) разбил семью, и теперь хотели бы, но уже не могут объединиться. Мы вспомнили наши семейные совещания, и дядя выразил, что проектируемый семейный совет помог бы сплотить семью, но ничего тогда из этого не вышло. Мы все сделали, что было в наших силах; не наша вина, что ничего нам не удалось, а идея была хорошая. Говорили о Дмитрии Павловиче. Он будет переведен в Тифлис…Дядя решил, чтобы семейство осталось там, где каждый в данное время находится»361.

Последний совет был, безусловно, бесполезным, ибо революция остановила все передвижения членов Императорского Дома. Уже в первые дни свершения Февральской революции великий князь Николай Николаевич объявил, что «сочувствует делу революции». В его телеграмме в адрес Временного правительства значилось: «Сего числа я принял присягу на верность Отечеству и новому государственному строю. Свой долг до конца выполню, как мне повелевает совесть и принятые обязательства. Великий князь Николай Николаевич». Телеграмма была опубликована в газетах. Он, вероятно, еще надеялся, что его рвение будет должным образом оценено. Вскоре «Вестник Временного правительства» на своих страницах поместил заметку: «Отъезд

великого князя Николая Николаевича», где сообщалось: «Тифлис, 7 марта. Великий князь *Николай Николаевич*, восторженно приветствуемый представителями народа и солдат, выражавших великому князю горячие пожелания победы над врагом, прощался с населением. Призывая всех ради блага горячо любимой Родины к верности новому строю, к дружной и спокойной работе в тылу, как залогу победы над внешним врагом и укрепления режима свободной России, великий князь закончил прощание словами: “А после войны позвольте мне, как маленькому помещику вернуться в имение”. Эти слова приняты с восторгом»362. В эти же дни в разделе «Хроника» во многих газетах указывалось: «В ближайшие дни ожидается в Петроград великий князь Николай Николаевич».

Однако еще 3 марта 1917 г. Исполком Петросовета принял постановление, в котором предписывалось: «По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение»363. Временное правительство усомнилось в «специфике» понимания долга Николаем Николаевичем и вскоре настояло «от греха подальше», на добровольном сложении великим князем обязанностей Верховного главнокомандующего. Глава Временного правительства кн. Г.Е. Львов 9 марта сообщал великому князю:

«Ваше Императорское Высочество.

Временное правительство, обсудив вопрос о состоявшемся незадолго до отречения бывш[его] императора назначении вашем на пост Верховного главнокомандующего, пришло к заключению, что создавшееся в настоящее время положение делает неизбежным оставление вами этого поста. Народное мнение резко и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности.

Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым может привести к самым серьезным осложнениям.

Временное правительство убеждено, что вы, во имя блага родины, пойдете навстречу требованию положения и сложите с себя еще до приезда вашего в Ставку звание Верховного главнокомандующего.

Кн. *Львов*»364.

Сам Николай Николаевич вскоре после прибытия в Ставку был вынужден подать в отставку, а должность Верховного главнокомандующего по решению

Временного правительства занял генерал М.В. Алексеев. Это произошло 11 марта 1917 г. Великий князь Николай Николаевич был уволен окончательно от военной службы постановлением правительства 31 марта 1917 г.

Не помогли новые заверения представителей императорской фамилии, направленные Временному правительству, которые были опубликованы в газете «Вестник Временного правительства» от 14 марта 1917 г.:

«От имени великой княгини Ксении Александровны, моего и моих детей заявляю нашу полную готовность всемерно поддерживать Временное правительство.

Великий князь *Александр Михайлович*».

«Присягнув Временному правительству и сдав должность походного атамана, прошу сообщить, находите ли вы возможным мое возвращение в свой дом в Царское Село. По прибытии куда, в случае вашего желания, всегда готов явиться к Временному правительству.

Великий князь *Борис Владимирович*».

«В лице Вашем заявляю правительству мою полную готовность всемерно поддерживать его.

Великий князь *Сергей Михайлович*»365.

Кроме телеграмм в адрес Временного правительства поступали и коллективные письма: «Относительно прав наших и в частности и моего на престолонаследие я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича.

Что касается до земель удельных, то, по искреннему убеждению, естественным последствием означенного акта эти земли должны стать общим достоянием Государства.

Великий князь *Дмитрий Константинович*.

Князь *Гавриил Константинович*.

Князь *Игорь Константинович*».

20 марта 1917 г. «опальный» великий князь Николай Константинович, сосланный в Ташкент во времена Александра II (за порочащее поведение),

направляет в Петроград приветственную телеграмму, выдержанную в «духе» времени:

«С восторгом приветствую новое Правительство свободной России, прошу вас известить меня, могу ли я считать себя свободным гражданином, после сорокалетнего преследования меня старым режимом, при содействии психиатров и жандармов, агентов придворной опеки. В[еликий] к[нязь] *Николай*»366.

В конечном итоге великому князю Николаю Константиновичу суждено было «навечно» остаться в Ташкенте.

Иначе реагировал на революционные события в России великий князь Дмитрий Павлович, отбывавший ссылку в Персии за участие в убийстве Григория Распутина. В письме к своему отцу, великому князю Павлу Александровичу от 19 марта, он сообщал:

«Нежно любимый, мой дорогой папа. Вся душа, все мысли, ежечасно, ежеминутно летят к тебе! Храни и огради тебя Господь Бог.

Да! Страшное, тяжелое время переживает теперь Россия в целом и все люди в частности. Старый строй должен был неминуемо привести к катастрофе. Эта катастрофа наступила. И осталось лишь надеяться на то, что свободная Россия, сознавая все свои силы, вышла бы из этих ужаснейших событий с честью и с достоинством. Лозунг теперь всем должен быть: все для победы, все для войны! Очень страшно думать, что лозунг этот может замениться другим: “революция ради революции”. И тогда конец!

И снова хочется мне сказать тебе, что мысли мои с тобою, всегда и постоянно. Лишь бы здоровье твое выдержало бы, а там, что Бог даст.

Что касается моих планов, то скажу тебе следующее. Я вперед уверен, что ты согласишься со мною и с моими мыслями.

Дело в том, что когда здесь мы узнали о перевороте, первая мысль была о тебе, о том, что я непременно должен ехать назад. Но потом, подумавши, я переменил мнение, и вот почему. Ты знаешь, папа, что я так подумал. Если бы моментально после падения старой власти припер бы в Петроград, это было бы с моей стороны страшным хамством по отношению к бедному Ники, да потом и слишком поспешно даже по отношению к новой власти. Все газетные заметки о том, что Керенский мне сообщил о возможности вернуться, до сего дня, т. е. до 19 марта, не оправдались.

5 марта я получил телеграмму от Миши, в которой он меня спрашивал: “Куда и когда я думаю ехать”. На эту телеграмму я ответил следующее. “Тебе известно, что мой отъезд в Персию был вызван волей твоего брата.

Без категорических указаний, оставить место своего пребывания не считаю возможным. От кого получу эти указания – не знаю”.

Я думаю, что иначе я ответить не мог. Но соваться на первых же порах в Петр[оград], как бы слишком радуясь тому, что власть, меня выславшая, провалилась, – было подсказано чувством простого такта. Я уверен, что ты меня поймешь!

Да, притом я был убежден и знал, что Вы все помните обо мне, и что если мое присутствие было бы необходимым, то, конечно, Вы бы меня известили. От Марии из Пскова получил тогда же телеграмму. По ней я увидел, что сестра спокойна. Кончалась ее телеграмма так: “Пока советую оставаться”. Эта фраза, конечно, поддержала меня в моем решении.

Конечно, обстановка меняется так быстро, события идут с такой головокружительной быстротой, что вероятно очень, что когда это письмо будет в твоих руках, – все уже переменится.

Резюмируя все сказанное, и я думаю, что если ничего нового не будет, то я появлюсь на петроградском горизонте в середине апреля.

Да! Страшное время переживаем. Главное, что давит, – это, по-моему, чувство полнейшей неизвестности. Что еще готовит судьба?

Главное знай ты и мамочка, что всем сердцем, всей душой с тобою и с Вами. Положительно не проходит минуты, когда мои мысли не шли к Вам мои бедные, дорогие друзья.

Ужасно беспокоюсь относительно твоего здоровья. Главное береги себя и будь спокоен, на сколько, конечно, это возможно в наше время.

Ну а за сим крепко и нежно обнимаю Вас обоих. Будьте спокойны, не падайте духом и Богом хранимы!

Может быть, теперь до скорого. Прощай родной. God blles and proteco you.

Дмитрий»367.

Это решение спасло жизнь великому князю Дмитрию Павловичу, который позднее поселился во Франции. Беспокойство же его за судьбу отца оправдалось. В январе 1919 г. великий князь Павел Александрович был расстрелян в Петропавловской крепости Петрограда вместе со своими родственниками.

Несомненно, что признание Временного правительства многими членами императорской фамилии было искренним, но для некоторых – вынужденным. Об этом, в частности, можно судить по тем же газетным сообщениям. Так, 17 марта 1917 г. «Вестник Временного правительства» поместил следующую информацию: «Кисловодск, 15-го марта. По приказанию местного гражданского исполнительного комитета арестован генерал-майор Чебыкин, состоящий начальником гвардейских запасных частей Петрограда.

При нем найдено компрометирующее письмо проживающей здесь великой княгини Марии Павловны к походному атаману всех казачьих войск великому князю Борису Владимировичу, которому это письмо должен был доставить Чебыкин… В связи с найденным у Чебыкина письмом был произведен обыск и у Марии Павловны, не давший, однако, серьезных результатов…

В Кисловодске, в связи с захваченной у генерала Чебыкина перепиской, по предписанию министра юстиции Керенского, подвергнута домашнему аресту великая княгиня Мария Павловна. Генерал Чебыкин, подполковник Тулузаков, также военный чиновник Котельников, замешанные в этой истории, отправлены под охраной в Петроград»368.

Вскоре после этого инцидента была опубликована телеграмма великой княгини Марии Павловны от 19 марта 1917 г. из Кисловодска на имя министра-председателя князя Г.Е. Львова: «Признавая вполне законным Временное правительство России, я имею себе в обязанность вас об этом уведомить».

21 марта была опубликована и телеграмма великой княгини Елизаветы Федоровны, которая была отправлена 16 марта на имя кн. Г.Е. Львова из Москвы: «Признавая обязательным для всех подчинение Временному правительству, заявляю, что и с своей стороны я вполне ему подчиняюсь. Елизавета Федоровна»369.

Однако это не уберегло великую княгиню от гонений со стороны новых властей, как представителя династии Романовых. Вскоре появились сведения о судьбе учреждений Елизаветы Федоровны: «От имени учреждений Елизаветы Федоровны к комиссару Н.М. Кишкину явился губернский предводитель дворянства П.А. Базилевский. Ему было предложено представить все

необходимые материалы о деятельности этих учреждений, после чего все они будут приписаны к другим соответствующим учреждениям, так как дальнейшая их деятельность под флагом Комитета великой княгини признается неудобной»370.

Мало что изменилось в армии. Новый Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев в докладе главе Временного правительства кн. Г.Е. Львову от 14 марта 1917 г. информировал о положении на фронте:

«Препровождаю для сведения сводку сообщений главнокомандующих фронтами и командующих кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей по вопросу о том, какое впечатление на войска произвел переход к новому государственному строю и последние события.

На Северном фронте происшедшая перемена и отречение Государя от престола приняты сдержанно и спокойно.

Многие к отречению императора Николая II и к отказу от престола вел. кн. Михаила Александровича отнеслись с грустью и сожалением.

По некоторым данным можно судить, что многим солдатам манифесты были непонятны и они еще не успели разобраться в наступивших событиях.

Во 2-м Сибирском корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя обойтись и надо скорее выбирать Государя, что евреев нельзя иметь офицерами, что необходимо наделять крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка.

В 5-й армии наступившие события некоторыми солдатами рассматривались как конец войны, другими – как улучшение своего питания, а частью – безразлично.

Во всех армиях фронта многие солдаты искренно возмущались заявлениями Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о республике, как желании народа, и говорили: почему же нас об этом не спрашивают? То же высказывали и некоторые жители…

Также замечается недовольство выделением петроградского гарнизона в какую-то привилегированную часть армии и высказывается пожелание, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт. В их стремлении остаться в Петрограде усматривается уклонение под благовидным предлогом от исполнения гражданского долга защиты России…

От нового правительства ждут улучшения условий жизни и установления порядка.

На Западном фронте акт об отречении был принят спокойно, серьезно, многими с сожалением и огорчением…

В 9, 10 и сводном корпусах 2-й армии манифест встречен отчасти с удивлением и с сожалением Государя.

Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящие события.

В сибирской казачьей дивизии сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление.

Некоторыми выражалась надежда, что Государь не оставит своего народа и армии и вернется к ним.

Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича и что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно…

Настроение войск бодрое. Преобладает сознание необходимости довести войну до победоносного конца, для чего необходимы полное спокойствие на фронте и усиленная работа тыла…

Отречение императора Николая II на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление.

В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием Государя, выразившимся в акте отречения. Здесь же манифест в. кн. Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления.

Более нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе, где передачу престола великому князю Михаилу Александровичу склонны понимать, как вручение регентства до совершеннолетия великого князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником…

Назначение великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с

радостью. У многих принятие им верховного командования связывалось с надеждой на более скорый и победоносный конец войны.

Лишь в 5-й армии Северного фронта ставились вопросы о том, по какому праву и чьим распоряжением вел. князь Николай Николаевич занял пост верховного главнокомандующего.

В заключение считаю необходимым указать, что население в тылу Северного фронта, особенно в местечках, опасается погрома, и к главнокомандующему этим фронтом уже начали поступать ходатайства о присылке войск для охраны безопасности жителей.

Примите уверение в совершенном уважении и полной преданности.

Мих. Алексеев»371.

Думской оппозиции в своем большинстве проведение революции представлялось под знаменами монархии против монарха, с конечной целью укрепления стабильности в стране и достижения победы в Первой мировой войне. Монархист, член Государственной думы В.В. Шульгин уже 26 апреля 1917 г. признавал: «Не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции; это было бы неправдой… Но даже не желая этого, мы революцию творили… Нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность»372. Многие не представляли себе будущего России без трона. Так, в первые дни «великой и бескровной» лидер Прогрессивного блока кадет П.Н. Милюков восклицал, что Временное правительство одно без монарха «окажется утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений еще до созыва Учредительного собрания»373. В какой-то степени эти слова оказались пророческими для Временного правительства и для российской демократии. Для многих отречение Николая II и его брата Михаила Романова явилось крушением монархических взглядов, а с «октябрьским переворотом» – конец «демократии» и установление жесткой диктатуры большевиков в России.

Глава VI

Скорбный путь Романовых

Под арестом в Александровском дворце

Уже на второй день после отречения царя, 3 марта 1917 г., Петроградский Исполнительный комитет, учитывая требования, выдвинутые на

многочисленных митингах и собраниях, поставил в повестку дня вопрос: «Об аресте Николая и прочих членов династии Романовых». После бурного обсуждения было принято постановление: «1) Довести до сведения Рабочих Депутатов, что Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил арестовать династию Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов. В случае же отказа запросить, как отнесется Временное правительство, если Исполнительный комитет сам произведет арест. Ответ Временного правительства обсудить вторично в заседании Исполнительного комитета»374.

Специальные пункты постановления касались ареста великих князей Михаила Александровича и Николая Николаевича. Особо подчеркивалось: «Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти». Производство и организацию арестов поручалось разработать Военной комиссии Петросовета. Принятое постановление председатель Исполкома Петросовета меньшевик Н.С. Чхеидзе довел до сведения Временного правительства.

Таким образом, еще не успели высохнуть чернила на актах об «отречении» от престола Николая II и его брата Михаила Романова и передачи ими всей полноты власти «законному» Временному правительству, как другая не менее «законная» советская власть решила объявить об аресте бывших «венценосцев».

Какие же проблемы волнуют в это время Временное правительство? Обратимся к журналам его заседаний, где читаем: «Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться Временное правительство до установления Учредительным собранием формы правления и основных законов Российского государства, равным образом, как и о взаимоотношениях Временного правительства к Временному Комитету Государственной думы. По этому вопросу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва»375.

Весьма откровенные высказывания. Как говорится в таких случаях: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Буффонада с требованием ответственного министерства канула в небытие. Не успев оказаться у власти, новые правители страны спешили избавиться и от пут парламента, т. е.

Государственной думы, которым воспользовались как инструментом в борьбе за власть.

Но продолжим чтение документа: «Было обращено внимание, что по обстоятельствам текущего момента Временному правительству приходится считаться и с мнением Совета Рабочих Депутатов. Однако допустить такое вмешательство в действия правительства являлось бы недопустимым двоевластием. Поэтому членам Временного правительства надлежало бы ознакомляться с предложениями Совета Рабочих Депутатов в своих частных совещаниях, до рассмотрения этих вопросов в официальных заседаниях…»376.

Надо заметить, что мудрая тактика! Здесь невольно вспоминается давно планируемая стратегия «Прогрессивным блоком» в борьбе за власть: оседлать революционную волну и на ее гребне, разрушив самодержавие, повести страну и политические течения за собой. Но гладко было на бумаге… Ситуация кадетов напоминала хорошо известную народную притчу:

– Эй, Егор, что ты там застрял?

– Медведя поймал.

– Ну так тащи его сюда.

– Да он не идет, упирается…

– Ну так сам иди.

– Да он не пускает.

Однако оставим методы борьбы на совести лидеров Временного правительства и обратим внимание на то, как правительство отреагировало на постановление Петросовета об аресте династии Романовых. На этот счет министром иностранных дел П.Н. Милюковым была сделана информация. Далее читаем: «Министр иностранных дел… по вопросу о дальнейшей судьбе членов бывшей императорской фамилии высказался за необходимость выдворения их за пределы Российского государства, полагая эту меру необходимой как по соображениям политическим, так равно и небезопасности их дальнейшего пребывания в России. Временное правительство полагало, что распространять эту меру на всех членов семьи дома Романовых нет достаточных оснований, но что такая мера представляется совершенно необходимой и неотложной в отношении отказавшегося от престола бывшего императора Николая II, а также и по отношению к великому князю Михаилу Александровичу и их семьям. Что

касается местопребывания этих лиц, то нет надобности настаивать на выдворении за пределы России и при желании их оставаться в нашем государстве необходимо лишь ограничить их местопребывание известными пределами, равным образом как ограничить и возможность свободного передвижения»377.

Специального постановления о Романовых Временное правительство не вынесло, но приняло руководство к действию. На этом же заседании на должность главнокомандующего Петроградским военным округом был утвержден генералмайор Л.Г. Корнилов. На сообщение Морского министра «о бунте матросов на судах Балтийского флота» поручалось министру юстиции А.Ф. Керенскому «принять меры к увещанию на предмет водворения спокойствия и порядка». На этом фоне массового избиения морских офицеров контрастом выглядит принятый правительством Указ Сенату об учреждении Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц.

Министр юстиции А.Ф. Керенский 4 (17) марта 1917 г. приказал дело об убийстве Григория Распутина прекратить, а князю Ф.Ф. Юсупову и великому князю Дмитрию Павловичу (участникам убийства Распутина) разрешить возвратиться в столицу. В этот же день были опубликованы акт об отречении Николая II и акт об отказе Михаила принять престол впредь до того, как народ выразит свою волю об образе правления в Учредительном собрании. Одновременно председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов обратился ко всем военным и гражданским властям России с телеграммой, оповещающей о вышеупомянутых актах отречения и переходе верховной власти к Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания. Таким образом, государственный переворот был узаконен. А на следующий день 5 (18) марта князь Г.Е. Львов сделал телеграфное распоряжение о повсеместном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов и замене их временно председателями губернских земских управ, о возложении на председателей уездных земских управ обязанностей уездных комиссаров Временного правительства, а также о замене полиции милицией, организуемой общественными самоуправлениями. Революция восторжествовала и на местах.

5 марта 1917 г. на заседании Временного правительства заслушивается сообщение А.Ф. Керенского о вынесенной Сенатом резолюции, в которой «Сенат благодарит Временное правительство за почти бескровное установление внутреннего мира и переход к новому порядку в стране»378. На этом же

заседании Керенским ставится вопрос: «О необходимости принятия мер к охранению царской семьи, находящейся в Царскосельском дворце, и замены коменданта означенного дворца лицом, назначенным от Временного правительства». Вскоре выносится решение: «Поручить Военному министру немедленно сместить коменданта Царскосельского дворца и командировать в Царское Село комиссара для выяснения мер, необходимых для охраны царской семьи, и обеспечить уход и врачебную помощь больному бывшему наследнику престола»379. Решение правительства носило, с одной стороны, благотворительную роль покровительства царской семьи, а с другой – фактически вводило режим контроля за положением в Царском Селе, т. е. негласного ареста.

Коснемся еще одного любопытного момента. Известно, что Николай II по прибытии в Могилев после отречения передал генералу М.В. Алексееву для сношения с Временным правительством собственноручную записку, в которой указывал: «Потребовать от Временного правительства след[ующие] гарантии:

1) О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.

2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.

3) О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.

4) О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму – в Ливадии»380.

Сравнивая текст записки царя с текстом телеграммы, посланной в Петроград, можно понять, что Алексеев поддержал все требования Николая II за исключением четвертого пункта, т. е. проживания в Ливадии. Передавая эту просьбу царя главе Временного правительства князю Г.Е. Львову 4 марта 1917 г., генерал М.В. Алексеев от себя в телеграмме добавил: «Настоятельно ходатайствую о скорейшем решении правительства указанных вопросов, что особенно важно для штаба Верховного главнокомандующего, как и для самого отрекшегося императора»381.

На следующий день, 5 марта, Алексеев вновь обращается телеграммой к князю Львову и Родзянко: «В дополнение моей телеграммы от 4 марта № 54 очень прошу ускорить разрешение поставленных вопросов и одновременно командировать представителей для сопровождения поездов отрекшегося императора до места назначения».

Только 6 марта последовал ответ Временного правительства. Приведем его дословно.

«Его Императорскому Величеству.

Шифрованная телеграмма председателя Совета Министров князя Львова генерал-адъютанту Алексееву из Петрограда от 6 марта 1917 г.

Временное правительство разрешает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся [в] его распоряжении: обеспечить беспрепятственный приезд [в] Царское Село, пребывание [в] Царском Селе и проезд до Романова – [на] Мурмане. № 938.

Министр-председатель князь Львов.

Верно: генерал-лейтенант Лукомский»382.

На телеграмме имелась рукописная пометка: «Перевод сообщить генералу Вилиамсу».

Как видно из ответа, что Временное правительство и некоторые деятели не хотели видеть бывшего императора проживающим со своей семьей в Крыму.

Любопытно, что 6 (19) марта к генералу М.В. Алексееву с письмом обратились начальники союзных военных миссий:

«Дорогой генерал Алексеев.

Мы, начальники союзных военных миссий, предлагаем, – при условии, что, по вашему мнению, правительство на это согласится и что будет принято решение об отъезде Его Величества в Царское Село, – сопровождать его до Царского Села.

Мы полагаем, что это является нашим долгом, ввиду тех отношений, которые существовали между нами и Государем императором, когда Его Величество был Верховным главнокомандующим, и что долг этот будет признан правительством.

При указанных условиях мы просим вас содействовать этой поездке.

Примите, дорогой генерал, наш искренний привет»383. Далее следуют подписи иностранных союзных генералов Антанты при Ставке в Могилеве: Хенбри Вилиамс, Жанен, Коанда, Ромен, барон де Риккель.

Генерал Алексеев в ответ на письмо сообщил английскому генералу Вилиамсу: «Полагаю, что эта поездка неудобна. Мне придется сноситься с Временным правительством, что может вызвать задержку отъезда Государя императора»384.

Стоит отметить, что Временное правительство, выдав телеграммой от 6 марта гарантии бывшему императору, практически сразу их нарушило.

Что же в это время происходило в столице? С отказом от трона Михаила Романова часть политиков проявляли беспокойство и особенно надежностью воинских частей в Ставке и на фронте. Так, известный в февральские дни комиссар железных дорог А.А. Бубликов высказывал общее настроение: «Царь, к великому моему удивлению, отправился из Пскова в Ставку. Как только я получил справку о назначении в Могилев для литерного поезда “А”, в котором царь путешествовал по России, я немедленно же телефонировал Гучкову… чтобы высказать ему свое недоумение и опасение, как бы царь в Ставке не вздумал организовать сопротивление. Но Гучков спокойно ответил: “Он совершенно безвреден…”. Но все-таки разрешение уволенному в отставку царю свободно разъезжать по стране, направляться к войскам, среди которых могли оказаться и преданные ему, все это не могло не казаться странным…»385. Быстро меняющаяся политическая ситуация вызывала опасения новых правителей страны, что военные могут пересмотреть свое отношение к событиям. Эту ситуацию подогревали и знаменитый приказ № 1, ведущий к подрыву единоначалия и дисциплины в войсках, и приказ Военного министра А.И. Гучкова о массовом одновременном увольнении из армии до 150 старших начальников и замене их другими выдвиженцами, отвечающими лишь одному требованию – преданности делу революции. Что будет, если Николай II получит поддержку некоторых недовольных генералов, и отборные части пойдут на Петроград или, наконец, он укрепится в Ставке и этим парализует все революционные начинания. Первыми забили тревогу в Петросовете. В протоколе заседания исполкома Петросовета от 6 марта 1917 г. читаем: «Чхеидзе докладывает о своих переговорах с Временным правительством относительно ареста дома Романовых.

Правительство до сих пор окончательного ответа не дало. От ген. Алексеева поступило заявление от имени Николая Романова о желании его прибыть в Царское Село. Временное правительство, видимо, против этого не возражает. Один же из министров (Керенский. – *В.Х.*) заявил, что если Исполнительный комитет Совета Р. и С. Д. окончательно решит арестовать Николая, Временное правительство сделает все, чтоб облегчить Исполнительному комитету выполнить эту задачу.

Исполнительный комитет постановил немедленно сообщить военной комиссии при Совете Р. и С. Д. о принятии мер к аресту Николая Романова»386.

В исполком Петросовета поступило заявление 84 депутатов Совета, в котором выдвигались ультимативные требования:

«1) В широких массах рабочих и солдат, завоевавших для России свободу, существует крайнее возмущение и тревога вследствие того, что низложенный с престола Николай II Кровавый, уличенная в измене России жена его, сын его Алексей, мать его Мария Федоровна, а также все прочие члены дома Романовых, находятся до сих пор на полной свободе и разъезжают по России, и даже на театре военных действий, что является совершенно недопустимым и крайне опасным для восстановления нормального порядка и спокойствия в стране и в жизни и для успешного хода защиты России от внешнего врага.

2) Мы предлагаем Исполнительному комитету немедленно потребовать, чтобы Временное правительство безотлагательно приняло самые решительные меры к сосредоточению всех членов дома Романовых в одном определенном пункте под надежной охраной народной Революционной армии.

3) Настоящее заявление требуем немедленно огласить и проголосовать в настоящем заседании Совета Солдатских и Рабочих Депутатов»387.

Следует заметить, что Временное правительство было в курсе дел Петросовета и поддалось его нажиму. Давая положительный ответ на телеграмму о беспрепятственном проезде царя на Мурман, оно готовило его арест. Об этом подробно рассказывает в своих воспоминаниях комиссар Временного правительства А.А. Бубликов: «…Меня вызывали, сперва к Родзянко, а затем в Совет Министров и предложили, совместно с 3 другими членами Государственной думы, отправиться в Могилев, арестовать там царя и доставить его в Царское.

Первым моим движением было отказаться от этой «почетной» роли. Слишком мне претило разыгрывать из себя тюремщика. Но затем, поразмыслив, я решил принять поручение… Надо было, следовательно, выяснить свои задачи… Заседание Совета Министров произвело на меня впечатление чрезвычайной бестолковщины, многоговорения и отсутствия предусмотрительности… Понятно, что и вопрос об аресте царя потребовал длительного обсуждения… Самый акт ареста решено было наименовать объявлением царя “лишенным свободы”. На мой вопрос, как его именовать в третьем лице и при обращении, буде таковое потребуется, решили именовать: “бывшим императором”, а относительно титулования при личном обращении, поколебавшись немного

между Вашим Высочеством и Вашим Величеством, остановились на последнем, однако без прибавления слова императорское.

Попутно выяснилось, что царь обращался к Временному правительству с тремя просительными пунктами: 1) об обеспечении ему безопасного проезда из Могилева до Царского; 2) об охране его во время пребывания в Царском и 3) об обеспечении его проезда на Мурман и в Англию.

Решено все три просьбы удовлетворить и вписать об этом в постановление Совета Министров, коим царь объявлялся лишенным свободы… Вопрос о приставлении к арестованному царю стражи и об отобрании у него шпаги так и остался не обсужденным, ибо я молча решил этих церемоний не проделывать…»388.

Позднее белогвардейский следователь Н.А. Соколов в своем расследовании отмечал:

«21 марта (8 марта по старому стилю. – *В.Х.*) в Могилев прибыли члены Государственной думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. В Ставке ждали их, думая, что они командированы Временным правительством “сопровождать” императора в Царское. Но когда Государь сел в поезд, эти лица объявили ему через генерала Алексеева, что он арестован.

Отъезд императора из Ставки состоялся 21 марта (по новому стилю. – *В.Х.*). Свидетель Дубенский показывает: “Государь вышел из вагона императрицы матери и прошел в свой вагон. Он стоял у окна и смотрел на всех, провожавших его. Почти против его вагона был вагон императрицы матери. Она стояла у окна и крестила сына. Поезд пошел. Генерал Алексеев отдал честь императору, а когда мимо него проходил вагон с депутатами, он снял шапку и низко им поклонился”»389.

Среди архивных материалов имеется постановление Временного правительства «О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги» от 7 марта 1917 г., в котором предписывалось:

«1) Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село.

2) Поручить генералу Михаилу Васильевичу Алексееву предоставить для охраны отрекшегося императора наряд в распоряжение командированных в Могилев членов Государственной думы: Александра Александровича

Бубликова, Василия Михайловича Вершинина, Семена Федоровича Грибунина и Савелия Андреевича Калинина.

3) Обязать членов Государственной думы, командируемых для сопровождения отрекшегося императора из Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполненном ими поручении.

4) Обнародовать настоящее постановление»390. Выполнение постановления об аресте императрицы Александры Федоровны в Царском Селе было поручено новому командующему войсками Петроградского военного округа генералу Л.Г. Корнилову (знаменитому своим побегом из австрийского плена).

Такой оборот дела для некоторых членов Временного правительства оказался не бесспорным. «Ведь, в сущности говоря, не было никаких оснований – ни формальных, ни по существу – объявлять Николая II лишенным свободы, – позднее сознавался в своих воспоминаниях первый управляющий делами Временного правительства, кадет В.Д. Набоков, – отречение его не было формально вынужденным. Подвергать его ответственности за те или иные поступки его, в качестве императора, было бы бессмыслицей и противоречило бы аксиомам государственного права… Между тем актом о лишении свободы завязан узел, который был 4 (17) июля в Екатеринбурге разрублен товарищем Белобородовым. Но этого мало. Я лично убежден, что “битье лежачего” – арест бывшего императора – сыграло свою роль и имело более глубокое влияние в смысле разжигания бунтарских страстей. Он придавал “отречению” характер “низложения”, так как никаких мотивов к этому аресту не было указано»391.

В свою очередь белогвардейский следователь Н.А. Соколов констатировал: «Лишение царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд их за границу»392.

Документы позволяют четко восстановить хронику событий. 7 марта министр юстиции А.Ф. Керенский прибыл в Москву, присутствовал на заседании Московского Совдепа и на вопрос о судьбе бывшего царя и Романовых, по словам «Русского Слова» и других газет, заявил, что: «Николай Николаевич верховным главнокомандующим не будет. А что касается Николая II, то бывший царь сам обратился к новому правительству с просьбой о покровительстве. Сейчас Николай II в моих руках, в руках генерал-прокурора! И я скажу вам, товарищи: русская революция прошла бескровно, и я не позволю омрачить ее. Маратом русской революции я никогда не буду. Но в самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию…»393. Достаточно провокационное заявление.

Разрешив бывшему императору временно разместиться в Александровском дворце Царского Села, Временное правительство вело переговоры с английским правительством об отправке Николая II и его семьи в Великобританию. В своих мемуарах посол Бьюкенен рассказывает, что 8 марта, когда бывший царь еще находился в Ставке, он спросил министра иностранных дел Милюкова, правда ли, что император Николай II арестован. «Я напомнил ему, – пишет Бьюкенен, – что император является близким родственником и интимным другом короля, прибавив, что буду рад получить уверенность в том, что будут приняты всяческие меры к его безопасности. Милюков заверил меня в этом. Он не сочувствует тому, сказал он, чтобы император последовал в Крым, как первоначально предполагал Его Величество, и предпочитал бы, чтобы он остался в Царском, пока его дети не оправятся в достаточной степени от кори, для того, чтобы императорская семья могла выбыть в Англию. Затем он спросил, делаем ли мы какие-нибудь приготовления к их приему. Когда я дал отрицательный ответ, то он сказал, что для него было бы крайне желательно, чтобы император выехал из России немедленно. Поэтому он был бы очень благодарен, если бы правительство Его Величества предложило ему убежище в Англии и если бы, кроме того, заверило, что императору не будет дозволено выехать из Англии в течение войны»394.

Через день Дж. Бьюкенен сообщил министру П.Н. Милюкову, что король Георг V и правительство Англии будут счастливы исполнить просьбу Временного правительства – предложить Николаю II и его семье убежище в Англии. «В случае, если это предложение будет принято, – прибавил я, – то русское правительство, конечно, благоволит ассигновать необходимые средства для их содержания. Заверяя меня в том, что императорской семье будет уплачиваться щедрое содержание, Милюков просил не разглашать о том, что Временное правительство проявило инициативу в этом деле. Затем я выразил надежду, что приготовления к путешествию Их Величеств в порт Романов будут сделаны без проволочки»395.

По Петрограду стали распространяться противоречивые слухи. Утверждалось, например, что Николай II с семьей уже выехал за границу с ведома Временного правительства. Даже французский посол М. Палеолог 8 (21) марта записал в своем дневнике: «Уже несколько дней ходил слух в народе, что “гражданин Романов” и его супруга “немка Александра” тайно подготовляли при содействии умеренных министров: Львовых, Милюковых, Гучковых и пр. реставрацию самодержавия. Поэтому Совет потребовал вчера немедленного ареста бывших царя и царицы. Временное правительство уступило. Четыре депутата Думы: Бубликов, Грибунин, Калинин и Вершинин выехали в тот же вечер в Ставку в Могилев с мандатом привезти императора.

Что касается императрицы, то генерал Корнилов отправился сегодня с конвоем в Царское Село. По прибытии в Александровский дворец он был тотчас принят царицей, которая выслушала без всякого замешательства решение Временного правительства; она просила только, чтобы ей оставили всех слуг, которые ухаживают за больными детьми, что ей и было разрешено. Александровский дворец отрезан теперь от всякого сообщения с внешним миром.

Арест императора и императрицы очень взволновал Милюкова; он хотел бы, чтобы король Англии предложил им убежище на британской территории, обязавшись даже обеспечить их неприкосновенность; он просил поэтому Бьюкенена телеграфировать немедленно в Лондон и настаивать, чтобы ему ответили очень спешно…»396.

Однако сведения Палеолога относительно Англии не совсем верны. А дело было так. Как только английскому королю Георгу V стало известно об отречении своего кузена Николая II, он 6 марта послал в Ставку в Могилев следующую телеграмму: «События последней недели меня глубоко взволновали. Я думаю постоянно о тебе и остаюсь всегда верным и преданным другом, каким, как ты знаешь, я всегда был и раньше»397. Известно и другое, что Ллойд Джордж, при известии о падении русской монархии, воскликнул с радостью: “Одна из целей войны для Англии наконец достигнута”. Телеграмма Георга V была адресована генералу Д.Х. Вилиамсу (Вильямсу) для передачи Николаю II, но на тот момент царь уже выехал из Могилева. Тем временем министр иностранных дел П.Н. Милюков 6 марта просил английского посла Дж. Бьюкенена срочно выяснить, сможет ли бывший император с семьей выехать в Англию. Бьюкенен в тот же день послал запрос в Лондон. Вскоре, 8 марта, он телеграфировал вторично, сообщая, что Милюков «очень хотел бы, чтобы Его Величество покинул Россию» и «был бы рад, если бы английский король и английское правительство предложили царю убежище в Англии». Отношение англичан, следует заметить, к Николаю II было противоречиво. Генерал Вилиамс тем временем полученную телеграмму Георга V в Ставке переслал в Петроград Бьюкенену для передачи ее адресату. Однако послание короля так и не было вручено Николаю II, по причине задержки ее Милюковым до выяснения обстановки, о чем скажем чуть позже. Дальше пошли дипломатические ходы. Опережая события, отметим, что 9 марта министр иностранных дел Англии Бальфур послал Бьюкенену телеграмму, из которой следовало, что король и британское правительство «рады пригласить царя и царицу поселиться в Англии и остаться здесь на все время войны. Передавая это сообщение русскому правительству, вы должны разъяснить, что русское правительство должно нести ответственность за предоставление их величествам необходимых средств к жизни соответственно положению Их Величеств»398.

10 марта посол Дж. Бьюкенен в Петрограде передал Милюкову официальную ноту по этому вопросу, а на следующий день телеграфировал в Лондон: «Вчера я уведомил министра иностранных дел о содержании Вашего послания… Милюков чрезвычайно заинтересован в том, чтобы это дело не было предано гласности, так как крайние левые возбуждают общественное мнение против отъезда царя из России. Хотя министр иностранных дел надеется, что правительству удастся преодолеть это сопротивление, само правительство еще не пришло к окончательному решению… Когда я поднял вопрос о средствах царя, меня уведомили, – что, по имеющимся у министра иностранных дел сведениям, царь обладает значительным личным состоянием. Во всяком случае, финансовый вопрос будет разрешен правительством с полным великодушием».

Встает вопрос, почему британское правительство, дав вначале свое согласие, не осуществило со своими коллегами по Временному правительству России, казалось бы, общие намерения? Ответ вырисовывается довольно четкий. Потому, что опасались из-за царя испортить отношения с реальными правителями страны, тем самым подорвать свое влияние на русских и поставить под вопрос их участие в войне. На эти «побочные мотивы» указывает, правда, в осторожной, предположительной форме Дж. Бьюкенен и, более определенно, – английский посол во Франции Берти, «…русские крайние социалисты могли бы этому поверить, что британское правительство держит бывшего императора в резерве в целях реставрации, если в эгоистических интересах Англии окажется выгодным поддержание внутренних разногласий в России»399.

Следует заметить, что в первые дни революции Временное правительство во избежание для себя всяких осложнений приняло решение о задержании переписки династии Романовых с внешним миром. Позднее бывший министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков так объяснял свои действия по задержке телеграммы Георга V от 6 марта 1917 г.: «Телеграмма была адресована императору, а так как Государь больше не был императором, то я отдал ее английскому послу»400. В другом интервью П.Н. Милюкова 1921 г. можно прочесть следующее: «Не доставление Николаю II телеграммы английского короля от 19 марта (6 марта по старому стилю. – *В.Х.*), посланной адресату еще как царствующему императору, произошло по соглашению между мною и сэром Джорджем и явилось одним из доказательств внимания английского правительства к совершившемуся в России перевороту»401. Сэр Дж. Бьюкенен более откровенен в своем признании об утайке телеграммы от Николая II. Он откровенно признавал, что она могла облегчить отъезд царской семьи в Англию, но действие это возлагает только на одного Милюкова402. В самом деле, что было бы, если царская семья, имея такой документ, решилась выехать с больными детьми при первой же возможности? Очевидно же, что

некоторые министры могли лишиться своих портфелей, а по русской поговорке: «Своя рубашка ближе к телу». Не для того же они с трона скинули царя, чтобы из-за него потерять место, которого так добивались. На первый взгляд странной кажется позиция английского посла Дж. Бьюкенена, который осмелился не выполнить волю своего короля. Но, очевидно, он руководствовался своими соображениями, что король только царствует, а не правит; те, кто правил в Англии, были заинтересованы в другом. Будем справедливы, Георг V чуть позднее также изменил свои намерения о пребывании царской семьи в Англии, о чем свидетельствуют его дневники.

Однако вернемся в Царское Село. 8 марта 1917 г. Временное правительство рассматривает вопрос: «Представление министра иностранных дел о необходимости принятия мер к охранению документов государственной важности, находящихся в Царскосельском дворце, ввиду предстоящего водворения в нем отрекшегося императора Николая II». По нему принимается постановление: «Опечатать кабинет отрекшегося императора Николая II в Царскосельском дворце и приставить к нему караул»403.

Своим чередом разворачивались события в Царском Селе. Камердинер императрицы А.А. Волков в своих воспоминаниях дает описание ареста Александры Федоровны: «Но вот приехал генерал Корнилов, вместе с несколькими офицерами, среди которых были Коцебу, офицер гвардейского уланского полка, и полковник Кобылинский. Во дворце в это время находился гофмаршал Бенкендорф и церемониймейстер граф Апраксин.

Корнилов просил доложить о нем Государыне, которая и приняла его в присутствии графа Бенкендорфа.

Корнилов сказал императрице, что на него возложена тяжелая обязанность объявить об аресте и просил Государыню быть спокойной: ничего не только опасного, но даже особых стеснений арест за собою повлечь не может. Корнилов попросил разрешения представить Государыне сопровождающих его офицеров.

Выйдя от императрицы, он объявил, что все, окружающие царскую семью, могут по собственной воле при ней остаться. Кто же не хочет, волен уйти. На принятие решения им было дано два дня, после которых для остающихся вместе с царской семьей наступал также арест.

Комендантом был назначен Коцебу, а начальником охраны полковник Кобылинский»404.

В этот день, 8 марта, Александра Федоровна в своем дневнике сделала запись на английском языке: «Ген[ерал] Корнилов, комендант Ц[арского] С[ела] Кобылинский. Корнилов объявил, что мы находимся взаперти… С этого момента присутствующие [во дворце] считаются изолированными, не должны видеться ни с кем посторонними… Жгла письма с Лили»405.

В сухих официальных сводках населению сообщалось, примерно, следующее. Согласно распоряжению Временного правительства, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал Корнилов прибыл в Царскосельский дворец и прочел бывшей царице, в присутствии графа Бенкендорфа и графа Апраксина, постановление об ее аресте. По прочтении постановления главнокомандующий принял меры по охране дворца, установив очередь караулов от всех пехотных полков царскосельского гарнизона, порядок посылки конных дозоров по всему городу, порядок допуска во дворец и сношения последнего с внешним миром. Все телеграфные и телефонные провода поставлены под контроль караульных офицеров. Посты наружной охраны, наряжаемой от дворцовой полиции, были немедленно смещены и заменены нарядом от гарнизона.

По Петрограду продолжал циркулировать самые невероятные слухи, которые подогревались сенсационными газетными «утками». Искали врагов революции и ответственных за все ухудшающееся положение на фронтах и внутри страны. Самой удобной мишенью был поверженный император.

Между тем Исполком Петросовета 8 марта вновь рассматривает вопрос «об аресте Николая II и его семьи» и постановляет: «Решено арестовать всю семью, конфисковать немедленно их имущество и лишить права гражданства. Для ареста послать своего парламентера с той делегацией, которая будет производить арест…»406.

Акт Временного правительства по возможному выезду царской семьи за границу был тревожно встречен членами Петросовета, которые усмотрели в нем угрозу реставрации монархии в России с помощью вмешательства Великобритании. В Петросовете разгорелись бурные дебаты: «Все созвучно утверждали: революция должна оградить себя от всякой возможности восстановления монархии; перчатка, брошенная Временным правительством, решившим этот – существеннейший для судеб революции – вопрос единолично, за спиной Исполкома, – должна быть поднята…»407.

Обстановку проходившего в Петросовете заседания ярко осветил член Военной комиссии эсер С.Д. Мстиславский (Масловский). В своих воспоминаниях «Пять дней. Начало и конец Февральской революции» он отмечал: «Слишком долго и

слишком путано задерживались ораторы на вопросе, в какой мере «лично» опасен бывший монарх – и кто из великих князей может и должен подойти под категорию «угрожающих» будущей Республике… Мерою опасности, естественно, определяется мера пресечения: вот почему столь безудержно страстные в заявлениях своих об опасности монархии члены И[сполнительного] К[омитета] тускнели, потупляли глаза, когда логическим ходом мысль заставляла их говорить о судьбе монарха. Были секунды, когда казалось, что столь страшное для меньшевизма, столь ранящее слух слово – «цареубийство» – уже готово опуститься на нас… Но оратору перехватывал горло уже поднятый его мыслью звук, и вновь затягивала собрание зыбкая, туманная пелена – полунамеков, полупризнаний, полуклятв…»408.

Между тем 9 марта обстановка вокруг царской семьи накаляется до предела. В протоколе заседания Исполкома Петросовета первым вопросом рассматривается:

«I. Об аресте Николая Романова.

Ввиду полученных сведений, что Временное правительство решило предоставить Николаю Романову выехать в Англию и что в настоящее время он находится на пути к Петрограду. Исполнительный Комитет решил принять немедленно чрезвычайные меры к его задержанию и аресту. Издано распоряжение о занятии нашими войсками всех вокзалов, а также командированы комиссары с чрезвычайными полномочиями на ст. Царское Село, Тосно и Званка. Кроме того, решено разослать радиотелеграммы во все города с предписанием арестовать Николая Романова и вообще принять ряд чрезвычайных мер. Вместе с тем решено объявить немедленно Временному правительству о непреклонной воле Исполнительного Комитета не допустить отъезда в Англию Николая Романова и арестовать его. Местом водворения Николая Романова решено назначить Трубецкой бастион Петропавловской крепости, сменив для этой цели командный состав последней. Арест Николая Романова решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношений с Временным правительством»409.

В сообщении, опубликованном в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» 10 марта 1917 г., отмечалось: «Исполнительный комитет Совета признал пагубным для дела русской революции как оставление Николая II на свободе, так и выезд его за границу, где он, располагая колоссальными средствами, припрятанными на черный день в заграничных банках, мог бы организовать заговоры против нового строя, питать черносотенные происки, рассылая наемных убийц и т. д.».

Исполком Петросовета за дело взялся «круто». Были заготовлены бланки приказов о задержании поезда Николая II и его аресте. В этот бланк достаточно было от руки вписать наименование отряда и позицию его дислокации, чтобы бойцы были срочно отправлены на задержание.

Радиотелеграммы за подписью Чхеидзе призывали:

«Срочное сообщение всем:

От Исполнительного комитета Рабочих и Солдатских Депутатов. По всем железным дорогам и другим путям сообщения, комиссарам, местным комитетам, воинским частям.

Всем сообщается вам, что предполагается побег Николая Второго за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приказывает задержать бывшего царя и немедленно сообщить Исполнительному Комитету – Петроград, Таврический дворец – для дальнейшего распоряжения».

Переполох был на всю Россию. Спустя пять дней, 12 марта Омский Совдеп запрашивал разъяснения Петросовета следующей телеграммой: «Омский Совет рабочих депутатов просит подтвердить справедливость циркулярной записки, подписанной Чхеидзе [и] Скобелевым, о предполагаемом побеге Николая II. Секретарь Аронов».

Несмотря ни на что, поезд с отрекшимся императором 9 марта благополучно прибыл в Царское Село.

Об этом событии полковник Е.С. Кобылинский в апреле 1919 года давал показания белогвардейскому следователю Н.А. Соколову:

«Спустя несколько дней (не помню числа), мне было передано по телефону, что приезжает Государь император. Я отправился на вокзал. Когда подошел поезд, Государь вышел из вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль. С ним был гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков (в документе ошибочно указан Долгорукий. – *В.Х.*). Вместе с Долгоруковым Государь и сел в автомобиль. Ко мне же на перроне подошли двое штатских, из которых один был член Государственной думы Вершинин, и сказали мне, что их миссия окончена: Государя они передали мне.

Я не могу забыть одного явления, которое я при этом наблюдал в то время. В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица

посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Сцена эта была весьма некрасива.

Я отправился во дворец вслед за Государем. Государь тут же поднялся наверх к больным детям.

Вскоре привезли с вокзала вещи Государя.

Жизнь царскосельского периода, как она была регламентирована инструкцией, вполне соответствовала тому положению, какое и должно было быть у семьи. Инструкция ограничивала свободу сношений августейшей семьи с внешним миром и вносила, конечно, некоторые ограничения во внутреннюю жизнь; корреспонденция проходила через руки коменданта дворца. Из дворца можно было выходить только в парк. Дворец и парк были всегда оцеплены караулом. Гулять можно было с утра до наступления темноты.

Больше никаких ограничений не существовало. Во внутреннюю жизнь семьи, кроме вышеуказанного ограничения времени выхода из дворца, правительство не вмешивалось»410.

Камердинер императрицы А.А. Волков более подробно описывает приезд Николая II в Царское Село: «Около 10 часов утра собрались во дворце и нестройно встали в вестибюле какие-то офицеры. Дежурный по караулу офицер вышел наружу. Через некоторое время от железнодорожного павильона подъехал автомобиль Государя. Ворота были закрыты, и дежурный офицер крикнул: “Открыть ворота бывшему царю”. Ворота открылись, автомобиль подъехал ко дворцу. Из автомобиля вышли Государь и князь Долгоруков (генерал-адъютант Свиты).

Когда Государь проходил мимо собравшихся в вестибюле офицеров, никто его не приветствовал. Первый сделал это Государь. Только тогда все отдали ему привет.

Государь прошел к императрице. Свидание не было печальным. Как у Государя, так и у императрицы, на лице была радостная улыбка. Они поцеловались и тотчас же пошли наверх к детям»411.

Какое впечатление произвел этикет встречи на бывшего императора?

В день прибытия 9 марта Николай II записал в дневнике:

«Скоро и благополучно прибыл в Царское Село – в 11 1/2 ч. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у кот[орой] корь недавно началась. Завтракали и обедали в игральной у Алексея. Видел доброго Бенкендорфа. Погулял с Валей Долг[оруковым] и поработал с ним в садике, т. к. дальше выходить нельзя! После чая раскладывал вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе»412.

Запись в дневнике Александры Федоровны от 9 марта очень лаконична: «Приехал Н[иколай]. Завтракали с Н[иколаем] и Алексеем в игральной [комнате]. 3 часа: Ольга [температура] 36,8°; Татьяна – 37°; Мария – 37,6°; Анастасия – 36,8°. Ходила к Ане (Вырубовой. – *В.Х.*), пока Н[иколай] гулял в саду. Лили (Ден. – *В.Х.*) кушает вместе с Аней [Вырубовой]…»413.

Более подробно рассказывает о переживаниях Александры Федоровны в этот день Анна Вырубова в своих воспоминаниях:

«Наше беспокойство о Государе окончилось утром 9 марта. Я лежала еще больная, доктор Боткин (расстрелян большевиками в Екатеринбурге вместе с царской семьей) только что посетил меня, как дверь быстро отворилась, и в комнату влетела госпожа Ден, вся раскрасневшаяся от волнения. “Он вернулся!” – воскликнула она и запыхавшись, начала мне описывать приезд Государя, без обычной охраны, но в сопровождении вооруженных солдат. Государыня находилась в это время у Алексея Николаевича. Когда мотор подъехал ко дворцу, она, по словам госпожи Ден, радостная выбежала навстречу царю; как пятнадцатилетняя девочка, она быстро спустилась с лестницы и бежала по длинным коридорам. В эту первую минуту радостного свидания, казалось, было позабыто все пережитое и неизвестное будущее. Но потом, как я впоследствии узнала, когда Их Величества остались одни, Государь, всеми оставленный и со всех сторон окруженный изменой, не мог не дать воли своему горю и своему волнению, – и как ребенок рыдал перед своей женой.

Только в 4 часа дня пришла Государыня, и я тотчас поняла по ее бледному лицу и сдержанному выражению все, что она в эти часы вынесла. Гордо и спокойно она рассказала мне о всем, что было. Я была глубоко потрясена ее рассказом, так как за все 12 лет моего пребывания при дворе, я только три раза видела слезы в глазах Государя, “Он теперь успокоился, – сказала она, – и гуляет в саду; посмотри в окно!” Она подвела меня к окну. Я никогда не забуду того, что увидела, когда мы обе, прижавшись друг к другу, в горе и смущении выглянули

в окно. Мы были готовы сгореть от стыда за нашу бедную родину. В саду, около самого дворца, стоял царь всея Руси и с ним преданный друг его, князь Долгоруков. Их окружали 6 солдат, вернее, 6 вооруженных хулиганов, которые все время толкали Государя то кулаками, то прикладами, как будто он был какой-то преступник, прикрикивая: “Туда нельзя ходить, господин полковник, вернитесь, когда вам говорят!” Государь совершенно спокойно на них посмотрел и вернулся во дворец»414.

Что стояло за актом Временного правительства ареста царской четы? Как выяснилось позднее, никто из лидеров революции не отрицал намерения «предать Государя суду». Князь Г.Е. Львов сознавался в этом, хотя с некоторыми оправдательными оговорками. А.Ф. Керенский в этом смысле был более откровенен. Он подтвердил, что на заседании Московского Совета 7 марта 1917 г. объявил: «Беспристрастный суд должен судить ошибки Николая II перед Россией». Об этой новости сообщали многие газеты. В частности, А.Ф. Керенский в свидетельских показаниях белогвардейскому следователю Н.А. Соколову в эмиграции в Париже уточнял причины ареста царской четы: «Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы по постановлению Временного правительства, состоявшемуся 20 марта (по новому стилю. – *В.Х.*). Было две категории причин, которые действовали в этом направлении. Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и рабочих петроградского и московского районов было крайне враждебно Николаю. Вспомните мое выступление 20 марта в пленуме Московского Совета. Там раздались требования казни его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роли Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что дело здесь гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее “царизма”, пробуждающей злобы и чувство мести… Вот первая причина, побудившая Временное правительство лишить свободы царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая их свободы, создавало этим охрану их личности. Вторая группа причин лежала в настроениях иных общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики царя и его правительства, то интеллигентско-буржуазные массы и, в частности, высшее офицерство определенно усматривали во всей внутренней и внешней политике царя и в особенности в действиях Александры Федоровны и ее кружка ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего в конце концов целью сепаратный мир и содружество с Германией. Временное правительство было обязано обследовать действия царя, Александры Федоровны и ее кружка в этом направлении.

Постановлением Временного правительства от 17 марта 1917 г. была учреждена Верховная Чрезвычайная Следственная Комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, приковывавших к себе внимание общества своими действиями во вред интересам страны.

Эта Комиссия и должна была обследовать также роль Николая, Александры Федоровны и ее кружка.

Необходимость такого обследования указывалось в самых мотивах постановления Временного правительства об учреждении Комиссии. Для того чтобы эта Комиссия могла выполнить ее обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения в отношении Николая и Александры Федоровны. Эта необходимость и была второй причиной лишения их свободы»415. Что же касается лидера кадетов, министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, то он предпочел сослаться на затмение памяти, когда белогвардейский судебный следователь Н.А. Соколов допрашивал его о мотивах решения правительства. Милюков заявил: «Мне абсолютно не сохранила память ничего о том, как, когда состоялось решение вопроса об аресте царя и царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу. Представляя себе вообще характер событий того времени, мне кажется, что Временное правительство, по всей вероятности, санкционировало известную меру, предложенную ему Керенским. В то время некоторые заседания правительства происходили секретно, и журналы таких заседаний не велись. Вероятно, в такой же форме состоялось и решение самого вопроса»416.

Имеются еще более определенные свидетельства о предстоящей участи Николая II. Так, например, адвокат Н.П. Карабчевский делился воспоминаниями о встрече и разговоре с А.Ф. Керенским 3 марта 1917 г.:

«К трем часам, почти все, находившиеся в Петрограде, товарищи по совету были в сборе.

“Определенно-левые” ликовали. Остальные, в том числе и я, без энтузиазма принимали совершившийся факт, с твердым намерением помочь правосудие удержаться на должной высоте.

Общим оттенком настроения было изумление перед столь быстрой сменой декораций. На это, по-видимому, не рассчитывали наиболее оптимистически настроенные вожди революции…

– Н.П. – порывисто обратился ко мне Керенский, – хотите быть сенатором уголовного кассационного департамента? Я имею в виду назначить несколько сенаторов из числа присяжных поверенных…

– Нет, А.Ф., разрешите мне остаться тем, что я есть, адвокатом, – поспешил я ответить. – Я еще пригожусь в качестве защитника…

– Кому? – с улыбкой спросил Керенский, – Николаю Романову?..

– О, его я охотно буду защищать, если вы затеете его судить.

Керенский откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх. Я и все поняли, что это намек на повешение.

– Две, три жертвы, пожалуй, необходимы! – сказал Керенский, обводя нас своим, не то загадочным, не то подслеповатым взглядом, благодаря тяжело нависшим на глаза верхним векам.

– Только не это, – дотронулся я до его плеча, – этого мы вам не простим!.. Забудьте о Французской революции, мы в двадцатом веке, стыдно, да и бессмысленно идти по ее стопам…

Почти все присоединились к моему мнению и стали убеждать его не вводить смертной казни в качестве атрибута нового режима.

– Да, да! – согласился Керенский. – Бескровная революция, это была моя всегдашняя мечта…

Выбор двух товарищей министра прошел довольно быстро. Было ясно, что только признак явной принадлежности к его политической партии улыбался новому министру, причем и из этого круга лиц он старательно обходил имена сколько-нибудь яркие»417.

Правда, позер и фразер Керенский, находясь в эмиграции, публично опровергал это страшное обвинение в намерении предать Николая II суду и смертной казни.

В мартовские дни 1917 г. со стороны Петросовета исходила реальная угроза для царской семьи. На заседании Исполкома 9 марта меньшевик Чхеидзе докладывал о результатах переговоров с Временным правительством. Исполком, получив сведения, что в среде правительства имеется тенденция отправить царскую чету в Англию и что в этом смысле им начаты переговоры с английским правительством, признал «пагубным для дела революции

оставление Николая на свободе, особенно в Англии, где в банках у него имеются «колоссальные суммы, которые послужат ему средствами для ведения заговоров против нового строя»418. Специально избранная Исполкомом делегация вошла по этому поводу в переговоры с Временным правительством. Одновременно с этим были приняты практические меры к недопущению выезда бывшего императора за границу. После переговоров с Исполкомом Временное правительство санкционировало его действия. Результатом переговоров с Временным правительством были следующие постановления: 1) выезд бывшей царской семьи за границу будет разрешен не иначе как по соглашению с Временным правительством и Советом Р. и С. Д.; 2) бывшая царская семья временно подвергается аресту в Царском Селе, впредь до нового места заключения, также по соглашению между Временным правительством и Советом Р. и С. Д.; 3) в осуществлении надзора за арестованными и принятии необходимых мер будет участвовать специальный комиссар Исполкома Совета Р. и С. Д.

Особым пунктом в протоколе заседания Исполкома Петросовета от 9 марта 1917 г. стоял:

«13. Доклад представителя, командированного в Царское Село.

Охрана дворца находится в руках революционных войск. Издан приказ, чтобы никого не впускать и не выпускать из дворца. Все телефоны и телеграфы выключены. Николай Романов находится под бдительным надзором. Солдат там около трехсот, из состава 3-го стрелкового полка. Офицер Михайловского манежа отказался было выдать броневые автомобили, считая недостаточной подпись Исполнительного Комитета, не скрепленную подписью Караулова.

На правах арестованного во дворце находятся: Нарышкин (его во дворце не было. – *В.Х.*), Бенкендорф и Долгоруков. Все письма и телеграммы доставляются в караульное помещение. Представитель был во внутренних покоях, видел лично Николая Романова. Полк просил передать, что он будет бессменно караулить, чтобы не выпускать его. Офицеры, охраняющие дворец, считают вполне приемлемым, чтобы Комитет прикомандировал своих представителей для наблюдения за охраной его. Выдать Николая Романова они отказались, считая своей обязанностью исполнять приказ генерала Корнилова, приказавшего не выдавать его. Будучи уверенными в надежности караула, представители считают возможным оставить Николая в прежнем состоянии. Стрелки настаивают на выводе из Царского Села сводного полка, весьма ненадежного.

В связи с докладом представителя офицеров-активистов сообщают, со слов одного врача, что в Царском Селе в 1-м запасном полку ведется агитация против Совета Р. и С. Д. Войска стоят за конституционную монархию. Особенно настаивают на этом офицеры.

Обсудив все эти сообщения, Исполнительный комитет постановил командировать С.Д. Масловского в качестве комиссара Исполнительного комитета, для контроля над охраной и организацией всего дела»419.

В 1922 г. комиссар С.Д. Мстиславский (он же Масловский) опубликовал воспоминания «Пять дней. Начало и конец Февральской революции», в которых красочно описал свою историческую поездку 9 марта в Царское Село с ответственной миссией, порученной ему Петросоветом. Исполнитель «воли народа» С.Д. Масловский писал о прибытии в Царское Село:

«Я решил выехать… захватив с собою только Тарасова-Родионова и двух стрелков для связи; командование отрядом передал старшему после меня командиру семеновцев, с наказом… если через час я не вернусь и не передам через ординарцев или по телефону дальнейших приказаний, идти с отрядом в казармы 2-го стрелкового полка (по нашим сведениям, на этот полк, по революционности его, всецело можно было положиться), поднять стрелков и двинуться во дворец для выполнения возложенного на нас поручения: “Любой ценой – я повторяю, подчеркивая, – любой ценой обезопасить революцию от возможности реставрации. Смотря по обстоятельствам – или вывезете арестованных в Петербург, в Петропавловскую крепость, или ликвидируйте вопрос здесь же, в Царском…”»420. Далее Масловский описывает события в Александровском дворце: «Пусть он станет передо мной, – простым эмиссаром революционных рабочих и солдат, – он, император, “всея Великие и Малые и Белые России Самодержец…”, как арестант при проверке в его былых тюрьмах… Этого ему не забудут никогда: ни живому, ни мертвому…

Я категорически требую предъявления… Судьба Временного правительства, бывшей династии, всей России, наконец, снова станет на карту. И гадать ли, чья карта будет бита? Реальная сила, действительная сила – у нас в руках, безраздельно… И ответственность за то, что произойдет – падет полностью на вас: я сделал все, чтобы избежать крови. Не теряйте же времени понапрасну…

Устанавливается ритуал. Император будет мне предъявлен во внутренних покоях, у перекрестка двух коридоров…

На “предъявление” со мной пошли: начальник внутреннего караула, батальонный, дежурный по караулу, рунд. Долго, демонстративно долго

возились с тяжелым висячим замком массивной входной двери, запертой еще, кроме того, на ключ. У двери этой стоял сильный караул – ближайший к арестованным воинский пост; внутри замкнутого оцеплением крыла дворца – не было ни одного солдата: мера, в высшей мере рациональная – ибо она раз навсегда исключала возможность общения арестованных с внешним миром – неизбежного, если бы “узники” могли подойти к страже. Ибо, как доказывает извечный опыт – нет стражи, которая устояла бы перед соблазном – жалости, уважения или подкупа… А при данной системе Николай Романов оказывался в буквальном смысле слова “замурованным” в этом – наглухо, без малейшей связи, отрезанном от мира в дворцовом крыле – со своими лакеями и поварятами.

Но внутри этой клетки все было оставлено Временным правительством по-прежнему – так, как было оно до катастрофы, в былой расцвет “Большого Императорского Дворца” – со всей его роскошью, со всем его ритуалом. Когда сквозь распахнувшуюся, наконец, с ворчливым шорохом дверь мы вступили в вестибюль, нас окружила – почтительно, но любопытно – фантастической казавшаяся на фоне “простых” переживаний революционных этих дней – толпа придворной челяди. Огромный, тяжелый, как площадной Александр Трубецкого – гайдук, в медвежьей, чапом, шапке; скороходы, придворные арапы, в золотом расшитых малиновых бархатных куртках, в чалмах, острыми носами загнутых вверх туфлях; выездные – в треуголках, в красных, штампованными императорскими орлами отороченных пелеринах. Бесшумно ступая мягкими подошвами лакированных полусапожек, в белоснежных гамашах – побежали перед нами вверх, по застланным коврами ступеням, лакеи «внутренних покоев»… Все по-старому: словно в этой, затерянной среди покоев дворцовой громаде не прозвучало и дальнего даже отклика революционной бури, прошедшей страну из конца в конец.

И когда, поднявшись по лестнице, мы “следовали” сквозь гостиные, “угловые”, “банкетные”, переходя с ковров на лоснящийся паркет и вновь коврами глуша дерзкий звон моих шпор, мы видели у каждой двери застывшими парами лакеев, в различнейших, сообразно назначению комнаты, к которой они приставлены, костюмах: то традиционные черные фраки, то какие-то кунтуши… белые, черные, красные туфли, чулки и гамаши… А у одной из дверей – два красавца лакея в нелепых малиновых повязках, прихваченных мишурным аграфом, на голове – при фраке, белых чулках и туфлях…

В верхнем коридоре (под стеклянной крышей), обращенном в картинную галерею, нас ожидала небольшая кучка придворных во главе с Бенкендорфом; здесь же вертелся, еще до нас, “при переговорах” проскочивший Коцебу.

Придворные были в черных, наглухо застегнутых сюртуках. Шагах в шестивосьми от места нашей встречи со свитой коридор пересекался накрест другим: по нему-то и должен был выйти ко мне бывший император.

Я стал посередине коридора, правее меня Бенкендорф, по левую руку Долгоруков и еще какой-то штатский, которого я не знал в лицо. Несколько отступя сзади стояли пришедшие со мной офицеры…

Вид у меня действительно был “Разинский”: ведь со дня переворота почти не приходилось раздеваться. Небритый, в тулупе с приставшей к нему соломой, в папахе, из-под которой выбиваются слежавшиеся, всклоченные волосы. И эта рукоять браунинга, вынутого из кобуры, так назойливо торчавшая из бокового кармана. Долгоруков не сводит с нее глаз…

Где-то в стороне певуче щелкнул дверной замок. Бенкендорф смолк и задрожавшей рукой расправил седые бакенбарды. Офицеры вытянулись во фронт, торопливо застегивая перчатки. Послышались быстрые, чуть призванивающие шпорой, шаги.

Он был в кителе защитного цвета, в форме лейб-гусарского полка, без головного убора. Как всегда подергивая плечом и потирая, словно умывая, руки, он остановился на перекрестке, повернув к нам лицо – одутловатое, красное, с набухшими, воспаленными веками, тяжелой рамой окаймлявшими тусклые, свинцовые, кровяной сеткой прожилок передернутые глаза. Постояв, словно в нерешительности, – потер руки и двинулся к нашей группе. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрели в упор, в глаза друг другу, сближаясь с каждым его шагом. Была мертвая тишина. Застылый – желтый, как у усталого, затравленного волка, взгляд императора вдруг оживился: в глубине зрачков словно огнем полыхнула, растопившая свинцовое безразличие их – яркая, смертная злоба. Я чувствовал, как вздрогнули за моей спиной офицеры. Николай приостановился, переступил с ноги на ногу и, круто повернувшись, быстро пошел назад, дергая плечом и прихрамывая.

Я выпростал засунутую за пояс правую руку, приложил ее к папахе, прощаясь с придворными, и, напутствуемый шипением брызгавшего слюной Бенкендорфа, двинулся в обратный путь. Мои спутники подавленно молчали. И только в вестибюле один из них, укоризненно качнув головой, сказал: “Вы напрасно не сняли папахи: Государь, видимо, хотел заговорить с вами, но когда он увидел, как вы стоите…”.

А другой добавил: “Ну, теперь берегитесь. Если когда-нибудь Романовы опять будут у власти, попомнится вам эта минута: на дне морском сыщут…”».421

Дальше мы уже знаем, что было выступление о результатах поездки на заседании Исполкома Петросовета.

В конце воспоминаний С.Д. Масловский скромно упоминает:

«Через день появилось официальное сообщение Совета о событиях 9 марта. Я “не узнал” своей поездки: там говорилось о том, как мы “охватили плотным кольцом броневиков, пулеметов, артиллерии – дворец” и тому подобное.

– К чему это? – спросил я в душевной простоте составителя отчета. – Ведь вы же знаете, что на всем пути я прошел один, одним – “Именем революции”.

– Пустое! Так гораздо эффектнее. Разве с массами можно так? Романтика! Это для кисейных девиц годно, а не для рабочих и солдат…»422.

Однако вскоре в протоколе Исполкома Петросовета от 10 марта 1917 г. по этому делу было записано: «Чхеидзе сообщает отказ Масловского нести обязанность комиссара в Царском Селе»423. Таким образом, «одиссея» комиссара С.Д. Мстиславского (Масловского) по «изъятию самодержца» бесславно провалилась.

Любопытно, что произошедший инцидент не нашел отражения ни в дневнике Николая Александровича, ни в дневнике Александры Федоровны. А их приближенная Анна Вырубова писала об этом дне следующее: «Они оба пришли после обеда, вместе с госпожой Ден. Государыня и госпожа Ден сели к столу с рукоделием, а Государь сел около меня и начал мне рассказывать. Государь Николай II был доступен, конечно, как человек, всем человеческим слабостям и горестям, но в эту тяжелую минуту его глубокой обиды и унижения я все же не могла убедить себя в том, что восторжествуют его враги; мне не верилось, что Государь, самый великодушный и честный из всей семьи Романовых, будет осужден стать невинной жертвой своих родственников и подданных. Но царь с совершенно спокойным выражением глаз подтвердил все это, добавив еще, что “если бы вся Россия на коленях просила его вернуться на престол, он бы никогда не вернулся”. Слезы звучали в его голосе, когда он говорил о своих друзьях и родных, которым он больше всех доверял и которые оказались соучастниками в низвержении его с престола. Он показал мне телеграммы Брусилова, Алексеева и других генералов, членов его семьи, в том числе и Николая Николаевича; все просили его величество на коленях, для спасения России, отречься от престола. Но отречься в пользу кого? В пользу слабой и равнодушной Думы? Нет, в собственную их пользу, дабы, пользуясь именем и царственным престижем Алексея Николаевича, правило бы и обогащалось выбранное ими регентство!.. Но, по крайней мере, этого Государь

не допустил! “Я не дам им своего сына, – сказал он с волнением. – Пусть они выбирают кого-нибудь другого, например, Михаила, если он почтет себя достаточно сильным!”

Я жалею, что не запомнила каждое слово Государя…

“Зачем вы не обратились с воззванием к народу, к солдатам?” – спросила я. Государь ответил спокойно: “Народ сознавал свое бессилие, а ведь тем временем могли бы умертвить мою семью. Жена и дети – это все, что у меня осталось! Их злость направлена против Государыни, но ее никто не тронет, разве только перешагнув через мой труп…”. Дав волю своему горю, Государь тихо проговорил: “Нет правосудия среди людей. Видите ли, это все меня очень взволновало, так что все последующие дни я не мог даже вести своего дневника”.

Я спросила Государя, не думает ли он, что все эти беспорядки непродолжительны. “Едва ли раньше двух лет все успокоится”, – был его ответ. Но что ожидает его, Государыню и детей? Этого он не знал. Единственно, что он желал и о чем был готов просить своих врагов, не теряя своего достоинства, это не быть изгнанным из России. “Дайте мне здесь жить с моей семьей самым простым крестьянином, зарабатывающим свой хлеб, – говорил он. – Пошлите нас в самый укромный уголок нашей родины, но оставьте нас в России”. Это был единственный раз, когда я видела русского царя подавленным случившимся; все последующие дни он был спокоен»424.

Но вот еще один дневник гофмейстерины Императорского Двора, княгини Елизаветы Алексеевны Нарышкиной, в котором она записала:

«Рассказывала Государю, как началась революция 1848 года, как пример той потрясающей быстроты, с которой совершаются великие крушения. Государь вышел наружу; его вызвали. Оказалось, приехал в автомобиле офицер, присланный бунтовщиками; они хотят видеть Государя, потому что, как он говорит, не верят, что царь арестован. Он приехал, чтобы взять его и отвезти в Петропавловскую крепость… Он, однако, не посмел выполнить свой мандат и уехал, удостоверившись, что Государь действительно арестован. Эту последнюю подробность мы узнали вечером от Коцебу… Немного спустя Государь вернулся, и мы продолжали нашу дружескую беседу. Самообладание их прямо непостижимо. Когда императрица на минуту вышла, Государь мне сказал: “Не правда ли, как она мужественна?” Вечером они пришли к Бенкендорфу, где мы все собираемся. Страшно грустно – видеть их спокойными среди больших волнений»425.

Более подробные сведения о геройстве комиссара С.Д. Масловского мы находим в показаниях полковника Е.С. Кобылинского судебному следователю Н.А. Соколову: «Явился ко мне какой-то неизвестный и, назвавшись Масловским, предъявил мне требование Петроградского Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Человек, называвший себя Масловским, был одет в форму полковника. Наружности его я не помню. В требовании говорилось, что я должен оказать всяческое содействие в выполнении возложенного на него поручения. Требование Исполнительного комитета было подписано, хорошо это помню, членом Государственной думы Чхеидзе; оно имело надлежащую печать. Называвший себя Масловским заявил мне, что, по поручению Исполнительного комитета, он должен сейчас же взять Государя и доставить его в Петропавловскую крепость. Я категорически заявил Масловскому, что допустить этого не могу. Тогда он мне сказал: “Ну, полковник, знайте, что кровь, которая сейчас прольется, падет на вашу голову”. – “Ну, что же делать? Падет так падет, исполнить не могу”. Он ушел. Я думал, что он совсем ушел. Но он, оказывается, всетаки отправился во дворец. Там его встретил командир первого полка капитан Аксюта. Он показал ему требование и заявил, что желает видеть Государя. Осмотрев его карманы, Аксюта показал ему Государя так, что он Государя видел, но Государь его – нет. Об этом я тогда же сообщил в штаб. Мои действия были одобрены»426.

Показательно, что на следующий день, 10 марта 1917 г., Чхеидзе сообщает на заседании Исполкома Петросовета об отказе «Масловского нести обязанности комиссара в Царском Селе». На этом же заседании прозвучал вопрос о переговорах с командующим Петроградским военным округом генералом Л.Г. Корниловым. В частности, в протоколе была сделана запись «о необходимости быть с ним осторожными, что он генерал старой закваски, который хочет закончить революцию»427.

Таким образом, у Петросовета на тот момент не было реальных возможностей реализовать свои постановления в отношении царской семьи, что вынудило его пойти на компромисс с Временным правительством.

Между тем жизнь в Царском Селе вступила в новую фазу. В своем дневнике Николай II записал: «10-го марта. Пятница. Спали хорошо. Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль, что мы все вместе, радует и утешает. Утром принял Бенкендорфа, затем просматривал, приводил в порядок и жег бумаги. Сидел с детьми до 2 1/2 ч. Погулял с Валей Долг[оруковым] в сопровождении тех же двух прапорщиков, они сегодня были любезнее. Хорошо поработали в снегу. Погода стояла солнечная. Вечер провели вместе»428.

Фрейлина императрицы Анна Вырубова вспоминала: «Дорожка шла вокруг лужайки и князь Долгоруков и Государь разгребали снег навстречу друг другу; солдаты и какие-то прапорщики ходили вокруг них. Часто Государь оглядывался на окно, где сидела императрица и я, незаметно для других улыбался нам или махал рукой. Я же в одиночестве невыносимо страдала, предчувствуя новое унижение для царственных узников. Императрица приходила ежедневно днем; я с ней отдыхала, она была всегда спокойна. Вечером же Их Величества приходили вместе. Государь привозил Государыню в кресле, к вечеру она утомлялась. Я начала вставать; мы сидели у круглого стола; императрица работала, Государь курил и разговаривал, болел душой о гибели армии с уничтожением дисциплины. Многое вместе вспоминали…»429.

Присутствие А.А. Вырубовой во дворце в первые же дни революции пугало лиц царского окружения, которые и пытались убедить Александру Федоровну расстаться со своей преданной подругой. На осторожный намек об этом Государыня, в негодовании и горе, разрыдалась, сказав: «Вы хотите, чтобы я больную Анну Александровну выгнала из дворца? Никогда я этого не сделаю. Поверьте, я во многом более русская, чем вы, но в одном я не русская: я не отказываюсь от своих друзей в несчастии».

В дневнике княгини Е.А. Нарышкиной читаем:

«**11 (24) марта**. Апраксин больше не может выдержать и завтра уезжает. Он ходил прощаться с императрицей и сказал, что ей следует расстаться с Аней Выр[убовой]. Гнев и сопротивление. Держится за нее больше кого бы и чего бы то ни было. Нас спасает корь, но было бы опасно оставлять ее в нашем обществе после выздоровления. У меня был Коцебу; он преисполнен желания помочь, но правительству приходится бороться с социалистами; если победа окажется на их стороне, нашим головам не уцелеть…»430.

Созвучны общему настроению Императорского Двора и строки дневника французского посла в России М. Палеолога:

«**Пятница, 10/23 марта**. Бьюкенен заявил сегодня утром Милюкову, что король Георг, согласно с мнением своих министров, предлагает императору и императрице убежище на британской территории; он отказывается обеспечить их неприкосновенность, но выражает надежду видеть их в Англии до конца войны. Милюков, по-видимому, очень тронут этой декларацией, но грустно прибавляет: “Увы, я боюсь, что слишком поздно”.

В самом деле, со дня на день, я сказал бы, почти с часу на час, я вижу, как утверждается тирания Совета, деспотизм крайних партий, засилье утопистов и анархистов…

По мнению одних, несомненно, объявление Республики. По мнению других, неизбежна реставрация империи в конституционных формах…»431.

Очевидно, подобная информация доходила и до Царского Села. Так, Е.А. Нарышкина записала 13/26 марта в своем дневнике: «Все хуже и хуже: революционная партия не соглашается отпустить Государя, опасаясь интриг с его стороны и предательства тайн. Таким образом, положение остается невыясненным. Немцы усиленно готовятся прорвать наш фронт. Если это удастся, дорога на Петербург будет открыта…»432.

12 марта 1917 г. Временным правительством была отменена смертная казнь, которая заменялась срочной или бессрочною каторгою. В этот же день было объявлено о передаче в казну земель и доходов кабинета отрекшегося императора.

При обследовании дел Петроградской конторы Государственного банка были обнаружены вклады бывшей царской семьи: на счету великой княжны Татьяны Николаевны состоит 2 118 500 рублей, Ольги Николаевны – 3 169 000 рублей, у бывшего наследника Алексея Николаевича – 1 425 700 рублей, у бывшей императрицы Александры Федоровны – 2 518 293 рубля…

Общая сумма вкладов, принадлежащих членам династии Романовых, составляет 42 402 322 рубля 71 копейку.

Таким образом, тайна личных вкладов Романовых была раскрыта, что противоречило элементарной букве закона.

В середине марта 1917 г. была официально главнокомандующим Петроградским военным округом генерал-лейтенантом Л.Г. Корниловым утверждена «Инструкция начальнику гарнизона города Царское Село по охране Александровского дворца». В инструкции, в частности, предписывалось: «1) Караулы по охране Александровского дворца занимать по очереди от всех запасных полков и батальонов вверенного вам гарнизона. Кроме караульного наряда назначать ежедневно во дворец дежурного офицера, которому строго руководствоваться изложенными в инструкции указаниями…

4) Допускать выход отрекшегося императора и бывшей императрицы на большой балкон дворца и в часть парка, непосредственно прилегающую к

дворцу, в часы по их желанию в промежуток между 8 час. утра и 6 час. вечера. В означенные часы дежурному офицеру находиться при отрекшемся императоре и бывшей императрице и распоряжением караульного начальника усиливать внешнюю охрану дворца.

5) Все лица бывшей Свиты, означенные в прилагаемом списке и пожелавшие по своей воле временно остаться в Александровском дворце, не имеют права выхода из дворца, подчиняясь в отношении выхода в парк и сношения правилам, установленным настоящей инструкцией.

6) Без разрешения моего никакого свидания с лицами, содержащимися в Александровском дворце, не допускать.

7) Письменные сношения со всеми лицами, находящимися вне дворца, допускать только через штабс-ротмистра Коцебу, которому надлежит подвергать строгому просмотру все письма, записки и телеграммы, пропуская из них самостоятельно лишь необходимые сношения хозяйственного характера и сообщения о здоровье, медицинской помощи и т. п. Все остальное подлежит представлению через вас в Штаб округа.

8) Телефоны, находящиеся во внутренних покоях дворца, снять, телефонное сношение допускать только по телефону в комнате дежурного офицера в присутствии последнего или штабс-ротмистра Коцебу.

9) В случае необходимости вызова врачей-специалистов из Царского Села и Петрограда для оказания медицинской помощи, таковых следует допускать во дворец при постоянном сопровождении дежурного офицера…

12) О всех происшествиях коменданту дворца доносить мне по команде и кроме того, немедленно докладывать по телефону»433.

Как видим, 12 пунктов инструкции регламентировали каждый шаг арестованных и их охраны. Такая усиленная опека давила на психику обитателей Александровского дворца.

Так, княгиня Е.А. Нарышкина записала 17/30 марта в дневнике:

«Воспользовалась солнечной погодой и впервые вышла подышать свежим воздухом. Прогуливалась с Мери Бенкендорф с полчаса по террасе. Великие княжны гуляли в саду, по снегу, под конвоем офицера. Странное впечатление от этой прогулки, в качестве пленников. После нас вышел Государь с Валей Долгоруковым.

У меня немало забот, но ничего; сила сопротивления у меня еще есть, и я много могу еще перенести. Вечером был Коцебу; он очень умный и тонкий»434.

О довлеющей обстановке заключения позднее рассказывал граф П.К. Бенкендорф графине М.Э. Клейнмихель, о чем она писала:

«Во дворце был введен строгий режим, – продолжал Бенкендорф. – Наши прогулки по парку были нам разрешены на очень небольшом пространстве. Особенно тяжело было для заключенных то, что для их прогулок был назначен преимущественно двор, выходящий на улицу, так что все проходившие могли видеть царскую семью из-за решетки забора и ворот. Число любопытствующих было огромно, особенно по воскресениям и праздникам, когда поезда привозили из Петербурга и окрестностей массу людей. Стража показывала заключенных за деньги народу. Царская семья была обречена на выслушивание часами фанатических, полных ненависти замечаний разжигаемого пропагандой плебса. Дома заключенных ожидали другие мучения. Когда великие княжны или Государыня приближались к окнам, стража позволяла себе на их глазах держать себя неприлично, вызывая этим смех своих товарищей…»435.

В прессе началась кампания по дискредитации царской семьи и династии Романовых. По замечанию А.А. Вырубовой: «Императрица вначале сердилась на грязные и глупые статьи в газетах, но потом с усмешкой мне сказала: “Собирай их для своей коллекции…”»436.

Дневник Александры Федоровны в это время пестрел записями о температуре и состоянии здоровья тяжело заболевших детей, что занимало все ее помыслы и отнимало все силы. Положение было тяжелое и порой граничащее с отчаянием. Перелистаем некоторые страницы ее дневника: «**Март, 16-го.** Четверг. Ольга – температура 36,5°; Татьяна – 37,2°; Мария – 40°; Анастасия – 40,5° (пульс 120). Анастасия – плеврит и воспаление легких, Алексей – 36,1°. Жгла письма, разбирала бумаги… Сидела с Аней [Вырубовой]…

Март, 18-го. Суббота. Ольга, Татьяна – 36,5°; Мария – 40°; Анастасия – 38,8°; Алексей – 36°. Завтрак, как обычно. 3 часа. Мария – 40,9 1/2°; Анастасия – 38,3°. А[ня] и Лили [Ден] сидели в детской…»437.

Анна Вырубова вспоминала об этих страшных днях: «Императрица уничтожала все дорогие ей письма и дневники и собственноручно сожгла у меня в комнате шесть ящиков своих писем ко мне, не желая, чтобы они попали в руки злодеев… 19 марта (по дневнику императрицы 18-го марта. – *В.Х.*) утром я получила записку от Государыни, что Мария Николаевна умирает и зовет меня. Посланный передал, что очень плоха и Анастасия Николаевна; у обеих было

воспаление легких, а последняя, кроме того, оглохла по причине воспаления уха. Коцебу предупредил меня, что если я встану, меня сейчас же уведут. Одну минуту во мне боролись чувства жалости к умирающей Марии Николаевне и страх за себя, но первое взяло вверх, я встала, оделась, и Коцебу в кресле повез меня верхним коридором на половину детей, которых я целый месяц не видала. Радостный крик Алексея Николаевича и старших девочек заставил меня все забыть. Мы кинулись друг к другу, обнимались и плакали. Потом на цыпочках пошли к Марии Николаевне. Она лежала белая как полотно; глаза ее, огромные от природы, казались еще больше, температура была 40,9°, она дышала кислородом. Когда она увидела меня, то стала делать попытки приподнять голову и заплакала, повторяя: "Аня, Аня". Я осталась с ней, пока она не заснула…

На другой день… я опять пошла к детям, и мы были счастливы быть вместе. Их Величества завтракали в детской и были спокойнее, так как Мария и Анастасия Николаевны чувствовали себя лучше. Вечером, когда Их Величества пришли ко мне в первый раз, настроение у всех было хорошее; Государь подтрунивал надо мною, мы вспоминали пережитое и надеялись, что Господь не оставит нас, лишь бы нам всем быть вместе»438.

Тревогой за детей полны строки из дневника Николая II за эти дни. Только 19 марта он с некоторым облегчением записал: «Лучезарный день. В 11 ч. пошли к обедне с Ольгой, Татьяной и Алексеем. Темп[ература] у Марии и Анастасии опустилась до нормы, только к вечеру у Марии она несколько поднялась. Вышел на прогулку в 2 часа, гулял, работал и наслаждался погодой. Вернулся домой в 4 1/2 ч. Сидел долго у детей, а вечером были у Ани и у других жильцов»439.

Совершенно другое настроение было у некоторых придворных вельмож, внутренне осуждающих царскую семью за все невзгоды, обрушившиеся на них и их окружение. Княгиня Е.А. Нарышкина записала в своем дневнике: «**19 марта/1 апреля**. Все так ужасно тяжело: опубликованы последние телеграммы императрицы Государю. Императрица возмущена и, кажется, испугана. Возбуждение против нее растет. Какой ужас, если будет осуждение. Так бы хотелось, чтобы поскорее позволили уехать, но две младшие великие княжны еще очень больны, и ничего не устраивается. В такое время не смеешь думать о себе, но те же опасности угрожают и нам. Их покровительства добивались все изменники. Все по совету Распутина. Изумительно, как могло такое громадное и величественное здание рухнуть в грязь, словно карточный домик! Евреи получили право на жительство; благодаря своим капиталам, они господствуют в

России. Англичане приближаются к Иерусалиму, а пророчества – к исполнению!»440.

Относительная свобода Романовых вызывала тревогу и протест со стороны революционно настроенных слоев населения. В Петросовет по-прежнему продолжали поступать заявления и доносы. Часто они исходили от лиц, наблюдавших непосредственно жизнь царской семьи. Вахмистр А.П. Данилов сообщал: «1) Николай II здоровается с караулом и ему отвечают, как отвечали раньше. 2)… допущено неизвестное штат[ское] лицо, который беседовал несколько часов с Николаем II. 3) Пропущен штатский господин полковником Артабалевским… 4) Караульный начальник был пьян… 5) Солдатами 2-го батальона был арестован офицер 4-й роты за то, что он позволил выразиться – будем ходить по колено в крови, а старое вернем. Офицер был отправлен в ратушу, но кем-то был освобожден…»441.

Во дворце, занимаемом царской семьей, среди прислуги и окружения процветало фискальство. Первыми жертвами доносов стали ротмистр П.П. Коцебу, комендант Александровского дворца, и фрейлина императрицы Анна Вырубова. Так, полковник Е.С. Кобылинский, исполнявший обязанности начальника Царскосельского гарнизона, позднее показывал белогвардейскому судебному следователю Н.А. Соколову по этому инциденту:

«Коцебу недолго пробыл комендантом дворца: недели, приблизительно, две. Уволен он был вот по какому поводу. Во дворце проживала фрейлина Вырубова и вместе с ней какая-то Ден, носившая форму сестры милосердия. Через лакеев солдаты узнали, что Коцебу подолгу засиживается у Вырубовой, разговаривая с ней по-английски. Когда вести об этом дошли до меня, я их проверил. Лакей (фамилии его не помню), вынесший эти слухи солдатам, подтвердил мне самый факт поздних засиживаний Коцебу у Вырубовой. Боясь эксцессов со стороны солдат, я доложил об этом Корнилову. Тот вызвал к себе Коцебу и затем приказал мне больше его во дворец не впускать, а самому временно нести его обязанности»442.

Арест А.А. Вырубовой был большим моральным ударом по царской семье и особенно по Александре Федоровне, которая в течение 12 лет делила с ней печали и радости. Как это происходило, имеется несколько свидетельств. Но прежде всего дадим слово самой Вырубовой, которая вспоминала:

«21 марта я с утра очень нервничала, я узнала, что Коцебу не пропускают солдаты во дворец, вероятно, за его гуманное отношение к арестованным, а тут еще доктора принесли мне из ряда вон выходящую газетную статью, в которой говорилось, что я, с доктором Бадмаевым, которого, между прочим, не знала,

“отравляю Государя и наследника”… Стоял сумрачный, холодный день, завывал ветер. Я написала Государыне записку, прося ее, не дожидаясь наступления дня, зайти ко мне утром. Она ответила мне, чтобы я к двум часам пришла в детскую, а сейчас у них доктора. Лили Ден позавтракала со мной. Я лежала в постели. Около часу вдруг поднялась суматоха в коридоре, слышны были быстрые шаги. Я вся похолодела и почувствовала, что это идут за мной. Перво-наперво прибежал наш человек Евсеев с запиской от Государыни: “Керенский обходит наши комнаты, с нами Бог”. Через минуту Лили, которая меня успокаивала, сорвалась с места и убежала. Скороход доложил, что идет Керенский. Окруженный офицерами, в комнату вошел с нахальным видом маленького роста бритый человек, крикнув, что он министр юстиции и чтобы я собралась ехать с ним сейчас в Петроград. Увидав меня в кровати, он немного смягчился и дал распоряжение, чтобы спросили доктора, можно ли мне ехать; в противном случае обещал изолировать меня здесь еще на несколько дней. Граф Бенкендорф послал спросить доктора Боткина. Тот, заразившись общей паникой, ответил: “Конечно можно”. Я узнала после, что Государыня, обливаясь слезами, сказала ему: “Ведь у вас тоже есть дети, как вам не стыдно!” Через минуту какие-то военные столпились у дверей, я быстро оделась с помощью фельдшерицы и, написав записку Государыне, послала ей мой большой образ Спасителя. Мне в свою очередь передали две иконы на шнурке от Государя и Государыни с их подписями на обратной стороне. Я обратилась со слезной просьбой к коменданту Коровиченко дозволить мне проститься с Государыней. Государя я видела в окно, как он шел с прогулки, почти бежал, спешил, но его больше не пустили. Коровиченко (который во время большевиков погиб ужасной смертью) и Кобылинский проводили меня в комнату… Я старалась ничего не замечать и не слышать, а все внимание устремила на мою возлюбленную Государыню, которую камердинер Волков вез в кресле. Ее сопровождала Татьяна Николаевна. Я издали увидела, что Государыня и Татьяна Николаевна обливаются слезами; рыдал и добрый Волков. Одно длинное объятие, мы успели поменяться кольцами, а Татьяна Николаевна взяла мое обручальное кольцо. Императрица сквозь рыдания сказала, указывая на небо: “Там и в Боге мы всегда вместе”. Я почти не помню, как меня от нее оторвали. Волков все повторял: “Анна Александровна, никто – как Бог!”

Посмотрев на лица наших палачей, я увидела, что и они в слезах. Меня почти на руках снесли к мотору; на подъезде собралась масса дворцовой челяди и солдат, и я была тронута, когда увидела среди них несколько лиц плакавших. В моторе, к моему удивлению, я встретила Лили Ден, которая мне шепнула, что ее тоже арестовали. К нам вскочили несколько солдат с винтовками. Дверцы затворял лакей Седнев, прекрасный человек из матросов «Штандарта» (впоследствии был

убит в Екатеринбурге). Я успела шепнуть ему: “Берегите Их Величества!” В окнах детской стояли Государыня и дети: их белые фигуры едва заметны…»443.

Так, первой за преданность царской семье вступила на свой крестный путь Анна Вырубова.

Чем она провинилась перед Отечеством, законом или даже Временным правительством? Решительно ничем, но А.Ф. Керенский, обуреваемый воспоминаниями «великой» французской революции, решает обратить фрейлину Анну Вырубову во вторую принцессу Ламбаль: она будет брошена толпе, как искупительная жертва.

Забегая вперед, отметим, что Анна Вырубова (1884–1964) прошла через унижения, клевету, истязания в застенках крепостных казематов, ни на минуту не оставляя в мыслях и делах царскую семью. При всяком удобном случае она пыталась связаться с ними, чтобы облегчить их страдания в далекой сибирской ссылке. По результатам расследования ЧСК с Вырубовой было снято самое страшное и обидное для нее обвинение в шпионаже в пользу Германии. Ей, раздавленной и больной, как в насмешку выдали справку, что в качестве обвиняемой следователями ЧСК она не привлекалась, хотя порой ее жизнь висела на волосок от гибели. После «октябрьского переворота», спасаясь от нового преследования, она с риском для жизни по льду залива перебралась в Финляндию, продолжая молиться за царских мучеников. Недаром палач Юровский среди расстрелянных в Ипатьевском доме по ошибке назвал фрейлину Вырубову вместо горничной Демидовой. После гибели царской семьи Анна Вырубова нашла пристанище в одном из монастырей Финляндии, где тихо и незаметно скончалась в 1964 г., оставив миру свои воспоминания о царской семье.

В этот страшный день – 21 марта 1917 г., в весьма краткой записи Александры Федоровны в дневнике (как будто сделанной для памяти от чужих глаз), читаем: «3 часа. Керенский. Аню и Лили увезли в Думу». В тот же день в 9 часов вечера еще одна приписка: «К[еренский] министр юстиции забрал Лили и Аню. Он привез Коровиченко в качестве нашего коменданта»444. На следующий день, 22 марта, еще одна пометка: «Аню поместили в крепость». И еще через день: «Аня – в крепости (в заточении; Лили – в другом здании)»445.

Более пространная запись в дневнике Николая Александровича: «**21-го марта**. Вторник. Сегодня днем внезапно приехал Керенский, нынешний мин[истр] юстиции, прошел через все комнаты, пожелал нас видеть, поговорил со мною минут пять, представил нового коменданта дворца и затем вышел. Он приказал арестовать бедную Аню и увезти ее в город вместе с Лили Ден. Это случилось

между 3 и 4 час., пока я гулял. Погода была отвратительная и соответствовала нашему настроению! – Мария и Анастасия спали почти целый день. После обеда спокойно провели вечер вчетвером с О[льгой] и Т[атьяной]»446.

Атмосферу отчуждения и непонимания царской семьи передают записанные в дневнике княгини Е.А. Нарышкиной следующие строки: «**21 марта/3 апреля**. Только что смотрела в окно и увидела, как происходит прогулка Государя: он идет впереди, за ним Валя Д[олгоруков], за Валей караульный офицер. Сердце сжалось от жгучей боли. Вот до чего он дошел, обладавши всеми благами мира и имев преданный ему народ.

Как прекрасно могло бы быть его царствование, если бы он умел понять требования времени. И без темного влияния, начавшегося с Филиппа.

Сегодня крупное событие. Приезжал министр юстиции Керенский с новым комендантом и большой свитой для произведения инспекции и для того, чтобы увезти Аню [Вырубову]. Все сделано спокойно и решительно. Ее увезли вместе с ее подругой Ден. Императрица в отчаянии. Мне жаль их страданий. Бедная женщина, я считаю ее не сознающей положения, потому что уверена, что она больна навязчивой идеей, которая мешает правильному рассуждению.

22 марта/4 апреля. Сегодня я видела нового коменданта. Государь сказал Вале [Долгорукову], что императрица чувствует себя одинокой, вследствие отъезда Ани и Ден. Но в чем ее одиночество, когда у нее муж, пятеро детей и четыре дамы, разделяющие одиночество. Понятна тревога об участи ее подруги, но нельзя жаловаться на одиночество, надо плакать о великих бедствиях, накликанных ею. Я считаю, что достаточно доказала свою лояльность и верность…

Она меня тронула, сказав, между прочим: “Государь должен был отречься для блага родины. Если бы он этого не сделал, началась бы гражданская война, и это бы вызвало осложнения в военное время. Самое главное, это – благо России. Если его получат иным путем, нежели через наше посредство, то пусть так, – тем лучше”. Чудная вербная всенощная, мы окружены шпионами и недоброжелательством»447.

О визите Керенского в Царское Село и аресте Вырубовой для широкой публики «Вестник Временного правительства» 23 марта посвятил специальное сообщение:

«21-го марта министр юстиции А.Ф. Керенский выехал в Царское Село с целью ознакомиться на месте с порядком как внутренней, так и внешней охраны и

порядком содержания под стражей лишенного свободы бывшего императора и его семьи. Вместе с министром выехал в Царское Село новый комендант Александровского царскосельского дворца, подполковник Коровиченко.

В сопровождении коменданта Коровиченко, помощника комиссара министерства двора, царскосельского комиссара двора, начальника царскосельского гарнизона и коменданта Царского Села министр лично обошел все помещения Александровского дворца. При обходе разъяснения о порядке содержания бывшего императора и его семьи давали бывший обер-гофмаршал граф Бенкендорф и князь Долгоруков.

Затем министр юстиции лично осведомился у бывшего императора и его семьи об их здоровье и времяпровождении, на что им были получены вполне удовлетворительные ответы.

Порядок внешней и внутренней охраны был признан министром вполне удовлетворительным, причем им были даны некоторые дополнительные инструкции лицам, ведающим охраной Александровского царскосельского дворца.

Затем А.Ф. Керенский прошел в помещение госпожи Вырубовой и сделал распоряжение о немедленной ее изоляции, о прекращении сношений ее со всеми лицами, содержащимися в Александровском дворце, и о переводе в течение ближайшего срока из дворца в другое помещение.

22-го марта распоряжение о переводе Вырубовой из дворца исполнено. В настоящее время госпожа Вырубова передана в распоряжение соответствующих судебных властей».

В конце марта – середине апреля 1917 г. воспитатель наследника П. Жильяр отмечал: «Отношение Керенского к Государю уже не то, что было вначале; он уже не принимает позы судьи. Я уверен, что он начинает понимать Государя и подпадает под его нравственное обаяние; это случается со всеми, кто к нему приближается»448.

Интересны в этом плане наблюдения княгини Е.А. Нарышкиной: «В присутствии солдатских и рабочих депутатов Керенский напускает на себя внешнюю грубость, а наедине с царской семьей он почтителен и даже их титулует»449.

Такое двойственное отношение А.Ф. Керенского объяснялось его положением в революционном движении и свойствами характера. Так, кадет В.Д. Набоков

писал об этом: «Трудно даже себе представить, как должна была отразиться на психике Керенского та головокружительная высота, на которую он был вознесен в первые недели и месяцы революции. В душе своей он все-таки не мог сознавать, что все это преклонение, идолизация его – не что иное, как психоз толпы… Но несомненно, что с первых же дней душа его была “ушиблена” той ролью, которую история ему – случайному, маленькому человеку – навязала и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться…»450.

Однако общественное напряжение вокруг царской семьи нарастало. Керенский обратился к царской чете с просьбой по возможности проводить время раздельно, так как на этом настаивает Совет рабочих и солдатских депутатов. П. Жильяр по этому поводу записал в дневнике 27 марта: «После обедни Керенский объявляет Государю, что отныне он должен жить отдельно от императрицы и может видеться с нею только во время обеда и при условии, чтобы разговор происходил исключительно на русском языке. Чай также разрешается пить вместе, но в присутствии офицера…»451.

Естественно, все это с возмущением было воспринято царской семьей. Николай II в тот же день сделал следующую запись: «Начали говеть, но, для начала, не к радости началось это говенье. После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми сидеть раздельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет рабочих и солдатских депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия… Лег спать на своей тахте!»452. Более бурно реагировала на притеснения Александра Федоровна. «Несколько позже императрица, очень взволнованная, – пишет П. Жильяр, – подходит ко мне и говорит: “Поступать так по отношению с Государем – это низко, после того как Государь принес себя в жертву и отказался от престола, чтобы избегнуть гражданской войны… Как это дурно и как мелочно! Император не хотел, чтобы из-за него пролилась кровь хотя бы одного русского. Он всегда был готов отказаться от всего, если был уверен, что это послужит на благо России”. Затем, немного помолчав, она добавила: “Да, надо перенести и эту ужасную обиду”»453.

В своем дневнике Александра Федоровна сделала короткие заметки: «**Март. 27-го.** Понедельник, М[ария] – 36,3 1/2°; Ан[астасия] – 36,4 1/2°. 11 ч. церковь. Н[иколай] виделся с Керенским. 2 1/2 ч. Видела, как офицеры сменили охрану. 4 ч. О[льга] – 38,5° – воспаление гланд (ангина). Н[иколаю] и мне разрешено встречаться только во время приема еды, но не спать вместе. 6 1/2 ч. Церковь…»454.

А.Ф. Керенский в своих воспоминаниях пытался дать объяснение предпринятым им мерам по отношению к царской семье: «Жена же его (императора Николая II. – *В.Х.*) весьма остро переживала утрату власти и никак не могла свыкнуться со своим новым положением. […] Всех вокруг она замучила бесконечными разговорами о своих несчастиях и своей усталости, своей непримиримой злобой. Такие, как Александра Федоровна, никогда ничего не забывают и никогда ничего не прощают. В период проведения расследования действий ее ближайшего окружения я был вынужден принять определенные меры, чтобы помешать ее сговору с Николаем II на случай их вызова в качестве свидетелей. Поточнее было бы сказать, что я был вынужден воспрепятствовать ей оказывать давление на мужа. Исходя из этого, я распорядился на время расследования разлучить супружескую пару, разрешив им встречаться только за завтраком, обедом и ужином с условием не касаться проблем прошлого»455.

Впоследствии, когда белогвардейский следователь Н.А. Соколов пытался, уже находясь в Париже, выяснить причины решения А.Ф. Керенского о разделении супругов, последний дал следующие объяснения: «Отобрание переписки, как мне помнится, имело место в первые числа марта месяца. Кроме этой меры, была принята еще вторая мера: лишение на некоторое время общения Николая II и Александры Федоровны, разделение их. Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе, после одного из докладов, сделанного мне по их делу следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос их комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Федоровне объявлено было об этой мере Коровиченко по моему приказанию. Наблюдение за выполнением этой меры было поручено Коровиченко, причем о ней были предупреждены и другие лица, жившие с ними в Царском: Бенкендоф, статс-дама Нарышкина. Разделение их не было абсолютным. Они сходились за столом, но при этом присутствовал Коровиченко, и они обязались вести только общие разговоры, что в действительности и выполнялось ими. Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал, приблизительно, с месяц. Затем надобность в нем исчезла и он был отменен»456.

Обстановка накалялась. Порой доходило до небольших эксцессов. Об одном из них упоминает камердинер А.А. Волков: «Когда караул менялся (это происходило во время завтрака царской семьи), то оба офицера – прежний и новый начальники караула – приходили к Государю. Однажды вошли оба офицера. Государь простился с уходящим и, здороваясь с вступающим вновь на караул, протянул офицеру руку. Тот, отступив демонстративно назад, отказался от рукопожатия. Государь подошел к нему, положил на плечо руку и ласково

спросил: “За что же, голубчик?” – “Я из народа, – был ответ. – Вы не хотели протянуть народу руку, не подам ее и я”»457.

Выходцем из народа оказался офицер 2-го полка Яремич. Это был наглядный урок хамства, получивший осуждение среди многих офицеров охраны. Александра Федоровна при этом инциденте промолчала, плотно сжав губы, но затем, не привлекая внимание других, сказала супругу: “Как часто я тебе говорила, что не следует подавать руки. Ты видишь – я была права”. С этих пор Николай Александрович перестал подавать руку офицерам охраны. Он беседовал и приветствовал только тех, кого он ранее знал и в которых не сомневался.

Но постепенно жизнь царской семьи вошла в определенный ритм. П. Жильяр свидетельствовал: «Мы выходим в парк, где нам теперь разрешают гулять в сопровождении офицеров охраны и солдат. Желая немного заняться спортом, мы начинаем оживленно разбивать лед на шлюзах пруда. Толпа солдат и других лиц тотчас же собирается у решетки парка – смотрят, как мы работаем. Некоторое время спустя офицер охраны подходит к Государю и говорит, что начальник царскосельского гарнизона прислал сказать, что он боится враждебной демонстрации и даже покушения на царскую семью, и поэтому просит нас уйти в другое место. Государь отвечает, что он нисколько не боится, и эти люди его не стесняют…

Воспрещено доходить до пруда; мы должны оставаться около дворца и не переходить указанной нам черты. Сегодня, выйдя на прогулку, мы увидели толпу из нескольких сот любопытных, желающих на нас посмотреть»458.

Однообразные и размеренные дни в своем дневнике фиксировал и Николай Александрович: «**8-го апреля**. Суббота. Тихо справляли 23-ю годовщину нашей помолвки! Погода простояла весенняя и теплая. Утром долго гулял с Алексеем. Узнали, почему вчерашний караул был такой пакостный: он был весь из состава солдатских депутатов. Зато его сменил хороший караул от запас[ного] бат[альона] 4-го стрелкового полка. Работали у пристани из-за толпы и наслаждались теплым солнцем. В 6 1/2 пошли ко всенощной с Т[атьяной], Ан[астасией] и А[лексеем]. Вечер провели по-прежнему»459.

Однако в эту размеренную жизнь продолжал вторгаться А.Ф. Керенский. В дневнике Николая Александровича за 12 апреля читаем: «Холодный день с ветром. Погулял полчаса и затем посидел с детьми, пока Аликс была у обедни. Днем приехал Керенский и отвлек меня от работы на льду. Сначала он говорил с Аликс, а потом со мной. После чая читал. Вечером посидели наверху, чай пили вместе и спали также вместе»460.

Более подобные сведения о целях визита Керенского находим в записях графа Бенкендорфа:

«**25 апреля** (или 12 апреля по старому стилю. – *В.Х.*) новый визит Керенского. Государь был на прогулке. Министр дал знать императрице, что ему необходимо с ней переговорить наедине и что он ее просит прийти в кабинет императора. Государыня приказала ему ответить, что она занята своим туалетом и примет его несколько позже в своем салоне. В то же время она вызвала госпожу Нарышкину, чтобы она присутствовала при разговоре. В ожидании выхода Государыни доктор Боткин имел довольно продолжительный разговор с Керенским. Как домашний врач царской семьи он считал своею обязанностью заявить министру, что здоровье Их Величеств и детей требует продолжительного пребывания в лучшем климате, в спокойном месте, отдаленном от нынешних событий…

Министр согласился вполне с этими соображениями и дал понять, что пребывание в Крыму могло бы быть вскоре устроено…

Керенский затем прошел… к императрице… Разговор длился около часа. У Государыни не осталось от этого разговора дурного впечатления.

Министр был вежлив и сдержан. Он спрашивал императрицу о той роли, которую она играла в политике, об ее вмешательстве в выбор министров и в государственные дела. Императрица ответила ему, что император и она составляли самую дружную семью, единственной радостью которой была их семейная жизнь, что они не имели никаких тайн друг от друга – они всем делились. Следовательно, нет ничего удивительного, если в тяжелых переживаниях последних годов политика занимала между ними большое место. Наконец император, будучи почти всегда в армии и не видя своих министров долгие периоды, естественно, поручал ей иногда передавать им некоторые малозначительные указания. Чаще всего она обсуждала с ним вопросы, касающиеся ее лично, как, например, по делам Красного Креста, о русских военнопленных и о многочисленных благотворительных учреждениях, которыми она занималась. Вот этим и ограничивалась ее политическая роль. Она была уверена, что исполняет только свой долг. Несомненно, обсуждались совместно и назначения министров. Но могло ли быть иначе – в таком дружном интимном супружестве? Я узнал лишь впоследствии, что ясность, откровенность и твердость ее речи поразили очень министра. В это время возвратился Государь и принял Керенского в своем кабинете. Разговор шел, как и в первый раз, о показаниях бывших министров, ссылавшихся часто на высочайшие повеления, которые они получали от Его Величества.

Государь позволил взять из шкафов его кабинета все бумаги, в которых являлась бы необходимость для Верховной следственной комиссии.

После этого посещения доверие Их Величеств к Керенскому еще более усилилось…»461.

Повседневные хлопоты, будничные заботы и маленькие радости семейной жизни все больше забирали всех в плен своего определенного круговорота. В письме к старому и больному учителю царских детей П.В. Петрову от 17 (30) апреля П. Жильяр писал: «Итак… наш ученик (Алексей Николаевич. – *В.Х.*) сегодня вновь приступил к занятиям. Его отец обучает его русской истории и географии, мать – религии, баронесса Буксгевден в ожидании господина Гиббса займется с ним английским языком. Доктор Боткин будет ему давать по 4 урока русского языка в неделю, а Владимир Николаевич Деревенко продолжит занятия по естественным наукам, так как он будет с нами – он обратился к министру Керенскому, чтобы ему дали разрешение как консультанту [врачу] покидать дворец и возвращаться. Два часа в неделю отведены на подготовку заданий, которые Вы будете присылать – под присмотром мадемуазель Шнейдер… Алексей Николаевич Вас очень благодарит за Ваши два письма. Он имеет намерение Вам писать… Все маленькие и большие Вас приветствуют. Я Вас благодарю за Ваши письма и прошу еще раз извинить, что мало пишу… Я обнимаю Вас. Наилучшие пожелания преданного Вам П. Жильяра»462.

В этот же день 17/30 апреля 1917 г. гувернер цесаревича П. Жильяр записал в своем дневнике: «Сегодня Государь приветствовал меня словами: “Здравствуйте, дорогой коллега!” – он только что дал первый урок Алексею Николаевичу. То же спокойствие и желание оказать ласку всем, разделяющим его тяжелую участь. Он для всех нас пример и ободрение»463.

Вот еще одно свидетельство о буднях царской семьи камердинера А.А. Волкова: «Когда земля оттаяла, стали выходить на прогулку поправлявшиеся дети. Государь предложил желающим работать. Работали все: и семья, и свита, и служащие. Вначале работа состояла в копании грядок, на которых были посеяны разные овощи. Императрица не работала, но когда стало теплее, лежала близ места работ на ковре. Иногда в это время к ней подходили солдаты, садились близко к ней и подолгу разговаривали. Держали себя солдаты в присутствии царской семьи вполне прилично…»464.

Характеризуя обстановку этого времени, П. Жильяр позднее горестно воспоминал: «Мы были только в нескольких часах езды от финляндской границы… а потому казалось, что действуя решительно и тайно, можно было бы без большого труда достичь одного из финляндских портов и вывезти затем

царскую семью за границу. Но никто не хотел брать на себя ответственность и каждый боялся себя скомпрометировать»465.

Однако позднее в эмигрантской белогвардейской печати появились воспоминания некоторых офицеров монархистов, которые составляли планы по освобождению императора. Заметим, что реально это ни во что не вылилось. Во времена «хрущевской оттепели» в печати по политическим мотивам стали появляться «экзотические» сообщения о попытках освобождения царской семьи. В одном из них «О попытке вывезти Николая II в США» сообщалось следующее:

«В Архиве внешней политики России обнаружены записки В.В. Горбатенко, довольно подробно рассказывающие о попытках вывезти из России в США свергнутого с престола царя Николая II (ф. Канцелярия МИД. 1917, д. 157, л. 29–34).

Как известно из мемуаров английских дипломатов, Временное правительство обратилось к Англии с просьбой о предоставлении убежища Николаю II. Королевское правительство горячо откликнулось на эту просьбу. Вопрос был решен военным кабинетом и королем в поразительно короткий срок: всего за одни сутки. Начались приготовления к отъезду… Но английский народ не позволил поставить этот фарс. Запротестовал и Петроградский Совет, установивший специальную охрану на вокзалах с целью помешать отъезду бывшего царя. Тогда за дело взялись дипломаты США, рассчитывавшие использовать Николая II в борьбе против русской революции.

Чрезвычайной миссии США во главе с Э. Рутом, выехавшей в Россию 18 мая 1917 г., было дано поручение договориться с бывшим царем о тайном бегстве его за океан.

Многое напоминало членам этой миссии по приезде их в Россию о Николае II. Раболепствовавшее перед американскими империалистами Временное правительство предоставило им для следования из Владивостока в Петроград литерный императорский поезд. Апартаменты Руту и сопровождавшим его лицам были приготовлены в Зимнем дворце.

В качестве агента по особым поручениям к миссии был прикомандирован В.В. Горбатенко.

Из записок В.В. Горбатенко выясняется, что, находясь в Петрограде, Рут совершил четыре загородных выезда из Зимнего дворца. О двух поездках в Москву и в Ставку было известно и ранее по сообщениям печати. Другие две

поездки были совершены в глубокой тайне даже от большинства министров Временного правительства, не говоря уже об общественности; о них рассказывает В.В. Горбатенко.

После возвращения Рута из Ставки публике было объявлено, что высокий американский гость "захворал от переутомления". Под этим предлогом некоторое время в прессе ничего не сообщалось о его деятельности. На самом же деле глава миссии на автомобиле отправился в Финляндию. Там он пытался выяснить возможность провезти через финляндскую территорию, также на автомашинах, Николая II и его домочадцев.

Очевидно, возможность была найдена, ибо после возвращения Рута в Петроград развернулись технические приготовления к намеченной операции; по-прежнему все было окружено глубокой тайной. Об этих приготовлениях знал лишь министр иностранных дел Терещенко, "без содействия коего нельзя было обойтись". После того как эти приготовления закончились, состоялась вторая тайная поездка Э. Рута для свидания с Николаем II. На этот раз были мобилизованы два автомобиля; в первом находились Рут, Терещенко и секретарь Рута полковник в отставке Мотт; во втором – два американских офицера, секретарь Терещенко, Солдатенков и сам Горбатенко. По прибытии в Царское Село состоялось 40-минутное свидание Рута и Николая II в присутствии Терещенко. Обсуждалась возможность, не теряя времени, тайно вывезти царя с семейством из России. Однако договориться не смогли. Совещание, сообщает В. Горбатенко, "дало отрицательный результат". Очевидно, боязнь попасть в руки революционного народа оказалась сильнее всяких иных эмоций и намерений»466.

Обратим внимание, что сведений о подобной встрече нет в дневниках царской четы и воспоминаниях приближенных.

Конечно, дипломатические архивы содержат многие тайны. Сообщение было помещено в печати во времена «холодной войны» с США и с точки зрения советской пропаганды должно было обострить в гражданах Советского Союза чувство неприязни, как к империалистам, так и к самодержавию. Со своей стороны стоит напомнить, что американское правительство одно из первых приветствовало Временное правительство и Февральскую революцию. Если принимать на веру содержание сообщения, то, возможно, это была только дипломатическая игра.

Уехать за пределы России через финляндскую границу воспользовался великий князь Кирилл Владимирович летом 1917 г., но без помощи американцев.

А в Петросовет продолжали поступать резолюции и телеграммы с требованием принять жесткие меры к членам императорской фамилии. Собрание делегатов фронта категорически настаивало перевести «бывшего царя и обеих бывших цариц в Петропавловскую крепость». Крестьянский съезд делегатов Канского уезда призывал «конфисковать имущество и капиталы бывшего царя, заключить его в Петропавловскую крепость и назначить самый строгий суд». Флотские и военные революционные части требовали перевода Романовых «в Кронштадт на арестантский паек» и «с изменниками поступать как с военными шпионами».

Нездоровый ажиотаж вокруг царской семьи подогревала периодическая печать, что непосредственно отражалось и на формировании общественного мнения. В телеграмме, направленной 21 мая 1917 г. из Очакова в Исполком Петросовета, читаем: «В “Одесских новостях” № 10421 помещено: “Охрана Николая Романова пьет вино вместе с ним, матросы сами возят Александру [Федоровну] на прогулку”. Крайне возмущены этим. Солдаты Николаевской приморской батареи Очаковской крепости просят немедленно перевести Николая, Александру и семью в Петропавловскую крепость; установить строгий надзор и всех сочувствующих Романовым преследовать как изменников свободе Российского государства. Дружба с Николаем, что братание на фронте, гибельно для родины.

Уполномоченные от батареи солдаты: Махарино, Болель».

Даже княгиня Е.А. Нарышкина с горечью отмечала 26 мая/ 8 июня в своем дневнике: «Эти гнусные газеты обливают царскую чету самой грубой бранью. Кронштадтская республика постановила захватить Государя, силой увезти в Кронштадт. Я заплакала, прочтя сегодня утром про эту низость»467. Далее княгиня с укором замечает: «Нет примера, чтобы низложенный Государь оставался в столице, подвергаясь оскорблениям и опасностям со стороны черни. Думаю о них не переставая»468.

Против «желтой прессы», пытавшейся опорочить царскую семью и внушить обывателю, что с искоренением «распутинского маразма» последних Романовых страна решит все свои проблемы, выступал Максим Горький. «Свободная пресса», – писал он в одной из статей, – не может быть аморальной, стремиться «угодить инстинктам улицы». И далее: «Хохотать над больным и несчастным человеком (имеется в виду Александра Федоровна. – *В.Х.*) – кто бы он ни был – занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом, хотя и понимали – смутно – их роль в России…»469.

Как упоминалось выше, Временным правительством еще в марте была создана Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц царского правительства (ЧСК). В связи с ее деятельностью А.Ф. Керенский вновь обратился к Николаю II с просьбой о предоставлении необходимых материалов, о чем последний записал в своем дневнике: «**3-го июня**. Суббота. После утреннего чая неожиданно приехал Керенский на моторе из города. Оставался у меня недолго: попросил послать следственной комиссии какие-либо бумаги или письма, имеющие отношение до внутренней политики. После прогулки и до завтрака помогал Коровиченко в разборе этих бумаг. Днем он продолжал это вместе с Кобылинским…»470.

Для чего так упорно собирались документы и велись допросы ЧСК? Позднее первый глава Временного правительства князь Г.Е. Львов, находясь в эмиграции во Франции, давал показания белогвардейскому следователю Н.А. Соколову, где подчеркивал, почему царская семья находилась под арестом и что хотели прояснить для себя новые правители страны:

«Кроме этой задачи – установление известного режима в отношении царской семьи – перед правительством была еще другая цель. Временное правительство было обязано, ввиду определенного общественного мнения, тщательно и беспристрастно обследовать поступки бывшего царя и царицы, в которых общественное мнение видело вред национальным интересам страны, как с точки зрения интересов внутренних, так и внешних, ввиду войны с Германией, в этих целях, т. е. для обследования деятельности всех вообще высших лиц, игравших роль в жизни государства, поскольку их деятельность приковывала к себе внимание общества и возбуждала его недовольство, была создана Верховная следственная комиссия. В организации ее главная роль принадлежала Керенскому, как министру юстиции. Председателем этой комиссии был назначен присяжный поверенный Муравьев. Керенским тогда было принято в отношении императора две меры: во-первых, он в ближайшее после прибытия из Ставки время был отделен на какой-то, как мне помнится, очень короткий промежуток времени от своей супруги, а во-вторых, у него была взята его переписка. Эти меры принимались Керенским, как министром юстиции, чтобы верховная следственная комиссия могла разрешить возложенную на нее задачу. В свое время Керенский о принятии этих мер представлял доклады Временному правительству.

Работы следственной комиссии не были закончены. Но один из самых главных вопросов, волновавший общество и заключавшийся в том подозрении, а может быть, даже убеждении у многих, что царь, под влиянием своей супруги, немки

по крови, готов был и делал попытки к сепаратному соглашению с врагом, Германией, был разрешен. Керенский делал доклады правительству и совершенно определенно, с полным убеждением утверждал, что невиновность царя и царицы в этом отношении установлена.

Разрешался также вопрос о средствах, принадлежавших царской семье. Семья, конечно, должна была жить на свои личные средства. Правительство должно было нести лишь те расходы, которые вызывались его собственными мероприятиями по адресу семьи. Их личные средства были выяснены. Они оказались небольшими. В одном из заграничных банков, считая все средства семьи, оказалось 14 млн рублей. Больше ничего у них не было.

Из всех лиц в составе правительства бывал в Царском и имел общение с царской семьей только один Керенский. Поскольку я мог наблюдать Керенского во время его докладов правительству о его поездках в Царское и во время вообще беседы с ним по вопросам о царской семье, я убежден, что их отношения с царем были с первых же дней корректны, а впоследствии были, безусловно, окрашены тоном взаимного доброжелательства»471.

Следует заметить, что хотя ложность обвинений Государя и его супруги в подготовке «сепаратного мира» была установлена, но освобождения невиновных, так и не последовало, и режим заключения и изоляции ослаблен не был. Перед царской четой никто даже не извинился за оскорбительные наветы. Николай II оставался заложником революции.

Историк С.П. Мельгунов, критикуя работу ЧСК, впоследствии отмечал следующее: «В основу расследования был положен парадокс, что революция может судить своих врагов во имя законов, которые она разрушила».

Однообразные дни заключения царской семьи в Александровском дворце проходили один за другим, о чем можно судить по дневниковым записям царской четы. Император Николай II сделал 26 июня 1917 г. очередную запись: «День стоял великолепный. Наш хороший комендант полк. Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали. Занимался с Алексеем географией. Спилили громадную ель недалеко от решетки за оранжереями. Стрелки сами пожелали помочь нам в работе. Вечером окончил чтение le comte de MonteCristo»472.

Совет коменданта Е.С. Кобылинского на первый взгляд казался бы странным, если бы не пояснение самого императора. Уже во времена Н.С. Хрущева, т. е. в 1961 г., делился воспоминаниями заместитель председателя Царскосельского

Совдепа О.М. Сирота о несении караульной службы по охране царской семьи летом 1917 г. Он с революционной гордостью отмечал: «В тот день, когда Николай, выйдя утром на прогулку, протянул руку начальнику караула прапорщику Домазьяну, последний сделал два шага назад и сказал:

– Господин полковник (имеется в виду Государь. – *В.Х.*), было время, когда русский народ протягивал на руку, вы не хотели ее принять. Теперь я как сын народа не считаю возможным принять вашу руку. – Солдаты фыркнули. Николай ничего не сказал, продолжал прогулку. Наше предположение, что телефонограмма Керенского была вызвана непочтительным отношением начальника караула к особе бывшего царя, полностью оправдалось. Едва мы вошли в кабинет Керенского в Зимнем дворце (я поехал вместо председателя Совета), как он уже выскочил из-за стола в глубине кабинета и набросился на прапорщика Домазьяна.

– Прапорщик, я вами недоволен. Еще три месяца тому назад вы сочли бы за счастье пожать руку Николаю Романову, а сегодня вы не подали ему руки. Это не великодушно!

Я сказал, чтобы защитить начальника караула, что он действовал согласно директиве Совета рабочих и солдатских депутатов. Керенский меня уже не слушал. Он внес в историю свою «благородную» сентенцию о великодушии и на том считал свою миссию законченной. Адъютант любезно раскрыл перед нами дверь.

Великодушие Керенского в отношении Николая Романова выходило нередко за пределы «джентльменства», оно граничило с прямой государственной изменой. Целый ряд записей свидетельствует, что арестованный царь знал то, что не знали еще страна. Глава правительства регулярно его информировал»473.

Выезд царской семьи за границу так и не состоялся. Позднее А.Ф. Керенский, находясь в эмиграции, в одном из интервью так объяснял причины этого: «Что же касается эвакуации царской семьи, то мы решили отправить их через Мурманск в Лондон. В марте 1917 года получили согласие британского правительства, но в июле, когда все было готово для проезда на поезде до Мурманска и министр иностранных дел Терещенко отправил в Лондон телеграмму с просьбой выслать корабль для встречи царской семьи, посол Великобритании получил от Ллойд Джорджа ясный ответ: британское правительство, к сожалению, не может принять царскую семью в качестве гостей во время войны».

Временное правительство посчитало, что в сложившейся обстановке надо было найти более безопасное место ссылки для царской семьи, удалить их от революционного Петрограда. Строились различные планы. Об одном из них упоминается в дневнике Николая II: «**11-го июля**. Вторник. Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Ц[арского] Села к неспокойной столице…»474.

По поводу ссылки царской семьи в Сибирь великий князь Александр Михайлович с сарказмом отмечал в своих мемуарах: «Приходили слухи, что император Николай II и вся царская семья будут высланы в Сибирь, хотя в марте ему и были даны гарантии, что ему будет предоставлен выбор между пребыванием в Англии или же в Крыму»475.

Интересно отметить, что на следующий день 12 (25) июля 1917 г. английский посол Бьюкенен телеграфировал в Лондон:

«Министр иностранных дел сообщил мне сегодня, что Керенский, который видел вчера императора, условился относительно его отъезда в Тобольск во вторник. Его Величество предпочел бы уехать в Крым, но, по-видимому, остался доволен предложением переменить местожительство. Я выразил надежду, что в Сибири свобода императора не будет так ограничена, как в Царском Селе, и что ему разрешат свободу передвижения. Несмотря на то что он совершил много ошибок и несмотря на слабость его характера, он не преступник и к нему должны относиться с возможно большим вниманием. Министр иностранных дел ответил, что Керенский, вполне разделяя это мнение, готов всецело идти навстречу желаниям Его Величества. Он дал ему разрешение выбрать лиц, которые будут сопровождать его… Истинной причиной переезда императора является растущая среди социалистов боязнь контрреволюции…»476.

Относительно обстоятельств ссылки царя в Сибирь интересно рассказывает в своих рукописных воспоминаниях помощник комиссара Временного правительства Павел Михайлович Макаров:

«26 июля (8 августа 1917) я был вызван к Керенскому. Под строгим секретом он сообщил мне, что теперь наступило время, когда приходится подумать об удалении царя из Петрограда. Из дальнейших слов его я понял, что положение на Рижском фронте принуждает его к этому шагу, о внутреннем фронте, т. е. о все усиливающемся давлении со стороны Советов рабочих и солдатских депутатов, он не упомянул. В кабинете Керенского было не принято сознаваться в своем бессилии по отношению к Советам…

Но Керенский, очевидно, понимал, что большевики при первом же своем восстании, которое они после своей первой неудачи не переставали подготавливать вновь, постараются овладеть царем и расправиться с ним, так как они сделали это потом в Екатеринбурге, для того чтобы показать “революционному народу” безволие Временного правительства в его борьбе с контрреволюцией.

Борьба с этой фикцией, с этой, в сущности, совершенно тогда еще ничтожной контрреволюцией, был тот демократический лозунг, с помощью которого Германский Генеральный штаб через своих главн[ых] агентов, Троцкого и Ленина, провоцировали Керенского к его дальнейшему разваливанию Русского государства.

Одним словом, официальная причина увоза царя была внешняя опасность. Этим, по-видимому, объясняется также и выбор места высылки – а именно Тобольск – губернский город в Западной Сибири… Место не только отличающееся суровым климатом, но к тому и чрезвычайно нездоровым, ибо этот город, в прежнее допетровское время построенный на высоком берегу Иртыша, был затем при Петре Великом перенесен вниз, на болотистый берег, образовавшийся от наноса грунта при слиянии Тобола и Иртыша. Дом, предназначенный для царской семьи (б. губернаторский), находится как раз в этой (новой) части города и поэтому для такого болезненного мальчика, как Цесаревич Алексей, долгое пребывание там было бы смертельно.

Я спросил об этом Керенского, но он, очевидно, не был особенно озабочен этим обстоятельством, ибо он совершенно безразличным голосом ответил мне, что он справлялся и по полученным сведениям климат там вполне подходящий для цесаревича. “Отчего же Вы не назначили Ливадию для местопребывания царя?”. “Это совершенно недопустимо” – был краткий ответ. “Впрочем, дочерям было предложено отправиться в Крым и жить там у их бабушки, но они наотрез отказались”. И действительно, увидав потом царскую семью и получив возможность наблюдать ее во время нашего долгого путешествия в Тобольск, а затем и в течение первых дней их жизни там, я понял, что иного ответа от царских детей и ожидать было нельзя. Я думаю, что более спаянной, более любящей и преданной друг другу семьи редко можно было встретить на свете. И я думаю, что впоследствии, когда возможно будет написать, наконец, правдивую историю русской революции и ее центральной фигуры – Николая II, когда откроются царские архивы, если только, конечно, большевики не уничтожили в них все неугодные для них документы, то личность покойного царя встанет перед потомством в настолько ином освещении, что от многих обвинений, взваленных на него русским народом, будет оправдан и что как

человек и как гражданин он также высоко поднимется в глазах России и всего мира, насколько низко упадут те, кто стал после него править Россией.

Затем Керенский уверил меня, что предназначенный для царя губернаторский дом уже вполне приспособлен для жизни – что туда уже послано одно лицо (командующий войсками Омского военного округа, полковник П., потом я узнал, что этот полковник до войны был адвокатом и хорошим знакомым Керенского, который и назначил его после переворота на этот пост), которое все приготовит для нашего приезда туда. Потом, по приезде в Тобольск я понял, насколько высокопоставленные лица Временного правительства в своих донесениях мало отличаются от “бюрократов” прежнего режима и что, следовательно, на мне будет лежать обязанность организации всего переезда, за порядком во время пути и за устройством царя и его семьи в их новом жилище.

Я согласился взяться за это дело при условии, что я не буду совершенно касаться до охраны особы б[ывшего] императора, т. е. что все тюремные функции…»477.

По другой версии, Тобольский архимандрит Гермоген предложил Керенскому направить бывшего царя и его семью в захолустный губернский город Тобольск, где Советы не имели заметного влияния, а вся власть находилась в руках губернского комиссара Временного правительства. Сам же Керенский позднее объяснял эту ситуацию так: «Разрешение этого вопроса целиком было поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти их куда-нибудь в Центр России; останавливался на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это… Немыслимо было увезти их и на юг. Там же проживали некоторые из великих князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов я остановился на Тобольске…»478.

Вопрос об увозе царской семьи в Тобольск был решен окончательно на совещании четырех министров: кн. Г.Е. Львова, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасова и А.Ф. Керенского. Остальные члены Временного правительства, по утверждению Керенского, «не знали ни о сроке, ни о направлении». Позднее князь Г.Е. Львов в свидетельских показаниях следователю Н.А. Соколову в июле 1920 г. в Париже подтвердил: «Решение вопроса о перевозе семьи в Тобольск состоялось при мне. Но самый ее отъезд имел место уже после моего ухода из состава правительства, что произошло в конце первой половины июля месяца. Поэтому о самом перевозе царской семьи я ничего не могу Вам рассказать»479.

Свои соображения по поводу мотивов ссылки царской семьи в Сибирь высказал и П. Жильяр: «Трудно в точности определить, чем руководствовался Совет Министров, решая перевезти царскую семью в Тобольск. Когда Керенский сообщил об этом императору, он объяснил необходимость переезда тем, что Временное правительство решило принять самые энергичные меры против большевиков; в результате, по его словам, неминуемо должны были произойти вооруженные столкновения, в которых первой жертвой могла бы оказаться царская семья; а потому-то он, Керенский, и считал своим долгом обезопасить ее от всех возможных случайностей. Другие же, напротив, предполагали, что это решение было лишь трусливой уступкой по отношению к крайним левым, требовавшим изгнания императора в Сибирь, ввиду того, что им непрестанно мерещилось движение в армии в пользу царя»480.

В стране продолжалась планомерная кампания по уничтожению памяти о бывшем режиме. Перед нами любопытный документ Русского Географического общества, старейшего академического учреждения России. Это письмо в Министерство иностранных дел от 10 июля 1917 г., в котором значится: «По поручению Совета Русского Географического общества имею честь сообщить, что собравшись сего 9 июля для обсуждения вопроса, возбужденного Министерством иностранных дел перед Временным правительством о переименовании Земли Николая II и Острова Цесаревича Алексея, Совет Общества считает долгом указать… что раз данные географические названия, уже вошедшие в практику, принадлежат истории, то не должны быть изменяемы впоследствии, в силу каких-либо посторонних науке соображений. К этому необходимо присовокупить, что и в других научных дисциплинах действует такое же правило, раз установленные названия и термины уже не изменяются».

Политические потрясения июльских дней 1917 г., осуществленные под знаменами большевиков, официальной правительственной пропагандой были связаны также с именем Николая II. В петроградских «Известиях» от 12 июля указывалось: «Не может быть никакого сомнения, что именно контрреволюцией был задуман и с дьявольской хитростью приведен в исполнение бессмысленный бунт этих дней… Ведь это только им – Николаю и Вильгельму – идет на пользу та черносотенная проповедь, которая безвозбранно ведется на улицах и забрызгивает грязью и ядовитой слюной все органы революционной демократии, всех без разбора вождей ее…»

20 июля те же «Известия» поместили заметку: «Временное правительство постановило членам дома Романовых избирательных прав в Учредительное собрание не предоставлять».

Таким образом, в самой свободной стране мира – России – представители императорской фамилии фактически официально лишались гражданского права.

Накануне отправки царской семьи в ссылку, утром 31 июля, в Царское Село приехал Керенский, который сообщил, что вечером будет подан поезд для отправки Романовых. За час до назначенного времени отхода поезда во дворец приехал попрощаться великий князь Михаил Александрович. При свидании братьев присутствовал Керенский, который в разговор не вмешивался, но, однако, не разрешил Михаилу Романову попрощаться с племянником и племянницами. В дневнике Николая II мы читаем: «После обеда ждали назначения часа отъезда, кот[орый] все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10 1/2 [вечера] милый Миша вошел в сопровождении Кер[енского] и караульн[ого] начальника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно. Когда он уехал, стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу… Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать, – он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело…»481.

Граф П.К. Бенкендорф рассказывал о встрече двух братьев: «Он (Керенский. – *В.Х.*) мне сообщил, что сейчас приедет великий князь Михаил Александрович. Министр устроил это свидание, чтобы братья могли проститься. Я передал об этом царю, который был тронут и удивлен. Когда великий князь приехал, то Керенский вместе с ним и ординарцем первым вошел в кабинет Его Величества. Он сел за стол и рассматривал альбомы. Офицеры оставались у двери. Свидание длилось 10 минут.

Братья были так взволнованы тем, что приходится говорить при свидетелях, что почти не находили слов. Великий князь, весь в слезах, сказал мне, что он не рассмотрел даже как следует лица царя.

Керенский уселся затем в приемной. Мы разговаривали о разных вещах. Так как он уверял меня несколько раз, что отсутствие Их Величеств продлится не больше нескольких месяцев, то я спросил его, когда можно рассчитывать на возвращение царской семьи. Он снова убеждал меня, что после Учредительного собрания, в ноябре, ничто не помешает царю или вернуться в Царское Село, или уехать, куда он захочет»482.

Великий князь Михаил Александрович 31 июля 1917 г. записал в своем дневнике: «В 10 ч. поехали к Борису (великий князь Борис Владимирович. – *В.Х.*) в Царское [Село]. В 12 ч. приехал за мною дворц[овый] комендант полк. Кобылинский и мы с ним поехали в Александровский дворец. Вышли у кухни и подвалом прошли во дворец к четвертому подъезду и в приемную Ники, где были: гр. Бенкендорф, Керенский, Валя Долгорукий и двое молодых офицеров. Оттуда я прошел в кабинет, где виделся с Ники в присутствии Керенского и караульного нач[альника] прапорщика. Я нашел, что Ники выглядел довольно хорошо. Пробыл у него около 10 минут и поехал обратно к Борису, а затем в Гатчину. Свидание мне устроил Керенский, а вызвано оно было тем, что я совсем случайно сегодня днем узнал об отъезде Ники с семьей в Тобольск, который состоится ночью. По дороге в Гатчину был сильный туман с дымом, всюду горит торф. – Погода была солнечная и жаркая»483.

Комендант Александровского дворца полковник Е.С. Кобылинский позднее свидетельствовал, следующее:

«После напутствия солдат Керенский сказал мне: "Ну, теперь поезжайте за Михаилом Александровичем. Он у Бориса Владимировича". Я поехал в автомобиле. Там я застал Бориса Владимировича, какую-то даму, Михаила Александровича с супругой и его секретаря англичанина Джонсона. Втроем (кроме шофера), т. е. Михаил Александрович, Джонсон и я поехали в Александровский дворец. Джонсон остался ждать в автомобиле. Михаил Александрович прошел в приемную комнату, где были Керенский и дежурный офицер. Втроем они прошли в кабинет, где был Государь. Я остался в приемной. В это время выбежал в приемную Алексей Николаевич и спросил меня: "Это дядя Мими приехал?" Я сказал, что приехал он. Тогда Алексей Николаевич попросил позволения спрятаться за дверью: "Я хочу посмотреть, когда он будет выходить". Он спрятался за дверь и в щель глядел на Михаила Александровича, смеясь, как ребенок, своей затее. Свидание Михаила Александровича с Государем происходило минут 10. Затем он уехал»484.

Сам А.Ф. Керенский в одном из своих исторических трудов следующим образом дал описание этого события: «В ночь перед дальней дорогой я под свою ответственность разрешил царю свидеться с братом, великим князем Михаилом. Мне пришлось присутствовать при их прощании. Оба были заметно и глубоко взволнованы первой встречей после падения монархии. Долго молчали, не находя слов. Потом завязался обрывистый разговор с короткими незначительными фразами, характерными для таких кратких свиданий. Как Аликс? Как матушка? Куда ты теперь? И так далее. Они стояли друг перед другом, неловко переминаясь с ноги на ногу, время от времени хватая друг

друга за руку, за пуговицу… Наконец стали прощаться. Кто мог подумать, что братья видятся в последний раз?

Великий князь Михаил хотел повидать детей, но я не мог позволить, визит его и так затянулся, время нас поджимало»485.

Александра Федоровна тем временем писала прощальное письмо на английском языке своей подруге Анне Вырубовой, которая находилась в заключении: «…дорогая моя мученица, я не могу писать, сердце слишком полно, я люблю тебя, мы любим тебя и благословляем и преклоняемся перед тобой, – целуем рану на лбу и глаза, полные страдания. Я не могу найти слова, но ты все знаешь, и я знаю все, расстояние не меняет нашу любовь – души наши всегда вместе и через страданье мы понимаем еще больше друг друга. Мои все здоровы, целуют тебя, благословляют и молимся за тебя без конца.

Я знаю твое новое мучение – огромное расстояние между нами, нам не говорят, куда мы едем (узнаем только в поезде) и на какой срок, но мы думаем, это туда, куда ты недавно ездила – святой зовет нас туда и наш друг.

Не правда ли, странно, и ты уже знаешь это место. Дорогая, какое страданье наш отъезд, все уложено, пустые комнаты – так больно, наш очаг в продолжение 23 лет. Но ты, мой Ангел, страдала гораздо больше! Прощай… Всегда с тобой; душа и сердце разрывается уезжать так далеко от дома и от тебя и опять месяцами ничего не знать, но Бог милостив и милосерден. Он не оставит тебя и соединит нас опять. Я верю в это – и в будущие хорошие времена. Спасибо за икону для Беби»486.

В дневнике Александры Федоровны за этот же день кратко помечено: «В 11 ч. [вечера] Керенский привозил Мишу к Н[иколаю] на 10 м[инут]. Были в ожидании, весь вечер были готовы к посадке в поезд, и только в 5 ч 20 м выехали из дома на автомобиле»487.

Суматошную обстановку отъезда подробно описывает и камердинер А.А. Волков: «Мы всю ночь в поле (между Царским Селом и станцией Александровской. – *В.Х.*) прождали поезда, который был подан в шесть часов утра. К этому времени от дворца пришли два автомобиля, окруженные кавалерийским конвоем с ружьями на изготовку. Вместе с царской семьей прибыл и Керенский. Все разместились в поезде. Керенский зашел в вагон, где находился Государь с семьей, со всеми вежливо попрощался, пожелал счастливого пути, поцеловал у государыни руку, а государю, обменявшись с ним пожатием руки, сказал: “До свидания, Ваше Величество. Я придерживаюсь, пока, старого титула…”.

Перед прощанием с царской семьей Керенский обратился к солдатам, сопровождающим поезд, с такой речью: “Вы несли охрану царской семьи здесь. Вы же должны нести охрану и в Тобольске, куда переводится царская семья по постановлению Совета Министров. Помните: лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не по-хамски. Довольствие будет выдаваться по Петроградскому округу…”»488.

В свидетельских показаниях полковника Е.С. Кобылинского, данных колчаковскому следователю Н.А. Соколову в апреле 1919 г., отмечена еще одна деталь: «Когда мы уезжали из Царского, Керенский сказал мне: “Не забывайте, что это бывший император. Ни он, ни семья, ни в чем не должны испытывать лишений”»489.

Имеются воспоминания еще одного очевидца отъезда царской семьи в Тобольск, полковника Н.А. Артабалевского, командовавшего тогда 1-м Гвардейским стрелковым запасным полком: «Царская семья начала свой страдный путь, и толпа русских людей, их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной… В окне снова показались Государь и цесаревич. Государыня взглянула в окно и улыбалась нам. Государь приложил руку к козырьку своей фуражки. Цесаревич кивал головой. Так же кивали головой царевны, собравшиеся в соседнем окне. Мы отдали честь, потом сняли фуражки и склонили головы. Когда мы их подняли, то все окна вагона оказались наглухо задернутыми шторами. Вдоль вагона медленно прошел Козьмин, подошел к нам и, ничего не сказав, встал около нас, точно настороже… Поезд медленно тронулся. Серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного возгласа, без одного всхлипывания. Видел ли Государь и его августейшая семья этот молчаливый жест народа, преданного, как и они, на голгофское мучение иудами России…»490.

Путь лежал на восток навстречу восходящему солнцу, в полную неизвестность…

Глава VII

Первая ссылка

Особый поезд

Рано утром 1 августа 1917 г. в обстановке большой секретности и таинственности от вокзала Царского Села отошел сначала один, а вслед за ним

другой поезд. Те, кто отправлял поезда, знали: их маршрут идет на восток. Тем более что на одном из вагонов была надпись «Японская миссия Красного Креста». Именно в этом вагоне и располагалась царская семья и небольшая часть свиты. В общей сложности в обоих составах кроме Романовых расположились 45 человек приближенных царской семьи, 330 солдат и 6 офицеров.

Поездка по Северной дороге до Тюмени шла более двух суток без приключений, лишь на станции Званка толпа рабочих подходила к поезду и расспрашивала, кто едет. Получив разъяснение, толпа отошла.

Вся операция по перевозке находилась под личным контролем А.Ф. Керенского, разработавшего инструкцию из 16 пунктов. Здесь утверждалось, что «бывшие император и императрица, а также их семья и лица, добровольно с ними едущие, подлежат содержанию, как арестованные», «у входов вагона с обеих сторон должны быть поставлены часовые (не менее четырех) при офицере. Двери по коридору внутри вагона не должны закрываться, дабы находящиеся на концах вагона часовые могли видеть друг друга. Каждые полчаса дежурный офицер в сопровождении одного из часовых проходит по коридору вагона, удостоверяясь в наличии всех в нем помещенных…»491.

Ежедневно утром и вечером комендант поезда должен был сообщать о следовании поезда военными телеграммами…

С дороги на имя председателя-министра Временного правительства шли телеграфные сообщения: «Следует благополучно, но без всякого расписания по жезловому соглашению. Кобылинский. Макаров. Вершинин»492.

4 августа Николай II записал в дневнике: «Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром»493. Но спокойно проходило все это только для экс-императора…

Сигнал тревоги после Званки подал Екатеринбург. Этот момент следует выделить особо. Именно здесь, в столице горнозаводского Урала, сразу же возник центр, который взял на себя в дальнейшем особую обязанность контроля за все последующие события, связанные с судьбой царской семьи. Здесь у власти были люди хорошо известные Свердлову, он на них надеялся, он на них рассчитывал… При этом здесь же с ходу была разработана особая программа, ее началом послужил следующий документ:

«Екатеринбургский Совдеп – ВЦИКу:

4 августа с. г. через Екатеринбург на Тюмень проехал особый поезд, в котором едет бывший царь и его семья. По газетным сведениям, бывший царь переводится в Тобольск. По линии железной дороги и в городе циркулирует слух, что поезд имеет наряд на Ново-Николаевск и Харбин. Слух этот вызывает брожение в населении. Окружным Исполнительным комитетом посланы телеграммы в Красноярск, Ново-Николаевск, Иркутск Советам депутатов, которым предложено проверить слух и, в случае надобности, принять меры.

Просим сообщить нам, известны или нет Центральному комитету обстоятельства отправки Временным правительством бывшего царя в ссылку в Тобольск и какое участие в разрешении этого вопроса принимали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

[За] председателя Исполнительного комитета [Екатеринбургского] Совета рабочих и солдатских депутатов М. Медведев. Секретарь С. Державин»494.

Обеспокоенность Екатеринбургского Совета (да и не только его) объяснялась многими причинами, в том числе появлением в печати противоречивых сведений о мотивах и новом месте ссылки бывшего царя. Поэтому в официальном сообщении Временное правительство объявляло:

«По соображениям государственной необходимости правительство постановило: находящихся под стражей бывшего императора и императрицу перевести в место нового пребывания. Таковым местом назначен город Тобольск, куда и направлен бывший император и императрица с соблюдением всех мер надлежащей охраны».

Вместе с бывшим императором и императрицей на тех же условиях отправились в г. Тобольск по собственному желанию их дети и некоторые приближенные к ним лица.

Министр-председатель А. Керенский».

В связи со сказанным представляет также интерес интервью министра внутренних дел Временного правительства А.М. Никитина корреспонденту «Известий ЦИК», опубликованное 20 сентября 1917 г. На вопрос о том, каковы были причины отправки Романовых из Царского Села в Тобольск, Никитин ответил: «Временное правительство сочло необходимым удалить их из Петрограда для того, чтобы ослабить, или, вернее, в корне пресечь мысль о попытке восстановления их власти. Дальнейшие события показали, что Временное правительство было совершенно право. Представьте себе, что в корниловские дни семья Романовых находилась бы в Царском Селе. Как

известно, около Петрограда группировалось немало частей, сочувствовавших Корнилову. Пребывание Николая Романова под самым Петроградом могло бы послужить для некоторых военных кругов, вернее, для маленьких групп сугубым соблазном…».

Поздно вечером 4 августа оба поезда с интервалом в 30 минут подошли к станции Тюмень. Здесь, у причала, их ждало судно «Русь».

Из Тюмени же в адрес А.Ф. Керенского 5 августа ушло сообщение: «Посадка на пароход совершена вполне благополучно при содействии встретивших помощника командующего воинскими частями и чинов по передвижению войск. Шестого вечером прибываем [в] Тобольск. Кобылинский, Вершинин, Макаров»495.

Император по-прежнему методично фиксировал события:

«6-го августа. Плавание по Тоболу. Встал поздно, так как спал плохо вследствие шума вообще, свистков, остановок и пр. Ночью вышли из Туры в Тобол. Река шире и берега выше. Утро было свежее, а днем стало совсем тепло, когда солнце показалось. Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского – родина Григория Распутина. Целый [день] ходили и сидели на палубе. В 6 1/2 час. пришли в Тобольск, хотя увидели его за час с 1/4.

На берегу стало много народу, – значит, знали о нашем прибытии. Вспоминал вид на собор и дома на горе. Как только пароход пристал, начали выгружать наш багаж. Валя [Долгоруков], комиссар и комендант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращении первого узнали, что помещения пустые, без всякой мебели, грязны и переезжать в них нельзя. Поэтому остались на пароходе и стали ожидать обратного привоза необходимого багажа для спанья.

Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещение и легли спать рано»496.

Не забыл упомянуть о селе Покровском также и П. Жильяр: «Мы проходили мимо деревни, – отметил он, – где родился Распутин, и царская семья, стоявшая на палубе, видела дом “старца”, ясно выделявшийся среди прочих изб. В этом событии не было ничего такого, что могло бы удивить своей неожиданностью: Распутин предсказал, что так будет, – и вот теперь случайное стечение обстоятельств подтвердило его слова»497.

И уж конечно отметила этот факт и сама Александра Федоровна: «Здесь жил Григорий Ефимович, – сказала она со слезами на глазах камердинеру Волкову. – В этой реке он ловил рыбу и привозил в Царское Село»498.

В момент подхода к пристани парохода с царской семьей над Тобольском поплыл колокольный звон. Встревоженным властям духовенство объяснило, что звонят ко всенощной, так как на следующий день праздник Спаса-Преображения…

Но высадки Романовых на берег не последовало: действительно губернаторский дом, где их собирались поселить, оказался в полуразрушенном состоянии: во всяком случае, пока в нем жить было нельзя. Пришлось еще семь дней жить на пароходе.

Помимо «сидения» на пароходе капитан устраивал Романовым прогулки на берег. Царь писал в дневнике:

«8-го августа. Вторник. Спал отлично и встал в 9 1/4 ч. Утро было ясное, позже поднялся тот же ветер, и опять налетало несколько шквалов. После завтрака пошли вверх по Иртышу верст за 10. Пристали к правому берегу и вышли погулять. Прошли кустами и, перейдя через ручеек, поднялись на высокий берег, оттуда открывался красивый вид. Пароход подошел к нам, и мы пошли обратно в Тобольск. Подошли в 6 час. к другой пристани…»499. Наконец переселение Романовых в губернаторский дом, словно в насмешку прежде названный «Домом Свободы», состоялось.

Стоит отметить, что генерал граф Ф.А. Келлер, ушедший после Февральской революции с поста командующего III конного корпуса, узнал из газет о ссылке царя в Тобольск. Он направил 8 августа 1917 г. телеграмму из Харькова на имя министра-председателя А.Ф. Керенского с просьбой разрешить ему следовать за Государем в Сибирь: «Ввиду того, что моя служба Отечеству в армии, очевидно, более не нужна, ходатайствую перед Временным правительством о разрешении мне состоять при особе Его Величества, оставаясь, по вашему усмотрению, в резерве чинов или будучи уволен с причитающейся мне пенсиею в отставку. Согласие Их Величеств иметь меня при себе сочту для себя за особую милость, о которой ввиду невозможности для меня лично о ней ходатайствовать, очень прошу вас запросить Государя императора, и, в случае его на это согласие, не отказать в приказании спешно выслать мне в Харьков пропуск на беспрепятственный проезд и проживание в месте местопребывания Их Величеств. Генерал от кавалерии граф Келлер»500. Керенский даже не стал согласовывать поступившее на его имя ходатайство. В просьбе генералу было отказано. Еще раньше, 1 августа, в такой же просьбе было отказано флигель-

адъютанту императора, бывшему командиру Кавалергардского полка князю А.Н. Эристову501.

Житие в «Доме свободы»

13 августа царь фиксировал начало великого «сидения» в Тобольске: «Воскресенье. Встали пораньше, и последние вещи были немедленно уложены. В 10 1/2 я с детьми сошел с комендантом и офицерами на берег и пошел к нашему новому жилищу. Осмотрели весь дом снизу до чердаков. Заняли второй этаж, столовая внизу. В 12 час. был отслужен молебен, и священник окропил все комнаты св[ятой] водой. Завтракали и обедали с нашими. Пошли осматривать дом, в котором помещается свита. Многие комнаты еще не отделаны и имеют непривлекательный вид. Затем пошли в так называемый садик, скверный огород, осмотрели кухню и караульное помещение. Все имеет старый заброшенный вид. Разложил свои вещи в кабинете и в уборной, которая наполовину моя, наполовину Алексея. Вечер провели вместе, поиграл в безик с Настенькой [Гендриковой]»502.

Обстановку и условия жизни царской семьи в Тобольске подробно и довольно объективно излагал в своих воспоминаниях П. Жильяр:

«Вначале условия нашего заключения в достаточной мере походили на царскосельские, и нам представлялось все необходимое. Чувствовалась только теснота. В самом деле, для прогулок император и дети располагали только очень небольшим огородом и двором, под который отвели часть примыкающей к дому с юго-востока, очень широкой и безлюдной улицы, обнеся ее дощатым забором. Конечно, это было немного, да к тому же здесь приходилось быть все время на глазах солдат, казарма которых высилась над всей отведенной для нас площадью.

Приближенные лица и прислуга пользовались, напротив, гораздо больше свободой, чем в Царском Селе, по крайней мере вначале, и могли бывать не только в городе, но и в окрестностях»503.

После отъезда из Тобольска комиссара П.М. Макарова и члена Государственной думы В.М. Вершинина, сюда постановлением Временного правительства были направлены новый комиссар В.С. Панкратов и его заместитель А.В. Никольский.

Бывшему народовольцу Василию Семеновичу Панкратову перед отъездом в Сибирь была вручена «Инструкция комиссару по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, его супруги и его семейства, находящихся в г.

Тобольске». В соответствии с ней ему предоставлялось, в числе прочего, право просмотра переписки с царской семьей. Один из 11 пунктов инструкции, кроме того, обязывал: «Комиссар два раза в неделю телеграммами посылает министру-председателю срочные донесения, а также извещает о всех экстренных обстоятельствах»504.

Прибытие комиссаров Временного правительства в Тобольск зафиксировал в своем дневнике Николай II: «1 сентября. Пятница. Прибыл новый комиссар от Врем[енного] прав[ительства] Панкратов и поселился в свитском доме с помощником своим, каким-то растрепанным прапорщиком. На вид – рабочий или бедный учитель. Он будет цензором нашей переписки…»505.

Назначение В.С. Панкратова не отразилось сколько-нибудь существенно на режиме, установленном для Романовых в Тобольске комендантом и командиром отряда охраны полковником Кобылинским. Однако небольшие инциденты время от времени все же случались. В воспоминаниях П. Жильяра отмечался один из них: «В сентябре в Тобольск приехал комиссар Панкратов, присланный Керенским. Его сопровождал в качестве помощника Никольский, бывший политический ссыльный… Едва успев прибыть, он (Никольский. – *В.Х.*) потребовал от полковника Кобылинского, чтобы нас всех заставили сняться. На возражение же полковника, что такие фотографические снимки совершенно излишни, так как все солдаты хорошо нас знают еще с Царского Села, – Никольский заявил: “Нас заставляли исполнять это прежде, а теперь их очередь проделать то же”. Пришлось пройти через эту процедуру, и с тех пор каждого из нас снабдили свидетельством личности с фотографической карточкой[6] и с номером по списку»506.

Доктор Е.С. Боткин обратился к Временному правительству с ходатайством о разрешении бывшему царю и его семье посещения церкви, а также устройства загородных прогулок.

15 сентября 1917 г. из Петрограда пришел ответ:

«Евгений Сергеевич.

По поручению мин[истра]-председателя сообщаю Вам, что изложенная в письме Вашем от 26 авг[уста] просьба о разрешении б[ывшему] царю и его семье прогулок за городом и посещении церковных служб, министром-председателем удовлетворена.

Нач[альник] канцелярии министра-председателя В. Сомов»507.

Повышенный интерес к царской семье, а он был постоянным, угнетал Николая II, который записал в своем дневнике:

«**8-го сентября**. Пятница. Первый раз побывали в церкви Благовещения, в кот[орой] служит уже давно наш священник (имеется в виду духовный наставник царской семьи в Тобольске о. Алексей. – *В.Х.*). Но удовольствие было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершалось наше шествие туда. Вдоль дорожки городского сада, где никого не было, стояли стрелки, а у самой церкви была большая толпа! Это меня глубоко извело»508.

Комиссар В.С. Панкратов красочно описывает в своих воспоминаниях первое посещение царской семьей Благовещенской церкви, расположенной рядом с губернаторским домом:

«Николаю Александровичу было сообщено, что завтра обедня будет совершена в церкви, что необходимо к восьми часам утра быть готовыми. Пленники настолько были довольны этой новостью, что поднялись очень рано и были готовы даже к 7 часам. Когда я пришел в 7 1/2 часов утра, они уже ожидали. Минут через 20 дежурный офицер сообщил мне, что все приготовлено. Я передаю через князя Долгорукова Николаю Александровичу. Оказалось, что Александра Федоровна… решила не идти пешком, а ехать в кресле, так как у нее болят ноги. Ее личный камердинер быстро вывез кресло к крыльцу. Вся семья вышла в сопровождении Свиты и служащих, и мы двинулись в церковь. Александра Федоровна уселась в кресло, которое сзади подталкивал ее камердинер. Николай II и дети, идя по саду, озирались во все стороны и разговаривали пофранцузски о погоде, о саде, как будто они никогда его не видели. На самом же деле этот сад находился как раз против их балкона, откуда они могли наблюдать его каждый день. Но одно дело видеть предмет издали и как бы из-за решетки, а другое – почти на свободе. Всякое дерево, всякая веточка, кустик, скамеечка приобретают свою прелесть […]. По выражению лиц, по движениям можно было предполагать, что они переживали какое-то особенное состояние. Анастасия даже упала, идя по саду и озираясь по сторонам. Ее сестры рассмеялись, даже самому Николаю доставила удовольствие эта неловкость дочери. Одна только Александра Федоровна сохраняла неподвижность лица. Она величественно сидела в кресле и молчала. При выходе из сада и она встала с кресла. Оставалось перейти улицу, чтобы попасть в церковь, здесь стояла двойная цепь солдат, а за этими цепями – любопытные тоболяки и тоболячки […]. Наконец мы в церкви. Николай и его семья заняли место справа, выстроившись в обычную шеренгу, Свита ближе к середине. Все начали креститься, а Александра Федоровна встала на колени, ее примеру последовали дочери и сам Николай. […] После службы вся семья

получает по просфоре, которые они всегда почему-то передавали своим служащим. Перед уходом из церкви Николай II стал осматривать живопись на стенах.

– Этот храм не самый старый здесь? – спросил он.

– Старинные церкви находятся в нагорной части города, – отвечаю ему. – Самая старинная, кажется Ильинская церковь. – Наш разговор в церкви на этом должен был прерваться: надо было освободить церковь для прихожан. Обедня для них служилась после нашей»509.

Комендант Губернаторского дома полковник Е.С. Кобылинский позднее в свидетельских показаниях белогвардейскому следователю Н.А. Соколову отмечал: «Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили из дома, когда и куда хотели. Никакого стеснения никому в этом отношении не было. Августейшая семья, конечно, в этом праве передвижения была, как и в Царском, ограничена. Она выходила лишь в церковь. Богослужения отправлялись так. Всенощная всегда служилась на дому, причем причт был от Благовещенской церкви. Служил священник о. Васильев. К обедне семья ходила только к ранней. Для того чтобы пройти в церковь, нужно было пройти садом и через улицу. Вдоль пути следования всегда ставился караул. Караул был и около самой церкви, причем в церковь посторонние не допускались»510.

Жизнь в Тобольске была однообразно, что можно судить по дневнику Николая II:

«**9-го сентября**. Суббота. Ночью и утром шел дождь, и дул холодный ветер. Около 3 ч. выглянуло солнце. Усиленно ходил взад и вперед по двору. По вечерам во время игры в домино и безик Татищев и Боткин читают вслух “Девятый вал”»511.

Комиссар В.С. Панкратов позднее делился своими наблюдениями о времяпрепровождении царской семьи:

«До наступления холодов любопытство тоболян находило себе удовлетворение в том, что они могли видеть бывшую царскую семью на балконе. Обыкновенно в ясные дни вся семья, чаще после обеда, выходила на балкон, откуда открывался вид на городской сад, на нагорную часть города и вдоль улицы Свободы. Проходящие по улице вначале с большим любопытством засматривались на семью Николая Александровича. Вполне понятное и естественное любопытство. Больше всего обывательниц поражала прическа княжон: почему это они подстрижены, как мальчики?.. Александра Федоровна

чаще всего выходила на балкон с вязаньем или шитьем. Усевшись в кресло, она принималась за работу. Она лишь временами любовалась видом города, которого никогда бы не увидала, если бы не “судьба”. Реже всех появлялся на балконе Николай Александрович. С того дня, как только были привезены кругляки и дана поперечная пила, он большую часть дня проводил за распилкой кругляков на дрова. Это было одно из любимых его времяпрепровождения. Приходилось поражаться его физической выносливости и даже силе. Обыкновенными его сотрудниками в этой работе были княжны, Алексей, граф Татищев, князь Долгоруков, но все они быстро уставали и сменялись один за другим, тогда как Николай II продолжал действовать. То же самое наблюдалось и во время игры в городки: все быстро уставали, тогда как он оставался неутомимым. Вообще физически бывший царь был очень здоров, любил движение. Иногда он целыми часами ходил по двору один или в сопровождении своих дочерей. В этом отношении Александра Федоровна представляла ему полную противоположность. Она проявляла весьма малую подвижность. В смысле общительности также замечалась значительная разница между нею и Николаем II. Дети гуляли чаще с отцом, чем с нею. Замкнутость Александры Федоровны и склонность к уединению бросались в глаза. Быть может, это объяснялось тем, что она вообще острее переживала положение и новую обстановку, но, во всяком случае, насколько мне удалось заметить, и по своей натуре она представляла полную противоположность Николаю II. Она сохранила в себе все качества германки – и германки с манией величия и превосходства. Все ее движения, ее отношение к окружающим проявлялись на каждом шагу. В то время когда Николай II охотно, просто и непринужденно разговаривал с каждым из служащих, в отношениях Александры Федоровны замечалась черствость и высокомерие. В игре в городки и в пилке кругляков она никогда не принимала участия. Иногда лишь она интересовалась курами и утками, которых завел повар на заднем дворе-садике. Здесь она чувствовала себя как-то свободнее. Здесь не раз заговаривал я с ней, но темами всегда были куры и утки. По вечерам бывшая царская семья собиралась в зале, куда приходили доктор Боткин, Долгоруков, Татищев и Гендрикова со Шнейдер, и проводили время в разговорах. Иногда кто-либо читал вслух. Но это чтение не всегда удавалось, ибо слушателям надоедало молчать, и они затевали разговор, а некоторые даже засыпали под звуки монотонного чтения»512.

Ходить в церковь царской семье дозволено было недолго. Камердинер императрицы А.А. Волков писал об этом: «Каждое воскресенье и праздник императорская семья ходила в церковь. Для этого надо было перейти через улицу и городской сад. Вблизи церкви стояли кучки простонародья, плакавшего и часто становившегося на колена при переходе царской семьи. В самую церковь во время обедни, служившейся с 8 до 9 часов, никто посторонний не

допускался. Однажды (это было 25 декабря 1917. – *В.Х.*) за молебном провозглашено было многолетие царскому дому. Поднялся шум… После этого нас перестали пускать в церковь и службы совершались в переносной церкви в губернском доме»513.

Первые посещения церкви возродили также надежды Романовых, что им разрешат, как и было обещано, загородные прогулки.

Однако В.С. Панкратов, несмотря на полученное из центра разрешение Романовым на прогулки, их все же отменил. В донесении № 3 на имя А.Ф. Керенского от 30 сентября 1917 г. он сообщал: «В присланной мне бумаге… предлагается разрешать б[ывшему] царю и его семье загородные прогулки и посещение церкви. Последнее уже делается. Что же касается прогулок, то в настоящее тревожное время… пока я отказал в этих загородных прогулках… Но как только все успокоится и представится возможность устроить загородную прогулку безопасно, – я это сделаю. Бумага, присланная В. Сомовым, не подписана Вами, Александр Федорович. Я просил бы прислать мне таковую с Вашей подписью»514.

В своем дневнике Николай II так откликнулся на эту ситуацию:

«**29-го сентября**. Пятница. На днях Е.С. Боткин получил от Керенского бумагу, из которой мы узнали, что прогулки за городом нам разрешены. На вопрос Боткина, когда они могут начаться, Панкратов, поганец, ответил, что теперь о них не может быть и речи из-за какой-то непонятной боязни за нашу безопасность. Все были этим ответом до крайности возмущены…

2-го октября. Понедельник…Теперь все наши, желающие погулять, обязаны ходить по городу в сопровождении стрелков»515.

Тем не менее отношения царской семьи с комиссаром В.С. Панкратовым складывались достаточно нормально. Николай Александрович несколько позднее даже предлагал ему преподавать географию Алексею.

Кроме устройства повседневного быта царской семьи необходимо было продолжить обучение младших Романовых. В дневнике от 28 сентября 1917 г. Николай Александрович записал: «С начала недели по утрам занятия; продолжаю уроки истории и географии с Алексеем»516. Вот еще одна запись от 10 октября: «Приехавшая сюда два дня тому назад Клавдия Михайловна Битнер передала мне письмо от Ксении (сестры Николая II. – *В.Х.*). Она сегодня начала заниматься с детьми, кроме Ольги, по разным предметам»517.

Обучение детей по основным предметам взяли на себя: Николай Александрович (русская и военная история), Александра Федоровна (богословие), князь Татищев (русский язык), П. Жильяр и С. Гиббс (французский и английский языки), Боткин (биология), графиня Гендрикова (древняя история), Битнер (география и литература), учитель гимназии Батурин (математика). Приступив к занятиям, К.М. Битнер делилась с

В.С. Панкратовым своими огорчениями: «Я совершенно не ожидала того, что нашла: такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты. Они мало читали Пушкина, Лермонтова еще меньше, а о Некрасове и не слышали… Алексей не проходил еще именованных чисел, у него смутное представление о русской географии»518. По совету Панкратова Битнер отвела урок чтению поэмы Некрасова «Русские женщины». «Впечатление, – рассказывала она, – было потрясающим. Княжны мне сказали: как это нам никогда не говорили, что у нас такой чудный поэт». К.М. Битнер заметила, что ее ученики интересуются положительно всем. Они очень любят, когда им читаешь вслух. Любопытны ее наблюдения за цесаревичем. «Он был способный от природы, – вспоминает она, – но немного с ленцой. Если он хотел выучить что-либо, он говорил “погодите, я выучу”. И если действительно выучивал, то это уже у него сидело крепко. Он не переносил лжи и не терпел бы ее около себя, если бы взял власть когда-либо.

Я не знаю, думал ли он о власти. У меня был с ним разговор об этом. Я ему сказала:

– А если Вы будете царствовать?

Он мне ответил:

– Нет, это кончено навсегда.

Я ему сказала:

– Ну а если опять будет, если Вы будете царствовать?

Он сказал мне:

– Тогда надо устроить так, чтобы я знал больше, что делается кругом»519.

К.М. Битнер позднее указывала: «Он был добрый, как и отец, в смысле отсутствия у него возможности причинить напрасно зло. В то же время он был скуповат: он любил свои вещи, берег их, не любил тратить свои деньги и любил собирать всякие старые вещи: гвозди, веревки, бумагу и т. п. Перегорит

электрическая лампочка, несут к нему, и он ее спрячет. Как-то однажды, когда он был болен, ему подали кушанье, общее со всей семьей, которого он не стал есть, потому что не любил этого блюда. Я возмутилась: как это не могут приготовить ребенку отдельного кушанья, когда он болен. Я что-то сказала. Он мне ответил: “Ну, вот еще. Из-за меня одного не надо тратиться”»520.

Преподаватель Томского университета Э. Диль, летом 1918 г. побывавший в доме Ипатьева в Екатеринбурге, позднее писал:

«В зале на столе еще лежали тетради и учебные книги наследника – обыкновенные, трепанные, затасканные и исчерканные книги, ничем не отличавшиеся от имущества среднего, порядком неряшливого школьника. В одной из тетрадей – письменное упражнение наследника по французскому языку, со многими ошибками, отмеченными синим карандашом. Как человеку, причастному к педагогическому делу, мне особенно бросилось в глаза, что учебники далеко не принадлежали к признанным образцовым руководством, составленным передовыми педагогами, а являлись скромными учебниками скромного среднего достоинства».

7 января 1918 г. Алексей отправляет в Царское Село письмо своему старому учителю:

«Дорогой Петр Васильевич.

Пишу Вам уже третье письмо. Надеюсь, что Вы их получаете. Мама и другие Вам шлют поклон. Завтра начнутся уроки. У меня и у сестер была краснуха, а Анастасия одна была здорова и гуляла с Папой. Странно, что никаких известий от Вас не получаем. Сегодня 20 гр[адусов] морозу, а до сих пор было тепло. Пока я Вам пишу, Желик читает газету, а Коля [Деревенко] рисует его портрет. Коля беснуется и поэтому он мешает писать Вам. Скоро обед. Нагорный Вам очень кланяется. Поклон Маше и Ирине. Храни Вас Господь Бог!

Ваш любящий Алексей»521.

Комендант полковник Е.С. Кобылинский позднее так описывал белогвардейскому следователю Н.А. Соколову повседневную жизнь царской семьи:

«В дежурной комнате находился дежурный офицер. Никто не вмешивался во внутреннюю жизнь семьи. Ни один солдат не смел входить в покои. Вставали все в семье рано, кроме Государыни… После утреннего чая Государь обыкновенно гулял, занимаясь всегда физическим трудом. Гуляли и дети.

Занимался каждый, кто чем хотел. После прогулки утром Государь читал, писал свой дневник. Дети занимались уроками. Государыня читала или вышивала, рисовала что-нибудь. В час был завтрак. После завтрака опять обыкновенно семья выходила на прогулку. Государь часто пилил дрова с Долгоруковым, Татищевым, Жильяром. В этом принимали участие княжны. В 4 часа был чай. В это время часто занимались чем-либо в стенах дома, например, фотографией, или просто сидели у окон дома, наблюдая внешнюю жизнь города. В 6 часов был обед. После обеда приходили Татищев, Долгоруков, Боткин, Деревенко. Иногда бывала игра в карты, причем из семьи играли Государь и Ольга Николаевна. Иногда по вечерам Государь читал чтонибудь вслух, все слушали. Иногда ставились домашние спектакли: французские и английские пьесы. В 8 часов был чай. За чаем велась домашняя беседа. Так засиживались часов до 11, не позднее 12, и расходились спать. Алексей Николаевич ложился спать в 9 часов или около этого времени. Государыня всегда обедала наверху. С ней иногда обедал Алексей Николаевич. Вся остальная семья обедала внизу в столовой»522.

В долгие зимние вечера в губернском доме ставили домашние спектакли-пьесы на французском и английском языках под руководством П. Жильяра и С. Гиббса, которые проявили себя искусными режиссерами. Из русских пьес ставили водевиль А.П. Чехова «Медведь». Роль помещика Смирнова сыграл сам Николай Александрович. Чаще всего в этих спектаклях действующими лицами были Татьяна, Мария, Алексей, а реже – Ольга и Анастасия. Сцены доставляли много удовольствия их участникам и зрителям. Домашним уютом, семейным счастьем и покоем веяло от этих представлений.

Несмотря на тревожное время, жизнь в Тобольске царской семьи шла своим чередом, пока еще без больших перемен. Николай Александрович день за днем фиксирует в своем дневнике:

«**6-го декабря**. Среда, мои именины провели спокойно и не по примеру прежних лет. В 12 час. был отслужен молебен. Стрелки 4-го полка в саду, бывшие в карауле, все поздравили меня, а я их – с полковым праздником. Получил три именинных пирога и послал один из них караулу. Вечером Мария, Алексей и mr. Gilliard сыграли очень дружно маленькую пьесу “Le fluide de John”; много смеху было»523.

Накануне Рождества выпало еще больше снега. Неизвестно, кто первый подал мысль построить ледяную горку, но ее с восторгом подхватила молодежь. С большим нетерпением все дождались прогулки и под руководством П. Жильяра, затейника и выдумщика, приступили к работе. Об этом событии сообщал

Алексей в своем письме к учителю в Царском Селе П.В. Петрову 19 декабря 1917 г.: «…пока у нас очень мало снегу и поэтому трудно выстроить гору. Джой (спаниель цесаревича. – *В.Х.*) толстеет с каждым днем, потому что он ест разные гадости из помойной ямы. Все его гонят палками. У него много знакомых в городе и поэтому он всегда убегает. Я Вам пишу во время французского урока, потому что у меня почти нет свободного времени… Поклон и поздравления учителям. Храни Вас Господь! Ваш пятый ученик Алексей»524.

Несколько дней все дети усердно таскали снег и складывали из него гору. Наконец, настал долгожданный момент, когда П. Жильяр и князь В.А. Долгоруков вылили на нее тридцать ведер воды. И вот, пожалуйста, катайся, сколько желаешь.

О празднике Рождества имеется следующая запись в дневнике Николая II:

«**24-го декабря**. Воскресенье. Утром сидел полчаса у дантистки. В 12 час. была отслужена в зале обедница. До прогулки готовили подарки для всех и устраивали елки. Во время чая – до 5 час. – пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. После обеда была елка свите и всем людям, а мы получили свою до 8 час. Всенощная была очень поздно, началась в 10 1/4, т. к. батюшка не успел прийти из-за службы в церкви. Свободные стрелки присутствовали»525.

Однако праздник был омрачен инцидентом, происшедшим во время богослужения в церкви. П. Жильяр дает описание этому:

«На следующий день – праздник Рождества Христова, и мы отправляемся в церковь. По указанию священника дьякон провозгласил многолетие (молитва о продлении дней императорской фамилии). Это было неблагоразумно со стороны священника и могло только повлечь за собою репрессии»526.

Это событие встревожило местный Совет, в котором активную роль играл большевик И.Я. Коганицкий. Позднее он писал в своих воспоминаниях: «В это же приблизительно время какой-то монах, которому удалось скрыться, распространял в городе черносотенные листки с призывом встать на защиту “веры, царя и отечества”, – издание какого-то духовного братства»527. Совдеп требовал ареста виновных священников и ужесточения режима заключенных Романовых. Однако архиепископ Гермоген не дал своих священников в обиду и переправил их из Тобольска на некоторое время в Абалакский монастырь, пока не уляжется буря.

В местной газете «Тобольский рабочий» было опубликовано сообщение «Дело о титуловании семьи Романовых», где указывалось:

«27 декабря [1917 г.] в Исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поступило заявление от общего собрания отряда особого назначения о том, что на богослужении 25 декабря в Благовещенской церкви диакон Евдокимов [Александр] с ведома священника Васильева [Алексея] в ектений (от греч. ekteneia – усердие; совокупность молитв, читаемых дьяконом или священником при каждом богослужении от имени верующих и содержащих просьбы и обращения к Богу. – *В.Х.*) титуловал бывшего царя и царицу «их величествами», детей – «высочествами». Отряд требовал немедленного ареста обоих. Настроение было повышенное, грозившее вылиться в самосуд. Исполнительный комитет Совета с представителями всех революционных организаций и городского самоуправления решил пригласить обоих лиц и выяснить обстоятельства дела. Опрос не привел к выяснению виновного, так как показания обоих противоречили и самим себе, и показаниям друг друга.

Поэтому было решено о происшедшем довести до сведения прокурора и епископа, а диакона и священника подвергнуть домашнему аресту во избежание самосуда и в целях гарантии дознания. Кроме того, еще выяснился факт крайне необычного привоза в Тобольск, и именно в Благовещенскую церковь, Абалакской иконы [Божьей Матери]. Все это, в связи с тревожным настроением среди отряда, а также в связи со слухами о развитии в Тобольске монархической агитации, дало возможность прокурору возбудить дело по признакам 129-й статьи о покушении на ниспровержение существующего строя.

Пока шел вопрос о квалификации преступления, диакон и священник нарушили данную ими подписку о невыходе из дому: первый отправился к архиерею, второй выехал в Абалак. Совет [депутатов] нашел недостаточным судебное официальное следствие и постановил образовать революционно-следственную комиссию, которой поручил выяснить корни монархической агитации в Тобольске и окрестностях, облекши эту комиссию полномочиями и передав ее в ведение революционно-демократического Комитета. В состав комиссии вошли Желковский, Иваницкий, Коганицкий и кандидаты Никольский и Филиппов»528.

Сознавая свое бессилие, не надеясь и на особую охрану семьи Романовых, Коганицкий запросил помощи: «Я и еще некоторые товарищи, – вспоминал он, – написали в Тюмень и Омск. Пока же надежда была только на преданную нам группу гвардейцев из 12–13 человек, во главе с подпрапорщиком

Матвеевым, которая на одном из неофициальных собраний большевиков дала клятву, что они сами погибнут, но ни одному члену “семьи” не дадут выйти живыми, и для этого в каждой смене караула были вкраплены свои люди»529.

После инцидента в церкви положение царской семьи заметно ухудшилось.

Как свидетельствовал начальник охраны, полковник Е.С. Кобылинский: «Не знали, к чему придраться. Решили: запретить свите гулять, пусть сидят все и не гуляют. Стал я доказывать всю нелепость этого. Тогда решили: пусть гуляют, но чтобы провожал солдат. Надоело им это и постановили: каждый может гулять в неделю два раза, не более двух часов, без солдат»530.

3 января 1918 г. солдатский комитет гарнизона решил, ста голосами против восьмидесяти пяти, что следовало отменить ношение погон.

Из Тобольска во ВЦИК была направлена телеграмма:

«Отряд постановил снять погоны с бывшего императора и бывшего наследника, просим санкционировать бумагой.

Председатель Комитета Матвеев. Командир отряда Кобылинский»531.

Позднее по этому вопросу была дана секретарем ВЦИК В.А. Аванесовым такая установка: «Сообщите, что б[ывший1 ц[арь] находится на положен[ии] арестован[ного] и решение отряда [нахожу] правильным»532.

5 января 1918 г. в дневнике П. Жильяра была сделана запись: «После обедни генерал Татищев и князь Долгоруков приблизились к императору и просили его снять погоны, чтобы избегнуть наглой демонстрации со стороны солдат. Император, по-видимому, возмущен, но затем, обменявшись взглядами и несколькими словами с императрицею, он овладел собою и соглашается снять погоны ради благополучия своих близких»533.

Вот еще одна запись от 6 января П. Жильяра: «Сегодня утром мы отправились в церковь. Император надел кавказскую черкеску, которая всегда носится без погон. Что касается Алексея Николаевича, то он спрятал свои погоны под башлык»534.

Тем временем в Совнаркоме 29 января 1918 г. рассматривался вопрос «О передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду». По нему было принято решение: «Поручить Н. Алексееву представить в Сов[ет] Нар[одных] Комиссаров] к среде все резолюции Крест[ьянского] съезда по этому вопросу»535. Почти через месяц, 20 февраля 1918 г., Совнарком вновь

возвращается к этому вопросу и постановляет: «Поручить Комиссариату Юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете Народных Комиссаров. Место суда не предуказывать пока»536. По данному вопросу выступали Алексеев и Урицкий. На заседании присутствовали: Ленин, Свердлов, Штейнберг, Крыленко, Карелин, Сталин, Петровский и др.

В Тобольске между тем постепенно происходила смена караула: увольнялись те, кому подходил срок. В дневнике Николая II читаем:

«**30 января**. Вторник. Во время утренней прогулки прощались с уходящими на родину лучшими нашими знакомыми стрелками… Алексей пролежал день, так как у него распухла щиколотка»537.

Все, что было выше сказано о жизни Романовых в Тобольске, рисует в целом благополучное существование, хотя и преследуемой со всех сторон, но дружной семьи. Но документы в то же время передают и трагедию бывшего самодержца, внезапно увидевшего, что он потерял не только трон, но и все то, что создавалось в стране веками. Привыкший к получению ежедневной емкой информации о жизни великой страны, император вдруг оказался отрезанным от нее. Выйдя из психологического шока от потери трона, Николай II теперь жадно читал газеты, в которых он обнаруживал, что страна катится в пропасть. Дневник императора скупо фиксировал именно то, что мы только что сказали читателю.

Итак, Николай II пристально следил за политической ситуацией в России. Как свидетельствуют записи императора, особый его интерес проявился к так называемому «мятежу» генерала Л.Г. Корнилова. Керенский знал о намерениях Корнилова перебросить под Петроград корпус Крымова с целью разгона Советов и разгрома большевиков и разделял его. «Мы, – вспоминал промышленник А.И. Путилов, – не сомневались до самого конца в согласии Керенского с Корниловым. Корнилов шел против Смольного, только против Смольного… Я и сейчас не даю себе отчета в том, что заставило Керенского объявить Корнилова изменником и этим окончательно все погубить»538. Однако это был не «мятеж» с целью восстановления монархии, как это пытались преподнести революционеры и Керенский. Это была лишь попытка с помощью военной силы навести порядок в Петрограде и укоротить большевиков, которые набирали все большую силу. Вот несколько дневниковых записей императора:

«**29-го августа**. Вторник… После обеда прочитали телеграммы о том, что ген. Корнилов провозгласил себя диктатором, а в другой, что он смещен с долж[ности] верх[овного] главнокомандующего], а на его место назначен ген. Клембовский.

5-го сентября. Вторник. Телеграммы приходят сюда два раза в день; многие составлены так неясно, что верить им трудно. Видно, в Петрограде неразбериха большая, опять перемены в составе прав[ительст]ва. По-видимому, из предприятия ген. Корнилова ничего не вышло, он сам и примкнувшие генералы и офицеры большею частью арестованы, а части войск, шедшие на Петроград, отправляются обратно…»539.

Лаконичные записи императора более глубоко раскрываются в сопоставлении с данными П. Жильяра. Последний по этому поводу писал: «Император с тревогой следил за развертывавшимися в России событиями. Он видел, что страна стремительно идет к своей гибели. Был миг, когда у него промелькнул снова луч надежды, – это в то время, когда генерал Корнилов предложил Керенскому идти на Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, становящейся со дня на день все более угрожающей. Безмерна была печаль царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное еще средство избежать неминуемой катастрофы. ***Тогда я в первый раз услышал от Государя раскаяние в своем отречении*** (подчеркнуто мною. – *В.Х.*). Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжить с честью войну и не погубят дела спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне ввиду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови. Но вот спустя самый короткий срок, вслед за удалением царя появились Ленин и его спутники – несомненные наемные немецкие агенты, и их преступная пропаганда развалила армию…»540.

Следующим этапом повышенного интереса Николая II к политике была, конечно, осень 1917 г.

О назревавших решающих событиях, как видно по дневниковым записям, Николай II вполне догадывался, если не прогнозировал: «**4-го ноября**. Суббота…Уже два [дня] не приходят агентские телеграммы – должно быть, неважные события происходят в больших городах!..»541.

«**11-го ноября**. Суббота. Выпало много снега. Давно газет уже никаких из Петрограда не приходило; также и телеграмм. В такое тяжелое время это жутко.

Дочки возились на качелях и соскакивали с них в кучу снега. В 9 час. была всенощная…»542.

«**13-го ноября**. Понедельник…Наконец появились телеграммы из армии, но не из Петрограда…»

«**17-го ноября**. Пятница. Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром.

Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве!

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени»543.

Об этих же событиях писал П. Жильяр: «15 ноября мы узнали, что Временное правительство было свергнуто и что большевики захватили власть. Но это обстоятельство не отразилось непосредственно на нашей жизни, и только через несколько месяцев там надумали заняться нами»544. Однако П. Жильяр ошибался. В Петрограде не оставили без внимания венценосных ссыльных. В протоколе Петроградского ВРК от 29 октября – 2 ноября 1917 г. имеется следующая запись: «Сообщение тов. Дрезена об охране Николая Романова. Решено выдержки из письма привести в печати».

На многочисленных революционных митингах и съездах выносились резолюции о судьбе бывшего императора. Приведем одну из них от 22 ноября 1917 г.: «3-й съезд подводников требует препроводить Николая Кровавого Романова с семейством в распоряжение Революционного Комитета крепости Кронштадта. Мы подводники предусматриваем, там будет для него надежное место»545.

На заседании Совнаркома 30 ноября обсуждается вопрос: «О переводе Николая II в Кронштадт». Выносится постановление: «Признать перевод преждевременным»546.

Пародоксально выглядели на этом фоне некоторые сообщения в периодической печати. Так, например, петроградская газета «Вечерний час» поместила заметку «Бывший великий князь Павел Александрович в Смольном институте», в которой говорилось:

«Как уже сообщалось в печати несколько времени тому назад, представителями петроградского военно-революком, по их собственной инициативе, был задержан и доставлен в Смольный б. вел. кн. Павел Александрович. Никаких обвинений

не было предъявлено к нему ни при задержании, ни затем при доставлении в Смольный. Здесь б. вел. князь находился 4 дня, а затем был освобожден. Большой интерес в связи с текущими событиями представляет отношение обитателей Смольного к Павлу Александровичу.

Как рассказывает один из постоянных посетителей Смольного, б. вел. князь за все время пребывания своего в Смольном пользовался не только исключительным вниманием, но и особенным, странным для такого места, почетом.

Его все без исключения, начиная с главы народных комиссаров, Ленина, не называли не иначе как Ваше Императорское Высочество. В распоряжении б. великого князя был свой штат, ему было предоставлено лучшее в Смольном помещение и подавалась лучшая пища. Ни о каких допросах не было и речи.

В самой почтительнейшей форме главари большевиков испрашивали у него аудиенции, причем аудиенции эти носили строго конституциональный характер и продолжались очень долго.

Павел Александрович не был лишен свободы и из Смольного несколько раз выезжал, при чем ему подавался лучший из автомобилей или великолепный открытый экипаж.

Многие знающие великого князя в лицо видели его спокойного, без всякой охраны, подъезжающим к Смольному. Сейчас б. вел. князь проживает в Петрограде, в своем дворце, и пользуется абсолютной свободой»547.

Все это выглядело довольно странно. Вожди большевиков еще до конца не определились в своих первоочередных задачах. Однако принятые обязательства необходимо было выполнять.

Николай II резко негативно характеризовал происходившие события по достижению сепаратного мира с немцами на фронте:

«**18-го ноября**. Суббота. Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентеров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия!

Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа и в то время, что противником занята большая полоса страны?»548.

В столице время от времени продолжали циркулировать слухи о побеге бывшего царя. 3 декабря 1917 г. капитан Аксюта телеграфировал в Петроград в Смольный: «Слухи о побеге Николая Романова ложны [и] провокационны. Капитан Аксюта»549.

Этот период относительного безвластия в Тобольске отмечал комиссар В.С. Панкратов: «Собственно говоря, с падением Временного правительства моя официальная связь с Питером и вообще с Россией прекращалась. Тобольск существовал как бы сам по себе. Никакой переписки ни официальной, ни неофициальной с новой властью у меня не было»550.

Тем не менее представитель тобольского Совета И.Я. Коганицкий относительно охраны царской семьи подчеркивал: «Эти господа не допускали никакого контроля со стороны Совета, попытки которого в этом направлении получали резкий отпор, вплоть до угроз»551.

Монархисты напоминали о себе в столице заговорами и мятежами. Порой доходило до угроз и шантажа. Так, 4 декабря 1917 г. во ВЦИК было зарегистрировано следующее ультимативное их требование:

«Чумные бациллы!

Желая спасти Родину, мы требуем:

1. Конституционной монархии. Царь из дома Романовых. Если Алексей, то регент Николай Николаевич.

2. Правительство из состава Учредительного собрания – коалиция из равного числа социалистов и буржуазии».

Отряд по охране бывшего царя в Тобольске продолжал посылать в центр заверения в верности революции. Так, в телеграмме, направленной 5 декабря 1917 г. в Петроград, указывалось:

«Военная. Петроград. Центральный Совдеп.

Из Тобольска.

Отряд особого назначения стоит на страже завоевания свободы и возложенную на него задачу охраны бывшего царя и его семьи до распоряжения Учредительного собрания доведет до конца. Отряд опирается на свои родные полки. Здесь упорно ходят слухи о высылке какого-то отряда на смену нас.

Просим срочно сообщить, верны ли эти слухи и если верны, то чем это вызвано. Слухи о побеге бывшего царя ложны»552.

Следующим этапом особого интереса к событиям в России императора, безусловно, был Брестский мир. Так, 8/21 февраля в дневнике он отмечал: «Судя по телеграммам, война с Германией возобновлена, так как срок перемирия истек; а на фронте, кажется, у нас ничего нет, армия демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля! Позор и ужас!»553.

«**12/25 февраля**. Понедельник. Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унизительных условиях герман[ского] прав[ительст]ва, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар!»554.

Судьба России волновала и окружение Николая II. Графиня А.В. Гендрикова 12/25 февраля также записала в своем дневнике: «По агентским телеграммам приняты Совнаркомом мирные условия (унизительные), тем не менее военные действия немцами продолжаются»555.

Именно в это время произошли перемены в отряде, которые во многом объясняют суть поведения охраны в последующие решающие дни: состав охраны практически полностью сменился. 12/25 февраля Гендрикова отметила: «Вчера и сегодня уехали три большие партии солдат нашего отряда. Из 350 чел., приехавших с нами, останутся всего приблизительно человек 150. Жаль, что уехали лучшие»556. Через два дня еще одна ее запись: «14-го (27 февраля по н. ст.). Взят Псков. Вчера говорили упорно о взятии Петрограда»557.

Николай II все больше осознавал безнадежность положения, все чаще мысленно обращается к прошлому. Происходили решающие сдвиги и в оценке им прошлых своих ошибок.

«**2/15 марта.** Пятница. Вспоминаю эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде (имеется в виду день отречения от престола. – *В.Х.*).

Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!

Да будет воля его святая!»558.

19-го марта П. Жильяр в свою очередь свидетельствовал: «После завтрака зашел разговор о Брест-Литовском договоре, недавно подписанном. Император по этому поводу выразился так: “Это – позор для России и равняется самоубийству. Никогда бы я раньше не поверил, что император Вильгельм и германское правительство могут унизиться до пожатия рук этим грязным людям, предавшим свою родину. Но я уверен, что это не принесет им счастья: не таким способом спасают свою страну от гибели”.

Когда немного спустя князь Долгоруков заговорил, что по газетным сообщениям в договоре есть статья, согласно которой германцы требуют, чтобы царская семья была выдана им целой и невредимой, – император воскликнул: “Если это не маневр с их стороны, чтобы меня дискредитировать в глазах народа, то этим, во всяком случае, они наносят мне оскорбление”. А императрица вполголоса добавила: “После всего, что они сделали Государю, я предпочитаю умереть в России, чем быть спасенной немцами”»559.

Позднее, в марте 1919 г., П. Жильяр в свидетельских показаниях, данных белогвардейскому следователю Н.А. Соколову, указывал: «Я могу передать смысл его слов, его мысли. До Брестского договора Государь верил в будущее благополучие России. После же этого договора он, видимо, потерял эту веру. В это время он в резких выражениях отзывался о Керенском и Гучкове, считая их одними из самых главных виновников развала армии. Обвиняя их в этом, он говорил, что тем самым, бессознательно для самих себя, они дали немцам возможность разложить Россию. На Брестский договор государь смотрел как на позор перед союзниками, как измену России и союзникам. Он говорил приблизительно так: “И они смели подозревать Ее Величество в измене? Кто же на самом деле изменник?”

На главарей большевистского движения Ленина, Троцкого Государь определенно смотрел как на немецких агентов, продавших Россию немцам за большие деньги.

Отношение Его и Ее Величества к немецкому правительству и к главе его императору Вильгельму, ввиду Брестского договора, было исполнено чувства презрения…»560.

Постепенно в жизни царской семьи наступают крутые перемены и в материальном плане. Графиня А.В. Гендрикова 23 февраля 1918 г. сделала следующую запись в своем дневнике: «Комендант получил телеграмму от комиссара над имуществом Карелина, что из учреждений Министерства двора больше никаких сумм на жизнь царской семьи выдаваться не будет и постановлено из числа их личных сумм выдавать им (по установленному для

всех положению) по 150 руб. в неделю или 600 руб. в месяц на человека. Государство дает только квартиру (губернаторский и корниловский дома), освещение и отопление и солдатский паек»561.

Александра Федоровна 14/27 февраля записала в дневник: «Валя [Долгоруков] рассказал всей нашей прислуге, что мы будем получать только 4 тыс. рублей в месяц, 600 р. на каждого из семерых…»562.

Пришлось ввести режим экономии в бюджет царской семьи. Жильяр по этому поводу отмечал: «**Пятница. 1 марта**. Вступил в силу новый режим. Начиная с сегодняшнего дня, масло и кофе исключены с нашего стола, как предметы роскоши»563.

Сохранился любопытный документ, характерный для многих периодов истории России, – продовольственная карточка № 54, выданная Романову Николаю Александровичу. В графе «Звание» было записано «Экс-император»: «Улица – Свобода. № дома не заполнено. Состав семьи – семь».

На карточке были указаны правила ее пользования:

«1) Владелец карточки получает продукты только при предъявлении ее в городской лавке или лавке кооператива «Самосознание».

2) В случае утраты карточки владелец лишается права на получение дубликата, если официальными данными не докажет утрату.

3) Нормы выдачи продуктов и цены вывешены в лавках.

4) Передача карточки другому лицу воспрещается»564.

Однако вопрос об ужесточении режима будет сильно преувеличен, если мы не обратим внимание на следующие детали. Николай Александрович отметил в дневнике:

«**28 февраля (13 марта)**. Среда. Такой же день при 12° мороза. Окончил “Анну Каренину” и начал читать Лермонтова. Пилил много с Татьяной.

В последние дни мы начали получать масло, кофе, печенье к чаю и варения от разных добрых людей, узнавших о сокращении у нас расходов на продовольствие. Так трогательно!»565.

«**12/25 марта**. Понедельник. Из Москвы вторично приехал Влад. Ник. Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Он был при мне в Могилеве вторым вице-губернатором.

Сегодня видели его проходящим по улице»566.

Романовы жили 8 месяцев в глухом и удаленном от центра России крае Сибири. Между тем страсти вокруг них кипели не только в двух столицах бывшей империи: Москве и Петрограде. Они скрытно, подобно огню на торфяном болоте, тлели и в городах Сибири и на Урале. Если в самом Тобольске многие вставали на колени при редких выходах царской семьи в церковь, то немногие большевики в местном Совете горели огнем негодования и ждали своего часа. И помощь меньшевистско-эсеровскому Совету весной 1918 г. пришла сразу с двух сторон. Из Екатеринбурга были посланы самые опытные организаторы: бывшие матросы Балтфлота Хохряков и Заславский. Причем, как мы увидим ниже, их прибытие подкреплялось посылкой военных отрядов. Претендующий на первенство за контролем над подвластной им территорией Омск, в свою очередь, посылает в это же время своих представителей и свои отряды. Не остается в стороне в этой ситуации и славный город Тюмень, в революционной обстановке получивший статус областного центра (отобрав его у Тобольска, превращенного в город уездный).

Но и это было еще не все. Именно в период тобольского «сидения» Романовых монархисты, вообще все доброжелатели и сторонники царской семьи, вдруг решили активизироваться и усиленно слать в Тобольск своих представителей и даже, возможно, боевиков. Причем в самом лагере монархистов был примерно такой же бедлам, что и у советской власти на местах пребывания в данный момент Романовых.

При всем этом весьма странно по-прежнему вело себя в решении дальнейшей судьбы Романовых не только советское правительство во главе с Лениным, но и правительство немецкое, от позиции которого, естественно, зависело в это время немало.

Две наиболее крупные организации: кружок А.А. Вырубовой и кружок Н.Е. Маркова стремились взять под свой контроль «дело Романовых». Но были и те, кто брал на себя ответственность и вел себя независимо.

В настоящее время с открытием архивов историки, так или иначе, обречены получить новую, возможно сенсационную информацию, в том числе и о позиции немецкого правительства в отношении судьбы Романовых. Но сейчас уже не играет роли ответ, был или не был немецким шпионом тот или иной

участник трагедии, связанной с Романовыми. Как нам представляется, речь должна идти о другом, о поведении ведущих фигур, способных решать их судьбу в то время. Но именно этого материала (поведения ключевых фигур в деле Романовых) вполне достаточно, чтобы вскрыть весь фарс мнимых попыток их освобождения.

Император не брошен

Когда в конце декабря 1921 г. в Чите следователь Н.А. Соколов арестовал чету Соловьевых, он многое о них знал и имел четкое представление, что глава семьи немецкий шпион. Следователь считал: немецкая разведка, ждущая национального восстания против большевиков в Сибири, вполне реально опасается, что возглавит это восстание Николай II. Поскольку «германофильские» взгляды Николая II (так же, как и Александры Федоровны) были немцам известны, требовалось или убрать Николая II, или вывести его из ставшего опасным, не контролируемого немцами района.

Подчеркнем, что вряд ли точно мы узнаем, был ли Б.Н. Соловьев немецким шпионом, но то, что он вел себя в соответствии с отмеченным выше направлением, не вызывает сомнений.

Не скроем, это совсем не новая точка зрения на поведение Соловьева, но она достаточно убедительно вытекает из первичных материалов следователя Соколова, которые он далеко не полностью использовал в своей известной книге.

Итак, какую информацию получил следователь Н.А. Соколов по характеристике попыток монархистов вывезти царскую семью из Тобольска?

Если говорить о последовательности, то все началось с разведывательной поездки фрейлины М.С. Хитрово в августе 1917 г. в Тобольск.

Появление Хитрово в дневнике Николая II было зафиксировано следующим образом: «**18-го августа**. Пятница. Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Генд[риковой]. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее произвели обыск. Черт знает что такое!

19-го августа. Суббота. Вследствие вчерашнего происшествия Настенька лишена права прогулок по улицам в течение нескольких дней, а бедная Рита Хитрово должна была выехать обратно с вечерним пароходом!..»567.

Видимо, в тревожные августовские дни «мятежа» генерала Л.Г. Корнилова глава Временного правительства А.Ф. Керенский весьма с преувеличенным опасением воспринял эту поездку. В телеграмме, направленной в Тобольск прокурору окружного суда, предписывалось:

«Из Петрограда.

Расшифруйте лично и если комиссар Макаров или член Думы Вершинин [в] Тобольске, то [в] их присутствии.

Предписываю установить строгий надзор за всеми приезжающими на пароходе в Тобольск, выясняя личность и место, откуда выехали, равно путь, которым приехали, а также место остановки. Исключительное внимание обратите [на] приезд Маргариты Сергеевны Хитрово, молодой светской девушки, которую немедленно на пароходе арестовать, обыскать, отобрать все письма, паспорта и печатные произведения, все вещи, не составляющие личного дорожного багажа, деньги; обратите внимание на подушки; во-вторых, имейте в виду вероятный приезд десяти лиц[7] из Пятигорска, могущих, впрочем, прибыть и окольным путем.

Их тоже арестовать, обыскать указанным порядком. Ввиду того, что указанные лица могли уже прибыть [в] Тобольск, произведите тщательное дознание и [в] случае их обнаружения арестовать, обыскать, тщательно выяснить, с кем виделись. У всех, кого видели, произвести обыск и всех их впредь до распоряжений из Тобольска не выпускать, имея бдительный надзор. Хитрово приедет одна, остальные, вероятно, вместе. Всех арестованных немедленно под надежной охраной доставить [в] Москву к прокурору. Если они или кто-либо из них проживал уже [в] Тобольске, произвести тотчас обыск [в] доме, обитаемом бывшей царской семьей, тщательный обыск, отобрав переписку, возбуждающую малейшее подозрение, а также все не привезенные ранее вещи и все лишние деньги. Об исполнении предписания по мере осуществления указанных действий телеграфировать шифром мне и Прокурору в Москву, приказания которого подлежат исполнению всеми властями. Прошу Макарова или Вершинина телеграфировать, какой у них шифр. Нумер 2992.

Министр-председатель Керенский».

Однако произошла обычная накладка – местные власти вовремя не арестовали Хитрово: все, что нужно было, она уже передала по назначению.

Вокруг инцидента развертывалось целое следствие. В ответном рапорте прокурора Тобольского окружного суда Корякина в Петроград А.Ф. Керенскому

от 22 августа 1917 г. сообщалось: «Вследствие Вашего, господин министр-председатель, телеграфного предписания доношу, что 18 текущего августа в 8 часов утра, получив и лично расшифровав телеграмму, я тотчас, в исполнение полученного предписания, установил при посредстве Тобольского губернского комиссара наблюдение за всеми приезжающими и уезжающими из Тобольска лицами, а также принял меры к установлению личности всех приехавших за последние два месяца в Тобольск. К часу дня я получил сведения о том, что в город Тобольск 17 августа в 11 часов вечера прибыла сестра милосердия Маргарита Сергеевна Хитрово и остановилась в № 12 гостиницы Хвастунова и, не застав там Хитрово, я в присутствии хозяина гостиницы произвел тщательный обыск…»568.

Сделано было все, как приказал министр-председатель: всех (Прохорову, Гендрикову, Корнилову, Петропавлову, Иванову, контактировавших с фрейлиной) обыскали, а М.С. Хитрово арестовали и отправили под охраной в Москву. Но при всем этом результатов это не дало никаких: никакой криминальной информации «о заговоре» следствие не получило. Взявший под контроль это дело прокурор Московской судебной палаты А.Ф. Сталь 25 августа, докладывая Керенскому, констатировал именно это, но вместе с тем дал объективную информацию о настроениях, имевших место в Тобольске. Он отмечал:

«Допрошенный мною председатель Совета крестьянских депутатов Экземплярский заявил мне, что население Тобольска в общем относится скорее сочувственно к бывшей царской семье и перед домом, где они живут, всегда стоят небольшие группы, почтительно ожидающие момента, когда кто-либо из бывшей царской семьи выйдет на балкон или появится в окне… Совет солдатских и рабочих депутатов влияния в городе не имеет. По мнению Экземплярского, опубликование документов, говорящих о деятельности бывшего Государя и в особенности Государыни, более чем желательно, ибо монархическое настроение, охватывающее широкие круги тобольского населения, объясняется в значительной степени отсутствием надлежащей осведомленности.

В Тюмени антимонархическое настроение прочно (железнодорожные мастерские)»569.

Однако на момент возникновения этого дела, оно сослужило добрую услугу Временному правительству. В этот период в Москве проходило Государственное совещание, на котором правые элементы открыто предъявляли требования установления контрреволюционной диктатуры. «Меня, – как

позднее писал А.Ф. Керенский, – заподозрили в заигрывании с реакцией». Поэтому, по нашему мнению, разоблачение любого – «реального» или «мнимого» монархического заговора продемонстрировало решимость Временного правительства бороться не только с левой, но и с правой опасностью. При этом было объявлено, что 20 августа 1917 г. Временное правительство постановило «заключить под стражу» великого князя Михаила Александровича, его жену графиню Н.С. Брасову, великого князя Павла Александровича, его жену княгиню О.В. Палей и их сына В.П. Палей. В документах подчеркивалось, что указанные лица представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе»570. Одновременно за границу подлежат высылке генерал

В. Гурко, бывшая фрейлина А. Вырубова, П. Бадмаев, И. Манасевич-Мануйлов, С. Глинка-Янчевский, В. Диц и штабротмистр Г. Эльвенгрен. Об этом была дана соответствующая информация в периодической печати.

Но было бы наивно предположить, что неудачным посещением М.С. Хитрово все дело (попыток установить связи монархистов с Романовыми) тем и закончится. Еще раз подчеркнем, что в России в это время уже было несколько монархических центров и каждый из них имел своего лидера. Мы намеренно назвали их в данном случае «центрами», а не организациями, ибо не все они имели четко выраженные задачи и цели, не говоря уже о программах. Но все тем не менее хотели, так или иначе, помочь царской семье.

Помощь эта, чаще всего искренняя, тем не менее, иногда переплеталась с попытками отдельных людей извлечь из нее какую-то корысть, нередко преследовала чисто личные цели. Среди многих из тех, кто хотел бы войти в историю как спаситель царской семьи, был и Борис Николаевич Соловьев. Почти во всей литературе о Романовых он оценивается отрицательно, а следователь Н.А. Соколов считал его немецким шпионом. Кем же он был на самом деле?

Он родился в 1893 г. в Симбирске, его отец, личный друг Григория Распутина, будучи казначеем Синода и познакомил своего сына в 1916 г. с ним. Став почитателем Распутина, Борис Соловьев влюбился в его младшую дочь. Что касается его других занятий, то он, не кончив гимназии, готовил себя к поступлению в духовную семинарию. В литературе имеются сведения, что он занимался оккультными науками. Сам он об этом на следствии, которое вел Н.А. Соколов, показаний не дал, но его соратник Сергей Марков рассказал следователю следующее: «Соловьев… оккультизмом давно увлекался и поехал с каким-то испытателем в Индию и пробыл там год. Учился в Адиере, про

который он мне много рассказывал в тюрьме. Говорил, что там воспитываются дети как-то особенно, что взрослых принимают только после каких-то испытаний. Безусловно достиг каких-то степеней. Было у него много каких-то знаков; помню… (изображение знаков здесь опущено. –*В.Х.*), помню крест с воткнутым в его середину кинжалом… Делал он эти знаки часто на стене внезапно, объясняя это, чтобы оградиться от чьего-то невидимого присутствия. У него было какое-то кольцо, по-моему, индийского происхождения. Он верит в теорию брака (удачное и неудачное соединение душ в пространстве), говорил о массовом гипнозе, о подчинении воли человека на расстоянии и об убийстве на расстоянии. Для последнего нужна восковая фигура человека, которого хочешь убить, свечка, над фигурой производятся какие-то манипуляции, и, когда свечка догорает, нужен сильный ток, который убивает противника и обратный поражает животное, которое должно быть рядом с фигурой. Если делаешь это из корыстных побуждений, то поразит удар тебя.

При мне в тюрьме он выжал из карандаша 3 капли. На квартире (в Тюмени) при Седове он усыпил свою жену, и она рассказывала нам о положении Государя и Семьи в Екатеринбурге, что строят забор, сколько в доме Ипатьева комнат и др. Она, конечно, медиум. Он считает, что брак в оккультном отношении удачный. О теософии и йогах он говорил много. К йогам он относится хорошо. Распутина он считает самородком, находится между белой и черной магией»571.

Осенью 1914 г. он ушел добровольцем в действующую армию. Участвовал в боях в составе 137-го Нежинского великой княжны Марии Павловны полка, в 1915 г. был контужен, эвакуирован в Петроград. Здесь окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков, офицерскую стрелковую школу и был зачислен во 2-й пулеметный полк.

В Петрограде он познакомился с дочерью Распутина. Дальнейшее Матрена (Мария) Распутина рассказывала так: «До этого еще времени у меня был жених грузин, корнет Пхакадзе. Я его очень любила, но отец (Распутин. – *В.Х.*) хотел, чтобы я вышла замуж за Бориса Николаевича Соловьева… Пхакадзе представлялся Государыне и не понравился ей. Она знала Соловьева и тоже хотела, чтобы я шла за него (Государыня знала Соловьева не лично, а со слов папы). С Соловьевым я познакомилась у них в доме в 1916 г. Он меня полюбил и стал мне предлагать замужество. Я ему отказывала, потому что любила Пхакадзе. Когда я была дома (в Покровском. – *В.Х.*), после отъезда в 1917 г. из Петрограда, Соловьев писал мне письма, уговаривая меня идти за него. Ввиду изменившегося положения нашего, по совету мамы, а главным образом, помня желание отца и Государыни, я решила выйти за него замуж. В сентябре месяце 1917 г. мы с ним повенчались. Свадьба была справлена на средства мужа»572.

Как видим, Борис Соловьев был близок к распутинскому кружку давно, а женился на его дочери уже спустя почти год после его смерти, когда кроме опасности это ничего ему не давало. Конечно, если не забывать того, что связь с Романовыми была делом особым…

Следует сказать, что в Февральскую революцию Борис Соловьев оказался в самом эпицентре событий: он стал адъютантом А.И. Гучкова. Есть два варианта оценки поведения его в эти дни. Сам Соловьев дал такую версию событий:

«26 или 27 февраля, когда, собственно говоря, еще не было революции, а был просто бунт, я был схвачен солдатами и приведен в Государственную думу. Я просидел здесь все беспорядки и 28 февраля, когда революция уже вылилась в определенную форму, когда уже ходили слухи об отречении Государя и Дума возглавляла все, я был назначен обер-офицером для поручений и адъютантом председателя военной и морской комиссии Государственной думы, каковым тогда был Александр Иванович Гучков, найдя приют у коменданта Таврического дворца Остен-Сакена»573.

Есть и другая оценка поведения сына казначея Синода Б.Н. Соловьева. Следователь Н.А. Соколов считал, что Соловьева не «отловили» и привели в Думу революционно настроенные солдаты (такая практика имела место в то время в Петрограде). Поручик, по мнению следователя, пришел туда сам, вместе со вторым особо революционно-распропагандированным пулеметным полком. Так или иначе, но Соловьев по ходу дела установил связь с генерал-майором Иваном Ивановичем Федоровым, который создавал «великую лигу», установившую связь с генералом Корниловым. Но «Лига» была разогнана, ее руководители арестованы, а Соловьеву при помощи одного из скрытых корниловцев, князя Туманова, удалось получить назначение в комиссию «по приемке особо важных заказов для обороны государства» на должность «помощника начальника отдела Дальнего Востока при Военном министерстве». Этим удостоверением Соловьев, хотя и не служил в данном ведомстве, потом широко пользовался.

После «большевистского переворота» Соловьев решил заняться личными делами, в частности поступил на службу к известному банкиру Карлу Иосифовичу Ярошинскому, положившему ему 40 тыс. рублей в год жалованья. Банкир, который вел лично финансовые дела императрицы, а также содержал на свои средства лазареты в Царском Селе, поддерживал связь с бывшим распутинским кружком. Соловьев в своих показаниях подчеркнул: «С ним начались переговоры. В этом принимали участие Анна Александровна Танеева, член Государственной думы Лошкарев и я. Не знаю, чем объяснить факт, что

Ярошинский пошел на это (т. е. помощь царской семье. – *В.Х.*). С большой неохотой, тем не менее 25 000 рублей он дал, чтобы они в случае надобности пошли Августейшей семье»574.

Деньги были через А.А. Танееву (Вырубову) переданы Соловьеву и 7 января он выехал из Петрограда по маршруту: «Петроград – Званка – Вятка – Пермь – Екатеринбург – Тюмень.

Он вез кроме денег «чемодан с вещами для них: шоколад, духи, белье, вообще подарки от всех наших, знавших августейшую семью». «Кроме того, – добавлял Б.Н. Соловьев, – у меня было три пакета с письмами, полученными мною от Танеевой». Письма были от разных лиц. Одно из писем было к связной распутинцев, из окружения царицы, Анне Павловне Романовой.

Далее все было не так уж и сложно. Приехав в Тобольск, Б.Н. Соловьев через А.П. Романову и камердинера А.А. Волкова передал деньги и вещи по назначению. При этом запиской через Романову императрица Александра Федоровна просила Соловьева связаться со священником Васильевым.

Такая встреча состоялась, и после осторожного взаимного прощупывания Васильев рассказал Соловьеву, что «население относится к августейшей семье весьма благожелательно; что большинство охраны – люди если и не преданные, то, во всяком случае, надежные; что в материальном отношении Их Величества терпят крайний недостаток, и дело будто бы дошло до того, что город ссудил Государю императору 17 000 рублей». За все время жития царской семьи (а на дворе уже был январь 1918) в Тобольск, по данным Васильева, приезжало только два офицера, «кажется, Раевские, – но они вели себя вызывающе, кутили, швыряли деньгами и были в конце концов, высланы». Приезжал из Москвы также «какой-то вице-губернатор», но фамилии его Васильев «не называл».

Что касается планов освобождения семьи, то отец Алексей был здесь мало конкретен… «Он рассказал мне, – констатировал Соловьев, – что у него налаживается в составе охраны и вне ее организация для охраны неприкосновенности августейшей семьи и, в крайнем случае, увоза ее (подчеркнуто мною. – *В.Х.*), что остановка у него исключительно за средствами»575.

На другой день в 12 часов Соловьев прошел мимо губернаторского дома вместе с бывшей горничной А.П. Романовой, которая приехала в Тобольск позднее и жила на частной квартире, так как ей не дали разрешения от охраны проживать вместе с царской семьей. Она выполняла отдельные поручения «венценосцев» и, в какой-то степени, функции связной между Петроградом и Тобольском.

В окнах дома стояла вся царская семья, и Соловьев обменялся с Николаем Александровичем «знаками приветствия». «В тот же день, – продолжал Соловьев, – я получил через Романову письма от августейшей семьи, кроме Государя императора (он, кажется, сам никому не писал из Тобольска), к Воейковым и Танеевой. Государыня прислала мне иконку с собственноручной надписью: “Да благословит Вас Господь Бог за добро… благодарные” и дата. Затем мне Романова передала маленький образок Божьей Матери для Танеевой без надписи и связанные Государыней чулки для меня, сколотые французской булавкой, с маленьким образком Иоанна Митрополита». 7 февраля Соловьев вернулся в Петроград.

Встреченный тепло в вырубовском кружке, Соловьев не получил, однако, необходимых для продолжения дела денег (Ярошинский, по его словам, дал всего 10 тыс. рублей). Собрав еще несколько десятков тысяч рублей, Соловьев вновь выехал в Сибирь под фамилией Корженевского и вновь остановился у отца Алексея. Затем, снабдив рекомендательными письмами сына отца Алексея – Георгия, он отправил его в Петроград, все с той же целью – добыть деньги. Совершив все эти действия, пока мало давшие результатов для организации побега Романовых из Тобольска, Соловьев уехал в село Покровское. Здесь он в конце марта был арестован и привезен в Тюмень.

Некоторое время он находился на положении «полуарестованного», т. е. личность его выяснялась, а сам он был на свободе. Важно отметить, что в Тюмени Соловьев встретил корнета С.В. Маркова и штабс-капитана Седова.

Теперь следует остановиться и посмотреть, что по этому поводу рассказали следователю Н.А. Соколову те, кто с ним встречался и делал общее дело.

Как следует из рассказа Сергея Владимировича Маркова, а также Седова, сами они, действуя самостоятельно, представляли другие группы российских монархистов, но в целом быстро нашли общий язык с Борисом Соловьевым и скоординировали с ним свои действия.

Сергей Марков, пасынок свиты Его Величества генералмайора А.И. Думбадзе, личность неординарная и также многими подозревавшаяся в связях с немецкой разведкой, так описал свои устремления в Тобольск:

«2 марта ст. стиля 1918 года я выехал из Петербурга в Тобольск. Ехал я на деньги Анны Александровны Вырубовой. Поручения были у меня такие: письма от Юлии Александровны Ден, Вырубовой и Эммы Фредерикс (дочери покойного) и карточка Танеева; от себя я вез книги: 4 английских (какие не помню), четыре книги Лейкина, одну книгу («Огнем и мечом») Сенкевича и

одну («Отрок-Властелин») Жданова и «Земная жизнь Иисуса Христа» (кажется, Ренан), на ней была надпись карандашом «Анна» (условное имя Вырубовой – императрице известное), на обложке моя надпись чернилами "С. М. 1918" – мои инициалы. На всех книжках была моя надпись "Почтительнейше просит принять в дар. Маленький М.".

Денег я не вез. Ехал я под фамилией – бывший военнослужащий 449 пех. Харьковского полка Сергей Соловьев. Передо мной проехал Борис Николаевич Соловьев под именем Корженевского. Вез он чемодан с бельем. Он был руководителем Братства Св. Иоанна Тобольского – в Тобольске. Основано оно Соловьевым в августе 1917 года. Было человек 120.

Свои вещи я довез и передал через отца Алексея Васильева 11 утром, книги и письма, 11 вечером свое письмо и 12 (марта) последние книги и получил молитвенник с надписью "Маленькому М[аркову]". Благословение от Ш[ефа], маленькое письмо от Государыни (осталось у Соловьева), мундштук мамонтовой кости для меня, другой для Ден и карточку личной работы Государыни (красками) ангелок и надпись: "Господи, пошли благодать Твою в помощь мне, да прославлю имя Твое святое – А. Ф. 1918" (церковнослав.) для Вырубовой»576.

После всего этого камердинер Т.И. Чемодуров провел корнета мимо окон губернаторского дома, где в окнах, так же, как это было и в случае с Б.Н. Соловьевым, стояла вся царская семья.

О Сергее Маркове следует сказать, как о человеке, особо преданном императрице. В свои 19 лет он, ушедший добровольцем на фронт, был ранен, получил Георгиевский крест, окончил Елисаветградское училище, служил в 5-м Александрийском Е. И. В. Государыни императрицы полку, затем в 1916 г. был переведен в Крымский полк, шефом которого опять же была Александра Федоровна. Во время мятежных событий 1917 г. пробился 27 февраля к Александре Федоровне, всячески морально поддерживал ее, беседуя с ней около часа. Одним словом, Романовы знали его и от него ждали действенной помощи.

12 марта С.В. Марков выехал в село Покровское, пришел к Распутиным; узнал от них, что Б.Н. Соловьев арестован и увезен в Тюмень. Однако, приехав в Тюмень, Марков, к своему удивлению, увидел, что кругом имеется масса «своих». Это были офицеры, болтавшиеся без дела и готовые служить кому угодно, лишь бы платили деньги. Уже на вокзале он встретил товарища по совместной службе, затем, переходя от одного из офицеров, занимавших ответственные посты в органах военной советской власти, к другому, С. Марков

вскоре оказался командиром эскадрона Тюменского революционного уланского полка.

У Б.Н. Соловьева в это время были свои трудности, он был под следствием. Марков пишет, что в это время «У Соловьева отобрали чек на 10 тыс. р. на имя епископа Гермогена. Подписан [был] чек Соловьевым. Деньги достал Соловьев у Вырубовой или посредством ее, Сухомлиновой и Распутиных. Гермоген перед этим передал Государю 25 тыс. р.».

Но вскоре после встречи двух лидеров (каждый из них представлял свой, особый круг монархистов)[8] их арестовали.

Выдал их управляющий золотыми промыслами Б.Н. Соловьева французский инженер Бруар, с которым Соловьев, видимо, не поделил доходы.

Все эти детали так подробно мы приводим только с одной целью: все вышеназванные «освободители» царской семьи (прежде всего Б.Н. Соловьев) не имели ни четкой цели, ни механизма осуществления побега царской семьи и, видимо, мало верили в успех дела. Что касается денег, то их было собрано вполне достаточно для проведения операции, но, скорее всего, они не дошли по назначению, осев в карманах «организаторов» предприятия.

Так, например, С.В. Марков представлял действия Соловьева на ближайшее время:

«План Соловьева был такой: выкрасть царскую семью и везти на Восток на лошадях. План Седова – на моторных лодках до устьев Иртыша. Я должен был ехать за границу просить у англичан судно для вывоза царской семьи за границу. Но не было денег. Минимум 2 1/2 миллиона руб. Когда я сидел в тюрьме, люди моего эскадрона конвоировали царскую семью последние 20 верст. (Государь, Государыня и Мария Николаевна.) С охраной царской семьи у нас была связь, особенно с 4 стр. полком, кто не помню. Соловьев совершенно моих взглядов. Мы сидели в тюрьме, когда Государь, императрица и вся семья были перевезены в Екатеринбург. Об этом нам сообщила жена Соловьева на свидании и комиссар. Соловьев был поражен, 2-й переезд совершился, когда мы были на свободе, но мы ничего не знали. Условный знак нашей организации был (знак свастики. – *В.Х.*). Императрица его знала, тоже икона Иоанна Тобольского с условной надписью и тем же знаком. После нашего освобождения кто-то принес Соловьеву большую икону Св. Николая Чудотворца»577.

Можно полностью согласиться с общей оценкой действий монархических организаций в период Тобольской ссылки Романовых, которую дала Т.Н. Боткина-Мельник (дочь доктора Боткина).

«Надо отдать справедливость нашим, – писала она в 1921 г., – монархистам, что они, собираясь организовывать дело спасения Их Величеств, вели все это, не узнав даже подробно Тобольской обстановки и географического положения города.

Петроградские и Московские организации посылали многих своих членов в Тобольск и Тюмень, многие из них там даже жили по несколько месяцев, скрываясь под чужим именем и терпя лишения и нужду, в ужасной обстановке, но все они попадались в одну и ту же ловушку: организацию о. Алексея и его главного руководителя, поручика Соловьева, вкравшегося в доверие недальновидных монархистов, благодаря женитьбе на дочери одного лица, пользовавшегося доверием Их Величеств. Главной целью о. Алексея было, по-видимому, получение денег, затем повернуть дело таким образом, чтобы в случае реставрации явиться в глазах Их Величеств их спасителем, в случае же возвышения другой какой власти не быть причисленным к монархистам. Соловьев же действовал определенно с целью погубить Их Величеств и для этого занял очень важный пункт – Тюмень, фильтруя всех приезжавших и давая директивы в Петроград и Москву.

В то же время они оба получали большие деньги для Их Величеств, из которых самое большое четвертая часть достигала своего назначения, остальными же Соловьев и Васильев поддерживали свое существование. Уже только после отъезда Их Величеств в Екатеринбург нам пришло в голову сверить суммы, полученные Их Величествами и доставленные им Соловьевым и Васильевым, но было уже поздно. Для Их Величеств, не знавших, какая часть доходила до них и получивших всетаки несколько десятков тысяч и несколько посылок с вещами, конечно, казалось, что Соловьев и Васильев их истинные друзья и помощники.

Петроградским и Московским организациям Соловьев и Васильев давали все время сведения о сильной организации в Тобольске, состоящей из 300 офицеров, не требующей приезда новых лиц, а исключительно только денежного пособия. Всех же, все-таки стремившихся проникнуть к Их Величествам, Соловьев задерживал в Тюмени, пропуская в Тобольск или на одну ночь, или совершенно неспособных к подпольной работе людей. В случае же неповиновения ему он выдавал офицеров совдепам, с которыми был в хороших отношениях. Все это мы узнали от одного офицера, в течение четырех

месяцев жившего в Тюмени в качестве чернорабочего и имевшего возможность часто видеться с Соловьевым, но не знавшего положения в Тобольске и также слепо ему доверившегося.

Удивительно, что ни один из организаторов не попытался проверить доставляемые им слухи»578.

Единственно, кто мог действительно организовать побег (но только в определенное время) был, видимо, Е.С. Кобылинский. Он хорошо знал обстановку, имел доверие у части солдат охраны (первого состава). Т.Н. Боткина (Мельник) так охарактеризовала его возможности в этом плане:

«Он один мог дать точные сведения о настроении в отряде, которое в феврале 1918 года было самое благоприятное. Отряд состоял в большинстве случаев из старых гвардейских унтерофицеров, георгиевских кавалеров, из которых почти все относились к Их Величествам дружелюбно, а некоторые мучились сознанием своей великой вины перед ними, называли себя клятвопреступниками и старались мелкими услугами, как, например, подношением просфоры и цветов Их Величествам, как-нибудь выразить свои чувства. Кроме того, целый взвод стрелков императорской фамилии во главе со своим командиром поручиком Малышевым передавал полковнику Кобылинскому, что в их дежурство они дадут Их Величествам безопасно уехать»579.

Террорист в роли спасителя

Парадоксами в истории рода Романовых вряд ли кого удивишь. Однако то, что бывший террорист-боевик спас их, вывезя из Тобольска, уже приговоренных к смерти, все же выходит за рамки обычной истории.

Настоящая фамилия человека, сделавшего это, Василий Константинович Мячин, хотя по всей литературе он проходит как Василий Васильевич Яковлев. Мячин родился на Урале в 1886 году в селе Шарлык, из крестьян, но рано вошел в ряды «пролетариата». Работал в Уфе «мальчиком» в сапожном магазине Лебедева, в часовой мастерской, слесарил в железнодорожных мастерских. В 18–19 лет он уже на самом острие ожесточенной партизанской войны, которую вели рабочие Урала в 1905–1909 гг. против владельцев заводов, администрации, полиции и жандармерии. Революция поставила его в ряды боевиков-террористов. Вернувшись на Урал, Мячин (теперь уже Яковлев) совершенно в духе лучших американских вестернов останавливает в августе 1908 г. на станции Миасс Самарско-Златоустовской дороги поезд. Мячин и Зенцов пироксилиновой шашкой подрывают дверь почтового вагона. На землю летят

мешки с деньгами, было взято также полтора пуда золота. Боевики «брали» поезд со стрельбой, пролилась кровь, в охране были убитые. Вся полиция и жандармерия была поставлена на ноги, из семнадцати, участвовавших в операции, уйти от петли сумели лишь четверо. Один из них был Мячин, он ушел от верного ареста в Самаре, отстреливаясь из маузера. Используя паспорт на имя Василия Васильевича Яковлева, Мячин эмигрировал сначала в Швецию, затем живет в Бельгии. В 1914 г. он был интернирован, в 1917 г. он в России и снова в эпицентре событий.

В октябрьские дни Мячин – комиссар Военно-революционного комитета на Центральной телефонной станции – руководит ее защитой от попытки захвата юнкерами. Его помнит и хорошо знает Свердлов, на настольном календаре Ленина появляется пометка с его именем.

Практически он участник всех наиболее крупных событий по захвату большевиками власти. Но самая, пожалуй, интересная деталь в его биографии – это работа в первой коллегии ЧК. В частности, в ГА РФ хранится подлинное удостоверение № 21 за подписью Ф.Э. Дзержинского, в котором указывается: «Предъявитель сего Яковлев Василий Васильевич товарищ председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем»580.

В конце января 1918 г. Яковлев едет на Урал с мандатом, подписанным Н. Подвойским (председателем Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии), на должность военного комиссара Уральской области. Но Уралоблсовет уже утвердил на эту должность Голощекина. Мандат Яковлева был аннулирован, тогда он едет в родную Уфу, формирует там состав с хлебом в 40 вагонов и прорывается с ним в голодный Петроград. Получив здесь деньги у Менжинского, Яковлев формирует поезд с оружием и через Москву едет снова на Урал. Но именно здесь, в Москве, Яковлев «случайно» встречается с председателем ВЦИКа Свердловым, лично ему знакомым. Такие случаи любит история: Свердлову был нужен верный человек, проверенный и бесстрашный, именно таким и был Мячин в глазах председателя Всероссийского ЦИКа. Не следует забывать, что помимо всего прочего Мячин шесть лет прожил в Западной Европе.

Дальнейшее развертывалось стремительно. Свердлов выдал Яковлеву мандат (подписанный им и Лениным) и поручил ему вывезти Романовых в Екатеринбург. Одновременно с мандатом Свердлов вручил Яковлеву несколько писем: председателю Омского Совета Косареву, а также Уральскому и Тобольскому Советам.

Комиссар В.В. Яковлев писал в своих мемуарах:

«Во время остановки в Москве я явился к Председателю ВЦИК тов. Свердлову, с которым работал вместе еще в дореволюционное время и подполье на Урале и в Петрограде.

– У меня есть с тобой секретный разговор. Сейчас мне некогда. Ты пойди пока на заседание ВЦИКа… а после приходи ко мне в кабинет, и я тебе скажу, в чем дело. Да, кстати, ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно, – заграница из тебя это еще не вытравила? Это я спрашиваю потому, что я буду говорить с тобой – знаем, ты да я, понял? И он ушел. После я узнал, что в это время у него происходило совещание по предстоящему вопросу с тов. Лениным.

– Ну дело в чем, – прямо и решительно приступил к делу Свердлов, – Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал. – Каковы будут мои полномочия?

– Полная инициатива. Отряд набираешь по своему личному усмотрению. Поезд специального назначения. Мандат получишь за подписью Председателя Совнаркома товарища Ленина и моей, с правами до расстрела, кто не исполнит твоих распоряжений. Только… уральцы уже потерпели поражение. Как только были получены сведения о подготовке побега Романовых, Екатеринбургский Совет отозвал туда свой отряд и хотел увезти Романовых – ничего не вышло, охрана не дала. Омский отряд также не мог ничего сделать. Там теперь не

сколько отрядов, и может произойти кровопролитие… Итак, запомни твердо: Совет Народных Комиссаров назначает тебя чрезвычайным комиссаром и поручает тебе в самый кратчайший срок вывезти Романовых из Тобольска на Урал. Тебе даются самые широкие полномочия – остальное должен выполнить самостоятельно. Во всех твоих действиях – строжайшая конспирация. По всем вопросам, касающимся перевозок, обращайся исключительно ко мне. Вызывай по прямому проводу: Москва, Кремль, Свердлов.

…Одновременно с мандатом тов. Свердлов вручил мне несколько писем: председателю Омского Совета тов. Косареву, Уральскому Совету и Тобольскому (в мандате, ввиду конспирации, не упоминалось ни о царе, ни о Тобольске).

– Теперь все, – обратился ко мне Свердлов. – Действуй. Когда едешь? Сейчас? Хорошо. Ну, помни, что я тебе сказал. Действуй быстро, энергично, иначе опоздаешь.

Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мною инструкций, я спросил:

– Груз должен быть доставлен живым?

Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил:

– Живым. Надеюсь, выполнишь инструкции в точности… Действуй конспиративно…»581.

Конспирация соблюдалась достаточно строго, в связи с чем позднее некоторые участники этой операции пытались трактовать последовавшие события на свой лад. Даже в широко известных на Западе (а теперь и в России) книгах Н.А. Соколова «Убийство царской семьи» и П.Н. Пагануцци «Правда об убийстве царской семьи» отмечается «таинственность» комиссара Яковлева, «личность которого Сибирское следствие не могло точно установить, и до сих пор неизвестно, посланцем какой силы он являлся»582.

Еще большую пелену таинственности на «миссию» комиссара Яковлева набросили советские писатели. Так, например, в книге П.М. Быкова «Последние дни Романовых» он обвинялся в попытке вывезти царскую семью за пределы контроля Советской власти. А в известной работе М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» тот же комиссар прямо назывался «двойным шпионом, диверсантом и проходимцем».

Между тем обстановка в Тобольске оставалась, к моменту поручения Яковлеву особой миссии, очень сложной. Вот что там происходило в марте – апреле 1918 г.

В начале марта 1918 г. в Тобольск из Омска прибыл комиссар Запсибсовдепа В.Д. Дуцман, а вскоре вслед за ним появился красногвардейский отряд омичей во главе с А.Ф. Демьяновым. Последний по выданному ему мандату назначался чрезвычайным комиссаром Тобольска и Тобольского уезда. В свой дневник П. Жильяр записал: «**Вторник, 26-го марта.** Из Омска прибыл отряд красных силою больше 100 человек; в тобольском гарнизоне это первые солдаты-большевики. У нас отнята последняя надежда на побег. Но Государыня говорит мне, что у нее есть причина думать, что среди этих солдат много бывших офицеров. Равным образом она утверждает, не указывая точно, откуда она это знает, что в Тюмени собралось 300 офицеров»583.

Омские красногвардейцы стремились взять под свой контроль губернаторский дом, где размещалась царская семья, но этому воспротивился «отряд особого

назначения». Ситуацию с иронией комментировал в своем дневнике Николай II: «**14/27 марта**. Среда. Здешняя дружина расформировалась, когда все сроки службы были уволены. Так как все-таки наряды в караулы должны нестись по городу, из Омска прислали команду для этой цели. Прибытие этой “красной гвардии”, как теперь называется всякая вооруженная часть, возбудило тут всякие толки и страхи. Просто забавно слушать, что говорят об этом в последние дни. Комендант и наш отряд, видимо, тоже были смущены, так как вот уже две ночи караул усилен и пулемет привозится с вечера! Хорошо стало доверие одних к другим в нынешнее время!»584.

Через пару дней из Тюмени прибыл еще один отряд численностью в 50 красногвардейцев. Однако из-за недисциплинированности тюменский отряд был отправлен обратно.

В дневнике Николая II это событие также было отмечено: «**22 марта [4 апреля].** Четверг. Погода простояла серая, но таяло хорошо. Утром слышали со двора, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках, с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омский отряд!»585.

Вскоре на смену тюменцам прибыли уральцы. Тобольский большевик И.Я. Коганицкий вспоминал: «Вскоре прибыл еще один отряд из латышей и рабочих Екатеринбурга, во главе с матросом т. Павлом Хохряковым, которого помнят Екатеринбург и Кронштадт»586.

28 марта 1918 г. в 15 часов 5 минут Запсибсовдеп направил из Омска телеграмму на имя В.И. Ленина и Л.Б. Троцкого:

«Вследствие роспуска солдат охрана Николая Романова [в] Тобольске должна замениться Красной Армией. Для этой замены Западно-Сибирск[им] Комитетом послан из Омска отряд Красной Армии [с] ответственным комиссаром. Просим немедленно издать декрет о роспуске старой охраны, замены новой по усмотрению Западно-Сибирского Комитета. Возложите установление охраны Романова на Западно-Сибирский [Исполнительный] комитет Советов с правом назначения ответственных комиссаров охраны и декрет о принятии отрядом Красной Армии охраны царя у старого отряда, необходимо экстренно передать телеграфом [в] Тобольск комиссару Западно-Сибирского комитета И. Демьянову. [№] 1039.

Председатель Запсибсовдепа Косарев. Секретарь Карпов»587.

С аналогичной просьбой 13 апреля обратился в Совнарком зам. председателя Уралоблсовета Б.В. Дидковский об экстренном «разрешении тобольского вопроса».

«В Тобольске разложение, – указывалось к телеграмме Дидковского. – Там омский комиссар Демьянов с отрядом отказывается подчиниться местному исполкому. Боимся вооруженного столкновения части его отряда и солдат Керенского с нашими латышами и матросами». Далее Уралоблсовет просил о переводе Романовых в более надежное место: «Предлагаем Урал или немедля назначьте место сами, наш отряд перевезет» 588.

В свою очередь Тобольский исполком направил в Москву свою телеграмму с требованием подчинить охрану Романовых ему. В противном случае Исполком снимал с себя ответственность «за могущие произойти события».

Прибытие уральцев внесло дополнительную напряженность. Возникли серьезные трения между уральцами и омичами. Николай II записал в дневнике по этому поводу следующее: «**27 марта [9 апреля].** Вторник. Сразу наступил холод с северным ветром. День простоял ясный. Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены “протоколы” евреев и масонов – весьма современное чтение.

28 марта [10 апреля]. Среда. Отличный солнечный день без ветра. Вчера в нашем отряде произошла тревога, под влиянием слухов о прибытии из Екатеринбурга еще красногвардейцев. К ночи был удвоен караул, усилены патрули и высланы на улицу заставы. Говорили о мнимой опасности для нас в этом доме и необходимости переезда в архиерейский дом на горе. Целый день об этом шла речь в комитетах и прочее, и, наконец, вечером все успокоились, о чем пришел в 7 часов мне доложить Кобылинский. Даже просили Аликс не сидеть на балконе в течение трех дней!»589.

Эти же события нашли описание и в дневнике графини А.В. Гендриковой: «**28-го марта [10 апреля].** Вчера вечером был большой переполох по поводу того, – солдаты отказались пустить в дом № 1 чрезвычайного комиссара (недавно тоже прибывшего из Омска) Дементьева[9]. Вследствие выраженной последним угрозы можно было ожидать столкновения красногвардейцев с нашим отрядом. Наш отряд вооружился и принял все меры защиты»590.

Следует отметить, что этим событиям предшествовали выборы в Тобольский Совдеп, состоявшиеся 6 апреля 1918 г. Из 163 мандатов большевики получили 85. Председателем исполкома был избран 9 апреля екатеринбуржец П.Д.

Хохряков. В состав Исполкома вошли большевики А.Д. Авдеев, С.С. Заславский и др.

В конце марта 1918 г. в Москву был послан делегат от «отряда особого назначения» большевик Петр Лукин (иногда значится как Петр Лупин). Сохранилась служебная записка управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича: «Тов. солдат приехал из Тобольска из отряда, охраняющего бывшего царя. Там много беспорядков, многие из отряда ушли, жалованье не получают и пр[ошу] поговорите с ним обстоятельно и все выясните. Это дело серьезное. Свердлов просил направить этого солдата к нему. Влад. Бонч-Бруевич»591.

Делегат отряда выступил на заседании Президиума ВЦИК 1 апреля 1918 г., на котором присутствовали: Свердлов, Покровский, Владимирский, Спиридонова, Прошьян и Аванесов. В протоколе было записано: «Слушали: II. Сообщение об охране бывшего царя:

1) об увеличении караула,

2) о жалованье,

3) о пулеметах и ручных гранатах,

4) об арестованных: Долгорукове, Татищеве, Гендриковой[10] и учителе английского языка [С. Гиббс]. (Устное сообщение делегата отряда особого назначения.)

Постановлено: I. Сообщить Отряду особого назначения по охране бывшего царя Николая Романова следующее распоряжение:

1) Просить отряд продолжать нести охрану впредь до присылки подкрепления.

2) Предписать отряду оставаться на своем посту и ни в коем случае не оставлять поста до приезда назначенного ВЦИК подкрепления.

3) Усилить надзор над арестованными, а граждан Долгорукова, Татищева и Гендрикову считать арестованными и, впредь до особого распоряжения, предложить учителю английского языка или жить вместе с арестованными, или же прекратить сношения с ними.

4) Деньги для отряда, пулеметы, гранаты будут присланы немедленно с отрядом от ВЦИК.

II. Поручить Комиссару по военным делам немедленно сформировать отряд в 200 чел. (из них 30 чел. из Партизанского отряда ЦИК, 20 чел. из отряда левых с.-р.) и отправить их в Тобольск для подкрепления караула ***и в случае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву*** (подчеркнуто мною. – *В.Х.*).

(Настоящее постановление не подлежит оглашению в печати.)»592.

С возвращением делегата отряда Лукина из Москвы в Тобольск, для царской семьи был ужесточен режим заключения. П. Жильяр в своем дневнике 12 апреля записал: «Сегодня вернулся из Москвы посланный туда солдат от нашего отряда. Он вручил полковнику Кобылинскому бумагу от Центрального Исполнительного комитета, предписывающую перевести нас на еще более строгий режим. Генерал Татищев, князь Долгоруков и графиня Гендрикова должны быть переведены в наш дом и рассматриваться как арестованные»593.

Караул усиленно готовился к встрече нового начальства. Николай Александрович записал в своем дневнике: «2-го (15) апреля. Понедельник. Утром комендант с комиссией из офицеров и двух стрелков обходил часть помещений нашего дома. Результатом этого “обыска” было отнятие шашек у Вали [Долгорукова] и mr. Gilliard, а у меня – кинжала! Опять Кобылинский объяснял эту меру только необходимостью успокоить стрелков!

Алексею было лучше, и с 7 часов вечера он крепко заснул. Погода стояла серая, тихая»594.

Следует отметить, что 6 апреля 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК еще раз рассматривался вопрос «о бывшем царе Николае Романове». На заседании присутствовали: М.Н. Покровский, Я.М. Свердлов, М.Ф. Владимирский, А.И. Окулов, В.А. Аванесов, Г.И. Теодорович и заведующий Военным отделом А.С. Енукидзе. Президиум ВЦИК вынес решение: «В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т. Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления отряду, охраняющему Николая Романова ***и о переводе всех арестованных на Урал***(подчеркнуто мною. – *В.Х.*).

Сообщить СНК о настоящем постановлении и просить о срочном исполнении настоящего постановления»595.

Причину изменения решения о переводе царской семьи в Екатеринбург раскрывают следующие строки из рукописных воспоминаний председателя Уральского облисполкома А.Г. Белобородова: «Мы, уральцы, представляли

дело таким образом: Николай и его семья должны быть перевезены на Урал. Этим совершенно устраняется (при организации соответствующих условий надзора и охраны) возможность к побегу. Кроме того, если бы друзья Николая с германской стороны захотели его от нас вырвать, у нас остается тысяча возможностей его ликвидации в процессе отправки»596.

Несмотря на предпринимаемые центром меры по овладению ситуацией в Тобольске, на месте стабильности не было.

Атмосфера взаимной подозрительности и тревоги сохранялась. Об этом свидетельствуют многочисленные телеграфные запросы и переговоры. Так, 16 апреля 1918 г. отряд особого назначения направил во ВЦИК из Тобольска следующую телеграмму: «Нумер 1010. Сообщите о посылке подкрепления нам. Телеграфируйте, вышел ли отряд, где он находится, когда будет [в] Тобольске. Командир отряда Кобылинский. Председатель Комитета Матвеев»597.

В ответе ВЦИК от 19 апреля 1918 г., направленном «командиру отряда по охране Романова», сообщалось: «[На №] 1010. Подкрепление выслано десятого апреля. Бывший император и наследник находятся на положении арестованных и постановление отряда снять с них погоны Центральный Исполнительный комитет находит правильным. Аванесов»598.

В местных газетах 17 (4) апреля 1918 г. была помещена заметка «Процесс Николая Романова», в которой говорилось: «“Наше слово” сообщает, что Верховной следственной комиссией подготовлен ряд процессов видных деятелей старого режима. Процесс Николая Второго будет заслушан в первую очередь».

Не имея четкого представления о реальном положении дел в Тобольске, заместитель председателя Екатеринбургского Совдепа Б.В. Дидковский 24 апреля 1918 г. вызывает для переговоров по прямому проводу представителей ВЦИК:

«Екатеринбург просит к аппарату председателя ЦИК или секретаря.

Вызывает заместитель председателя Дидковский.

Вчера получил подробное письмо из Тобольска, там все в руках офицеров. Даже омский отряд изолирован от охраны. Позавчера прибыл в Тобольск наш отряд – 70 человек надежных латышей, пока держатся совершенно в стороне, но наготове. Просьба – распорядитесь немедленно подчинению начальнику охраны Тобольскому исполкому до прибытия вашего Яковлева, который сегодня днем с

отрядом выезжает из Уфы в Екатеринбург. Ждать нельзя, так как они приедут [в] Тобольск только через 6 дней. Почему Вы не торопитесь, дайте полномочия председателю исполкома. Удостоверяется наличность присутствия всех арестованных. Сделайте это телеграфно. Настроение кругом Тобольска и [в] самом городе плохое.

Газеты не наши. Две закрыты за агитацию. Надо установить настоящую Советскую власть. До свидания»599.

В Уфе, оставив в своем распоряжении 200 тысяч рублей из денег, полученных в Петрограде, комиссар Яковлев отобрал для операции людей, которых знал лично по боевым схваткам первой русской революции. Он брал только тех, кому он доверял лично. Так, во главе отряда он поставил лично ему известного своим бесстрашием Д.М. Чудинова, уфимского боевика, а начальником кавалеристов Г.И. Зенцова, младшего брата П.И. Зенцова, возглавлявшего уфимскую губчека (с которым он когда-то «брал» миасское золото). Отряд, собранный Яковлевым, был небольшим (не больше 100 человек хорошо вооруженных боевиков и 15 кавалеристов).

Кроме того, Яковлев заручился поддержкой особо известного на Урале боевика Петра Гузакова, взяв с него слово, что тот в случае нужды прибудет с дополнительным отрядом на помощь в Тобольск. Все, сказанное выше, вновь напоминает сценарий хорошего американского вестерна, когда руководитель операции, идущий на отчаянное дело, собирает верных людей, за исключением того, что все это происходило на самом деле, а не в кино…

Сформировав отряд, Яковлев по пути к цели остановился в Екатеринбурге. Здесь, встретившись на вокзале с Голощекиным и Дидковским, он кроме мандата предъявил им письмо от 9 апреля 1918 г., написанное собственноручно Я.М. Свердловым на бланке Президиума ВЦИК, но без регистрации исходящего номера. В нем Председатель ВЦИК сообщал в Екатеринбург:

«Дорогие товарищи!

Сегодня по прямому проводу предупреждал Вас о поездке к Вам подателя т. Яковлева. Мы поручили ему перевезти Николая [II] на Урал. Наше мнение: пока (подчеркнуто мною. – *В.Х.*) поселите его в Екатеринбурге. Решайте сами, устроить ли его в тюрьме или же приспособить какой-либо особняк. Без нашего прямого указания из Екатеринбурга [Николая II] никуда не увозите. Задача Яковлева – доставить Николая [II] в Екатеринбург живым (подчеркнуто мною. – *В.Х.*) и сдать или председателю Белобородову, или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте.

Сговоритесь о деталях с Яковлевым. С товарищеским приветом Я. Свердлов»600.

Невольно обращают на себя внимание слова «доставить Николая в Екатеринбург живым». Эта фраза в письме имеет свой тайный подтекст, т. к. если Свердлов специально уточнял «живым», то весьма вероятно, что предусматривался и другой вариант событий. В частности, об этом можно судить и по содержанию рукописных воспоминаний председателя Уральского облисполкома А.Г. Белобородова, о чем еще будет нами сказано ниже. Конечно, можно предположить (если обратить внимание на слово «пока»), что Екатеринбург избирался временным пристанищем царя, т. е. до предстоящего судебного политического процесса над ним. Верность такого предположения подтверждают и появившиеся в периодической печати подобные сообщения: «Верховной следственной комиссией подготовлен ряд процессов видных деятелей старого режима. Процесс Николая Второго будет заслушан в первую очередь…». В дальнейшем все более настойчиво выдвигалось предложение о проведении суда над Николаем II на Урале. Но вернемся к последовательности событий.

Екатеринбуржцы успели до Яковлева много сделать, чтобы внезапно вывезти Романовых из Тобольска, а возможно, и убить их в ходе этой операции. Для проведения акции они послали в Тобольск бывшего матроса Павла Хохрякова, Александра Авдеева и Семена Заславского. Каждый из них имел богатую революционную биографию, но, пожалуй, главным соперником Яковлева и даже его противником стал Заславский.

Семен Савельевич Заславский, 28 лет (1890), выделялся образованностью среди своих собратьев революционеров. Был он послан в Тобольск с единственной целью: если не убить, то вывезти царя в Екатеринбург. Имея партийный стаж с 1904 г., в 1906 г. он был арестован в г. Николаевске, в 1914 г. в Иркутске и в 1917 г. «судился за принадлежность к Николаевскому комитету». До 1917 г. Заславский зарабатывал на хлеб слесарными и монтажными работами: на Николаевском французском заводе «Наваль», железнодорожных мастерских в Западной Сибири и Северном Урале. Это был опытный сборщик по установкам «машин внутреннего сгорания и слесарно-кровельных работ» (в 1912–1914 окончил железнодорожное техническое училище). Знал Заславский и военное дело. В 1910 г. он был взят на военную службу, окончил школу гардемаринов-минеров в Кронштадте. В войну Заславский служил на прибалтийском фронте, но после суда (видимо, за большевистскую пропаганду) бежал и служил машинистом на Сибирской железной дороге (станциях Нижнеудинск, Зима). Его хорошо знали на самом крупном металлургическом заводе Северного Урала

– Надеждинском. Он пользовался там исключительным авторитетом среди рабочих, избравших его председателем местного Совета. И вот сама жизнь столкнула его с Яковлевым, в котором, несмотря на мягкость манер, сразу был виден человек железной воли… Жизнь столкнула их – Яковлева и Заславского, поставивших перед собой разные цели. Один должен был убить царя, другой доставить его живым в Екатеринбург. Скажем сразу, Заславский и все, кто стоял за ним (а за ним стояла вся правящая верхушка Екатеринбурга), проиграли в острой борьбе с Яковлевым схватку, которая решила жизнь царя.

Документы свидетельствуют, что Яковлев тщательно продумал план эвакуации царской семьи. Он предусмотрительно создал опорные пункты из бойцов своего отряда по тракту между ближайшей железнодорожной станцией в Тюмени и Тобольском, которые обязаны были гарантировать безопасную и быструю доставку Николая II до поезда «специального назначения». Однако уже на пути в Тобольск комиссар убедился, что выполнить поручение правительства будет не просто. Прибыв в Тюмень, Яковлев встретил на дороге, идущей из Тобольска в Тюмень, отряд Авдеева и подчинил его себе. Так, один из начальников уфимских боевиков в отряде Яковлева – Д.М. Чудинов (Касьян) – свидетельствовал, что на пути в Тобольск на одном из привалов они встретились с отрядом из Екатеринбурга: «Напившись чаю, екатеринбуржцы стали собираться… Яковлев вышел проводить их. Вернувшись обратно, он передал мне, что сейчас ушедшие предложили ему следующую комбинацию: во время перевозки Романова, которую производили мы, их отряд делает фиктивный налет на наш, отбивает Николая или убивает его. Яковлев категорически воспротивился подобному предложению»601.

Затем он нагнал верстах в 80–90 от Тобольска еще один отряд из Екатеринбурга, который, напротив, шел «за Романовыми» в Тобольск. И этот отряд под руководством Бусяцкого был вынужден подчиниться Яковлеву. Однако позднее выяснилось, что Бусяцкий подчинился лишь формально. Он имел собственный план (о чем мы расскажем ниже) убить Романовых, не считаясь ни с чем.

Тем не менее 22 апреля пополненный отряд Яковлева вошел в Тобольск. В подозрении к позиции уральцев комиссар Яковлев упрочился и в самом Тобольске. Так, позднее он писал в своих воспоминаниях:

«Не успели мы еще окончить наши формальности, Заславский с места в карьер заявил:

– Ну, товарищ Яковлев, нам надо с этим делом кончать.

– С каким? – спросил я.

– С Романовыми!

Я насторожился. Значит, все слухи о том, что есть отдельные попытки покончить на месте с Николаем II, имеют под собой почву!

Товарищ Заславский, я имею определенные инструкции нашего правительства и приму все меры к тому, чтобы их выполнить…»

Случайно ли такое поведение екатеринбуржцев?! Оказывается, нет. Об этом можно судить по неизвестному ранее сенсационному признанию председателя Уральсого облсовдепа А.Г. Белобородова: «Мы считали, что, пожалуй, нет даже надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что если представятся благоприятные условия во время его перевода, он должен быть расстрелян в дороге. Такой наказ имел Заславский и все время старался предпринимать шаги к его осуществлению, хотя и безрезультатно. Кроме того, Зас[лав]ский, очевидно, вел себя так, что его намерения были разгаданы Яковлевым, чем до некоторой степени и объясняются возникшие между З[аславским] и Я[ковлевым] недоразумения довольно крупного масштаба…»602.

По большому счету Екатеринбург устраивало решение Москвы о переводе Романовых на Урал. Белобородов и Голощекин потребовали от всех отрядов полного подчинения чрезвычайному комиссару Яковлеву. В телеграмме от 21 апреля 1918 г. в Тобольск они предписывали: «Объявите всему городу: за малейшее сопротивление и неподчинение распоряжениям Яковлева направить артиллерию и беспощадно снести гнездо контрреволюции»603.

Прибытие отряда давно ожидалось, и тревожно было воспринято царской семьей и ее приближенными. По слухам, должен был приехать сам Л.Д. Троцкий. П. Жильяр записал в дневнике: «**Понедельник, 22-го апреля**. Сегодня прибыл московский комиссар с небольшим отрядом; его фамилия – Яковлев. Все тревожатся, томятся. В приезде комиссара чувствуется угроза, хотя пока неопределенная, но все же реальная»604.

В тот день Николай II тоже сделал короткую запись: «Узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы… Дети вообразили, что он сегодня может сделать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия – даже свои дневники…»605.

Графиня А.В. Гендрикова дополняет: «**10 (23 апреля)**. Приехавший вчера комиссар Яковлев был сегодня утром в доме. С ним прибыл отряд в 150 чел., набранный им по дороге. Никакого Московского отряда, говорят, не будет.

Чрезвычайный комиссар (по Тобольской губ.) Дементьев (правильно Демьянов. – *В.Х.*) несколько дней тому назад уехал»606.

Имеется упоминание об этих событиях и в дневнике Николая II:

«**10 (23) апреля**. Вторник. В 10 1/2 часов утра явились Кобылинский с Яковлевым и его свитой.

Принял его в зале с дочерьми. Мы ожидали его к 11 часам, поэтому Аликс не была еще готова.

Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, доволен ли я охраной и помещением. Затем почти бегом зашел к Алексею, не останавливаясь, осмотрел остальные комнаты и, извиняясь за беспокойство, ушел вниз. Так же спешно он заходил к другим в остальных этажах.

Через полчаса он снова явился, чтобы представиться Аликс, опять поспешил к Алексею и ушел вниз. Этим пока ограничился осмотр дома. Гуляли по обыкновению; погода стояла переменная, то солнце, то снег»607.

Но сохранился другой документ, отчет о посещении дома «Свободы», а также список лиц там живущих, который говорит, насколько вольготно жили Романовы до самого конца их пребывания в Сибири.

«Комиссия в составе Комиссара Совнаркома Яковлева, его секретаря Галкина, коменданта дома Кобылинского, председателя комитета охраны Матвеева, представителя Екатеринбургского Исполкома Авдеева и дежурного офицера по парадному входу прошла в первую комнату направо, служащую офицерской дежурной. Просмотрев журнал дежурных, комиссия направилась осматривать комнаты.

Направо и налево от коридора идет ряд комнат, где помещаются: Татищев, Долгоруков, Шнейдер с двумя приживалками, Гендрикова с няней, Жильяр, Гиббс и столовая. Во втором этаже помещаются Романовы. Здесь зал и кабинет былого “самодержца”, не лишенный комфорта. Низенькие комнаты верха густо заселены прислугой. Коридор заставлен многочисленными сундуками.

Николая, вместе с тремя дочерьми, комиссия встретила в зале.

Тов. Яковлев со всеми поздоровался и спросил Романова:

– Довольны ли вы охраной? Нет ли претензий? На что Николай, потирая руки и глупо улыбаясь, ответил:

– Очень доволен, очень доволен.

Комиссар изъявил желание посмотреть Алексея. Николай замялся:

– Алексей Николаевич очень болен.

– Мне необходимо посмотреть его, – упорствовал комиссар.

– Хорошо, только разве, вы один, – согласился Романов. Тов. Яковлев и Николай ушли в комнату Алексея. Дочери с любопытством разглядывали во время разговора

представителя коммунистического правительства.

Алексей действительно оказался сильно больным от кровоподтека наследственной болезни рода Гессенов. Желтый испитой мальчик казался уходящим из жизни.

При осмотре комиссией других помещений лакеи униженно кланялись: отцветшие ясновельможные мужи приветствовали почтительным вставанием.

Бывшая царица на этот раз не была готова к посещению.

Тов. Яковлев посещал после один.

Александра, выступая по-царски, с величием, встретила его, любезно отвечая на вопросы и часто улыбаясь.

Алексея еще раз посетили»608.

Список лиц, живущих в доме № 1 («Свободы»)

Романовы: Николай, Александра, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей; Александр Долгоруков[11], Илья Татищев, Анастасия Гендрикова, Екатерина Шнейдер, Петр Жильяр, камердинеры – Терентий Чемодуров и Алексей Волков, слуга Алексея – Клим Нагорский[12], лакей – Алексей Трупп, лакеи – Иван Сиднев и Франц Журавский, лакей Жильяра – Сергей Иванов, лакей Татищева и Долгорукова – Петр Тютин, рабочий – Михаил Карпов, комнатные девушки – Мария Туттельберг и Александра Щеглова, Анна Демидова и Елизавета Ерсберг (правильно, Эрсберг. – *В.Х.*), повара – Иван Харитонов, Владимир Кокичев, Леоний Седнев, дворник – Александр Кирпичников, кухонные, буфетные рабочие – Яков Семенов, Василий Терехов и Франц Терехов, девушка Шнейдер – Мария Кулакова, девушка Гендриковой – Викторина Николаева, девушка

Шнейдер – Екатерина Живая, кухонная прислуга – Евдокия Поумянова, Евдокия Клюсова, Мария Соболева, Анна Коскина, Людмила Вакулина, прислуга Гиббса – Анфиса Иванова.

Александра Федоровна кратко записала впечатление от визитера:

«**10/23 апреля**. Вторник… Утром новый комиссар Яковлев пришел посмотреть нас (впечатление интеллигентного работающего инженера)…»609.

Позднее А.Д. Авдеев писал: «По приезде в Тобольск Яковлев созвал совещание. Поскольку помнится, – присутствовали: Павел Хохряков, Семен Заславский, Гузаков, Зенцов, Авдеев и другие. На этом совещании Яковлев попросил Хохрякова сделать информацию о положении дела в Тобольске, после которой со своей стороны Яковлев изложил свой план действий, вернее сказать – план выполнения возложенной на него задачи и то, что он должен увезти бывш. царя из Тобольска, в чем должны ему все помочь, а куда он с ним поедет – об этом рассуждать не следует.

Несмотря на то, что на этом совещании было принято наше предложение о вывозе бывш. царя, все же мы, уральцы, решили в ту же ночь собраться отдельно, так как поведение Яковлева показалось нам подозрительным. На наше совещание в числе других товарищей уральцев был приглашен и тов. Бусяцкий – начальник отряда пехоты, прибывшего к нам в Тобольск из Екатеринбурга.

На этом совещании тов. Заславский предложил организовать по дороге в Тюмень близ села Ивлева засады вооруженных групп, которые, на всякий случай, могли бы служить подкреплением. Некоторые предложили еще, чтобы вблизи Яковлева и бывш. царя всегда были уральцы, чтобы вовремя принять решительные меры. Также было решено при увозе из Тобольска бывш. царя вместе с Яковлевым направить Заславского, Авдеева и отряд Бусяцкого, а Хохрякова оставить в Тобольске»610.

Но Авдеев писал свои воспоминания в 1928 г. К этому времени Яковлев был скомпрометирован, находился в тюрьме. Поэтому весь подлый замысел екатеринбуржцев Авдеевым подан чуть ли не как подвиг. Между тем Яковлев знал о замыслах Заславского и его группы. Ибо один из бойцов отряда Бусяцкого рассказал ему следующее:

«Я рабочий Пермской губ. Усольского уезда Александровского завода. Неволин Александр Иванович.

Состоял в Екатеринбурге членом Красной Армии, в 4-й сотне.

Ровно в 4 часа вечера 16 апреля приходит к нам в сотню помощник начальника штаба Бусяцкий и заявляет, чтоб мы через полчаса были готовы в поход. В шесть часов мы пришли на станцию. Начальник штаба нам говорит – вам предстоит такая задача: живым или мертвым привезти в Екатеринбург одного человека. И больше ничего. Доехали до Тюмени. Бусяцкий говорит: сейчас поедем на конях. Когда проехали мы приблизительно половину дороги на конях – Бусяцкий нас остановил в деревне.

Говорит, что едет с московским отрядом комиссар Яковлев, нам нужно его обождать. И действительно скоро отряд проехал. За ним поехали и мы. Приехали в Тобольск и ночевали там две ночи. Приходит к нам Бусяцкий и говорит: вот сюда приехал комиссар Яковлев и хочет увезти Романова в Москву, а потом у них, кажется, решено отправить его в заграницу. А нам предстоит такая задача: во что бы то ни стало предоставить его в Екатеринбург. Для этого мы предложили сделать так.

У Яковлева девять пулеметов, а пулеметчиков двое. Я рекомендую ему пулеметчиками своих, к его пулеметам, и поедем вместе.

По известному сигналу вы должны напасть на них, отобрать у них все оружие и Романова.

И все кончено, из моих товарищей никто на его слова не возражает.

Я тогда один запротестовал, разговорил товарищей, и эта выдумка их не удалась и они ушли.

Через два или три часа слышу опять делают собрание. Я, конечно, пришел. Слышу, помощник инструктора Пономарев и инструктор Богданов начинают.

– Мы уж этот план бросили, теперь решили так: по дороге к Тюмени сделать засаду. Когда Яковлев последует с Романовым, как только сравняются с нами, вы должны из пулеметов и винтовок весь отряд Яковлева ссечь до основания.

И никому ничего не говорить.

Если кто станет спрашивать, какого вы отряда, то говорите, что московского и не сказывайте, кто у вас начальник, потому что нужно это сделать помимо областного и вообще всех советов.

Я тогда ему задал вопрос.

Разбойничками, значит, быть.

Я, мол, лично с вашими планами не согласен. Если вам

нужно, чтоб Романова убить, так пущай единолично кто-нибудь решается, а такой мысли я и в голову не допускаю, имея в виду, что вся наша вооруженная сила стоит на страже защиты Советской власти, а не для единоличных выгод и людей, если комиссар Яковлев командирован за ним от Совета Народных Комиссаров, так он и должен его представить туда, куда ему велено, а мы разбойничками не были и быть не можем, чтоб из-за одного Романова расстрелять таких же товарищей красноармейцев, как и мы. Они, конечно, заспорили, что ты Неволин всегда суешься везде и расстраиваешь всех, ну всетаки я товарищей убедил, что мы не можем так поступать, и некоторые стали тоже спорить и все ихние планы ни к каким результатам не привели.

После собрания Бусяцкий, Богданов, Пономарев сделали мне серьезное замечание и все время пуще и пуще меня стали притеснять. Когда мы доехали до реки Тоболу, тут в деревне остановились, стали дожидать, когда проедет Яковлев с Романовым. Когда Яковлев приехал в деревню, то нам Бусяцкий сказал, если вы ничего не можете сделать, то никто ничего не говорите.

Что сделаешь. Ну, если в Екатеринбурге пятая и шестая роты его не задержат, то, значит, Романов ушел. Я и тогда ему сказал, для нас хоть где, это не наше дело, они знают куда его девать»611.

Владея информацией о замысле Заславского, Яковлев решил сделать главное. А оно заключалось в том, чтобы его поддержал отряд охраны царской семьи. Вопрос этот был улажен им просто: Яковлев привез деньги и раздал их отряду, кроме того, он предложил демобилизоваться тем, кто хотел бы сделать это. Сохранился следующий протокол собрания, где решались данные вопросы.

Общее собрание особой охраны бывшего царя

22 апреля 1918 г.

Тобольск

На собрании присутствуют: чрезвычайный комиссар Яковлев и комиссар Заславский. Председательствует: т. Матвеев.

Т. Яковлев. – Товарищи, ваш делегат Лукин был в Москве и сделал доклад о материальном положении, после чего было постановление Совнаркома, о котором я потом буду говорить, а сейчас прошу заслушать мандаты [Секретарь зачитывает документы]. Как видите, тт., мне даны широкие полномочия,

поэтому все должны быть под моим ведением и без меня не должно делаться ничего. Материальный вопрос с суточными деньгами, я уже говорил с вашим комитетом, разрешится завтра или послезавтра, как канцелярия сготовит списки. Касаясь демобилизации отряда, т. Яковлев сказал: вы остались и служите как осколок старой армии. Я имею предложение: кто желает остаться служить – останется. Всякий, кто не желает, тот уйдет. Каждый в этом волен. Конечно, это надо проводить организованно, не сразу все бросить и уйти.

Недоразумение, возникшее в связи с нашествием отрядов и Комиссаров с требованиями, улажено, т. к. все отряды Тобольска подчиняются всецело лишь мне. Для того чтобы было для вас яснее, что эта путаница – плод недоразумения, я пригласил т. Заславского и членов Тобольского Исполкома»612.

Комиссару Яковлеву удалось быстро уладить конфликтную ситуацию между красногвардейскими отрядами и охраной царской семьи. Главный «возмутитель спокойствия» Заславский спешно покинул Тобольск, потерпев полное фиаско. Однако многие уральцы имели подозрение об «истинном задании» комиссара Яковлева, т. е. о доставке Николая II в Москву для последующего перевода царской семьи за границу. Это подозрение подкреплялось тем, что по конспиративным соображениям им не был известен конечный маршрут. Кроме того, всем еще был памятен и болезнен недавно подписанный Брест-Литовский мирный договор. Жизнь Николая II оказалась под угрозой самосуда.

Перед чрезвычайным комиссаром В.В. Яковлевым неожиданно встала еще одна задача: поскольку цесаревич Алексей Николаевич был очень болен, везти его было нельзя. Он срочно вызывает Москву и спрашивает ее:

«Народному комиссару Свердлову.

Москву.

…А, что, Свердлов у аппарата? Передайте от моего имени следующее. Мой сын опасно болен. Точка. Распутица мешает взять весь ваш багаж. Точка. Хочу взять одну главную часть багажа, а остальную с пароходом. Точка. Вы меня понимаете? Точка. Если понимаете, то отвечайте, правильно ли поступаю, если не дожидаясь хорошей дороги пущусь в путь только с одной частью вашего багажа. Точка. Дайте распоряжение Комиссару почт и телеграфов, чтобы мне разрешили говорить по аппарату, а то приходится брать революционным путем.

Пусть Невский даст телеграмму на ст. Тюмень, чтобы мой поезд [немедленно] не задерживали экстренным без стоянок и дали в состав вагон первого или второго класса.

Яковлев»613.

Но к телеграфу подходит Теодорович и по поручению Свердлова дает следующее указание:

«Секретарь Теодорович

по поручению Свердлова отвечаю:

Возможно, что придется везти только одну главную часть. Предвиделось вами и товарищем Свердловым еще и раньше. Он вполне одобряет ваше намерение. Вывозите главную часть. Комиссару почт и телеграфов т. Невскому дадим соответствующее распоряжение. Что вы еще скажете?»614.

Полковник Е.С. Кобылинский был свидетелем, когда комиссар Яковлев объявил о решении правительства вывезти царскую семью из Тобольска:

«В 2 часа мы вошли с Яковлевым в зал. Посредине зала рядом стояли Государь и Государыня. Остановившись на некотором отдалении и поклонившись им, Яковлев сказал: “Я должен сказать Вам (он говорил, собственно, по адресу одного Государя), что я чрезвычайный уполномоченный из Москвы от Центрального Исполнительного Комитета, и мои полномочия заключаются в том, что я должен увезти отсюда всю семью, но так как Алексей Николаевич болен, то я получил вторичный приказ выехать с одним Вами”. Государь ответил Яковлеву: “Я никуда не поеду”. Тогда Яковлев продолжал: “Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если Вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Будьте готовы.

Завтра в 4 часа мы выезжаем”»615.

После такого ультиматума в тяжелом душевном состоянии находилась царская семья. В этот же день Николай II записал в своем дневнике:

«**12 (25) апреля**. Четверг. После завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря, куда? Аликс решила ехать со мной и взять Марию, протестовать не стоило. Оставлять остальных

детей и Алексея больного да при нынешних обстоятельствах – было более чем тяжело! Сейчас же начали укладывать самое необходимое. Потом Яковлев сказал, что он вернется обратно за О[льгой], Т[атьяной], Ан[астасией] и А[лексеем] и что, вероятно, мы их увидим недели через три. Грустно провели вечер; ночью, конечно, никто не спал»616.

Еще в более тяжелом душевном состоянии находилась Александра Федоровна, которая разрывалась между опасно больным сыном Алексеем и смертельной угрозой, нависшей над ее супругом.

Александра Федоровна записала в своем дневнике:

«**Тобольск. 12 (25) апреля**. Четверг… После ленча пришел комиссар Яковлев и я хотела попросить об устройстве походной церкви на Страстную неделю. Вместо этого он объявил приказ своего правительства (большевики), что он должен забрать нас отсюда (куда?). Увидев Беби тяжело больным, выразил пожелание взять Н[иколая] одного (если не по собственной воле, придется применить силу). Я должна решить: остаться с больным Беби или сопровождать Н[иколая]. Решила сопровождать его, так как могу быть более полезной, и это при риске незнания, куда и для чего (мы воображаем [в] Москву). Ужасное страдание. Мария поедет с нами, Ольга будет присматривать за Беби, Татьяна с семьей и Анастасия будут прибирать в доме. Возьмем Валю [Долгорукова], Нюту [Демидову], Евг[ения] Сергеевича] Боткина, приказали ехать Чемод[урову] и Седневу. Взяли еду для Беби, сложили несколько вещей вместе, составили маленький багаж. После вечернего чая попрощались со всеми нашими слугами. Просидели всю ночь вместе с детьми. Беби спал и в 3 [часа] ночи пошла к нему перед отъездом. Отъехали в 4 1/2 утра. Ужасно оставлять дорогих детей. 3 наших винтовки поехали с нами (имеются в виду трое гвардейцев караула, на которых можно было положиться в преданности царской семье. – *В.Х.*)»617.

П. Жильяр в своем дневнике подробно дал описание последних часов пребывания царской семьи в Тобольске:

«Царская семья прошла к Алексею Николаевичу и до вечера не отходила от его кровати. Вечером в 10 1/2 часов мы поднимаемся пить чай. Императрица сидит на диване между двумя дочерьми. Они так много плакали, что их лица распухли от слез. Каждый из нас старается скрыть свое горе и силится казаться спокойным. Император и императрица спокойны и сосредоточены.

…Около 4 часов утра во двор въезжают экипажи. Это ужасные местные тарантасы – крестьянские повозки, состоящие из большой плетеной корзины на

двух длинных жердях, заменяющих рессоры. Только одна из повозок – крытая. Мы находим на дворе немного соломы и постилаем ее на дно повозок, чтобы устроить сиденье. Кладем тюфяк в экипаж, предназначенный для императрицы. В четыре часа мы поднимаемся к их величествам, которые в эту минуту выходят из комнаты Алексея Николаевича. Император, императрица и Мария Николаевна прощаются с нами. Императрица и великие княжны плачут, Государь кажется совершенно спокойным и для каждого из нас находит бодрящее слово. Он нас обнимает и целует, а императрица, прощаясь со мной, просит не спускаться с ними во двор, а остаться около Алексея Николаевича. Я иду к ребенку, который горько плачет в своей постели. Немного погодя мы слышим шум отъезжающих экипажей. Великие княжны проходят, рыдая, мимо комнаты брата»618.

Несмотря на секретность отправления царской семьи и столь ранний час несколько десятков тобольчан вышли проводить «царский поезд», но по чьей-то команде были рассеяны.

В официальном сообщении «Известий Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» говорилось: «В ночь с 25-го на 26-е из «Дома свободы» был увезен комиссаром тов. Яковлевым бывший царь Николай Романов, с ним пожелала ехать бывшая царица и дочь Мария, а также добровольно последовавшие за ними в ссылку граждане Татищев[13] и Долгоруков. Отъезд был обставлен хорошо, и все обошлось без лишнего шума. Комиссар тов. Яковлев имел самые широкие полномочия из Москвы от Совнаркома…».

Другое поручение комиссара В.В. Яковлева, которое он дал местным властям, обернулось большим скандалом. Дело в том, что Яковлев поручил местному Тобольскому исполкому в связи с происходящими событиями выяснить «причастность епископа Гермогена к политическому движению против Советской власти путем осмотра его бумаг и переписки». С этой целью представители Исполкома вместе с отрядом красногвардейцев явились в ночь с 26 на 27 апреля в Архиерейский дом и устроили обыск. Однако епископу Гермогену удалось скрыться. Все это вызвало массовый протест прихожан и местному Совдепу пришлось оправдываться перед населением. По этому случаю была выпущена листовка-воззвание «К гражданам г. Тобольска и Тобольской губернии»619 от 29 апреля 1918 г. за подписью председателя Исполкома Хохрякова и секретаря Дуцмана. Однако большевики этого дела не забыли. Некоторое время спустя все-таки Гермоген был арестован и доставлен под конвоем в Екатеринбург, а затем посажен в местную тюрьму. Как известно, его участь оказалась трагичной.

Путь на Тюмень

Отряд Яковлева, сопровождающий Николая II, Александру Федоровну, их дочь Марию и часть приближенных, 26 апреля рано утром покинул Тобольск. Опережая всех, шла впереди кавалерийская разведка. Комиссар Яковлев гнал колонну вперед безостановочно, не давая передышки. От Тобольска до Тюмени, где ожидал поезд, отряду предстояло пройти в весеннюю распутицу на лошадях около 300 километров. Путь был чрезвычайно сложен. Д.М. Чудинов (Касьян) позднее вспоминал об этом переходе:

«Не успели доехать до первой небольшой деревушки, как у моего тарантаса вдребезги разлетелись колеса. Пришлось отстать. Я свернул в деревушку, чтобы сменить тарантас, но его не оказалось. Поневоле пришлось удовлетвориться простой телегой, к счастью, на железном ходу.

Пока перепрягали лошадей, вокруг меня собралась вся деревня: и стар, и млад. Лавина вопросов: куда повезут Николая? Запомнился старик с длинной седой бородой.

– Паря, ты уж будь добр, скажи, Бога ради, куда это царябатюшку везут? В Москву, што ль?

– В Москву, дедушка, в Москву. Лошади готовы. Сажусь. Отъезжая, слышу слова старика:

– Ну слава-те, Господи, теперь будет порядок»620.

В один день отряд, конвоирующий Николая II, прошел около 130 верст и добрался до села Иевлево, где все остановились на ночлег.

Тяжело переносила дорогу Александра Федоровна, которая записала в дневнике: «13/26 апреля. Пятница. Мария и я в тарантасе. Н[иколай] с Ком[иссаром] Яковлевым. Холодно, пасмурно и ветрено, переехали Иртыш. После перемены лошадей в 8 и в 12 останавливались в деревне, и пили чай с нашей холодной провизией. Дорога совершенно отвратительная, сплошная замерзшая земля, грязь, снег; вода лошадям по брюхо, страшная тряска, боль все время. После 4 перемен [лошадей], пересадка, чека соскочила и мы должны были пересесть в другую повозку (корзину). Переменили лошадей в 5.00 и пересели в другую корзину. Другие меняли экипажи постоянно. В 8.00 достигли Ивлево, где мы переночевали в доме, где был сельский магазин раньше. Мы втроем спали в одной комнате, на наших кроватях, Мария на полу – на ее матрасе. Нюта в гостиной, где мы обедали нашей провизией и где стоял наш

багаж. Валя [Долгоруков] и Е.С. [Боткин] в одной комнате, наши мужчины – в другой – все на полу легли в 10.00, смертельная усталость, боль во всем теле. Никто не говорит нам, куда мы собираемся от Тюмени – некоторые воображают Москву. Маленький последует за нами, как только освободится река и Беби станет лучше. С каждым поворотом каждый экипаж теряет колесо или еще что-то разбивается. Душевная боль растет – написать письмо детям с первым встречным ямщиком»621.

Несколько слов короткой записки императрицы и Марии Николаевны были переданы с ямщиком в Тобольск. На этот счет П. Жильяр записал в дневнике 27 апреля 1918 г.: «Кучер, который вез Государыню до первой почтовой станции, привез записку от Марии Николаевны: дороги испорчены, условия путешествия ужасны. Как императрица будет в состоянии перенести дорогу? Какую жгучую тревогу испытываешь за них!»622.

С дороги из Ивлева Александра Федоровна по почте посылает еще письмо. На конверте адресат: Евгению Степановичу Кобылинскому – Дом Корнилова, улица Свободы. Тобольск. На обороте конверта пометка: «Для передачи О[льге] Н[иколаевне]». Штамп отправления в Ивлеве 27 апреля 1917 г. В Тобольске письмо проштамповано 29 апреля.

«Ивлево 14/27. 1918 г.

Дорогие, нежно любимые наши душки! Горячо ото всех благодарим за милые письма (Трина[14] тоже). Ужасно грустно без вас. Как маленький спал и себя чувствует? Дай Бог, скорее поправиться. Дорога была отвратительная, замерзшая грязь, большие глубокие лужи, ямы – просто невероятно; у всего этого по очереди слетали колеса и т. п. – приятно было в это время отдыхать от тряски. Каждые 4 ч. в селах перепряжки. В 12 ч. пили чай (с нашей закуской) в избе; вспоминали подробности поездки! Мы 3-е спали вместе на наших койках [с] 10–4 ч. Сама почти не спала, сердце и все болит – капли и все есть. Все идет хорошо. Настенька не перенесла бы [с] своим аппендицитом такую тряску. У Мишеля даже (начались колики…)[15] и туго поправляется. Здесь переправа (Тобол). Был чудный закат [солнца] и сегодня ясно светит. Мысленно горячо, горячо целуем и благословляем нежно любимых наших. Христос с Вами Всем сердечный от нас всех привет. Над[еемся] Вл[адимир] Николаевич] доволен здоровьем.

Мама, Папа, Мария.

Будем сегодня особенно по дороге вас вспоминать. Надеюсь, пох[одную] церковь устроите. Так скучаю. Надеюсь, успеем через нового ком[енданта]

посылать теперь письмецо. М[ария] и я ехали все время в кибитке, только в 6 ч. (?) сломалась ось и пересели в коробки. Ехали в том же порядке»623.

Волнения Александры Федоровны за благополучие детей имели основания. Камердинер А.А. Волков, оставшись в Тобольске, позднее вспоминал:

«Тотчас же по отъезде, на смену стрелкам и Кобылинскому, явилась большевистская охрана под предводительством комиссара Родионова и Хохрякова, людей грубых. Охрана состояла почти всецело из нерусских. Родионов целыми днями сидел в дежурной комнате, с ног до головы вооруженный. Никого из живущих в доме никуда не выпускали, введя совершенно тюремный режим»624.

В воскресенье 28 апреля. П. Жильяр записал в дневнике: «Полковник Кобылинский получил телеграмму с сообщением, что все благополучно приехали в Тюмень в субботу, в половине девятого вечера.

В большом зале поставили походную церковь; и священник будет иметь возможность служить обедню, так как есть антиминс.

Вечером пришла вторая телеграмма, отправленная после отъезда из Тюмени: “Едем в хороших условиях. Как здоровье маленького? Господь с вами!”»625.

Понедельник, 29 апреля. Дети получили из Тюмени письмо императрицы. Путешествие было тяжелое. На переправах через реки вода лошадям по грудь. Беспрестанно ломались колеса. А.Д. Авдеев позднее писал: «Александра всю дорогу была мрачна и ни с кем не разговаривала; в противоположность ей, Николай всю дорогу разговаривал с Яковлевым и окружающими его. Обратился и ко мне с вопросом, сколько лет я служу в кавалерии, я ему сказал, что не служил ни одного дня, после чего он посмотрел недоверчиво на меня, и я ему объяснил, что с детства научился ездить верхом в киргизских степях»626.

В дневнике Александра Федоровна писала: «**14/27 апреля**. Суббота. Лазарево Воскресение.

Встали в 4 [часа], пили чай, упаковывались, пересекли реку в 5 [часов] пешком по дощатому настилу, а затем – на пароме. Прошла вечность, прежде чем отъехали, 7 1/4 [часа]. (Ком[иссар] нервно суетится, бегает вокруг, телеграфирует). Прекрасная погода, дорога жуткая. Снова меняем лошадей, около 6 раз, наши кавалеристы – чаще, оба дня – одни и те же люди. Около 12 [часов] приехали в [село] Покровское, сменили лошадей. Долго стояли перед домом нашего Друга. Видели его семью и друзей, выглядывающих из окна. В

селе Борки пили чай и питались своими продуктами в хорошеньком крестьянском доме. Покидая деревню, вдруг увидели на улице Седова! Снова поменяли коляску. Снова всякого рода происшествия, но меньше, чем вчера. Остановились в деревенской школе, пили чай с нашими солдатами. Е.С. [Боткин] слег из-за ужасных колик в почках. Когда наступила темнота, колокольчики наших троек связали, прекрасный заход солнца и утро. Мчались с бешеной скоростью. При подходе к Тюмени эскадрон кавалеристов образовал вокруг нас цепь и сопровождал до станции, пересекли реку по передвижному мосту, 3 версты ехали по темному городу. В полночь сели в поезд. Написала 2[-е письмо] детям утром»627.

Естественно, в записи Александры Федоровны обращает на себя внимание знакомая фамилия штаб-ротмистра Николая Яковлевича Седова (эмиссара А. Вырубовой, связного между Петроградом и Тобольском). Достоверность этой встречи свидетельствовал и сам Седов: «В апреле сего года, на шестой неделе Великого поста, я отправился в Тобольск. На пути, в дер. Дубровно[16] (верстах в 50–60 от Тобольска) я встретил “поезд” с Государем и Государыней и в[еликой] к[няжной] Марией Николаевной.

Поезд состоял из трех троек с пулеметами и пулеметчиками, на следующей тройке ехал Государь с комиссаром Яковлевым, за ними следовала тройка с Государыней и в. к. Марией Николаевной, далее – тройка с Боткиным и князем Долгоруковым. В конце поезда были тройки со служителями и затем – с красноармейцами. Поезд я видел в самой деревне и имел возможность близко увидеть Государыню и Государя. Государыня узнала меня и осенила меня крестом»628.

Подтверждение этой неожиданной встречи имеется и в воспоминаниях корнета С.В. Маркова: «Седов, узнав о приезде нового отряда в Тобольск, решил проехать туда, что и исполнил, выехав из Тюмени 26-го числа. По дороге в одной деревне, приблизительно посредине пути, он, к ужасу своему, встретился с Их Величествами, перевозимыми в Тюмень. Он присутствовал при перекладке лошадей Их Величеств и находился недалеко от них, так что Государыня узнала его»629.

Между тем Яковлева, прежде всего, беспокоило поведение сопровождающих его уральцев. Фактически он с конвоем находился между двумя отрядами. Впереди шел отряд Заславского, позади в радиусе видимости отряд Бусяцкого. Назревавший конфликт чуть было не произошел в с. Ивлево, когда, как писал позднее П. Быков (член Екатеринбургского облисполкома), у уральцев, подозревавших «ненадежность»

В. Яковлева, созрела, как мы уже отмечали выше, мысль отбить у него Романовых. Но Яковлев четко сориентировался в сложной обстановке, арестовал помощника Бусяцкого (вскоре, правда, отпустив его) и одновременно произвел некоторую перестановку в отряде. Командиром сводного отряда был назначен верный ему П. Гузаков, который с отрядом присоединился к колонне, а Д. Чудинов стал его заместителем. Обе стороны не решились на открытое столкновение…

В 35 верстах от города колонну встретил председатель Тюменского губисполкома Н.М. Немцов, который проводил ее до городского вокзала.

Отряд подходил к Тюмени. Комиссар Яковлев нервничал (что заметила Александра Федоровна). Сохранился телеграфный запрос Яковлева к Свердлову, принятый 26 апреля в 20 ч. 50 мин. в Москве:

«Москва. Председателю Центр. Исп. ком. Из Тюмени.

Маршрут остается старый или ты его изменил. Сообщи немедленно [в] Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленный.

Чрезвычайный комиссар Яковлев»630.

На документе имеется пометка: «Передано по телефону. Фишер».

Из Москвы последовал незамедлительный ответ: «Маршрут старый, сообщи груз везешь или нет.

Свердлов»631.

Яковлев позднее так описал переговоры: «Мы вызвали Кремль. У аппарата был сам Свердлов. Я подробно изложил ему создавшуюся обстановку и попросил дальнейших указаний. Свердлов обещал немедленно вступить в переговоры с Уральским Советом. В ожидании дальнейших инструкций от Свердлова я вызвал Екатеринбург. Но так как Голощекин, Белобородов и Дидковский в этот момент были заняты переговорами с Москвой, мне пришлось только ограничиться детальным сообщением на имя Голощекина о том, что произошло, и, кроме того, я просил их во избежание бессмысленного кровопролития обуздать екатеринбургские отряды. На телеграфе я пробыл около пяти часов, пока определенно не сговорился со Свердловым, который дал мне инструкцию немедленно ехать в сторону Омска»632.

Все, что сказано Яковлевым в его воспоминаниях, подтверждается сохранившимися документами. Яковлев, вызвав Свердлова, дал ему полную

информацию о положении дел и имеющейся угрозе не довезти «багаж» до Екатеринбурга. Он телеграфировал:

«Только что привез часть багажа. Маршрут хочу изменить по следующим чрезвычайно важным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск до меня прибыли специальные люди для уничтожения багажа. Отряд особого назначения дал отпор – едва не дошло до кровопролития.

Когда я приехал, екатеринбуржцы же дали мне намек, что багаж довозить до места не надо. У меня они также встретили отпор. Я принял ряд мер, и они там вырвать его у меня не решились. Они просили меня, чтобы я не сидел рядом с багажом (Петров). Это было прямым предупреждением, что меня могут тоже уничтожить. Я, конечно, преследуя цель свою, чтобы доставить все в целости, сел рядом с багажом.

Зная, что все екатеринбургские отряды добиваются одной лишь цели – уничтожить багаж, я вызывал Гузакова с отрядом. Вся дорога от Тобольска до Тюмени охранялась моими отрядами. Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом. Они решили, если я им не выдам без боя багажа, то решили перебить и нас. Все это я, а также Гузаков и весь мой отряд знаем из показаний арестованного нами одного из отряда екатеринбуржцев. А также по тем действиям и фактам, с которыми мне пришлось столкнуться.

У Екатеринбурга, за исключением Голощекина, одно желание: покончить во что бы то ни стало с багажом. Четвертая, пятая и шестая роты красноармейцев готовят нам засаду. Если это расходится с центральным мнением, то безумие – везти багаж в Екатеринбург. Гузаков, а также и я предлагаем перевести все это в Симский Горный округ, где мы его сохраним как от правого крыла, так и от левого. Предлагаю свои услуги в качестве постоянного комиссара по охране багажа вплоть до ликвидации. Заявляю от моего имени, а также от имени Гузакова, что за Екатеринбург мы не ручаемся ни в коем случае. Отправить туда под охрану тех отрядов, которые добивались одной цели и не могли добиться, ибо я принял достаточно суровые меры, – это будет безумие. Я Вас предупредил, и теперь решайте: или я сейчас же везу багаж в Симский Горный округ, где в горах есть хорошие места и точно нарочно для этого устроенные, или я отправляюсь в Екатеринбург! И за последствия я не ручаюсь. Если багаж попадет в руки [екатеринбуржцев], то он будет уничтожен. Раз они шли на то, что если придется для этого погубить меня и мой отряд, то, конечно, результат будет один. Итак, отвечай: ехать мне в Екатеринбург или через Омск в Симский Горный округ. Жду ответа. Стою на станции с багажом. *Яковлев, Гузаков*»633.

Ответ Свердлова был следующим:

«У аппарата Свердлов у аппарата ли Яковлев? (интервал) Сообщи не слишком ли ты нервничаешь, быть может, опасения преувеличены и можно сохранить прежний маршрут жду ответа?? (интервал)

Да, да, читал (интервал маленький).

Считаешь ли возможным ехать в Омск и там ждать дальнейших указаний?? (интервал).

Поезжай в Омск по приезде телеграфируй, явись председателю совдепа Косареву Владимиру, вези все конспиративно, дальнейшие указания дам в Омск, двигай, ушел (интервал). Будет, сделаю, все распоряжения будут даны, ушел до свидания»634.

Как видим из переговоров, Яковлев получил указание Свердлова ехать в Омск, и, кроме того, сказал екатеринбуржцам все, что он о них думал. Думал он о них следующее:

Яковлев телеграфировал Голощекину: «Телегр. бл. № 39.

В ваших отрядах одно желание – уничтожить тот багаж, за которым я послан. Вдохновители: Заславский, Хохряков и Бусяцкий… Они принимали ряд мер, чтобы добиться в Тобольске, а также в дороге, но мои отряды довольно еще сильны и у них ничего не вышло. У меня есть один арестованный из отряда Бусяцкого, который во всем сознается.

Я, конечно, уверен, что отучу этих мальчишек от их пакостных намерений. Но у Вас в Екатеринбурге течение среди отрядов сильно, чтобы уничтожить багаж. Ручаетесь ли Вы охранять этот багаж. Помните, что Совет Комиссаров клялся меня сохранить. Отвечайте подробности лично. Я сижу на станции с главной частью багажа и как только получу ответ, то выезжаю. Готовьте место. *Яковлев. Гузаков*»635.

Далее Яковлев поступил так: «Вернувшись на вокзал, я вызвал к себе начальника станции и спросил его, свободны ли пути Омск – Екатеринбург и готов ли наш поезд к отправке. Начальник ответил утвердительно. Предупредив начальника о необходимости соблюдения самой строгой конспирации, я сообщил ему, что мы меняем направление, но должны скрыть от всех, что поедем в сторону Омска. Для этого надо первоначально пустить наш поезд с соблюдением всех правил в сторону Екатеринбурга. На второй станции от

Тюмени прицепить новый паровоз и затем без остановки с потушенными огнями быстро пропустить поезд через Тюмень в сторону Омска. Начальник станции выполнил распоряжение в точности. Велико было удивление всех наших пассажиров, когда на следующий день утром они узнали, что ехали в Екатеринбург, а оказались под Омском. Особенно растерянный вид имел Авдеев»636.

К вокзалу подали состав из шести пассажирских вагонов, обозначенный в расписании движения как «внеочередной поезд № 42 Самарско-Златоустовской железной дороги».

Александра Федоровна сделала запись в дневнике: «Написала 2-е письмо детям утром. В поезде едем на запад.

15/28 апреля. Воскресенье… 4 1/2 [часа]. Выехали из Тюмени. Почти не спали. Прекрасная солнечная погода. Н[иколай] и я – в одном купе, дверь в купе Марии и Нюты… Станция Називаевская – Мария и Нюта [Демидова] один или два раза выходили из вагона, чтобы немного размять ноги. Писала детям»637.

Дежурный по Уральскому Совдепу ждал телеграфного подтверждения выхода поезда № 42 из Тюмени в екатеринбургском направлении. Однако в 6 часов утра, как было условлено, сообщения так и не получили. По указанию А.Г. Белобородова в Тюмень пошел телеграфный запрос. Ответ задерживался. Только в 10 часов утра от своего конного отряда, который, отстав от колонны с Яковлевым, наконец, пришел в Тюмень, удалось установить, что поезд ушел в омском направлении. Член Уральского исполкома П.М. Быков позднее писал в своей книге: «Телеграмму об этом дал Брусяцкий, приехавший со своим отрядом в Тюмень уже после отъезда оттуда Яковлева.

Было созвано экстренное собрание Президиума Совета с участием представителей областных комитетов партии коммунистов и левых эсеров. Совещание решило объявить Яковлева изменником революции и дать о случившемся телеграмму…»638.

Из Екатеринбурга в Москву пошла тревожная депеша (принята 28 апреля в 18 ч. 50 мин.):

«Секретно.

Совнарком тов. Ленину и Свердлову.

Из Екатеринбурга.

Ваш комиссар Яковлев привез Романова в Тюмень, посадил его в поезд, направился в Екатеринбург. Отъехав один перегон, изменил направление. Поехал обратно. Теперь поезд с Николаем находится около Омска. С какой целью это сделано – нам неизвестно. Мы считаем такой поступок изменническим. Согласно Вашего письма [от] 9-го апреля Николай должен быть в Екатеринбурге. Что это значит? Согласно принятому Облсоветом и област[ным] Комитетом партии решению, сейчас отдано распоряжение задержать Яковлева и поезд во что бы то ни стало, арестовать и доставить вместе с Николаем в Екатеринбург. Ждем у аппарата ответа.

Белобородов. Сафаров»639.

Между тем поезд не дошел до Омска. Яковлев так описывает дальнейшее: «Остановились на последней станции, взяли под свой контроль телеграф и сообщили в Омск, что сейчас выезжаем. Гузакова я оставил во главе поезда, а сам в сопровождении Фадеева в одном вагоне поехал в Омск. Начиная с моста, вся железнодорожная линия была усеяна вооруженными людьми. На наш паровоз вскочили вооруженные люди.

– Вот так встреча! – проговорил Фадеев.

“Против кого это?” – подумал я, но загадка скоро разрешилась. Как только вагон остановился, мы вышли на перрон. Нас окружала густая масса, и первое время мы удивленно смотрели друг на друга.

– Я – чрезвычайный комиссар ВЦИКа Яковлев. Мне нужно видеться с председателем Омского Совета товарищем Косаревым, – обратился я к окружающим.

– Здесь он, здесь, – послышалось несколько голосов. Ктото направился в мою сторону. Толпа расступилась.

– Антон (партийная кличка Яковлева. – *В.Х.*), ты ли это? – вскрикнул от удивления подошедший Косарев.

– Здорово, Владимир! Так это ты председатель Омского Совета, – узнал я, наконец, своего старого товарища, с которым мы были вместе в партийной школе у Максима Горького на Капри.

– Скажи, дружище, чего это вы так ощетинились и даже пушки выкатили на платформу, – обратился я к нему за разъяснением.

– А это против тебя, контрреволюционер, – захохотал Косарев. И тут я впервые узнал от него, что Уральский Совет объявил меня за увоз Романовых изменником революции. Я был ошеломлен. Так вот почему такое зловещее молчание встречал я всюду в пути и так меня встретили в Омске!»640.

Стоит отметить, что комиссар Яковлев имел на руках письмо Свердлова к руководству Омска. Кроме того, после того как поезд с Николаем II пошел на восток, то Свердлов предупредил по телеграфу Косарева о содействии в выполнении задания по эвакуации царской семьи641.

За Яковлевым уральцами готовилась погоня. Одновременно в Москву, Омск и другие центры пошла тревожная телеграмма:

«Военная вне всякой очереди.

28 апреля [с] разъезда 18 Омской дорогой отправился экстренный поезд номер 42 под начальством комиссара Яковлева, конвоирующего бывшего царя Николая Романова. Комиссар Яковлев имел поручение Всероссийского Совнаркома доставить бывшего царя из Тобольска [в] Екатеринбург, сдать его [в] распоряжение областного Совета Р. К. С. депутатов Урала. Согласно письма председателя ЦИК Свердлова 9 апреля без прямого приказа Центра бывший царь не должен был никуда увозиться [в] другое место, мы таких указаний не получали. Увозя Романова [из] Тобольска, комиссар Яковлев посадил [в] Тюмени [в] поезд, направил [на] Екатеринбург, но [на] ближайшем разъезде изменил направление, направил поезд [в] противоположное направление [на] восток [к] Омску. Областной Совет рабочих, крестьян, солдат Урала, обсудив поведение комиссара Яковлева, единогласным решением видит [в] нем прямую измену революции, стремление [с] неизвестной целью вывезти бывшего царя [из] пределов революционного Урала, вопреки точному указанию председателя ЦИК, является актом, ставящим комиссара Яковлева вне рядов революционеров. Областной Совет Урала предлагает всем советским революционным организациям, [в] особенности Омскому Совдепу принять самые решительные экстренные меры, включительно применение вооруженной силы, для остановки поезда бывшего царя. Комиссар Яковлев имеет [в] своем распоряжении вооруженную силу до ста человек приблизительно. Комиссар Яковлев должен быть арестован вместе [с] теми лицами его отряда, которые будут сопротивляться, весь конвой должен быть заменен новым надежных вполне людей, арестованные вместе [с] Николаем Романовым должны быть доставлены [в] Екатеринбург, сданы облсовету. Предлагаем не обращать внимания [на] разные документы, которые будет предъявлять Яковлев, на них ссылаться, ибо все его предыдущие шаги бесспорно свидетельствуют [о]

преступном замысле, осуществляемом Яковлевым возможно по поручению других лиц. Областные комитеты партии коммунистов большевиков, левых эсеров и максималистов считают выполнение постановления облсовета обязательным для членов этих партий. [О] принятых мерах, [а] также последствиях, просим немедленно телеграфировать – Екатеринбург, облсовет.

Председатель Уральского областного Совета рабочих, крестьянских [и] солдатских депутатов Александр Белобородов»642.

В эти дни в Екатеринбурге проходила 4-я Уральская областная конференция РКП(б), на которой присутствовало 102 делегата от 57 местных парторганизаций. По утверждению П.М. Быкова: «Конференция одобрила действия партийного комитета и Областного Совета, и в частном совещании большинство делегатов с мест высказывалось за необходимость скорейшего расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и восстановлению в России монархии»643.

Возвращению поезда Яковлева в Екатеринбург предшествовали интенсивные переговоры между Москвой и Уралом, а чуть позднее между Москвой и Яковлевым644. Так, в биографической хронике В.И. Ленина за 28 апреля 1918 года указано: «Ленин ведет переговоры (18 час – 18 час. 50 мин.) по прямому проводу с Екатеринбургом… Ленин вместе с Я.М. Свердловым ведет переговоры (21 час. 30 мин. – 23 час. 50 мин.) по прямому проводу с Екатеринбургом»645.

В сохранившихся воспоминаниях А.Г. Белобородова все это выглядит следующим образом:

«Дело, кажется, было улажено тем, что решено было весь этот вопрос с путешествиями тогда передать на разрешение Я.М. Свердлову. Яковлев имел по этому поводу разговор с Кремлем из Омска. После него говорили с Кремлем мы. У аппарата были: я, Голощекин, Сафаров, Толмачев, Хотимский и Дидковский. Сначала с нами говорил один Я.М. Свердлов, потом подошел к аппарату и т. Ленин. Мы выразили возмущение поступком Яковлева, характеризуя его как авантюру и прямое нарушение известных нам распоряжений ЦК о переводе Николая в Екатеринбург. Я.М. [Свердлов] сказал, что по сообщению Яковлева мы намерены “ликвидировать” Николая, что ЦК этого допустить не может и что Николай может быть возвращен в Ек[атеринбу]рг только при условии гарантий с нашей стороны за его целость.

Мы такие гарантии дали и Я.М. [Свердлов] заявил, что Яковлев вернется в Екатеринбург. Дня через два Яковлев с поездом был в Екатеринбурге»646.

В.В. Яковлев в переговорах с Я.М. Свердловым пытался доказать свою правоту по изменению маршрута эвакуации Николая II. В его ответе из Омска указывались следующие доводы:

«Несомненно я подчиняюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж (т. е. Николая Романова. – *В.Х.*) туда, куда скажете. Но считаю своим долгом еще раз предупредить Совет Народ[ных] Комиссаров, что опасность вполне основательная, которую могут подтвердить как Тюмень, так и Омск. Еще одно соображение: если Вы отправите багаж в Симский округ (Уфимской губернии. – *В.Х.*), то Вы всегда и свободно можете его увезти в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту (в Екатеринбург. – *В.Х.*), то сомневаюсь, удастся ли Вам его оттуда вытащить. В этом ни я, ни Гузаков, ни екатеринбуржец Авдеев – никто из нас не сомневается; так же, как не сомневаемся в том, что багаж всегда в полной опасности. Итак, предупредивши Вас о последствии, снимаем с себя всякую моральную ответственность. Едем по первому маршруту. Сейчас же выезжаем. Напоминаю, что при переговорах по аппаратам все время недоразумения. Подбельский (нарком почт и телеграфов. – *В.Х.*) запретил для меня переговоры. Прошу, чтобы (нарком путей сообщений. – *В.Х.*) Невский строгой телеграммой дал наказ всем железнодорожным начальникам не давать по телеграфу никаких других сведений, кроме тех, чтобы наш поезд шел без остановки и останавливался только на маленьких станциях, значит, еще раз напомни Подбельскому и Невскому. Багаж сдам. Поеду за другой частью. Прощай. Сейчас трогаюсь, сдам этот багаж, потом поеду за другой частью. *Яковлев*. *Гузаков*»647.

Во избежание разрастания конфликтной ситуации, Свердлов направляет в Екатеринбургский облсовет и комитет партии Белобородову и Голощекину следующее предписание: «Все, что делается – Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте. Он действует согласно получен[ного] от меня сегодня в 4 часа утра указания. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов»648.

Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов потребовал от Екатеринбурга твердых гарантий относительно Романовых и Яковлева в их безопасности. После этого он сообщил на Урал текст своего распоряжения, данного Яковлеву: «Немедленно двигаться в Тюмень. С уральцами договорились принять меры, дали гарантии, передай груз в Тюмени представителю Областкома Уральского. Так необходимо. Поезжай сам вместе. Оказывай полное содействие представителю. Задача прежняя»649.

Представителем уральцев по встрече поезда с царем был не кто иной, как Заславский, который буквально сбежал из Тобольска перед самым выездом Яковлева, правда, предупредив его запиской. А имел он на этот раз полномочия, изложенные в следующей инструкции:

«Екатеринбург 29.IV.1918 г.

СЕКРЕТНО

Товарищу Семену Савельевичу

Заславскому

Инструкция по приему и конвоированию бывшего царя Николая Романова

1. Настоящая инструкция дается вам на основании переговоров по прямому проводу с Москвой с председателем Центрального Исполнительного Комитета тов. Свердловым.

2. В своей деятельности Вы руководствуетесь следующим, переданным по прямому проводу разговором:

– Свердлов [в Москве]: “Будете ли удовлетворены следующим приказом Яковлеву: Немедленно двигаться в Тюмень. С уральцами сговорились – приняли меры, дали гарантии. Передай весь груз в Тюмени представителю областкома Уральского, так необходимо, поезжай сам вместе, оказывай полное содействие представителю. Задача прежняя. Я полагаю, при этих условиях Вы можете взять на себя всю ответственность. Что скажете.

– Белобородов, Сафаров, Дидковский, Хотимский, Преображенский [Екатеринбург]: “согласны”.

3. На основании этого разговора Вы являетесь прямым представителем Уральского областного Совета.

4. В Вашем распоряжении находится отряд под командой товарища Броницкого.

5. В Вашу непосредственную задачу входит:

А/ проследовать с отрядом от Екатеринбурга до Тюмени, где Вас будет ожидать комиссар Яковлев, конвоирующий бывшего царя.

Б/ на станции Тюмень Вы предъявляете т. Яковлеву настоящую инструкцию и свой мандат, уславливаетесь с ним о времени сдачи Вам, как представителю ОБЛСОВЕТА, бывшего царя.

В/ принимаете от т. Яковлева б. царя при акте, который должен быть подписан Вами, Яковлевым и командированным вместе с Вами тов. Тиминым.

Г/ после принятия вводите в помещение занимаемые караулами людей из своего отряда или, если считаете это возможным, оставляете часть старых караулов.

Д/ после выполнения всех этих пунктов отдаете приказание немедленно следовать поезду на ст. «Екатеринбург», где и производится окончательная сдача б. царя ОБЛСОВЕТУ.

Е/ Вы должны доставить б. царя целым и невредимым в Екатеринбург в распоряжение ОБЛСОВЕТА.

6[17].

7. В случае нападения на поезд злоумышленников, обороной поезда будет руководить начальник отряда т. Броницкий, имеющий в своем распоряжении все средства обороны, которого Вы должны познакомить с настоящей инструкцией.

8. О Вашем прибытии в Тюмень, сдаче б. царя, отправке поезда в Екатеринбург уведомьте ОБЛСОВЕТ телеграфно.

9. Тов. Тимин, командируемый вместе с Вами, заменяет Вас в Ваше отсутствие»650.

Получив гарантии и указания Я.М. Свердлова, чрезвычайный комиссар В.В. Яковлев двинулся в сторону Екатеринбурга. В Тюмени присоединился к конвою отряд Бусяцкого, который погрузился в другой состав и двинулся вслед за поездом Яковлева.

Атмосферу в поезде передают дневниковые записи Романовых. Продолжаем читать запись Александры Федоровны, сделанную 29 апреля 1918 г.:

«**16/29 апреля**. Понедельник.

9 1/4 [часа] – разъезд 52. Прекрасная погода. Не доехали до Омска и повернули назад.

11 ч[асов]. Снова та же станция Називаевская. Остальным принесли еду, я пила кофе. 12 1/6 [часа]. Станция Масянская. Остальные выходили из вагона на прогулку. Вскоре после того они опять вышли погулять, так как загорелась ось одного из вагонов, и его пришлось отцепить. Седнев сегодня опять приготовил нам хороший ужин. Написала наше 5-е письмо детям. Н[иколай] читал мне Евангелие на сегодня. (Омский Совет не пропускал нас через Омск, так как боялись, что кто-то захочет увезти нас Японию.) Сердце сильно расширилось»651.

А в Екатеринбурге в это время спешно готовили для Романовых «дом особого назначения».

Глава VIII

Крым и Северный Кавказ

Оставим на время семью Николая II и перенесемся в Крым, где после крушения монархии наиболее деятельные представители Дома Романовых во главе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной оказались на положении ссыльных. 21 марта газеты поместили информацию: «Вдовствующая императрица Мария Федоровна обратилась во Временный Комитет Государственной думы с ходатайством о назначении ей комиссаров, которые проводили бы ее из Киева до станции Инкерман, на южном побережье Крыма».

Вместе с Романовыми на юге России оказалось семейство Юсуповых. Князь Феликс Юсупов позднее писал в воспоминаниях:

«Вдовствующая императрица с моим тестем и своей младшей дочерью, великой княгиней Ольгой Александровной и ее мужем, полковником Куликовским, тоже приехала в АйТодор.

После ареста императора императрица Мария, не желая совсем удаляться от сына, упорно отказывалась уезжать из Киева. По счастью, посланник правительства объявил находившимся в городе членам императорской семьи приказ покинуть Киев. Местный Совет согласился на эту меру, и отъезд был тотчас решен.

Было нелегко принудить к этому императрицу.

Жизнь в Крыму текла мирно до мая»652.

Известно, что великая княгиня Ксения Александровна 23 марта 1917 г. написала письмо Николаю II, которое, судя по его дневниковым записям, не дошло до адресата:

«Милый дорогой Ники, я все сидела тут в надежде, что меня пустят к вам и одно мое желание было вас увидеть. Теперь же выяснилось, что это неосуществимо и 25-го я уезжаю в Крым. Ты поймешь как мне это больно и горько, но что поделать, приходится покориться. Сердцем и душой была все время с вами во время болезни дорогих детей, мучаясь вдали, не имея извещений – страдая, как и сейчас страдаю, вашими страданиями – переживая все с вами. Я так была обрадована Мама и Твоей телеграммой из Ставки, не знаю получили ли вы мой ответ.

Сегодня Мама, Сандро и Ольга с мужем едут в Крым. – Они будут жить у нас. Бедной Мама будет ужасно тяжело туда возвращаться, но, по крайней мере, мы будем все вместе, а это существенное утешение в такое время! Надеюсь, что Мари совсем поправилась, слышала, что она была очень больна и ужасно беспокоилась за нее. Дай Бог им всем скорее окрепнуть и полного выздоровления и надеюсь, что болезнь не оставит никаких следов. Так много милого хочется сказать, чем полна душа, но, увы! Всего не напишешь!

Я так завидую Мама, что она Тебя видела. Она мне писала несколько раз и ужасно скорбит, что не имеет от вас известий, спрашивает как дети, мысленно и душой с Тобой и всех целует. – Миша был у меня несколько раз и это такая радость для меня, его видеть и говорить с ним о Тебе. Нам так тяжело, что мы не можем к вам приехать!

Митя и Соня Ден живут у меня. Он в таком отчаянии, что не был с Тобой в Ставке и не находится сейчас у вас.

Хочется верить, что все кончится хорошо для России и что войну сумеют довести до победоносного конца. Сердце обливается кровью за Тебя, за родину, за все, но велик Бог Земли Русской, и надо верить и молиться и положиться на милость Божью.

Дай Бог встретиться при лучших обстоятельствах, но где и когда, и как?!

Если бы мы только могли быть вместе!..

Нежно обнимаю и целую Тебя мой дорогой Ники, Аликс и детей. – Господь да хранит вас и да поможет нам всем.

Горячо всей душой Тебя любящая Ксения»653.

Таким образом, вдовствующая императрица Мария Федоровна и семья ее дочери великой княгини Ксении Александровны 25 марта 1917 г. оказались в Крыму на положении ссыльных. Их участь разделили семьи великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича.

На заседании Временного правительства 22 марта специально рассматривался вопрос: «О ходатайстве Датского посла разрешить пересылку по назначению задержанной переписки вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великой княгини Марии Павловны». Правительство тотчас же выносит обтекаемое постановление: «С разрешением вопроса о допущении пересылки по назначению задержанной переписки вдовствующей императрицы Марии Федоровны и вел. кн. Марии Павловны несколько повременить»654. Таким образом, осуществлялся на деле новыми «демократическими» правителями России режим изоляции от внешнего мира не только царской семьи, но представителей династии Романовых.

В связи с тем, что часть «императорского семейства» Романовых оказалась в Крыму, то на заседании Временного правительства 15 апреля 1917 г. рассматривается «Заявление Временного правительства Государственной думы об организации охраны Ай-Тодора и об оставлении в распоряжении вдовствующей императрицы Марии Федоровны автомобиля бывшего придворного ведомства, вместе с шофером и его помощником»655. Зять вдовствующей императрицы, великий князь Александр Михайлович, написал воспоминания об этом периоде ссылки: «Мы состояли под домашним арестом и могли свободно передвигаться лишь в пределах Ай-Тодорского имения, на полутора десятинах между горами и берегом моря.

Комиссар являлся представителем Временного правительства, матросы же действовали по уполномочию местного Совета. Обе эти революционные власти находились в постоянной вражде»656.

Уединение Романовых нарушалось лишь присутствием охраны, приставленной к ним Севастопольским Совдепом. Однако случались неожиданные и неприятные визиты. Так, весной 1917 года уполномоченные Совета провели в имении обыск и изъяли личную переписку Александра Михайловича, некоторые рукописи, а также датскую Библию, с которой Мария Федоровна не расставалась с момента приезда в Россию.

Сама вдовствующая императрица Мария Федоровна отразила эти события в дневниковых записях:

«**26 апреля.** Среда. Поскольку мне так и не вернули три моих дневника, я вынуждена продолжать мои записи в новой тетради с 26 апреля. В этот день в 5 1/2 часа утра, когда я еще крепко спала меня неожиданно разбудил стук в дверь. Дверь была не заперта, и я с ужасом в полумраке разглядела мужчину, который громким голосом объявил, что он послан от имени правительства для проведения в доме обыска на предмет выявления сокрытых документов, которые ему в случае их обнаружения приказано конфисковать. В первый момент я подумала, что это пришел Сандро, чтобы сообщить мне дурную весть, и очень испугалась. Но когда я услышала голос незнакомого человека, который назвался морским офицером и поставил караул у моей постели, я не могла поверить своим ушам. Потом, несмотря на мои настойчивые возражения, на которые никто не обратил ни малейшего внимания… Поскольку я была лишь в легком одеянии и с «прекрасной» ночной прической, мне ничего не оставалось, как спрятаться за ширму, в то время как эта дрянь начала срывать с постели все белье, простыни вместе с подушками и матрацем на пол, чтобы посмотреть, не спрятаны ли там какие документы. Лейтенант, правда, оказался все-таки достаточно любезен и принес мне стул, а сам занялся моим письменным столом и, выдвинув ящики, вытряс все в них находившееся в большой мешок, который держал перед ним матрос. Было невыносимо видеть, как он и еще двое рабочих роются в моих вещах. Все фото[графии], все бумажки, на которых было хоть что-то написано, эти негодяи забрали с собой. Я резко выразила им свое неудовольствие…

Они открыли все мои ящики, даже те, в которых хранились драгоценности. Все-все перерыв, он и двое мерзких рабочих, которые шныряли по моим шкафам, прощупывая каждую юбку, каждое платье, пытаясь найти что-то скрытое в них. Даже икону, подаренную мне моими родными 28 окт[ября], они взяли с собой, считая, что между окладом и образом могли быть спрятаны документы…

Проведя таким образом примерно два часа, лейтенант перешел в мою гостиную, где, усевшись за мой письменный стол, опустошил все его ящики, в которых я хранила связки писем, среди прочих от моего любимого Саши, моего ангелочка Джорджи и, кроме того, датское Евангелие, которое подарила мне мой ангел Мама! Я наблюдала за его действиями в зеркале и сказала, что это письма 1894 года и мое Евангелие, и попросила вынуть их из мешка, куда он швырнул все, но от ответил мне, что он ничего никуда не швырял, а положил в мешок и что они там и останутся. Таким образом, мои самые дорогие, самые святые реликвии исчезли. Поистине что-то невообразимое!»657.

Великий князь Александр Михайлович позднее вспоминал об изъятии реликвии революционерами: «Вдовствующая императрица умоляла не лишать ее этой драгоценности и предлагала взамен все свои драгоценности.

– Мы не воры, – гордо заявил предводитель шайки, совершенно разочарованный неудачей своей миссии, – это контрреволюционная книга, и такая почтенная женщина, как вы, не должны отравлять себя подобной чепухой.

Через десять лет, будучи уже в Копенгагене, моя старая теща получила пакет, в котором находилась ее Библия. Один датский дипломат, находясь в Москве, купил эту Библию у букиниста, который торговал редкими книгами. Императрица Мария Федоровна умерла с этой книгой в руках»658.

В периодической печати разной политической направленности временами появлялись сообщения из жизни многочисленных представителей династии Романовых. В апреле 1917 г. Временное правительство, учитывая революционную атмосферу в стране, вынесло специальное решение: «Просить министра юстиции обратиться от имени Временного правительства ко всем членам бывшей императорской фамилии с просьбой воздержаться, в собственных интересах, от какихлибо сообщений, предназначенных для помещения в повременных изданиях»659.

Тем временем к членам императорской фамилии Временное правительство продолжало применять репрессивные меры. Сохранился любопытный документ о судьбе имущества великого князя Андрея Владимировича и великой княгини Марии Павловны, которые находились под домашним арестом на Северном Кавказе в Кисловодске. Так, уполномоченные Министерства юстиции В. Афанасьев и В. Колонтаев сообщили министру юстиции 8 мая 1917 г. следующее:

«Собранными данными установлено, что капиталы и денежные документы находятся на текущем счету бывшего великого князя Андрея Владимировича в разных банках. В кассе находятся свыше 60 000 рублей. Бриллианты, золото, серебро опечатаны во дворце, мебель, библиотека, картины и прочее охранены военным караулом; ключи от помещения находятся у коменданта. Все эти меры приняты нами с Вашего согласия, с единственной целью оградить дворец, как собственность народа, а не как частное имущество бывшего великого князя.

Ныне предоставляется необходимым и спешным выяснить Ваш принципиальный взгляд по данному вопросу, так как охранять частное имущество бывшего великого князя, являющегося в глазах народа врагом в прошлом и возможным врагом в будущем, никто из ниже подписавшихся не

может взять на свою совесть, занимать же этим делом военный караул в такое время было бы с нашей стороны сознательным преступлением перед армией.

Те же меры приняты и относительно дворца Марии Павловны, и вопрос о дальнейшей судьбе его необходимо решить, как и о дворце бывшего великого князя Андрея Владимировича.

Докладываем Вам, г-н министр, об этом письменно, так как Вы не сочли возможным выслушать нас сегодня.

Петроград.

Мая 8-го дня 1917 года.

В. Колонтаев, В. Афанасьев»660.

Подобные проблемы обсуждались на заседаниях Временного правительства. Так, например, в журнале заседания правительства от 28 марта 1917 г. читаем: «Слушали: 4. б) О предоставлении великим князем Николаем Константиновичем Мраморного и Павловского дворцов в собственность государства. Постановили: Поручить министру юстиции разработать вопрос о возможности передачи Мраморного и Павловского дворцов в государственную собственность с точки зрения права»661.

Постепенно меры по изоляции ссыльных Романовых ужесточались на местах. 9 мая 1917 г. состоялось заседание специальной комиссии Севастопольского Совдепа по охране Романовых в Крыму. На нем выступил начальник охраны имения Ай-Тодор прапорщик Жоржалиани. В подготовленной комиссией инструкции намечалось:

«1) Прекратить всякие сношения с соседями, но если явится в этом необходимость, то пользоваться правом сношения с разрешения начальника охраны.

2) Въезд и выезд из имения в имение разрешается только в определенные ворота, кто же будет въезжать и выезжать в неуказанные ворота, будет арестован; то же распространяется и на входящих и выходящих.

3) Сношения с Ялтой и с другими селениями Южного берега Крыма производятся с разрешения начальника охраны и только в особо важных случаях.

4) Все лица, приезжающие из России в имения Ай-Тодор, Чаир и Дюльбер, могут быть допускаемы только с разрешения Севастопольского ЦИК С[овета] Д. А. Ф. и Р.

5) Организовать тайную охрану за лицами, проживающими в имениях Ай-Тодор, Чаир и Дюльбер, поручить членам ЦИК по их выбору из амнистированных по политическим делам г. Ялты, для чего командировать туда членов комиссии охраны крепости флота и города рабочего Акимова и Бабкова, им же и поручить организацию цензуры писем и телеграмм.

Председатель комиссии *Дворниченко,*

капитан 2-го ранга.

Секретарь комиссии *Дормидонтов*»662.

Следует отметить, что член Государственной думы В.М. Вершинин, после того как благополучно доставил Николая II с семьей в Тобольск, по постановлению Временного правительства от 3 сентября 1917 г., был направлен в качестве комиссара по охране проживающих в Крыму лиц бывшей императорской фамилии. По прибытии на место он 21 сентября телеграфирует А.Ф. Керенскому: «Здоровье Марии Федоровны значительно улучшилось, сегодня впервые покинула постель. Николай Николаевич просит засвидетельствовать корректное отношение охраны. Он просит оставить командиром охраны нынешнего прапорщика Жоркалиани (так в документе. – *В.Х.*). Ввиду полного доверия Севастопольского Исполнительного комитета охране, отличных отзывов охраняемых, я благодарил команду за службу. Предлагаю обратиться [к] командующему флотом [об] откомандировании охраны [в] мое распоряжение, ибо теперешнее положение команды совершенно неопределенное. Моя резиденция Кореиз [в] имении Ай-Тодор»663.

В сентябре 1917 г. в имении Ай-Тодор проживали: вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович, его супруга великая княгиня Ксения Александровна и их дети: Андрей, Никита, Ростислав, Федор, Дмитрий и Василий. Здесь же была младшая сестра Николая II – великая княгиня Ольга Александровна со своим вторым мужем, подполковником в отставке Куликовским, а также графиня Менгден, фрейлина Евреинова и генерал Фогель. Всего 13 человек. В соседнем имении Чаир находились: великий князь Николай Николаевич (дядя Николая II), его супруга великая княгиня Анастасия Николаевна, князь Сергей Георгиевич Романовский, граф Стефан Владиславович Тышкевич и его супруга Елена Георгиевна, князь Владимир Николаевич Орлов, доктор Малама и генерал Болдырев. В имении

Дюльбер обосновались: великий князь Петр Николаевич и его супруга великая княгиня Милица Николаевна, их дети Роман и Марина. Здесь же жили генерал Алексей Иванович Сталь с дочерьми Еленой и Марией. Все Романовы, за исключением Ольги Александровны и ее мужа Куликовского, находились на положении арестованных.

22 сентября 1917 г. комиссар В.М. Вершинин направляет А.Ф. Керенскому докладную записку, в которой сообщает:

«…Команда охраны состоит из 72-х чел. – большею частью матросы Черноморского флота и часть солдат из Ялтинской дружины, – под начальством прапорщика В.М. Жоржалиани, канцелярия которого находится в имении Чаир… Под наблюдением охраны состоят: Ай-Тодор, Чаир и Дюльбер, сообразно чему команда разделена на три группы, квартирующие в этих имениях, в особо отведенных помещениях. Караульные посты соединены между собой и с канцелярией начальника охраны полевыми телефонами. Канцелярия, она же и квартира, начальника охраны соединена телефоном со ст. Кореиз, благодаря чему представляется возможным иметь через Ялту телефонное сообщение с Севастополем…

В дни корниловщины Исполнительный] коми[тет] Севастопольского Совета Военн[ых] и Раб[очих] Депутатов решил было перевезти на миноносце из Кореиза в Севастополь всех членов б. императорской фамилии и там их изолировать, но так как начальник охраны пр[апорщик] Жоржалиани дал заверения, что в имениях будет все спокойно, то намеченная мера не была выполнена, а была лишь усилена изоляция охраняемых путем закрытия имений на три дня, а затем ограничением времени въезда и выезда из имений, разъединением телефонов. В настоящее время часть этих мер отменена, остальные постепенно отменяются.

Что касается цензирования корреспонденции охраняемых лиц, то на ст. Кореиз введена военная цензура, которая и присылает на просмотр начальника охраны корреспонденцию охраняемых.

При исполнении установленных правил охраны личный состав команды по отношению охраняемых неделикатности не проявлял… Так как охрана была учреждена такой сильной организацией, как Севастопольский Совет Воен. и Раб. Депутатов, организации иных ближайших мест к делу охраны никакого касательства не имели и на это не претендовали…

В продовольственном отношении охраняемые особенных лишений не претерпевают.

Относительно необходимых, по моему мнению, некоторых мер для урегулирования дела охраны сообщаю особым докладом.

Комиссар *В. Вершинин*»664.

Между тем дни Временного правительства были сочтены. Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Мы ожидали ежедневно падения Временного правительства и были в наших мыслях с нашими далекими родными. За исключением царя и его семьи, которых перевезли в Тобольск, вся остальная наша семья находилась в С.-Петербурге. Если бы мои братья Николай, Сергей и Георгий своевременно прибыли бы к нам в Ай-Тодор, они были бы живы до сегодняшнего дня.

Я не имел с октября 1917 года с севера никаких известий и о их трагической гибели узнал только в Париже в 1919 году.

Но наступил день, когда наш комиссар не явился. Это могло иметь только одно объяснение. Мы должны были готовиться к встрече с новыми правителями России»665.

Вскоре Романовы были переведены в соседнее имение – Дюльбер. Причиной этого послужили противоречия между Ялтинским и Севастопольским Совдепами. В своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович писал, что, когда он обратился к новому комиссару Задорожному с вопросом о причинах перевода, тот ответил: «Нет, дело обстоит гораздо хуже, чем вы думаете. Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский Совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский Совет попробует захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты. Дюльбер, с его стенами, легче защищать, чем Ай-Тодор. Здесь местность открыта со всех сторон»666. Поскольку ялтинцы настаивали на своем требовании, матросы под командованием Задорожного организовали оборону имения Дюльбер, консультируясь в вопросах фортификации со своим пленником – великим князем Александром Михайловичем, имевшим вице-адмиральский чин.

Странное сотрудничество Александра Михайловича с матросом Задорожным вызывало удивление великого князя Николая Николаевича. По этому поводу первый писал в своих воспоминаниях: «Великий князь Николай Николаевич не мог понять, почему я вступал с Задорожным в бесконечные разговоры.

– Ты, кажется, – говорил мне Николай Николаевич, – думаешь, что можешь переменить взгляды этого человека. Достаточно одного слова его начальства, чтобы он пристрелил тебя и нас всех с превеликим удовольствием.

Это я и сам прекрасно понимал… каждый вечер, перед тем, как идти ко сну, я полушутя задавал Задорожному один и тот же вопрос: «Ну что, пристрелите вы нас сегодня ночью?» Его обычное обещание не принимать никаких «решительных мер» до получения телеграммы с севера меня до известной степени успокаивало»667.

Опасения великих князей имели реальные предпосылки. Так, например, ВРК из Петрограда направил 21 ноября 1917 г. предписание в Севастополь, в котором указывалось:

«Военно-революционный комитет… предлагает вам оказать содействие тов. Ткачеву при аресте гражданина Николая Николаевича Романова, купца Рябушинского и других, проживающих в Крыму лиц, о коих Севастопольский ВРКомитет даст заключение, как о контрреволюционерах.

При этом Петроградский ВРКомитет выражает пожелание, чтобы дворцы и дачи богатой буржуазии в Крыму были использованы в интересах революционного народа, как-то: устройство лазаретов, санаторий и т. п.

Председатель *Уншлихт*.

Секретарь *Гусев*»668.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, несмотря на постоянно грозящие опасности, жила воспоминаниями о прошлом и заботами о благополучии своих детей. В ее письме, направленном в Тобольск в ноябре 1917 г., читаем: «Мой дорогой Ники, только что получила твое письмо от 9 ноября, исполнившее меня радостью. Не могу найти слов для выражения чувств и благодарю вас всех от души.

Ты знаешь, что в моих мыслях и молитвах ты всегда со мною, я день и ночь только и думаю, что о тебе, и по временам у меня так болит сердце, что становится невыносимо. Но Бог милостив, – Он даст нам силы для этого тягостного испытания. Хорошо уже то, что все вы здоровы и живете вместе и с удобствами.

Уже год прошел с того дня, когда ты с Алексеем приезжал повидать меня в Киев. Кто мог бы тогда предположить, что готовит нам судьба и что предстоит

нам пережить? Я живу только воспоминаниями о счастливом прошлом и стараюсь, насколько возможно, забыть теперешний кошмар.

Миша тоже писал мне о вашей последней встрече в присутствии свидетелей и… о вашем мрачном, отвратительном отъезде.

Я получила твое первое письмо от 2 октября и должна извиниться, что не ответила на него ранее, но Ксения объяснит тебе причину.

Мне очень грустно, что вам не разрешают гулять. Я знаю, как это необходимо для тебя и для дорогих детей…»669.

Вот еще одно из последних писем Марии Федоровны, направленное сыну в Тобольск: «Я совершенно оправилась от долгой и мучительной болезни и теперь, после двух месяцев, снова стала выходить. Погода стоит прекрасная, в особенности в эти последние дни. Живем мы очень скромно и никого не видим, тем более что нам не разрешают выходить за ворота, что очень неприятно.

Счастье мое, что я с Ксенией, Ольгой и внуками, которые обедают со мной каждый день по очереди. Мой новый внук, Тихон, источник радости для всех нас. Приятно смотреть, как счастлива Ольга, и как она довольна, что имеет ребенка, о котором уже давно мечтала.

Она и Ксения приходят навещать меня каждое утро, и мы пьем вместе какао, так как мы всегда голодные. Как трудно доставать провизию. Мне больше всего не хватает масла и белого хлеба, но иногда какая-нибудь добрая душа присылает их мне: папа Феликс присылает крабов и масло.

Я была очень рада, получив письма от Аликс и внучек, которые пишут так мило. Благодарю и целую их всех. Так грустно находиться в разлуке, не видеть друг друга и не иметь возможности перекинуться хоть несколькими словами.

Получила также письма от тети Аликс и Вольдемара (брата императрицы, принца Датского. – *В.Х.*), но письма так медленно приходят сюда, а я жажду новостей.

Вполне понимаю, какое для вас наслаждение перечитывать старые письма и дневники, хотя эти воспоминания о счастливом прошлом должны отзываться печально в сердце. У меня нет даже этого утешения, так как у меня все отобрали, когда весной был обыск в доме, – все ваши письма, все, которые я получала из Киева, письма детей, три дневника и т. д., и ничего до сих пор не

возвращено, что просто возмутительно… и на каком основании, осмелюсь спросить?

Все мои мысли с тобою, мой дорогой, ненаглядный Ники. Да благословит тебя Бог и да пошлет Он тебе силы и душевный мир и да не даст Он погибнуть России. Нежно целую тебя. Христос с тобою. Твоя глубоко любящая тебя старая мама»670

Бедственное положение Романовых в Крыму подтверждается и другими документами. 17 февраля 1918 г. на имя Председателя Совнаркома из Кореиза была послана следующая телеграмма:

«С 25 марта прошедшего года вдовствующая императрица Мария Федоровна проживает в имении Ай-Тодор вместе с дочерью своей Ксенией Александровной. Все эти 11 месяцев вдовствующая императрица проживала на свои средства, имевшиеся в наличных деньгах. Сравнительно незначительные ныне средства эти подходят к концу. Ввиду вызванной необходимости мы, состоящие при вдовствующей императрице, считаем нашим долгом довести об этом до сведения Совета Народных Комиссаров. На тот конец не признает [ли] Совет целесообразным обеспечить дальнейшее ее существование. Благоволите не отказать ответом по содержанию. *Шервашидзе. Долгоруков*»671.

Однако все осталось по-прежнему. В письме великой княгини Ольги Александровны от 23 февраля 1918 г., направленном в Тобольск племяннице Марии Николаевне, имеются такие строки: «Тихон (новорожденный сын Ольги Александровны. – *В.Х.*) совсем не гуляет. Очень редко, когда тихо, выносим и он сперва очень радуется и рассматривает все вокруг, но очень быстро его шляпа оказывается на одном боку или над самыми глазами и он делается сонным. Жаль, что нет колясочки; на руках таскать его по горам утомительно, да и ему не очень удобно. Давно обещали дать нам колясочку маленькой Ирины (у них две), но, вероятно, со всеми неприятностями и волнениями просто позабыли, а мне стыдно напомнить… Дождемся тепла и тогда спрошу опять. С трудом получаем свои деньги из банка. Дают не более трехсот в месяц – это при ужасной здешней дороговизне – не хватает. Итак, на этой неделе пришлось продать две пары сапог Ник. Ал. Смешно? Не правда ли? К счастью, добрая милая Наталия Ивановна Орж. прислала нам своего масла и окорока (нам и Бабушке) и мы блаженствуем… Посылка после 2-х месяцев приехала благополучно»672.

В середине апреля 1918 г. кайзеровские войска заняли Симферополь и продолжали оккупировать Крым. Ялтинский Совдеп намеревался казнить Романовых, чтобы те не оказались у немцев. Охрана Дюльбера готовилась

оказать сопротивление ялтинцам, спешно запросив помощь Севастополя. Однако столкновения не произошло, т. к. Ялту заняли немцы. Вскоре в Дюльбер явился немецкий офицер. По некоторым сведениям, вдовствующая императрица отказалась его принять, поскольку Россия и Германия «находились, в состоянии войны». Великий князь Александр Михайлович просил оставить прежнюю охрану. Итак, Романовы в Крыму оказались вне власти Советов, тем самым сохранив свою жизнь.

Вскоре, 9 мая 1918 г., газета «Новые Ведомости» сообщала своим читателям: «Из Киева сообщают, что туда прибыла бывшая императрица Мария Федоровна. Для нее отведены покои в помещении немецкой комендатуры в дворянском институте. Ее прибытие в Киев объясняется тем фактом, что гетман Скоропадский был в свое время при ней камер-пажем». В этом же номере имеется и такая информация: «Газете “Жизнь” из Киева сообщают, что в Ялте, Ливадии, Алупке и в др. пунктах, в которых проживают Романовы, австро-германцы установили вокруг дворцов собственную охрану во избежание каких-либо эксцессов».

Однако, несмотря на то, что Романовы оказались на свободе, они оставались какое-то время «политическими заложниками» в большой дипломатической игре. В частности, об этом можно судить по следующей публикации, помещенной «Новой Петроградской газетой» 25 мая 1918 г. В ней говорилось:

«Бывшая императрица Мария Федоровна, а с ней и ряд других членов семьи Романовых, возбудили ходатайство перед германскими властями о разрешении им выехать из пределов России. Германским правительством в выдаче общего разрешения на выезд Романовым отказано, но бывшей императрице Марии Федоровне предоставлено право проехать в Данию.

Когда об этом стало известно советской власти, то посол Совета Народных Комиссаров в Берлине Иоффе заявил германскому правительству, что разрешение выехать бывшей императрице Марии Федоровне в Данию для советской власти нежелательно. Иоффе указал, что Совет Народных Комиссаров вообще находит невозможным выезд Романовых в Западную Европу, ибо в этом случае члены династии Романовых получат возможность руководить контрреволюционными действиями своих приверженцев.

Германское правительство отнеслось к заявлению Иоффе весьма внимательно и отменило свое прежнее распоряжение о разрешении Марии Федоровне проехать в Данию».

Как говорят, комментарии излишни.

Романовы остались в Крыму. Вдовствующая императрица Мария Федоровна беспокоилась за участь своих сыновей. Газеты приносили тревожные сообщения. В своем дневнике она записала: «**16/29 июня [1918 г.].** Суббота. Были Ксения с Андр[еем], Фед[ором] и Ольга со своим беби, пробыли у меня довольно долго. Затем приехала м-м Гужон, много рассказывала о моем Мише, который, как она слышала, находится в Омске! Страшно, что я не имею никаких известий ни от него, ни от Ники. До завтрака погуляла немного в саду…»673. Через несколько дней, 28 июня / 11 июля еще тревожные строки: «Взят Екатеринбург, и Н[ики] будто бы находится теперь у союзников»674. В дневниковой записи от 2/15 июля имеются сведения: «К чаю была у Ксении, где встретила Веру Орбе[лиани]. Она только что видела немецкого оф[ицера], который получил телегр[амму] от Цецилии с обнадеживающими изв[естиями] от Ники – и это все!»675. Более подробная запись от 17/30 июля: «Ненадолго заезжала Ксения, привезла ко мне человека, прибывшего от Н[ики] и, стало быть, передавшего письмо от г-жи Толстой из Одессы. Он такой трогательный, рассказывал обо всем, возмущался, как с ними, бедняжками, обращаются. И никто не в силах помочь им или освободить – только Господь Бог! Дом с двух сторон окружен высокими стенами, из-за которых ничего не видно. У них почти совсем нет еды. Правда, им помогают монашки, приносят пять бутылок молока и другие продукты. Доктор Д[еревенко], б[едный] Долг[оруков] и Ил[ья Татищев], Настенька Г[ендрикова] и Ш[нейдер] в тюрьме, как и многие слуги. Величайшая подлость!… Боже, спаси моего бед[ного], несч[астного] Н[ики], помоги ему в его тяжких испытаниях!»676. В конце концов, до вдовствующей императрицы доходит страшная весть, о чем имеется запись в дневнике от 21 июля / 3 августа 1918 г.: «Распространяются страшные слухи о судьбе нашего любимого Ники. Не могу и не хочу верить им, но просто не представляю, как я смогу вынести такое напряжение! К чаю были Ксения с Ириной. В 4 часа пополудни встретилась с Орловым. На его взгляд, все это ложные известия распространяются специально. Дай-то Бог! Он остался пить с нами чай»677. Истерзанное сердце матери обращается к Богу, что видно из записи в дневнике от 29 июля / 11 августа: «Господи, внемли же моим молитвам за моего несчастного любимого Ники, за его семью и за Мишу, о котором я не знаю вообще ничего. Даже где он находится, неизвестно!»678. И на следующий день еще подобные строки: «Ксения приехала с Василием, рассказывала о другой статье в той же газете, где некий Д. описывает, как он с несколькими помощниками освободил моего Н[ики] и всю семью и препроводил их в безопасное место. Неужели это правда? Как мне хочется верить, что так оно и есть! Сегодня бед[няжке] маленькому Алексису исполняется 14 лет. Боже, спаси и сохрани его и даруй ему более светлые дни!»679. Мария Федоровна фиксирует 3/16 августа в дневнике еще одну весть: «По дороге домой

повстречала также кн[ягиню] Вяземскую, мы подвезли ее, она по пути рассказала о письме Эллы (имеется в виду великая княгиня Елизавета Федоровна. – *В.Х.*) некоей даме из Кореиза, в котором Элла сообщает, что живет теперь в Екатеринбурге одна, так как семья ее уехала, и что все находятся в безопасности. Так, значит, их и вправду освободили – счастье мое неописуемо! Хвала и благодарение Господу! Впрочем, больше еще ничего неизвестно»680. Вдовствующая императрица Мария Федоровна напряженно следила за новостями и 7/20 августа записала в дневнике: «Спала до 8 1/2 часа, снова сводило ноги. Ольга пила со мной кофе, затем приехала Ксения с Васей. Она читала мне напечатанные в газете дневники моего бедного Ники, которые эти негодяи украли у него, а теперь публикуют. Что ж, тем хуже для них, ведь записи свидетельствуют о том, как сильно крепок он духом, что произведет глубокое впечатление на людей и заставит их еще лучше понять, как гнусно с ним поступили и кого народ лишился»681. В дневнике периодически появляются тревожные записи, как например, от 17/30 августа: «К обеду был Долг[орков], он зачитал мне письмо от Бетси из Киева, где она среди прочего пишет, что в Анг[лии] объявили траур по моему Ники – страшно слышать такое! – но потом отменили. Так мучительно жить при отсутствии достоверных сведений»682. И далее в дневнике встречаются обнадеживающие слухи: «Долгоруков видел вчера Кривошеина, который, по его же словам, располагает достоверными сведениями, о том, что мой Миша находится под защитой у французов. Благодарение Господу!»;

«Слушать его [Келлера] было необычайно интересно. Он беседовал с одним офицером, который виделся с к[нязем] Д[олгоруковым], и тот сообщил ему, как вместе со своими людьми освободил Н[ики] и перевез всех их в безопасное место на борт корабля. Неужели это правда? Дай-то Бог!»683.

В Германии произошла революция, что заставило немцев эвакуироваться из Крыма. По распоряжению генерала Деникина был сформирован отряд полковника Федотьева, который взял под охрану членов Императорского Дома. Численность отряда доходила до 200 офицеров, «не считая юнкеров и солдат». Отряд исправно нес свои обязанности с 24 октября 1918 г. до момента отбытия Романовых на английском броненосце «Мальборо» 11 апреля 1919 г. за границу.

В Крыму проживал великий князь Николай Николаевич, бывший Верховный главнокомандующий действующей царской армией на фронтах Первой мировой войны. Многие монархисты желали видеть его во главе Белого движения против большевиков. По этому поводу генерал А.И. Деникин, командующий Добровольческой армией на юге России, отмечал:

«В конце 1918 и в начале 1919 года на роль диктатора и верховного главнокомандующего выдвигался, как известно, определенными кругами, преимущественно правыми, вел. кн. Николай Николаевич. Живя в Крыму, в Дюльбере, он оставался центром внимания этих кругов, из которых к нему обращались не раз, первоначально с просьбой о возглавлении армий украинской, южной и астраханской. Все эти предложения великий князь отвергал, справедливо видя в этом явную авантюру. Другие группы правых, в том числе «Государственное объединение», признавая в принципе верховное возглавление вел. князя желательным, считали вступление его тогда на политическую арену несвоевременным и в местном масштабе не соответствующим. Его авторитет приберегался ими до того момента, когда все четыре фронта – Колчака, Деникина, Юденича и Миллера – приблизятся к Москве… Оттого подчинение мое адм. Колчаку в конце мая 1919 г., укреплявшее позицию всероссийского масшаба, занятую Верховным правителем, встречено было правыми кругами несочувственно»684.

Жизнь представителей династии Романовых в Крыму и на юге России постоянно находилась под угрозой. 13 апреля 1919 г. вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной на английском броненосце «Мальборо» эмигрировали из России великие князья Николай Николаевич и его брат Петр Николаевич. По свидетельству князя Ф.Ф. Юсупова, даже на борту «Мальборо» великий князь Николай Николаевич хотел выглядеть безупречно: каждое утро в полной парадной форме он приходил к императрице и отдавал ей честь. «У Принцевых островов, – продолжал делиться воспоминаниями князь Юсупов, – нас обогнали другие корабли с крымскими беженцами, соотечественниками нашими и друзьями. Все они знали, что на «Мальборо» – вдовствующая императрица, и, проплывая мимо нас, встали на палубе на колени и спели “Боже, Царя Храни!”»685. С 1922 г. великий князь Николай Николаевич поселился на юге Франции, с 1923 г. – в Шуаньи (под Парижем). Проживал под фамилией Борисов. Местоблюститель престола. С декабря 1924 г. принял от генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля руководство жизнью всех русских военных зарубежных организаций, которые к этому времени оформились в «Русский общевоинский союз» (РОВС). Среди части белой эмиграции считался главным претендентом на Российский престол. Был признан «вождем эмиграции» на «Все зарубежном съезде» в 1926 г. Вел кампанию против притязаний на Российский престол великого князя Кирилла Владимировича, в чем его поддерживала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Возглавлял «непредрешенческие круги» русской эмиграции.

Следует отметить, что великая княгиня Ольга Александровна со своим мужем Куликовским из Крыма переехала на Кавказ, где оказалась в большой нужде. По

какому-то поводу Куликовские обратились к Деникину, но тот отказался принять их по политическим мотивам. После разгрома Деникина Куликовские бежали в Новороссийск, а в феврале 1919 г. на торговом судне покинули Россию и, в конце концов, добрались до Дании, где обосновалась вдовствующая императрица Мария Федоровна. С опасными приключениями эвакуировались с Кубани и Северного Кавказа другие члены императорской фамилии. Так, великие князья Борис и Андрей Владимировичи были выручены из Кисловодска полковником Шкуро. Некоторое время вместе со своей матерью, великой княгиней Марией Павловной, они жили в Анапе. После крушения «Белого движения» братья оказались во Франции (как, впрочем, многие Романовы), а великая княгиня Мария Павловна перебралась в Англию.

Барон П.Н. Врангель, в октябре 1919 г. бывший на Северном Кавказе, писал в своих воспоминаниях:

«В Кисловодске я нашел много старых знакомых. Здесь же проживала великая княгиня Мария Павловна с сыном, великим князем Андреем Владимировичем. Я завтракал у нее. Я нашел великую княгиню сильно постаревшей и осунувшейся. Она почти не вставала с кушетки. Она и великий князь горько жаловались мне на генерала Деникина, который отказывал великому князю в возможности служить в армии. Великому князю было чрезвычайно тягостно сидеть без дела, он считал, что его долг, как всякого честного русского человека, принять участие в борьбе за честь и свободу Родины и просил меня в этом помочь. Я посоветовал ему написать непосредственно Главнокомандующему.

Вечером он зашел ко мне показать составленное им письмо, которое и отправил в Екатеринодар с состоящим в его распоряжении полковником Кубе»686.

Очевидно, необходимо подчеркнуть еще одну характерную особенность, о которой говорил А.И. Деникин в «Очерках русской смуты»:

«Прочие лица императорской фамилии, находившиеся на юге, в политической жизни никакого участия не принимали. Великий князь Андрей Владимирович обращался ко мне в ноябре 1919 года, выражая желание “вступить в ряды войск, борющихся за освобождение России”. Я вынужден был ответить, что “политическая обстановка в данное время препятствует осуществлению его патриотического желания”. На службе состоял только герцог Лейхтенбергский (младший) в Черноморском флоте, в чине капитана 2 ранга…»687.

В России полыхало пламя гражданской войны, в которой каждый дрался за свои интересы, а не за интересы династии Романовых. Имена Романовых

использовались в этой борьбе как разменная монета в политических притязаниях на власть. Но разговор об этом будет еще впереди.

Глава IX

Судьба Михаила Романова

Волей случая Михаил Романов оказался последним императором на Российском престоле, если считать временем его «царствования» неполные сутки с 2 на 3 марта 1917 г. Его судьба овеяна таинственностью. Даже после «отречения» до решения Учредительного собрания он сохранял право на трон, что стоило ему жизни.

Испытание троном

Михаил Романов не участвовал в интригах и заговорах против Николая II. Наоборот, он всячески пытался помочь ему в январские и февральские дни 1917 г. В дневниках царя и царицы имеются пометки о шести его посещениях в течение этого периода Александровского дворца. Однако имя брата царя все чаще упоминается в комбинациях политического пасьянса различных партий и придворных группировок. В этой связи все чаще говорят о «политической роли» салона графини Н.С. Брасовой. Даже французский посол М. Палеолог с возмущением писал: «Говорят, что графиня Брасова старается выдвинуть своего супруга в новой роли. Снедаемая честолюбием, ловкая, совершенно беспринципная, она теперь ударилась в либерализм. Ее салон, хотя и замкнутый, часто раскрывает двери перед левыми депутатами. В придворных кругах ее уже обвиняют в измене царизму, а она очень рада этим слухам, создающим ей определенную репутацию и популярность. Она все больше эмансипируется; она говорит вещи, за которые другой отведал бы лет двадцать Сибири…»688.

Февральская революция застала Михаила Романова в Гатчине. Документы свидетельствуют, что он делал все возможное для того, чтобы спасти монархию, но отнюдь не для того, чтобы занять престол. 27 февраля его вызвал в Петроград Родзянко. По его просьбе Михаил Романов связался по прямому проводу с царем, находившимся в Ставке, просил его уступить Думе, создав правительство доверия. Ответив через начальника штаба генерала Алексеева и поблагодарив брата, Николай II отказался последовать совету. Безуспешно пытавшись уехать обратно в Гатчину (дороги были заблокированы), Михаил Романов поздно вечером направился в Зимний дворец. Но здесь он вновь оказался в самом центре событий, среди возбужденного, плохо управляемого

отряда последних вооруженных защитников самодержавия. Это был отряд, среди которого находилась группа генералов (Хабалов, военный министр Беляев и др.), перешедших из здания Адмиралтейства в Зимний дворец. Михаил Романов отказался возглавить этот отряд. В последующие пять дней он, тайно скрываясь, но поддерживая тесную связь с Родзянко, проживал на квартире князя П.П. Путятина на Миллионной, 12. По этому адресу Михаила Романова и нашел присяжный поверенный Н.Н. Иванов. Близкий по своим адвокатским делам к великому князю Павлу Александровичу, он, действуя под контролем Родзянко, был одним из авторов так называемого великокняжеского манифеста. Документ, текст которого был составлен в окружении Павла Александровича, являлся очередной попыткой спасти трон, уступив власть Думе. В этом манифесте, в частности, от имени царя предполагалось провозгласить: «Поручаем Председателю Государственной думы немедленно составить Временный комитет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи…»689. Когда 1 марта 1917 г. Н.Н. Иванов появился на Миллионной, 12, то «манифест» был уже подписан великими князьями Павлом Александровичем (дядя царя) и Кириллом Владимировичем (двоюродный брат царя). Оставалось поставить подпись Михаилу. По воспоминаниям Н.Н. Иванова, Михаил Александрович колебался, просил отсрочки для того, чтобы посоветоваться со своей супругой, но в конечном итоге поставил свою подпись.

Однако «манифест» запоздал, революционные события развивались настолько стремительно, что уже на следующий день, 2 марта 1917 г., Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу Алексея при регентстве Михаила. Именно с этой просьбой он обратился к Михаилу Александровичу, убеждал его «повлиять» на Николая II.

Слух о том, что Михаил добивается престола, переполошил остальных членов императорской фамилии. Упомянутый выше Павел Александрович немедленно обратился за разъяснениями к третьему участнику коллективно подписанного манифеста. В своем письме к Кириллу Владимировичу он писал, что ему «ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом»690, и что все это, вероятно, интриги Н.С. Брасовой. Супруга Павла Александровича княгиня Палей немедленно сообщила эту информацию царице Александре Федоровне. Короче говоря, далеко не все члены императорской фамилии поддержали эту идею. Надо полагать, что Михаил Романов, зная мнение своих родственников, нашел возможность успокоить их. Во всяком случае, Кирилл Владимирович, бывший в курсе событий и знавший, где

находится Михаил, в ответном письме Павлу Александровичу писал, что «Миша работает ясно и единомышленно с нашим семейством»691.

В конечном итоге создается впечатление, что Родзянко скорее ставил в известность Михаила Романова о варианте отречения Николая II, чем просил его согласия. Документально не подтверждено, что Михаил Александрович дал свое согласие на регентство, но именно с этим предложением и выехали в Псков к царю двое посланцев Думы – В.В. Шульгин и А.И. Гучков.

Разговор Николая II с представителями Думы описан Шульгиным в его широко известных мемуарах «Дни». Отречение Николая II за себя и несовершеннолетнего наследника Алексея в пользу брата Михаила явилось для них полной неожиданностью. Столь же неожиданным оно было и для великого князя.

Еще утром 2 марта 1917 г., выступая перед толпой в Екатерининском зале Таврического дворца, П.Н. Милюков, опережая события, поспешил объявить, что великий князь Михаил Александрович будет регентом и что решено установить в России конституционную монархию. Однако это заявление вызвало бурю негодования рабочих и солдат, собравшихся в Государственной думе. Милюков вынужден был сделать заявление, что он высказал только свое частное мнение.

Однако Николай II, как нами отмечалось, отрекся от престола не в пользу своего сына Алексея, а передал трон брату Михаилу. Позднее А.Ф. Керенский подробно описывал в воспоминаниях ход последующих событий, которые разоблачают двурушничество политиков от Временного правительства: «После объявления этой новости наступила мгновенная тишина, а затем Родзянко заявил, что вступление на престол великого князя Михаила невозможно. Никто из членов Временного комитета не возражал. Мнение собравшихся казалось единодушным.

Вначале Родзянко, а затем и многие другие изложили свои соображения касательно того, почему великий князь не может быть царем… Слушая эти малосущественные аргументы, я понял, что не в аргументах как таковых дело. А в том, что выступавшие интуитивно почувствовали, что на этой стадии революции неприемлем любой новый царь.

Неожиданно попросил слова молчавший до этого Милюков. С присущим ему упорством он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись не к тому, кому суждено быть новым царем, а к тому, что царь на Руси необходим. Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь

хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Милюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха.

Он настаивал на принятии без дальнейших проволочек необходимых мер для признания нового царя…

Время было на исходе, занималось утро, а решение так и не было найдено. Самым важным было не допустить – до принятия окончательного решения – опубликования акта отречения в пользу брата. По общему согласию заседание было временно отложено».

Не успели еще посланцы Думы – Гучков и Шульгин – доехать до Петрограда, как на Миллионной, 12, в пять часов утра зазвонил телефон, пробудивший Михаила Александровича от сна. У телефона был А.Ф. Керенский. Дальнейшие события дошли до нас в изложении великого князя Андрея Владимировича: «Керенский объявил ему об отречении и спросил, знает ли он что-либо по этому поводу. Миша ответил, что ничего не знает. Тогда Керенский спросил, может ли Миша принять его и других членов Думы и, получив согласие, обещал быть через час…»692.

Есть свидетельство известного уже нам Н.Н. Иванова, как развивались события, когда Михаил Романов мог самостоятельно принять решение. Как прошли те несколько часов, которые предоставила ему история… Н.Н. Иванов позднее писал: «Помню, как мы завтракали и обедали вместе с приехавшей из Гатчины супругой великого князя – графиней Брасовой (по дневниковым записям великого князя в эти дни сведения о Брасовой не подтверждаются. – *В.Х.*). Помню замешательство Михаила Александровича, узнавшего об отречении брата от престола. Помню его смущение, охватившее его, когда ему заявили, что престол перешел к нему. Теперь около него была графиня Брасова (предположительно это была графиня Л.Н. Воронцова-Дашкова, которая посещала в эти дни квартиру Путятиных. – *В.Х.*), с которой он мог совещаться, но из посторонних, неофициальных лиц, с которыми он мог бы свободно обменяться мнением, остался один я, и как бы уже по привычке и в новом своем положении великий князь подолгу говорил со мной и не знал, на что решиться.

Нежелание брать верховную власть, могу свидетельствовать, было основным его, так сказать, желанием. Он говорил, что никогда не хотел престола, и не готовился, и не готов к нему. Он примет власть царя, если все ему скажут, что отказом он берет на себя тяжелую ответственность, что иначе страна пойдет к гибели.

И помимо всего он не согласится сесть на штыки. Сейчас он видит в России только штыки…

Он переживал сильные колебания и волнение. Ходил из одной комнаты в другую. Убегал куда-то в глубь квартиры. Неожиданно возвращался. И опять говорил и ходил. Или просил говорить. Он осунулся за эти часы. Мысли его метались. Он спрашивал и забывал, что спросил.

– Боже мой, какая тяжесть – трон! Бедный брат! У них пойдет, пожалуй, лучше без меня… Как вам нравится князь Львов? Умница, не правда ли? А Керенский – у него характер. Что это он, всегда такой, или это революция его?.. Он, пожалуй, скрутит массу.

На несколько часов он замолчал. Можно было много раз подряд спрашивать – вопросы не доходили до него. И тогда к нему начало возвращаться внутреннее спокойствие. Он стал выглядеть как-то деловитее.

– Что вы решили? – спросил я его коротко до отречения.

– Ах! – провел он рукою по лбу с несвойственной ему открытостью. – Один я не решу. Я решу вместе с этими господами.

Он имел в виду представителей новой власти.

Очевидно, это и было успокоившее его решение»693.

Имеется еще одно малоизвестное свидетельство об этих событиях графини Л.Н. Воронцовой-Дашковой. Она вспоминала: «В мыслях всех был один вопрос – что делать Михаилу Александровичу? Отказаться от престола и тогда вся власть перейдет к Государственной думе, или взять на себя бремя власти?

– Ко мне приходили члены Думы, но у них нет единодушия, – обращаясь к нам, сказал великий князь тоном человека, чувствующего всю тяжесть ответственности… Михаил Александрович проговорил:

– Нет, я думаю, графиня, если я так поступлю, польется кровь и я ничего не удержу. Все говорят, если я не откажусь от трона, начнется резня и тогда все погибнет в анархии…

Я до сих пор уверена, что нерешительность Михаила Александровича выявилась только потому, что ни в ком из окружавших его он не видел железной решимости идти до конца.

Одни молчанием подтверждали правильность его отрицательного решения, другие открыто это поддерживали. Думаю, что момент физического страдания (обострение болезни язвы желудка. – *В.Х.*) играл тоже роль в принятии отрицательного решения. Боли по временам были настолько сильны, что Михаилу Александровичу было трудно говорить»694.

Великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г. сделал краткую запись в дневнике: «В 6 ч. утра мы были разбужены телеф[онным] звонком. Новый мин. юстиции Керенский мне передал, что Совет мин[истров] в полном его составе приедет ко мне через час. На самом деле они приехали только в 9 1/2 ч.»695. Далее в дневнике оставлено чистое место, возможно, для дальнейших записей, которые так и не были сделаны.

3 марта в 10 часов утра в квартире князя Путятина открылось совещание по обсуждению вопроса, объявлять ли возложение на себя Михаилом Романовым императорских обязанностей или не объявлять? Многие советовали Михаилу власть на себя не брать. Так, например, А.Ф. Керенский заявил: “Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол… Я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества”. Наоборот, в противовес большинству Милюков и Гучков убеждали, что Михаил Александрович не только может, но и обязан взять трон.

Буквально «с пеной у рта» уговаривая великого князя стать преемником старшего брата Николая II, призывая его пойти на риск, Милюков предлагал Михаилу Романову немедленно ехать в Москву и организовать там силы для поддержки монархии. Он рассчитывал на помощь Московского гарнизона. Впоследствии В.В. Шульгин вспоминал по этому поводу: «Совет принять престол означал в эту минуту – На коня! На площадь! Принять престол сейчас значило: во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами».

На отчаянный призыв Милюкова откликнулся Гучков. Он, понимая все сомнения великого князя, предложил компромиссный выход: пусть Михаил Александрович будет не царем, а лишь регентом и в этом качестве доведет страну до Учредительного собрания.

Однако Михаил Романов, послушно выполнявший все указания, которые он получал от думского центра, после совещания, трезво оценив ситуацию в стране, подписал акт своего отречения от престола.

Среди присутствовавших наступило гробовое молчание; даже те, которые наиболее энергично настаивали на отречении, как князь Г.Е. Львов и М.В.

Родзянко, казались пришибленными только что совершившимся и непоправимым. Лишь А.И. Гучков облегчил свою совесть последней репликой: “Господа, вы ведете Россию к гибели; я не последую за вами на этом гибельном пути”.

Реконструируя ход совещания, обратимся к дневнику французского посла Мориса Палеолога, который 4 марта 1917 г. сделал следующую подробную запись: «Суббота, 17 марта (дата по новому стилю. – *В.Х.*). Погода сегодня утром мрачная. Под большими темными и тяжелыми облаками падает снег такими частыми хлопьями и так медленно, что я не различаю больше парапета, окаймляющего в двадцати шагах от моих окон обледенелое русло Невы: можно подумать, что сейчас худшие дни зимы. Унылость пейзажа и враждебность природы хорошо гармонируют с зловещей картиной событий.

Вот, по словам одного из присутствовавших, подробности совещания, в результате которого великий князь Михаил Александрович подписал вчера свое временное отречение.

Собрались в десять часов утра в доме князя Павла Путятина, № 12, по Миллионной.

Кроме великого князя и его секретаря Матвеева, присутствовали: князь Львов, Родзянко, Милюков, Некрасов, Керенский, Набоков, Шингарев и барон Нольде; к ним присоединились около половины десятого Гучков и Шульгин, прямо прибывшие из Пскова.

Лишь только открылось совещание, Гучков и Милюков смело заявили, что Михаил Александрович не имеет права уклоняться от ответственности верховной власти.

Родзянко, Некрасов и Керенский заявили, напротив, что объявление нового царя разнуздает революционные страсти и повергнет Россию в страшный кризис; они приходили к выводу, что вопрос о монархии должен быть оставлен открытым до созыва Учредительного собрания, которое самостоятельно решит его. Тезис этот защищался с такой силой и упорством, в особенности Керенским, что все присутствовавшие, кроме Гучкова и Милюкова, приняли его. С полным самоотвержением великий князь сам согласился с ним.

Гучков сделал тогда последнее усилие. Обращаясь лично к великому князю, взывая к его патриотизму и мужеству, он стал ему доказывать необходимость немедленно явить русскому народу живой образ народного вождя:

– Если вы боитесь, Ваше Высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве "Регента империи на время, пока не занят трон", или, что было бы еще более прекрасным, титулом в качестве "Прожектора народа", как назывался Кромвель. В то же время вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война.

Эта прекрасная мысль, которая могла еще все спасти, вызвала у Керенского припадок бешенства, град ругательств и угроз, которые привели в ужас всех присутствовавших.

Среди этого всеобщего смятения великий князь встал и объявил, что ему нужно несколько мгновений подумать одному, и направился в соседнюю комнату. Но Керенский одним прыжком бросился к нему, как бы для того, чтобы перерезать ему дорогу:

–

Обещайте мне, Ваше Высочество, не советоваться с вашей супругой. Он тотчас подумал о честолюбивой графине Брасовой, имеющей безграничное влияние на мужа. Великий князь ответил, улыбаясь:

– Успокойтесь, Александр Федорович, моей супруги сейчас нет здесь; она осталась в Гатчине.

Через пять минут великий князь вернулся в салон. Очень спокойным голосом он объявил:

– Я решился отречься. Керенский, торжествуя, закричал:

– Ваше Высочество, вы – благороднейший из людей!

Среди остальных присутствовавших, напротив, наступило мрачное молчание; даже те, которые наиболее энергично настаивали на отречении, как князь Львов и Родзянко, казались удрученными только что совершившимся, непоправимым. Гучков облегчил свою совесть последним протестом:

– Господа, вы ведете Россию к гибели, я не последую за вами на этом гибельном пути.

После этого Некрасов, Набоков и барон Нольде отредактировали акт временного и условного отречения, Михаил Александрович несколько раз вмешивался в их работу и каждый раз для того, чтобы лучше подчеркнуть, что

его отказ от императорской короны находится в зависимости от позднейшего решения русского народа, предоставленного Учредительным собранием.

Наконец, он взял перо и подписал. В продолжение всех этих долгих и тяжелых споров великий князь ни на мгновенье не терял своего спокойствия и своего достоинства. До тех пор его соотечественники невысоко его ценили; его считали человеком слабого характера и ограниченного ума. В этот исторический момент он был трогателен по патриотизму, благородству и самоотвержению. Когда последние формальности были выполнены, делегаты исполнительного комитета не могли удержаться, чтобы не засвидетельствовать ему, какое он оставлял в них симпатичное и почтительное воспоминание. Керенский пожелал выразить общее чувство лапидарной фразой, сорвавшейся с его губ в театральном порыве:

– Ваше Высочество! Вы великодушно доверили нам священный сосуд вашей власти. Я клянусь вам, что мы передадим его Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли»696.

В воспоминаниях барона Б.Э. Нольде, профессионального знатока юриспруденции, подробно освещается «вся кухня» подготовки акта отречения Михаила Романова от трона:

«3 марта после завтрака я сидел в своем служебном кабинете на Дворцовой площади. Позвонил телефон, и я услышал, как всегда, ровный и неторопливый голос Набокова, сказавшего: “Бросьте все, возьмите первый том свода законов и сейчас же приходите на Миллионную, такой-то номер, в квартиру князя Путятина”. Через десять минут меня вводили в комнату с детским учебным столиком дочки хозяев, в которой оказался Набоков и В.В. Шульгин. Наскоро Шульгин рассказал свою поездку в Псков, подписание акта отречения от престола императора Николая и решительный отказ утром того же дня великого князя принять престол. Набоков добавил, что надо составить об этом манифест для великого князя и что набросок имеется, составленный Некрасовым. Набросок был чрезвычайно несовершенен и явным образом не годился. Мы тотчас же стали его писать заново. Первый составленный нами проект – мы втроем взвешивали каждое слово – так же, как и Некрасовский набросок, – был изложен как манифест и начинался словами: Мы Божьей милостью Михаил I (правильно, Михаил II. – *В.Х.*), император и самодержец Всероссийский… В проекте Некрасова было сказано только, что великий князь отказывается принять престол и передает решение о форме правления Учредительному собранию. Что будет происходить до того, как Учредительное собрание будет созвано, кто напишет закон о выборах, и т. д., обо всем этом он не подумал.

Набокову было совершенно ясно, что при таких условиях единственная имевшаяся на лицо власть – Временное правительство – повиснет в воздухе. По общему соглашению мы внесли в наш проект слова о полноте власти Временного правительства. Набоков своим превосходным почерком, сидя за маленьким учебным столом, переписал проект и отнес его в соседнюю комнату великому князю. Через некоторый промежуток времени великий князь пришел к нам, чтобы сказать свои замечания и возражения. Он не хотел, чтобы акт говорил о нем, как о вступившем на престол монархе, и просил, чтобы мы вставили фразу о том, что он призывает благословение Божие и просит – в нашем проекте было написано «повелеваем» – русских граждан повиноваться власти Временного правительства. Поправки были внесены, акт еще раз переписан Набоковым и одобрен – кажется, с новыми маленькими поправками – великим князем. К этому времени подъехали князь Г.Е. Львов, Родзянко и Керенский.

Великий князь сел за тот же маленький стол, подписал манифест, встал и обнял князя Львова, пожелав ему всякого счастья. Великий князь держал себя с безукоризненным тактом и благородством, и все были овеяны сознанием огромной важности происходившего. Керенский встал и сказал, обращаясь к великому князю: “Верьте, Ваше Императорское Высочество, что мы донесем драгоценный сосуд Вашей власти до Учредительного собрания, не расплескав из него ни одной капли”»697.

Акт 3 марта, в сущности говоря, был единственной конституцией периода существования Временного правительства. С ней можно было прожить до Учредительного собрания – конечно, реально осуществляя формулу «полноты власти…».

Все эти события были последствиями главного акта драмы политического спектакля, обернувшегося трагедией для будущего России.

В тот же день, 3 марта, в экстренном прибавлении к № 4 «Известий Петроградского Совета» большими буквами было напечатано:

«**Отречение от престола**.

Депутат Караулов явился в Думу и сообщил, что государь Николай II отрекся от престола в пользу Михаила Александровича. Михаил Александрович в свою очередь отрекся от престола в пользу народа. В Думе происходят грандиознейшие митинги и овации. Восторг не поддается описанию».

Известие об отречении Николая II в пользу Михаила и об отказе последнего принять корону было восторженно встречено повсеместно в России. В числе многих поздравлений на имя Михаила Романова была послана телеграмма за подписью одного из лидеров большевиков Л.Б. Каменева с приветствием «за его великодушие и гражданственность».

Объясняя впоследствии, почему думцы высказались против воцарения Михаила Романова, председатель Государственной думы М.В. Родзянко писал, что этого не допустили бы рабочие и вся революционная демократия Петрограда: «Для нас было совершенно ясно, что великий князь процарствовал бы всего несколько часов и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое положило бы начало общегосударственной войне. Для нас было ясно, что великий князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Михаил Александрович поставил мне вопрос ребром, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно… Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни единого поезда из него»698.

При печатании актов об отречении двух «венценосных братьев» возникли споры о том, как их озаглавить. Вечером 3 марта состоялось заседание Временного правительства. Одним из обсуждаемых вопросов было опубликование актов об отречении императора Николая II и великого князя Михаила Александровича. Об этом заседании имеются сведения в воспоминаниях Ю.В. Ломоносова: «Около половины одиннадцатого появился князь Львов, испуганный, растерянный. Привез отречение Михаила. Подождали еще немного Керенского и затем уселись. Чтобы отпустить нас с Сидельниковым, начали с вопроса об опубликовании актов.

– Как назвать эти документы?

– По существу это суть, манифесты двух императоров, – заявил Милюков.

– Но Николай, – возразил Набоков, – придал своему отречению иную форму – форму телеграммы на имя начальника штаба. Мы не можем менять эту форму…

– Пожалуй. Но решающее значение имеет отречение Михаила Александровича. Оно написано вашей рукой, Владимир Дмитриевич, и мы можем его вставить в любую рамку. Пишите: “Мы, милостью Божией, Михаил II, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая… объявляем всем верным подданным нашим: тяжкое

бремя…”… – Позвольте, позвольте… да ведь он не царствовал. Начался горячий спор.

– С момента отречения Николая Михаил являлся действительно законным императором… Михаилом II, – докторально поучал Набоков. – Он почти сутки был императором… Он только отказался восприять верховную власть.

– Раз не было власти, не было царствования.

– Жестоко ошибаетесь. А малолетние и слабоумные монархи?

Спор ушел в дебри государственного права. Милюков и Набоков с пеной у рта доказывали, что отречение Михаила только тогда имеет юридический смысл, если признать, что он был императором…

Полночь застала нас за этим спором. Наконец около 2 часов ночи соглашение было достигнуто. Набоков написал на двух кусочках бумаги названия актов»699.

По мнению ряда современников этих событий, считается, что «Акт» уничтожил «парламентский строй»700, введенный «Манифестом отречения от престола императора Николая II», и создал полновластное Временное правительство. Однако, по нашему мнению, в этом «Акте» Михаил Романов не принял «верховную власть» и поэтому ничего уничтожить или создать не мог. Этот документ лишь консервировал на некоторое время политическую ситуацию, порожденную Манифестом Николая II, который гарантировал России «парламентский строй».

Как были встречены столь стремительно развивавшиеся события на передовой? Флигель-адъютант царя С.С. Фабрицкий, командовавший одним из соединений на Румынском фронте, писал: «Не было буквально никаких признаков надвигавшейся революции, о которой никто и не думал, когда неожиданно ураганом влетел ко мне в кабинет бледный начальник штаба и подал зловещие телеграммы от командующего флотом с известием об отречении Государя и передаче престола великому князю Михаилу Александровичу. Телеграмма была составлена в туманных выражениях, из нее можно было ясно понять лишь факт отречения и вступления на престол нового императора. Поэтому немедленно войска участка были приведены к присяге на верность Государю императору Михаилу Александровичу. Всюду царил полный порядок, но чувствовалась какая-то общая подавленность, как будто перед грозой.

Получился по телеграфу текст отречения и последний Высочайший приказ по армии, где Государь приказывал подчиниться новой власти. А какой – не было понятно. Пришло, наконец, отречение великого князя Михаила Александровича и спуталось все. Абсолютно невозможно было понять, кому перешла вся полнота верховной власти, и стало ясно, что наступила гибель…»701.

Любопытно отметить, что акт об отречении великого князя Михаила Александровича от «восприятия верховной власти» был опубликован 5 марта 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» одновременно с актом об отречении Николая II. В этом историческом документе говорилось:

«Тяжелое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и обреченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

3/III – 1917 г. Михаил.

Петроград»702.

Фактически принимая историческое решение, Михаил Александрович не знал, мог ли он опереться на поддержку армии и народа или встретит в лице их явную оппозицию. Решение о выборе форм правления страной формально откладывалось до Учредительного собрания. По сути дела, в эти дни выбор был уже предрешен в пользу республики. Однако своим отречением Михаил Романов считал, что выполнил долг так, как он его понимал.

По-другому отреагировал на отречение Михаила его брат Николай II. В своем дневнике он записал: «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается

четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость…»703.

Члены императорской фамилии по-разному отнеслись к этим драматическим для них событиям, но, несомненно, многие были шокированы неожиданным поворотом дела. Великий князь Александр Михайлович позднее писал в своих воспоминаниях о свидании с Николаем II в Ставке после его отречения:

«По приезде в Могилев поезд наш поставили на «императорском пути»… Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без императора.

– Миша не должен был этого делать, – наставительно закончил он. – Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет.

Это замечание, исходившее от человека, который только что отдал шестую часть Вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих, лишило меня дара речи. После неловкой паузы он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были: 1) желание избежать в России гражданского междоусобия; 2) желание удержать армию в стороне от политики для того, чтобы она могла продолжать делать общее с союзниками дело, и 3) вера в то, что Временное правительство будет править Россией более успешно, чем он.

Ни один из этих доводов не казался мне убедительным…»704.

Уже на второй день после отречения царя Петроградский Исполком, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, постановил арестовать царскую семью. В этом же постановлении специально подчеркивалось: «По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии»705.

Однако относительная свобода Романовых вызывала чувство протеста в народных массах. В Петросовет продолжали поступать многочисленные резолюции и телеграммы с требованием принятия жестких мер к членам императорской фамилии. Так, например, в одном из документов указывалось: «Не желая, чтобы многочисленные жертвы в борьбе за свободу [пали] даром и сознавая, что только демократическая республика отвечает ближайшим задачам пролетариата ввиду тяжести ответственного момента, настойчиво призываем

немедленно лишить свободы всю династию Романовых, дабы в корне пресечь возможность восстановления монархии. Призываем с изменниками поступать как с военными шпионами.

Совет рабочих депутатов Константиновских заводов»706.

Следует отметить, что если Петросовет опасался угрозы восстановления прежних порядков, то представители Дома Романовых выражали беспокойство за безопасность своих близких. 5 марта 1917 г. на заседании Временного правительства рассматривается письмо великого князя Михаила Александровича о принятии мер к охране членов императорской фамилии. В вынесенном по этому вопросу решении правительства, в частности, предписывалось: «Поручить Военному министру установить, по соглашению с министром внутренних дел, охрану лиц императорского дома…»707.

Тревога была не напрасной. 10 марта 1917 г. «Маленькая газета» г. Петрограда опубликовала заметку «Покушение на в[еликого] к[нязя] Михаила».

В это неопределенное время некоторые представители императорской фамилии склонны были выехать на некоторый период за пределы России. Однако Временное правительство и Петроградский Совет не желали выпустить великих князей за границу, опасаясь организации контрреволюционного движения. В двойственном положении оказались иностранные миссии при обращении в них представителей императорской фамилии. Так, 4 (17) апреля 1917 г. английский посол в Петрограде Бьюкенен направил в Лондон следующий запрос: «Великий князь Михаил прислал мне письмо и сообщает, что сумма денег, которую он хочет перевести в Англию, достигает 100 000 руб. Я ничего ему не ответил и был бы рад, если бы Вы ответили на вышеупомянутую мою телеграмму до предположенной поездки великого князя… в Англию»708. Вчерашние союзники и правители страны, таким образом, оказались заложниками революции.

С весны 1917 г. великий князь Михаил Александрович продолжал жить сравнительно неприметно в Гатчине, не принимая участия в политической жизни страны. Накануне отъезда Николая II и его семьи в Тобольск, получив на то разрешение от А.Ф. Керенского, Михаил Александрович простился с братом. Мы не знаем, о чем говорили они в последнюю встречу. Е.А. Нарышкина, фрейлина царицы, записала в дневнике: «Приехал Михаил, Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: “Разговаривайте!”»709.

А.Ф. Керенский в одном из своих исторических трудов следующим образом дал описание этого события:

«В ночь перед дальней дорогой я под свою ответственность разрешил царю свидеться с братом, великим князем Михаилом. Мне пришлось присутствовать при их прощании. Оба были заметно и глубоко взволнованы первой встречей после падения монархии. Долго молчали, не находя слов. Потом завязался обрывистый разговор с короткими незначительными фразами, характерными для таких кратких свиданий. Как Аликс? Как матушка? Куда ты теперь? И так далее. Они стояли друг перед другом, неловко переминаясь с ноги на ногу, время от времени хватая друг друга за руку, за пуговицу… Наконец стали прощаться. Кто мог подумать, что братья видятся в последний раз?

Великий князь Михаил хотел повидать детей, но я не мог позволить, визит его и так затянулся, время нас поджимало»710.

Бурные события не обходили Михаила Романова стороной. Так случилось в дни корниловского мятежа. Роковую роль в судьбе великих князей сыграло разоблачение попыток монархических кругов связаться с высланным в Тобольск Николаем II. Дело Маргариты Хитрово, так до конца и не выясненное, подтолкнуло Временное правительство к принятию постановления об аресте великого князя Михаила Александровича и его супруги; великого князя Павла Александровича и его жены кн. О.В. Палей, и их сына Владимира Палей. В правительственных документах, в частности, значилось, что указанные лица представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе». В газетах подробно описывались аресты великих князей, произведенные 21 августа 1917 г.:

«В седьмом часу вечера из Петрограда были отправлены в Гатчину и Царское Село наряды воинских частей в составе одной роты. Вслед за тем выехал в Гатчину министр-председатель А.Ф. Керенский, в сопровождении помощника главнокомандующего войсками петроградского военного округа Козьмина и адъютанта.

По приезде на место А.Ф. Керенский проследовал на дачу, занимаемую Михаилом Александровичем, и в тот же момент дача была окружена войсками. А.Ф. Керенский лично объявил Михаилу Александровичу о мотивах, побуждающих Временное правительство применить по отношению как к самому великому князю, так и к его супруге домашний арест.

Михаил Александрович выразил некоторое удивление по поводу изложенных соображений, но вместе с тем указал, что он, конечно, готов подчиниться постановлению Временного правительства…

В ту же ночь, как передают, были произведены аресты некоторых других великих князей…»711.

Этой политической акцией – борьбой с правой опасностью, Керенский надеялся упрочить позиции и сплотить ряды своих сторонников перед «левыми». Но революционные события в России и нестабильность положения на фронте поколебали уверенность союзников в успешности противостояния Временного правительства этим негативным тенденциям. Посол Бьюкенен 23 августа (5 сентября) 1917 г. сообщал в Лондон: «Здешним представителям очень трудно обрисовать в полной мере настоящее положение вещей, и только при личном участии члена русского правительства союзные правительства смогут решить, в какой мере будет в дальнейшем возможно предоставление России значительного количества военных материалов. Последние известия с фронта, связанные с внутренним экономическим кризисом, сильно поколебали мою веру в способность России отразить немецкие войска… Я выразил надежду, что арест двух великих князей и всех… в контрреволюции, не отвлечет внимания от тяжелого военного положения, и спросил, может ли он (министр иностранных дел. – *В.Х.*) сообщить мне причину ареста. Он ответил, что они скомпрометированы интригами княгини Палей, жены великого князя Павла, и ее сына, направленными к возвращению императора или возведению на престол великого князя Дмитрия; были найдены ее многочисленные шифрованные телеграммы и письма. Однако он не думает, чтобы этот арест, являющийся лишь домашним, был продолжительным»712.

Однако, как выяснилось позднее, предположение о монархическом заговоре оказалось несостоятельным. Дело было прекращено. Главная же нависшая реальная угроза захвата власти большевиками не была устранена.

Парадоксально, но факт, что большевики при совершении очередного политического переворота в Петрограде прибегли к испытанному способу: обвинению своих противников в контрреволюции и блокировании со сторонниками царского режима. Имя Михаила Романова вновь попало, как и в дни корниловского мятежа, на этот раз в боевые сводки Центробалта и Смольного. В дни Октябрьской революции в радиограммах Центробалта звучало: «Центробалт предостерегает от радио, распространяемых Керенским, соединившимся с Михаилом Александровичем, Корниловым и Калединым. Все слухи о Петрограде, Москве, о занятии немцами Або-Аландской позиции ложны…»713. Ложны были сведения об участии Михаила Романова в рядах войск Керенского – Краснова. В это время великие князья Павел Александрович и Михаил Александрович находились под арестом в Смольном. Тезис о монархической угрозе был использован и в этот раз.

После «октябрьского переворота» Петроградский ВРК 13 ноября 1917 г. рассматривает вопрос о переводе великого князя Михаила Романова в Гатчину или Финляндию:

«Комиссар Гатчины Рошаль удостоверил, что Гатчина и линия железной дороги всецело в наших руках. Постановили: Военно-революционный комитет возражений против перевода его под домашний арест в Гатчину [не имеет]. Запросить по этому поводу Военно-следственную комиссию.

Разрешено перевести Михаила Романова в Гатчину под домашний арест»714.

Фактически для Михаила Александровича мало что изменилось в эти первые дни советской власти. Разве что ему приходилось приноравливаться к новым обстоятельствам времени. Об этом можно судить по многим частным деталям. Например, 16 ноября 1917 г., всего через три дня после упомянутого постановления Петроградского ВРК, он пишет письмо своей жене. На конверте лаконичная надпись: «Товарищу Наталии Сергеевне Брасовой от товарища М. А. Р.». Скупые строки письма передают ту атмосферу, в которой вынужден был находиться Михаил Александрович Романов:

«Моя дорогая Наташа.

Спасибо за письмо, очень рад был его получить и узнать, что ты обо мне думаешь. Зубную пасту и нитки нашел в чемодане и посылаю тебе, а фотографии, к сожалению, достать не удалось, т. к. ключ остался, по-видимому, у Моти, а замок сложный американский и открыть никак нельзя. Приезжай скорее, здесь без тебя грустно и пусто и ночью очень одиноко я себя чувствую. Ввиду того, что вчера был снят караул, у нас ночью двое из наших людей дежурили в доме, а с завтрашнего дня, кажется, мы снова получим караул. Здесь все тихо и уютно и удовольствие было большое возвратиться домой и дышать чудным чистым воздухом… Джони завтра днем поедет в город и забежит на Миллионную на одну минуту и в субботу с тобою возвратится сюда. Теперь 9 1/2 ч веч[ера] и мы с Дж. сделаем маленькую прогулку в санях, при чудном лунном свете, – может быть, и сон лучше будет после этого. До скорого свидания, моя дорогая Наташа; крепко и нежно обнимаю и целую тебя. Да хранит тебя Бог. Весь твой Миша. P.S. Мой самый сердечный и искренний привет милым хозяевам. Старался изменить почерк, но ничего не вышло»715.

Известно, что в ноябре 1917 г. Михаил Александрович явился в Смольный и обратился в правительство с просьбой каким-либо образом узаконить его положение в Советской России, чтобы заранее исключить возможные недоразумения. Управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич на

официальном бланке оформил разрешение о «свободном проживании» Михаила Романова – как рядового гражданина республики. В конце 1917 г. В.И. Ленин беседует с зам. наркома Госконтроля Э.Э. Эссеном, который сообщает о просьбе, поданной в Совнарком, бывшего великого князя Михаила Романова переменить его фамилию на фамилию его жены – Брасов (чтобы перейти на положение гражданина Российской Советской республики). Ленин отвечает, что этим вопросом он заниматься не будет.

Место ссылки – Пермь

В феврале 1918 г. общая ситуация в стране резко ухудшилась (в связи с германским наступлением на Петроград, контрреволюционными заговорами и другими событиями). В этих условиях властям нахождение Михаила Романова вблизи границы представлялось опасным. 7 марта Гатчинский Совдеп арестовал Михаила Романова и ряд высокопоставленных лиц «прежнего режима», в т. ч. графа В.П. Зубова, жандармского полковника П.Л. Знамеровского и др. Оппозиционные газеты не замедлили выступить с этой «сенсацией», указывая на плохое обращение с великим князем и его секретарем Н.Н. Джонсоном. Арестованные были доставлены в Петроград на Варшавский вокзал, где в ожидании прибытия автомобиля из Смольного великий князь был помещен в вагоне комиссара псковских отрядов П.Л. Панаха.

Позднее в своих воспоминаниях комиссар рассказывал, что, находясь в вагоне, Михаил Романов заявил, что хочет есть, и потребовал бифштекс по-английски. Эта просьба была удовлетворена – Романову и Джонсону были принесены с вокзального буфета бифштексы, но когда великий князь вынул деньги и хотел уплатить официанту, то Панах ему заявил: «Вы – арестант Советской власти, благоволите деньги не платить. Советская власть за вас заплатит». Вскоре пришел автомобиль и арестованные были доставлены в Комитет революционной обороны Петрограда, возглавляемый в то время Урицким. Комиссар М.С. Урицкий выдал расписку о принятии от члена Исполкома Гатчинского Совета Ивана Серова «арестованных граждан города Гатчины» Романова и других. Сохранилась записка Урицкого к Ленину, в которой указывается:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Предлагаю Романова и др. арестованных Гатчинскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов – выслать в Пермскую губернию. Проект постановления при сем прилагаю. Если нужны какие-либо объяснения, готов явиться на заседания для дачи их. М. Урицкий»716.

Все это послужило поводом для рассмотрения вопроса о судьбе Михаила Александровича на заседании Совнаркома 9 марта 1918 г. В протоколе Совнаркома было записано: «Слушали: О высылке князя М.А. Романова и других лиц в Пермскую губ. (Урицкий).

Постановили: Принять с внесенными поправками. Высылку М.А. Романова поручить т. Урицкому»717.

На этом же заседании Совнаркома было вынесено решение, подписанное В.И. Лениным: «…бывшего великого князя Михаила Александровича, его секретаря Николая Николаевича Джонсона… выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожительство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим великим князем Михаилом Романовым»718.

Следует сказать несколько слов об управляющем и личном секретаре великого князя англичанине Брайане (Николае Николаевиче) Джонсоне. Это была давняя дружба. Как и великий князь Михаил Александрович он окончил Михайловское артиллерийское училище и стал офицером, хотя вскоре вышел в запас. Позднее, в Англии он вступил на частную службу к великому князю и всегда оставался его личным секретарем. Несмотря на то, что английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, тот ответил: «Я не оставлю великого князя в такой тяжелый момент».

Михаил Романов предчувствовал все испытания ссылки и поэтому взял с собою деньги, личный багаж, много книг, аптечку и автомобиль «Роллс-Ройс». За своим «господином» добровольно в Пермь последовали камердинер В.Ф. Челышев и шофер П.Я. Борунов. На все просьбы графини Н.С. Брасовой, желавшей разделить участь мужа, великий князь отвечал ей отказом и, наконец, уговорил остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

10 марта 1918 г. Комитет революционной обороны Петрограда приказал комиссару Николаевского вокзала выделить спальный вагон для арестованных: М. Романова, Н. Джонсона, П. Знамеровского и др., а также для семи бойцов конвоя, и отдать распоряжение по всей линии о прицепке этого вагона к поездам, следовавшим в Пермь.

С дороги, со станции Шарья, 15 марта 1918 г. Н.Н. Джонсон телеграфировал Председателю Совнаркома В.И. Ленину: «Постановление Совнаркома по прибытии [в] Пермь меня распоряжением] разлучают у кого я [состою] секретарем; не прибыл еще даже [в] Вятку несмотря [на] четырехдневное

утомительное путешествие совершающееся при самых тяжелых условиях. Прошу Вас и Совет Народных Комиссаров принять во внимание расстроенное его здоровье усугубленное также путешествием. [Прошу] телеграммой отменить состоявшееся постановление о разлучении. *Джонисон*»719.

17 марта ссыльные были под конвоем доставлены в Пермь. Именно в этот день петроградскому конвою была выдана расписка председателя Исполкома Пермского Совдепа А.И. Борчанинова, в которой значилось: «Настоящую расписку Пермский Исполнительный комитет С. Р. и С. Д. дал в том, что препровожденные арестанты: гражданин Михаил Александрович Романов (бывший великий князь), гражданин Николай Николаевич Джонсон… действительно в Пермь доставлены и Пермским Исполнительным комитетом С. Р. и С. Д. приняты»720.

В Перми ссыльных встретили негостеприимно. 17 марта Пермский губисполком принял постановление об аресте прибывших из Петрограда ссыльных. В нем предписывалось: «Заключить Романова в тюремную больницу, остальных в тюрьму на общий тюремный режим и информировать об этом Комиссариат внутренних дел»721. В телеграмме Михаила Романова, направленной 20 марта В.Д. Бонч-Бруевичу и М.С. Урицкому, говорится: «Сегодня двадцатого марта объявлено распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех в одиночное заключение в пермскую тюремную больницу вопреки заверению Урицкого о жительстве в Перми на свободе, но разлучно с Джонсоном, который телеграфировал Ленину, прося Совет Народных Комиссаров не разлучать нас ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть не имея никаких директив центральной [власти] затрудняется как иначе поступить. Настоятельно прошу незамедлительно дать таковые. Михаил Романов»722. Последовал также коллективный протест со стороны политических ссыльных в адрес наркома просвещения А.В. Луначарского. В телеграмме от 21 марта они сообщали: «Одновременно посланы телеграммы [Бонч-] Бруевичу, Урицкому [с] просьбой принять меры по оставлению нас [на] свободе [в] Перми ввиду состоявшегося постановления местной власти водворить [в] одиночное заключение [в] тюремную больницу [за] отсутствием директив центральной власти. Убедительно просим оказать скорое содействие облегчению судьбы. *Михаил Романов, Джонсон, Власов, Знамеровский*»723.

Двумя телеграммами в адрес Пермского Совдепа – из Совнаркома за подписью Бонч-Бруевича от 25 марта 1918 г. и из Петроградской ЧК за подписью Урицкого – было указано: «В силу постановления Михаил Романов и Джонсон имеют право быть на свободе под надзором местной Советской власти»724.

Пермский Совдеп принял указание центра к руководству, но со своей стороны предупредил Михаила Романова, что тот освобождается без всякой гарантии и Исполком не берет на себя ответственность за последствия.

Великий князь поселился на некоторое время в номерах гостиницы, при бывшем Благородном собрании в Перми. Об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях В.Ф. Сивков – член Президиума Пермского губисполкома: «Осталась в памяти встреча с Михаилом Романовым, который жил в номере напротив моего до того, как его перевели в бывшие Королевские номера. Произошло это утром. Когда я уходил на работу, одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах. При виде его невольно возникло представление о гвардейце.

Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел за ним, и так мы дошли до губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову и, рассказав о встрече, спросил, кто это такой.

Павел Иванович, улыбаясь, спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов, в пользу которого Николай II отказался от престола. Он здесь в ссылке и обязан утром и вечером регистрироваться в нашей комендатуре. За ним установлено наблюдение…»725.

В самом деле, первоначально за великим князем был установлен гласный надзор милиции, по которому он каждый день отмечался в штабе Красной гвардии. Затем, когда Пермский губисполком снесся с центром и, указывая на создавшееся положение, снял с себя ответственность за «целость» Романова, то по предложению Петрограда надзор за ним был поручен местной ЧК. 20 мая великому князю с нарочным под расписку был вручен следующий документ:

«Гражданину Романову М.А.

(Королевские номера).

Предлагаем Вам ежедневно в 11 часов утра являться в Чрезвычайный Комитет, Петропавловская-Оханская ул., дом № 33 Пермякова.

Председатель [Чрезвычайного] Комитета Ф. *Лукоянов*.

Заведующий Отд. борьбы с контрреволюцией А. *Трофимов*»726.

Об этом событии Михаил Александрович 21 мая 1918 г. сделал следующую запись в своем дневнике: «В 11 час. Дж[онсон], Василий [Челышев] и я

отправились в Пермскую Окружную Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое.) После этой явки я отправился домой…»727.

Были ли к этим строгим мерам основания? Очевидно, были. Так, с митинга, состоявшегося на Мотовилихинском заводе, в Пермский совет поступила резолюция: если органы власти не посадят Михаила под замок, то рабочие «сами с ним разделаются».

Сохранились воспоминания Крумниса, который проживал в Королевских номерах, в то время, когда там же находился великий князь Михаил Романов: «Сначала я опасался останавливаться здесь, ибо полагал, что пребывание великого князя привлечет к гостинице внимание Советской власти, но меня успокоили, сказав, что великий князь пользуется полной свободой, ходит сам по городу… Я жил во втором этаже Королевских номеров, великий князь жил на третьем этаже, занимая с Джонсоном две небольшие комнаты. Я видел великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу и палку. Всегда в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона… Великий князь часто захаживал в магазин Добрина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Добрина спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это великий князь ответил: "Куда я денусь со своим огромным ростом, меня немедленно же обнаружат". При этом он все время улыбался»728.

Живя на «свободе», Михаил Романов имел возможность скрыться, но этим поступком он опасался усложнить положение своих родственников. Обеспокоенность благополучием близких свидетельствуют и дневниковые записи великого князя:

«**13 мая**…Немцы от Ростова двинулись на Кубань. Немцы перевезли Мама в Киев, – вероятно, что Ксения, Ольга и др. с нею…

15 мая.…По-видимому, в Киеве, кроме Мама, также и все остальные, которые жили в Крыму»729.

Михаил Александрович обратился телеграммой на имя А.В. Луначарского о положении семьи бывшего царя. Причин для беспокойства было более чем достаточно. В прессе публиковались материалы о переводе Николая II в Екатеринбург и предстоящем судебном процессе над ним.

Живя под «надзором», великий князь был тесно связан со своими друзьями и некоторыми родственниками перепиской, но существовала и непосредственная живая связь между Пермью и Петроградом. В начале мая в Пермь приезжала жена Михаила Романова – графиня Наталья Сергеевна Брасова. Этому событию посвящены многие строки в дневнике: «Пермь, **25 [апреля] /8 мая**, среда. Утром читали, после завтрака я познакомился с инженером Эльжановским. Около 3 3/4 часа Наташа, Дж[онсон] и я на извозчиках поехали к Тупициным, где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними, Наташа поехала, а Дж[онсон] и я пошли до дома пешком. Вечером к чаю пришел Петр Нилович Второв. Погода была отвратительная…

Пермь, **26 [апреля] /9 мая**, четверг. Утром читали, днем прошлись по Торговой, Монастырской, а обратно вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть. К обеду пришли Знамеровские и остались до 11 1/2. Погода была полусолнечная, 2 °С.

Пермь, **27 [апреля] /10 мая**, пятница. Около 11 1/2 Борунов и я переехали на лодке на другую сторону Камы (поселение Средняя Курья), там мы пошли налево вдоль опушки леса, затем, выйдя к реке, переехали обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарем австрийцем – мы угостили их кофе. В 5 1/2 Наташа, Дж[онсон] и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник, – служит он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. Погода была пасмурная, кроме вечера, 2°.

Пермь, **28 [апреля] /11 мая**, суббота. Утром Борунов и я отправились на другую сторону Камы, где прошли в лес направо и дошли до полигона. Возвратились к завтраку. Днем Наташа, Дж[онсон] и я неудачно съездили в цветочные магазины, а затем в рыбный магазин Анны К., затем пешком пошли к архимандриту Матвею (ректор семинарии). Мы смотрели его квартиру, так как все ищем, куда бы можно было переехать. Нас угостили кофе и пасхой – он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели. Оттуда с Монастырской мы возвратились пешком домой. В 8 час. мы пошли в театр, где шла “Мечта любви”…»730.

Жизнь Михаила Романова шла своим чередом, но Брасова не собиралась смириться с высылкой мужа. Поняв, что судьбу мужа могут решить только высшие советские власти, она решила ехать в Москву.

17 мая 1918 г. великий князь сделал следующую запись в дневнике:

«Утром писал письма – Ольге Павло[вне], Алеше, Тате и Дворжицкому. Днем Наташа и я гуляли, были в Гостином дворе, затем прошли мимо церкви Воскресения на старое кладбище, обойдя его по Сибирской, возвратились домой. До обеда я написал Снегурочке письмо. Весь вечер Наташа укладывалась, благодаря чему легли поздно… Отъезд Наташи был решен вчера вечером, – очень грустно опять оставаться одним»731.

На следующий день: «Встали около 8. В 9 Наташа и я поехали на извозчике на вокзал Пермь 2-я, за нами ехали Дж[онсон] и Екатерина Даниловна. Там ждали долго поезда на платформе… Наташа получила место в маленьком купе международного вагона с чужой дамой. Поезд пошел в 12 ч. 10 мин. В.М. Знамеровская (жена бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления полковника Петра Знамеровского, высланного в Пермь вместе с Михаилом Романовым. – *В.Х.*) тоже поехала. Наташа едет через Москву… С отъездом Наташи стало так грустно, так пусто, и все как-то кажется по-другому, и комнаты стали другими»732.

Лаконичные записи дневника повествуют о буднях Михаила Александровича, его заботах, тревоге и надежде. 23 мая 1918 г. он записал: «Утром пошли в милицию, где спросили, почему мы больше туда не являемся. Мы ответили, что являемся последние дни в Чрезвычайный Комитет, где сказано было, что они известят об этом милицию, но, конечно, забыли это сделать. Возвратившись из Чрезвычайного Комитета, я читал. Днем Знамеровский и я прошлись по городу…

Получил от Наташи две телеграммы из Москвы, но их передали не с телеграфа, а в Чрезвычайном Комитете. Наташа приехала в Москву в понедельник…»733.

Следует заметить, что по сведениям представителя английской миссии Р. Вильтона, графиня Брасова встречалась с председателем Совнаркома В.И. Лениным и ходатайствовала о разрешении Михаилу Романову выезда из Перми, но безрезультатно.

Зато в конце мая 1918 г. большевики конфисковали имущество великого князя в имении «Брасово». Сохранился любопытный документ. Это удостоверение от 28 мая Комиссариата имуществ Российской Республики латышским стрелкам:

«Комиссариат имуществ Республики командирует товарищей:

1) Калыс Ян (старший)

2) Гривсон Ян

3) Бичул Ян

4) Кронберг Адам

5) Иесалнен Эдуард

6) Зау Крим

в Брасово Орловской губ., в распоряжение тов. Уткина и Матвеева, для сопровождения и охраны художественно-исторических и материальных ценностей означенного имения, вывозимых в Москву.

И.о. Народного Комиссара Малиновский»734.

В итоге было вывезено два вагона ценного имущества, в том числе несколько пудов серебряной и золотой посуды, антикварных вещей, скульптур, картин и т. п.

В стране разгоралась гражданская война. Осложнение политической и военной обстановки не ускользнули от внимания Михаила Александровича, о чем свидетельствуют его заметки в дневниковых записях: «**28 мая**… Пермь объявлена на военном положении. За последние дни отсюда посылали довольно много рот Красной Армии на разные внутренние фронты…

29 мая. Газет не было из Петрограда уже два дня, а из Москвы почему-то сегодня поезда не пришли… До обеда видел Обыденова, только что возвратившегося из Екатеринбурга – по-видимому, там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали Советскую власть, то же самое совершилось и в других некоторых городах Сибири. Вообще трудно понять, что творится, но что-то крупное назревает…

5 июня… На днях мы прочли, что на Дону образовалось свое Войсковое правительство, во главе которого стоит ген. Краснов, он также и войсковой атаман»735.

Следует заметить, что с захватом белочехами 26 мая Челябинска и 7 июня Омска, движение поездов на Сибирь прекратилось и в городе скопилось около 10 тысяч пассажиров, пытавшихся проехать на восток. Среди них было много бывших военных, сочувствующих Белому движению.

Несмотря на осложнение обстановки, положение Михаила Романова и его окружения в Перми, по существу, не изменилось. В это время у великого князя началось обострение болезни:

«**6 июня**… Сегодня у меня появились мои знаменитые боли в желудке, лег поэтому раньше…

7 июня. В Чрезвычайном Комитете я слегка сцепился с одним «товарищем», который был очень груб со мною. Днем я читал, позже зашел Тупицин и мы втроем пошли на Каму, по Сибирской ул., собирались прокатиться на моторной лодке… Пузо мое нет-нет и напоминало о себе.

9 июня. Провел целый день в постели у окна и продолжал ничего не есть со вчерашнего дня, т. е. даже ни капли молока. Боли по временам все-таки появлялись. Днем зашел Знамеровский и рассказывал много интересного о ходящих по городу слухах. Вечером мне читал Дж[онсон.] Погода была чудная, 22°.

10 июня. Весь день был на ногах, но чувствовал себя очень неважно. Днем спал. В 6 час. приходил доктор Шипицин. Боли периодически появлялись. За целый день выпил стаканполтора молока пополам с водой, больше ничего. Погода чудная, 20°, за последние дни вся зелень распустилась. Весь день я читал ту же французскую книгу. К обеденному чаю зашел Знамеровский. К вечеру поднялся особенно сильный, но все же теплый ветер. Получил телеграмму от Наташи из Гатчины, – она приехала туда в прошлую среду»736.

Стоит упомянуть еще об одном документе. Это ходатайство великого князя Михаила Александровича и Н.Н. Джонсона в Пермскую ЧК, в котором говорилось: «Ввиду невозможности продолжать жить в Королевских номерах и на основании удостоверения за № 3395, выданным Городским Исполнительным комитетом Пермского Совдепа за подписью тов. председателя Маришена, от 12-го апреля, нами найдено помещение по Екатерининской улице в доме № 212 (Тупициных). Просим Вас, ввиду отдаленности означенного дома от центра города разрешить являться в отделение милиции того района для расписывания, а не в вверенный Вам Комитет.

М.А. Романов, Н. Джонсон, 7-го июня 1918 г. Пермь»737.

Запомним этот документ, т. к. к нему нам придется вернуться еще раз, но уже по другому поводу.

Похищение претендента

Последняя запись в дневнике Михаила Романова была сделана 11 июня, т. е. за день до трагической развязки, и ничего особенного не предвещала: «Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем я на час

прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину, доктор Шипицин зашел около 8 1/2. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь, 13°, вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник, правовед Нагорский, проститься, он сегодня же уезжает в Петроград»738.

Следует заметить, что Михаил Александрович регулярно и аккуратно заполнял дневник[18], и отсутствие последней записи 12 июня 1918 г. наводит на определенные размышления. Возможно, великий князь не успел заполнить дневник, чему помешал его арест, а возможно, последняя запись была изъята после обыска помещения чекистами. Во всяком случае, Михаил Романов перед арестом был поднят из постели, о чем имеются несколько свидетельств очевидцев.

15 июня 1918 г. газета «Известия Пермского Окрисполкома Советов Р. К. и А. Д.», как многие центральные и местные издания, поместила сообщение «Похищение Михаила Романова», в котором указывалось:

«В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова, Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Производятся энергичные розыски».

В самом деле, 13 июня 1918 г. Пермской ЧК была послана тревожная телеграмма одновременно в несколько адресов:

«Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна Зиновьеву.

Копия Екатеринбург Облсовдеп. Чрезком.

Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский Округ Чрезком»739.

Трудно судить – насколько эти события оказались неожиданными и для всех ли они были таковыми?! На первый взгляд, определенно, забеспокоились в Екатеринбурге. Так, председатель Уральского Облсовдепа А.Г. Белобородов спешно запрашивал по телеграфу:

«Пермь. Чрезвычайной Комиссии.

Немедленно телеграфно сообщить: когда был привезен [в] Пермь Михаил [Романов], кому сдан, каковы были указания режима, от кого они исходили, какие меры принимал губсовдеп усилению режима, кем было отменено содержание его [в] тюрьме? Что дало следствие, кто арестован, их фамилии, также показания. *Белобородов*»740.

Кажется, на версию «эффекта неожиданности» событий работает и документ, полученный Пермской ЧК из Исполкома Пермского Совдепа 12 июня 1918 г., т. е. накануне похищения великого князя. Это ответ на ходатайство Михаила Романова (о котором мы говорили выше) на разрешение выезда из Королевских номеров: «Заслушав ходатайство гражданина Михаила Александровича Романова в отношении ежедневной явки в Чрезвычайный Комитет заменою являться два раза в неделю, Городской Исполнительный Комитет Пермского Совдепа на пленарном заседании от 7-го сего июня постановил: явка гражданина Романова в Чрезвычайный Комитет исходила от распоряжения властей из Гатчины, поэтому отменение явки не входит в компетенцию Городского Исполнительного комитета.

Тов. Председателя *В. Козельский*.

Секретарь *В. Трофимов*»741.

Документ этот имеет круглую печать горисполкома Пермского Совдепа, что наводит на определенные предположения. Почему ЧК документ, направленный Михаилом Романовым 7 июня в ее адрес, переадресовало так спешно в другую инстанцию? Не являлось ли это лишней страховкой снять с себя всякое подозрение и ответственность за «благополучие Романова» накануне его исчезновения?

В более поздних документах белогвардейского следствия по этому делу имеется протокол допроса бывшего начальника Уголовного розыска г. Перми В.Н. Ярославцева, который показал:

«…Около 12 часов ночи я как начальник Уголовного розыска города Перми был вызван в Чрезвычайную комиссию, где мне сообщили, что около часу тому назад, под видом ареста, был похищен великий князь и куда-то увезен. Предполагалось похищение его крайними левыми организациями или анархистами. Поэтому мне было предложено принять все меры к выяснению этого обстоятельства… Угнетенное состояние бывших на расследовании представителей Чрезвычайной комиссии, а также председателя [Совета] Сорокина, дали мне повод думать, что действительно похищение великого князя было для них весьма неожиданно и, как видно, вовсе не входило в их планы действия.

Вскоре после этого я был арестован, как контрреволюционер…»742.

Однако Ярославцев был введен в заблуждение, как, впрочем, и многие другие, мастерски устроенным спектаклем. Но вернемся к последовательности событий.

Описания так называемого «ареста» Михаила Романова и Джонсона в основном совпадают по показаниям нескольких свидетелей происходившего. Так, в упомянутых выше записках Крумниса мы читаем: «…я сидел в компании с Липковским и еще с кем-то и играл в карты. Вдруг в коридоре гостиницы послышался шум. Мы все выбежали и увидели следующую картину: около конторки комиссара гостиницы стоял вооруженный красноармеец и что-то с ним объяснялся. Я спросил комиссара, в чем дело. Он ответил, что пришли трое вооруженных людей и предъявили ему ордер местной чеки о выдаче им Михаила Романова и его секретаря Джонсона, причем они не разрешили ему сноситься по телефону с чекой и проверить ордер. Прошло минут 20, когда с лестницы третьего этажа стали спускаться люди, окруженные вооруженными красногвардейцами, нам было приказано стоять и не двигаться, я увидел следующее: впереди шел вооруженный красногвардеец, за ним великий князь и Джонсон. Шествие замыкал один вооруженный красногвардеец. Третий, стоявший при комиссаре, оставался несколько минут еще здесь. Великий князь и Джонсон были одеты в обыкновенные костюмы, в которых они обычно выходили на прогулку, без пальто. Имели палки в руках. Я не заметил особенного волнения на лицах этих людей. На дворе стоял одинокий экипаж, запряженный серой лошадью. На козлах сидел невооруженный человек. Сзади экипажа ехал конный красногвардеец. В экипаже расселись великий князь и Джонсон, а напротив красногвардейцы. Через несколько минут я наблюдал из

своего окна, как экипаж подымался по Сибирской улице по направлению к Сибирскому тракту и исчез.

Прошло полчаса. Комиссар гостиницы (фамилии не помню) стал звонить в местную чека, проверяя, действительно ли был выдан ордер на выдачу Михаила Романова и Джонсона. Оттуда ответили отрицательно. Через час приехали несколько агентов чека, а также членов местного Совдепа и заявили, что Романов увезен злоумышленниками в неизвестном направлении. Поднялся шум. Мы все перепугались. Но этим дело было закончено…»743.

Более обстоятельно освещают эти события материалы следствия по убийству царской семьи, опубликованные следователем Н.А. Соколовым в Берлине: «В одной камере с Челышевым содержался уже известный нам камердинер государыни Алексей Андреевич Волков… При допросе у меня Волков показал: "В одной тюрьме с нами (в Перми) сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Федорович Челышев. С ним я встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму.

Михаил Александрович проживал в Перми в Королевских номерах, где в другом номере жил с ним и Челышев. Там же жил и его секретарь Джонсон… Ночью в 12 пришли в Королевские номера какие-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам пошел туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеваться. Он стал одеваться, но сказал: "Я не поеду никуда. Вы позовите вот такого-то. (Он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал.) Я его знаю, а вас не знаю". Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: "А, вы, Романовы! Надоели вы нам все!" После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Челышев не видел ничего и не знал, в чем и куда увезли Михаила Александровича. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезен) Челышев сам отправился в Совдеп, как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича… Я забыл еще сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Челышев сказал ему: "Ваше Высочество, не забудьте там взять лекарство". Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Челышев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян»744.

Такая же участь постигла и жандармского полковника П.Л. Знамеровского, который был сразу же арестован после «побега» Михаила Романова и застрелен при невыясненных обстоятельствах во время прогулки по тюремному двору.

Достоверность изложенных сведений подтверждают и воспоминания члена президиума Пермского губисполкома В.Ф. Сивкова:

«После этой заметки (публикации о «похищении» Михаила Романова. – *В.Х.*) по Перми и губернии поползли всевозможные слухи. Приверженцы старого режима, которых было немало, видели в похищении “перст Господень” – чудо спасения от большевиков члена царской семьи. Они заказывали молебны “о здравии раба Божия Михаила” и ждали, когда этот чудом спасенный появится во главе войска, “освободит плененного монарха и восстановит порядок”. Слухи доходили до меня, я рассказывал о них Малкову, а по его информации знал, что подобные настроения были и среди значительной части служащих советских учреждений Перми и Мотовилихи.

Все это были слухи, а мне хотелось знать правду, и на мой вопрос по этому поводу Павел Иванович совершенно спокойно отвечал: “Найдется Михаил, куда он денется!” Судя по ответу Малкова, мольбы монархистов и церковников не дошли до адресата…»745.

В самом деле, заместитель Пермской губчека Павел Иванович Малков знал, что говорил. Об этом можно судить по многим архивным документам. В частности, в одной из автобиографий П.И. Малкова, датированной 13 октября 1954 г., имеется утверждение: «В марте 1918 года Пермским губкомом и губисполкомом я был назначен для организации Губернской Чрезвычайной Комиссии. Работая в должности председателя коллегии, я по поручению Пермского городского комитета партии большевиков вместе с товарищами Марковым А.В. и Трофимовым А.В. был организатором похищения из номеров гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и его расстрела»746.

Одним из наиболее интересных документов являются воспоминания Андрея Васильевича Маркова – непосредственного исполнителя ареста Михаила Романова и его расстрела. Интересна история этого документа. Один из вариантов этих воспоминаний хранится в Пермском областном партийном архиве. Они были подготовлены Марковым по просьбе составителя книги «Революционеры Прикамья» заведующей партархивом Н.А. Аликиной. Она рассказала об этом читателям газеты «Вечерняя Пермь» (статья «Взвесить на весах истории» от 03.02.1990 г.): «Летом 1964-го на одной из встреч с А.В. Марковым в Москве я обратила внимание на его наручные серебряные часы необычной формы и, на мой взгляд, очень древние. Они отдаленно напоминали

дольку срезанного круто сваренного яйца. На вопрос, откуда такие часы, Андрей Васильевич ответил, что они принадлежали личному секретарю Михаила Брайану Джонсону, и он взял их себе на память, сняв с руки Джонсона после расстрела.

– С тех пор не снимаю с руки, – сказал Андрей Васильевич и добавил: – Идут хорошо, ни разу не ремонтировал, только отдавал в чистку несколько раз.

Марков подробно рассказал мне, как все было. На просьбу прислать воспоминания в партийный архив, где я работала, Андрей Васильевич согласился не сразу. После нескольких месяцев переписки по поводу уточнения его биографических данных (готовился очерк о нем и его жене для книги «Революционеры Прикамья») при очередной встрече Андрей Васильевич согласился дать воспоминания, взяв с меня слово никому о них не рассказывать и не публиковать до его смерти, добавив при этом, что он всегда, всю жизнь опасался расправы со стороны монархистов.

Андрей Васильевич рассказал также, что вскоре после расстрела Михаила Романова он ездил в Москву, с помощью Я. Свердлова попал на прием к В.И. Ленину и рассказывал об этом событии».

Читая эту статью, у читателя возникает множество вопросов. Попытаемся сделать некоторые уточнения. В «Биохронике В.И. Ленина» факт о встрече вождя революции с А.В. Марковым не зафиксирован, что, впрочем, ни о чем не говорит и требует тщательной проверки. В ГА РФ в личном деле персонального пенсионера союзного значения А.В. Маркова хранится текст воспоминаний, датированный 1924 г., фактически идентичный более позднему варианту, представленному в Пермский партархив. В документах дела не содержится сведений о какой-либо встрече А.В. Маркова с В.И. Лениным.

Воспоминания Маркова сугубо описательны и во многом фактографичные. Они близки по содержанию версии, изложенной в книге М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» и в работе П.М. Быкова «Последние дни Романовых» (Свердловск, 1926). Однако, в отличие от этих изданий, воспоминания Маркова вскрывают более глубокие потаенные пружины этого дела и показывают причастность к указанным событиям некоторых сотрудников Пермской ЧК и милиции.

Круг непосредственных участников событий был неширок: Мясников Гавриил Ильич, Марков Андрей Васильевич, Иванченко Василий Алексеевич, Жужгов Николай Васильевич, Колпащиков Иван Федорович, Новоселов Иосиф Георгиевич. Все они были сотрудниками в то время или немного позднее ЧК

или милиции. В курсе происходивших событий были заместитель председателя коллегии Пермского губчека Малков Павел Иванович и Трофимов Александр Васильевич. Особняком в этом деле стоит отметить участие председателя губчека Лукоянова (Маратов) Федора Николаевича и начальника милиции Мотовилихи, левого эсера Плешкова Алексея Ивановича. Остается под вопросом их связь в деле ликвидации Михаила Романова с советскими и партийными органами, но все они (за исключением А.И. Плешкова) были членами РКП(б). Однако, прежде всего, попытаемся установить причины, вызвавшие захват и расстрел великого князя.

В книге М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» приводятся материалы следствия в Перми по делу об «исчезновении» Михаила Романова, в которых идейный вдохновитель и организатор этой акции Гавриил Ильич Мясников – председатель Мотовилихинского Совдепа и член коллегии Пермской губчека дал показания: «На первом же допросе в Чека с участием представителей Совета Мясников объяснил: рабочие Мотовилихи узнали, что Михаил Романов добивается разрешения на выезд за границу. Его жена, графиня Брасова (урожденная Шереметьевская), была в Москве, как будто обращалась даже в Совет Народных Комиссаров. Но еще до того, как было что-либо определенное решено и сказано, она бежала за границу и объявилась в Париже. Поскольку у рабочих возникли опасения, что Михаил, воспользовавшись предоставленной ему свободой, тоже исчезнет, пятеро добровольцев по собственному почину и усмотрению, без ведома советских организаций, “решили сделать то, что они и сделали…”»747.

Аргумент в показаниях Мясникова (в изложении М.К. Касвинова) о побеге графини Брасовой был явно ложным. Об этом свидетельствует сообщение Российского Телеграфного Агентства (РОСТА) от 21 октября 1918 г.: «Как нам сообщают, в Киев приехала жена бывшего великого князя Михаила Александровича, графиня Брасова. После побега Михаила Александровича из Перми она была арестована в Петрограде. Впоследствии после ряда хлопот друзей графине Брасовой удалось выехать из пределов России и она направилась в убежище “бывших друзей”, в Киев. В германской Орше Брасова была встречена с большим почетом местными германскими властями. Для следования в Киев ей был предоставлен офицерский вагон»748. Кроме того, насколько нам известно, информация о побеге Брасовой в Париж не появлялась в прессе. Вызывает удивление такая осведомленность Г.И. Мясникова о делах великого князя в Совнаркоме?!

Главным, конечно, было опасение, что Михаил Романов может стать знаменем монархических сил как претендент номер один на российский престол.

Исполнитель расстрела А.В. Марков именно обстоятельствами военного времени аргументировал принятое решение: «Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. Помню, в Мотовилихинском Совете рабочих нас было только 50 %, остальная часть были меньшевики и эсеры. Борьба с ними также велась отчаянная, они также были против нас и вели агитацию и даже вооружались… И вот все это, взятое вместе, и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения, путем похищения его из Королевских номеров, где он проживал…»749.

Марков освещает события по созданию группы и выработке плана «захвата» Михаила Романова: «Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г.И. Об этом он сказал в Управлении милиции тов. Иванченко, который был комиссаром по охране гор. Перми… Мясников посвятил нас, в чем дело, но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить по рекомендации тов. Иванченко тов. Жужгова Николая, а по моей тов. Колпащикова Ивана… Было намечено следующее: около семи вечера взять двух надежных лошадей в крытых фаэтонах и направиться в Пермь. В Перми лошадей поставили во двор Губчека, посвятили в это дело председателя Губчека тов. Малкова (на тот момент зам. председателя Губчека. – *В.Х.*) и помощника Иванченко тов. Дрокина В. Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал…»750.

Достаточно подробно Марков описывает «арест» Михаила Романова и Джонсона, во многом подтверждая приведенные свидетельства очевидцев: «Тов. Дрокину было поручено занять место тов. Иванченко по охране Перми и ждать указаний от нас, заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в ЧК, тов. Мясников ушел пешком к Королевским номерам, а мы четверо – тов. Иванченко с тов. Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпащиковым на второй – около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в крытых фаэтонах к парадному. Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко и Мясниковым остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепление, так как Михаил Романов отказывался следовать, требовал Малькова (он плохо говорил по-русски), чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой

(«коммунистом»), вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустила беспрепятственно, как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону, вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора, Малкова. Тогда я потребовал взять его, в чем он есть. На него накинули, что попало, и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил – нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказав, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя бы его личного секретаря Джонсона, – это ему было предоставлено, так как это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас же взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь, Жужгов сел за кучера, и Иванченко рядом с Михаилом Романовым; я посадил с собой Джонсона, а Колпащиков за кучера, и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту…»751.

Расправа с Михаилом Романовым описана во многих белоэмигрантских изданиях, и различные варианты ее строились часто только на предположениях и домыслах. Как резюмировал по этому делу генерал А.И. Деникин: «Все розыски, произведенные органами Южного и Сибирского белогвардейских правительств по инициативе вдовствующей императрицы, не привели к достоверным результатам. Точно так же со стороны большевиков не было дано никаких официальных разъяснений»752.

На деле все происходило куда как более прозаично: «Сначала, – продолжает излагать Марков, – похищенные нами вели себя спокойно и когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправят дальше, причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом, проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада круто повернули по дороге в лес, направо. Отъехали сажень 100–120, Жужгов кричит: “Приехали – вылезай”. Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И, только он стал выходить из фаэтона, я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у тов. Жужгова застрял барабан нагана… Мне пришлось на довольно

близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, от чего он свалился тотчас же… Зарывать [трупы] нам нельзя было, так как светало быстро и [было] недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется, Новоселовым.

Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко, вместе разговаривали по этому случаю, были оба очень хладнокровны, только я замерз, т. е. был в одной гимнастерке, с часами на левой руке, почему меня, когда мы были еще в номерах, приняли за офицера…»753.

Любопытен еще один факт. Марков, так подробно описывающий обстоятельства по своей сущности убийства Михаила Романова и Джонсона, нигде не упоминает еще об одном соучастнике: эсере А.И. Плешкове. Вместе с тем в следственных материалах белогвардейцев имеются показания А.С. Ребухина: «Я стал расспрашивать Плешкова: “Как было дело? Расскажи”, – говорю. Он мне начал рассказывать, что они проехали в номера, где помещался великий князь, забрали его и увезли на Сибирский тракт, а там свернули в сторону и велели ему выйти. Далее он рассказывал мне, что Жужгов хотел выстрелить в него, но у него сделалась осечка, то есть револьвер не выстрелил, и в это время великий князь взял его за шиворот и повалил под себя, – “и когда, говорит, я выстрелил в князя, тогда только Жужгов освободился”. Когда я спросил Плешкова, в каком месте точно это было, он мне сказал: “Ну, это я тебе не скажу…”»754.

Мотивы замалчивания участия в событиях эсера вполне понятны, т. к. воспоминания Маркова написаны в 1924 г. и «ренегаты» революции были преданы повсеместному забвению. Гораздо хуже обстояло дело с «товарищами» по «делу» и партии, которые посчитали себя обделенными «лаврами» героев. Таким оказался «надежный милиционер» (в роли гробовщика) Иосиф Георгиевич Новоселов. В частности, 3 августа 1928 г. он направляет в редакцию «Правды» разоблачительное письмо: «Я член партии ВКП(б) с 1918 года и участник расстрела великого князя Михаила Романова… По нелегальному постановлению Мотовилихинской организации ВКП(б), то есть участниками, Михаил Романов был взят и расстрелян в пределах Мотовилихинского района Уральской области, то есть участники, которые взяли из Королевских номеров М. Романова: 1) Иванченко Василий Алексеевич, 2) Марков Андрей Васильевич, 3) Жужгов Николай Васильевич, 4) Колпащиков Иван Федорович и доставив его в Мотовилихинский завод, а оттуда Романов был совместно со своим английско-подданным офицером увезен к селу Левшино на расстоянии

пять верст, где был расстрелян, в расстреле Романова принимал участие 1-м Жужгов Н.В., и 2-м я – Новоселов Иосиф Георгиевич, больше участия никто не принимал и труп расстрелянного Романова предали земле. Из участвующих никто не знает, за исключением Николая Васильевича Жужгова, в каком месте он закопан, эта историческая могила хранится в моей памяти и тов. Жужгова. А те упомянутые участники расстрела Романова, Иванченко В. А.: был участником только на золотые часы шестиугольные, за что попал в историю, где имеется в печати о кончине Дома Романовых.

Если это действительно расстрелял Иванченко В.А. и Марков А.В., Колпащиков И.Ф. – М. Романова, то пусть они найдут и покажут могилу расстрелянного Михаила Романова и докажут то, что я действительно не принимал участие в расстреле М. Романова, но пусть эти товарищи чужими историческими подвигами не пользуются, а совершают их сами…»755.

В материалах Истпарта хранятся воспоминания И.Г. Новоселова, которые впервые были опубликованы Олегом Платоновым в серии очерков «Цареубийцы» («Литературная Россия» сентябрь 1990). В этих воспоминаниях уточняются отдельные детали. Процитируем их по упомянутым очеркам О. Платонова:

«В день убийства он – Новоселов, тогда мотовилихинский милиционер, – находился на дежурстве. Когда экипажи с жертвами проезжали через Мотовилиху, то Мясников остался, и вместо него на третьем экипаже поехали Новоселов и Плешков А.И. В первом экипаже везли Романова в сопровождении Жужгова и Иванченко, во втором – Джонсона, сопровождаемого Марковым и Колпащиковым, в третьем – Новоселов и Плешков. Отъехав около пяти верст от Мотовилихи в сторону Левшина, свернули вправо в густой лес сажень на 50. Первый выстрел по Михаилу сделал Жужгов, но только ранил в плечо. «Михаил схватил Жужгова в охапку и они стали барахтаться. Я же видел эту драму в темноте пасмурной ночи… (мало разборчиво)… выстрелом в правый висок Михаил Романов был убит насмерть». Закопали в 10 часов в следующий день Михаила вместе с Джонсоном. «Когда мы закопали в землю, я на одном из сосновых деревьев над могилой Романова вырезал своим перочинным ножом… четыре буквы… В. К. М. Р., что здесь расстрелян Великий Князь Михаил Романов.

Эту историческую могилу я в настоящее время еще не забыл»756.

Новоселов продолжает бомбардировать различные инстанции письмами и заявлениями о забытых его заслугах в деле уничтожения Романова. В одном из заявлений его, найденных нами в Центральном партийном архиве, читаем: «…я

прошу Истпарт ПК ВКП(б) и Уралоблистпарт ВКП(б) обратить самое серьезное внимание на 3 основных вопроса:

1) Во время совершения расстрела Михаила Романова кто был первым из участников расстрела Романова – 1-м принимал участие тов. Жужгов Н.В., он первым выстрелом ранил Михаила Романова в плечо, а когда не стал работать наган у тов. Жужгова, то в это время кто оказал содействие. Содействие оказал первым упомянутый начальник милиции Плешков А. Ив. и Новоселов. В этом сам тов. Жужгов Н.В. подтвердит.

2) После совершения расстрела Михаила Романова по возвращении в управление Мотовилихинской милиции, когда производился раздел вещей расстрелянных между участниками, то 1-му Иванченко В.А. были отданы с расстрелянного Михаила Романова золотые шестиугольчатые именные часы червонного золота, с надписью на одной из крышек Михаил Романов, которые в настоящее время у т. Иванченко. Это Вам будет 2-м доказательством.

Как эти часы в настоящее время имеют ценность и должны сдать в исторический музей.

3) С расстрелянного Романова также было снято золотое именное кольцо и пальто и штиблеты – бывшему расстрелянному нач. милиции А. Ив. Плешкову. А с расстрелянного камердинера (имеется в виду секретарь Джонсон. – *В.Х.*) вещи разделены между Марковым и Колпащиковым И.Ф.

Только при очной ставке Уралоблистпарт ВКП(б) установит истину. Я пред лицом партии ВКП(б) не только прошу очную ставку, а требую. Я ищу правду и должен найти, пусть те тов. участники докажут, что я действительно принимал участие в расстреле Михаила Романова.

О Вашем решении прошу меня поставить в известность.

К сему *Новоселов*

член ВКП(б)

Село Крестовское Щадринского района и округа

Уральской области»757.

Очевидно, не стоит дольше останавливаться на моральных качествах характера того или иного участника событий. Само обстоятельство дела говорит за себя. От подручных перейдем к организаторам политического убийства.

Относительно участия Г.И. Мясникова в расстреле Михаила Романова в воспоминаниях А.В. Маркова имеется тенденциозное (на наш взгляд) замечание: «Как потом выяснилось, что тов. Мясников, который в момент нашего подъезда к номерам был около здания номеров, но, когда в номерах произошла заминка и Михаил Романов отказывался ехать, и что дело могло кончиться только расстрелом его и других на месте… он струсил и убежал…»758. Учитывая, что воспоминания Маркова датированы 15 февраля 1924 г., не исключено, что здесь прослеживается принижение роли одного из активных участников событий. Известно, что Г.И. Мясников проведение этой операции в свое время ставил себе в актив. Об этом можно судить по его ответу на письмо В.И. Ленина 1921 г. (по поводу «рабочей оппозиции»), где, указывая на преследование инакомыслия, Мясников сетовал: «Был бы я просто слесарь, коммунист того же завода, то где же я был бы?» И сам отвечает: «В чека, или, более того, меня бы "бежали", как я некогда "бежал" Михаила Романова…»759.

Гавриил Ильич Мясников (1889–1946), член партии большевиков с 1906 г., человек сложной судьбы, биография которого еще ждет исследователя. В.И. Ленин, критикуя его взгляды в 1921 г., относился к ним тем не менее очень внимательно. Однако в 1922 г. Мясников был исключен из партии и отправлен в Германию, но в 1923 г. был возвращен в Россию и вновь арестован, отбыв наказание, в 1928 г. нелегально перешел границу и вторично эмигрировал в Персию, а затем жил в Турции. Более 20 лет Мясников работал простым рабочим на автомобильных заводах Франции. По некоторым сведениям, в годы Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления. В 1945 г. Мясникову, как и многим другим эмигрантам, предложили вернуться в СССР, обещая неприкосновенность. Он вернулся, но был арестован и в 1946 г. умер в заключении.

К сожалению, мы не располагаем достоверными сведениями о месте и роли в этих событиях председателя Пермской Губчека Ф.Н. Лукоянова (по некоторым данным на тот момент почему-то отсутствовал в Перми), но уже 20 июня 1918 г. он был утвержден председателем Уральской Облчека и принимал непосредственное участие в «Комиссии, судившей и руководившей расстрелом семьи Романовых». Такое свидетельство хранится в личном деле персонального пенсионера Ф.Н. Лукоянова. Более детально осветить события и показать действующие лица, их роль и участие в гибели Михаила Романова можно будет лишь, ознакомившись на Лубянке с секретными документами ВЧК, а также с материалами региональных архивов ФСБ.

Следует отметить, что сохранилось одно странное (на первый взгляд) свидетельство бывшего пермского чекиста Александра Азиевича Шамарина:

«После своего отречения от престола брат царя Николая II – Михаил Романов из Москвы (правильно: из Петрограда. – *В.Х.*) был выслан в г. Пермь. Ярко монархические церемонии буржуазии, почти ежедневные шествия нового царя-спасителя до кафедрального собора по устланной мостовой коврами и живыми цветами, раздражали рабочий класс, а мы учили, что мнение рабочих тождественно решению народа и привели их желание в исполнение. В апреле месяце (так в документе. – *В.Х.*) 1918 г. в доме б/в Торгового банка, угол Сибирской и Монастырской улиц, по постановлению Пермского Исполнительного комитета и Губчека Михаил Романов был расстрелян. Могучие волны реки-матушки Камы навсегда похоронили остатки царского трона России – Романовых… В операции участвовали: тт. Малкин, Барандохин М., Шамарин А., Воробцов и другие»760.

Что это: свидетельство еще одного «самозванца» в герои?! По правде говоря, не очень похоже. А.А. Шамарин являлся персональным пенсионером и в его деле имеется упоминание о наличии этого постановления Пермской Губчека. Однако позднее в инстанциях этот документ, по-видимому, был утерян или изъят. Это подтверждает и переписка об утраченных документах с органами Минсобеса.

Возможно, по постановлению Пермской Губчека были расстреляны камердинер великого князя В.Ф. Челышев и шофер П.Я. Борунов или другие лица, выдаваемые за Михаила Романова и Н.Н. Джонсона. А постановление понадобилось для реабилитации местных органов чека за «побег» великого князя. О реальности такой версии говорит телеграмма председателя Пермской ЧК Воробьева в Совнарком от 14 августа 1918 года: «В тюрьме находится прислуга Романовых, ходатайствует об освобождении. Телеграфируйте, как поступить. Чрезком Воробьев»761. Вскоре, 21 августа, на нее был дан ответ Я.М. Свердлова: «Относительно прислуги Романовых предоставляю поступить [по] вашему усмотрению согласно обстоятельствам»762.

Следует заметить, что «обстоятельства» не заставили себя ждать. Так, например, заключенный пермской тюрьмы камердинер А.А. Волков писал по этому случаю в своих воспоминаниях:

«В полночь с 21 на 22 августа старого стиля в камеру вошел надзиратель и спросил:

– Кто Волков? – Я отозвался.

– Одевайтесь, пойдемте. – Я стал одеваться.

Смирнов также оделся и сам, сильно взволнованный, успокаивал меня. Я отдал ему бывшие у меня золотые вещи; мы попрощались, поцеловались. Смирнов сказал мне:

– И моя участь, Алексей Андреевич, такая же, как ваша.

Пришел с надзирателем в контору, где уже ожидали трое вооруженных солдат. Ожидаем Гендрикову и Шнейдер. Раздается телефонный звонок: спрашивают, очевидно, о том, скоро ли приведут нас; ответили: “Сейчас” – и послали поторопить Гендрикову и Шнейдер. Скоро подошли они в сопровождении надзирателя. Тотчас, под конвоем трех солдат, очень славных русских парней, тронулись в путь. Он был не особенно далек. На вопрос, куда нас ведут, солдат ответил, что в арестный дом. Здесь нас ожидали еще восемь человек: пять мужчин и три женщины. Между ними были Знамеровская и горничная той гостиницы, где жил великий князь Михаил Александрович. Таким образом, нас всех оказалось одиннадцать человек. Конвойных было двадцать два человека. Начальником являлся какой-то матрос. Среди конвойных, кроме приведших нас трех солдат, не было ни одного русского.

Гендрикова пошла в уборную и спросила конвойного о том, куда нас поведут отсюда. Солдат ответил, что нас поведут в пересыльную тюрьму.

– А потом? – спросила Гендрикова.

– Ну а потом – в Москву, – ответил конвойный.

Пересказывая свой разговор с солдатом, Гендрикова сделала пальцами жест:

– Нас так (т. е. расстреливать) не будут.

Матрос, уже одетый, веселый, с папироской во рту, не раз выходил на улицу: очевидно, смотрел, не рассветает ли. Слышен был голос конвойного:

– Идем, что ли?

– Подождем немного, – отвечает матрос. Через некоторое время он сказал:

– Пойдемте.

Вывели нас на улицу, выстроили попарно: впереди мужчин, позади женщин, и повели. Провели через весь город, вывели на Сибирский тракт, город остался позади. Я думаю: где же пересыльная тюрьма? И в душу закралось подозрение: не на смерть ли нас ведут?

Впереди меня шел мужчина. Я спросил его, где пересыльная тюрьма.

– Давным-давно ее миновали, – был ответ. – Я сам тюремный инспектор. Значит, нас ведут на расстрел.

– Какой вы наивный. Да это и к лучшему. Все равно – теперь не жизнь. – Трубка, из которой он курил, задрожала в его губах…

Крестьяне везут сено. Остановились. Остановились по свистку и команде матроса и мы. У меня зародилась мысль о побеге…

Стало чуть-чуть рассветать. Дорога, оказалось, была обнесена довольно высокой изгородью…

Прошли не очень далеко, и матрос скомандовал: – “Направо”. Свернули на дорогу, ведущую в лес. На дорогу был уложен накатник. По этой лесной дороге сделали несколько десятков шагов. Опять свисток и команда матроса “Стой”.

Когда матрос сказал “Стой”, я сделал шаг влево. В этот момент как будто мне кто-то шепнул: “Ну, что же стоишь? Беги”. – Словно меня кто-то подталкивал к побегу. Сказав в уме “Что Бог даст”, я тотчас же прыгнул через канаву и пустился бежать.

Лес был мелкий, на земле валежник. Я пробежал несколько шагов. Вслед раздался выстрел. Пуля просвистела возле уха.

Бегу дальше. Второй выстрел. Пуля пролетела на большом от меня расстоянии. Я споткнулся и упал. Слышен был голос конвойного – “Готов”. Во время падения с головы свалилась шляпа. Хотел было ее поднять, но не удалось, я вскочил и побежал дальше. Третий выстрел. Но на этот раз пуля пролетела далеко от меня. Я ждал, что меня станут преследовать, но погони за мной не было. Побежал дальше»763.

В местной газете «Известия Пермского губисполкома» от 11 сентября 1918 г. была помещена заметка «К расстрелу заложников», в которой сообщалось:

«В редакцию доставлен следующий дополненный с более подробными сведениями список заложников, расстрелянных по постановлению Губчека»764. Далее перечислялись 42 человека, среди которых имеются уже знакомые нам фамилии: Челышев Василий Федорович (монах), Волков Алексей Андреевич (слуга Николая II), Шнейдер Екатерина Адольфовна, Гендрикова Анастасия Васильевна. Как мы видим, информация оказалась несколько искажена. Однако за исключением А.А. Волкова никому не удалось спастись. В местной прессе

были опубликованы и другие списки расстрелянных заложников, где оказались: Борунов П.Я., Знамеровская В.М., Лебедева С.С. и др.

Встает еще один вопрос, пожалуй, один из главных. Знал ли председатель ВЦИК Я.М. Свердлов все обстоятельства дела? Можно со всей определенностью ответить: «Да, знал!» Об этом говорят не только документы местных архивов, но и бывшего ЦПА при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ). Так, в одном из документов указывается: «Вскоре в Москву ездил т. Туркин, который, будучи в курсе дела, докладывал Свердлову Я.М. о происшедшем. Мясников также, будучи в Москве, как непосредственный участник дела информировал… Свердлов послал привет остальным участникам дела…»765.

Благословение преступления вождями большевиков подвигло убийц Михаила Романова на новый «подвиг» – уничтожение Николая II. В одном из документов «террористы от революции» признавались: «Составив план похищения Романова, группа… поставила в известность о своем намерении Чрезвычайную Комиссию в Екатеринбурге, предлагая свои услуги… Но в ответ на это… получили обещание в самом недалеком будущем решить самим вопрос о Николае Романове в официальном порядке…»766.

Апробирование сценария и дезинформация

У многих возникает вопрос: было ли все-таки официальное постановление о расстреле Михаила Романова? Таким документом пока историки не располагают, но реальная политическая и военная обстановка, сложившаяся в России к лету 1918 г., предполагает его наличие. В частности, об этом можно судить по протоколу № 41 заседания Малого Совнаркома от 23 мая 1918 г.: «Слушали: 1. Ходатайство дочерей Протопопова об освобождении его из-под ареста ввиду тяжелого состояния здоровья. (Бонч-Бруевич). Постановили: 1. Ходатайство дочерей Протопопова отклонить, всех освобожденных ранее министров и лидеров реакционных партий, в частности, и Пуришкевича вновь арестовать и перевезти в Москву для содержания их под стражей…Слушали: 3. О членах руководящих учреждений кадетской партии. Постановили: 3. Ввиду явно контрреволюционной и предательской деятельности руководящей партии кадетов на Украине и явной солидарности с ними центральных органов кадетской партии в Великороссии – объявить членов Центрального Комитета и других руководящих органов кадетской партии вне закона и предписать Комиссии Дзержинского немедленно их арестовать. Слушали: 4. О членах руководящих органов партии правых с.-р. и меньшевиков. Постановили: 4. Ввиду состоявшегося секретного постановления Центрального Комитета правых с.-р. занимать ответственные посты в Красной Армии и явно

предательской деятельности меньшевиков на Кавказе, в Петрограде и др. местах, объявить членов партии правых с.-р. и меньшевиков врагами народа и предписать Комиссии Дзержинского подвергнуть аресту членов руководящих органов этой партии»767.

С другой стороны, на поставленный вопрос в какой-то мере дают ответ следующие строки автобиографии А.В. Маркова: «Фактически ревкомом руководили мы, местные работники, во главе с тов. Мясниковым, распоряжение же операционного характера выполнялось мной как комендантом завода, совместно с тт. Колпащиковым Иваном и Жужговым Николаем, которые участвовали со мной в расстреле Михаила Романова. Письменных решений не вын[оси]лось, да и не было времени их писать, так как сама обстановка была сверхбоевая…»768.

Несмотря на поздний час «похищения» Михаила Романова, дело получило нежелательную широкую огласку. Тогда чекистами была предпринята акция, под видом официального следствия, изъятия «неудобных» для них свидетелей. Пермская Губ. ЧК 13 июня 1918 г. принимает следующее постановление: «Рассмотрев настоящее дело о похищении из Королевских номеров Михаила Романова и имея в виду, что в данном случае усматриваются признаки преступного деяния, предусмотренные постановлением Всероссийской Чрезвычайной Комиссией, и что в совершении сего подозреваются гр. Челышев, Бурунов (так в документе, надо Борунов. – *В.Х.*), Сапожников и Знамеровский. Постановил: мерой пресечения уклониться от следствия, избрать содержание их под стражей в Пермской губернской тюрьме. Копию настоящего постановления препроводить: начальнику губернской тюрьмы и комиссару Арест. дома.

Заведующий Отд. по борьбе с контрреволюцией

А. Трофимов.

Следователь отдела П. Меньщиков.

Секретарь *Наумов*»769.

Так за решеткой оказались слуги великого князя, его друг П.Л. Знамеровский и комендант гостиницы И.Н. Сапожников.

Среди архивных документов сохранился мандат Пермской ЧК, выданный 14 июня 1918 г.: «Предъявитель сего товарищ П. Меньщиков Пермским Окружным Чрезвычайным Комитетом командируется для расследования обстоятельств дела о скрывшемся бывшем князе Романове, а потому тов. Меньщиков имеет

право по собственной инициативе допрашивать лиц по делу о скрывшемся Романове. Все советские учреждения и лица должны беспрепятственно исполнять распоряжения товарища Меньщикова»770.

К допросам кроме арестованных были также привлечены С.В. Тупицин, его домашняя прислуга Л.И. Мисерева и обслуживающий персонал Королевских номеров. Протоколы допросов датированы 14–18 июня 1918 г… Видимо, уже 19 июня дело было относительно свернуто, хотя арестованных на свободу не выпустили. За 19 июня 1918 г. в следственных материалах имеется резолюция о представлении копий документов в Екатеринбургский Облсовет. Еще одна резолюция от 27 июня 1918 г. гласит: «Срочно от регистратуры Губ. Исп. Комитета подготовить справку по делу Михаила Романова, т. е. всю переписку Президиума и все распоряжения ВЧК (возможно, написано «УЧК». – *В.Х.*), ЧК и Обл. Исп. К-та по этому делу. Сивков»771.

Как видно из этих резолюций, «дело побега Михаила Романова» контролировалось вышестоящими инстанциями.

В местной периодической печати появилась информация об этом деле. Так, например, газета «Голос Кунгурского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» 22 июня 1918 г. сообщила читателям:

«В нашей области.

Похищение Михаила Романова.

В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым и предъявили ему какой то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова, Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет.

Производятся энергичные розыски»772.

Следует заметить, что показания следствия мало дают к тому, о чем уже мы рассказывали по признаниям самих организаторов этого «похищения». Интерес представляют лишь некоторые детали происшествия. Управляющий Королевских номеров Илья Николаевич Сапожников 14 июня 1918 г. при допросе следователем Павлом Федоровичем Меньщиковым, показал: «Еще в марте месяце к нам в номера был помещен бывший великий князь Михаил Александрович Романов с его личным штатом, а именно секретарем гражданином Джонсоном, камердинером Челышевым и слугой Боруновым, все они заняли по номеру. Таким образом, Романов № 21, Джонсон № 15, Челышев вначале № 18, но в мае месяце занял № 14, Борунов в № 18. За все время, сколько они жили, к ним часто ходил некто Знамеровский, звать не знаю как, еще какаято старушка, которая носила молоко. А кроме этих лиц, я никого не видал. 12-го на 13-е сего июня нового стиля без 15 минут в 12 ч ночи по новому времени в номера вошел какой-то неизвестный человек, одетый в шинель, на левой руке были золотые прошивы, какие носят раненые офицеры. Вошел и, обращаясь ко мне, сказал, что ему нужно Мих. Романова. Я спросил его, кто он такой и есть ли у него мандат. На что неизвестный ответил; не Вам мандат, а Романову. Тогда я спросил его, зачем Вам его, на это неизвестный мне ответил: "Не Ваше дело". Причем держал револьвер. Тогда я сказал, что Романов вверху, неизвестный тотчас же пошел кверху, некоторое время спустя спустился снова вниз. Позвал с улицы еще двух неизвестных мне людей, которые одеты были в солдатском. Один в шинель и один в рубашке… После чего спустились вниз в сопровождении Романова, Джонсона, Челышева, который шел сзади, но на площадке Челышеву один из неизвестных, который вошел первым, сказал, чтоб он, Челышев, не ходил с ними, и все вышли на улицу. Я должен еще добавить, что когда я хотел позвонить по телефону в Чрезвычайный Комитет, то матрос Борунов мне не дал, а стал звонить сам. А когда я его спросил, что ему ответили, то Борунов мне сказал, что ему ответили, что сейчас придут. И действительно некоторое время спустя пришли Малков, Сорокин, Неволин и еще другие, которых я не знаю. А более я ничего показать не могу. *Илья Сапожников*»773.

В этот же день, 14 июня, был допрошен чекистами 34-летний Василий Федорович Челышев, который дал показания, и было записано в протоколе допроса следующее: «Я служу в качестве камердинера у б[ывшего] великого князя Михаила Александровича Романова с 1915 г., после государственного переворота в 1917 г. в феврале Романов Мих[аил] уехал в Гатчину в сопровождении Джонсона (его секретарь) и меня, где жили до марта 1918 г., в марте же были арестованы и отправлены в Петрограде, а оттуда были

препровождены в Пермь, где вначале жили в гостинице Эрмитаж, затем в центральных номерах, а потом уже перешли в Королевские номера, где жили по настоящее время. В ночь 12 на 13 сего июня н[ового] с[тиля] я приготовлял ванну для Мих[аила] Романова, время было приблизительно часов 12 ночи по новому времени; приготовив ванну, я вошел в номер Мих. Александровича и спросил его, сейчас ли он пойдет в ванну, на что получил ответ, что сейчас. Когда я стал выходить из номера, то в коридоре увидал какого-то неизвестного мне мужчину на вид лет 32–33, черные усы, без бороды, одет был в солдатскую шинель. Неизвестный стоял в дверях № 18, занимаемого Боруновым, с которым неизвестный и говорил о чем-то. Я подошел к разговаривающим узнать, в чем дело, тогда неизвестный спросил меня, кто я такой, на что я ответил, что камердинер Мих. Романова. Тогда неизвестный спросил: “А в котором номере живет Мих. Романов?” Я показал неизвестному номер Мих[аила] Алекс[андровича]. Неизвестный, держа в руках какую-то бумагу, хотел войти в номер, но я задержал неизвестного и спросил: “Зачем Вам Романов?” – и сказал, что он болен. На наш разговор с неизвестным из номера Романова вышел его секретарь Джонсон, который также спросил [его], в чем дело. Неизвестный спросил, кто он такой, и, когда получил ответ, что это секретарь Мих. Романова, неизвестный подал Джонсону бумагу, которую называли мандантом. А когда Джонсон взял бумагу и пошел с ней к Мих[аилу] Алекс[андровичу], неизвестный хотел снова войти в номер, но я снова задержал неизвестного. В это время неизвестный вынул из кармана револьвер, направил на меня со словами: “Отойди, мне надо Михаила Романова”. Тогда я отошел, а неизвестный вошел в номер. Войдя, неизвестный прямо обратился к Михаилу Александровичу и спросил его: “Вы Михаил Романов?” – и когда получил утвердительный ответ, то сказал: “Одевайтесь и следуйте за мной”. Михаил Александрович ответил неизвестному, что он болен и пойти за ним не может, а для установления справедливости его слов стал просить доктора. На что неизвестный сказал: “Я знаю ваших докторов” – и стал грубо требовать одеваться, говоря: “Вы подчиняетесь этому мандату”. Михаил Александрович сказал, что он мандату подчиняется, но не подчиняется неизвестному, потому что не знает его, и просил пригласить кого-нибудь из Чрезвычайного К[омите]та, кого бы он знал. Тогда я сказал Михаилу Александровичу, что я сейчас позвоню в Чрезвычайный Комитет, но неизвестный, направив на меня револьвер, сказал: “Ни с места”. Тогда Борунов, стоявший в коридоре, убеждал к телефону, а неизвестный, грубо схватив Михаила Александровича за ворот, силой заставил одеваться. Стал одеваться и Джонсон. Я, подав пальто Михаилу Александровичу, тоже оделся и пошел с ними, но на последней ступени лестницы неизвестный обернулся ко мне и спросил: “Ты куда?”. Я ответил, что с Мих[аилом] Алекс[андровичем]. Неизвестный снова направил на меня

револьвер, снова сказал: “Ни с места”. (Я должен добавить, что когда Михаил Александрович не хотел подчиниться неизвестному, то последний позвал еще двух человек, одетых тоже по-солдатски.) И все вышли на улицу. Тогда я по совету прислуги (которую звать Лиза) пошел на балкон и оттуда стал смотреть, причем видел, как неизвестный силой вталкивал Михаила Александровича в экипаж, верх которого был приподнят.

Неизвестный же сел на козлы, на вторую лошадь посадили Джонсона и поехали по Торговой улице по направлению к Мотовилихе. Как только они повернули на Торговую улицу, я сейчас же пошел в Чрезвычайный Комитет, но по дороге мне попали навстречу тов. Малков, Трофимов и друг[ие], которым я рассказал происшествие. На то что к Михаилу Александровичу за это время кто-нибудь приходил бы, кроме как Знамеровского, я никого не видал, а более я показать ничего не могу. *Челышев*»774.

Через 4 дня после произошедших событий, т. е. 16 июня 1918 г. был допрошен Петр Людвигович Знамеровский: «Я в город Пермь был выслан из гор. Гатчино, где служил начальником жандармского отделения на Балтийской ж. д. За полтора года до революции я перешел на службу в Министерство путей сообщения уполномоченным министра по расследованию злоупотреблений по перевозкам, где и служил до 1917 года до конца апреля, а потом уходил на фронт, где был недолго, по болезни был отпущен и снова жил в Гатчино. Но 7 марта 1918 года по новому стилю был арестован и вместе с бывшим великим князем Мих. Романовым был выслан в Пермь… 12 на 13 июня сего года я находился с 6 вечера до 9 часов у Романова. А ночь спал дома. О похищении я узнал на другой день, т. е. 13 июня, когда я стоял в церкви и оттуда пошел прямо в номера, где жил Романов, а там мне рассказали все как произошло. Мое личное предположение, что его могли взять люди просто злонамеренные, озверевшие. Это было мое первое впечатление, а потом я предполагал, что могли это сделать и какие-нибудь монархические организации. Но есть предположение, что это сделано Центральной Советской властью без ведома местных властей»775.

Петр Людвигович Знамеровский как профессионал оказался близок к истине. Это стоило ему жизни. Дело формально было расследовано, подозреваемые арестованы и позднее расстреляны. Казалось, все концы были спрятаны надежно.

Устранение «претендента» на российский престол, а по сути дела уголовное убийство, обернулось для организаторов этой акции обратным эффектом. Появились многочисленные сообщения в печати, подобно следующим:

«Москва. 21 июня. “Нашей Родине” сообщают из Вятки: здесь распространились слухи, что Михаил Романов находится в Омске и принял главенство сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать земские соборы для решения вопроса, какая власть необходима России»776.

Секретарь Петроградского Телеграфного Агентства (П. Т. А.) Романович 26 июня 1918 г. официально запрашивал Пермский Совдеп: «Срочно сообщите подробности похищения Михаила Романова. Очень важно»777.

«Петроградская газета» 17 июля 1918 г. поместила заметку, в которой говорилось:

«К бегству Михаила Романова.

Проникший в печать слух о бегстве с Урала быв. великого князя Михаила Романова находит себе подтверждение в уральских газетах. В “Известиях Уральского Совета”, полученных в Москве с большим опозданием, напечатана следующая заметка:

Уральским Областным Советом получена из Перми телеграмма следующего содержания:

“13 июля (правильно, в ночь с 12 на 13 июня. – *В.Х.*) ночью неизвестными лицами в солдатской форме похищен быв. великий князь Михаил Романов. Розыски пока не дали результата. Принимаются самые энергичные меры”.

Таким образом, с бегством Михаила Романова приходится считаться, как с фактом совершившимся»778.

Данное сообщение «Петроградской газеты» обращает на себя особое внимание. Во-первых, оно было дано с большим опозданием и чтобы это как-то нивелировать, очевидно, кроме оговорки редакции, что сведения получены «в Москве с большим опозданием», специально была допущена вроде бы опечатка даты. Дата события обозначена 13 июля, вместо ранее сообщавшейся даты 12 июня. С одной стороны, дата 13 июля (для неподготовленного читателя) как бы обновляет событие, а с другой – число 13 могло появиться только в ходе «расследования дела» чекистами. В самом деле, если быть точным, то похищение великого князя состоялось поздней ночью с 12 на 13 июня. Стоит заметить, что именно эта ошибочная дата 13 июля, указанная «Петроградской газетой», иногда упоминается и в эмигрантских периодических изданиях и мемуарах. Во-вторых, газетное сообщение (как по заказу) было опубликовано

17 июля, т. е. в день убийства царской семьи в Екатеринбурге. Это в какой-то мере подготавливало граждан к очередному сообщению о расстреле Николая II и подспудно подвигало к выводу о возможности в противном случае, такого же побега бывшего императора. В-третьих, в нем четко прослеживаются звенья продолжающейся цепи продуманной дезинформации. Достаточно вспомнить, что ранее вместе с сообщениями в советской прессе о побеге Михаила Романова были опубликованы первые, зондирующие общественное мнение, сообщения об убийстве Николая II, которые позднее были объявлены ложными слухами.

Стоит отметить, что провокационная информация появилась и в провинциальных периодических изданиях. Так, например, в местной газете «Ишимский край» через полтора месяца после расстрела великого князя было опубликовано следующее сообщение:

«Михаил Романов.

В связи с известием об исчезновении из Перми Михаила Романова и в печати, и в обществе циркулируют самые противоречивые слухи.

“Новая Газета” передает: “Бывший великий князь Михаил Романов передал одному из сенаторов, находящихся в Омске, для распубликования текст манифеста о своем восшествии на престол. Михаил Романов одновременно уведомит о своем восшествии на престол союзников.

С другой стороны, хорошо знающие Михаила Романова лица, как, например, проживавший в доме рядом с ним в Гатчине бывший гласный петроградской городской управы Шлейфер решительно заявляет, что все слухи об исчезновении великого князя, о похищении его чехословаками и о манифесте к народу ему представляются вымыслом.

По словам Шлейфера, графиня Брасова (супруга великого князя), недавно вернувшаяся из Перми, рассказывала о том, что посланные письмо и телеграмму от Михаила Романова она получила в Гатчине 15 июня. Письмо, привезенное с нарочным, было датировано 12 июня. Из этого видно, что еще в четверг Романов был в Перми. В письме и телеграмме он сообщает, что собирается переехать в специально нанятый им дом и просит приехать в Пермь жену. Накануне же, в субботу, Зиновьев в заседании Петроградского Совета сообщил телефонограмму о бегстве Романова. В воскресенье госпожа Брасова уехала в Петроград, была в понедельник в Смольном, но ничего положительного об исчезновении ее мужа из Перми узнать ей в Петрограде не удалось.

Лица, хорошо знающие Михаила Александровича, тем менее верят в манифест Михаила Романова, что бывший великий князь слишком далек от политики и ни при каких условиях не согласится, по их мнению, играть ответственной роли.

Сын Михаила Александровича, девятилетний мальчик, по слухам, отвезен в Англию"»779.

Чуть позже, т. е. 23 июля 1918 г., появилось сообщение со ссылкой на пресс-службу Совнаркома о том, что Михаил Романов бежал в Омск и теперь предположительно находится в Лондоне780.

Поскольку слухи о «спасении» великого князя Михаила Александровича Романова разрастались, были предприняты попытки как-то выйти из создавшего пикантного положения. Член Уральского исполкома Совдепа П.М. Быков, автор ряда работ о последних днях Романовых, писал в 1921 г., объясняя причину запоздалого сообщения: «Следует отметить то обстоятельство, что в официальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Было сообщено о расстреле лишь бывшего царя, а великие князья, по нашим сообщениям, или бежали, или были увезены – похищены неизвестно кем. То же самое было сообщено и о жене, сыне и дочерях Николая, которые будто бы были увезены в "надежное место"… Это дало возможность сторонникам монархии говорить о побегах некоторых членов семьи. Чтобы рассеять этот туман, уже зимой 1918 г. Областной Совет опубликовал официальное сообщение о расстреле и Михаила Романова»781.

Поиск этого сообщения, предпринятый нами, пока не дал результатов. Вместе с тем чтение газет 1918 г. приводит к удивительным находкам.

В тексте одной из полос газеты «Известия Пермского уездного исполкома Совета крестьянских и рабочих депутатов» от 18 сентября 1918 г. зияет черный квадрат. После работы над этой «черной дырой» в лаборатории реставрации документальных материалов удалось прочесть текст следующего содержания:

«Задержание Михаила Романова.

После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по Па[шийскому] тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на [двоих] проходящих по направлению к [Пашийскому] заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них

высокого роста, с русой бородой «буланже» особенно обратил на себя внимание.

Агент потребовал от этих лиц предъявления документов. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы) им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. Ост[аваясь] уверенными, что спрашиваемые лица загримированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы.

Председатель Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии

П. Малков»782.

В других пермских (губернских и уездных) газетах в эти дни гранки набора объявления были сняты и бросаются в глаза уже квадраты белые. Кроме того, сохранилась телеграмма РОСТА, переданная 20 сентября 1918 г. по прямому проводу из Москвы в Киев (бывший в то время центром монархического белогвардейского движения). Текст телеграммы лаконичен: «Пермь. 18 сентября. [В] 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского губчрезкома задержаны Михаил Романов, его секретарь. Они препровождены [в] Пермь»783.

Вслед за этими объявлениями газета «Ишимский край», выходившая на территории, занятой белогвардейцами, сообщала со ссылкой на другие источники:

«Солдат революции» от 2-го октября [1918 г.] пишет: «После побега бывшего великого князя Михаила Романова мероприятия губернской комиссии дали возможность его задержать. Арест состоялся 12 сентября в 10 верстах от Чусовского завода, где бывший князь и его секретарь Джонсон были найдены переодетыми».

Перед нами одно из звеньев сложной операции по уничтожению Романовых со всеми ее элементами, включая дезинформацию.

События, связанные с Михаилом Романовым, явились поводом для ужесточения режима заключения Романовых в Екатеринбурге и Алапаевске.

Репетиция была проведена, сценарий апробирован. Впереди был главный акт драмы: Екатеринбург и Алапаевск.

Супруга Михаила Романова графиня Н.С. Брасова на тридцать четыре года переживет мужа. Ей предстоит похоронить сына Георгия, погибшего в автокатастрофе в 1930 г. Она испытает немало горя и лишений. Лишь картины художника С.А. Жуковского, написанные в 1916 г. по заказу графини, – «Комната в имении Брасово» и «Малая гостиная», ныне хранящиеся в Третьяковской галерее, напоминают нам о былом величии великокняжеской семьи.

Великий князь Михаил Александрович был канонизирован РПЦЗ в конце октября – начале ноября 1981 г.

Глава X

Екатеринбург

Новое пристанище

Поезд, в котором везли Николая II к Екатеринбургу, только еще приближался к станции, но новая тюрьма здесь уже готова была его принять. Еще когда в апреле Яковлев проезжал Екатеринбург, устремляясь в Тобольск, он вручил Голощекину следующую записку:

«Дорогие товарищи!

Сегодня по прямому проводу предупреждаю Вас о поездке к Вам подателя (записки. – *В.Х.*) т. Яковлева. Вы поручите ему перевести Николая на Урал. Наше мнение пока находиться ему в Екатеринбурге. Решите сами устроить ли его в тюрьме или приспособить какой-либо особняк. Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите».

Впервые публикуемый подлинник (автограф) Свердлова отбрасывает все сомнения в «самостоятельности» уральцев. Центр приказал: сами ищите место «посадки» императора и ждите решение его судьбы.

О Яковлеве в записке говорилось: «Задача Яковлева – доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать или председателю Белобородову или Голощекину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь о деталях с Яковлевым.

С товарищеским приветом *Я. Свердлов*.

9. IV.1918 г.»784.

Как екатеринбуржцы «сговаривались» с Яковлевым, мы подробно описали в предыдущей главе. Что же касается особняка или тюрьмы для Николая II, то уральцы выбрали особняк, превратив его в тюрьму.

Дело это было не простое, поскольку домов в городе было много. Но выбрали именно дом Ипатьева. Дом был расположен на косогоре Вознесенской площади. Площадь венчал Вознесенский собор, мимо нее шла Вознесенская улица. На противоположной стороне собора, на косогоре, спускающемся к пруду, и стоял дом, ставший последней обителью царской семьи.

Место, где располагался Ипатьевский дом – необычное. Еще при основании города на Вознесенской горке, в XVIII в. построил свой частный дом строитель города, историк и горный деятель, сподвижник Петра I Великого В.Н. Татищев. Это был северо-восточный, самый возвышенный «угол» города-крепости. Площадь украсил не только Вознесенский собор. Рядом с ним, как бы спускаясь по Вознесенской улице, в XIX в. появился великолепный дворец купца и горнозаводчика Расторгуева. В XIX в. улица, прямиком ведущая к железнодорожному вокзалу, стала быстро обстраиваться домами. В 70-х годах XIX в. здесь, прямо через улицу, как раз напротив Вознесенского собора, и был построен двухэтажный каменный дом.

Инженер-капитан Николай Николаевич Ипатьев купил его в 1909 г., а до него дом имел еще двух хозяев. Это было благоустроенное жилище, здесь имелись: водопровод, ванны, телефон и т. п.

Ф.И. Голощекин 28 апреля, подыскивая надежное помещение для царской тюрьмы, вызвал к себе «жилищного» коменданта города Жилинского. Задача, поставленная перед ним Голощекиным, была четкой: найти в городе «недоступную жилищную площадь», помещение, которое бы имело хороший сектор обстрела в случае возможного на него нападения. Поиски длились два дня. Жилинский сначала выбрал два дома: доктора Архипова по Васенцовской улице и капитан-инженера Н.Н. Ипатьева. Остановились на последнем. Ипатьеву было предложено переехать к его родственникам – Голкондским,

освободив свой дом в 48 часов. Выселение произошло немедленно, в доме осталась мебель (между прочим, огромное чучело медведя, встречавшее посетителей у входа, в прихожей). В 48 часов были произведены строительные работы, в которых участвовало 100 человек. На ста лошадях подвозили доски, был построен высокий забор. После этого дом посетили: Голощекин, Белобородов, Дидковский, Чуцкаев.

Было нечто роковое в том, что Романовых везли именно в Екатеринбург. В Петербурге, основанном Петром Первым, Николай II родился, там он потерял трон. Теперь он подъезжал к городу, основанному соратниками Петра в 1723 г., названному в честь императрицы Екатерины. К приезду Романовых бюсты Екатерины II, так же как и Петра I, были сняты с пьедестала и сброшены в городской пруд матросами.

Город находится буквально близ границы Европы и Азии, и почти 200 лет был «столицей» горного Урала, центром управления многочисленными заводами.

Весна здесь редко бывает хорошей: до вскрытия рек она дождлива, а то и снежна. Но 17(30) апреля, когда поезд с Романовыми в 8.40 утра подошел к вокзалу, стоял «чудный, теплый день». Но отнюдь не гостеприимным, не в пример погоде, был прием поезда встречавшей его толпой. На вокзале собравшиеся требовали предъявить Романовых, вели себя угрожающе. Простояв три часа, поезд ушел на другую станцию – Шарташ.

В. Яковлев в своих воспоминаниях так описал обстановку:

«Поезд стоял на пятой линии от платформы. Когда нас увидели, стали требовать вывести Николая и показать им. В воздухе стоял шум, то и дело раздавались угрожающие крики: “Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!” Стоявшая на платформе охрана весьма слабо сдерживала натиск народа, и беспорядочные толпы начали было надвигаться на мой состав. Я быстро выставил свой отряд вокруг поезда и для острастки приготовил пулеметы. К великому моему удивлению, я увидел, что во главе толпы каким-то образом очутился сам вокзальный комиссар. Он еще издали громко закричал мне:

– Яковлев! Выведи Романовых из вагона. Дай я ему в рожу плюну!

Положение становилось чрезвычайно опасным. Толпа напирала и все ближе подходила к поезду. Необходимо было принять решительные меры.

– Приготовить пулеметы!

Это подействовало. Толпа отхлынула, по моему адресу тоже полетели угрожающие крики. Тот же вокзальный комиссар иступленным голосом вопил:

– Не боимся мы твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены! Вот, видишь, стоят на платформе!

Я посмотрел в указанную им сторону. Действительно, там шевелились жерла трехдюймовок и кто-то около них копошился…Через несколько минут мы были уже отделены от бушующей толпы стеной вагонов. Послышались крики и ругань по адресу машиниста товарного поезда, и пока толпа перебиралась на нашу сторону через буфера товарняка, мы, имея уже прицепленный паровоз, снялись с места и исчезли в бесчисленных путях Екатеринбургской станции, а через 15 минут были в полной безопасности на Екатеринбурге-2[19]»785.

В дневнике Николай Александрович, правильно оценив обстановку, 17 (30) апреля записал следующее: «В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые, и поезд перешел к другой – товарной станции. После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему комиссару…»786. «Их начальник, – писала в дневнике Александра Федоровна, – посадил нас троих в открытую машину, нас сопровождал грузовик с вооруженными до зубов солдатами»787. На задние сиденья автомашины расположили Романовых, а рядом с шофером П.П. Самохваловым заняли место Б.В. Дидковский и Ф.И. Голощекин. Позднее шофер показал следователю Н.А. Соколову: «Командовал здесь всем делом Голощекин. Когда мы подъехали к дому (Ипатьева. – *В.Х.*), Голощекин сказал Государю: “Гражданин Романов, можете войти”. Таким же порядком Голощекин пропустил в дом Государыню и [великую] княжну и сколько-то человек прислуги… В числе прибывших был один генерал. Голощекин спросил его имя, и когда тот себя назвал, он объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму…»788. Это был князь В.А. Долгоруков. Александра Федоровна кратко зафиксировала в дневнике: «Валя [Долгоруков] не впускают [в дом]»789.

Несмотря на все принятые меры, у дома Ипатьева стала собираться толпа любопытствующих. «Я помню, – показал шофер Самохвалов, – Голощекин кричал: “Чрезвычайка, чего вы смотрите?” Народ был разогнан»790.

По свидетельству А.Д. Авдеева, назначенного комендантом «дома особого назначения», как теперь стал называться дом Ипатьева, Белобородов сразу же объявил Романовым следующее: «По постановлению ВЦИК, Николай Романов и его семья будут находиться в Екатеринбурге, в ведении Уральского

областного Совета рабочих и солдатских депутатов впредь до суда»791. Затем, передав их коменданту, Белобородов оставил Ипатьевский дом.

Комендант А.Д. Авдеев дальше пишет в воспоминаниях: «Остались мы с Дидковским в доме и произвели осмотр вещей, взятых им и его спутниками из Тобольска, так как при выезде из Тобольска осмотра не производилось, для чего предложено было привезенные чемоданы оставить в коридоре. Когда мы предложили предъявить для осмотра ручные саквояжи, Александра Федоровна начала протестовать…. Николай Романов молчал»792. Рассказ коменданта дополнил позднее камердинер императора Т.И. Чемодуров, случайно оказавшийся живым:

«Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: “До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми”. На это замечание Дидковский резко ответил: “Прошу не забывать, что вы находитесь под следствием и арестом”»793.

После обыска началось размещение в доме. Одновременно была послана следующая телеграмма:

«2 адреса. Москва. Председателю Совнаркома Ленину.

Председателю ЦИК Свердлову.

Из Екатеринбурга

Сегодня 30 апреля [в] 11 часов петроградского [времени] я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены [в] особняк, охраняемый караулом. Ваши запросы [и] разъяснения телеграфируйте мне.

Председатель Уральского Облсовета Белобородов»794.

Ужесточение режима Романовых являлось особой директивой центра. В день прибытия Романовых в столицу горнозаводского Урала председатель облсовета получил следующую телеграмму:

«Екатеринбург. Председателю (Уральского) областного Совдепа Белобородову.

Предлагаю содержать Николая [Романова] самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караулы. Сообщить подробности условий нового содержания.

Председатель ЦИК Свердлов»795.

Белобородов тотчас же ответил секретной телеграммой в Москву:

«Секретно.

Председателю ВЦИК Свердлову.

Екатеринбург.

Ответ [на] Вашу записку. [Романовы] содержатся [под] строгим арестом, свиданий абсолютно посторонним не разрешается. Челядь и Боткин [на] одном положении [с] арестованными. Князь Василий Долгоруков, епископ Гермоген нами арестованы, никаких заявлений, жалоб ихних ходатаев не удовлетворяйте. Взятых [у] Долгорукова бумагах, видно, существовал план бегства. [С] Яковлевым произошли довольно крупные объяснения, в результате расстались холодно. Мы резолюцией реабилитировали [от] обвинений [в] контрреволюционности, признав наличность [их] излишней нервности. Он теперь [на] Ашабалашевском заводе, сегодня ему телеграфируем выезд [для] окончательного выполнения задачи. Телеграфируйте [в] Тобольск отряду особого назначения, чтобы не беспокоились, их товарищи находятся [в] Екатеринбурге. Уплату жалованья распускаемым солдатам отряда особого назначения мы произведем сами через Яковлева. Смету пришлем.

Белобородов»796.

Оставалось выяснить отношения между основными участниками событий. Сейчас, когда мы обладаем документами (к сожалению, далеко не всеми), во многом проясняющими события «переезда» Николая II, его дочери и жены из Тобольска в Екатеринбург, для нас нет никакого сомнения, что верхушка Екатеринбургского Совета, за исключением, возможно, Голощекина, «оглядывавшегося» на Центр, явно стремилась перебить Романовых, не довести их до Екатеринбурга. Позиция Центра, а ее олицетворял Свердлов, была более сложной. Все в ЦК (в том числе и Ленин) были готовы в любой момент отдать приказ о расстреле Романовых, и постепенно, планомерно готовили их сосредоточение на Урале. Это мнение подкрепляется документами.

30 апреля после бурных обсуждений, длившихся несколько часов в областном Совете, Яковлев получил на официальном бланке следующую резолюцию, подписанную А.Г. Белобородовым:

«Заслушав объяснения т. Яковлева и тт. Гузакова, Авдеева и Заславского, областной Совет на основании этих сообщений, считает действия т. Яковлева вызванными его нервозностью, подозрения и рисующиеся ему заговоры более всего продуктом его преувеличенных опасений и непониманием возложенной на него миссии. Что касается обвинения т. Яковлева в контрреволюционности и измене революции, то областной Совет решительно такое обвинение с тов. Яковлева снимает»797.

Однако чрезвычайный комиссар Яковлев был оскорблен подозрением его участия в контрреволюционном заговоре, отказался от проведения дальнейшей операции по перевозке остальных членов царской семьи из Тобольска в Екатеринбург и уехал в Москву. Уральцам он оставил на прощание следующую расписку от 30 апреля:

«Я, комиссар Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Сов[етов] раб[очих], кр[естьянских] и сол[датских] депутатов, имеющий специальное поручение как от Сов[ета] Нар[одных] Комиссаров, так и от ВЦИК перевести всю семью бывш[его] царя Николая Романова из г. Тобольска в г. Екатеринбург, вследствие того что за отъездом в Москву я не успел выполнить всей возложенной на меня задачи, а перевез в г. Екатеринбург только царя, царицу и их дочь Марию, в интересах окончания этого дела и благополучного разрешения возложенной на меня задачи – передаю настоящим Уральскому областному Совету раб[очих], кр[естьянских] и солд[атских] депутатов свои полномочия для дальнейшей переотправки б[ывшей] царской семьи в г. Екатеринбург. Поэтому все оставленные мною в г. Тобольске лица обязаны беспрекословно подчиняться распоряжениям областного Совета, так же как если бы эти распоряжения отдавались мною лично. Распоряжения областного Совета будут подписываться председателем обл[астного] Совета т. Белобородовым, подпись которого такова:

Председатель областного Совета *А. Белобородов*.

Чрезвычайный комиссар Совнаркома *В. Яковлев*.

P.S. Оставленная на имя Кобылинского бумага этим документом аннулируется.

Чрезвычайный комиссар Совнаркома *Яковлев*»798.

Вскоре, 16 мая в газете «Известия ВЦИК» появляется статья «К переводу бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург», которая полностью восстановила репутацию Яковлева. Он получил ответственное назначение, В удостоверении,

выданном ему наркомом по военным делам Л.Д. Троцким, от 14 мая 1918 г., указывалось:

«Предъявитель сего тов. Яковлев назначен командующим всеми вооруженными силами, действующими против банд Дутова.

Все воинские части, отряды и команды должны тов. Яковлеву подчиняться безусловно. Предписывается тов. Яковлеву войти в соглашение с Уральскими областными Советами и, действуя по соглашению с местными Советами, немедленно организоваться отряды для самой энергичной борьбы с противником и с контрреволюционными бандами.

Все местные органы власти, Советы, учреждения и отдельные лица обязуются оказывать тов. Яковлеву самое энергичное, немедленное и совершенное содействие, как в деле получения им всех видов интендантского, инженерного и артиллерийского снабжения, так и в выполнении им чисто оперативных заданий тов. Яковлев подчиняется непосредственно Народному Комиссару по Военным делам. Полномочия эти распространяются на все местности, где развивается контрреволюционное движение – на Южном Урале и в Оренбургских степях.

Вышеизложенное подписями с приложением печати удостоверяется

Народный Комиссар по Военным делам *Л. Троцкий*»799.

Вскоре Яковлев получает назначение главнокомандующим на Уральско-Оренбургский фронт. Таким образом, его самолюбие было полностью удовлетворено.

Но главное, конечно, было не во всех этих конфликтах, главное дело было сделано: Романовы, хотя пока и не вся семья, были на Урале, следовало выполнять план дальше. Вместе с тем могли быть и другие варианты. В той сложной игре, которую вело правительство Ленина весной – летом 1918 г., Романовы были особой картой. Они были ею как в международном плане (если взять его в самом широком смысле в отношениях РСФСР с державами Оси и Антантой), так и в плане определенных обязательств (выдвинутых не только условиями брестских соглашений) перед немецким правительством. Тема эта требует дальнейшей глубокой, основанной на новых документах, разработки. По сути дела, чрезвычайный комиссар Яковлев, выполнив установку Свердлова, сорвал планы уральцев уничтожить Романовых. Но Свердлову совсем не хотелось представить дело таким образом, что вокруг Романовых не было никаких реальных попыток к их освобождению. Создается впечатление (и оно, как мы увидим ниже, подтверждается документами), что Свердлову (он

выражал точку зрения ЦК партии) постоянно требовалось искусственно создавать ситуацию о бесконечных монархических заговорах с целью освобождения Романовых.

Следует заметить, что в 1918 г. бывший комиссар В.В. Яковлев оказался в стане сторонников Комитета Учредительного собрания (Комуч), который под флагом эсеров боролся с большевиками. Однако из этого ничего не вышло. Яковлев, опасаясь ареста со стороны колчаковцев, был вынужден под чужим именем бежать в Харбин. Через 10 лет после своего опрометчивого шага он подал просьбу И.В. Сталину и В.Р. Менжинскому о разрешении вернуться в Россию. В письме от 15 марта 1928 г. он упомянул среди своих революционных заслуг и эвакуацию Николая II:

«Я, Константин Алексеевич Мячин (Стоянович, Яковлев), сын крестьянина села Шарлык, Михайловской волости, Оренбургской губернии, родился в 1886 г. /…/

В 1917 г., когда в России вспыхнула революция, немецкие власти разрешили мне выехать в Россию. Я вместе с группой, кажется, человек в 80, в числе которых находился т. Попов, Татаринов, Романов и др., через Стокгольм, Торнео, Финляндию приехали в Ленинград. Вскоре же я приехал к себе на Урал и устроился монтером в Симский завод, где был избран председателем Совета. Осенью 1917 г. я был послан от Симского округа делегатом вместе с т. Данилой Сулимовым на съезд Советов в Петроград.

Когда начались октябрьские события, военный комитет назначил меня комиссаром телефонных станций, которые несколько раз переходили из рук в руки, в захвате которых я принимал активное участие. В дальнейшем я был назначен в Чрезвычайную комиссию, где работал, правда, недолго, с Дзержинским. /…/

Меня назначили военным комиссаром Урала, и в декабре месяце я совместно с т. Немвицким уехал в Екатеринбург. По приезде на место выяснилось, что комиссаром Урала уже назначен другой. Начались трения. В конце концов, я принужден отказаться и уехать в Уфу, где начал работать в составе Уфимской боевой организации. Уфимский Совет нуждался в оружии и деньгах, а Петроград в хлебе. Совет постановил командировать меня в Петроград с хлебом и дал поручение привезти оттуда оружие и деньги. Когда я выехал, точно не помню, кажется, весной 1918 г. Я повез 40 вагонов хлеба через Екатеринбург и доставил свой состав в Петербург в недельный срок. В пути на нас было несколько нападений, но моему отряду удалось их отбить. В Петербурге мне удалось достать целый состав амуниции, пушек, несколько броневиков, автомобилей, а т. Менжинский, будучи народным комиссаром финансов, выдал

мне на нужды Уфимского Совета 5 млн рублей. Кроме того, представитель Госбанка вез в Петроград для своего отделения, кажется, 20 млн рублей. Всю эту работу мы проделали в течение 10–12 дней и выехали в Москву. Здесь я явился к т. Свердлову, знавшему меня по Петербургу. Тов. Свердлов дал мне секретное поручение перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург. По его распоряжению [царская] семья должна быть доставлена в Екатеринбург целой. Получив специальный мандат от т. Ленина, я срочно выехал. Сдав оружие и деньги Уфимскому Совету, я выехал исполнять поручение. (Ввиду имеющихся в печати сообщений, неправильно излагавших и освещавших факты, я остановлюсь подробнее на перевозке Романовых.) По приезде в Тобольск я встретил там противодействие со стороны т. Заславского, который сам хотел вывезти Романовых, но, несмотря на долгое там пребывание, сделать этого не смог. Через несколько дней (4–5, точно не помню) мне удалось заставить охрану подчиниться мне, и я увез Николая, его жену, дочь и часть прислуги. Заславский срочно выехал в Екатеринбург, оставив инструкции своему отряду меня дальше Иртыша не пускать.

На полпути из Тобольска в Тюмень меня встретил с остальной частью моего отряда т. Гузаков и сообщил мне, что нужно быть осторожным, ибо на пути в Екатеринбург готовится нападение. Прибыв в Тюмень, я бросился к аппарату и вызвал т. Свердлова. Объяснив ему создавшуюся ситуацию, я просил его дальнейших инструкций. Он дал распоряжение пока направиться в Омск, а сам обещал этим временем вести переговоры с Уральским Советом, чтобы последний помог мне избавиться от грозившей опасности со стороны безответственных отрядов, на которые мог оказать влияние только Екатеринбург. По приезде в Омск я снова вызвал т. Свердлова к аппарату и получил от него приказание ехать в Екатеринбург, ибо ему удалось договориться с Уральским Советом, и последний обещал принять меры охраны. В Екатеринбурге я сдал Романовых т. Белобородову и получил расписку. Все вышеизложенное я могу подтвердить документальными данными, которые, несомненно, имеются в архивах Тюмени, Омска, Москвы. Кроме того, имеется целый ряд живых свидетелей, как т. Галкин, Гузаков, Чудинов, Мыльников и др. тов. моего отряда, состоявшегося из 275 человек, более 60 % из которых были коммунисты. Из Екатеринбурга я вернулся в Уфу, а оттуда в Москву с докладом. Тов. Ленин, т. Свердлов мои мероприятия, которые были приняты мною при перевозке, одобрили и меня назначили на Самарский фронт вместе с т. АнтоновымОвсеенко и Гузаковым. /…/

Будучи еще в китайской тюрьме, я окончательно решил вернуться в СССР, чтобы покончить со своими двойственным положением, из-за которого я долгие годы переживал мучительные моральные пытки.

Подпись: *Стоянович (Мячин-Яковлев)*»800.

Известно, что ему разрешили вернуться. Затем судили, приговорили к смертной казни, которую заменили концлагерем. Он сидел на Соловках, трудился на строительстве Беломорканала, даже досрочно был освобожден с восстановлением в правах. Однако через некоторое время последовал новый арест и расстрел. Как говорится: «Мавр сделал свое дело».

Эпопея чрезвычайного комиссара В.В. Яковлева другую оценку получила в материалах расследования белогвардейского следователя Н.А. Соколова и позднее на страницах эмигрантской печати. В частности, в газете «Последние новости» (Париж) от 30 марта 1924 г. отмечалось по материалам следствия:

«Соколов обращает внимание на то, что в Тобольске Яковлев обнаруживал враждебность намерениям большевиков относительно царской семьи. Его действия, по мнению следователя, были координированы с действиями административного центра в Омске, какой-то небольшевистской иностранной силой. По директивам этой силы, Яковлев вез императора не в самый Екатеринбург, а пытался через Омск, а потом через Екатеринбург (правильно по южной железнодорожной ветке через Челябинск. – *В.Х.*) доставить его в Европейскую Россию.

Соколов думает, что Николай II разгадал Яковлева. Он видел в нем слугу немцев под большевистской маской и боялся, что его увозят, чтобы заставить примириться с неприятелем. Немцы хотели дать царю или его сыну возможность вернуться к власти и заключить с ними союз, изменив прежним союзникам.

Это, конечно, только догадки, обосновать которые неопровержимо по имеющимся материалам нельзя. Но самые факты, на которых Соколов строит свои заключения, остаются очень интересными»801.

Следователь Н.А. Соколов был введен в заблуждение хитроумной, на наш взгляд, комбинацией Я.М. Свердлова. Комиссар Яковлев, как мы видели, выполнял лишь только его установки. Весь этот шум вокруг эвакуации царской семьи был на руку Кремлю. Теперь было можно было открыто, а не таясь, выдать создавшуюся ситуацию за самостийность местных большевиков и эсеров, которые не отпустили царя из своих рук. Пребывание царской семьи в Екатеринбурге было выгодно вождям большевиков, т. к. это была гарантия, что немцы не смогут воспользоваться Романовыми в своей политической игре. Бывшие союзники по Антанте также не могли сделать их своим знаменем в

борьбе с Германией, ибо промышленный Урал был под полным контролем Советской власти.

Уже 2 мая 1918 г. Я.М. Свердлов выступил на заседании Совнаркома с внеочередным заявлением. В частности, он отмечал: «По всем сообщениям, доходившим из Тобольска, не могло быть уверенности, что Николай Романов не получит возможности скрыться из Тобольска. Были получены различные сообщения, что некоторые подготовительные шаги в этом направлении, отдельными группами монархистов затеваются. Исходя из всех указанных сообщений, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов сделал распоряжение о переводе бывшего царя Николая Романова в более надежный пункт, что и было выполнено. В настоящее время Николай Романов с женой и одной из дочерей (вел. княжной Марией Николаевной. – *В.Х.*) находится в Екатеринбурге, Пермской губ[ернии], надзор за ним поручен областному Совдепу Урала»802.

В центральных и местных газетах широко освещался перевод Николая II и его семьи на Урал. В частности, сообщалось о заседании ВЦИК, посвященному этому вопросу, состоявшемуся 9 мая 1918 г.:

«Председатель Свердлов после утверждения порядка дня докладывает о судьбе царя Николая. Перевод из Тобольска в Екатеринбург обусловлен обнаружившимися попытками вывести царя за ненадежностью охраны, сформированной еще Керенским. Посланный специальный комиссар для перевода царя при обыске нашел у него 60 000 рублей, выяснил свободный доступ к царю посторонних и нашел у его приближенных преступную переписку. В Екатеринбург переведен бывший царь с женой и дочерью. Сын по болезни оставлен в Тобольске до установления нормального удобного сообщения с Екатеринбургом. Охрана поставлена новая; введен более суровый режим»803.

Данное сообщение вызвало протест со стороны отряда по охране царской семьи в Тобольске. В телеграмме от 14 мая 1918 г., посланной отрядом на имя Свердлова, указывалось:

«[В] разосланной Петроградским Т[елеграфным] Агентством] телеграмме [от] 10 мая [с] изложением вашего доклада [во] ВЦИК о переводе бывшего царя [из] Тобольска [в] Екатеринбург [имеются] очевидные ошибки: 1) отряд особого назначения согласно предписания ЦИКа 3 апреля № 1010 несет охрану семьи Романовых и по настоящее время; 2) никаких попыток увоза отрядом бывшего царя не было; 3) благонадежность отряда удостоверена вашим предписанием № 1010 чрезвычайным комиссаром Совнаркома Яковлевым; 4) никем никаких

обысков в доме, где помещаются Романовы, не производилось, при отъезде бывшего царя Яковлев обыска не производил, а потому указание [о] найденных у бывшего царя 30 000 (так в документе, газеты сообщали о 60 000 рублей. – *В.Х.*) является не обоснованным; 5) никто, кроме прислуг и врачей, [4)] преподавателей, [к] Романовым не допускался. Взволнованные тяжким не основательным обвинением в контрреволюционности члены отряда требуют снятия наложенного на них упомянутой телеграммой позорного пятна путем соответственного опровержения через ПТА…»804.

Из Москвы срочно «вне очереди» пошла ответная телеграмма в Тобольск:

«Уполномоченному ВЦИК по охране бывшего царя Хохрякову, копии председателю отряда Матвееву и командиру отряда Кобылинскому.

В ответ на Ваш запрос по поводу телеграфного сообщения ПТА 10 мая Президиум ВЦИК констатирует, что охранявший бывшего царя отряд особого назначения честно исполнял возложенные на него обязанности, оказывая полное подчинение Советской власти и заслужил доверие к себе.

Председатель ВЦИК *Я. Свердлов*. Секретарь ВЦИК *В. Аванесов*»805.

Так или иначе, но дом Романовым понравился. «Дом хороший, – записал Николай II в дневнике 17(30) апреля, – чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркой без дверей. Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару… Разместились след[ующим] образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне, уборная общая, в столовой – Н. Демидова, в зале – Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда комната кар[аульного] офицера. Караул помещался в двух комнатах около столовой. Чтобы идти в ванную и W.C, нужно было проходить мимо часового у дверей кар[аульного] помещения. Вокруг дома построен очень высокий досчатый забор в двух саженях от окон; там стояла цепь часовых, в садике тоже»806.

Войдя в спальню, Александра Федоровна химическим карандашом на стене в амбразуре окна (на косяке) обозначила знак «совастики», надписав рядом: «17/30 апреля», Жильяр позднее отмечал, что это был знак не «свастики», а именно «совастики», что, впрочем, не сняло позднейших инсинуаций в принадлежности Александры Федоровны к фашистам!

Ждут детей

Каждый последующий день Романовы жили ожиданием встречи с детьми. В Тобольск было отправлено первое общее письмо из Ипатьевского дома:

«Екатеринбург, 18-го апреля (1 мая) 1918 г.

Христос Воскресе!

Мысленно три раза тебя целую, Ольга моя дорогая, и поздравляю с светлым праздником. Надеюсь, праздник проведете тихо. Поздравь всех наших. Пишу тебе, сидя у папы на койке. Мама еще лежит, т. к. очень устала… Спали мы втроем в белой уютной комнате, с четырьмя большими окнами. Солнце светит, как у нас в зале. Открыта форточка и слышно чириканье птичек, электрическая конка. В общем, тихо. Утром прошла манифестация: 1-е Мая. Слышали музыку. Живем в нижнем этаже, кругом деревянный забор, только видим кресты на куполах церквей, стоящих на площади. Нюта [Демидова] спит в столовой, а в большой гостиной Евг. Серг. [Боткин], Седнев и Чемодуров. Князя [Долгорукова] пока не пустили, не понимаю почему, очень за него обидно. Спят они на койках, кот[орые] вчера принесли им и караулу. Владельцы дома – Ипатьевы.

Горячо целую и благословляю тебя, мою душку любимую.

Твоя старая Мама, все время с тобой мысленно, дорогая моя Ольга. Постоянно втроем говорим о вас и о том, что вы поделываете? Начало путешествия было неприятное и тоскливое; легче стало, когда попали в поезд. Тут неизвестно, как будет?

Храни тебя Господь. Трижды обнимаю тебя родную. Папа.

Нюта штопает чулки. Утром вместе стелили постель. Христос с тобой. Нянь и дам целуем. Твоя М[ария]»807.

Чувство тревоги и гнетущей тоски не покидало разделенной царской семьи. В дневнике Николая Александровича читаем запись от 19 апреля / 2 мая 1918 г.

«…Затем все мы, кроме Аликс, воспользовались разрешением выйти в садик на часок… Хорошо было подышать воздухом. При звуке колоколов грустно становилось при мысли, что теперь Страстная и мы лишены возможности быть на этих чудных службах и, кроме того, даже не можем поститься! До чая имел радость основательно вымыться в ванне. Ужинали в 9 час. Вечером все мы,

жильцы четырех комнат, собрались в зале, где Боткин и я прочли по очереди 12 Евангелий, после чего легли»808.

Царская семья находила утешение и опору в Боге. Однако недоброжелательные проявления караула в отношении членов царской семьи порой задевали их достоинство. Так, Александра Федоровна 2 мая пометила в дневнике:

«Солдаты выпили всю воду из самовара… Приготовила наши образа (иконы) на столе в гостиной…»809.

Только одно утешение и было в письмах, которые они отправляли из Екатеринбурга в надежде, что их дети получат весть от родителей. Вот еще одно письмо от 2 мая на имя Ольги Николаевны в Тобольск, в котором каждый написал несколько строк:

«Христос Воскресе!

Трижды горячо тебя, душка, целую. Здоровье сегодня лучше, но лежу. Другие часок гуляли в крошечном садике и были очень довольны. Бочка привезла воду, так что Папа может иметь ванну до обеда в 9 литров.

Покачалась с Нютой [Демидовой] на американской качели, гуляла с Папой взад и вперед. Мама лежит сегодня на койке, немного лучше, но голова и сердце болит. Просили составить список всех, кот[орые] приедут с вами. Надеюсь, что никого не забыли. Не знаю, кого Иза [Буксгевден] привезет. Надо объяснить причину нахождения каждого человека при нас. О как все сложно опять. 8 м[есяцев] спокойно жили и теперь все снова начинается, мне вас так жаль, что одни должны все укладывать, уладить. Надеюсь, что Ступель поможет. Только бы скорее иметь от вас известие. Храни тебя Господь.

Маша»810.

Мария Николаевна была душой и любимицей из дочерей семьи. Об этом, в частности, свидетельствовали люди, наблюдавшие жизнь царской семьи в заключении. Так, полковник Е.С. Кобылинский рассказывал:

«Мария Николаевна – 18 лет, высокая, сильная, самая красивая из всех. Она хорошо рисовала. Из всех сестер это была самая простая и самая приветливая. Вечно она, бывало, разговаривает с солдатами, расспрашивает их и прекрасно знает, у кого как звать жену, сколько ребятишек, сколько земли и т. п. Вся подноготная вот подобных явлений ей всегда была известна. Она, как и Ольга Николаевна, больше любила отца. За ее свойство простоты, приветливости и

получила название в семье “Машки”. Так звали сестры и Алексей Николаевич»811.

Практически так же отзывалась о Марии Николаевне ее учительница К.М. Битнер: «Мария Николаевна была самая красивая, типично русская, добродушная, веселая, с ровным характером, приветливая девушка. Она любила и умела «поговорить» с каждым, в особенности с простым народом, солдатами. У нее было всегда много общих тем с ними… Она была очень сильная. Когда нужно было больному Алексею Николаевичу куда-нибудь передвинуться, кричит: “Машка, неси меня”. Она всегда его носила. Ее очень любил, прямо обожал комиссар Панкратов. К ней, вероятно, хорошо относился и Яковлев… Девочки потом смеялись, получив письмо от нее из Екатеринбурга, в котором она, вероятно, им писала что-нибудь про Яковлева: “Машке везет на комиссаров”. Она имела способности по рисованию и рукоделию»812.

В первые дни пребывания царской семьи в Ипатьевском доме были назначены для дежурств, в качестве коменданта, представители от Уральского облисполкома. Удостоверения от 9 мая 1918 г. были выданы Белобородовым на имя коменданта Николая Гурьевича Толмачева813. Вскоре 11 мая такое же удостоверение было выдано Антону Абрамовичу Бабичу814. Так, например, об одном из своих таких дежурств вспоминал редактор газеты «Уральский рабочий» В. Воробьев. Он, в частности, десять лет спустя, писал:

«Охрана царской семьи была организована весьма тщательно. Весь ипатьевский особняк – и снаружи досчатого забора, и внутри его, и со стороны двора, и со стороны сада – был окружен часовыми. Некоторые посты имели пулеметы. Кроме того, были посты внутренней охраны, расположенные внутри дома.

Комендантом «дома особого назначения» (так назывался тогда ипатьевский особняк) был назначен сперва Авдеев – крепкий, надежный большевик, слесарь с злоказовского завода, а потом он был сменен Юровским – одним из работников только что родившейся тогда Чрезвычайной комиссии. Кроме коменданта первое время в ипатьевском особняке несли дежурство по очереди члены Областного Исполнительного Комитета. В числе других довелось нести такое дежурство и мне.

Дежурство я принял от члена президиума Областного Совета Толмачева рано утром. Встретив меня на парадной лестнице, Толмачев провел меня в комнату, которую занимал Николай, и сдал мне его, как говорится, с рук на руки.

Арестованные только что встали. Они встретили нас еще неумытыми, наскоро завернувшись в халаты. Николай молча взглянул на нас каким-то тупым, словно

бы отсутствующим взглядом и молча кивнул головой, когда Толмачев объяснил ему, кто я такой.

Мария Николаевна, наоборот, с любопытством взглянула на меня и хотела было что-то спросить, но, видимо, смутившись своего утреннего туалета, смешалась и отвернулась к окну.

Александра Федоровна, злобная, вечно страдавшая от мигрени и несварения желудка, даже не удостоила нас взглядом. Она полулежала на кушетке с завязанной компрессом головой.

Целый день я провел в комендантской. На моей обязанности лежала проверка караулов – я их обошел раза три с начальником караула, наблюдение за тем, чтобы арестованных вовремя накормили, прием от них писем (они каждый почти день слали письма в Тобольск оставшимся там членам семьи и приближенным), разных заявлений, жалоб и т. д.

Поскольку я имел возможность присмотреться к порядкам «дома особого назначения», царской семье жилось в нем недурно. Она имела в своем распоряжении целых пять комнат, прекрасно меблированных. К услугам арестованных было несколько слуг, доктор. Они привезли с собою из Тобольска целый вагон сундуков и ящиков. Обеды арестованные первое время получали в советской столовке – те же самые, какие ела и охрана. Ужин они также получали из советской столовки. К чаю им разрешалось через коменданта покупать на рынке масло, консервы и т. п.

Раз или два раза в день арестованных выпускали на прогулку в маленький садик, примыкавший к дому. Гуляли они час – два, сколько захочется.

Перед обедом я вместе с караульным начальником повел бывшего царя с дочерью на прогулку; Александра Федоровна не то болела, не то капризничала и идти на прогулку отказалась.

Чтобы пройти в садик, надо было спуститься по лестнице во двор, пересечь его. Впереди пошел один из часовых, за ним караульный начальник, потом доктор Боткин, Николай с дочерью, а за ним – я.

Садик при доме был очень небольшой. С одной стороны он был замкнут стеной дома, с других – высоким забором. Вдоль забора ходил часовой-красногвардеец.

Караульный начальник, доктор Боткин и я сели на садовой скамейке, а Николай с дочерью быстрым и ровным шагом стали ходить по саду из конца в конец.

Ходил он молча, сосредоточенно глядя себе под ноги, изредка перекидываясь парой слов с дочерью. Зато Боткин приставал ко мне с всякими расспросами. Надо сказать, что он вообще объяснялся от имени арестованных и с комендантом, и с караульным начальником. Николай разговаривал с ними мало, а Александра Федоровна их просто старалась не замечать.

– Нас всех очень интересует, как долго нас будут держать в Екатеринбурге? – спрашивал меня Боткин.

– Этого я не знаю.

– А от кого это зависит?

– От правительства, конечно…

Николай не принимал участия в разговоре, но, не переставая мерить солдатскими шагами дорожку, внимательно к нему прислушивался.

Вдруг он круто повернулся и остановился перед нами.

– Скажите, пожалуйста, Белобородов – еврей?

Пораженный неожиданностью и нелепостью вопроса, я не сразу нашелся что ответить.

– Он на меня производит впечатление русского, – продолжал Николай. – Он русский и есть.

– Как же тогда он состоит председателем Областного Совета? – недоумевающе протянул бывший царь.

Оказывается, он был убежден, что во главе советских органов стоят только большевики-евреи, что русские при советской власти совсем лишены возможности занимать выборные должности…

У меня не было никакой охоты читать бывшему царю уроки политической грамоты и разъяснять ему отличие национальной политики советской власти от его собственной, и я не совсем вежливо оборвал разговор.

– Скажите лучше, нет ли у вас каких-либо заявлений и жалоб?

Он пожаловался мне на коменданта, который обещал прислать прачку за грязным бельем и тянет с этим уже несколько дней.

Я сказал, чтобы они сами собрали белье, и обещал на следующий же день послать с красногвардейцем к стиравшей мне белье знакомой прачке. (Замечу кстати, что обещание своё я выполнил и устроил Романовым дело со стиркой белья.)

Затем разговор перешел на политику. Бывший царь что-то спросил про наши отношения с Германией.

– Читайте газеты, там все напечатано, что вас интересует.

– Да мы уже две недели никаких газет не видели. Не знаем даже, какие газеты у вас в Екатеринбурге выходят.

– У нас издаются две газеты: партийная – «Уральский Рабочий» и советская – «Известия».

– Партийная – это что большевики издают?

– Большевики.

– Как бы это устроить, чтобы я мог эту газету получать?

– Очень просто: взять и подписаться на газету. Будете ее получать через коменданта. – Как же мне подписаться?

– Я – редактор этой газеты. Дайте мне денег, и я сам для вас выпишу газету.

Николай деловито осведомился, сколько стоит на месяц «Уральский Рабочий», и тут же в саду вручил мне подписную плату»815.

Между прочим, сохранилось его удостоверение от 9 мая 1918 г. за подписью Белобородова, в котором значится: «Предъявитель сего член Областного Исполнительного Комитета Советов Раб., Крест. и Арм. Деп. Владимир Александрович Воробьев назначается комендантом дома особого назначения, где содержится бывший царь Николай Романов и его семья»816. Очевидно, описываемые им выше события в Ипатьевском доме можно датировать 9 или 10 мая.

В архивных делах сохранилось удостоверение № 1387 от 6 мая 1918 г., выданное Президиумом Уральского облисполкома, в котором значится: «Предъявитель сего член Исполнительного Комитета Советов Урала Петр Лазаревич Войков состоит членом Чрезвычайной Комиссии из трех лиц, назначенной Областным Советом для организации наблюдения и охраны

бывшего царя Романова и его семьи. Председатель Уральского Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатов А. Белобородов»817. В этот же день палачу царской семьи был вручен пропуск: «Предъявителю сего члену Областного Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала Петру Лазаревичу Войкову разрешается входить в дом Ипатьева по Вознесенской улице, где помещается бывший царь Н.А. Романов и часть его семьи. Председатель Областного Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатов А. Белобородов»818. Имеются также удостоверения от 21 мая 1918 г. на Логинова Владимира Петровича и Крашенинникова Ивана, в которых указывалось «назначается дежурным при коменданте в доме особого назначения, где содержится бывший царь. Н. Романов»819. Сохранилась рукописная записка от 23 мая: «Медведев Павел Спиридонович. Никифоров Алексей Никитич. Выбранные собранием команды на должность начальников караула»820. Таким образом, по советским архивным документам можно также удостовериться, кто находился рядом с царской семьей. Впрочем, еще ранее это установил белогвардейский следователь Н.А. Соколов из опросов свидетелей и непосредственных участников событий.

Для узников Ипатьевского дома потянулись монотонные, длинные и наполненные тревожным ожиданием дни. Однако иногда происходили неожиданные события. Так, например, 21 апреля (4 мая) Николай II записал в дневнике: «Проснулись довольно поздно; день был серый, холодный, со снежными шквалами. Все утро читал вслух, ***писал по несколько строчек в письма дочерям от Аликс и Марии и рисовал план этого дома*** (подчеркнуто мною. – *В.Х.*). Обедали в час с 1/2. Погуляли 20 минут. По просьбе Боткина, к нам впустили священника и дьякона в 8 час. Они отслужили заутреню скоро и хорошо; большое было утешение помолиться хоть в такой обстановке и услышать “Христос воскресе”. Украинцев, помощник коменданта, и солдаты караула присутствовали. После службы поужинали и легли рано»821. Заутреню в этот день служили в Ипатьевском доме священник Екатерининского собора Анатолий Григорьевич Меледин и дьякон того же собора Василий Афанасьевич Буймиров.

Известно, что переписка царской семьи контролировалась местными властями. В связи с тем, что император в письме к детям нарисовал план Ипатьевского дома, то этому делу позднее большевики пытались придать целое дело. Между прочим, такой же рисунок плана дома Николай II зафиксировал в своем дневнике. На четвертый день письмо Романовых в Тобольск было просмотрено комендантом. Позднее А.Д. Авдеев в своих печатных воспоминаниях этим событиям пытался придать политический характер:

«Вся корреспонденция, исходящая от заключенных, должна была писаться на русском языке и в незапечатанных конвертах передаваться коменданту, который уже передавал ее в областной исполком.

И вот, однажды, при просмотре писем было обращено внимание на одно письмо, адресованное Николаю Николаевичу (ложно подразумевается великий князь Николай Николаевич, который в этот период находился в Крыму. – *В.Х.*). При тщательном просмотре между подкладкой конверта и бумагой самого конверта был обнаружен листок тонкой бумаги, на котором был нанесен точный план дома (см. запись в дневнике императора от 21 апреля по старому стилю; в дневнике также имеется рисунок плана дома Ипатьева. – *В.Х.*), где содержались заключенные, с масштабом и пр. Все комнаты были обозначены с указанием, кто в них помещается. Подписи были сделаны так, что нетрудно было догадаться о составителе плана, написано было так: «комендантская», «моя и жены», «детей», «столовая» и пр. Был вызван составитель этого плана в комендантскую. До этого бывш. царя ни разу не приглашали в комендантскую, а все повсеместные мелкие вопросы проводились через д-ра Боткина, который сам заходил в комендантскую, или приходил к нему комендант. Поэтому вызов Николая в комендантскую произвел волнение среди населения дома. Позвать Николая направился тов. Украинцев, который приходит и говорит, что д-р Боткин просит разрешения присутствовать при разговоре коменданта с Николаем Александровичем. Когда ему было отказано в этом, Николай все же явился с одной из дочерей – Марией. От стула, предложенного ему, он отказался. Спрашиваю, не знает ли он, что в одном из писем их вчерашней корреспонденции был спрятан под подкладку конверта план дома? Ответил, что не знает, может быть, кто-нибудь из детей это сделал, – он разузнает. Когда же я ему показал самый план, написанный им собственноручно, то он замялся, как школьник, и говорит, что он не знал, что нельзя посылать плана. На запрос, почему же тогда его запрятали под подкладку конверта, он как ребенок начал просить, чтоб его извинили на первый раз и что больше таких вещей он делать не будет. И тут же спрашивает: а вы все-таки пошлете этот листок с письмом или оставите его? Вопрос был настолько наивен, что его мог задать человек или с перепугу, потерявший ум, или совершенно не имевший его от рождения.

После переговоров с тов. Белобородовым я получил директиву предупредить Николая, если он еще будет заниматься такими художествами, то будет переведен в местную тюрьму в одиночную камеру.

После этого случая бывш. царь начинает меня называть по имени и отчеству и во время прогулок, когда нет Александры Федоровны, пробует со мной заговорить»822.

Следует подчеркнуть, что комендант А.Д. Авдеев описал этот случай в такой оскорбительно-комической форме, чтобы выполнить заказ властей и редакции, т. е. показать ничтожество облика бывшего царя и что этот план дома предназначался для монархистов с целью организации побега. Именно так этот план дома пытались трактовать чекисты, и эта была одна из основных улик, которую пытались выдать за реальную подготовку побега из Ипатьевского дома, увязав его с подметными письмами «офицера».

Император Николай II записал 24 апреля (7 мая) в дневнике следующее:

«День простоял лучше и немного теплее. Сегодня довольствие получили из собрания, но какого, не знаю? И обед, и ужин опоздали на час. Гуляли подольше, т. к. было солнце. ***Авдеев, комендант, вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посылать!*** (подчеркнуто мною. – *В.Х.*). Вечером выкупался в ванне. Поиграл с Аликс в безик»823.

Учитель цесаревича С.И. Гиббс в свидетельских показаниях белогвардейскому следователю Н.А. Соколову отмечал: «Чемодуров мне говорил, что здесь (имеется в виду: в доме Ипатьева. – *В.Х.*) им было плохо: с ними обращались грубо. Он говорил, что на Пасху у них был маленький кулич и пасха. Комиссар пришел, отрезал себе большие куски и съел. Он вообще говорил про грубости, но мне трудно было его понимать…»824.

В первые дни мая 1918 г. в каждой записи дневника Александры Федоровны присутствует фраза: «Писала детям». Наконец, 8 мая в дневнике сделана пометка: «Получила первую телеграмму от детей… Нам никак не удается разузнать чтолибо о Вале [Долгорукове]…»825.

Между тем судьба князя В.А. Долгорукова складывалась трагично. В первый же день приезда, 30 апреля, отделенный при входе в Ипатьевский дом, от царской семьи, он был арестован и отправлен в тюрьму. В предписании об его аресте от 30 апреля указывалось:

«1918 года апреля 30 дня я, председатель Уральского Обл. Исп. К-та Сов. Раб., Кр. и Солд. Депутатов, постановил:

В целях охраны общественной безопасности арестовать Василия Александровича Долгорукова (бывш. князя), сопровождавшего бывшего царя из Тобольска.

Копию настоящего постановления препроводить комиссару»826.

В этот же день князь В.А. Долгоруков писал в Петроград своему отчему графу П.К. Бенкендорфу:

«Вторник 30 апреля

Дорогой мой Павел,

Сегодня приехал в Екатеринбург, после ужасной утомительной дороги, в тарантайке 270 вер. Ехали 2 дня и я очень разбит. Нас очень торопили, не знаю почему. Но это еще ничего. Приехав сюда, меня безо всякого допроса и обвинения арестовали и посадили в тюрьму. Сижу, и не знаю, за что арестовали. Я написал заявление в Областной Совет, прося меня освободить и разрешить выехать к больной маме в Петроград. Всею душой надеюсь, скоро вас повидать и обнять. Больную маму не пугай моим арестом, она стара, и надо ее беречь. Скажи ей о том, что Бог даст, я ее скоро увижу.

Душевно вас обнимаю, Христос Воскрес

В. Д[олгоруков]»827.

Письмо не было отправлено по назначению. Князь неоднократно обращался в Совдеп. 4 мая он написал очередное заявление:

«Председателю Областного Совета.

Господин Председатель.

30 апреля я был препровожден в тюрьму, без всяких объяснений. 3-го мая за Вашею подписью получил уведомление, что арестован на основании общественной безопасности. Из этого я не могу понять свою вину. Но допустим, что мною опасаются, хотя я никогда и даже в прежнее время был далек от политики. Я человек больной, у меня наступила почечная колика, страдаю ужасно, весь организм расшатан. Не найдете ли Вы возможным перевести меня в дом на Верх-Вознесенской ул., где я мог бы пользоваться советами доктора Боткина и вместе с тем был бы под наблюдением охраны. Был бы чрезвычайно Вам признателен. Во имя человеколюбия не откажите это исполнить. Когда поправлюсь, буду проситься поехать к больной матери.

С совершенным почтением

Граж<данин> *В. Долгоруков*»828.

Он просил, чтобы его допустили к царской семье, обещал полностью подчиниться всем требованиям администрации. Кроме того, он нуждался в медицинской помощи. Вот еще одно из его заявлений от 18 мая 1918 г.:

«В Областной Совет

Ввиду моего болезненного состояния, покорно прошу перевести меня из тюрьмы № 2 в дом Ипатьева, что на Вознесенском проспекте, дабы я мог пользоваться лечением у доктора Боткина наравне с другими.

Гражд. *Долгоруков*»829.

Просьба Долгорукова не была выполнена. Князь Долгоруков был помещен в политическое отделение екатеринбургской тюрьмы, где также помещались заложники. Ему пытались инкриминировать попытку организации побега царской семьи и владением оружия.

Наконец обитатели Ипатьевского дома получили ответ из Тобольска. Это была долгожданная телеграмма от старшей дочери Ольги Николаевны.

«Благодарим [за] письма. Все здоровы. Маленький был уже [в] саду. Пишем. Ольга»830. На телеграмме имеется резолюция: «Коменданту. Выдать по принадлежности. А. Белобородов.

8. V.18 г.». В этот же день Николай Александрович сделал в своем дневнике запись более обширную, чем обычно:

«25 апреля [/8 мая]. Среда. Встали к 9 час. Погода была немного теплее – до 5°+. Сегодня заступил караул, оригинальный и по свойству и по одежде. В составе его было несколько бывших офицеров, и большинство солдат были латыши, одетые в разные куртки, со всевозможными головными уборами.

Офицеры стояли на часах с шашками при себе и с винтовками. Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас; они разговаривали по-своему, ходили и возились между собой. До обеда я долго говорил с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья; он рассказывал о многом интересном, также и маленький кар[аульный] начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги. Украинцев принес нам первую телеграмму от Ольги перед ужином. Благодаря всему этому в доме почувствовалось некоторое оживление. Кроме того, из дежур[ной] комнаты раздавались звуки пения и игры на рояле, кот[орый] был на днях перетащен туда из нашей залы…»831.

Постепенно вести от детей стали поступать более регулярно. Перед нами письмо младшей дочери Николая II великой княжны Анастасии Николаевны:

«Тобольск.

24-го апреля 1918 г.

7-го мая 6 ч. веч[ером]

Воистину Воскресе!

Моя хорошая Машка душка. Ужас как мы были рады получить вести, делились впечатлениями! Извиняюсь, что пишу криво на бумаге, но это просто от глупости. Получ[или] [письмо] от Ан. Пав., очень мило, привет и т. п. тебе. Как вы все? А Сашка и т. п.? Видишь, конечно, как всегда слухов количество огромное, ну и понимаешь ли, трудно, и не знаешь, кому верить, и бывает противно! Т. к. половину говор[ят], а другое нет, ну и поэтому думаем врет. Кл[авдия] Мих[айловна] [Битнер] приходит сидит с маленьким. Алексей ужасно мил, так он ест и старается (помнишь, а к[ак] при тебе на лавочке). Мы завтракали с Алексеем] по очереди и заставляли его есть, хотя бывают дни, что он без понуканья ест. Мысленно все время с вами, дорогими. Ужасно грустно и пусто, прямо не знаю что такое. Крестильный крест, конечно, у нас, и получили от вас известия, вот. Господь поможет и помогает. Ужасно хорошо устроили иконостас к Пасхе, все в елке, как полагается здесь, и цветы… Я продолжаю рисовать, говорят, не дурно, очень приятно. Качались на качелях, вот когда я гоготала, такое было замечательное падание!.. Да уже! Я столько раз вчера рассказывала это сестрам, что им уже надоело, но я могу еще массу раз рассказать, хотя уже некому. Вообще уже вагон вещей рассказать вам и тебе. Мой Джим простужен и кашляет, поэтому сидит дома, шлет поклоны. Вот и была погода! Прямо кричать можно было от приятности. Я больше всех загорела, как не странно, прямо арррабка! (так в письме. – *В.Х.*). А эти дни скучная и не красивая. Холодно, и мы сегодня утром померзли, хотя домой, конечно, не шли… Очень извиняюсь, забыла Вас всех моих любимых, поздравить с праздниками, целую не три, а массу раз всех. Все тебя, душка, благодарят за письма. У нас тоже были манифестации, ну и вот – слабо. Сидим сейчас, как всегда, вместе, недостает тебя в комнате… Извиняюсь, что такое нескладное письмо, понимаешь, мысли несутся, а я не могу все написать…

Пока до свидания. Всех благ желаю Вам, счастья и всего хорошего. Постоянно молимся за всех и думаем: Помоги Господь! Христос с Вами, золотыми. Обнимаю очень крепко всех…»832.

Письма между разделенной семьей Романовых позволяют восстановить многие детали событий в Екатеринбурге и Тобольске. Александра Федоровна и ее дочь Мария продолжают нумеровать свои письма, посылаемые в Тобольск:

«Екатеринбург 27-го апр[еля]/ 10-го мая 1918 г. № 16

Скучаем по тихой и спокойной жизни в Тобольске. Здесь почти ежедневно неприятные сюрпризы. Только что были члены област[ного] комитета и спросили каждого из нас, сколько кто имеет с собой денег. Мы должны были расписаться. Т. к. Вы знаете, что у Папы и Мамы с собой нет ни копейки, то они подписали – ничего, а я – 16 р. 17 к., кот[орые] Анастасия мне дала на дорогу. У остальных все деньги взяли в комитет на хранение, оставили каждому понемногу, – выдали им расписки. Предупреждают, что мы не гарантированы от новых обысков. Кто бы мог думать, что после 14 месяцев заключения так с нами обращаются. Надеемся, что у Вас лучше, как было и при нас.

28 апр[еля]/ 11 мая. С добрым утром, дорогие мои. Только что встали и затопили печь, т. к. в комнатах стало холодно. Дрова уютно трещат, напоминает морозный день в Тобольске]. Сегодня отдали наше грязное белье прачке. Нюта [Демидова] тоже сделалась прачкой, выстирала Маме платок, очень даже хорошо, и тряпки для пыли. У нас в карауле уже несколько дней латыши. У Вас, наверное, неуютно, все уложено. Уложили ли мои вещи, если не уложили книжку дня рождения, то попросите Т[атьяну]. Мы о Вас ничего не знаем, очень ждем письма. Я продолжаю рисовать все из книжки Бем. Может быть, можете купить белой краски. Ее у нас очень мало. Осенью Жилик где-то достал хорошую, плоскую и круглую. Кто знает, может быть, это письмо дойдет к Вам накануне Вашего отъезда. Благослови Господь Ваш путь и да сохранит он Вас от всякого зла. Ужасно хочется знать, кто будет Вас сопровождать. Нежные мысли и молитвы Вас окружают. Только чтобы скорее быть опять вместе. Крепко Вас целую, милые, дорогие мои и благословляю +. Сердечный привет всем и остающимся тоже. Надеюсь, что Ал[ексей] себя крепче опять чувствует и что дорога не будет его слишком утомлять. Мама.

Пойдем сегодня утром погулять, т. к. тепло. Валю [Долгорукова] все еще не пускают. Вл. Вас. и др. привет. Очень жалела, что не успела проститься. Наверное, Вам будет ужасно грустно покинуть Т[обольск], уютный дом и т. д. Вспоминаю все уютные комнаты и сад. Качаетесь ли Вы на качелях или доска уже сломалась? Папа и я горячо Вас, милых, целуем. Храни Вас Бог. Всем в доме шлю привет. Приходит ли Толя играть? Всего хорошего и счастливого пути, если уже выезжаете. Ваша М[ария]»833.

10 мая 1918 г. из Тобольска была отправлена телеграмма: «Екатеринбург, [Уральский] областной исполнительный комитет, председателю для передачи Марии Николаевне Романовой.

Всех благодарим [за] пасхальные открытки. Маленький медленно поправляется, самочувствие хорошее. Крепко целуем. Ольга»834.

На телеграмме имеется резолюция: «Коменданту передать по назначению. А. Белобородов».

События, происходившие в Тобольске, воспроизводят дневниковые записи П. Жильяра и графини Гендриковой.

В частности, П. Жильяр писал: «**Пятница. 3 мая.** Полковник Кобылинский получил телеграмму с извещением о том, что путешественники были задержаны в Екатеринбурге. Что же произошло?»835.

За этот же день в дневнике Гендриковой сделана запись: «Три дня нет известия. Алексею Ник[олаевичу], слава Богу, лучше; третьего дня вставал.

Два раза в день службы в походной церкви. Вчера с детьми приобщались. Вечером пришло известие (телеграмма Матвеева), что застряли в Екатеринбурге. Никаких подробностей»836.

Вот еще одна запись Гендриковой в день Пасхи от 22 апреля (5 мая) 1918 г.:

«Заутреня и обедня в зале (в походной церкви), потом разговение (О. Н., Т. Н., А. Н., Татищев, Трина, В.Н. Деревенко, я, Кобылинский, Аксюша (пом. коменданта) и Кл. Мих. Битнер. Никаких известий»837.

Наконец обстановка постепенно стала проясняться и в Тобольске. П. Жильяр записал в дневнике: «**Вторник. 7 мая.** Дети, наконец, получили письмо из Екатеринбурга, в котором говорится, что все здоровы, но не объясняется, почему остановились в этом городе. Сколько тревоги чувствуется между строк!»838.

Позднее П. Жильяр в показаниях следователю Н.А. Соколову более подробно уточнял некоторые детали: «24 апреля (7 мая по новому стилю. – *В.Х.*) от Государыни пришло письмо. Она извещала в нем, что их поселили в двух комнатах Ипатьевского дома, что им тесно, что они гуляют лишь в маленьком садике, что город пыльный, что у них осматривали все вещи и даже лекарства. В этом письме в очень осторожных выражениях она давала понять, что надо взять нам с собой при отъезде из Тобольска все драгоценности, но с большими

предосторожностями»839. Надо отметить, что указания Александры Федоровны были выполнены. Большая часть драгоценностей с различными ухищрениями была зашита в одежду великих княжон. Однако вернемся к дневниковым записям П. Жильяра:

«**Среда. 8 мая.** Офицеры и солдаты нашей стражи, сопровождавшие Их Величеств, вернулись из Екатеринбурга. Они рассказывают, что царский поезд был окружен красноармейцами при его приходе в Екатеринбург, и что Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева, что Долгоруков в тюрьме и что сами они были освобождены лишь после двух дней заключения.

Суббота. 11 мая. Полковник Кобылинский устранен, и мы подчинены Тобольскому Совету»840.

На самом деле Екатеринбург властно, но, конечно, под неусыпным контролем Центра доводил дело до конца. Перед отъездом Яковлев сдал свои полномочия уральцам. Свердлов быстро сориентировался в обстановке и поручил перевести остальных Романовых из Тобольска П.Д. Хохрякову. Уральцы 10 мая получили по этому поводу следующую директиву из Москвы, правда, кружным путем через Аша-Балашевский Совет (Свердлов искал выехавшего именно туда Яковлева). Дальнейшие события разворачивались так:

«Екатеринбургскому областному Совету рабочих депутатов для сведения

От Центрального Исполнительного Комитета из Москвы нами получена следующая телеграмма: “Поручить вывоз оставшего[ся] груза Хохрякову, предлагаем выехать [в] Екатеринбург [для] получения полного отчета о ликвидации Л[ейб] П[реображенцев] отрядом приехать в Москву дать подробный отчет [№] 3035.

Председатель ЦИК Свердлов”.

На эту телеграмму нами дан ответ. Москва, Центральному Комитету Совдепов Свердлову. Ваш номер 3035, полагаем дело идет о Яковлеве, нам известно, что он выехал из Уфы в Москву.

Аша-Балашевский Совдеп.

Председатель (подпись неразборчива).

Секретарь (подпись неразборчива)»841.

Затем 17 мая 1918 г. из Тобольска «отрядом особого назначения» в Центр была направлена следующая телеграмма, которая была принята в Москве 18 мая в 3 ч. 51 мин.:

«2 адреса: Москва Председателю (Совнаркома) Ленину,

Председателю ЦИК Свердлову.

17 мая оставшиеся члены семьи Романова переданы уполномоченному Хохрякову, наш отряд заменен уральцами.

Кобылинский. Матвеев»842.

Таким образом, 4(17) мая караулы в губернаторском доме в Тобольске были заменены латышами во главе с кочегаром матросом Хохряковым и Родионовым.

Накануне упомянутых событий графиня А.В. Гендрикова 16 мая 1918 г. сделала пометку в дневнике: «Хохряков приходит по несколько раз в день, видимо, очень торопится с отъездом. Приходилось ждать из-за здоровья Ал[ексея] Ник[олаевича], который медленно поправляется, но, слава Богу, теперь лучше; второй день выходит»843. Последняя запись в ее дневнике от 4/17 мая: «Отряд заменен красногвардейцами»844.

События по перемещению царских детей из Тобольска в Екатеринбург наиболее полно нашли отражение в дневниковых записях и свидетельских показаниях П. Жильяра. Обратимся к его дневнику: «**Пятница, 17 мая.** – Солдаты нашей охраны заменены красногвардейцами, присланными из Екатеринбурга комиссаром Родионовым, который приехал за нами. У нас с генералом Татищевым чувство, что мы должны, насколько возможно, задержать наш отъезд; но великие княжны так торопятся увидеть своих родителей, что у нас нет нравственного права противодействовать их пламенному желанию»845.

В жизни царских детей и приближенных царской семьи наступили большие перемены. Камердинер императрицы А.А. Волков делился воспоминаниями об этом времени:

«Тотчас же по отъезде на смену стрелкам и Кобылинскому явилась большевистская охрана под предводительством комиссара Родионова и Хохрякова, людей грубых. Охрана состояла почти всецело из нерусских. Родионов целыми днями сидел в дежурной комнате, с ног до головы вооруженный. Никого из живущих в доме никуда не выпускали, введя

совершенно тюремный режим. Хохряков вместе с доктором Деревенько (правильно, Деревенко. – *В.Х.*) посещал больного Алексея Николаевича.

Однажды Родионов пришел ко мне с таким заявлением:

– Скажите барышням, чтобы они ночью не затворяли дверь спальной. Я отвечал:

– Этого сделать никак нельзя.

– Я вас прошу так сделать.

– Сделать это никак нельзя: ведь ваши солдаты будут ходить мимо открытых дверей комнаты, в которой спят барышни.

– Мои солдаты ходить не будут мимо открытых дверей. Но если не исполните моего требования, есть полномочие расстреливать на месте. – Родионов вынул револьвер.

– Я поставлю часового у дверей спальни.

– Но это безбожно.

– Это мое дело. Часовой поставлен не был, но двери спальни великих княжон пришлось по ночам оставлять открытыми настежь.

Когда наследник стал чувствовать себя лучше и начал вставать с постели, начали приготовляться к переезду в Екатеринбург. Оттуда письма и прямым путем доставленные известия не получались.

Когда постепенно начали укладывать вещи, Родионов неоднократно обращался к генералу Татищеву, уверяя, что знает его. Родионов настаивал, чтобы вещи Татищева были особо отмечены (визитными карточками). Для чего это ему было надо, понять мы не могли»846.

Буквально на второй день появления в Тобольске красногвардейского отряда комиссара Родионова, то последний «во время богослужения в губернаторском доме поставил около престола латыша следить за священником; это так всех ошеломило, что великая княжна Ольга Николаевна, – вспоминает Е.С. Кобылинский – плакала и говорила, что если бы знала, что так будет, то она не стала бы просить о богослужении»847.

Перелистаем несколько записей дневника П. Жильяра дальше:

Суббота. 18 мая. – Всенощная. Священник и монахини были раздеты и обысканы по приказанию комиссара.

Воскресенье. 19 мая (6 мая ст. ст.). – День рождения Государя… Наш отъезд назначен на завтра. Комиссар отказывает священнику в разрешении приходить к нам. Он запрещает великим княжнам запирать ночью свои двери.

Понедельник. 20 мая. – В половине двенадцатого мы уезжаем из дома и садимся на пароход «Русь». Это тот же пароход, который восемь месяцев тому назад привез нас вместе с Их Величествами. Баронесса Буксгевден получила разрешение уехать вместе с нами и присоединилась к нам. Мы покидаем Тобольск в пять часов. Комиссар Родионов запирает Алексея Николаевича с Нагорным в его каюте. Мы протестуем – ребенок болен и доктор должен иметь возможность во всякое время входить к нему.

Среда. 22 мая. – Мы приезжаем утром в Тюмень»848.

Хохряков и Родионов торопились с отъездом. Кончилось тем, что цесаревича Алексея повезли полубольным. 20 мая в 3 часа дня пароход «Русь», охраняемый отрядом латышей, отходит от тобольской пристани. Вместе с царскими 4 детьми находилось 26 свитских и слуг, в том числе Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Тутельберг, Жильяр, Гиббс, дядька царевича Нагорный, повар Харитонов.

Позднее камердинер А.А. Волков вспоминал: «Во время пути солдаты вели себя крайне недисциплинированно: стреляли с парохода птиц и просто – куда попало. Стреляли не только из ружей, но и из пулеметов. Родионов распорядился закрыть на ночь наследника в каюте вместе с Нагорным… Нагорный резко противоречил Родионову, спорил с ним»849.

22 мая в 8 часов утра пароход подходит к пристани в Тюмени. Случилось так, что в это время на пристани оказалась М.Г. Соловьева (Распутина), которая записала в своем дневнике в этот день:

«Какое счастье выпало на мою долю. Сегодня я видела [царских] детей случайно совершенно. Пошла [в Тюмень] на пристань за билетами, вижу – стоит пароход, никого не пустили. Я пробралась к кассе чудом, и вдруг в окне парохода Настя [Гендрикова] и маленький [цесаревич] увидели меня, страшно были рады. Это устроил Николай Чудотворец. Сейчас я и Боря (имеется в виду Борис Николаевич Соловьев, муж Матрены Григорьевны. – *В.Х.*) едем в Абалак; Боря в очень хорошем настроении, чему я рада. Как жаль, что не могла им сказать ни слова. Они были как ангелы»850.

Пьер Жильяр свидетельствовал 12–14 сентября 1918 г. следователю И.А. Сергееву:

«Когда на пароходе мы приехали в Тюмень, то в поданном для нас составе поезда оказались только вагоны IV класса и один багажный. Комиссар Хохряков, в заботах о больном Алексее Николаевиче, долго хлопотал, волновался и бранился, пока не удалось получить один классный вагон. В этом вагоне поместились бывшие великие княжны, Алексей Николаевич с доктором Деревенко и служитель К.Г. Нагорный, генерал Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Е.А. Шнейдер и Е.Н. Эрсберг. Все остальные, в том числе и я, и мистер Гиббс, поместились в общем вагоне IV класса. Комендант Родионов и в пути, так же как и в Тобольске, был без надобности груб и придирчив.

В Екатеринбург наш поезд прибыл часа 2 ночи на 10 (23) мая. Часов в 8 утра были поданы извозчики, на которых увезли великих княжон, Алексея Николаевича с Нагорным и доктором Деревенко. Для принятия прибывших с поездом на вокзал приехал председатель Екатеринбургского областного Совета Белобородов…»851.

Николай II записал в дневнике: «**10 [/23] мая.** Четверг. Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 час[ов] ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельн[ой] разлуки и неопределенности.

Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. Из всех прибывших с ними впустили только повара Харитонова и племянника Седнева. Днем вышли минут на 20 в сад, было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать.

11 [/24] мая. Пятница. С утра поджидали впуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате…»852.

Кроме допроса и обыска оба они дали следующие расписки:

«Расписка.

Я, нижеподписавшийся гражд. Нагорный Клементий Григорьев Киевской губ. Свирского уезда Антоновской волости Село Пустоварово, даю настоящую расписку в том, что желаю продолжать служить при бывш. царе Николае Романове, обязуюсь подчиняться и выполнять все распоряжения Уральского Областного Совета, исходящие от Коменданта дома, и считаю себя на равном состоянии как поставлена семья Романовых.

24 мая 1918 г.

К. Нагорный.

Расписка.

Я, нижеподписавшийся Трупп Алекс. Егоров. Витебской губ. Режицкого уезда Бортовской волости д. Колногова, даю сию расписку в том, что, желая продолжать служить б. царю Николаю Романову, обязуюсь подчиняться и выполнять все распоряжения и требования Областного Совета Урала, исходящие от Коменданта дома, и считаю себя на равном состоянии как и семья Романовых.

Трупп»853.

В дневнике Николая II мы находим сведения, что в эти дни происходило в «доме особого назначения».

«**12 [/25] мая.** Суббота.

Спали все хорошо, кроме Алексея, кот[орого] вчера под вечер перенесли в его комнату. Боли у него продолжались сильные, стихая периодически.

Погода вполне соответствовала общему нашему настроению, шел мокрый снег при 3° тепла. Вели переговоры через Евг[ения] Серг[еевича] [Боткина] с председат[елем] областного совета о впуске к нам m-r Gilliard. Дети разбирали некоторые свои вещи после невообразимо продолжительного осмотра их в ком[ендантской] комнате. Гуляли минут 20.

Ужин опоздал почти на час»854.

П. Жильяра так и не впустили в Ипатьевский дом, несмотря на просьбы царской семьи и ходатайство Е.С. Боткина. Позднее П. Жильяр сообщил следователю И.А. Сергееву: «Все бывшие в вагоне IV класса (за исключением увезенных) снабжены были приказом местного Совета о выезде из пределов Пермской губернии. Бумага была написана общая для всех: «Слугам бывшего царя в числе 18 человек». С нами же была оставлена и баронесса Буксгевден. Только дней через 10 отправили нас в Тюмень, предоставив свободу дальнейшего передвижения»855.

Судьбу приближенных к царю людей, оставленных в Екатеринбурге, освещает в своих воспоминаниях случайно уцелевший камердинер А.А. Волков. В частности, он упоминает об обстановке первых дней пребывания на Урале:

«Поутру приехали комиссары: двое прежних – Хохряков и Родионов и новый – Белобородов. Вошли в вагон 2 класса и предложили в нем находящимся пересесть в извозчичьи экипажи.

Из вагона появился сначала Нагорный, помогая выйти наследнику, затем – великие княжны. Нагорный, посадив наследника в пролетку, вернулся к вагону и хотел помочь великим княжнам нести вещи. Сделать это ему не дали. Все члены царской семьи, вместе с комиссарами, разместились в экипажах и поехали в Ипатьевский дом. Через полчаса, вместе с теми же извозчиками, возвратились к поезду комиссары. Комиссар Родионов подошел к вагонам и сказал: “Волков здесь? – Здесь, – ответил я. – Выходите, сейчас поедем”.

Я вышел, взяв с собой чемодан… Из вагонов вышли также: генерал Татищев, графиня Гендрикова, госпожа Шнейдер, повар Харитонов и мальчик Седнев. Посадили нас в экипажи, довезли до какого-то дома. Дом этот был обнесен высоким забором. Это обстоятельство навело меня на мысль о том, что здесь заключена царская семья… Высадили только Харитонова и Седнева. Всех остальных повезли куда-то дальше.

…Подвезли к какому-то зданию. Комиссар Белобородов[20] сошел с пролетки и крикнул: “Открыть ворота и принять арестованных”. Стало ясно, куда нас привезли. Привезли в контору, записали. Когда мы были в конторе и нас записывали, ген. Татищев, среди тишины, обратился ко мне со словами: “Правду говорят, Алексей Андреевич: от тюрьмы, да от сумы – не отказывайся”. – “Благодаря царизму – я родился в тюрьме”, – сказал, услыхав слова Татищева, комиссар Белобородов[21].

После того как нас переписали, хотели осмотреть наши чемоданы, но не осмотрели, а куда-то унесли их, пообещав прислать после. Развели нас по

камерам. Гендрикову и Шнейдер поместили в больничную камеру, а меня с Татищевым – в отдельную, наверх. На другой день из Ипатьевского дома привели к нам в тюрьму и посадили в нашу камеру камердинера государя, Чемодурова. Посажены мы были в политическое отделение тюрьмы, где находились и заложники»856.

В материалах белогвардейского следствия по убийству царской семьи имеются свидетельские показания А.А. Волкова следователю Н.А. Соколову от 20–23 августа 1919 г. В этих показаниях имеется интересное уточнение: «Не было тогда на меня ордера, а на всех остальных ордера уже были. Начальник тюрьмы и сказал тогда об этом этому комиссару. Он махнул рукой и сказал: "Потом пришлю". Я не знаю, кто это был. Но потом, когда был в тюрьме комиссар юстиции Поляков и мы обращались к нему по поводу отобрания у нас вещей… начальник тюрьмы сказал Полякову, что нас привозил и сдавал ему Юровский. Это я хорошо помню»857.

Волков в своих воспоминаниях упоминает о печальной участи Татищева: «Около 25 мая старого стиля в камеру вошли два надзирателя и попросили Татищева в контору, сказав, что в конторе его ожидает вооруженная стража. Татищев побледнел. Надзиратели показали ему бумагу, в которой было написано: "Высылается из пределов Уральской области". Мы попрощались с Татищевым и его увели… На другой день жена надзирателя говорила, что Татищев расстрелян. Расстрелян возле самой тюрьмы. Опознали его по английскому пальто…»858.

Таким образом, далеко не все приближенные к царю люди и его слуги были отпущены с миром. П. Жильяр позднее писал: «Через несколько дней после взятия Екатеринбурга, когда все были заняты приведением города в порядок и погребением умерших, нашли вблизи тюрьмы два трупа. На одном из них обнаружили чек на 80 000 рублей на имя гражданина Долгорукова, и по описаниям свидетелей представляется вероятным, что это было тело князя Долгорукова. Другой труп по всем признакам – генерала Татищева.

Тот и другой умерли, как они это предвидели, за своего императора. Генерал Татищев мне сказал однажды в Тобольске: "Я знаю, что не выйду отсюда живым. Я желал бы только одного, чтобы меня не разлучали с Государем и чтобы мне дали умереть вместе с ним". Но ему не было дано и это утешение.

Графиня Гендрикова и госпожа Шнейдер были увезены из Екатеринбурга через несколько дней после убийства царской семьи и отправлены в Пермь. Там они были расстреляны в ночь с 3 на 4 сентября 1918 г… Их тела были найдены и

опознаны в мае 1919 г. Они тоже решили отдать свою жизнь за тех, кого любили.

Состоявшего при наследнике матроса Нагорного и лакея Ивана Седнева отправили на расстрел в окрестности Екатеринбурга в конце июня 1918 г. Их тела были найдены через два месяца на месте казни.

Все, от генерала до простого матроса, не задумались принести свою жизнь в жертву и шли смело навстречу смерти»859.

Анализируя происходившие события, П. Жильяр писал в своих воспоминаниях: «Я не могу понять до сих пор, что руководило большевиками комиссарами в их выборе, который должен был нам спасти жизнь. Почему, например, увели в тюрьму графиню Гендрикову и оставили на свободе баронессу Буксгевден, которая также была фрейлиной императрицы? Почему они, а не мы? Зависело ли это от имен или обязанностей? Тайна!

На другой и в последующие дни я отправился с моим коллегой к консулам – английскому и шведскому (французский консул был в отсутствии). Следовало любой ценой сделать что-нибудь, чтобы прийти на помощь заключенным. Оба консула успокаивали нас, говоря, что уже были предприняты шаги к этому и что они не верят в неизбежность опасности»860.

В рукописных воспоминаниях А.Г. Белобородова переезд из Тобольска Романовых описан так:

«Оставшихся членов царской семьи и многочисленную челядь из Тобольска в Екатеринбург перевозили под руководством т. Хохрякова, уехавшего в Тобольск вскоре после отъезда туда Заславского; Хохряков оставался там в промежуток между отъездом Яковлева с царем до вывоза остальных комендантом губернаторского дома.

После начала навигации, с первым пароходом Хохряков доставил до Тюмени, а затем поездом оставшихся: княжон Ольгу, Татьяну, Анастасию и наследника Алексея, доктора Боткина и прислугу. Вместе с этими прибыли в большом числе придворные, находившиеся с царем в Тобольске, воспитатель Алексея – Жильяр и челядь: повара, горничные, дядьки и т. д.

Перевозка второй партии прибывших была поручена т. Мрачковскому, ему же было поручено отсортировать прибывших: часть пропустить жить вместе с царской семьей, часть посадить в тюрьму, а остальную, большую часть, просто не пускать в Екатеринбург и предложить им выбираться куда хотят[22]… В

тюрьму посадили кн. Долгорукова, гр. Татищева, кн. Гендрикову и еще одну какую-то высокопоставленную старуху (гоф-лектриса императрицы Екатерина Адольфовна Шнейдер. – *В.Х.*). Кроме них были посажены Нагорный – дядька (б. матрос) и еще один из челяди (бывший матрос, прислуга царских детей Иван Дмитриевич Седнев. – *В.Х.*).

Переезд из Тобольска в Екатеринбург, несомненно, отразился в худшую сторону на "высочайших особах". Во-первых, екат[еринбург]ский режим был организован применительно к тюремному (двойной высокий забор перед окнами, не позволявший видеть ничего, кроме кусочка неба, ограничение прогулки одним часом, караул внутри здания в комнатах смежных с теми, где жили арестанты); [во-вторых] сокращение числа лиц, окружавших арестантов в Тобольске и составлявших "общество" для царской семьи; в-третьих, сокращение порциона (выдавалось в Екатеринбурге по 500 руб. на человека); в-пятых (так в документе, нарушена нумерация. – *В.Х.*), контроль за перепиской (письма, приходившие с "воли" и отправлявшиеся арестантами, просматривались мною); в-шестых, прекращение всякого рода свиданий с лицами, находившимися вовне и т. д.»861.

Тем временем в Москве также внимательно следили за развитием событий на Урале. По сведениям «Биохроники», 19 мая 1918 г. В.И. Ленин участвует в заседании ЦК РКП(б), на котором обсуждается, в числе прочих, вопрос о Николае Романове.

Подготовка

Весь июнь и первую половину июля 1918 г. Екатеринбург находился на особом положении. 25 мая на железных дорогах страны от Пензы до Владивостока восстали чехословацкие части. 29 мая областной комиссар по военным делам Голощекин выступил на заседании городского Совета, потребовав введения военного положения в городе. С военными отрядами из Екатеринбурга на образовавшийся на юге Урала Златоустовский фронт ушел Хохряков.

10 июня в городе выступили против Советской власти фронтовики. Базируясь на Верхисетском заводе, они собрали на одной из площадей города митинг. Выступавшие на нем требовали выдать им оружие, заключить мир с чехословаками, ликвидировать институт политических комиссаров. Выступавшими руководили офицер Ростовцев и казачий есаул Мамкин. Митинг был разогнан. В подавлении выступления участвовал отряд П.З. Ермакова. Ростовцев был убит. Начались аресты.

Все это, безусловно, неблагоприятно сказывалось на положении узников Ипатьевского дома. Белочешские части и части Сибирской армии именно в это время, в июне, начале июля повели наступление на Екатеринбург. Их части шли от Челябинска и Сибири. 14 июня был взят Ялуторовск, 14 июля – Курган.

В этой обстановке и был культивирован миф об особом заговоре монархистов, ставивших целью освобождение Романовых, с тем чтобы они возглавили и объединили все контрреволюционные силы. Что же происходило в Екатеринбурге на самом деле?

История монархических заговоров достойна особого описания. Отметим вначале одну удивительную особенность, отмеченную в «Красной книге ЧК», изданной в 1921 г. Здесь изложена борьба органов ЧК с многочисленными заговорами, направленными против Советской власти на территории всей России, но ни разу не упомянуты не только Николай II, но и вообще фамилия Романовых.

Вместе с тем при полной растерянности, царившей в среде монархистов, выразившейся и в том, что ни одной серьезной организации, реально ставившей задачу освободить царскую семью, они создать не сумели, отдельные попытки в этом направлении были в Центре и Тобольске. Имели место они и в Екатеринбурге.

В мае 1918 г. в Екатеринбург была переведена бывшая Николаевская академия Генерального штаба. Разместили ее недалеко от Тихвинского монастыря, обосновавшегося в черте города. Старший класс академии насчитывал 216 слушателей, только 13 из них затем сражались на стороне Советов. Большинство из них считало Брестский мир предательством. После перевода академии в Екатеринбург они оказались во враждебной среде, а комиссары Уралоблсовета С.А. Анучин и Ф.И. Голощекин считали, что нахождение в Екатеринбурге «организованного очага контрреволюции» под маркой академии в центре Урала совершенно недопустимо. К июню 1918 г. академия насчитывала 300 слушателей при 14 профессорах и 22 штатных преподавателях. С началом наступления чехословацких частей академию приказом Троцкого перевели в Казань. Но ее слушатели, объявив «нейтралитет», выехали туда менее чем в половине состава. В дальнейшем они почти все перешли в колчаковскую армию и Николаевская академия прекратила свое существование.

Но так или иначе 300 кадровых офицеров, находившихся в июне – июле 1918 г. в Екатеринбурге, не смогли создать ударный кулак по освобождению царской семьи. Итак, уже после захвата города, выяснилось, что среди слушателей академии существовала тайная офицерская организация. В ее состав входили

капитаны: Д.А. Малиновский, Ахвердов, Делинсгаузен, Гершельман, Дурасов, Семчевский, Баумгартен, Дезбинин. Организация, через Дмитрия Аполлоновича Малиновского, имела связь с монархистами Петрограда, но систематически нуждалась в деньгах. Участие в ней принимала также мать капитана Ахвердова, Мария Дмитриевна. Офицеры установили связь с послушницами Тихвинского монастыря, носившими продукты узникам Ипатьевского дома. Была установлена также связь с доктором Деревенко. Офицеры стремились достать план квартиры Ипатьева. Подполковник Георгий Владимирович Ярцов, начальник Екатеринбургской учебной инструкторской школы академии, дал 17 июня 1919 г. следующие показания:

«Было среди нас офицеров, пять человек, с которыми я говорил тогда вполне откровенно по вопросу о принятии какихлибо мер к спасению семьи. Это были: капитан Малиновский, капитан Ахвердов, капитан Делинсгаузен, капитан Гершельман. В этих целях мы постарались через Делинсгаузена достать план квартиры Ипатьева, где содержалась августейшая семья. Это удалось сделать ему через доктора Деревенко, который на словах и сообщил ему о расположении комнат. Впоследствии я сам был в доме Ипатьева и видел, что эти сведения, сообщенные Деревенко, были верны. В этих же целях мы старались завести сношения с монастырем, откуда доставлялось молоко августейшей семье. Ничего реального предпринять нам не удалось: этого совершенно нельзя было сделать благодаря, с одной стороны, охране, какая была установлена большевиками над домом Ипатьева, а с другой стороны, благодаря слежке за нами. Я помню, что 16 июля я был в монастыре. Заведующая фотографическим отделением монахиня Августина именно в этот день сказала мне, что в этот день от них носили молоко в Ипатьевский дом и там какойто красноармеец сказал монахине, приносившей молоко: “сегодня возьмем, а завтра уже не носите, не надо”. Я точно не могу припомнить, какие именно вещи были найдены при осмотре нами шахты, кроме тех, которые я указал. Все эти вещи были тогда взяты на хранение капитаном Малиновским»862.

Показания капитана Дмитрия Аполлоновича Малиновского мало что дополняют предыдущий рассказ Ярцова. Но он, например, добавлял:

«Мать капитана Ахвердова Мария Дмитриевна познакомилась поближе с доктором Деревенко и узнавала от него, что было можно. Деревенко, допускавшийся время от времени к августейшей семье, дал ей план квартиры верхнего этажа дома Ипатьева. Я не знаю, собственно, кто его начертил. Может быть, чертил его Деревенко, может быть, сама Ахвердова со слов Деревенко, а может быть, и Делинсгаузен. Я же его получил от последнего. Там значилось,

что Государь с Государыней жили в угловой комнате, два окна которой выходят на Вознесенский проспект, а два на Вознесенский переулок. Рядом с этой комнатой была комната княжон, отделявшаяся от комнаты Государя и Государыни только портьерой. Алексей Николаевич жил вместе с отцом и матерью, Демидова жила в угловой комнате по Вознесенскому переулку, Чемодуров, Боткин, повар и лакей все помещались в комнате с аркой. Больше этого, т. е. кроме вот плана квартиры и размещения в нем августейшей семьи, мы ничего от Деревенко не имели.

Нас интересовало, конечно, в каком душевном состоянии находится августейшая семья. Но сведения эти были бледны. Я не знаю, почему это так выходило; Ахвердова ли не могла получить более выпуклых сведений об этом от Деревенко или же Деревенко не мог сообщить ничего ценного в этом отношении, и если не мог, то я не отдаю себе отчета и теперь, почему это было так; потому ли, что Деревенко не хотел этого делать, или же потому, что не мог дать никаких ценных сведений, так как за ним за самим следили и при его беседах с лицами августейшей семьи всегда присутствовали комиссары. Повторяю, сведения эти были какие-то бледные. Знали мы от него [вернее, – Ахвердовой через него], что августейшая семья жива. Припоминаю, между прочим, вот что. Я помню, по сведениям Деревенко, выходило, что у княжон были в комнате четыре кровати. Между тем, когда я потом попал в дом Ипатьева, я не видел там в этой комнате никаких кроватей, не только в комнате княжон, но и в комнате Государя и Государыни. А попал я туда один из первых. Может быть, впрочем, кровати увезли большевики? Ахвердова же, получавшая сведения от Деревенко, относилась сама к нему с доверием. Кем-то из нашей пятерки были получены еще сведения о жизни августейшей семьи. Какой-то гимназист снял однажды своим фотографическим аппаратом дом Ипатьева. Его большевики сейчас же «залопали» и посадили в одну из комнат нижнего этажа дома Ипатьева, где жили, вероятно, красноармейцы. Сидя там, этот гимназист наблюдал такие картины. В одной из комнат нижнего этажа стояло пианино. Он был свидетелем, как красноармейцы ботали по клавишам и орали безобразные песни. Пришел сюда какой-то из начальствующих лиц. Спустя некоторое время к нему явился кто-то из охранников, с таким пренебрежением сказал, прибегая к помощи жеста по адресу августейшей семьи: “просятся гулять”. Тем же тоном это «начальствующее лицо» ответило ему: “пусти на полчаса”. Об этом этот гимназист (я совершенно не могу его назвать и указать, где он живет) рассказал или своим родителям или тем лицам из старших, у которых он жил, сведения эти дошли каким-то образом до нашей пятерки. (Но кто мне их передавал, я не помню.) Был случай разрыва гранаты где-то около дома Ипатьева. Деревенко передавал Ахвердовой, что это дурно отразилось на душевном состоянии наследника. Проходя мимо дома Ипатьева, я лично всегда получал тяжелые

переживания; как тюрьма древнего характера: скверный частокол с неровными концами. Трудно было предполагать, что Им хорошо живется. Источником, чрез который получались наши сведения, был еще денщик Ахвердова (имени и фамилии его не знаю, впрочем, кажется, по фамилии Котов). Он вошел в знакомство с каким-то охранником и узнавал от него кое-что. Я осведомлял нашу организацию в Петроград посылкой условных телеграмм на имя капитана Фехнера (офицер моей бригады) и есаула сводного казачьего полка Рябова. Но мне ответа ни разу прислано не было и не было выслано ни единой копейки денег. Ну, что же можно было сделать без денег? Стали мы делать, что могли. Уделяли от своих порций сахар и я передавал его Ахвердовой. Кулич напекла моя прислуга из хорошей муки, которую мне удалось достать. Я его также передал Ахвердовой. Та должна была передать эти вещи Деревенко для доставления их августейшей семье. Она говорила мне, что все эти вещи дошли по назначению.

Это, конечно, так сказать, мелочи. Главное же, на что рассчитывала наша пятерка – это был предполагаемый увоз августейшей семьи. Я бы сказал, что у нас два плана, две цели. Мы должны были иметь группу таких людей, которые бы во всякую минуту, на случай изгнания большевиков, могли бы занять дом Ипатьева и охранять благополучие семьи. Другой план был дерзкого нападения на дом Ипатьева и увоз семьи. Обсуждая эти планы, пятерка посвятила в него семь еще человек офицеров нашей же академии. Это были: капитан Дурасов, капитан Семчевский, капитан Мягков, капитан Баумгартен, капитан Дубинин, ротмистр Бартенев; седьмого я забыл. Этот план держался нами в полном секрете и я думаю, что большевикам он никоим образом известен не мог быть. Например, Ахвердова совершенно об этом не знала. Однако, что бы ни предполагали сделать для спасения жизни августейшей семьи, требовались деньги. Их у нас не было. На помощь местных людей нельзя было рассчитывать совершенно; все было подавлено большевистским террором. Так с этим у нас ничего не вышло, с нашими планами за отсутствием денег и помощь августейшей семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем еще ином не выразилась. За два дня до взятия Екатеринбурга чехами я в числе 37 офицеров ушел к чехам и на другой день после взятия города чехами я пришел в город»863.

Отметим, что опубликовавший цитированную часть показаний Малиновского Николай Росс (1987) оборвал концовку текста протокола, снятого в 1919 г. Н.А. Соколовым. Капитан Малиновский между тем заявил:

«Я помню, что Ахвердова рассказала нам, что она была тогда на митинге и там комиссар Голощекин объявил всенародно о «расстреле» Государя. Были тогда и

объявления особые об этом. Сам я такого объявления не читал, но слышал об этом и мне передавали содержание такого объявления. Там говорилось о расстреле Государя. Именно можно было понять, что большевики, как носители тогда власти, взяли на себя такое дело и «казнили» императора. Про семью же в объявлении сообщалось, что она вывезена. Ни на одну минуту я тогда этому не поверил. Я совершенно не доверял тогда этому. Вы меня спрашиваете, почему же я не верил сообщению большевиков? Я так сам себе объяснял тогда этот вопрос. Я как военный офицер, как участник европейской войны, вынес то впечатление от нашей революции, что ею воспользовались немцы. Я думаю, что наша революция в значительной степени носит характер искусственности, подготовленности ее откуда-то извне. Чьих рук это дело, судить не могу. Но мне казалось все время и я сейчас убежден, что все дальнейшее, что привело Родину к настоящему ее положению, это дело рук немцев. Они стали нас разваливать после переворота, после отречения Государя императора от престола и воспользовались для этого, как орудием, господином Лениным, Троцким и другими подобными господами. Для меня большевизм – это порождение Германии, ее орудие в борьбе с нами. Смотря на большевиков, на слуг Германии, я не мог и сейчас не могу себе представить, чтобы власть в Германской Империи не приняла никаких мер к спасению жизни императрицы, немки по крови, связанной узами родства с Германским Императорским Домом, а через нее и императора и их семьи. В то время Германия была сильна и я представлял себе, что просто-напросто вывезли августейшую семью куда-либо, симулировав ее убийство.

В первые дни по возвращении в Екатеринбург я в дом Ипатьева не попал, занятый оперативными делами. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Дальнейший допрос был прерван ввиду позднего времени.

Гвардии капитан *Малиновский*»864.

Если судить по воспоминаниям чекиста И.И. Родзинского, в офицерскую среду был внедрен провокатор, которому чекисты дали кличку «Князь Волконский», он систематически давал информацию о настроениях офицеров, но, как видим, ничего не знал о группе Малиновского – Ярцова, впрочем, как видно из их же показаний, совершенно беспомощной. Зато в другом замысле, целью которого было «выманить» Романовых из дома и расстрелять при попытке к бегству, чекисты Екатеринбурга проявили дьявольскую изобретательность. Они направили к Романовым конспиративно письма от «офицерской» организации с предложением организовать их побег. Анализировавший эти письма в одной из публикаций Г.Т. Рябов посчитал, опираясь на свой предыдущий опыт работы

следователя, что письма эти написала женщина. На самом деле их писал молодой чекист И.И. Родзинский, а диктовал П.Л. Войков.

О Родзинском известно: родился в 1897 г. в Одессе в семье земского врача. Учился в Пермском университете, созданном в 1916 г. В Перми был комиссаром на Пермской железной дороге, председателем мотовилихинского народного суда, послан в июне 1918 г. в Екатеринбург работать в местную ЧК (следственную комиссию).

Другой участник задуманной подлой игры (она проходила также при прямом участии А.Г. Белобородова) был человек, известный не только на Урале. Это – будущий посол РСФСР в Польше, а в то время член следственной комиссии и комиссар продовольствия Урала.

Сохранилась уникальная запись (которую без редакции, с соблюдением авторской орфографии мы и приводим ниже) рассказа чекиста Родзинского о «переписке» с Николаем II:

– *Расскажите нам о записке красными чернилами, в архиве перепутали, так сказать, подлинные вещи.*[23]

– А-а, которую я вел с Николаем переписку. Да, вот, кстати говоря, в архиве несомненно, я думаю, тот документ, я не знаю, где все это показывают, в музее Революции, видимо, там, видимо, есть два письма мною писанные на французском языке с подписью… (иностранный язык). Русский офицер. Красными чернилами (обнаруженные в архиве письма написаны черными чернилами. – *В.Х.*), как сейчас помню, два письма писали, писали мы, так это решено было. Это было за несколько дней еще до этого, до, конечно, всех этих событий на всякий случай так решили, так затеять переписку такого порядка, что группа офицеров, вот насчет того, что приближается освобождение, так что сориентировали, чтобы они были готовы к тому, чтобы так… и так далее. И они действительно так готовились по этим письмам. Это видите ли тут преследовались две цели. С одной стороны, чтобы документы о том, что готовилось, по тому времени надо было, потому что черт те в случае… Для истории по тому времени, на какой-то отрезок, видимо, и нужно было доказательства того, что готовилось похищение. Ну а сейчас что же толковать, действительно документы существуют. Надо сказать, что никакого похищения не готовилось, видимо, соответствующие круги были бы очень рады, если бы эти оказались среди них. Но, видимо, занимались другим, не столько теми поисками царской фамилии, сколько организацией контрреволюции.

– *В более широких масштабах?*

– В более широких масштабах. И, видимо, меньше всего их интересовала судьба там. Если бы они оказались, конечно, их бы использовали, но специально, видимо, так вопросами вызволения не занимались. Так нужно понять, потому что мы ни одной организации, которая бы так стремилась выкрасть их, не встречали.

– А вот в истории гражданской войны говорится о связи Николая с монахинями, с монастырями.

– А-а, это я могу рассказать. С питанием их было так организовано, там их дело.

– Можно еще просто один вопрос о записке, скажите, а имел отношение к этой записке Белобородов и Павел Лазаревич?

– А-а, имел, да это имел. Я забыл об этом сказать. Письма эти писались не то, чтобы я писал письма. Не так дело было.

Так собирались мы обычно так Белобородов, Войков и я, я от Уральской областной ЧК. Причем Войков был продовольственным комиссаром областным.

– Ка*к его, Петр, по-моему, да?*

– Это тот самый Войков, который потом был послом в Польше, его убили, в Польше он умер.

– Его именем сейчас завод.

– Завод его именем. Это был милейший человече, который в эмиграции во Франции, кстати говоря, жил. Вот сам он из поляков. Почему видимо, его и направили туда потом послом в Польшу. Они, видимо, поэтому его и убили, что он наш и вдруг к нам же послом. Вот делалось так.

Вот решили, что надо такое-то письмо выпустить. Текст составлялся тут же, придумывали текст с тем, чтобы вызвать их на ответы. Вот. И дальше, значит, Войков по-французски диктовал, а я писал, записывал, так что почерк там мой в этих документах. Вот и второй раз, по-моему, два письма тоже передавали через одного этого самого во внутренней охране. Там две были линии охраны. Так вот этот стоял во внутренней, там два забора стояло, так во внутренней через одного товарища там специально ему поручили, так он передавал.

– Ага, это он передал царице или…

– По-моему ей, по-моему царице, там хозяйка была царица.

– *Письма какие-нибудь оттуда были или нет?*

– Я сейчас не припомню, во всяком случае, нет, оттуда нет, нет оттуда не было писем никаких.

– *Эти были, примерно, за сколько дней эти письма?*

– За недельку, видимо, до этого, за недельку-полторы так что-нибудь в этом роде переписка эта шла. Нет просто чувствовалось, что они так готовятся, что их выкрадут. А вообще там командовал всем это самая, это сама, ведь она посмотрит, так они знают по взгляду, все смотрят на нее обычно. Властно. Да она уже, властная физиономия у нее была такая»865.

Итак, П.Л. Войков и И.И. Родзинский были авторами следующих писем, направленных в Ипатьевский дом (впервые в подлинном виде они опубликованы Гелием Рябовым). Однако следует пояснить, что письма, написанные от имени офицера на французском языке к царской семье, имели особенность. Письмо было написано таким образом, что оставалось часть чистого места, на котором можно было написать короткий ответ. Эта уловка удалась и выглядела убедительно, что на конспиративном документе имеется доказательство контакта царской семьи с заговорщиками. Возможно, царская семья была убеждена, что помощь должна была прийти от верных людей, а с другой стороны, в случае перехвата переписки это являлось лишним доказательством, что не Романовы были ее инициаторами. Позднее вся переписка была переведена чекистами на русский язык и все это было собрано в одно дело. В этом же деле имеются два экземпляра «записки» чекиста Юровского о расстреле царской семьи и месте тайного захоронения. Обращает на себя внимание и то, что письма «офицера» были написаны обычными чернилами или карандашом866. Писем среди них, написанных красными чернилами, в этом деле не оказалось. Первое письмо гласило:

«С помощью Божьей и вашим хладнокровием мы надеемся приуспеть (орфографическая ошибка, нужно «е», а не «и» *–Г.Р[ябов])* без всякого риска. Нужно непременно, чтобы одно из ваших окон было бы отклеено, чтобы вы могли его открыть в нужный момент. То, что (тот факт, что) маленький царевич (правильно: цесаревич. – *В.Х.*) не может ходить, осложняет дело, но мы предвидели это, и я не думаю, что это будет слишком большим затруднением. Напишите, если нужно два лица, чтобы его нести на руках или кто-нибудь из вас может это сделать. Возможно ли усыпить маленького на один или два часа, в случае, если вы будете знать заранее точный час. Это доктор, должен сказать свое мнение (синтаксис именно такой. – Г.Р.), но в случае надобности мы можем снабдить те или другие для этого средства (вещи). Не беспокойтесь:

никакая попытка не будет сделана без совершенной уверенности результата (успеха). Перед Богом, перед историей и нашей совестью мы вам даем торжественно это обещание. Один офицер».

Романовы не замедлили с ответом.

Г. Рябов отметил, что письмо было написано одной из дочерей императора на французском языке, оно было переведено, а затем в 1919 г., с существенными купюрами, напечатано в «Известиях». Купюры были произведены для того, чтобы у читателя создалось впечатление: автор письма Николай II. Так, в тексте письма, опубликованного в «Известиях», отсутствовал такой, например, абзац: «Доктор уже три дня в постели после припадка почек, но уже поправляется. Мы ждем все время возвращения двух наших людей, молодых и мощных, которые заперты в городе уже месяц, и не знаем ни где и по какой причине. В их отсутствие отец носит маленького, чтобы перейти комнаты, для того, чтобы выйти в сад».

«Мощные» и «молодые» – это И.Д. Седнев и К.Г. Нагорный. Они были уведены для «допроса в областной Совет» 14 (27) мая. Больше они в дом Ипатьева не возвращались, были помещены в тюрьму и позднее расстреляны. Приведенное письмо написано 13 (26) июня («доктор», Евгений Сергеевич Боткин, «заболел почками», как отметил в дневнике Николай Александрович от 10/23 июня. Спустя три дня было написано письмо, где сообщалось, что он «три дня» в «постели»). Автор письма резонно беспокоился за семейные вещи, и, особенно, за документы, хранившиеся в ящиках в сарае. Отметим, что, прочитав ответ Романова, чекисты твердо теперь знали, где хранится то, чем они дорожили особо: письмами и дневниками Александры Федоровны и Николая.

Несомненно также, что чекисты сделали и такой вывод: Романовы положительно оценили поведение коменданта, что, естественно, не устраивало чекистов. Между тем переписка продолжалась. Вскоре последовал ответ «офицера». Он писал:

«Не беспокойтесь о 50 человек, кот. находятся в маленьком доме напротив ваших окон – они не будут опасны, когда нужно будет действовать. Скажите что-нибудь определенное (более верное, точное) относительно вашего командира, чтобы нам облегчить начало. Это невозможно вам сказать теперь (в этот час), если можно будет взять всех ваших людей. Мы надеемся, что да, но во всяком случае они не будут с вами после вашего отъезда из дома, кроме доктора. Принимаем все меры для доктора Д., надеемся гораздо раньше воскресенья указать вам детальный план операции. До сих пор он установлен таким образом: сигнал, услышанный, вы закрываете и баррикадируете мебелью

дверь, кот. вас отделяет от стражи, кот. будет блокирована и терроризирована внутри дома. (С помощью веревки) с веревкой, специально сделанной для этого, вы спускаетесь через окошко, где вас будут ждать внизу, остальное нетрудно, средства передвижения не в недостатке и прикрытие хорошо как никогда. Важность вопроса это спустить маленького, возможно ли, отвечайте, обдумывая хорошо (обдумавши). Во всяком случае, это отец, мать и сын, кот. первые спускаются, дочери потом, доктор им следует (за ним следует). Отвечайте, если это возможно по вашему мнению и если вы можете сделать веревку, употребляя уже данную, чем вам препроводить веревку очень трудно в данный момент. Один офицер».

Ответ Романовых, как и в первом случае, был по сути своей однозначен: «ничего не нужно предпринимать».

Они писали:

«Мы не хотим и не можем бежать, мы можем только быть похищенными силой, т. к. сила нас привела в Тобольск. Так не рассчитывайте ни на какую помощь активную с нашей стороны. Командир имеет много помощников, они меняются часто и стали озабоченными. Они охраняют наше заключение, как и наши жизни, добросовестно и очень хороши с нами. Мы не хотим, чтобы они страдали из-за нас, ни вы из-за нас, в особенности во имя Бога (избегайте) избежите кровопролития. Справьтесь о них вы сами. Спуск через окно без лестницы совершенно невозможен. Даже спущенными – еще в большей опасности из-за открытого окна из комнаты командиров и митральеза с нижнего этажа, куда проникают с внутреннего двора. (Откажитесь же от мысли нас похищать, изъять.) Если вы следите (наблюдаете) (бдите) о нас, вы сможете всегда прийти нас спасти в случае опасности неизбежной и реальной. Мы совершенно не знаем, что происходит снаружи. Не получаем ни журналов, ни газет, ни писем. С тех пор как позволили открывать окно, надзор усилился, и даже запрещают высовывать голову, с риском получить пулю в лицо».

Упомянутые в письме попытки эвакуации Романовых в дневнике Николая II зафиксированы так:

«**31 мая [/13 июня].** Вознесение.

Утром долго, но напрасно ожидали прихода священника для совершения службы… Днем нас почему-то не выпускали в сад. Пришел Авдеев и долго разговаривал с Евг. Серг. (Боткиным. – *В.Х.*). По его словам, он и областной Совет опасаются выступлений анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъезд, вероятно – в Москву! Он просил подготовиться к

отбытию. Немедленно начали укладываться, но тихо, чтобы не привлекать внимания чинов караула, по особой просьбе Авдеева.

Около 11 час. вечера он вернулся и сказал, что еще останемся несколько дней. Поэтому и на 1-е июня мы остались по бивачному ничего не раскладывая»867.

Задумаемся: в ночь с 12 на 13 июня (31 мая, по ст. стилю. – *В.Х.*) в Перми был вывезен и расстрелян брат Николая II Михаил Александрович и его секретарь Джонсон. Расстрел был подан в печати, как «бегство» Михаила. Чекисты Екатеринбурга также провоцировали Романовых на «побег». Что это: случайное совпадение или одновременно задуманная операция по уничтожению, удавшаяся в Перми и отложенная в Екатеринбурге из-за неподготовленности и, главное, отказа Романовых «бежать»?

20 июня 1918 г. из Москвы на имя председателя Уральского областного Совета А.Г. Белобородова пришла телеграмма:

«В Москве распространились сведения, что будто бы убит бывший император Николай Второй, сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами Совета Народных Комисаров *Владимир Бонч-Бруевич*. [№] 499»868.

9(22) июня Николай записал в дневнике: «Сегодня во время чая вошло 6 человек, вероятно, – областного Совета, посмотреть, какие окна открыть? Разрешение этого вопроса длится около двух недель! Часто приходили разные субъекты и молча при нас оглядывали окна»869. На другой день он уточнил: «Оказывается, что вчерашние посетители комиссары из Петрограда»870.

По поручению центра 22 (9 по ст. стилю) июня Ипатьевский дом посетил главнокомандующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзин, который телеграфировал в Москву: «Мною полученных московских газетах отпечатано сообщение об убийстве Николая Романова на каком-то разъезде от Екатеринбурга красноармейцами. Официально сообщаю, что 21 июня мною с участием членов Военной инспекции и Военного комиссара Ур[альского] военного округа и члена Всерос[сийской] след[ственной] комиссии был проведен осмотр помещений, как содержится Николай Романов с семьей и проверка караула и охраны. Все члены семьи и сам Николай жив, и все сведения об его убийстве и т. д. – провокация. [№] 198. 27 июня 1918 года, 0 час[ов] 5 минут. Главнокомандующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Берзин»871.

Как можно заметить, имеется расхождение в один день в дате события между дневниковыми записями царской четы и официальным сообщением.

Вместе с главнокомандующим Р.И. Берзиным Ипатьевский дом посетили его помощник по военной инспекции, представитель от ВЧК и представители Уральского облисполкома, в том числе заместитель председателя облисполкома Б.В. Дидковский.

Как видим, готовилось прежде всего общественное мнение. Первым таким шагом было распространение ложных сообщений о «бегстве» брата царя – великого князя Михаила. Затем в прессе (в июне – начале июля) стала часто появляться информация о расстреле Николая II в Екатеринбурге. Слухи эти подчас же официально опровергались. Так, пермской газетой «Свободный путь» 2 июля 1918 г., одновременно с информацией сведений о якобы «появлении Михаила Романова» после «побега» в стане белогвардейцев, была напечатана такая заметка: «Главнокомандующий Северо-Уральским фронтом Берзин телеграфирует из Екатеринбурга, что после осмотра помещения бывшего царя оказалось, что он и его семья живы и содержатся под охраной караула». Берзин и был в числе других тех «петроградских» комиссаров, которые посетили Романовых.

Чекистами была предпринята третья по счету попытка «выманить» Романовых из дома Ипатьева. Было написано еще одно письмо, но в связи с резкой переменой ситуации, видимо, был изменен весь план уничтожения Романовых. Вскоре был заменен караул красногвардейцев на внутреннюю охрану из чекистов. Убедившись в том, что Романовых не удастся спровоцировать на «побег» и ликвидировать «при попытке к бегству», екатеринбургские власти решили заручиться санкцией центра на казнь царской семьи.

14 (27) июня в дневнике Николая II появились знаменательные строки: «Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые… Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в кот. нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны»872. Эта запись означала, что царская семья получила очередное, очевидно, третье письмо так называемого офицера. В нем говорилось:

«Не беспокойтесь о 50 человек, которые находятся в маленьком доме напротив ваших окон, – они не будут опасны, когда нужно будет действовать. Скажите что-нибудь определенное (более верное, точное) относительно вашего командира, чтобы нам облегчить начало. Это невозможно вам сказать теперь (в этот час) если можно будет взять всех ваших людей, мы надеемся что да, но, во всяком случае, они не будут с вами после нашего отъезда из дома кроме

доктора. Принимаем все меры для доктора Деревенко. Надеемся гораздо раньше воскресенья вам указать детальный план операции. До сих пор он установлен таким образом:

Сигнал услышанный, вы закрываете и баррикадируете мебелью дверь, которая вас отделяет от отряда, которые будут блокированы и терроризированы (так в документе. – *В.Х.*) внутри дома. С (помощью веревки) веревкой, специально сделанной для этого, вы спускаетесь через окошко, где вас будут ждать внизу, остальное нетрудно, средства передвижения не в недостатке и прикрытие хорошо как никогда. Важность вопроса это спустить маленького, возможно ли, отвечайте обдумывая (обдумавши) хорошо. Во всяком случае, это отец, мать и сын, которые первые спускаются, дочери потом, доктор им следует (за ними следует). Отвечайте, если это возможно, по вашему мнению и если вы можете сделать веревку, употребляя уже данную, чем вам препроводить веревку очень трудно в данный момент»873.

Для царской семьи был ясен авантюризм всего плана побега, в котором организаторы его в своем нетерпении перешли границы разумного. Запись в дневнике императора об этом событии говорит о том, что он интуитивно понял суть провокации большевиков. Однако как говорится: надежда умирает последней.

На письмо «офицера» царская семья дала, судя по содержанию, четкий отрицательный ответ:

«Мы не хотим и не можем бежать. Мы можем только быть похищенными (изъятыми) силой, т. к. сила нас привела в Тобольск. Так не рассчитывайте ни на какую помощь активную с нашей стороны. Командир имеет много помощников. Они меняются часто и стали озабоченными. Они охраняют наше заключение, как и наши жизни, добросовестно и очень хороши с нами. Мы не хотим, чтобы они страдали из-за нас, ни Вы из-за нас, в особенности во имя Бога (избегайте) избегите кровопролития. Справьтесь о них Вы сами. Спуск через окно без лестницы совершенно невозможен. Даже спущенными – еще в большей опасности из-за открытого окна из комнаты командиров, и митральезы с этажа, куда проникают с внутреннего двора. Если Вы следите (наблюдаете) (бдите) за нами, Вы сможете всегда прийти нас спасти в случае опасности неизбежной и реальной. Мы совершенно не знаем, что происходит снаружи, не получая ни журналов, ни газет, ни писем. С тех пор, как позволили открывать окно, надзор усилился, и даже запрещают высовывать голову, с риском получить пулю в лицо»874.

Николай II, видимо, догадался о чудовищной провокации чекистов и записал в дневнике всю эту историю. Несмотря на отказ царской семьи от предложения побега, чекисты не оставили своих попыток осуществить задуманную провокацию. Правда, некоторый перерыв, последовавший в этой переписке, говорит о том, что большевики не были готовы к такому повороту событий. Судя по содержанию архивного дела, было и четвертое письмо чекистов, но на него не было ответа царской семьи. Была только маленькая пометка на конверте от письма. Но главные события были еще впереди.

Позднее большевики в периодической печати провели пропагандистскую кампанию и так изобразили все эти события, которые предшествовали расстрелу царской семьи, как «белогвардейский заговор». В частности, комиссар и редактор газеты «Уральский рабочий» В. Воробьев делился на страницах периодической печати воспоминаниями об этом периоде:

«События развернулись, однако, так, что мысль о суде (имеется в виду суд над царской четой. – *В.X.*) пришлось отбросить. Гражданская война разгоралась. Рабочий Урал ощетинился штыками рабочих дружин. Но враг был лучше организован, более дисциплинирован, прекрасно вооружен. Сила была на его стороне. Кыштым, Карабаш, Касли, Златоуст были нами потеряны в первые же дни войны. И к середине июля Екатеринбург уже оказался под ударом.

Приближение фронта окрылило надежды на возможность освобождения царя съехавшейся в Екатеринбург вслед за царской семьей черносотенной братии. Чрезвычайной комиссии удалось напасть на след офицерской организации, поставившей задачей, во что бы то ни стало освободить Романовых. Авдееву удалось перехватить переправлявшиеся в ипатьевский особняк запеченные в хлеб и запрятанные в пробку, которой была заткнута бутылка молока, записочки с воли.

“Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены, – читали мы в одной такой записочке. – Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Надо действовать…”».

И арестованные пытались действовать. Николай был накрыт на попытке, переправить на волю под подкладкой конверта план «дома особого назначения» (на самом деле это было упомянутое нами письмо детям в Тобольск. – *В.X.*). Одна из его дочерей пыталась кому-то сигнализировать через форточку (из-за высокого забора не было видно улицы. – *В.X.*). Участились попытки со стороны царских дочек заговорить, установить связь с несшими охрану красногвардейцами…

Было несомненно, что со дня на день можно ждать попытки освобождения царской семьи.

В редакцию «Уральского рабочего» стали поступать письма рабочих, полные тревоги: достаточна ли, надежна охрана царской семьи, не случилось бы беды – как бы не удрал Николай. Все чаще в письмах встречались требования немедленного расстрела Николая. Об этом же говорили и на рабочих собраниях и митингах.

В Москве тоже тревожились за целость бывшего царя. Но здесь опасения были другого порядка: опасались самосуда над бывшим царем, убийства его какой-нибудь анархистской группой. Одно время в Москве даже распространили слух: Николая убили. В конце июня С.Е. Чуцкаев – председатель городского Совета – получил даже на этот счет из Совнаркома официальный запрос:

“В Москве распространились сведения, что будто бы убит бывший император Николай Второй. Сообщите имеющиеся у вас сведения. Управляющий делами Совнаркома В. БончБруевич. 499”.

Несколькими днями позже подобный же запрос получил и я. Комиссар Петроградского телеграфного агентства Старк спрашивал меня:

“Прошу срочно сообщить о достоверности слухов об убийстве Николая Романова. Очень важно”.

А на фронте той порой узел военных неудач все туже и туже стягивал петлю вокруг красной столицы Урала.

И Областной Совет решил, что надо действовать прежде, чем начнет действовать какая-либо белогвардейская организация.

Охрана царского семейства была усилена. Всякие сношения заключенных с волей были прекращены. Прекращены были даже прогулки в садике. В городе был произведен ряд арестов»875.

Таким образом, промывали мозги свободным гражданам России и воспитывали подрастающее поколение на революционных традициях борьбы с царизмом.

Никому не нужны

19 мая 1918 г. на заседании ЦК РКП(б), которое вел Ленин, среди прочих вопросов был поставлен и вопрос о судьбе бывшего императора. В эти же дни царская семья была полностью «собрана» в Екатеринбурге. 23 мая из

Екатеринбурга в Москву на имя Свердлова была послана следующая телеграмма:

«Сегодня 23/5, наш комиссар Хохряков доставил [из] Тобольска [в] Екатеринбург остальных: Ольгу, Татьяну, Анастасию, Алексея – помещены вместе с другими. Перевозка обошлась без инцидентов. 34. 25. Белобородов»876. 25 мая, заслушав это сообщение, ЦИК вынес решение: «Принять к сведению»877.

В последние годы из бывших советских спецхранов были выявлены и рассекречены ряд документов, как, например, постановления председателя Уральского областного Совета А.Г. Белобородова об аресте приближенных царской семьи: А.В. Гендриковой, И.Л. Татищева, Е.А. Шнейдер и др. Обращает на себя внимание, что в постановлении об аресте графини Гендриковой ее фамилия была записана так, что она по документам получалась мужчиной. Постановления об аресте были подписаны еще до прибытия «арестантов» в Екатеринбург878. После они были посажены в тюрьму и позднее расстреляны.

В рукописных воспоминаниях председатель Уральского областного Совета А.Г. Белобородов значится следующее:

«После начала навигации с первым пароходом Хохряков доставил до Тюмени, а затем поездом оставшихся княжон Ольгу, Татьяну, Анастасию и наследника Алексея, доктора Боткина и прислугу. Вместе с этими прибыли в большом числе придворные, находившиеся с царем в Тобольске, воспитатель Алексея – Жильяр и челядь: повара, горничные, дядьки и т. д.

Перевозка второй партии прибывших была поручена т. Мрачковскому, ему же было поручено отсортировать прибывших: часть пропустить жить вместе с царской семьей, часть посадить в тюрьму, а остальных, большую часть, просто не пускать в Екатеринбург и предложить им выбираться, куда хотят. В числе этих последних был и Жильяр, написавший затем книжку со своими воспоминаниями о царской семье. Судя по это книжонке, большим умом этот «воспитатель» не обладал и из наследника несомненно готовили такого же болвана, каким был и сам Николай II. В тюрьму посадили кн. Долгорукого [Долгорукова], гр. Татищева, кн. Гендрикову и еще одну какую-то высокопоставленную старуху. Кроме них были посажены Нагорный – дядька (б[ывший] матрос) и еще один из челяди.

Переезд из Тобольска в Екатеринбург, несомненно, отразился в худшую сторону на «высочайших особах». Во-первых, екате[ринбург]ский режим был организован применительно к тюремному (двойной, высокий забор перед

окнами, не позволявший видеть ничего, кроме кусочка неба, ограничение прогулки одним часом, караул внутри здания в комнатах, смежных с теми, где жили арестанты); [во-вторых], сокращение числа лиц, окружавших арестантов в Тобольске и составлявших «общество» для ц[арской] семьи; в-третьих, сокращение порциона (выдавалось в Екатеринбурге по 500 руб. на человека); в-пятых (в воспоминаниях нарушена нумерация пунктов. – *В.Х.*), контроль за перепиской (письма, приходившие с «воли» и отправлявшиеся арестантами просматривались мною); в-шестых, прекращение всякого рода свиданий с лицами, находившимися вовне, и т. д…»879.

На этом текст воспоминаний обрывается. Последующие пять страниц тетради вырезаны, очевидно, сотрудниками НКВД. Позднее эти воспоминания были выделены в отдельную единицу хранения из дела № 34 в дело № 56, чем я считаю: был нанесен некоторый урон, т. к. обрезанные страницы, которые были видны ранее, теперь зашиты в корешок нового дела. Окончания воспоминаний обнаружить не удалось.

Доктор Е.С. Боткин ходатайствовал перед председателем Уральского областного исполнительного комитета Белобородовым о допуске в Ипатьевский дом в связи с болезнью цесаревича Алексея его учителей П. Жильяра и С. Гиббса. В ходатайстве от 24 мая 1918 г. указывалось:

«Господину Председателю.

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении Областного Исполнительного Комитета вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, господин Председатель, с следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич, лечение которого ведет доктор Вл. Ник. Деревенко, подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающихся выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдержать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает. Состоявший при нем Клим Григорьевич Нагорный после нескольких бессонных и полных мучений ночей сбивается с ног и не в состоянии был бы выдержать вовсе, если б на смену и помощь ему не являлись преподаватели Алексея Николаевича – г. Гиббс и в особенности воспитатель его г. Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменою впечатлений отвлекают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему

их и давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами для смены их в свою очередь. Г[ражданин] Жильяр, к которому Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нем неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни иногда и целые ночи, отпуская измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно же, повторяю, г. Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят больному более облегчения, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев к самолечению, крайне ограничен.

Ввиду всего изложенного я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить гг. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их – в крайности же – хотя бы одного г. Жильяра, к нему завтра же.

Доктор Ев. Боткин»880.

Однако просьба царской семьи и доктора Е.С. Боткина осталась неудовлетворенной. На письме Е.С. Боткина имеется резолюция:

«Просмотрев настоящую просьбу доктора Боткина, считаю, что из этих слуг один является лишним, т. е. дети все царские и могут следить за больным, а поэтому предлагаю Председателю Облсовета немедля поставить на вид этим зарвавшимся господам ихнее положение. Комендант Авдеев»881.

Гувернер цесаревича П. Жильяр позднее вспоминал о событиях после прибытия в Екатеринбург:

«На следующий и в течение еще нескольких дней я ходил со своим коллегой к английскому и шведскому консулам – французский консул был в отсутствии. Надо было во что бы то ни стало попытаться что-нибудь сделать, чтобы прийти на помощь заключенным. Оба консула нас успокоили, говоря, что уже были предприняты шаги и что они не верят в непосредственную опасность.

Я прошел мимо дома Ипатьева, окна которого были видны из-за окружавшего его дощатого забора. Я еще не потерял всякой надежды в него вернуться, так как доктор Деревенко, которому было дозволено навещать Алексея Николаевича, слышал, как доктор Боткин, от имени Государя, просил

начальника стражи, комиссара Авдеева, что мне было разрешено к ним вернуться. Авдеев ответил, что он запросит Москву. Пока мы все, с моими сотоварищами, временно разместились, кроме доктора Деревенко, который взял квартиру в городе, – в привезшем нас вагоне четвертого класса. Нам пришлось остаться в нем больше месяца. […]

Прошло еще несколько дней, после чего я узнал через доктора Деревенко, что просьба доктора Боткина относительно меня отклонена»882.

Позиция Советского правительства, Ленина по вопросу решения судьбы Романовых сводится в это время (если судить по имеющейся в настоящее время информации) к организации и проведению суда над Николаем II. Характерный момент: весной 1918 г. матрос Задорожный в Крыму, возглавлявший охрану части членов Императорского Дома Романовых, не дал их расстрелять. Он ждал приказа из Москвы от Ленина. Захватившие Крым немцы, однако, не спешили отправить вдовствующую императрицу Марию Федоровну (мать Николая II) и других членов Дома Романовых (если не в Германию, то хотя бы вне пределов России). Не спешили немцы в оказании давления на советское правительство в отношении судьбы бывшей немецкой принцессы Александры Федоровны и ее дочерей, хотя кое-какие шаги в этом направлении и предпринимались.

«Около 15 мая (по старому стилю. – *В.Х.*), – пишет Жильяр, – когда я был в Екатеринбурге, я узнал там совершенно достоверно, что в это время в Екатеринбурге была немецкая миссия Красного Креста. Это удостоверяю я положительно. Я тогда был в ресторане вместе с Буксгевден и Теглевой. Рядом с нами сидели два каких-то члена этой миссии и сестры милосердия, – немки и говорили между собой по-немецки. Я точно знаю, что миссия тогда же уехала в Германию. Там знали о тех ужасных условиях, в каких находилась царская семья»883.

Добавим, что нет ни одного документа известного нам, который свидетельствовал бы о желании, высказанном Николаем II и Александрой Федоровной выехать в Германию в это время. Напротив, их антигерманские настроения представлены как в дневниках Романовых, так и свидетельствах современников, общающихся с ними.

Периодически в прессе появлялись провокации. Так, например, в газете «Новая Жизнь» появилось сообщение «Слухи о Романовых», где говорилось:

«“Вахт ин Остен” сообщает из Мальме, будто с русским правительством происходят переговоры о переселении Николая Романова с семьей в Румынию,

откуда бывший царь, будто, отправится через Австрию в Швейцарию на постоянное местожительство»884.

Вместе с тем и бывшие союзники России в войне против Германии ревниво следили за возможностью передачи немцам Романовых: они этого не хотели. Эта позиция поддерживалась и советским правительством. Так, в комментариях советских газет было в это время помещено следующее сообщение: «14 мая "Манчестер Гардиан", касаясь захвата германцами вдовствующей императрицы и двух великих князей, говорит, что эти лица могут быть использованы для восстановления царского правительства»885.

Следует отметить, что в этот период в ряде газет появилась направляемая умелой рукой в большой дипломатической игре очередная дезинформация. Так, например, «Новая Петроградская газета» сообщала читателям:

«Бывшая императрица Мария Федоровна, а с ней ряд других членов семьи Романовых возбудили ходатайство перед германскими властями о разрешении им выехать из пределов России. Германским правительством в выдаче общего разрешения на выезд Романовым отказано, но бывшей императрице Марии Федоровне предоставлено право проехать в Данию.

Когда об этом стало известно Советской власти, то посол Совета Народных Комиссаров в Берлине Иоффе заявил германскому правительству, что разрешение выехать бывшей императрице Марии Федоровне в Данию для Советской власти нежелательно. Иоффе указал, что Совет Народных Комиссаров находит невозможным выезд Романовых в Западную Европу, ибо в этом случае члены династии Романовых получат возможность руководить контрреволюционными действиями своих приверженцев.

Германское правительство отнеслось к заявлению Иоффе весьма внимательно и отменило свое прежнее распоряжение о разрешении Марии Федоровне проехать в Данию»886.

Как говорят в таких случаях, комментарии излишни.

Итак, не выпускать за рубеж и устроить суд над Николаем II, такова была позиция Ленина в мае 1918 г. В этом направлении (деле организации процесса) предпринимались и конкретные шаги.

4 июня 1918 г. на заседании Наркомата юстиции было вынесено решение делегировать в распоряжение Совнаркома (по его просьбе) «в качестве следователя т. Багрова», для подготовки процесса. На роль официального

обвинителя на нем планировался Л.Д. Троцкий. В Екатеринбурге и Перми тем временем шел сбор дополнительного компрометирующего материала по связям Николая II с монархическими и иными организациями, готовившими «заговоры» с целью освобождения царской семьи. 4 июня 1918 г. Екатеринбургский Совдеп сообщал в Совнарком: «[На] Вашу 510 председателю местного Совдепа сообщаем, что указанное лицо арестовано [по] распоряжению [Уральского] облсовета вследствие получения данных [о] подготовке побега из Тобольска [№] 4522.

Предоблсовета Белобородов»887.

В Тобольске, где еще раньше был взят под стражу архиепископ Гермоген, были проведены многочисленные аресты. В Перми в это же время чекисты пытались искусственно «организовать» подпольный центр по освобождению Михаила, а в екатеринбургской тюрьме допрашивали с этой же целью князя Г.Е. Львова, бывшего главу Временного правительства, арестованного в Тюмени и сидевшего в екатеринбургской тюрьме. В середине июня, как мы уже отмечали, пытались организовать «побег» Романовых из дома Ипатьева. При всем этом цель была одна: так или иначе, уничтожить на Урале Романовых, избавив, по возможности, от прямого участия в этой акции правительство. В июне план этот начал осуществляться, когда был расстрелян Михаил Романов. Однако в выполнении этого плана порой мешали большевикам иностранные дипломаты. В периодической печати появлялись подобные сообщения:

«Вчера комиссариат иностранных дел посетил германский посол гр. Мирбах. В беседе Мирбаха с представителями комиссариата был затронут и рассмотрен ряд мелких деловых вопросов.

Кроме того, беседа коснулась распространившихся за последние дни слухов, связанных с именем Николая Романова. По поводу версии о том, что точные сведения о событиях в Екатеринбурге имеются якобы в германском посольстве, гр. Мирбах указал, что эта версия лишена какого бы то ни было основания.

В дальнейшей беседе была затронута тема о внутреннем положении советской республики, к каковому вопросу германский посол проявил большой интерес»888.

Большевики чувствовали опасность для своего дальнейшего нахождения у руля государства. Этими проблемами также занималось ВЧК. Так, например, уже на экстренном заседании ВЧК от 28 апреля 1918 г. отмечалось: «Тов. Полукаров докладывает, что работа [Контрреволюционного] отдела идет по двум

направлениям: борьба с внутренними и внешними, союзническими и германскими империалистами.

Союзники, монархическое духовенство – контрреволюционны… Известно о концентрации контрреволюционных сил около Мирбаха»889.

О давлении немцев говорят и документы советских дипломатов из Берлина. Так, например, советский посол в Германии А.А. Иоффе в письме к В.И. Ленину от 24 июня 1918 г. с тревогой сообщал: «Что-то делать с бывшим царем? Я ничего не знаю. Кюльман вчера об этом заговорил, и я сказал ему, что не имею никаких сведений, почти не сомневаюсь в том, что его убьют, ибо на Урале германофобское настроение, царя считают немцем, чехословацкое восстание еще более вызывает германофобство и кончится тем, что там не смогут справиться и произойдет народная расправа. Он доказывал, что это нам страшно навредит; я доказывал, что мы будем невиноваты, а вина падет на немцев. Необходимо, что на случай, если действительно что-нибудь произойдет, мы могли опубликовать вполне убедительный материал, доказывающий нашу непричастность. Это совершенно необходимо»890.

Смена караула

Стоит отметить, что в конце июня 1918 г. вождь большевиков В.И. Ленин дал личное распоряжение председателю Уральского облисполкома А.Г. Белобородову о вывозе материальных ценностей из Екатеринбурга (300 пудов золота, 225 пудов платины, серебра, драгоценные камни, ювелирные изделия из сейфов банков и т. п.). Эти ценности должны были доставлены через Пермь по северной ветке в столицу, но застряли в Вятке. Были эвакуированы архивы Уральского облисполкома и ряда учреждений. Относительно участи Романовых, какие распоряжения были даны вождем большевиков, неизвестно, т. к. эти документы остаются до сих пор на «спецхране» или в худшем случае преднамеренно уничтожены. В советские времена все документальное наследие В.И. Ленина планомерно и централизовано выявлялось по всем государственным архивам и передавалось на хранение в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Свои тайны относительно участи членов императорской фамилии Романовых по-прежнему содержат архивные фонды ВЧК и ОГПУ НКВД на Лубянке, а также региональные архивы ФСБ РФ. Однако для их обнародования необходима политическая воля Президента нашей страны, т. к. часто без этого не может сдвинуться с места любое благое дело.

Военный комиссар Ф.И. Голощекин отправился в Москву за санкцией на расстрел царской семьи. Там он остановился на квартире своего старого партийного товарища Я.М. Свердлова. В Екатеринбурге также готовились к

осуществлению тайной акции. Замена коменданта и смена внутреннего караула носили планомерный характер. 4 июля (21 июня по старому стилю) в Москву из Екатеринбурга ушла следующая телеграмма:

«Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаниям центра. Опасения напрасны. Авдеев сменен, его помощник Мошкин арестован, вместо Авдеева Юровский, внутренний караул весь сменен, заменяется другим. [№] 4558. *Белобородов*»891.

Стоит отметить, что в эти дни практически началась разработка деталей уничтожения узников Ипатьевского дома. Член Екатеринбургского Совдепа П.М. Быков в 1921 г. в одном из своих очерков «Последние дни последнего царя» прямо указывал: «Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах». В последующих изданиях об этом уже не говорилось и стало тайной советского спецхрана.

Сам Я.М. Юровский в воспоминаниях о своем назначении комендантом Ипатьевского дома писал следующее:

«В первых числах июля 1918 года я получил постановление Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала, предписывающее мне занять должность коменданта в доме так называемого Особого назначения, где содержался бывший царь Николай II со своей семьей и некоторыми приближенными. 7–8 июля (правильно: 4 июля. – *В.Х.*) я отправился вместе с председателем Областного Исполнительного Комитета Советов Урала тов. Белобородовым в дом Особого назначения, где я принял должность коменданта […]. Нужно сказать, что как сигнализация, которая связывала нас с Советским полком и частями наружной охраны, а также пулеметы, расставленные в разных местах, были не в должном порядке. Это обстоятельство понудило меня набрать известных мне закаленных товарищей, которых я взял частью из Отряда Особого Назначения при Екатеринбургском Партийном Комитете. Таким образом, я организовал внутреннюю охрану, назначил новых пулеметчиков, одного из них я особенно помню, товарищ Цальмс (латыш), фамилии остальных товарищей в настоящее время не припомню […]. Когда я вступил в должность, то уже стоял вопрос о ликвидации семьи Романовых, так как чехословаки и казаки надвигались на Урал все ближе и ближе к Екатеринбургу. Какието связи у Николая с волей существовали […]»892.

В протоколе допроса попавшего в плен охранника Ипатьевского дома Ф.П. Проскурякова белогвардейским следователем Н.А. Соколовым от 1–3 апреля 1919 г., указывалось:

«Приблизительно в самых последних числах июня или в первых числах июля месяца Авдеев арестовал Мошкина за то, что он украл что-то из царских вещей, кажется, какой-то золотой крестик. Но тут же был уволен и сам Авдеев. Вместо его заступил в начальники Юровский. Помощником его был Никулин.

Кто именно такие были Юровский с Никулиным, я положительно не знаю. Появились они в доме одновременно. Находились они все в той комендантской комнате. Юровский приходил с утра, часов в 8–9, и уходил вечером в 5–6. Никулин же жил в комендантской, ночевал тут. Медведев также продолжал ночевать в этой комнате. Спустя, приблизительно, с неделю после назначения Юровского и Никулина нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова или Обухова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева поселились латыши; их было приблизительно человек 10.

До появления латышей охрану в доме несли мы, рабочие Сысертского завода. После появления латышей охрану в верхнем этаже дома, где жила царская семья, стали нести исключительно одни латыши. Нас, русских рабочих, туда уже не впускали. Такое было приказание Юровского»893.

Стоит также отметить, что вождями большевиков в Москве предпринималась одновременно многоходовая операция прикрытия. Так, например, бывший царский министр финансов В.Н. Коковцов 3 июля 1918 г., находясь под арестом в Петрограде, был вызван на допрос следователя в кабинет заместителя председателя петроградской ЧК Глеба Ивановича Бокия. Позднее Коковцов (спасшийся чудом при помощи иностранных дипломатов от расстрела) писал в воспоминаниях об этом памятном дне:

«…В среду, около часу дня, меня позвали будто бы для допроса и все приветствовали мое скорое избавление. […] В разговор вмешался г-н Бокий, который подтвердил заявление Гута и прибавил от себя лично нечто внесшее в мою душу величайшее смущение. Он сказал буквально следующее: “Вы арестованы по прямому приказу из Москвы и совсем не потому, что вас обвиняют в чем бы то ни было, т. к. мы отлично знаем, как и вы сами, что вас ни в чем обвинять нельзя. Но вы арестованы, как бывший царский министр, потому что Советская власть, решившая судьбу членов бывшего императорского дома Романовых, считает также нужным решить и вопрос о всех царских министрах”. На мое замечание, что арестован я один и никто из других министров аресту не подвергался, Бокий добавил: “Да, это пока, мы получили приказ из Москвы, и вы на будущей неделе будете переведены в Москву, в распоряжение Совета народных комиссаров. Здесь же вас никто допрашивать не будет, т. к. нам не о

чем вас допрашивать”. Заявление это меня положительно ошеломило, и мне разом представился ужас переезда в качестве арестанта в Москву, бессрочное там содержание в тюрьме, перспектива, быть может, разделить участь Щегловитова и Белецкого…»894.

В начале июля 1918 г. в Москве и Екатеринбурге произошли события, круто и надолго определившие судьбу России. 5 июля был убит германский посол Мирбах. Несмотря на это, руководство двух держав, Германии и России, однозначно стремясь избежать военного столкновения, пошли на взаимные уступки. Немцы сняли свои предложения, унижающие достоинство России, в Москву не был введен германский батальон для охраны посольства. В Германию были продолжены поставки русского хлеба, в Дойче-банк по-прежнему шло российское золото.

5–6 июля артиллерией большевиков был снят с повестки дня вопрос о многопартийности Советского государства. В Москве был залит кровью левоэсеровский мятеж.

И именно в эти тревожные дни, в первой декаде июля Москва и Екатеринбург пришли к решению расстрелять Романовых в Екатеринбурге и Алапаевске. Обстановка между тем по-прежнему была сложной.

В Екатеринбурге, запутавшись в раскрытии мнимых и настоящих заговоров контрреволюции, следственная комиссия (ЧК) то производила аресты, то выпускала ранее арестованных. Однако все акции, проводимые ЧК Екатеринбурга, неизменно контролировались Москвой. Так, 2 июля 1918 г. на Урале приняли следующую телеграмму: «Екатеринбург. Облсовдеп. Сафарову. Прошу расследовать и сообщить мне причины обыска и ареста Ардашевых особенно детей в Перми. Предсовнаркома Ленин». Телеграмма, вместе с другими документами Соколовского архива, продавалась в 1990 г. на аукционе «Сотби». В комментарии к тексту каталога аукциона, где она была помещена, сообщается, что Ленин интересовался деталями происходивших в Екатеринбурге событий, поскольку там, в Ипатьевском доме, содержались Романовы. На самом деле в данный момент В.И. Ленина беспокоило другое: еще в январе 1918 г. в Екатеринбурге был убит его двоюродный брат В.А. Ардашев. Он был арестован в Верхотурье за организацию забастовки земских служащих, привезен в Екатеринбург и убит при попытке к бегству по пути в тюрьму. 3 июля, обеспокоенный судьбой двоих арестованных родственников, Ленин уточнил в другой телеграмме, что Ардашевы арестованы в Екатеринбурге, а не в Перми. Уралоблсовдеп ответил, что арестован дядя

Ленина – Ардашев, а другие (его «племянники») бежали. Ардашевы обвинялись в организации «восстания» на Верхисетском заводе.

4 июля следственная комиссия ЧК Екатеринбурга выпустила из тюрьмы бывшего главу Временного правительства князя Г.Е. Львова.

Отметим, что князь Г.Е. Львов был арестован в Тюмени еще 28 марта 1918 г. Следствие показало, что он вместе с группой близких ему людей (Лопухиным, Голицыным и др.), выехав из Москвы осенью 1917 г., пытался организовать в Сибири акционерное общество «Рынок». С этой целью, а также с целью установления контактов с американскими капиталистами, изучались экономические возможности Сибири. При аресте князя были изъяты черновые, дневниковые записи его тетки Писаревой, свидетельствующие о посещении Львова неким Ладыжинским, объезжавшим города Сибири с целью формирования «добровольческих белогвардейских дружин». Позиция самого Львова по этому вопросу, как свидетельствуют документы, была скорее нейтральной, чем контрреволюционной. В результате у следствия не хватило улик о фактах организации Львовым тайного общества, ставившего целью освобождение Николая II. Вся предшествующая его деятельность явно свидетельствовала скорее о его враждебности к Николаю II. Выйдя на свободу, князь, решив не испытывать больше судьбу, тотчас же после освобождения бежал из Екатеринбурга. Отчаянный поступок князя Львова, решившего, не дожидаясь суда, бежать из Екатеринбурга, был разумным.

Напомним, что руководством Уральского областного исполнительного комитета было разрешено открыть окно в Ипатьевском доме в надежде спровоцировать Романовых на «побег». Однако наружная охрана Ипатьевского дома отвечала за царскую семью «своей головой» и настороженно встретила относительное смягчение режима заключения для своих «подопечных». Все это отражалось на отношении караула к царской семье.

В протоколе допроса охранника Ипатьевского дома Ф.П. Проскурякова следователем Н.А. Соколовым от 1–3 апреля 1919 г. упоминается: «А раз иду по улице мимо дома и вижу, в окно выглянула младшая дочь Государя Анастасия, а часовой, стоявший тогда на карауле, как увидел это – и выстрелил в нее из винтовки. Только пуля в нее не попала, а угодила повыше в косяк»895.

После замены коменданта Ипатьевского дома А.Д. Авдеева на чекиста Я.М. Юровского было отправлено еще одно письмо «офицера». Это событие не нашло отражения в дневниках царской семьи, но зафиксировано в наблюдательном деле Уральского областного исполнительного комитета за Романовыми. Это было получение Романовыми очередного письма «офицера»,

написанного все с той же провокационной целью подтолкнуть царскую семью на побег. В нем говорилось:

«Перемена караула и командира нам помешала Вам написать. Знаете ли причину этого? Отвечаем на Ваши вопросы. Мы – группа офицеров русской армии, которая не потеряла совесть перед царем и Отечеством.

Мы Вас не информируем детально насчет нас, по причине, которую Вы хорошо понимаете, но Ваши друзья Деревенко и Гиббс, которые уже спасены, нас знают. Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены. Во всяком случае, Армии Словаков приближаются все более и более (все больше и больше) к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент делается критическим, и сейчас не нужно больше бояться кровопролития. Не забывайте, что большевики в последний момент будут готовы на всякие преступления. Этот момент настал, нужно действовать. Будьте уверены, что митральеза нижнего этажа не будет опасна. Что касается командира, мы сумеем его увезти. Ждите свисток к полночи (к двенадцати часам ночи). Это будет сигналом (сигналом). Офицер»896.

Однако провокация чекистов не удалась. Царская семья не ответила на этот раз. Неизвестна точная причина, по которой Романовы не дали на него развернутый ответ. Однако по нижнему краю маленького конвертика чуть заметная карандашная надпись на французском языке неустановленного автора: «Наблюдение за нами постоянно увеличивается, особенно из-за окна»897. Эту строку условно можно считать ответом Романовых, т. к. конверт чекистами был позднее присоединен к остальной «переписке русского офицера». План операции по уничтожению царской семьи при попытке к бегству провалился. Однако провокация в целом увенчалась успехом. Теперь расстрел императора Николая II можно было обосновать с предъявлением вещественных доказательств, как вынужденная мера предупреждения угрозы его похищения белогвардейцами. Курс был взят на уничтожение заключенных Ипатьевского дома.

Чекист М.А. Медведев (Кудрин) в рукописных воспоминаниях, написанных в декабре 1963 г., писал об этой так называемой операции:

«Белобородовым, Войковым и чекистом Родзинским было составлено от имени русской офицерской организации письмо, в котором сообщалось о скором падении Екатеринбурга и предлагалось подготовиться к побегу ночью определенного дня. Записку, переведенную на французский язык Войковым и переписанную набело красными чернилами красивым почерком Исая Родзинского, через одного из солдат охраны передали царице. Ответ не заставил

себя ждать. Сочинили и послали второе письмо. Наблюдение за комнатами показало, что две или три ночи семья Романовых провела одетыми – готовность к побегу была полной. Юровский доложил об этом областному Совету Урала.

Обсудив все обстоятельства, мы принимаем решение: этой же ночью нанести два удара: ликвидировать две монархические подпольные офицерские организации, могущие нанести удар в спину частям, обороняющим город (на эту операцию выделяется чекист Исай Родзинский), и уничтожить царскую семью Романовых»898.

В апреле 1919 г. впервые фрагменты этих писем «офицера» были опубликованы в московской газете «Вечерние известия», как подтверждение «белогвардейского заговора». Еще спустя семь месяцев они были изданы в составе серии статей, которые журналист Айзек Дон Левин написал в декабре 1919 г. для американской газеты «Чикаго дейли ньюс». Эти копии документов были получены им от советского историка М.Н. Покровского.

Исполнители

Трем главным исполнителям пришлось выполнить волю ЦК партии в деле уничтожения Романовых. О них написано столько, что лучше всего назвать только факты из их биографий.

Вот что пишет о себе Яков Михайлович Юровский: «Родился в Сибири, в городе Томске в 1878 году. Отец мой был стекольщик, мать – домашняя швея. Учился в первоначальной еврейско-русской школе, второе отделение не закончил. На 8-м году я работал на дрожжевом заводе, потом у портного. На 11-м году меня отдали по контракту в часовой магазин, где проучился до 13 лет. С 15 до 17 лет продолжал учение в гор. Тюмени у часового мастера. Затем работал подмастерьем в Тобольске, Томске и Екатеринодаре. В отдельные периоды работал кустарем. В 1897 году я начал борьбу за фактическое проведение в жизнь 12-часового рабочего дня среди часовщиков. В 1904 году я стал посещать кружки и массовки в городе Екатеринодаре. В августе 1905 года работал в г. Томске, оформил свою принадлежность к РСДРП. В качестве рядового члена партии выполнял технические работы: хранение, распространение нелегальной литературы, изготовление паспортов, печати для паспортов и для организаций, приискание квартир. Имел явочную квартиру у себя. Вел профессиональную и пропагандистскую работу среди ремесленников-рабочих. В 12-м году 4 апреля был арестован, в середине мая был выслан этапным порядком, в порядке пункта 4 статьи 16 об усиленной охране на все время последней, в гор. Екатеринбург с запретом селиться в 64 пунктах России и Сибири. В 1915 году было предписание о высылке меня в Чердынский уезд Пермской губернии, но не

было приведено в исполнение, так как я в это время был на военной службе. Февральская революция застала меня в Екатеринбурге на военной службе. С первых дней марта я вел агитационно-организационную работу советскую и партийную. После Октября член Военного Отдела, Председатель следственной комиссии Уральского Областного Ревтрибунала, товарищем комиссара Юстиции Уральской области, членом Коллегии Областной Чрезвычайной Комиссии, Заведующим Охраной города. Комендант дома особого назначения, где содержался бывший царь Николай с семьей, провел выполнение приговора над ними по постановлению Областного Исполнительного комитета Урала. С конца 1918 года организатор и заведующий Районными Чрезвычайными Комиссиями города Москвы при ВЧК. Затем член Коллегии МЧК. Позже Заместитель Заведующего Административного Отдела Московского Совета. В середине 1919 года командирован ЦК на Урал, где был Председателем Губернской Чрезвычайной Комиссии и Заведующим Губсобезом до конца 1920 года. После этого работал Управляющим Организационно-Инструкторского Отдела НК РКИ. В 1921 году направлен ЦК в Государственное хранилище Республики при НКФ, где работал в качестве заведующего золотым отделом, затем председатель Отдела по реализации ценностей до конца 1923 года. Затем до 1924 года Заместитель Директора завода «Богатырь». С 1924 по 1926 год Заведующий отделом по улучшению госаппарата и Зам. Зав. Экономсекцией в МКК РКИ. С конца 1926 года по конец 1927 год член Правления треста Точной Механики, с 1927 по конец 1928 год Секретарь парт. ячейки Русаковского трамвайного парка. С 1928 по конец 30-го года Член Правления, а затем директор Государственного Политехнического Музея».

Кое-что Юровский в автобиографии не сообщил. В одной из анкет указал на вопрос: «Были ли перерывы в партработе?» – «работал постольку, поскольку был использован организацией, профессионалом я не был». Выяснилось также (когда он вступал в общество старых большевиков), что в юности он был причастен к неумышленному убийству, а в 1912 г. писал «господину товарищу министра внутренних дел» из Екатеринбурга прошение, где доказывал свою полную непричастность к революционным делам и просил вернуть его обратно на место жительства в Томск. В одной из анкет Юровский точно указал, что в 1904 г. жил в Берлине.

Итак, краткий «автопортрет» Юровского ясен. Документы свидетельствуют, что он лично выполнил приказ Москвы о расстреле царской семьи. Но были и два других «выдающихся» честных организатора дьявольского плана. Ими были А.Г. Белобородов и Ф.И. Голощекин. Самые необходимые биографические сведения о них сводятся к следующим моментам.

Белобородов Александр Георгиевич, родился 26 октября 1891 г. в Александровском заводе на Урале. Окончил начальное училище. В 1905 г. работал учеником газоэлектрического цеха Надеждинского завода. В 1907 г. вступил в РСДРП(б). Работал на Луньевских копях. 8 февраля 1908 г. был арестован, судим. Отдан в «приют» для малолетних преступников, сидел в тюрьме. Освобожден 12 марта 1912 г. Работал на Надеждинском заводе, писал в «Правду» под псевдонимом «Игорь». В 1913 г. снова арестован, на два года выслан в «Пермскую губернию». Жил в Златоусте, Билимбее, Тюмени и Лысьве. В 1917 г. активный участник I съезда Советов Уральской области, Апрельской партийной конференции большевиков в Екатеринбурге. Участник VII Всероссийской партийной конференции. В Екатеринбурге III областным съездом Советов был избран членом облисполкома, затем заместителем и председателем Уральского облисполкома. В дальнейшем был членом ЦК РКП(б), а в июле 1923 г. назначен наркомом внутренних дел РСФСР. Участник троцкистской оппозиции. В 1937 г. репрессирован и погиб в заключении. В 1958 г. приговор в отношении его был отменен за отсутствием состава преступления.

Голощекин (Шая Исаакович) Филипп Исаевич (1876–1941), мещанин из Невеля Витебской губернии, окончил зубоврачебную школу в Риге. В партии с 1903 г. В 1906 г. был арестован в Петербургской губ. за большевистскую деятельность, приговорен к двум годам крепости. В общей сложности провел шесть лет в ссылке, неоднократно бежал. Партийная кличка «Филипп». Он был делегатом VI съезда РСДРП(б), вел работу в Перми и Екатеринбурге. С декабря 1917 г. Голощекин – военный комиссар Уральского обл. Совета, с мая 1918 г. – окружной военком. Как член Президиума Уральского облисполкома Голощекин вел переговоры с Москвой о судьбе царской семьи. Он близок был к Свердлову и Зиновьеву, участвовал в «Военной оппозиции». С 1924 по 1934 г. являлся членом ЦК, многие годы – член коллегии ЧК, ГПУ, НКВД. С 1933 г. – главный арбитр Совнаркома СССР. В 1941 г. был репрессирован и в дальнейшем «реабилитирован посмертно».

Тайна приказа: Москва или Екатеринбург?

Было бы тщетно найти в любых архивах письменный приказ за подписью Ленина или Свердлова о расстреле царской семьи. И тот и другой давали себе отчет в своих действиях, и, конечно же, не были столь просты, чтобы оставить потомкам прямое свидетельство об этом. Тем не менее сохранилось достаточно подлинных документов, которые косвенно свидетельствуют: Ленин и Свердлов дали прямое указание о расстреле. Впрочем, круг этих лиц может быть и расширен: весь ЦК партии большевиков.

Сохранился подлинник-автограф записки, составленный рукой известного историка М.Н. Покровского. Этот документ ныне хранится в РГАСПИ. Отметим, что чекист Я.М. Юровский был малограмотен: не составляет труда (по сохранившимся его другим запискам) доказать, что сам он без Покровского такую записку самостоятельно составить не мог.

Поэтому, поставив под сомнение «записку» Юровского (включая его машинописные материалы воспоминаний, подписанные им в 1922), авторы оставляют за собой право считать ее одним из «столпов» дезинформации Екатеринбургской трагедии 1918 г. Кстати, сомнение в ее подлинности у одного из авторов899 данной работы возникло еще в 1992 г. (выступление на научной конференции в Екатеринбурге). Другой автор900 сохраняет по-прежнему за собой право на мнение, что «записка» чекиста Я.М. Юровского все-таки имеет под собой относительно достоверную информацию, хотя и несущую некоторые искажения событий. Эта точка зрения в данной работе также будет приведена.

Хотелось бы обратить внимание читателей, что на обстоятельства расстрела царской семьи одним из первых указывал в своих воспоминаниях дипломат диссидент Григорий Беседовский, который служил в 1923–1924 гг. в советском посольстве в Польше вместе с бывшим комиссаром П.Л. Войковым:

«Я обратился к Войкову с просьбой рассказать мне о екатеринбургских событиях. Он сначала отказывался, затем, приняв таинственный вид, согласился. Тут же он начал предупреждать меня, что рассказ его является строго конфиденциальным, так в свое время он дал формальную подписку молчать о происшедшем.

– Вы знаете, – сказал он, – эта скотина Юровский (Юровского он не выносил) начал было писать свои мемуары о расстреле царской семьи. Об этом узнали в Политбюро, вызвали его и предложили немедленно сжечь все написанное, а после этого Политбюро приняло общее постановление, запрещающее участникам расстрела публиковать о нем мемуары. Действительно, из-за Юровского расстрел был произведен так безобразно, что походил на простую бойню, и прямо стыдно рассказывать, как все это происходило»901. Однако, чем прежде рассказывать о расстреле царской семьи, необходимо обратить внимание на целый ряд архивных документов.

Имеется также автограф Ленина: написанный им текст ответной телеграммы от 16 июля для датской газеты. Есть и другие документы, опираясь на них, можно восстановить цепь событий, которые одновременно и взаимосвязано происходили 16 июля 1918 г. в Москве и Екатеринбурге. Начнем со стенограммы совещания старых большевиков, на котором Юровский выступил

1 февраля 1934 г. в Свердловске902. К этому времени обстановка в стране изменилась. Еще в 1928 г. в Москве выпускались почтовые открытки с изображением здания с текстом: «Дом б[ывший] Ипатьева, где был заключен и расстрелян Николай II и его семья».

Теперь Я.М. Юровский предупреждал своих слушателей, а некоторые из них имели прямое отношение к событиям в Екатеринбурге в 1918 г., об абсолютной секретности приводимых им данных. Он, в частности, отметил (надо сказать, прозорливо) то, «что я здесь расскажу, увидит свет через много лет». Верны были и его слова о том, что о всех обстоятельствах дела еще «никто не рассказал и не расскажет и рассказать не может, потому что одни умерли физически, другие политически». Это был явный намек на то, что многие участники событий (кроме тех, кто был уже убит, например, Войков) были обвинены в участии в троцкистской оппозиции (Белобородов, Сафаров и др.).

Одновременно Юровский давал политическую директиву, отметив: «До революции (предполагаемой мировой. – *В.Х.*)в ряде стран Европы оглашение этого прямо или косвенно ничего, кроме вреда, принести не может». Он прямо подчеркнул при этом: «Так как этот факт (расстрел царской семьи. – *В.Х.*) был актом политической важности, все это дело было поручено пользующемуся особым доверием ЦК тов. Голощекину».

«Ближе к середине июля, – продолжал Юровский, – Филипп (Голощекин. – *В.Х.*) мне сказал, что нужно готовиться в случае приближения фронта к ликвидации». И далее: «Связь и разговоры по этому вопросу с Центром не прекращались»903.

Обратимся к другому источнику, воспоминаниям дипломата Г.З. Беседовского, который со слов комиссара П.Л. Войкова рассказывал:

«Центральные московские власти не хотели расстреливать царя, имея в виду использовать его и семью для торга с Германией. В Москве думали, что, уступив Романовых Германии, можно будет получить какую-нибудь компенсацию. Особенно надеялись на возможность выторговать уменьшение контрибуции в триста миллионов рублей золотом, наложенной на Россию по Брестскому договору. Эта контрибуция являлась одним из самых неприятных пунктов Брестского договора, и Москва очень желала бы этот пункт изменить. Некоторые из членов Центрального Комитета, в частности Ленин, возражали также и по принципиальным соображениям против расстрела детей. Ленин указывал, что Великая французская революция казнила короля и королеву, но не тронула дофина. Высказывались соображения о том отрицательном

впечатлении, которое может произвести за границей, даже в самых радикальных кругах, расстрел царских детей.

Но Уральский областной Совет и областной комитет коммунистической партии продолжали решительно требовать расстрела (Войков сделал при этом театральный жест) – я был одним из самых ярых сторонников этой меры. Революция должна быть жестокой к низверженным монархам, или она рискует потерять популярность в массах. Тем более в уральских массах, представлявших собой тогда сплошной революционный костер. Уральский областной комитет коммунистической партии поставил на обсуждение вопрос о расстреле и решил его окончательно в положительном духе еще с июля 1918 года. При этом ни один из членов областного комитета партии не голосовал против. Постановление было вынесено о расстреле всей семьи, и ряду ответственных коммунистов было поручено провести утверждение в Москве, в Центральном Комитете коммунистической партии. В этом нам больше всего помогали в Москве два уральских товарища – Свердлов и Крестинский. Они оба сохраняли самые тесные связи с Уралом, и в них мы нашли горячую поддержку в проведении в Центральном Комитете партии постановления Уральского областного комитета. Провести это постановление оказалось делом не легким, так как часть членов ЦК продолжали держаться той точки зрения, что Романовы представляют чересчур большой козырь в наших руках для игры с Германией и что поэтому расставаться с таким козырем можно лишь в самом крайнем случае. Уральцам пришлось прибегнуть тогда к сильно действующему средству. Они заявили, что не ручаются за целость семьи Романовых и за то, что чехи не освободят их в случае дальнейшего своего продвижения на Урал. Последний аргумент подействовал сильнее всего. Все члены ЦК не желали, чтобы Романов попал в руки Антанты. Эта перспектива заставила уступить настояниям уральских товарищей. Судьба царя была решена. Была решена и судьба его семейства…

Когда решение Центрального Комитета партии сделалось известным в Екатеринбурге (его привез из Москвы Голощекин), Белобородов поставил на обсуждение вопрос о проведении расстрела. Дело в том, что ЦК партии, вынося постановление, предупредил Екатеринбург о необходимости скрывать факт расстрела членов семьи, так как германское правительство настойчиво добивалось освобождения и выезда в Германию бывшей царицы, наследника и великих княжон. Белобородов предложил следующий план: инсценировать похищение и увоз семьи, кроме царя, и увезенных тайно расстрелять в лесу близ Екатеринбурга. Бывшего царя расстрелять публично, прочитав приговор с мотивировкой расстрела. Однако Голощекин возражал против этого проекта, считая, что инсценировку будет очень трудно скрыть. Он предложил

расстрелять всю семью за городом, в лесу, побросав трупы в одну из шахт, объявив о расстреле царя и о том, что «семья переведена в другое, более надежное место».

Тут Войков начал мне рассказывать подробно ход прений в областном комитете партии по этому вопросу…

В результате прений областной комитет принял постановление о расстреле царской семьи в доме Ипатьева и о последующем уничтожении трупов. В этом постановлении указывалось также, что состоящие при царской семье доктор, повар, лакей, горничная и мальчик-поваренок «обрекли себя на смерть и подлежат расстрелу вместе с семьей».

Выполнение постановления поручалось Юровскому, как коменданту Ипатьевского дома»904.

Есть еще одно свидетельство о сложившейся в Екатеринбурге обстановке члена Уральского областного Совета П.М. Быкова, который писал в своей книге в середине 1920-х гг.:

«Установив надежный надзор за Романовыми и приняв меры к предупреждению каких-либо покушений на освобождение их из “дома особого назначения” (так назывался в то время дом Ипатьева), Областной Совет занялся вопросом о дальнейшей участи семьи.

На одном из своих заседаний Совет единодушно высказался за расстрел Николая Романова. Все же большинство Совета не хотело брать на себя ответственности, без предварительных переговоров по этому вопросу с центром. Решено было вновь командировать в Москву Голощекина для того, чтобы поставить вопрос о судьбе Романовых в ЦК партии и президиуме ВЦИК.

В Москве этот вопрос также занимал руководителей центральных организаций. Когда Голощекин в первый же день явился в президиум ВЦИК, то он, между прочим, встретил у Свердлова представительницу ЦК партии эсеров М. Спиридонову, настаивавшую на выдаче Романовых эсерам для расправы с ними.

Президиум ВЦИК склонялся к необходимости назначения над Николаем Романовым открытого суда. В это время созывался 5-й Всероссийский съезд Советов. Предполагалось поставить вопрос о судьбе Романовых на съезде, – о том, чтобы провести на нем решение о назначении над Романовыми гласного

суда в Екатеринбурге. Как главный обвинитель бывшего царя в его преступлениях перед народом, на суд должен был выехать Л. Троцкий.

Однако, по докладу Голощекина о военных действиях на Урале, где, в связи с выступлением чехословаков, положение не было прочно, и можно было ожидать скорого падения Екатеринбурга, вопрос был перерешен. Постановлено было вопроса на съезде, который мог затянуться, не ставить. Голощекину предложено было ехать в Екатеринбург и к концу июля подготовить сессию суда над Романовыми, на которую и должен был приехать Троцкий.

Действительно, гражданская война на Урале все разрасталась…

С приближением фронта и отступлением Красной Армии, все смелее делаются попытки монархистов связаться с заключенными в “доме особого назначения”.

В “приношениях” монашек местного монастыря часто попадаются записки не “монастырского” происхождения. В передаче их “доброжелатели” Романовых весьма изощряются. Помимо записок в хлебе, на пакетах и оберточной бумаге, обнаружена была записка даже в пробке бутылки с молоком.

“Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены, – пишут “друзья” в одной записке (имеются в виду подметные письма офицера, т. е. провокация чекистов. – *В.Х.*). – Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим. Этот момент наступил, надо действовать”.

“Друзья, – читаем в другой записке, – более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал…”

В московских газетах в свое время были опубликованы некоторые документы, подтверждающие о существовании плана похищения Романовых из Ипатьевского дома…

Все это заставило в начале июля Областной Совет назначить комендантом члена президиума Областной Чрезвычайной Комиссии Я.М. Юровского и помощником его Г.П. Никулина»905.

Далее П.М. Быков отмечает: «По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля было созвано собрание областного Совета, на котором был заслушан доклад от отношении центральной власти к расстрелу Романовых.

Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся – фронт был слишком близок, и задержка с судом

над Романовыми могла вызвать новые осложнения. Решено было запросить командующего фронтом о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положение фронта. Военное командование сделало в Областном Совете доклад, из которого видно было, что положение чрезвычайно плохое. Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступление с двух сторон. Силы Красной Армии недостаточны, и падение города можно ждать через три дня. В связи с этим Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендатуре охраны с помощью нескольких надежных рабочих-коммунистов.

На предварительном совещании в Областном Совете был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов.

Решение уничтожить трупы было принято в связи с ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать в руки контрреволюции возможности с “мощами” бывшего царя играть на темноте и невежестве народных масс. Последнее, как увидим, было весьма предусмотрительно. Белые после занятия Екатеринбурга много времени положили на то, чтобы отыскать “священные тела” членов царской семьи»906.

Некоторые подробности этих дней имеются в опубликованных свидетельствах интернационалиста И.П. Мейера, который указывал:

«Заседание Революционного трибунала (в Екатеринбурге. – *В.Х.*) состоялось в 10 часов вечера 14 июля. Сначала говорил начальник штаба Мальцев о военном положении. Не было никакого сомнения, что город нельзя было удержать больше чем десять дней. После этого поднялся Голощекин и сделал доклад о своей поездке в Москву. Он имел разговор по делу Романовых с председателем ВЦИКа товарищем Свердловым. ВЦИК не желает, чтобы царь и его семья были доставлены в Москву. Уральский Совет и местный революционный штаб должны сами решить, что с ними делать.

– Ликвидацию Романовых мы и без этого уже решили, – сказал Голощекин. – Я предлагаю, что все члены согласны с этим решением, так что голосование излишне»907.

Впрочем, современные историки ставят под сомнение его свидетельство. В документах его имя не встречается.

В рукописных воспоминаниях 1963 г. чекиста М.А. Медведева (Кудрина) уточняют отдельные эпизоды событий, предшествующих вынесению решения о расстреле Романовых:

«Вечером 16 июля нового стиля 1918 года в здании Уральской областной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией (располагавшейся в Американской гостинице города Екатеринбурга – ныне город Свердловск) заседал в неполном составе областной Совет Урала. Когда меня – екатеринбургского чекиста – туда вызвали, я увидел в комнате знакомых мне товарищей: председателя Совета депутатов Александра Георгиевича Белобородова, председателя областного Комитета партии большевиков Георгия Сафарова, военного комиссара Екатеринбурга Филиппа Голощекина, члена Совета Петра Лазаревича Войкова, председателя областной ЧК Федора Лукоянова, моих друзей – членов коллегии Уральской областной ЧК Владимира Горина, Исая Иделевича (Ильича) Родзинского (ныне персональный пенсионер, живет в Москве) и коменданта «дома особого назначения» (дом Ипатьева) Якова Михайловича Юровского.

Когда я вошел, присутствующие решали, что делать с бывшим царем Николаем II Романовым и его семьей. Сообщение о поездке в Москву к Я.М. Свердлову делал Филипп Голощекин. Санкции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета на расстрел семьи Романовых Голощекину получить не удалось. Свердлов советовался с В.И. Лениным, который высказывался за привоз царской семьи в Москву и открытый суд над Николаем II и его женой Александрой Федоровной, предательство которой в годы Первой мировой войны дорого обошлось России.

– Именно всероссийский суд! – доказывал Ленин Свердлову, – с публикацией в газетах. Подсчитать, какой людской и материальный урон нанес самодержец стране за годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому ненужной войне! Чтобы ответил перед всем народом! Вы думаете, только темный мужичок верит у нас в “доброго” батюшку-царя? Не только, дорогой мой Яков Михайлович! Давно ли передовой наш питерский рабочий шел в Зимнему с хоругвями? Всего каких-нибудь 13 лет назад! Вот эту-то непостижимую “расейскую” доверчивость и должен развеять в дым открытый процесс над Николаем Кровавым…

Я.М. Свердлов пытался приводить доводы Голощекина об опасностях провоза поездом царской семьи через Россию, где то и дело вспыхивали контрреволюционные восстания в городах, о тяжелом положении на фронтах под Екатеринбургом, но Ленин стоял на своем:

– Ну и что же, что фронт отходит? Москва теперь – глубокий тыл, вот и эвакуируйте их в тыл! А мы уж тут устроим им суд на весь мир. На прощанье Свердлов сказал Голощекину:

– Так и скажи, Филипп, товарищам: ВЦИК официальной санкции на расстрел не дает.

После рассказа Голощекина Сафаров спросил военкома, сколько дней, по его мнению, продержится Екатеринбург? Голощекин отвечал, что положение угрожающее – плохо вооруженные добровольческие отряды Красной Армии отступают, и дня через три, максимум через пять, Екатеринбург падет. Воцарилось тягостное молчание. Каждый понимал, что эвакуировать царскую семью из города не только что в Москву, но и просто на Север означает дать монархистам давно желанную возможность для похищения царя. Дом Ипатьева представлял до известной степени укрепленную точку: два высоких деревянных забора вокруг, система постов наружной и внутренней охраны из рабочих, пулеметы. Конечно, такой надежной охраны мы не могли бы обеспечить движущемуся автомобилю или экипажу, тем более за чертой города.

Об оставлении царя белым армиям адмирала Колчака не могло быть и речи – такая "милость" ставила под реальную угрозу существование молодой Республики Советов, окруженной кольцом вражеских армий. Враждебно настроенный к большевикам, которых он после Брестского мира считал предателями интересов России, Николай II стал бы знаменем контрреволюционных сил вне и внутри Советской Республики. Адмирал Колчак, используя вековую веру в добрые намерения царей, смог бы привлечь на свою сторону сибирское крестьянство, которое никогда не видело помещиков, не знало, что такое крепостное право, и поэтому не поддерживало Колчака, насаждавшего помещичьи законы на захваченной им (благодаря восстанию Чехословацкого корпуса) территории. Весть о "спасении" царя удесятерила бы силы озлобленного кулачества в губерниях Советской России.

У нас, чекистов, были свежи в памяти попытки тобольского духовенства во главе с епископом Гермогеном освободить царскую семью из-под ареста. Только находчивость моего друга матроса Павла Хохрякова, вовремя арестовавшего Гермогена и перевезшего Романовых в Екатеринбург под охрану большевистского Совета, спасла положение. При глубокой религиозности народа в провинции нельзя было допускать оставления врагу даже останков царской династии, из которых немедленно были бы сфабрикованы духовенством "святые чудотворные мощи" – также неплохой флаг для армий адмирала Колчака.

Но была еще одна причина, которая решила судьбу Романовых не так, как того хотел Владимир Ильич.

Относительно вольготная жизнь Романовых (особняк купца Ипатьева даже отдаленно не напоминал тюрьму) в столь тревожное время, когда враг был буквально у ворот города, вызывала понятное возмущение рабочих Екатеринбурга и окрестностей. На собраниях и митингах на заводах Верх-Исетска рабочие прямо говорили:

– Чегой-то вы, большевики, с Николаем нянчитесь? Пора кончать! А не то разнесем ваш Совет по щепочкам!

Такие настроения серьезно затрудняли формирование частей Красной Армии, да и сама угроза расправы была нешуточной – рабочие были вооружены, и слово с делом у них не расходилось. Требовали немедленного расстрела Романовых и другие партии. Еще в конце июня 1918 г. члены Екатеринбургского Совета эсер Сакович и левый эсер Хотимский (позднее – большевик, чекист, погиб в годы культа личности Сталина, посмертно реабилитирован) на заседании настаивали на скорейшей ликвидации Романовых и обвиняли большевиков в непоследовательности. Лидер же анархистов Жебенев кричал нам в Совете:

– Если вы не уничтожите Николая Кровавого, то это сделаем мы сами!

Не имея санкции ВЦИКа на расстрел, мы не могли ничего сказать в ответ, а позиция оттягивания без объяснения причин еще больше озлобляла рабочих. Дальше откладывать решение участи Романовых в военной обстановке означало еще глубже подрывать доверие народа к нашей партии. Поэтому решить наконец участь царской семьи в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске (там жили братья царя) собралась именно большевистская часть областного Совета Урала. От нашего решения практически зависело, поведем ли мы рабочих на оборону города Екатеринбурга или поведут их анархисты и левые эсеры. Третьего пути не было»908.

Наконец, в записке Юровского – Покровского указывается: «15-го июля утром (Голощекин. – *В.Х.*) сказал, что завтра надо дело ликвидировать, также было сказано, что Николая мы казним и официально объявим, а что касается семьи, тут может быть объявлено, но как, когда и каким порядком, об этом пока никто не знает».

Итак, спустя 16 лет после событий, Юровский рассказывал, как все было. Отметим, что в своем выступлении он дает понять: приказ о цареубийстве был получен из Москвы. Оставляя за собой роль «героя» в организации расстрела, Юровский почему-то страхуется. Возможно, намекает на роль в этом деле Троцкого? А теперь обратимся к другим документам.

Екатеринбург. 16 июля. Из дневника Александры Федоровны.

Мать семейства отмечала, что день начался с обычного серого утра. Ее сын Алексей подхватил легкую простуду, дочь Мария читала вместе с ней книгу преподобного Амоса и преподобного Авдия. В 20 ч. сели ужинать, но внезапно мальчик «Лика Седнев» (поваренок) был вызван на встречу с дядей. Поиграв в безик, в 22.30 семья улеглась спать.

Москва. 13 ч. 27 мин. 16 июля. На имя Ленина была получена телеграмма из Копенгагена, где спрашивалось о судьбе царской семьи.

Прямо на тексте телеграммы Ленин написал: «Слухи о расстреле царя ложь. Все это выдумки капиталистической прессы». На телеграмме есть отметка об отправке: «16/7 – 16 ч.»909. Итак, до 16 ч. Ленин был в полной уверенности, что расстрела не будет.

Но тут произошло нечто неожиданное: внезапно была прервана связь между Москвой и Европой, была она потеряна и с Екатеринбургом. Кто-то или остановил телеграф, или это была авария – неизвестно.

Екатеринбург. 16 июля. К 18 ч. (московское время 16 ч.) здесь шла активная подготовка к расстрелу.

Из стенограммы выступления Юровского 1 февраля 1934 г.: «16-го утром (явная ошибка, в дневнике царицы факт дальнейший отмечен как происшедший после 20 часов; в 1920 г. Юровский, рассказывая об этом же, говорит о 6 [18] часах. – *В.Х.*) я отправил под предлогом свидания с приехавшим в Свердловск дядей мальчика поваренка Седнева… Приготовил 12 наганов, распределил, кто кого будет расстреливать. Тов. Филипп [Голощекин] предупредил меня, что в 12 часов ночи приедет грузовик… (под трупы. – *В.Х.*). Часов в 11-ть вечера я собрал снова людей, раздал наганы… Только в половине второго явился грузовик…»910. Отметим, что приготовления шли, но приказа пока не было…

Екатеринбург, Петроград, Москва. Вечер 16 июля.

В этой ситуации, вероятно, не имея связи с Москвой, Екатеринбург вызвал по прямому проводу Петроград. Направленный Г.Е. Зиновьеву, члену ЦК, уральцами запрос шел окружным путем. О переговорах с уральцами Зиновьев в свою очередь известил Москву следующей телеграммой:

«[В] Москву, Кремль, Свердлову, копия Ленину.

Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: «Сообщите [в] Москву, что условленного с Филипповым (Голощекиным. – *В.Х.*) суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. *Голощекин, Сафаров*». Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом. *Зиновьев*»911. На Петроградской телеграмме Зиновьева есть пометка: «принято 16.7.1918 г. в 21 час. 22 мин. Из Петрограда Смольного. 142, 28». Обращает внимание, что телеграмма в первую очередь направлялась куратору от Кремля «царского дела» Я.М. Свердлову, а копия В.И. Ленину. Вероятно, была такая же телеграмма вождю мировой революции, и не исключено, что на ней могла быть его резолюция. Может быть, именно по этой причине второй экземпляр документа пока не обнаружен историками, т. к. автографы Ленина изымались для специального хранения. Содержание телеграммы говорит о следующем. Зиновьев, как член ЦК, был в курсе дела: во время приезда Голощекина в Москву, в начале июля 1918 г., вопрос о вариантах: суда или, в случае сложной ситуации, немедленного расстрела Николая II, видимо, обсуждался в ЦК партии. Но последнее слово по приведению того или иного решения к исполнению по-прежнему оставалось за Москвой.

Почему екатеринбуржцы, вынесшие решение о необходимости казни царской семьи еще в начале июля, отодвигали ее до опасной ситуации прифронтового города, находящегося на осадном положении? Нам ответ кажется ясным. Во-первых, ждали санкции на проведение акции казни из центра, т. к. за бывшего царя они «отвечали головой». Во-вторых, что с обострением ситуации на фронте вопрос об участи Николая II становился однозначным.

Итак, нужен был приказ, и он был получен поздно ночью 16 июля. В подлиннике, так называемой «записки» Я.М. Юровского, излагающей ход дальнейших событий, написанной рукой историка М.Н. Покровского (хранится в бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ныне РГАСПИ) со слов коменданта Ипатьевского дома, информация о приказе звучит так:

«16. VII была получена телефонограмма из Перми (подчеркнуто мною. – *В.Х.*) на условном языке, содержащем приказ об истреблении Романовых». Текст не случайно подчеркнут нами, ранее цитировавшиеся разными авторами копии «записки» говорят о «телеграмме», но послать ее было нельзя: телеграфная связь была кое-где нарушена, но не везде. Кружным путем: Екатеринбург – Петроград, Петроград – Москва, Москва – Пермь и, наконец Пермь – Екатеринбург Голощекин, где телеграфом, где по телефону получил долгожданную санкцию: можно стрелять.

Возможен и другой вариант. Известно, что любые важные вопросы о судьбе династии Романовых обычно уральцами согласовывались одновременно с несколькими инстанциями в столицах. В этом перечне корреспондентов в первую очередь стоит Кремль: в лице Свердлова и Ленина (или их секретарей), затем ВЧК и Петроградская ЧК (Дзержинский и Урицкий), Петроградская коммуна в лице члена ЦК Зиновьева, извещали и Троцкого (документы последнего тщательно изымались позднее). В связи с такой практикой согласования важных вопросов и коллективной круговой порукой большевиков не все документы, касающиеся решения судьбы представителей династии Романовых, удалось своевременно и надежно спрятать в «спецхран» или уничтожить. Возможно, телеграмма Зиновьева одна из этого ряда, которая случайно затерялась в общей переписке Совнаркома и благодаря этому сохранилась. Встает вопрос: где подлинник или копия текста телеграммы (телефонограммы) уральцев, которую процитировал Г.Е. Зиновьев? Все это информация для размышления и дальнейшего поиска.

Возникает еще масса вопросов и размышлений. Известно, что Юровский получил распоряжение от Голощекина готовиться к расстрелу около 18 ч. Значит ли это, что Голощекин уже имел приказ «на условном языке», который должен по логике находиться у него. В записке Юровского много противоречий и путанного. Если имели приказ, то почему так долго тянули с расстрелом, томясь ожиданием?! Очевидно, что эта телеграмма или телефонограмма пришла после предварительного приказа Голощекина для Юровского и требовалось подтверждение ею этого приказа. Может быть, полученный приказ «на условном языке» требовал подтверждения еще раз обратной связью, а на это нужно было дополнительное время?

Важно отметить, что имеются документально зафиксированные в 1964 г. мнения бывших екатеринбургских чекистов Г.П. Никулина и И.И. Родзинского. В частности, Григорий Петрович Никулин говорил в беседе на Радиокомитете и с членом ЦК КПСС А.Н. Яковлевым, следующее:

«Часто возникает вопрос: “Известно ли было, ну скажем, Владимиру Ильичу Ленину, Якову Михайловичу Свердлову или другим руководящим нашим центральным работникам предварительно о расстреле царской семьи?” Ну, мне трудно сказать, было ли им предварительно известно, но я думаю, что поскольку Белобородов, то есть Голощекин два раза ездил в Москву для переговоров о судьбе Романовых, то отсюда, конечно, следует сделать вывод, что об этом именно шел разговор»912.

Вот другое свидетельство Исая Ильича Родзинского:

«– Исай Ильич, вы, может быть, слышали о том, что разговаривал ли Юровский потом с Лениным. Писал ли он ему какую-нибудь докладную записку?

– Насчет Юровского так было дело. После расстрела коменданта Дома особого назначения вызвали в Москву. Это я знаю. Сейчас я не могу сказать по вызову ли Ленина он поехал, или по вызову Дзержинского. Но это, собственно, неважно. Факт тот, что с докладом вызвали. И после этого я его видел только в 36-м году.

После этого Юровского я не видел. Заходил я к нему. Он уже сердечник был. Он тут через год уже умер. Хотел я с ним поговорить об этом, но в Москве я был тогда наездом. Работал на Кавказе секретарем обкома партии и не успел поговорить. Но я не сомневаюсь, что когда он был в Москве, он здесь остался в Москве, потом был членом президиума ВЧК. После этого здесь ясно совершенно, что дело устным докладом, конечно, не ограничилось. Где-то должен быть документ за его подписью, с его изложением всех обстоятельств, иначе быть не могло.

Я не представляю себе, чтобы от него не потребовали, где все это, я не знаю»913.

Теперь посмотрим, как развивались события дальше (попрежнему учитывая разницу во времени в 2 ч. между Москвой и Екатеринбургом).

Получив телеграмму Г.Е. Зиновьева, Москва в промежутке между 21.22 до 23.22 (время московское) решала вопрос о санкции на расстрел Романовых, после чего и послали телеграмму в Пермь «на условном языке». Возможно, сигнал на условном языке был похож на широко известную всем условную фразу мятежных франкистов: «Над всей Испанией безоблачное небо». К сожалению, содержания условного сигнала: слова или фразы, мы не знаем. Хотя в архивном фонде Совнаркома хранится масса шифрованных телеграмм, с которыми никто серьезно не работал. Ясно, что послание шло через Пермь, т. к. через нее шла связь из Москвы. Напомним, что раньше этот город был губернским центром, в нем расположился и штаб по борьбе с мятежным чехословацким корпусом. Во всяком случае, в так называемой «записке» Юровского-Покровского, в разных известных нам вариантах значится: «16/VII была получена телеграмма (или в рукописном варианте телефонограмма. – *В.Х.*) из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых»914. В Екатеринбурге это соответствовало промежутку между 23.22 и 1.22 ночи (по местному времени). Поэтому, судя по его записке, Юровский напрасно ждал автомобиль к полуночи (24.00) в Ипатьевском доме, т. к. гнать его распоряжения не было, ибо не было еще московского приказа. И только после того, как он был получен, автомобиль,

по свидетельству Юровского, «в половине второго» пришел к дому Ипатьева. По нашему мнению, именно по этой же причине только на следующие сутки были убиты члены императорской фамилии в Алапаевске, т. к. там санкция на уничтожение великих князей была получена еще позднее, и палачи не успели выполнить приказ в ночь с 16 на 17 июля.

Отметим, что тех, кто хотел бы уточнить, куда делись еще 8 мин., могут провести следственный эксперимент: от Екатеринбургского ЧК, размещавшегося в «Американской гостинице», до дома Ипатьева – езды на автомобиле считаные минуты.

Итак, до 16 ч. 16 июля 1918 г. Ленин не хотел отдавать приказ о расстреле. Остановив телеграф, Свердлов, который с самого начала вел все дело, скорее всего, убедил Ленина дать санкцию на расстрел всех Романовых. При этом он вывел вождя из игры, как прямого участника событий, фактом оставления «автографа» для датской газеты, намеренно запутав тем самым все дело.

Как мы увидим дальше, Свердлов попытался обезопасить и себя (как человека вместе с Лениным давшего санкцию на расстрел), «подставив» в ходе дальнейших событий вместо себя Уралсовет. Здесь, наконец, читатель вправе спросить: почему авторы, цитируя «записку» Юровского (в изложении Покровского), пользуются (по их убеждению) фальсификацией? Ответ прост. Нет ни одной «записки» (пока не обнаружено), подписанной им датой 1920 г. Более же поздние его «мемуары» (хранящиеся в «президентском архиве») подписаны в 1922 г.

К этому времени он имел не только «свои» чекистские материалы, но и книгу М.К. Дитерихса и др., основанные на материалах следствия Н.А. Соколова. Поэтому действовать (но не афишировать свои поступки) он мог, как ему хотелось. Несомненно, его «мемуары» – образец дезинформации. Именно она давала на далекое будущее простор и для следующих поколений фальсификаторов. Поэтому только как пример явной дезинформации мы и приводим «записку» в данной работе.

Здесь я открою небольшой секрет относительно содержания предыдущего абзаца. В этом вопросе у меня было другое мнение. Я был удивлен некоторыми не совсем «полунейтральными фразами», которые Ю.А. Буранов внес в самый последний момент в гранки нашей совместной книги без согласования со мной. Я бы не стал так однозначно называть этот документ (совместную записку Юровского – Покровского) «примером явной дезинформации», о чем неоднократно говорил раньше. Своего мнения я не менял, что можно видеть по моим опубликованным ранее трудам. Ю.А. Буранов со временем от сомнения в

достоверности документа Юровского перешел на точку зрения его резкого отрицания, как плода фальсификации большевиков. Этому вопросу придется уделить еще внимание, помимо того, что я изложил выше, тем более что трактовка данного документа в наших персональных статьях и выступлениях с Ю.А. Бурановым различается.

Прежде всего отмечу, что существует несколько экземпляров «записки» Юровского. Перечислю их. В составе ГА РФ хранится в одном из дел два машинописных экземпляра документа: один правленный от руки, другой почти без исправлений. Известен еще один наиболее полный по содержанию рукописный экземпляр, написанный рукой М.Н. Покровского, хранящийся в РГАСПИ. Различаются они главным образом лишь в разночтении упоминаний: телеграмма и телефонограмма. Известны машинописные копии записок, снятые сыном Я.М. Юровского, контр-адмиралом А.Я. Юровским. Одна из копий записки хранится в бывшем Свердловском партийном архиве. Наиболее известен машинописный экземпляр со вставками уточнений от руки чекиста Я.М. Юровского и историка М.Н. Покровского, который хранится в ГА РФ, в составе так называемого «наблюдательного дела ВЦИК за Романовыми». В конце этого документа имеется рукописная приписка с обозначением места тайного захоронения царской семьи, другой экземпляр копии в этом деле не имеет приписки нахождения останков. Этой приписки нет в других известных экземплярах записки. Обращает на себя внимание, что в архивном деле ГА РФ наряду с запиской Юровского подшиты подметные письма офицера и другие документы по царской семье. Все документы дела по хронологии не выходят за границы даты 1920 г. Дело сформировано именно в то время, что подтверждают также старые описи документов, как архивного фонда ВЦИК (ф. 1235), где оно раньше значилось, так и личного фонда императора Николая II (ф. 601), к которому было присоединено данное дело после снятия с него грифа секретности. Дело хранилось на «спецхране», что гарантировало не разглашение его содержания. В советское время для ознакомления с этим документом нужно было располагать специальным разрешением от соответствующих органов. Некоторые историки выражали мнение, что этот документ является отчетом о проведении секретной операции по расстрелу царской семьи в 1918 г. Однако в тексте «записки» имеются отсылки на белогвардейские материалы следствия, в том числе на эмигрантские публикации. Значит, документ можно условно датировать не ранее 1919–1920 гг. К тому же в данной «записке» имеются некоторые неточности в изложении событий и отдельных фактов, которые были уже исправлены Юровским в рукописных воспоминаниях 1922 г. или в записи беседы с представителями общества старых большевиков. Это однозначно означает, что «записка» не могла появиться позже перечисленных документов. Отдельные

допущенные ошибки в «записке» относительно, как, например, общего количества расстрелянных узников Ипатьевского дома или искажение некоторых их фамилий, то это, по моему мнению, вовсе не означает, что данный документ «пример явной дезинформации». Нельзя отрицать, что чекист Я.М. Юровский был последним комендантом Ипатьевского дома и непосредственным организатором и участником расстрела царской семьи. Скорее изложение Юровским событий (от имени коменданта) и ряд допущенных явных ошибок, это проявление изъянов человеческой памяти, чем намеренная дезинформация. Хотя можно заметить, что некоторые факты «записки» явно носят следы умышленного умолчания важных подробностей, а иногда искажение последовательности событий. Об этом будет упомянуто мной при описании событий, связанных с расстрелом царской семьи и попытками сокрытия чекистами следов преступления. Стоит подчеркнуть, что в последнее время документ специально был изучен на предмет почерковедческой экспертизы криминалистами. Имеется официальное заключение, что рукописные вставки в машинописных экземплярах «записки», хранящиеся в ГА РФ, принадлежат Я.М. Юровскому и М.Н. Покровскому. Можно предположить с достаточной достоверностью, что данный документ составлен на базе сведений чекиста Юровского с записью или редакцией историка Покровского. Рукописный экземпляр «записки», хранящийся в РГАСПИ, написан рукой М.Н. Покровского.

Но вернемся к дальнейшим событиям ночи 17 июля.

Расстрел

Предоставим слово вновь историку М.Н. Покровскому, к которому с 1918 г. стекалась вся информация, дневники Романовых, переписка и т. д.

«Когда приехал автомобиль, – писал он со слов Юровского, – все спали. Разбудили Боткина, а он всю семью. Объяснение было дано такое: “Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний”. Одевались 1/2 часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтоб избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чем не догадывались. Ком[ендант] отправился за ними лично один и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Николай нес на руках Алексея, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, Александра Федоровна спросила: “Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?” Ком[ендант] велел внести два стула. Николай посадил на один Алексея, на другой села Александра Федоровна. Остальным ком[ендант] велел

встать в ряд. Когда стали – позвал команду. Когда вошла команда, ком[ендант] сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к ком[енданту] с вопросом: "Что? Что?" Ком[ендант] наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтоб избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все это длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Николай был убит самим ком[ендант]ом наповал. Затем сразу же умерла Александра Федоровна и люди Романовых (всего было расстреляно 12 человек) (на самом деле было расстреляно 11 человек, т. к. 14-летний поваренок Леонид Седнев был отделен от царской семьи. – В.Х): Николай, Александра Федоровна, 4 дочери – Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров (правильно, повар И.М. Харитонов. – *В.Х.*), еще повар (ошибка; имеется в виду поваренок Леонид Седнев, которого спасли от расстрела. – *В.Х.*) и фрейлина, фамилию которой ком[ендант] забыл (это была А.С. Демидова, комнатная девушка царицы. – *В.Х.*).

Алексей, три его сестры, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком[ендан]та, т. к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж. Благодаря этому вся процедура, считая проверку (щупанье пульса и т. д.), взяла минут двадцать. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выстланный сукном, чтоб не протекла кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.)»915. Уложив трупы в автомобиль, Юровский погнал его в сторону деревни Коптяки.

Стоит обратить внимание, что многие детали расстрела подтверждаются воспоминаниями палачей и охранников царской семьи, а также свидетельскими показаниями, которые были собраны белогвардейским следствием по делу убийства Романовых. Часто это независимые друг от друга исторические документальные источники, что в какой-то степени подтверждают данные «записки» Юровского. Правда, среди этих исторических документов имеются

свидетельства тенденциозного характера, когда некоторые из палачей пытались доказать, что именно его был первым выстрел в царя.

Приведем рассказ комиссара П.Л. Войкова в пересказе дипломата Г.З. Беседовского о расстреле царской семьи:

«Царское семейство сошло вниз в 2 часа 45 минут (Войков смотрел на свои часы). Юровский, Войков, председатель Екатеринбургской Чека и латыши из Чека расположились у дверей. Члены царской семьи имели спокойный вид. Они, видимо, уже привыкли к подобного рода ночным тревогам и частым перемещениям. Часть из них сидела на стульях, подложив под сиденья подушки, часть же стояла. Бывший царь прошел несколько вперед по направлению к Юровскому, которого он считал начальником всех собравшихся, и, обращаясь к нему, спокойно сказал: “Вот мы и собрались, теперь что же будем делать?” В этот момент Войков сделал шаг вперед и хотел прочитать постановление Уральского областного Совета, но Юровский, опередив его, подошел совсем близко к царю и сказал: “Николай Александрович, по постановлению Уральского областного комитета вы будете расстреляны вместе с вашей семьей”. Эта фраза явилась настолько неожиданной для царя, что он совершенно машинально сказал “что?” и, хлопнув каблуками, повернулся в сторону семьи, протянув к ним руки. В эту же минуту Юровский выстрелил в него почти в упор несколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрелять все остальные, и расстреливаемые падали один за другим, за исключением горничной и дочерей царя. Дочери продолжали стоять, наполняя комнату ужасными воплями предсмертного отчаяния, причем пули отскакивали от них. Юровский, Войков и часть латышей подбежали к ним поближе и стали расстреливать в упор, в голову. Как оказалось впоследствии, пули отскакивали от дочерей бывшего царя по той причине, что в лифчиках у них были зашиты бриллианты, не пропускающие пуль.

Когда все стихло, Юровский, Войков и двое латышей осмотрели расстрелянных, выпустив в некоторых из них еще по несколько пуль или протыкая штыками двух принесенных из комендантской комнаты винтовок. Войков рассказал мне, что это была ужасная картина. Трупы лежали на полу в кошмарных позах, с обезображенными от ужаса и крови лицами. Пол сделался совершенно скользкий, как на бойне. В воздухе появился какой-то странный запах. Юровский этим, однако, не смущался. Может быть, вследствие своей фельдшерской специальности и привычки к крови. Он хладнокровно осматривал трупы и снимал с них все драгоценности. Войков также начал снимать кольца с пальцев, но, когда он притронулся к одной из царских дочерей, повернув ее на спину, кровь хлынула у нее изо рта, и послышался при

этой какой-то странный звук. На Войкова это произвело такое впечатление, что он отошел совершенно в сторону.

Через короткое время после убийства трупы убитых стали выносить через двор к грузовому автомобилю, стоявшему у подъезда. Сложив трупы на автомобиль, их повезли за город на заранее приготовленное место у одной из шахт»916.

Далее сообщались сведения, которые, может быть, Беседовский мог заимствовать из известной книги генерала М.К. Дитерихса, а не из рассказа П.Л. Войкова. Продолжим цитирование:

«Юровский уехал с автомобилем. Войков же остался в городе, так как он должен был приготовить все необходимое для уничтожения трупов. Для этой работы было выделено пятнадцать ответственных работников екатеринбургской и верхисетской партийных организаций. Они были снабжены новыми, остро отточенными топорами того типа, какими пользуются в мясных лавках для разделки туш. Помимо того, Войков приготовил серную кислоту и бензин.

Уничтожение трупов началось на следующий же день и велось Юровским под руководством Войкова и наблюдением Голощекина и Белобородова, несколько раз приезжавших из Екатеринбурга в лес… Сгребли в кучу все, что осталось от сожженных останков. Бросили в шахту несколько ручных гранат, чтобы пробить в ней никогда не тающей лед, и побросали в образовавшееся отверстие кучу обожженных костей. Затем мы снова бросили с десяток ручных гранат, чтобы разбросать эти кости возможно основательнее, а наверху, на площадке возле шахты, мы перекопали землю и забросали ее листьями и мхом, чтобы скрыть следы костра…»917. Эти детали и уточнения вызывают некоторое подозрение в достоверности сведений, так как они в ряде случаев противоречат данным белогвардейского следствия Н.А. Соколова и советским источникам.

Имеются еще сомнительные по содержанию воспоминания интернационалиста И.П. Мейера, который утверждал о захоронении: «Я стоял с Мебиусом и Маклаванским приблизительно в тридцати шагах от них. Все мертвые были раздеты, за исключением наследника, у которого они, должно быть, не предполагали найти никаких драгоценностей. Мы стояли до тех пор, пока не столкнули мертвых в шахту… О том, что произошло впоследствии в лесу «Четыре брата», знаю я только из доклада, который Юровский сделал перед революционным трибуналом. Он описал точно, как сперва спустили в шахту дрова, потом трупы, потом опять дрова. На это налили бензин, приблизительно 220 литров. Затем все это зажгли. Медведев был тот, кто зажег бензин, и для меня представляется еще загадкой, как он при этом остался живым, так как при этом образовался огромный огненный язык. В течение ночи оставались

Юровский и Войков на месте, и на другой день повторили еще раз ту же процедуру. Затем налили серную кислоту в шахту. Шахта была затем покрыта большими выкопанными кусками дерна и ее сравняли»918. Вслед за удивлением Мейера, мы также можем с читателями выразить удивление такому своеобразному крематорию. Тем более что при обследовании шурфа шахты белогвардейцы не могли не заметить последствий адского огня. Тем не менее следователь Н.А. Соколов этого не обнаружил и в своей книге перечислил свои находки на дне шахты и около нее в кострищах. Мейер должен бы знать такие вещи.

Охранник Ипатьевского дома П.С. Медведев, попав в плен к белогвардейцам, давал следующие показания об обстоятельствах расстрела царской семьи:

«Вечером 16 июля я вступил в дежурство, комендант Юровский часу в восьмом того же вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы “наган”. У стоявших на постах и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта. Тогда Юровский объявил мне: “Сегодня придется всех расстрелять, предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы”. Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем постановлено решение о расстреле. Должен вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра по распоряжению Юровского был переведен в помещение караульной команды (в доме Попова). В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из латышской коммуны, поселившиеся здесь после вступления Юровского в должность коменданта; было их человек 10.

Часов в 10 вечера я предупредил команду, что согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. Часов в 12 ночи Юровский разбудил царскую семью. Объявил ли он им, для чего их беспокоить и куда они должны пойти, – я не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал.

Приблизительно через час вся царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде чем Юровский пошел будить царскую семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена. Часу во втором ночи вышли из своих комнат царь, царица, четыре царские дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника царь нес на руках. Государь и наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, с непокрытыми головами. Впереди шел Государь с

наследником, за ними царица, дочери и остальные. Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена из Чрезвычайной комиссии. Я также находился тут. При мне никто из членов царской семьи никаких вопросов никому не предлагал, не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вышли во двор, а оттуда – через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа. Дорогу указывал Юровский. Привели в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел подать стулья. Его помощник принес три стула. Один стул был дан государыне, другой – государю, третий – наследнику. Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки; за ней встали три дочери (я их всех знаю очень хорошо в лицо, так как почти каждый день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и Государь сели рядом, почти посреди комнаты, за наследником встал доктор Боткин; служанка, высокого роста женщина, встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую; с ней встала одна из царских дочерей (четвертая); двое слуг встали в левом от входа углу, у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой подушка, маленькие подушки были принесены с собой и царскими дочерьми. Одну из подушек положили на стул Государыни, другую – на стул наследника. Видимо, все догадывались о предстоящей им участи, но никто не издал ни одного звука. Одновременно в ту же комнату вошло одиннадцать человек: Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав: “Сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны наши выстрелы”. Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2–3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены царской семьи: царь, царица, четыре дочери и наследник – уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг. При моем появлении наследник был еще жив и стонал; к нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих.

Картина убийства, запах и вид крови вызвали во мне тошноту. Перед убийством Юровский раздал всем наганы, дал револьвер и мне, но я, повторяю, в расстреле не участвовал. По окончании убийства Юровский послал меня в комнату за людьми, чтобы смыть кровь в комнате…

О том, куда скрыты трупы убитых, я знаю только вот что: по выезде из Екатеринбурга я встретил на ст. Алапаевск Петра Ермакова и спросил его, куда

увезли трупы. Ермаков объяснил мне, что трупы сбросили в шахту за Верх-Исетским заводом и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожженных близ шахты кострах я ничего не знаю и не слышал. Более никаких сведений о месте нахождения трупов я не имею. Вопросом о том, кто распоряжался судьбой царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а лишь исполнял приказания тех, кому служил. Вот все, что могу вам объяснить по поводу предъявленного мне обвинения. Повторяю, что непосредственного участия в расстреле я не принимал. Более объяснить ничего не имею»919.

Каждый из палачей спасал свою жизнь, как мог.

Приведем свидетельства еще одного участника расстрела. Уральский чекист М.А. Медведев (Кудрин) написал свои воспоминания, когда уже многих из участников этих событий не было в живых. Однако у нас есть возможность сопоставить их с другими источниками:

«Выбрали комнату в нижнем этаже рядом с кладовой: всего одно зарешеченное окно в сторону Вознесенского переулка (второе от угла дома), обычные полосатые обои, сводчатый потолок, тусклая электролампочка под потолком. Решаем поставить во дворе снаружи дома (двор образован внешним дополнительным забором со стороны проспекта и переулка) грузовик и перед расстрелом завести мотор, чтобы шумом заглушить выстрелы в комнате. Юровский уже предупредил наружную охрану, чтобы не беспокоилась, если услышат выстрелы внутри дома; затем раздали наганы латышам внутренней охраны – мы сочли разумным привлечь их к операции, чтобы не расстреливать одних членов семьи Романовых на глазах у других. Трое (по другим источникам: двое. – *В.Х.*) латышей отказались участвовать в расстреле. Начальник охраны Павел Спиридонович Медведев вернул их наганы в комендантскую комнату. В отряде осталось семь человек латышей.

Далеко за полночь Яков Михайлович проходит в комнаты доктора Боткина и царя, просит одеться, умыться и быть готовыми к спуску в полуподвальное укрытие. Примерно с час Романовы приводят себя в порядок после сна, наконец – около трех часов ночи – они готовы. Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет два нагана и засовывает их за пояс, по нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев. Я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский кольт, а за поясом – бельгийский браунинг (оба исторических пистолета – браунинг № 389 965 и кольт калибра 45, правительственная модель С № 78 517 – я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный маузер), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает

себе за пояс третий наган. Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид.

Выходим на лестничную площадку второго этажа. Юровский уходит в царские покои, затем возвращается, следом за ним гуськом идут Николай II (он несет на руках Алексея, у мальчика не свертывание крови, он ушиб где-то ногу и не может пока ходить сам), за царем идет, шурша юбками, затянутая в корсет царица, следом четыре дочери (из них я в лицо знаю только младшую полненькую Анастасию и – постарше – Татьяну, которую по кинжальному варианту Юровского поручали мне, пока я выспорил себе от Ермакова самого царя), за девушками идут мужчины – доктор Боткин, повар, лакей, несет белые подушки высокая горничная царицы. На лестничной площадке стоит чучело медведицы с двумя медвежатами. Почему-то все крестятся, проходя мимо чучела, перед спуском вниз. Вслед за процессией следуют по лестнице Павел Медведев, Гриша Никулин, семеро латышей (у двух из них за плечами винтовки с примкнутыми штыками), завершаем шествие мы с Ермаковым.

Когда все вошли в нижнюю комнату (в доме очень странное расположение ходов, поэтому нам пришлось сначала выйти во внутренний двор особняка, а затем опять войти в первый этаж), то оказалось, что комната очень маленькая. Юровский с Никулиным принесли три стула (в некоторых воспоминаниях упоминаются два стула: для Александры Федоровны и Алексея. – *В.Х.*) – последние троны приговоренной династии. На один из них, ближе к правой арке, на подушечку села царица, за ней стали три старшие дочери. Младшая, Анастасия, почему-то отошла к горничной, прислонившейся к косяку запертой двери в следующую комнату-кладовую. В середине комнаты поставили стул для наследника, правее сел на стул Николай II, за креслом Алексея встал доктор Боткин. Повар и лакей почтительно отошли к столбу арки в левом углу комнаты и стали у стенки. Свет лампочки настолько слаб, что стоящие у противоположной закрытой двери две женские фигуры временами кажутся силуэтами, и только в руках горничной отчетливо белеют две большие подушки.

Романовы совершенно спокойны – никаких подозрений. Николай II, царица и Боткин внимательно разглядывают меня с Ермаковым как людей, новых в этом доме. Юровский отзывает Павла Медведева, и оба выходят в соседнюю комнату. Теперь слева от меня против царевича (правильно, цесаревича. – *В.Х.*) Алексея стоит Гриша Никулин, против меня – царь, справа от меня – Петр Ермаков, за ним пустое пространство, где должен встать отряд латышей.

Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него. Слышу зычный голос Якова Михайловича:

– Попрошу всех встать!

Легко, по-военному встал Николай II; зло сверкнув глазами, нехотя поднялась со стула Александра Федоровна. В комнату вошел и выстроился как раз против нее и дочерей отряд латышей: пять человек в первом ряду и двое – с винтовками – во втором. Царица перекрестилась. Стало так тихо, что со двора через окно слышно, как тарахтит мотор грузовика. Юровский на полшага выходит вперед и обращается к царю:

– Николай Александрович! Попытки ваших единомышленников спасти вас не увенчались успехом! И вот в тяжелую годину для Советской республики… – Яков Михайлович повышает голос и рукой рубит воздух —…на нас возложена миссия покончить с Домом Романовых!

Женские крики: “Боже мой! Ах! Ох!” Николай II быстро бормочет:

– Господи Боже мой! Господи Боже мой! Что ж это такое?!

– А вот что такое! – говорит Юровский, вынимая из кобуры маузер.

– Так нас никуда не повезут? – спрашивает глухим голосом Боткин (в других источниках эти слова приписываются бывшему царю Николаю II. – *В.Х.*). Юровский хочет ему что-то ответить, но я уже спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздается первый залп латышей и моих товарищей справа и слева. Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая II почти в упор. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину.

Женский визг и стоны; вижу, как падает Боткин, у стены оседает лакей и валится на колени повар. Белая подушка двинулась от двери в правый угол комнаты. В пороховом дыму от кричащей женской группы метнулась к закрытой двери женская фигура и тут же падает, сраженная выстрелами Ермакова, который палит уже из второго нагана. Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль. В комнате ничего не видно из-за дыма – стрельба идет уже по еле видным падающим силуэтам в правом углу. Затихли крики, но выстрелы еще грохочут: Ермаков стреляет из третьего нагана. Слышим голос Юровского:

– Стой! Прекратить огонь!

Тишина. Звенит в ушах. Кого-то из красноармейцев ранило в палец руки и в шею – то ли рикошетом, то ли в пороховом тумане латыши из второго ряда из винтовок обожгли пулями. Редеет пелена дыма и пыли. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым как представителям ЧК и Красной Армии засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

– Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, подымается уцелевшая горничная: она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную. От ее предсмертного крика очнулся и застонал легко раненный Алексей – он лежит на стуле. К нему подходит Юровский и выпускает три последние пули из своего маузера. Парень затих и медленно сползает на пол к ногам отца. Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая – он весь изрешечен пулями, мертв. Осматриваем остальных и достреливаем из кольта и ермаковского нагана еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны.

К Юровскому подходит начальник охраны Павел Спиридонович Медведев и докладывает, что выстрелы были слышны во дворе дома. Он привел красноармейцев внутренней охраны для переноски трупов и одеяла, на которых можно носить до автомашины. Яков Михайлович поручает мне проследить за переносом трупов и погрузкой в автомобиль. Первого на одеяло укладываем лежащего в луже крови Николая II. Красноармейцы выносят останки императора во двор. Я иду за ними. В проходной комнате вижу Павла Медведева – он смертельно бледен, и его рвет; спрашиваю, не ранен ли он, но Павел молчит и машет рукой.

Около грузовика встречаю Филиппа Голощекина.

– Ты где был? – спрашиваю.

– Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно. – Нагнулся над царем.

– Конец, говоришь, династии Романовых?! Да…»920.

Позднее в Ипатьевском доме среди документов царской семьи были найдены два листка, на которых рукою двадцатидвухлетней великой княжны Ольги Николаевны были переписаны два стихотворения: «Молитва» и «Перед Иконой Богоматери». Они хорошо известны, но все же приведем два последних четверостишия стихотворения «Молитва»:

Владыка мира, Бог вселенной,

Благослови молитвой нас

И дай покой душе смиренной

В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы

Вдохни в уста Твоих рабов

Нечеловеческие силы

Молиться кротко за врагов.

Известны также строки из ее письма из Тобольска, где великая княжна Ольга Николаевна призывала: «Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь»921.

Эти строфы стихотворения и строки письма являются духовным завещанием царской семьи, передающим их состояние души и переживания на крестном пути на Голгофу.

Тайна лесного помоста

Совершив убийство, Юровский приступил к уничтожению следов преступления. В «записке» подробно описан весь этот страшный процесс.

К утру 17 июля трупы убитых были привезены близ деревни Коптяки в окрестностях Екатеринбурга и там в урочище «Четырех братьев» сброшены в шахту «Открытая», которая «заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения». Район при этом был оцеплен.

Стоит отметить, что Юровский здесь допускает искажение действительности, утверждая, что шахта была временным местом погребения царской семьи и их приближенных. После того как трупы были раздеты, а одежда была сожжена на кострах, их сбросили в шахту, которую пытались завалить подрывом ручных гранат. Для чего нужно было завалить шурф шахты, если место погребения считали временным?! В связи с тем, что шахта не обвалилась, а слухи о тайном

захоронении поползли по Екатеринбургу, то вновь стала проблема о перезахоронении царской семьи. Такого же плана сокрытия преступления чекисты придерживались и при захоронении великих князей в шахте под Алапаевском. И там, после того как Романовых сбросили живыми в шурф шахты, то вслед им кинули ручные бомбы, но также ожидаемого обрушения не произошло. Однако в том случае трупы не стали вытаскивать, а закидали их бревнами и разным подручным хламом. Белогвардейцы позднее это тайное захоронение обнаружили.

Читая текст «записки», понимаешь, что при ее написании Юровский, очевидно, был осведомлен о результатах белогвардейского следствия, или из книги Роберта Вильтона, или от историка М.Н. Покровского. Так он неуклюже объясняет находку белогвардейцами женского пальца и других вещественных доказательств в шахте: «…трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставлен. челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части – этим комендант объясняет нахождение на этом месте белыми (которые его потом открыли) оторванного пальца и т. п. Но Романовых не предполагалось оставлять здесь – шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения».

Вернувшись в Екатеринбург утром же 17 июля, Юровский, посоветовавшись с Белобородовым и Сафаровым, а также с Чуцкаевым, решил вернуться с тем, чтобы, достав трупы, переправить их в другие «очень глубокие шахты». («На случай, если бы не удался план с шахтами, – решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой».)

Отметим, что серная кислота была доставлена уже 17 июля на место.

Но белогвардейский следователь Н.А. Соколов, опираясь на материалы своего предшественника И.А. Сергеева, вынужден был прийти к выводу, что именно там у шахты «Открытая» трупы были расчленены и в течение трех дней сожжены и окончательно уничтожены922. Еще ранее эта версия была изложена руководителем белогвардейского следствия «по делу убийства царской семьи» генералом М.К. Дитерихсом923. Возможно, незначительные останки царской семьи, сохранившиеся в какой-то мере после этой адской операции, были вывезены и захоронены в лесном болоте. Не случайно, на наш взгляд, не были найдены останки цесаревича Алексея и его сестры. Только в начале 2008 г. было объявлено, что осенью 2007 г. были найдены небольшие фрагменты останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии Николаевны недалеко от тайного

захоронения царской семьи. Находка под Коптяками захоронения с предполагаемыми останками членов царской семьи в июле 1991 г., кажется, на первый взгляд, «опрокидывает» всё построение колчаковского следователя Н.А. Соколова. Однако следует заметить, что Соколов и его помощники упорно пытались найти останки узников Ипатьевского дома до самого последнего момента наступления Красной Армии летом 1919 г. Ими был прослежен путь следования страшного «каравана» с царскими останками. Был даже сфотографирован тот настил, под которым позднее было обнаружено «тайное захоронение». Только недостаток времени не позволил Н.А. Соколову добиться своей цели. Он протестовал против преждевременных публикаций материалов следствия генералом Дитерихсом до его окончательного завершения. Белогвардейцами были обнаружены в кострищах фрагменты одежды царской семьи, оболочки от пуль с выплавившимся из них свинцом, даже фрагменты сальных выделений в почве и незначительные фрагменты рубленных и обожженных костей. Хотя экспертиза этих останков белогвардейским следствием не проводилась, и позднее следователем не утверждалось, что именно это останки царской семьи. Он был уверен, что в полевых условиях было трудно уничтожить почти без следов трупы 11 человек. Однако, в конце концов, в своей книге «Убийство царской семьи», обобщив свое многолетнее следствие, он утверждал, что в 1918 г. тела царских мучеников были сожжены, облиты серной кислотой, т. е. практически почти полностью уничтожены.

В «записке» Юровского – Покровского сообщается следующая версия событий. Согласно ей, 17 июля трупы царской семьи вначале были сброшены в шахту в полутора верстах от деревни Коптяки. 18 июля они были извлечены из шахты, и в 9 ч. вечера машина повезла их в сторону 9-й версты по московскому тракту. Однако Юровский умолчал о существенных деталях операции по сокрытию царских останков. Так, например, имеется свидетельство бывшего чекиста М.А. Медведева (Кудрина), который в поздних рукописных воспоминаниях 1963 г. писал: «Все, что я расскажу об операции повторного захоронения, я говорю со слов моих друзей: покойного Якова Юровского и ныне здравствующего Исая Родзинского, подробные воспоминания которого должны быть непременно записаны для истории, так как Исай – единственный человек, оставшийся в живых из участников этой операции, кто сегодня может опознать место, где похоронены останки Романовых. Также необходимо записать воспоминания моего друга Григория Петровича Никулина, знающего подробности ликвидации великих князей в Алапаевске и великого князя Михаила Александровича Романова в Перми… Готового плана перехоронения у ребят не было, куда везти трупы, никто не знал, где их прятать – также. Поэтому решили попробовать сжечь хотя бы часть расстрелянных, чтобы число их было меньше одиннадцати. Отобрали тела Николая II, Алексея, царицы, доктора Боткина, облили их

бензином и подожгли. Замороженные трупы дымились, смердили, шипели, но никак не горели. Тогда решили останки Романовых где-нибудь закопать. Сложили в кузов грузовика все одиннадцать тел (из них четыре обгорелых), выехали на коптяковскую дорогу и повернули в сторону Верх-Исетска»924.

Здесь стоит прерваться и пояснить некоторые обстоятельства «тайного захоронения». Юровский ничего не говорит о попытке сожжения трупов около шахты. Он упоминает только об яме, которую они начали копать, чтобы там скрыть трупы, но бросили эту работу, так как один крестьянин случайно видел ее. Следов подобной деятельности «копания» белогвардейцы не обнаружили ни здесь, ни поблизости, хотя тщательно обследовали этот район и даже откачали воду из шахты и Ганиной ямы. Чекист М.А. Медведев (Кудрин) в воспоминаниях ссылается на рассказ И.И. Родзинского, что трупы пытались сжечь. Но сам Родзинский относит по времени позднее сожжение части трупов недалеко от «помоста», где застрял автомобиль по пути следования на «глубокие шахты». При сопоставлении всех этих сведений, мне, кажется, напрашивается версия, что трупы попытались уничтожить недалеко от места первоначального захоронения, т. е. около шахты, где сжигали одежду. Возможно, поэтому следователь Н.А. Соколов обнаружил незначительное количество обгоревших, неизвестного происхожения фрагментов костей. Можно предположить, что рассказ Родзинского чекисту Медведеву (Кудрину) в некоторых деталях мог расходиться с его поздними устными воспоминаниями, которые были записаны на магнитофонную пленку. Возможно, трупы жгли в двух местах: сначала попытались около шахты, но частично, а затем обгоревшие, по крайней мере, два трупа сожгли основательно недалеко от настила из шпал. Вернемся к «записке».

Далее Юровский сообщает: «Ехали с трудом, вымащивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз. Около 4 ч. утра 19-го машины застряли окончательно, оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь… Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же, под костром, останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина на два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубокая). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне – этого места погребения белые не нашли».

Чекист Исай Родзинский в беседе на Радиокомитете (или в рассказе А.Н. Яковлеву в ЦК КПСС) об обстоятельствах расстрела и захоронения царской семьи 13 мая 1964 г. поведал: «Но, а когда Юровский вернулся, и разведчики наши через некоторое время пришли и тоже доложили, что нашли заброшенную где-то в балке шахту. Ну, это шахта была глубинная, потому что они лазали в нее и сказали, что там внизу топка и засосет. Мы тут грузила приготовили. Ну, решили так, что часть сожжем, а часть спустим в шахту, либо всех сожжем. И что всех изуродуем все равно, потом иди различи. Нам важно, чтобы не оставалось количества 11, потому что по этому признаку можно было узнать захоронение. Ну, а так что же, ну расстрелянные были люди, брошены, а кто? Царь или кто.

Но вот погрузили мы их на машину весь этот штабель и решили двигаться по указанию этих товарищей, которые ходили в разведку. Шли мы так тоже с тяжелым сердцем, не зная, что же это будет за укрытие. Так толковали: то ли все это вообще сжечь к черту, думали об этом. Видимо, так бы и поступили, хотя мы туда и двигались.

Но тут произошло неожиданное. Вдруг машина на каком-то проселке там застряла, оказалась трясина. Дело было к вечеру. Мы немного проехали. Мы все эту машину вытаскивали, еле-еле вытащили. И тут у нас мелькнула мысль, которую мы и осуществили. Мы решили, что лучшего места не найти. Мы сейчас же эту трясину расковыряли. Она глубокая бог знает куда. Ну, тут часть разложили этих самых голубчиков и начали заливать серной кислотой, обезобразили все, а потом все это в трясину. Неподалеку была железная дорога. Мы привезли гнилых шпал, проложили маятник, через самую трясину. Разложили этих шпал в виде мостика, такого заброшенного через трясину, а остальных на некотором расстоянии стали сжигать.

Но вот, помню, Николай сожжен был, был этот самый Боткин, я сейчас не могу вам точно сказать, вот уже память. Сколько мы сожгли, то ли четырех, то ли пять, то ли шесть человек сожгли. Кого, это уже точно я не помню. Вот Николая точно помню. Боткина и, по-моему, Алексея. Ну, вообще, должен вам сказать, человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Долго жгли их, поливали и жгли керосином там, что-то еще такое сильно действующее, дерево тут подкладывали. Ну, долго возились с этим делом. Я даже, вот, пока горели, съездил, доложился в город и потом уже приехал. Уже ночью было, приехал на легковой машине, которая принадлежала Берзину. Вот так, собственно говоря, захоронили»925.

Вновь вернемся к рукописи чекиста М.А. Медведева (Кудрина), который несколько иначе излагал детали тайной операции: «Недалеко от переезда (по-видимому, через Горно-Уральскую железную дорогу – на карте место уточнить у И.И. Родзинского) в болотистой низине машина забуксовала в грязи – ни вперед, ни назад. Сколько ни бились – ни с места. От домика железнодорожного сторожа на переезде принесли доски и с трудом вытолкнули грузовик из образовавшейся болотистой ямы. И вдруг кому-то (Я.М. Юровский говорил мне в 1933 г., что Родзинскому) пришла в голову мысль: а ведь эта яма на самой дороге – идеальная тайная братская могила для последних Романовых!

Углубили яму лопатами до черной торфяной воды. Туда, в болотную трясину, спустили трупы, залили их серной кислотой, забросали землей. Грузовик от переезда привез с десяток старых пропитанных железнодорожных шпал – сделали из них над ямой настил, проехались по нему несколько раз на машине. Шпалы немного вдавились в землю, запачкались, будто бы они и всегда тут лежали»926.

Вот что пишет в своей книге белогвардейский генерал М.К. Дитерихс об этом месте: «На северной ветке, не доходя шагов 150 до железнодорожной линии, есть топкое болотистое место; здесь рано утром 19 июля возвращавшийся из Коптяковского леса к городу, в сопровождении конных красноармейцев ермаковского отряда и 4–5 коробков, грузовой автомобиль Люханова застрял в трясине; люди с автомобиля и красноармейцы ходили к будке № 184, взяли из сложенного у будки штабеля шпалы и сложили на трясине помост, по которому и прошел грузовик. Этот помост оставался на месте еще в мае – июне 1919 года».

В общем, какая-то картина создается, хотя во многом еще противоречивая. Это и не удивительно, так как многие события воспроизводились свидетелями почти полвека спустя. Важно другое, что если сопоставлять показания и признания палачей, охранников и случайных свидетелей, материалы и вещественные доказательства белогвардейского следствия Н.А. Соколова и позднее Генеральной прокуратуры РФ, то многие детали выстраиваются в один ряд, дополняя, в чем-то друг друга. Следует подчеркнуть, что это разные и независимые источники, которые говорят часто об одном и том же, а не результат фальсификаций, вышедших из «одной конторы». Иногда некоторые исследователи их могут трактовать по-другому, что вызывает порой бурные дебаты. Главное в этом споре приблизиться к истине. Конечно, очевидно, это не коснется тех отдельных «фанатиков», которые запрограммированы, и в полемическом угаре часто безапелляционно ссылаются на якобы сказанные пророческие слова императора Николая II «могилу мою не ищите», или на

утверждение одного из палачей царской семьи П.Л. Войкова «мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». Можно выразить уверенность, что каждый неизвестный ранее исторический документальный источник о трагической судьбе представителей династии Романовых или обнаруженные дополнительные «вещественные доказательства» могут оказаться решающими в этом деле.

Но остается не расследованным еще один момент. В 1919–1920 гг. Юровский и Голощекин были вновь на руководящих постах в Екатеринбурге. Что они могли совершить с останками царской семьи – неизвестно.

В феврале же 1934 г. Юровский на совещании старых большевиков в Свердловске вновь говорил о захоронении останков, уточнив место захоронения.

Вот это место из стенограммы:

«Всего полтора или два месяца тому назад я впервые читал книгу Соколова. Из этой книжки я узнал, что моя хитрость оправдала себя. Там сказано, что по дороге был сделан помост, очевидно для грузовика. Они этого места найти не могли, хотя и видели. Они пошли по ложному следу. В книге был помещен снимок, на котором были эти шпалы». (Книга Н.А. Соколова вышла в Берлине в 1925 г.!)

Прошли десятилетия. В 1989 г. публикацией в «Московских новостях» кинодраматург Гелий Рябов объявил, что им найдены останки расстрелянной царской семьи. В связи с этим уместно поставить такой вопрос Гелию Рябову: не знал ли он содержание стенограммы 1934 г.? Если знал, так в чем же состояло тогда его открытие? Если не знал, то почему решил заглянуть именно под мостик?

Стоит также напомнить, что место захоронения царской семьи указан и в одном из экземпляров «записки» Юровского, с которым был ознакомлен Гелий Рябов директором ЦГАОР СССР Б.И. Каптеловым. Когда Ю.А. Буранов задавал риторические вопросы Г.Т. Рябову, то еще не были изданы книги по этому вопросу поисковиками А.Н. Авдониным, а также и самим Г.Т. Рябовым. Теперь эти книги хорошо известны многим, хотя и они не все проясняют до конца927.

Таким образом, Юровский точно указал место захоронения, поскольку в книге Соколова действительно есть названная фотография. Есть при этом и подлинная карта в деле Соколова, и фото данного мостика.

Но по-прежнему остается вопрос: а были ли там захоронены останки?

Пока же совершенно ясно, что архив Н.А. Соколова 1919 г. с подробной картой, на которой обозначен этот «мостик», стенограмма, текст которой мы привели выше, книга Соколова – все это, будучи недоступным для обычного исследователя, в свое время не составляло секрета для тех, кто пожелал бы найти до «находки» Рябова останки царской семьи. Раскопки же под деревней Коптяки проводились при нарушении многих археологических правил.

Дезинформация

18 июля 1918 г. в Москве проходило важное заседание. В 18.00 собралось первое, после V съезда Советов, бурных событий, связанных с восстаниями левых эсеров в Москве и Ярославле, заседание ВЦИК.

Но за день до его открытия (т. е. 17 июля), на столе Свердлова, председателя ВЦИК, лежала телеграмма из Екатеринбурга. В ней сообщалось: «Председателю Совнаркома тов. Ленину. Председателю ВЦИК тов. Свердлову. У аппарата Президиум Областного Совета рабоче-крестьянского правительства. Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью ***похищение*** бывшего царя и его семьи (***документы в наших руках***), ***по постановлению Президиума Областного Совета*** в ночь на 16-е июля (так в телеграмме. –*В.Х.*) расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: “Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы), Президиум Областного Совета постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа. В ночь на 16 июля 1918 года (правильно, в ночь с 16 на 17 июля. – *В.Х.*) приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержащаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности, эвакуирована из города Екатеринбурга. Президиум Областного Совета”. Просим ваших санкций [по] редакции данного. Документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому [и] ЦИК. Просим дать ответ экстренно. Ждем у аппарата»928.

По воспоминаниям В. Воробьева (1928) ответ Свердлова (18 июля 1918) был следующим:

«Сегодня же доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено»929.

В этот же день в 18.00 началось заседание Президиума ВЦИК. В его протоколе записано:

«Слушали: Сообщение о расстреле Николая Романова. (Телеграмма из Екатеринбурга).

Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция: ВЦИК в лице своего Президиума признает решение Уральского областного Совета правильным.

Поручить тт. Свердлову, Сосновскому и Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся в ЦИК документах (дневник письма и т. п.) [бывшего] царя Н. Романова. Поручить тов. Свердлову составить особую комиссию для разбора этих бумаг и их публикации»930.

Но была еще одна телеграмма. Шифровка, обнаруженная следователем И.А. Сергеевым после перехода города в руки Сибирской белой армии в Екатеринбургской телеграфной конторе и расшифрованная только в 1921 г.

Она была отправлена «после 9 часов вечера», и тоже за день раньше, т. е. 17 июля 1918 г. В Москве 18 июля шло уже второе по счету заседание. Это было заседание Совнаркома, которое вел Ленин. После принятия телеграмм Москвой до заседания Совнаркома прошло достаточно времени, чтобы председатель ВЦИК проинформировал о ней председателя Совнаркома[24].

Приведем текст второй, решающей телеграммы (от 17 июля 1918 г.): «Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову. Обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу оффициально семия погибнет при евакуации. Белобородов»931. (Сохранена орфография документа. – *В.Х.*)

Здесь мы подходим к главному: установление подлинности текста второй телеграммы. Существовали два мнения: одни исследователи утверждали, что текст второй телеграммы сфабрикован Н.А. Соколовым. Другие говорили, что текст второй телеграммы подлинный. По нашему мнению, вся сумма данных позволяет утверждать, что текст второй телеграммы подлинный. Но экспертизу шифра второй телеграммы, видимо, должны производить не зарубежные, а отечественные специалисты соответствующих органов, но они отмалчиваются

(вряд ли не сохранился в архивах ключ к тому шифру, которым пользовались в 1918 г.).

Ответ на этот вопрос объяснит многое, в том числе: какая информация была получена в ночь с 18 на 19 июля на заседании Совнаркома? Подлинность второй телеграммы автоматически перекладывает всю ответственность на центр, ибо центр, утверждая ложную информацию, берет в таком случае всю ответственность на себя.

18 июля 1918 г. (по некоторым данным, за полночь) на заседании Совнаркома было заслушано:

Слушали: 3. Внеочередное заявление председателя Ц.И.К. тов. Свердлова о казни бывшего царя Николая II по приговору Екатеринбургского Совдепа и о состоявшемся утверждении этого приговора Президиумом Ц.И.К.

Постановили: 3. Принять к сведению»932.

Как мы видим, вопрос о Романовых не обсуждался, – было принято короткое постановление: «Принять к сведению». Ленин не захотел уточнять, была ли расстреляна вся семья? Ясно, что он имел по этому поводу полную информацию.

Однако официального сообщения большевиков о гибели всей царской семьи в это время не последовало, очевидно, в связи с опасением возмущенной реакции общественности.

Был среди участников заседания Совнаркома и Троцкий, он указан в числе присутствовавших в сохранившемся подлиннике протокола этого заседания.

Между тем в апреле 1935 г. он писал:

«Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья… Либералы склонялись как будто к тому, что Уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это не верно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу здесь, что помню.

В один из коротких наездов в Москву – думаю, что за несколько недель до казни Романовых, – я мимоходом заметил в Политбюро, что ввиду плохого положения на Урале следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал

открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования… по радио ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если бы было осуществимо. Но… времени может не хватить… Прений никаких не вышло, так я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, помнится, было трое-четверо: Ленин, я, Свердлов… Каменева как будто не было… Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

– Да, а где царь?

– Кончено, – ответил он, – расстрелян.

– А семья где?

– И семья с ним.

– Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

– Все! – ответил Свердлов. – А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

– А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентских кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах…

В “Последних новостях” я читал, уже будучи за границей, описание расстрела, сожжения тел и пр. Что во всем этом верно, что вымышлено, не имею ни малейшего представления, так как никогда не интересовался тем, как произведена была казнь, и, признаться, не понимаю этого интереса»933. Естественно, после всего этого остаются вопросы… и к свидетельству Троцкого.

Все же голос протеста прозвучал из уст святейшего патриарха Тихона во время проповеди, произнесенной в Казанском соборе: «На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство – Исполнительный Комитет – одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его… Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: “Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие!”».

Размах по дезинформации убийства царской семьи был удивительным. В газетах осенью 1918 г. была помещена, например, следующая информация:

«Похороны Николая Кровавого.

Издающаяся в Челябинске “Власть народа” печатает полученное из Екатеринбурга описание торжественных похорон бывшего царя, устроенных войсковыми частями Народной армии.

Тело б. царя, похороненное на месте расстрела в лесу, было извлечено из могилы, найденной по указанию лиц, знавших обстановку казни. Извлечение тела было произведено в присутствии духовной власти Западной Сибири, местного духовенства, делегатов от Народной армии, казачества и чехословаков.

Тело царя было переложено в цинковый гроб, заключенный в деревянную роскошную обшивку из сибирского кедра.

Гроб этот был поставлен под охраной почетного караула из высших командных чинов Народной армии в Екатеринбургском соборе, откуда предполагается перевести его для времен

ного погребения в особом саркофаге в Омск»934.

Кощунство этой дезинформации очевидно.

5 ноября 1919 г. чикагская газета «Дейли ньюс» поместила телеграмму своего корреспондента Исаака Дон Левина из Советской России: «Николая Романова, бывшего царя, его жены, четырех дочерей и их единственного сына Алексея, без всякой тени сомнения, нет в живых. Все они казнены ночью 17 июля 1918 года, и их тела сожжены». Информация была получена от советского историка и государственного деятеля М.Н. Покровского.

Известно, что после расстрела царской семьи личный архив Николая II и часть драгоценностей были доставлены Голощекиным, Юровским и Ермаковым во ВЦИК и НКВД. Известны и другие поступления. В частности, сохранился акт Уральской областной коллегии финансов от 18 августа 1918 г.:

«Уральская областная коллегия финансов, ознакомившись, согласно акта, составленного т.т. П. Галаниным и Одинцовым, с содержимым двух чемоданов с вещами бывшего царя Николая Романова, постановила:

Серебряные изделия весом 1 пуд, 6 фунтов, 71 золотник и золотые, – весом 1 фунт, 21 золотник и 84 доли переплавить и стоимость зачислить в доход казны.

Разменную монету в сумме семь рублей 97 коп. сдать в Народный Банк для зачисления в доход казны.

К остающимся в двух чемоданах вещам приложить вещи, значащиеся по дополнительной описи, и переслать в Москву в распоряжение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов.

Председатель, областной комиссар финансов *С. Сафаров.*

Члены коллегии: *П. Галанин, Д. Одинцов*»935.

Имеются и другие документы. В письме Г.И. Сафарова в штаб 3-й армии от 21 августа 1918 г. сообщалось:

«На основании распоряжения председателя областного Совета Урала при сем препровождаю один окованный железом сундук, опечатанный правительственной печатью, с вещами, принадлежавшими бывшему царю Николаю Романову, пакет на имя Центрального Всероссийского Исполкома и

прошу принять меры к доставке сундука и пакета по назначению. В приеме от меня вышеозначенных сундука и пакета прошу выдать расписку.

[Уральский] областной комиссар финансов *Г. Сафаров*»936.

Президиум ВЦИК 10 сентября 1918 г. рассматривает вопрос: «О комиссии по разработке материалов, найденных у последнего Романова». Принимается решение: «Утвердить комиссию из т.т. Покровского, Сосновского, Стеклова, Рязанова и Одоратского и перевести Комиссариату народного просвещения для этой цели аванс в 10 000 рублей»937.

Американский историк Ричард Пайпс, анализируя события русской революции и убийства царской семьи, справедливо подчеркивает:

«Европейская история знает еще двух монархов, расставшихся с жизнью в результате революционных переворотов: в 1649 году это был Карл I, а в 1793-м – Людовик XVI. Но, как и во многих других случаях, касающихся русской революции, убийство царской семьи в России имеет с этими событиями лишь внешнее сходство; по существу же оно беспрецедентно. Карл I предстал перед специально созданным Верховным судом, который предъявил ему формальные обвинения и дал возможность защищаться. Заседания суда проходили открыто, и протоколы их тут же публиковались. Казнь короля тоже была публичной. С Людовиком XVI обстояло в общем так же. Его судил и приговорил к смерти большинством голосов Конвент. Это произошло после долгих прений, в ходе которых короля защищал адвокат. Протоколы судебного заседания тоже были опубликованы, а казнь состоялась при свете дня в центре Парижа.

Николаю II не предъявляли никаких обвинений, и его не судили судом. Советское правительство, приговорившее его к смерти, никогда не публиковало соответствующих документов. Все, что мы знаем об этом событии, стало известно главным образом благодаря упорству одного человека, проводившего расследование. Кроме того, в данном случае жертвой стал не только низложенный монарх, – убиты были его жена, дети, прислуга. Да и сама акция, проведенная под покровом ночи, напоминала скорее разбойное убийство, чем формальную, законную казнь»938.

Несмотря на многочисленные репрессии первых лет революции, и системы сталинского ГУЛАГа, светлую память о страстотерпцах: императоре Николае II и его семье, – в народе убить большевикам до конца не удалось.

Белогвардейское следствие по делу убийства Романовых и пресса эмиграции

Во многом тайну убийства царской семьи удалось раскрыть благодаря белогвардейскому следствию. После занятия в ночь с 24 на 25 июля 1918 г. Екатеринбурга частями Сибирской армии и чехословаками вскоре стало известно о расстреле большевиками в Ипатьевском доме царской семьи и их приближенных. Однако многие не верили в это злодеяние и упорно продолжали утверждать, что император Николай II и его семья были спасены. Среди сторонников этой версии были не только монархисты и сибирские крестьяне. К ним относился военный начальник восставшего чехословацкого корпуса Р. Гайда. Под давлением общественности практически с первых дней было приступлено к расследованию «царского дела». Многие связывают белогвардейское следствие с именем судебного следователя по важнейшим делам Н.А. Соколова. Однако его деятельности на первом этапе предшествовала работа следователей А.П. Наметкина и И.А. Сергеева. Поначалу следствие вел судебный следователь Наметкин, но 7 августа его сменил член окружного суда Сергеев. Параллельно с ними вела свое расследование чехословацкая контрразведка под руководством Гайды, которая в первую очередь разрабатывала версию о спасении «венценосцев». Версия оказалась ложной, а дорогое время для ведения следствия «по горячим следам» упущенным безвозвратно. По свидетельству английского журналиста, корреспондента газеты «Таймс» Роберта Вильтона, автора книги «Последние дни Романовых» (Лондон, 1920), принявшего лично активное участие в расследовании убийства царской семьи, и Наметкин и Сергеев опасались – «об этом говорил весь Екатеринбург, – что к убийству причастны люди весьма влиятельные, которые не простят им обнаружения этой истины. Прямо указывалось на участие евреев…». Возможно, это и сказалось на рвении следователей, тем более что они придерживались, по некоторым сведениям, эсеровской ориентации. Так, например, Наметкин всего лишь раз осмотрел в лесу место предполагаемого уничтожения трупов. Другой следователь И.А. Сергеев не удосужился ни разу побывать в Коптяковском лесу, где по свежим следам ему, ведущему следствие, многое могло открыться. В частности, Роберт Вильтон нерадивость Сергеева объяснял его происхождением: Иван Александрович был сыном еврея, принявшего православие. Тем не менее следователь Сергеев успел многое сделать. В частности, он обнаружил на южной стороне полуподвальной комнаты, где расстреливали Романовых, строфы из Гейне на немецком языке. В строфе отсутствовал союз «но». В переводе это звучало так: «Валтасар был этой ночью убит своими слугами». Стихотворение написано по библейским мотивам: вавилонский царь Валтасар был убит слугами за непочтение иудейского бога Иеговы. Писавший строки хорошо знал немецкий язык и творчество Гейне. Он позволил себе даже каламбур с именем вавилонского царя. Кусок обоев с надписью оказался в «царском деле», однако до сих пор никто не сделал

графологической экспертизы этого документа с кругом лиц, имеющих доступ в дом Ипатьева. В том же помещении были обнаружены (по мнению некоторых экспертов) четыре кабалистических знака. Попытка их расшифровки приведена в брошюре Энеля «Жертва», переведенной на русский язык и хранящейся в Британском музее. По Энелю, знаки трактуются следующим образом: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы». Роберт Вильтон в своей книге приводит такую версию появления этих надписей: «Еврей с черной, как смоль, бородой, прибывший, по-видимому, из Москвы с собственной охраной к моменту убийства в обстановке крайней таинственности, – вот вероятный автор надписи, сделанной после убийства и после ухода «латышей», занимавших полуподвальное помещение; последние были на это по своему низкому умственному развитию совершенно не способны…». Под описание Вильтоном лица «с черной, как смоль, бородой» судя по сохранившимся фотографиям подпадает, по нашему мнению, чекист Я.М. Юровский, но по интеллектуальному уровню и грамотности он ненамного превосходил своих подручных. В то же время в помещение имел свободный допуск комиссар П.Л. Войков, который длительное время жил в эмиграции и учился в университете. Это наиболее подходящая кандидатура на настенное стихотворчество с двойным подтекстом. Впрочем, после ухода «красных» Ипатьевский дом был некоторое время без надзора и свой автограф мог оставить здесь неизвестное нам лицо. Адмирал А.В. Колчак, пришедший к власти после военного переворота, посчитал, что следствие ведется недостаточно энергично.

По горячим следам белогвардейцы организовали полномасштабное следствие, которое в начале 1919 г. по указанию адмирала А.В. Колчака курировал генерал М.К. Дитерихс, а в качестве следователя по особо важным делам был назначен Н.А. Соколов. Именно Соколов обобщил работу своих предшественников, провел допросы ряда задержанных участников совершенного преступления и организовал опрос свидетелей, собрал и систематизировал вещественные доказательства, до самой последней возможности (перед наступлением красных на Екатеринбург) вел поиски сокрытых останков царской семьи. Он составил список из 164 лиц, так или иначе причастных к расстрелу царской семьи. Здесь значились: от председателя ВЦИК Я.М. Свердлова и председателя Уральского облисполкома А.Г. Белобородова до членов караульной команды Ипатьевского дома. Они все должны были быть разысканы белогвардейцами и предстать перед следствием. Однако неизвестен был точный состав команды, которая под руководством чекистов Я.М. Юровского и его помощника Г.П. Никулина приводила смертный приговор в исполнение. Даже в воспоминаниях чекистов, как мы могли убедиться, имеются расхождения о численном и персональном составе команды. Нам неизвестен текст того постановления, который был

вынесен президиумом Уралоблисполкома о расстреле царя, и было ли оно вообще. Хотя в эмигрантском сборнике «Писем царской семьи из заточения» составитель Е.Е. Алферьев поместил фотокопию протокола от 14 июля 1918 г. на официальном бланке. Однако реквизиты этого бланка и содержание текста внушают сомнения из-за имеющихся в наличии ряда погрешностей. Текст (на бланке) гласит:

«Рабоче-крестьянское правительство Российской Федеративной республики Советов. Уральский областной Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Президиум.

Весьма секретно.

Протокол

заседания Областного исполнительного комитета Коммунистической партии Урала и Военно-революционного комитета.

Участвовали все члены.

Обсуждался вопрос ликвидации бывшей царской семьи Романовых.

По предложению военного комиссара, а также председателя Военно-революционного комитета собрание единогласно постановило ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью, а также находящихся при нем служащих. Далее постановлено привести настоящее решение в исполнение не позднее 18 июля 1918 г., причем ответственность за выполнение поручить тов. Юровскому Я. – члену Чрезвычайной комиссии.

Председатель исполкома *Белобородов*, военком *Голочекин* (так в документе. – *В.Х.*), нач. ревштаба *Мебиус*.

Екатеринбург, 14 июля 1918 г. 20 ч. ночи»939.

На документе стоят две небольшие круглые печати: «Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» и «Военно-революционного комитета».

Обращает на себя внимание несоответствие некоторых реквизитов бланка документа и официального обозначения учреждений. Имеется искажение подписи Голощекина на латинский манер. Таинственная личность Мебиуса до сих пор однозначно не определена. Все это вызывает подозрение в подлинности документа.

В том же издании имеется фотокопия списка «расстрельной команды» за подписью Юровского, но с тем же странным набором реквизитов бланка документа. «Список команды особого назначения в дом Ипатьева (1-й Камышл. стрелк. полк). Комендант: Горват Лаонс, Фишер Анзелм, Эдельштейн Изидор, Факете Эмил, Надь Имре, Гринфельд Виктор, Варгази Андреас. Обл. ком.: Ваганов Сергей, Медведев Павел, Никулин.

Гор. Екатеринбург, 18 июля 1918 г. Начальник Чрезвыч. ком. *Юровский*»940. Документ вызывает сомнение в подлинности не только по реквизитам бланка, но и по содержанию. Почему список подписан и датирован после расстрела царской семьи? Есть сомнения относительно соответствия подписей под указанными документами и ряду другим вопросам. И все же мы приводим эти сомнительные материалы, так как что-то подобное должно было существовать в действительности. Однако вернемся к белогвардейскому следствию.

Н.А. Соколов установил, что 17 июля в аптекарский магазин «Русское общество» явился снабженец Зимин и предъявил управляющему Мецнеру письменное требование комиссара Петра Лазаревича Войкова: «Предлагаю немедленно, без всякой задержки и отговорок выдать со склада пять пудов серной кислоты предъявителю сего. Областной комиссар снабжения Войков». В тот же вечер Зимин появился еще раз за новой порцией японской серной кислоты941. Всего было получено 11 пудов 4 фунта серной кислоты на сумму196 руб. 50 коп. По показаниям свидетелей было установлено, что с 17 по 19 июля отрядом «похоронной команды» охранялась территория размером около двух квадратных верст. Ранним утром 18 июля в Коптяковский лес приехал грузовой автомобиль, а спустя несколько часов еще один. Они, по мнению следствия, привезли бензин и бочку в 10–12 пудов керосина, и еще 3 бочки, вероятно, со спиртом. Сюда же были доставлены серная кислота и лопаты. Позднее на дне шахты белогвардейцами был обнаружен женский палец, который был хирургически профессионально отделен по линии межфалангового сустава: края сустава и кожа среза были ровными. Видимо, кому-то приглянулось кольцо, которое не снималось.

Однако следователю Н.А. Соколову не удалось до конца тщательно обследовать весь маршрут следования чекистов на автомобиле с царскими останками. Он только прошелся по нему и досконально обследовал район Ганиной ямы, где были найдены обгоревшие фрагменты одежды и другие вещественные улики. Помешало наступление Красной Армии. Н.А. Соколов в июле 1919 г. получил секретное предписание от генерала М.К. Дитерихса об эвакуации актов следственного производства на восток:

«Совершенно секретно.

По докладу моему и по повелению Верховного Правителя приказываю Вам выехать из г. Екатеринбурга и вывезти вместе с собой все акты подлинных следственных производств по делам об убийстве отрекшегося от престола Государя императора Николая II, его семьи и великих князей вместе с вещественными по сим делам доказательствами и обвинениями.

В настоящий момент Вы имеете принять все меры к сохранению указанных следственных производств в месте, о котором Вы имеете получить личные мои указания и где Вы должны пребывать впредь до получения Вами особых распоряжений.

Всем военным властям и гражданским вменяю в обязанность оказывать Вам полное, в исполнении возложенного на Вас волей Верховного Правителя приказания, следствие.

Главнокомандующий Генерального штаба генерал-лейтенант *М.К. Дитерихс*.

Начальник штаба Генерального штаба полковник *Сальников*»942.

Однако для большевиков это секретное предписание, как выяснилось позднее, не составляло тайны. За документами началась «большая охота». Поезд неоднократно подвергался нападениям со стороны красных партизан. Отдельные документы попали в руки чекистов. Изыскания материалов белогвардейского проводились чекистами и позднее на территории Урала, Сибири, Дальнего Востока, Харбина и даже Западной Европы. Так, например, помощник прокурора Екатеринбургской губ. по 4-му участку Постников сообщал в Истпарт при Уралбюро ЦК РКП(б) 18 января 1923 г.:

«Истпарт, тов. Быкову.

На Ваше письмо от 27 декабря 1922 г. за № 396 сообщаю, что мною из быв. архива Окружного Суда действительно изъято дознание по делу убийства быв. царя Николая II и великих князей в Алапаевске и все дела эти, сего числа за № 71, переслано Губернскому прокурору т. Горохову для передачи Вам.

Никаких других дел кроме указанного у меня нет и не было.

Пом. прокурора *Постников*»943.

Генерал М.К. Дитерихс еще до окончания официального следствия поспешил в своей книге «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале»

(Владивосток, 1922) объявить, что, «по мнению комиссии, головы членов царской семьи и убитых вместе с ними приближенных, были заспиртованы в трех доставленных в лес железных бочках, упакованы в деревянные ящики и отвезены… в Москву Янкелю Свердлову, в качестве безусловного подтверждения, что указания… центра в точности выполнены…». Именно генерал Дитерихс первый высказал предположение, что головы были отделены от трупов и увезены в Москву, что доказывается отсутствием зубов на месте предполагаемого сожжения тел, т. к. зубы не горят и их должны были обнаружить следователи на месте кострищ. Н.А. Соколов выступил против такого вывода и продолжал поиск тайного захоронения в районе «бывшего чекистского оцепления». Поиски под Екатеринбургом с весны до июля 1919 г. велись с особой тщательностью в районе шахты, где находились кострища. Достаточно сказать, что в обследовании ближайшей местности участвовало около 2 тыс. человек: бойскаутов, солдат и др. Генерал Дитерихс в своей книге отмечал: «Работали ножами, была пересмотрена почва всей площадки на глубину протоптанности верхнего его слоя. Затем были сняты верхние слои земли из-под костровищ и с глиняной площадки и просеяны через решета, и, наконец, как эта просеянная земля, так и земля, снятая вокруг шахты № 7, промывалась на системе решет».

Несмотря на такую скрупулезность, не было обнаружено ни одного из зубов убиенных, а ведь известно, что зубы практически не горят. Остатки костра, около шахты, как показало следствие, были частично раскиданы, частично сброшены в шахту. На месте костровищ и в шахте были обнаружены небольшие фрагменты порубленных костей, которые часто при прикосновении к ним рассыпались, найдены свыше двадцати кусочков свинца, пулевые оболочки, из которых вытек свинец, цепочки, драгоценные камни, фрагменты обуви и одежды с элементами повреждения рубящими орудиями, следы растопленного сало… Размеры несгоревших головешек, по мнению следователей, свидетельствовали о том, что огонь был продолжительным и сильным. Следствию не удалось провести научную экспертизу фрагментов костей, найденных в кострах около шахты. Врач-эксперт Белоградский сделал общее предварительное заключение: «Что же касается костей, то я не исключаю возможности принадлежности всех до единой из этих костей человеку. Определенный ответ на этот вопрос может дать только профессор сравнительной анатомии. Вид же этих костей свидетельствует, что они рубились и подвергались действию какого-то адепта, но какого именно, сказать может только научное исследование». Генерал Дитерихс по этому поводу отметил: «В то время произвести такое исследование было невозможно, но как-то трудно предположить, чтобы посторонние кости могли попасть в костер вместе с предметами одежды, белья и обуви царской семьи». Несогласованные

публичные выступления участников белогвардейского следствия породили питательную среду для появления различных слухов и сомнительных версий, в том числе об отрубленной царской голове. В Берлине в 1921 г. капитан П.П. Булыгин (участник белогвардейского следствия) говорил, что такой факт «несомненно имел место». В известной книге С.П. Мельгунова «Судьба императора Николая II после отречения» (Париж, 1951) дана сноска с такой версией: «Отметим одну такую фантастическую “быль”, которая в основе своей создана была разговором местных жителей и которая служит как бы эпилогом к екатеринбургской драме. Упомянуть о ней стоит уже потому, что распространение ее связано с именем капитана “Б”, помогавшего ведению следствия Соколова, – по крайней мере, на него, на его авторитетное свидетельство ссылается в 29-м г. автор статьи в парижском «Русском времени», впервые на столбцах эмигрантской прессы этот апокриф. Дело идет не более, не менее как о том, что в Москву среди вещественных доказательств, имевших отношение к убийству в д. Ипатьева, была доставлена в особой “кожаной сумке” стеклянная колба, наполненная красной жидкостью, в которой находилась голова казненного императора!..».

Удивляться таким вещам не приходится, если поискать соответствующие примеры. Известно, что в 1920-х гг. в Петрограде на всеобщее обозрение публики выставлялась отрезанная заспиртованная голова известного бандита Леньки Пантелеева, который длительное время наводил ужас и был неуловим для сыщиков уголовного розыска. О наличии этого «экспоната» можно убедиться в одном из музеев Санкт-Петербурга и в наше время. Подобная практика советских властей имела широкое место при ликвидации главарей басмачей в 1920-х и 30-х гг. в Средней Азии.

7 декабря 1928 г. в немецкой газете «Ганноверише Анцайгер» появилась статья об отрубленной «царской голове», принадлежащая перу некоего пастора Курт-Руфенбургера, в которой сенсационно сообщалось:

«Всем известно, что большевики убили императора Николая II со всей его семьей 18 июля 1918 года в городе Екатеринбурге. Насколько я знаю, менее известным является тот факт, что инициаторами этого злодеяния были Троцкий и Зиновьев. В Германии по сию пору никто не знает, что большевики сделали с головой убитого Государя; об этом я имею возможность самые точные сведения».

Председатель революционного комитета Уральской области Белобородов телеграфно сообщил о расстреле Царской семьи в Москву. Телеграмма была адресована на имя Троцкого и Ленина и была получена 18 июля, и ее

содержание было сообщено только большевистским комиссарам. Официальное сообщение об убийстве Царской семьи было опубликовано несколько дней спустя, когда большевики не могли более скрыть от народа эту весть, которая окольными путями стала обще известна.

Я хочу подробно и нарочно подчеркнуть то обстоятельство, что известие об убийстве Царской семьи было получено в Берлине 18 июля. Никто в Берлине этому слуху не верил. 19 июля московская радиостанция перехватила радиограмму из Берлина в Вену, в одну из самых руководящих венских газет, в которой сообщалось следующее: “Царь со всей семьей увезен своими приверженцами в надежное место”. Эта радиограмма до такой степени обеспокоила большевиков, что Троцкий потребовал от Белобородова более подробных сведений и вещественных доказательств смерти Государя. Телеграмма гласила следующее: “Желаю иметь точные сведения о том, понес ли тиран России заслуженную кару”.

В ответ на эту телеграмму был получен 26 июля запечатанный кожаный чемодан, в котором находилась голова Государя. Более серьезных вещественных доказательств прислать было невозможно. 27 июля по приказу Ленина были собраны верхи большевистской диктатуры, которым была показана «посылка» из Екатеринбурга. На этом собрании было установлено, что в кожаном чемодане в стеклянном сосуде находится голова императора Николая II, о чем был составлен протокол за подписью всех присутствующих большевиков: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Дзержинского, Каменева, Калинина и Петерса.

На этом собрании Каменевым был поднят вопрос о том, что делать с головой убитого императора. Большинство присутствующих было того мнения, что нужно уничтожить эту голову, только Зиновьев и Бухарин предложили сохранить ее в спирте и оставить в музее в назидание будущим поколениям. Это предложение было отвергнуто, и решено голову Государя уничтожить, дабы – по выражению Петерса – нежелательные элементы не поклонялись ей, как святыне, и не вносили бы в простые умы смуты. Исполнение этого решения было поручено Троцкому.

В ночь на 28 июля, то есть спустя 10 дней после убийства Царской семьи, должна была быть сожжена голова Государя.

О том, как происходило сожжение головы, я передаю со слов очевидца: к назначенному времени я был у ворот Кремля. Начальник караула пожелал узнать, куда я хочу идти. Я ему показываю документы и письмо к коменданту Кремля. Документы его не удовлетворяют, и он отправляет меня в

сопровождении красноармейца в комендатуру. Мимо меня проезжают в автомобиле Петерс, рядом с ним сидят женщины. В комендатуре я предъявил вновь свои бумаги. Звонят Троцкому по телефону, и он ничего по сему поводу не знает. Звонят Бонч-Бруевичу, и только через полчаса я получаю разрешение идти дальше. Комендант меня сопровождает, и от него я узнаю, что сожжение головы Государя будет происходить в одном из флигелей, в котором была когда-то кухня. Проходим мимо Архангельского собора и старого монастырского здания; у входа стоит часовой, который вытягивается при виде коменданта. Еще несколько шагов, и мы подходим к маленькому флигелю, перед которым стоит несколько человек, тихо между собой разговаривающих и курящих папиросы. Покрапывает дождик, за Москвой-рекой виден пожар, мимо нас несется кремлевская пожарная команда, церковные колокола бьют в набат. Крыленко шепчет: «Тени старой России оплакивают своего бывшего властелина». Раздается гром, молния, и я вижу, как один из присутствующих крестится. Крыленко восклицает: “Черт возьми, едва я не сделался виновником этого несчастия”. Комендант открывает входную дверь флигеля, и мы попадаем в маленькое помещение, слабо освещенное горящей печью и керосиновой лампой. Теперь я имел возможность ближе рассмотреть остальных присутствующих – их было человек 20. Между ними Эйдук, Смирнов, Бухарин, Радек с сестрой и несколько других. Немного погодя появляется Петерс с Балабановой, за ним следует Коллонтай, Лацис, Дзержинский и Каменев. В маленьком помещении стало до того душно, что нечем стало дышать. Все очень нервны и возбуждены, только Коллонтай (впоследствии посол Советов в Осло и Мексике) кажется более сдержанной, подходит ближе к горящей печке и чистит свое платье. Последним появляется Троцкий. При его появлении на стол ставят 4-угольный чемодан. Троцкий здоровается с присутствующими, испытывающее смотрит на них и затем, переговорив с Дзержинским и Бухариным, приказывает открыть чемодан. Он сразу же настолько быстро окружается любопытными, что я остаюсь сзади, не могу рассмотреть, что там происходит. С одной из женщин делается дурно, и она отходит от стола. Троцкий ему поддакивает. Дзержинский в комическиэлегантной форме старается помочь Коллонтай, усаживает ее на скамью у стены. Теперь и я имею возможность рассмотреть содержимое кожаного чемодана. В нем оказался толстый стеклянный сосуд с красноватой жидкостью; в жидкости – голова императора Николая II. Мое волнение до такой степени велико, что я с трудом могу узнать знакомые черты. Но сомнений быть не может: перед нами лежит голова последнего русского Царя – доказательство страшного злодеяния, совершенного 10 дней тому назад у подножия Уральского хребта. Этот ужас испытывают и все остальные. Слышатся замечания. Бухарин и Лацис удивляются тому, что Царь так рано поседел, и действительно волосы на голове и бороде белы. Возможно, что это – последствия последних

трагических минут перед мученической кончиной, жертвой которой он пал вместе со своей супругой и своими возлюбленными детьми. Возможно, что это – последствия войны, революции и долгого заточения. Троцкий требует от присутствующих расписаться в том, что они были свидетелями виденного. Таким образом, составляется второй протокол. Коллонтай исчезла, но ее место заняло еще несколько любопытных. Среди них узнаю Крестинского, Полякова и нескольких матросов. По подписании протокола все еще раз осматривают стеклянный сосуд, и видно по их лицам, что им не по себе. Бухарин, желая рассеять это тягостное настроение, пытается произнести несколько слов, освещая этот вопрос с революционной точки зрения, но быстро обрывается и замолкает. Даже хладнокровный Лацис нервно пощипывает свою белобрысую бороду и смотрит своим косым взглядом на стол. Троцкий приказывает поднести сосуд к пылающей печи. Все склоняют головы, невольно расступаясь, но это только на одно мгновение: настоящие коммунисты не могут показывать свои внутренние переживания»944.

Данная публикация немецкой газеты обращает на себя внимание абсурдностью ситуации и набором перечисленных лиц известных лидеров большевиков, многие из которых в это время не могли находиться в Москве. Однако подобные публикации вызвали новую волну сенсационных статей и изысканий. Так, например, Валерий Родиков сообщил еще о подобной тайне: «Одному своему знакомому, ставшему потом невозвращенцем, председатель ВСНХ В.В. Куйбышев за бутылкой, будучи в основательном подпитии, рассказал следующее. После смерти Ленина была создана комиссия, чтобы описать документы и бумаги, хранящиеся в его сейфе. В комиссию входил узкий круг лиц: Дзержинский, Куйбышев, Сталин… Дальше не упомнил.

Вскрыли сейф. А там был сосуд с заспиртованной головой Николая II при усах и бороде. Стали рядить-судить, что с ней делать. Вызвали арестантов из ОГПУ. Они и замуровали голову где-то в Кремлевской стене. От свидетелей избавились.

Видно, после того как Голощекин доставил ящики Свердлову, состоялось опознание царской головы. Не исключено, что оно проводилось в кабинете Ленина, а потом Ильич запер сосуд в сейф. Да так и осталась там голова до кончины вождя. В сутолоке горячих будней не до нее было. А потом ворвалась болезнь.

Ныне сняты некоторые строгие запреты. На сцене Малого театра идет пьеса “Политическое убийство”. В спектакле есть такая сцена. Вернувшийся из Москвы (это на самом деле, как мы знаем, был Голощекин) с приказом

расстрелять Романовых на прямой вопрос: “Кто дал приказ?” – нехотя отвечает: “Свердлов… – И после паузы добавляет: – И Ленин”. – “Покажи бумагу!” – требует собеседник. “Ты с ума сошел? Какая бумага?!!”»945.

Отметим, что хронологические рамки событий по «уголовному делу», которым занимался следователь Н.А. Соколов, охватывали период от свершения Февральской революции, ареста и расстрела царской семьи (в т. ч. великих князей в Перми и Алапаевске), до появления самозванцев, которые объявляли себя в России и за рубежом «спасшимися чудом» Романовыми. В числе свидетелей, проходившему по этому делу, были известные государственные деятели: А.Ф. Керенский, князь Е.Г. Львов, П.Н. Милюков и др. В конце следствия Н.А. Соколов написал книгу по результатам проведенного им дела. Она широко известна в настоящее время в России под названием: «Убийство царской семьи» (Берлин, 1925; М., 1990). В этом фундаментальном труде Соколов с некоторыми оговорками приходит к выводу о том, что останки царской семьи, скорее всего, были сожжены. В эмигрантской газете «Последние новости» (Париж), в статье по следственным материалам об екатеринбургской трагедии, указывалось: «В июле 1918 г. в Сибири развивались серьезные события. Белые войска и чехословаки продвигались к Уралу, союзники готовили вооруженное вмешательство против большевиков с Дальнего Востока. Но интересы большевиков не совпадали на этот раз с немецкими, и они задержали царскую семью в Екатеринбурге. Большевики боялись, чтобы немцы не захватили царя, но так же сильно пугала их возможность освобождения его сибирской армией. Убийство устранило эту опасность. “Немцы, – пишет Соколов, – были поставлены перед следующей дилеммой: спасти царя, порвав с большевиками, или оставить его на произвол судьбы – сохранив хорошие отношения с советами. Они отлично отдавали себе отчет, что ни одна русская партия, благосклонная к немцам, не могла занять место большевиков, потому что ни одна национальная партия не признала бы Брест-Литовского договора. Немцы сделали выбор и купили союз с большевиками ценою крови царя. Вот мое глубокое убеждение, основанное на данных собранных следствием”»946.

Следует подчеркнуть, что русская эмиграция в своей массе разделяла аргументацию, приведенную белогвардейским следствием по делу убийства царской семьи. Хотя были сторонники версии спасения Романовых и, появившейся в середине 1920-х гг. самозванки Анны Андерсен, которая выдавала себя за младшую дочь Николая II великую княжну Анастасию.

Соколов Николай Алексеевич (1882–1924) – родился в г. Мокшане Пензенской губернии, окончил Пензенскую мужскую гимназию и юридический факультет Харьковского университета. До революции служил в должности судебного

следователя по важнейшим делам при Пензенском губернском суде. Он не принял советскую власть и в 1918 г., переодевшись в крестьянскую одежду, нелегально перешел линию фронта и оказался в стане белогвардейцев. В начале 1919 г. в его руки было передано следствие по делу убийства царской семьи в Екатеринбурге и великих князей в Алапаевске. До самого последнего момента вел поиск тайного захоронения царской семьи, при наступлении красных эвакуировал следственные материалы сначала в Читу, затем в Харбин (Китай). Там, на случай непредвиденных обстоятельств, они были скопированы в нескольких экземплярах и с помощью французского генерала Жанена доставлены в Европу. Один из комплектов делопроизводства остался в руках белогвардейского генерала М.К. Дитерихса, который использовал их при написании своего труда: «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале». (Ч. 1–2. Владивосток, 1922.)

Находясь в эмиграции во Франции, Н.А. Соколов продолжал следствие и собрал обширный дополнительный материал. Весь комплект документов был использован им при написании книги «Убийство царской семьи» (Берлин, 1925), которая вышла в свет на русском языке уже после неожиданной и во многом таинственной его смерти. В ноябре 1924 г. он был похоронен на кладбище местечка Сальбри (недалеко от Парижа), где его друзья поставили на могиле крест с надписью: «Правда Твоя – Правда вовеки». После него осталась вдова и двое маленьких детей.

Позднее помощник Н.А. Соколова по следствию капитан Павел Петрович Булыгин выступил на страницах периодической печати со статьей «Роль Ленина в Екатеринбургской трагедии. (По личным воспоминаниям участника расследования Н.А. Соколова)», в которой указывал:

«…Ленин отправил Голощекина для организации екатеринбургского преступления.

Двое других: Войков и Сафаров были похожи на него, – Ленин знал, кого посылал. Ленин – безусловно, главная и центральная фигура совершенного в Екатеринбурге злодеяния. Как бы ни паясничал Свердлов перед германским послом в Москве графом Мирбахом, говоря о власти на местах и о невозможности для неокрепшей еще Москвы сладить с вышедшим из повиновения Екатеринбургом, как ни старались они свалить вину на эсеров, разыграв для этого комедию суда над «цареубийцами», следствие вскрыло истинную сущность обстановки: в одной из захваченных белыми лент прямого провода Екатеринбурга с Москвой, брошенных неосмотрительно большевиками в спешно очищаемом ими Екатеринбурга, говорится:

– Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Другая телеграмма Свердлову:

– Сообщи решение ЦИКа и можем ли мы оповестить население известным вам текстом. Ответ Свердлова:

– В заседание президиума ЦИКа от 18 постановлено признать решение уральского областного совдепа правильным. Можете публиковать свой текст. У нас вчера во всех газетах было помещено соответствующее сообщение. Передано точный текст нашей публикация: "Расстрел Николая Кровавого"…

Этот разговор Свердлова с Голощекиным вскрывает истину: Екатеринбург не мог говорить об убийстве царской семьи без разрешения Москвы. Москве заранее был известен текст, которым Екатеринбург об этом убийстве объявит. Москва знала о готовящемся убийстве. Москва разрешила убить.

Ленин не мог не быть в курсе готовящегося в Екатеринбурге дела. Вспомним, как уверенно просто принял он сообщение о случившемся: 17 июля в Кремле, на заседании Совета народных комиссаров, наркомздрав д-р Семашко делал доклад; в середине доклада в зал заседания вошел Свердлов, сел в кресло позади Ленина и что-то сказал ему на ухо. Ленин поднялся, остановил говорившего Семашко и объявил:

– Товарищи, председатель ВЦИКа только что сообщил мне, что в Екатеринбурге по приговору уральского областного совдепа, расстрелян бывший царь…

Наступило молчание. Ленин предложил д-ру Семашко продолжать прерванный доклад. Больше ничего.

Тот, кто знает приемы политической работы Ленина, его исключительное уменье устраивать дела, прикрываясь безответственными массами… Интересы многих сошлись в Ипатьевском доме. Это понял Ленин и подтолкнул, кого надо.

Ленин есть основная фигура в екатеринбургской трагедии»947.

Судьба архива Н.А. Соколова оказалась сложной. Основной архив был передан его вдовой князю Николаю Владимировичу Орлову (1895–1960), который оказывал материальную помощь следствию в эмиграции. Позднее эти уникальные документы, в том числе подлинные и в единственном экземпляре, были проданы на аукционе «Сотби». Их приобрел князь Лихтенштейнский Ханс

Адам II. Другие комплекты копий архива Н.А. Соколова оказались в различных архивохранилищах и библиотеках нескольких стран мира; отдельные тома оказались и в России.

Некоторые из монархистов позднее обвиняли следователя Н.А. Соколова в необъективности, т. к. он в своей книге и при ведении следствия позволял себе игнорировать версии о спасении Романовых. Он подвергался критике за антинемецкие позиции, за то, что обвинял немцев в пособничестве большевикам, а также критиковался за многие другие грехи, вплоть до «сионистского заговора». Правда, эта критика была в меньшей степени, чем подверглась ей подобная книга английского журналиста Р. Вильтона: «Последние дни Романовых» (Лондон, 1920; Берлин, 1923).

Несмотря на перечисленные недостатки, труд следователя Н.А. Соколова является наиболее существенным вкладом в раскрытии тайны убийства царской семьи и великих князей на Урале.

Большевики в 1918 г. не ограничились убийством только царской семьи. Они продолжали свое кровавое и тайное дело в Алапаевске, где были уничтожены ряд членов императорской фамилии и их приближенных, в том числе родная сестра царицы, великая княгиня Елизавета Федоровна. Это преступление было совершенно по аналогичному сценарию убийства Михаила Романова в Перми и царской семьи в Екатеринбурге. Позднее в январе 1919 г. большевики, откинув все правила морали и приличия, открыто расстреляли четверых великих князей во дворе Петропавловской крепости, преподнеся это как акт возмездия «мировой буржуазии» за репрессии к революционерам, убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии.

Глава XI

Путь на эшафот: Алапаевск

Весной 1918 г. Романовых, высланных из Петрограда, постоянно «передислоцировали» по Уралу. Документы фиксируют их передвижение, которое проходило под тщательным контролем властей Екатеринбурга, в свою очередь контролируемых из Петрограда, а затем и Москвы. Предоставим слово документам.

На Вятский 2-й общий губернский съезд Советов отправляется с Урала А.Г. Белобородов. Он выступает на съезде, в результате чего 19 апреля здесь принимается резолюция «О выселении находящихся в г. Вятке представителей

дома Романовых». В резолюции съезда указывалось: «Считаясь со слаборазвитым революционным движением в городе Вятке, общегубернский съезд Советов, во избежание всякого рода контрреволюционных эксцессов, постановляет: выслать бывших великих князей, живущих в г. Вятке, из пределов губернии в недельный срок. Место высылки определяется по соглашению с Областным Советом – Пермь или Екатеринбург. Резолюция принята большинством, против 1 и двух воздержавшихся».

27 апреля в Екатеринбург пришла телеграмма Вятского губисполкома с извещением о высылке великих князей:

«[По] постановлению губернского съезда выселяются [в] Екатеринбург бывшие князья Романовы [в] числе шести человек прислуги три человека. № 64. Председател[ь] губис[пол]кома *Чирков*»948.

Таким образом, после месячного пребывания в Вятке великие князья на короткий период оказались в Екатеринбурге. Сюда же была выслана родная сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна.

В этот период в местных газетах были помещены лаконичные сообщения о высылке великой княгини Елизаветы Федоровны. Так, пермские «Известия» от 14 мая 1918 г. дали следующую информацию: «На днях… выслана бывшая великая княгиня Елизавета Федоровна, проживающая в Марфо-Мариинском монастыре в качестве настоятельницы. Мотивы высылки те же, по которым в свое время были высланы из Петрограда бывшие великие князья. Пребывание в столице членов семьи Романовых признано недопустимым»949.

Марфо-Мариинская община была основана великой княгиней Елизаветой Федоровной, вдовой московского генералгубернатора, великого князя Сергея Александровича, убитого 4 февраля 1905 г. эсером Иваном Каляевым. Воспитанная в религиозном духе, она просила не наказывать убийцу мужа и по окончании траура решила посвятить всю свою жизнь служению Богу и обездоленным.

До гибели супруга о Елизавете Федоровне ходили самые общие сведения: немка по национальности, выйдя замуж за члена русской императорской фамилии, приняла православие. В то время говорили, что в Европе есть две красавицы, и обе Елизаветы: Елизавета Австрийская, супруга императора Франца-Иосифа, и Елизавета Федоровна. В 1888 г. Елизавета Федоровна с супругом совершила поездку в Иерусалим, где присутствовала на освящении храма во имя Равноапостольной Марии Магдалины. Елизавета Федоровна произнесла тогда слова, которым суждено было исполниться: «Как я хотела бы быть

похороненной здесь!»950. В годы Русско-японской войны она открыла в Кремле мастерские, чтобы помогать увечным воинам… После покушения и гибели мужа от бомбы террориста, она несколько лет носила траур, пока не облеклась в монашеское одеяние.

Готовиться в монашество великая княгиня Елизавета Федоровна начала с того, что собрала все принадлежавшие ей личные драгоценности, включая обручальное кольцо, и поступила с ними таким образом: полученное как подарки от российских родственников передала в казну, вторую часть посчитала нужным раздать близким, третью же долю продала. Ей требовались деньги, так как она присмотрела в Москве усадьбу с четырьмя домами и большим садом, где задумала обосновать обитель. И не просто монашескую.

Денег, вырученных от продажи драгоценностей, не хватало, и Елизавета Федоровна решила расстаться с тем, чем еще владела, – картинами знаменитых художников. Зато поставленной цели своей достигла: в начале апреля 1910 г. 17 монахинь во главе с великой княгиней поселились в обители, названной Марфо-Мариинской в честь святых Марфы и Марии.

– Я оставляю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, – сказала в то время Елизавета Федоровна своим сподвижницам, – но вместе с вами вхожу в более великий мир – мир бедных и страдающих…

День здесь начинался в шесть часов – забот хватало всем. Сестры обители прошли курс основ медицины. При обители функционировали больница на 22 кровати, амбулатория и аптека для бедных с бесплатной выдачей лекарств, воскресная школа для девушек и женщин, библиотека, столовая для бедных и ряд других благотворительных учреждений. Действовал и приют для 19 девочек, преимущественно взятых с печально известного Хитрова рынка.

5 мая 1916 г. Московская городская дума отметила 25летие пребывания в Москве великой княгини Елизаветы Федоровны. Бывший генерал-губернатор Москвы В.Ф. Джунковский вспоминал: «Действительно, помощь раненым в Москве поставлена необыкновенно широко. Забывшим совершенно личную жизнь, ушедшая от мира вел. кн. Елизавета Федоровна была душой все добрых дел в Москве…»951. Напряженная работа Елизаветы Федоровны, полное отречение от мирских благ и всепоглощающая забота о раненых, больных и страждущих, ответственность за судьбы подопечных принесли ей признательность многих простых людей. И не случайно, когда в сентябре 1917 г. Временное правительство закрыло все общественные организации, которым покровительствовали члены императорской фамилии, Мариинскую обитель оно не тронуло.

После Октябрьского переворота дальнейшая участь общины стала неопределенной. В воздухе витали слухи о ликвидации ее, как гнезда «мракобесия и контрреволюции». Несомненно, наибольшая опасность грозила настоятельнице Марфо-Мариинской обители великой княгине Елизавете Федоровне. Высокопоставленный немецкий дипломат предложил ей уехать в Германию или вообще за границу. К удивлению многих, Елизавета Федоровна отказалась покинуть Россию, добавив: у нее нет никакого желания не только обсуждать с ним сложившуюся ситуацию, но и видеться с представителем враждебной державы…

В самом конце 1917 г., когда в Марфо-Мариинской общине было уже около 100 квалифицированных сестер милосердия, ее пытались закрыть. Однако благодаря заступничеству супруги В.И. Ленина Н.К. Крупской община продолжала существовать еще свыше 10 лет до ее окончательной ликвидации. Однако многие ее обитатели были вынуждены покинуть эти гостеприимные стены гораздо раньше и не по своей воле.

Символично, что 17 февраля 1918 г. Петроградским комитетом партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) была выпущена листовка, начинавшаяся словами: «Товарищи! В памятный день 4 февраля тринадцать лет тому назад бомбой социалиста-революционера Ивана Платоновича Каляева был убит в Москве царский опричник из шайки Романовых…»952. Так был отмечен своеобразный «юбилей» убийства супруга великой княгини Елизаветы Федоровны – великого князя Сергея Александровича. Тень смертельной угрозы нависла над жизнью представителей императорской фамилии.

22 апреля (5 мая) 1918 г. православный народ отмечал Пасху. На третий день святой Пасхи 24 апреля (7 мая), когда праздновался день Иверской иконы Божией Матери, Патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель милосердия (Москва, ул. Большая Ордынка, д. 34-а) и отслужил молебен.

Через полчаса после отъезда Патриарха Тихона настоятельница обители, великая княгиня Елизавета Федоровна по распоряжению Ф.Э. Дзержинского была арестована чекистами и латышскими стрелками. Узнав об этом, Патриарх Тихон попытался добиться ее освобождения, но тщетно: великая княгиня Елизавета Федоровна (в сопровождении келейницы Варвары Яковлевой и сестры обители Екатерины Янышевой) была отправлена в ссылку на Урал.

Вскоре после этого, 9 мая 1918 г., появилась заметка в газете «Новый вечерний час» (г. Петроград) об аресте великой княгини Елизаветы Федоровны, где сообщалось: «В Москве арестована последняя, бывшая еще на свободе, представительница бывшего царствующего дома вдова Сергея Александровича,

Елизавета Федоровна. После убийства Сергея Александровича Елизавета Федоровна постриглась в монахини и совершенно отстранилась от политики. Ни Временное правительство, ни Совет Народных Комиссаров не прибегли до сих пор к аресту Елизаветы Федоровны, несмотря на ее близкое родство с бывшей императрицей. Мы не знаем, чем вызвана ее высылка в Екатеринбург. Трудно думать, чтобы Елизавета Федоровна могла представлять опасность для Советской власти, и ее арест и высылка могут рассматриваться скорее как… гордый жест по адресу императора Вильгельма, брат которого женат на родной сестре Елизаветы Федоровны»953.

Газета «Известия Пермского окружного исполкома Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов» от 14 мая 1918 г. поместила заметку:

«Высылка бывшей княгини.

Москва, 10 мая (ПТА). На днях из Петрограда выслана бывшая великая княгиня Елизавета Федоровна, проживающая в Марфо-Мариинском монастыре в качестве настоятельницы. Мотивы высылки те же, по которым в свое время были высланы из Петрограда бывшие великие князья. Пребывание в столице членов семьи Романовых признано недопустимым»954.

Из Москвы чекисты привезли Елизавету Федоровну сначала в Пермь, а затем в Екатеринбург. По сведениям игумена Серафима (Кузнецов): «В Перми великая княгиня с сестрами были помещены в Успенском женском монастыре, многие насельницы которого наверняка помнили посещение ею их обители летом 1914 года. Во всяком случае, пермские монахини делали все возможное, чтобы облегчить положение заточниц. Большим утешением для великой княгини было ежедневное посещение монастырских богослужений. Пребывание великой княгини Елизаветы Федоровны в Перми не было длительным. На пути в Алапаевск была кратковременная остановка в Екатеринбурге, где одной из сестер удалось близко подойти к Ипатьевскому дому и через щель в заборе увидеть даже самого Государя»955.

Во всяком случае, среди архивных документов сохранилась почтовая открытка цесаревны Марии Николаевны, адресованной из Екатеринбурга великой княгине Елизавете Федоровне в Пермь от 17 мая 1918 г.:

«Воистину Воскресе!

Трижды тебя, дорогую, целуем. Спасибо большое за яйца, шоколад и кофе. Мама с удовольствием выпила первую чашку кофе, очень вкусный. Ей это очень хорошо от головных болей, у нас как раз не было взято с собой. Узнали из

газет, что тебя выслали из твоей обители, очень грустили за тебя. Странно, что мы оказались в одной губернии с тобой и моими крестными. Надеемся, что ты можешь провести лето где-нибудь за городом, в Верхотурье или в каком-нибудь монастыре. Очень грустили без церкви. Мой адрес: Екатеринбург. Областной Исполнительный Комитет. Председателю для передачи мне. Храни тебя Бог. Любящая тебя Крестница»956.

К сожалению, судя по всему, эта открытка была задержана Уральским облисполкомом или ЧК, т. к. почтовые марки на ней не были погашены почтовым штемпелем.

Днем раньше, т. е. 3(16) мая, император Николай II в своем дневнике записал такую фразу: «Днем получили от Эллы из Перми кофе, пасхальные яйца и шоколад»957.

Из «спецхранов Лубянки» в ГА РФ были переданы на хранение ряд документов, которые проливают некоторый свет на эти события. В официальном письме ВЧК от 7 мая 1918 г. в Екатеринбургский Совдеп сообщалось: «При сем препровождается в распоряжение Совдепа Романова Елизавета Федоровна». На этом документе уральские власти сделали пометку: «11 мая доставлены в Екатеринбург: 1) Елизавета Федоровна Романова – настоятельница Марфо-Мариинской обители в Москве. 2) Сестра обители – Варвара Алексеевна Яковлева. 3) Екатерина Петровна Яношева». Все они были помещены в номер гостиницы Атаманова. В этот же день, 11 мая 1918 г., председатель Уральского областного Совета А.Г. Белобородов телеграфировал в ВЧК: «Бывшая великая княгиня Елизавета Федоровна Романова принята нами от Вашего представителя Соловьева для водворения на жительство в Екатеринбург»958.

Шла планомерная акция сосредоточения представителей династии Романовых на Урале. Для расправы над ними для лидеров большевиков необходимо было найти лишь подходящий «повод» или «предлог».

Но как увидим ниже, Екатеринбург счел нужным отправить ее в г. Алапаевск, как, впрочем, и князей Романовых. Алапаевск – небольшой провинциальный город, основанный в 1704 г., был соединен с Екатеринбургом и Нижним Тагилом железной дорогой. Перед Первой мировой войной в нем проживало около 10 тысяч человек.

Великий князь Сергей Михайлович вместе со своим слугой Ф.С. Ремезом поселился в одной из комнат квартиры В.П. Аничкова в Екатеринбурге. По вечерам великий князь играл с хозяином и его знакомыми в преферанс и вел беседы на различные животрепещущие темы. По свидетельству того же

Аничкова, великий князь: «Сергей Михайлович искренне советовал русской интеллигенции работать с большевиками, чтобы растворить их, невежд, в интеллигентном труде. Так он рассчитывал найти линию примирения, считая, что в методе управления большевиков много общего со старым режимом.

– Точь-в-точь как при Императорском правительстве, но только у большевиков все выходит в более карикатурном виде. То же держимордство, что и прежде, такой же шемякин суд, такое же взятничество.

К прошлому режиму Сергей Михайлович относился отрицательно…»959.

Молодые князья Константиновичи и В.П. Палей в начале ссылки были как будто совсем не удручены своим положением. Константин Константинович как-то даже сказал: «Мы, в сущности, рады нашему изгнанию. По крайней мере, узнаем жизнь и людей, которых, к сожалению, не знали»960.

В белогвардейских следственных материалах по делу убийства царской семьи сохранились показания П.А. Леонова о пребывании князей Романовых в Екатеринбурге: «Игорь Константинович обратился ко мне с просьбой найти ему и другим великим князьям комнаты. Он говорил при этом, что жить в гостинице им “дорого”, так как у них нет средств… Мы ходили к жилищному комиссару Жилинскому, чтобы получить право на эти комнаты… Он не дал разрешение на комнаты… Несколько раз я после этого бывал у князя в номере. Я предлагал ему скрыться и предлагал свой паспорт ему. Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам. Он высказывал при этом: “Я чувствую, что нам здесь жить не позволят. В Вятке к нам тоже хорошо относилось население. Нас оттуда перевели сюда. Отсюда тоже переведут”. Во вторник на Фоминой неделе (т. е. 14 мая. –*В.Х.*), когда я был у князя, какой-то красноармеец принес ему бумагу. Там говорилось, что все князья должны переселиться в Алапаевск, согласно постановлению местных «комиссаров»…»961.

17(30) апреля 1918 г. в Екатеринбург были привезены Николай II, Александра Федоровна и их дочь Мария, 23 мая – все остальные члены царской семьи.

В середине мая, когда в Екатеринбурге оказались почти все сосланные на Урал Романовы, Уральский Совдеп решил «рассредоточить» их, отправив часть членов императорской фамилии в Алапаевск. Это вызвало протест великого князя Сергея Михайловича, который 13 мая телеграфирует В.И. Ленину и Я.М. Свердлову из Екатеринбурга:

«Выслан из Петрограда 2 апреля [в] Вятку с правом свободного проживания. Через месяц [по] постановлению губернского съезда Советов выслан [в] Екатеринбург. Ныне постановлением областного Совета высылаюсь [в] Алапаевск. Болен ревматизмом, суровый климат заставляет просить перевести меня в Вологду или Вятку. Сергей Михайлович Романов»962.

Почти одновременно в телеграмме Екатеринбургского Совдепа от 14 мая 1918 г. сообщалось:

«Из Екатеринбурга.

Два адреса. Москва. Ленину. Свердлову.

Высланные (правильно, высылаемые. – *В.Х.*) [из] Екатеринбурга бывшие великие князья хлопочут [об] оставлении их [в] Екатеринбурге. Это, по мнению Облсовета, невозможно. Мы постановили выселение их [в] Алапаевск Верхотурского уезда. Предоблсовета Белобородов»963.

Получив эти телеграммы, Я.М. Свердлов дает следующий ответ:

«Екатеринбург. Сергею Михайловичу Романову.

Ходатайство Ваше [о] переводе Вас [в] Вологду отклонено.

Председатель Всероссийского Центрального

Исполнительного Комитета [Свердлов]»964.

Многие детали происходивших событий уточняет так называемое «Дело прокурора Екатеринбургского Окружного суда Иорданского об убийстве великих князей»965. Оно было вывезено из Екатеринбурга прокурором Иорданским, осуществлявшим надзор за следствием по делу царской семьи в 1918–1919 гг. Позднее в Семипалатинске прокурор был арестован и расстрелян. В деле сохранился документ, уникальность которого в том, что здесь приведены автографы, подлинные росписи алапаевских ссыльных.

Приведем документ полностью:

«Постановление областного Совета нам объявлено, и мы, нижеподписавшиеся, обязуемся быть готовыми к 9 1/2 часа утра для отправки на вокзал в сопровождении члена Уральской областной чрезвычайной комиссии 19 мая 1918 года.

[Великая княгиня] *Елизавета Федоровна*, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия. Князь *Иоанн Константинович*. Княгиня *Елена Петровна*. Князь *Константин Константинович*. Князь *Игорь Константинович*. Князь*Владимир Палей*. [Великий князь] *Сергей Михайлович Романов*»966.

Стоит отметить, что в Алапаевск 18 мая 1918 г. была направлена телеграмма Уральского областного Совета, в которой сообщалось:

«Постановлением [Уральского] облсовета высылаются [в] Алапаевск бывшие великие князья. Примите их представителя Чрезвычайной Комиссии Булачева. Нахождение их [в] Алапаевске [на] вашей ответственности.

Предоблсовета *Белобородов*»967.

По некоторым данным, кроме Булачева, Романовых сопровождали в Алапаевск еще трое сотрудников Уральской обл. ЧК: А.Г. Кабанов, Гринберг и Гольдфарб.

20 мая 1918 г. все расписавшиеся оказались в г. Алапаевске Верхотурского уезда, неподалеку от Екатеринбурга. В этот день было принято постановление Алапаевского исполкома. До нас дошла копия этого постановления:

«1918 года 20 мая Исполнительного Комитета заслушав докладчика тов. Булычева (так в документе. – *В.Х.*) о содержании бывших князей постановил:

Ввиду неполучения инструкции от [Уральского] областного Совета впредь до рассмотрения названного вопроса в местном Совдепе разместить бывших князей в здании народного училища 3-го начального с приставлением внутренней и наружной охраны, о чем и объявить названным гражданам право свободного посещения города до 8 часов вечера.

Члены: Г. Абрамов, Е. Соловьев, П. Останин.

Сергей Михайлович (в копии документа ошибочно указано Сергей Николаевич. – *В.Х.*) Романов, Елизавета Федоровна – настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия. Иоанн Константинович Романов, Константин Константинович Романов, Елена Петровна Романова, князь Игорь Константинович, князь Владимир Палей.

С подлинным верно:

Председатель *Гр. Абрамов*.

Секретарь *Д. Перминов*»968.

На документе имеется печать: «Алапаевск. Сов. Раб., Крестьянск. и Солд. Депут.».

Ко времени ссылки Романовых в Алапаевск город имел двухсотлетнюю историю. Один из «первенцев» петровской металлургии, Алапаевск был основан в 1704 г. и был старше Екатеринбурга. Перед Первой мировой войной в нем было всего 10 тыс. жителей, но слава алапаевского кровельного железа, выпускаемого на местном заводе, была мировой. Считалось, что алапаевское железо с клеймом «старый сибирский соболь» могло не ржаветь более 100 лет. В 1912 г. Алапаевск был соединен железной дорогой с Нижним Тагилом и Екатеринбургом. Романовы были помещены в каменном здании так называемой Напольной школы, расположенной на окраине Алапаевска. Это здание имело 4 большие и 2 маленькие комнаты с коридорной системой, в которых кроме князей размещалась и дежурная охрана красноармейцев. Угловую комнату с правой стороны коридора занимали Иоанн Константинович с супругой Еленой Петровной. На первых порах Романовы имели относительную свободу передвижения в черте города и посещали местную церковь. Именно здесь, под Алапаевском, на дне одной из шахт было суждено вскоре завершить свой крестный путь всем, кроме княгини Елены Петровны – супруги князя императорской крови Иоанна Константиновича.

Тюремный режим

Удивительное дело – жизнь алапаевских ссыльных протекала примерно так же, как у Михаила Романова в Перми. Сначала все шло нормально. Допрошенная следователем И.А. Сергеевым 25 октября 1918 г. Александра Кривова, бывшая служанка в доме, где жили великие князья в Алапаевске, рассказала следующее:

«Все вел[икие] князья помещались в здании так наз[ываемой] школы, расположенной на окраине гор. Алапаевска. Это здание имеет 4 большие и 2 маленькие комнаты. Кроме того, в маленькой комнате около входа помещались дежурные красноармейцы.

Все вел[икие] князья были доставлены в Алапаевск в мае месяце, причем сначала им была предоставлена свобода, они могли ходить по городу и гулять в поле. Приблизительно через месяц явились комиссар Кучняков и Ефим Соловьев, объявившие, что из Перми сбежал вел[икий] князь Михаил Александрович и что поэтому будет установлен за всеми строгий контроль. После этого наступила резкая перемена в условиях жизни: прогулки были прекращены, доставка провизии была ограничена до крайности, стали производиться внезапные, ничем не вызываемые обыски, отношение к б[ывшим] вел[иким] князьям со стороны стражи сделалось грубым и резким.

Кроме того, у всех были отобраны деньги. Тогда же было приказано выехать из Алапаевска лакеям вел[икого] князя Константина Константиновича] – Ивану и кн[язя] Палея – Крюковских. Выселили также и монахинь, состоявших при Елизавете Фед[оровне], – Варвару Яковлеву и Екатерину Петрову. Супруга вел[икого] кн[язя] Иоанна Константиновича – Елена Петровна сама уехала в Екатеринбург к детям»[969].

Телеграммы и документы позволяют проследить последовательность развития хода событий. «Побег» великого князя Михаила Александровича был использован местными властями как «детонатор» для ужесточения режима заключения Романовых в Екатеринбурге и Алапаевске. В свою очередь они выразили протест в телеграмме, направленной в 11 ч. 56 мин. 21 июня 1918 г. в Екатеринбургский Совдеп:

«Екатеринбург. Председателю областного Совета. По распоряжению областного Совдепа мы с сегодняшнего дня находимся под тюремным режимом. Четыре недели мы прожили под надзором Алапаевского Совдепа и не покидали здания школы и ее двора, за исключением посещения церкви всегда в сопровождении красноармейца. Не зная за собою никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников, находящихся в Алапаевске,

Се*ргей Михайлович Романов*»[970].

Алапаевские власти продолжали свое дело, но запрашивая при этом инструкции у Екатеринбурга. 21 июня в 14 ч. 20 мин. они телеграфировали:

«Военная. Екатеринбург. Областной Совет.

Считать ли прислугу Романовых арестованными, давать ли выезд. Основание 4227. Алапаевский Совдеп»[971].

В Екатеринбурге по получении 22 июня алапаевского запроса тотчас же дали ответ, очевидно, составленный по утвержденной ранее инструкции центром:

«Алапаевск. Совдеп.

Прислугу [на] ваше усмотрение, выезд никому [не позволять] без разрешения [в] Москву – Дзержинского, [в] Петроград – Урицкого, [в] Екатеринбург – Облсовета. Объявите Сергею Романову, что заключение является предупредительной мерой против побега, [в]виду исчезновения Михаила [из] Перми [№ 4249]. Белобородов»[972].

В этот же день – 22 июня 1918 г. Белобородов направляет в центр телеграмму:

«Из Екатеринбурга.

3 адреса: Москва. Чрезвычайная Комиссия Дзержинскому. Совнарком, высланная Бонч-Бруевичу. Председателю [В]ЦИК Свердлову.

[Из] Екатеринбурга Елизавета Федоровна переведена [в] Алапаевск. После побега Михаила Романова [в] Алапаевске нашим распоряжением [по] отношению всех содержащихся лиц Романовского дома введен тюремный режим. [№] 4263. Предоблсовета *Белобородов*»973.

Одновременно аналогичная по содержанию телеграмма пошла из Екатеринбурга и на берега Невы: «Петроград. Урицкому.

[По] отношению высланных вами великих князей, переведенных [из] Вятки [в] Екатеринбург, нами переведенных [в] Алапаевск, после побега Михаила Романова, введен тюремный режим. [№ 4265].
Предоблосовета *Белобородов*»974.

Как мы видим, согласование шло с тремя инстанциями только в Москве (включая лично В.И. Ленина, Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого и Ф.Э. Дзержинского), а в ряде случаев извещались в Петрограде Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и М.С. Урицкий. Так называемый «побег» Михаила Романова был использован властями как повод для ужесточения режима изоляции по отношению к членам династии Романовых, которые находились в руках большевиков.

Напомним читателю, что великий князь Михаил Александрович и его секретарь англичанин Н.Н. Джонсон были тайно похищены чекистами в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. и убиты недалеко от Перми. В печати одновременно было объявлено о похищении белогвардейцами Михаила Романова и непроверенных слухах об убийстве бывшего императора Николая II. Подобная дезинформация была многоцелевой: на фоне ложных сведений об убийстве царя достовернее выглядел «факт» об исчезновении Михаила Романова. Таким образом, исподволь зондировалась реакция народных масс, и подготавливалось общественное сознание о необходимости определения судьбы Николая II во избежание его побега и, наконец, все это позволяло советской власти ввести более жесткий режим по отношению к членам Императорского Дома. Позднее также ложно было объявлено в печати о побеге великих князей из Алапаевска.

Сделаем еще некоторые пояснения. Если верить Р. Вильтону, корреспонденту английской «Таймс» (а верить ему надо во всем с «допуском»), то великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра императрицы Александры

Федоровны, Алапаевск увидела второй раз в жизни. Накануне Первой мировой войны, объезжая монастыри и церкви Урала, она побывала и в Алапаевском соборе. Именно в нем она и была первоначально захоронена после казни чекистов и извлечения убиенных из шахты белогвардейцами.

Удивительна судьба второй женщины, сербской принцессы (дочери сербского короля Петра), супруги князя Иоанна Константиновича Елены Петровны. Подобно графине Н.С. Брасовой, она, оставив детей в Петрограде, последовала за мужем в ссылку. Княгиня Елена Петровна всеми силами пыталась спасти своего мужа от надвигающейся смертельной угрозы. Благодаря ее стараниям, 1 июня 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК заслушивается: «Отношение делегата Сербского правительства доктора Шайновича о ходатайстве дочери сербского короля Елены Петровны о разрешении переехать из Екатеринбурга в Вологду вместе со своим мужем Иоганном (так в документе. – *В.Х.*) Константиновичем и детьми». Однако хлопоты оказались напрасными. Постановление Президиума ВЦИК гласило: «Ввиду того, что постановку на обсуждение вопроса о перемене местопребывания всех бывших великих князей – Президиум считает несвоевременной, – ходатайство доктора Шайновича впредь до разрешения общего вопроса – не рассматривать»975.

Лишь незадолго до трагической развязки она покинула Алапаевск, надеясь добиться в центре освобождения мужа. Дальше события развертывались так. В 20-х числах июня личный секретарь королевны сербской С.Н. Смирнов получил полномочия с заверением от Карахана «согласия на прибытие Елены Петровны в Петроград». Причем в Екатеринбургский Совет за подписью Карахана была послана соответствующая телеграмма. После этого в сопровождении майора Жарко Константиновича Мичича и унтер-офицера Милана (Михаила) Божичича, и некоего Георгия Абрамовича, Смирнов и прибыл в Екатеринбург 4 июля 1918 г.

Здесь он нашел жившую в «номерах Артамонова» Елену Петровну. Оказывается, сербская королевна внезапно была задержана в Екатеринбурге.

«Как только княгиня Елена Петровна, – свидетельствовал С.Н. Смирнов 16 марта 1922 г. белогвардейскому следователю Н.А. Соколову, – узнала, что князь Иоанн Константинович переведен на тюремный режим, она сейчас же решила вернуться к мужу…»976. При этом она тогда же выдала Белобородову расписку следующего содержания: «Я, гражданка Королевства Сербского Елена Петровна, по мужу Романова, желая разделить тюремный режим мужа, добровольно возвращаюсь в Алапаевск, где обязуюсь переносить тот же режим, принимая на себя все расходы по моему содержанию. Я обязуюсь не

обращаться к защите иностранных посольств, а если таковые сделают шаги в мою пользу, я отказываюсь воспользоваться результатами этих шагов. Елена Петровна Королевна Сербская»977.

Вот здесь-то и начались «муки» Белобородова и местного ЧК, не знавшего, что им делать; с одной стороны, королевну нельзя было отпускать в Алапаевск, ибо расстрелять ее вместе с остальными Романовыми все же, как подданную иностранного государства, было нельзя. С другой стороны, куда же было девать ее, спрашивали себя чекисты, поскольку в Петроград королевна теперь уезжать не желала. А тут еще, ко всему прочему, начал ходить по всему начальству подряд приехавший не ко времени Смирнов и требовать отправить королевну в Алапаевск.

Она была нежелательным свидетелем подготовки расправы над Романовыми и являлась настойчивой защитницей их прав. Ее требования поддерживали иностранные миссии. Так, в письме сербского посланника Сполайковича в Петроградскую Коммуну от 28 июня 1918 г. указывалось: «Согласно моего ходатайства Совет Народных Комиссаров разрешил дочери Сербского короля княгине Елене Петровне приехать в Петроград из Екатеринбурга, куда я командирую за ней вагон. Ввиду предстоящего ее прибытия, я покорнейше прошу Иностранный отдел Юрисконсультской части Петроградской Коммуны дать распоряжение полномочному комиссару над имуществом Советской Республики гр. Киммелю об отсрочке до прибытия княгини Елены Петровны выселения из Мраморного дворца детей ее Королевского Высочества, а равно и их бабушки Елизаветы Маврикиевны, при которой они живут. Приезд княгини Елены Петровны я ожидаю уже недели через три и я уверен, что со стороны Петроградской Коммуны не встретится препятствий к удовлетворению сего моего ходатайства…»978.

Таким образом, сложилась следующая ситуация: князя Иоанна Константиновича не хотели освободить, как представителя Дома Романовых, подлежащего устранению с политической сцены, а княгиню Елену Петровну решили на какое-то время изолировать (как опасного свидетеля, защищенного иностранным подданством). Поводом для ареста княгини послужило появление в Екатеринбурге делегатов сербского посланника вместе со Смирновым. Дальнейшее происходило, по словам Смирнова, таким образом: «Около 8 часов вечера 7 июля наш вагон был окружен. К нам вошли какие-то люди и повели нас всех в чека.

Там мы подождали с полчаса в канцелярии, затем нас попросили наверх в комнату и там нас заперли. Мы были арестованы.

С нами же была Елена Петровна.

Скоро ее увели в соседнюю комнату, а в нашу вошла группа чекистов с неизвестным мне лицом во главе, распоряжавшимся обыском. Это лицо обратило главное внимание на майора и само производило у него личный обыск, обнаружив приемы опытного сыщика. Оно само ломало воротничок майора, осматривало тщательно подошвы его сапог и т[ому] п[одобное].

После этого я вышел в коридор, куда также вышла и Елена Петровна. По-французски она сказала мне: “Это постыдно. Меня обыскивали”. (Обыскивала ее женщина.)

Господин этот, который обыскивал майора, сказал княгине: “Мадам, прошу вас на иностранных языках не говорить”.

Красноармейцы, к которым я обратился за [с] вопросом, сказали мне, что человек этот Юровский, что он комиссар «Дома Романова».

В чека мы просидели до ночи на 20 июля»979.

Следует обратиться к материалам допроса княгини Елены Петровны местными чекистами в Екатеринбурге. Так, например, в протоколе допроса от 14 июля она показала следующее:

«Со дня переворота я с мужем и другими его родственниками жили в Петрограде. В марте 1918 года нам предложили выехать из Петрограда и место жительства предоставили нам выбрать самим – Вятка или Пермь. Мы 22 марта выехали в Вятку, где пробыли один лишь месяц, после чего Вятский Совет предложил нам направиться в Екатеринбург. Прожив до 5 мая (по старому стилю. – *В.Х.*) в Екатеринбурге, мы были отправлены (в количестве семи человек) Обласоветом в Алапаевск. В Алапаевске жили совершенно свободно, но недавно, приблизительно месяц тому назад, всем нам предложили не выходить из отведенного нам дома и поставили к нему стражу.

5 июня (по старому стилю. – *В.Х.*) я выехала из Алапаевска с разрешения Совета, чтобы посетить своих детей, которые находятся в Петрограде. Прибыв в Екатеринбург, я получила известия, что за мной послана Сербская миссия, и я решила ее дождаться. Миссия прибыла в Екатеринбург 3 июля. Между тем получилось известие, что Михаил Романов бежал из Перми, и в связи с этим я узнала, что мой муж и родственники заключены в тюрьму. Тогда я решила не ездить в Петроград и возвратиться в Алапаевск, чтобы разделить с мужем заключение. С помощью майора Мичич мне удалось выхлопотать разрешение

на проезд в Алапаевск английской сестры милосердия (имеется в виду английская подданная Ф.И. Риббул. –*В.Х.*) и фельдфебеля Божичич. Сама я дала в Обласовет подписку, что добровольно разделяю с мужем заключение. Выехать в назначенный день мы не успели, так как комиссар станции усомнился в правильности документов и не пропустил нас. На другой день мы все, находившиеся в вагоне Сербской Миссии, были задержаны и препровождены в Американские номера (в здании гостиницы Американские номера размещалась Уральская областная ЧК и камеры предварительного заключения. –*В.Х.*).

С английской сестрой, которая собиралась ехать вместе со мной, я познакомилась недавно у английского консула, когда заходила к нему сдать на хранение некоторые из драгоценностей.

Насколько я выяснила из разговора с ней, она путешествует уже давно: была в разных странах и государствах. Теперь направляется во Владивосток, чтобы ехать на родину. До сих пор она работала на Киевском фронте. Фамилия ее Рибуль (так в документе. – *В.Х.*). Поехать со мной она хотела просто из любезности.

Гр[ажданин] Смирнов был управляющим моими делами.

Подпись: *Елена Петровна Романова*, Королевна Сербская»980.

В этот же день были допрошены чекистами и члены Сербской миссии, в том числе фельдфебеля Милана Божичич:

«В Россию я приехал в 1916 году, в тот момент, когда формировались в Одессе наши 1-я и 2-я дивизии, вместе с другими сербскими солдатами и офицерами. В штабе 1-й дивизии я состоял на службе до 28 января 1917 года в качестве писаря. А затем был переведен в штаб, находившийся в Одессе. 18 января 1918 г. я вместе со всем штабом выехал из Одессы во Владивосток, но не будучи в состоянии проехать на Восток дальше Челябинска, наши эшелоны изменили путь и поехали на Архангельск. В Вологде я был оставлен и прикомандирован к Сербской Миссии в Москве.

В Миссии я служил в качестве писаря. Жил неотлучно в Москве до 5 июня, когда мы, Мирко Мичич, Сергей Смирнов, Георг Аврамович и я, выехали по приказанию начальника Миссии полковника Лондкевича в Петроград по делам службы. Цель нашей поездки в Петроград, как нам говорил посланник Сполайкович, заключалась в том, чтобы перевезти вещи, принадлежащие Романовой Елене Петровне, из Мраморного дворца на частную квартиру. Но через два дня вслед за нами в Петроград прибыл Сполайкович, который

запретил нам перевозить вещи и командировал в Екатеринбург, чтобы сопровождать Елену Петровну до Петрограда. В Екатеринбург мы прибыли 3 июля, и майор Мичич обращался в Обласовет за разрешением проехать в Алапаевск, которое он получил от тов. Белобородова. В воскресенье 6 июля мы были задержаны по неизвестным причинам и препровождены в Американские номера.

Гр[ажданина] Смирнова я знаю уже 10 лет – он жил в Белграде и работал в Министерстве Путей Сообщения.

Английскую сестру, которая находится вместе с нами в Американских номерах, я раньше никогда не видел. Во время стоянки на вокзале Екатеринбург I она посещала нас два раза. Насколько мне известно, Елена Петровна Романова выхлопотала ей в Обласовете разрешение на поездку вместе с нею до Алапаевска и обратно.

Подпись: *Милан Божичич*.

Допрос снимал член Чрезвычайной Комиссии *В. Горин*»981.

Интересен следующий факт. Президиум ВЦИК 25 июля 1918 г. возвращался к этому скандальному вопросу. В протоколе его заседания записано:

«*Слушали*: 10. Вопрос об ознакомлении с документами арестованных сербов в Екатеринбурге.

Постановлено: Поручить тов. Розенгольцу совместно с представителями Комиссариата] Иностр[анных] Дел и Следственным [отделам] Революционного Трибунала при ВЦИК ознакомиться с арестованными у сербов документами на предмет заключения дальнейшего ведения следствия по делу. Председателем комиссии назначить тов. Розенгольца»982.

Однако вернемся к материалам по сербской миссии в Екатеринбурге. Далее член сербской миссии Смирнов дает такую информацию. В ночь на 20 июля Я.М. Юровский забрал из ЧК княгиню Елену Петровну и остальных «сербов». Посадив их в поезд, он «дополнил» число узников графиней А.В. Гендриковой, Е.А. Шнейдер и камердинером А.А. Волковым. 23 июля все они были уже в Пермской тюрьме. Здесь екатеринбуржцы оказались в компании с арестованными по делу Михаила Романова камердинером В.Ф. Челышевым, шофером П.Я. Боруновым и др. Обратим внимание, что «арестанты» из Екатеринбургской тюрьмы были эвакуированы чекистами в Пермь уже после расстрела царской семьи. Напрашивается вывод, что при желании можно было

вывезти и узников Ипатьевского дома, но санкции на эту акцию из Москвы не поступало. В противном случае оставался бы на повестке актуальный вопрос, что дальше делать с Романовыми?

Любопытно сравнить документальные сведения, изложенные нами выше, и рукописные воспоминания участника тех событий, чекиста М.А. Медведева (Кудрина), которые были написаны им 6 октября 1957 г. В частности, он отмечал по делу «Сербской миссии», следующее:

«Весной 1918 года в город Екатеринбург прибыла Сербская миссия с письменным разрешением от наркома по военным делам Троцкого на выезд из Алапаевска в Екатеринбург, а отсюда через Москву в Сербию, жены великого князя Ивана Константиновича (правильно, князя императорской крови Иоанна Константиновича. – *В.Х.*), которая была урожденной сербской королевой – дочерью короля Сербии Петра. Но вместо этого прибывшая Миссия, в лице майора сербской службы Мигича (так в документе. – *В.Х.*), фельдфебеля Вожетича и управляющего делами сербской королевны – Смирнова, занялась установлением контактов с перевезенной 17 апреля 1918 года в Екатеринбург [семьей] свергнутого царя – в частности, добивалась свидания с самим Николаем II. Такого рода активность показалась подозрительной и Сербская миссия была временно арестована. Доставить великую княгиню Елену Петровну в ЧК было поручено мне. В екатеринбургской Атамановской гостинице мне указали номер, в котором жила княгиня – постучался: навстречу вышла молодая женщина невысокого роста, нос горбинкой. Пригласила войти, я вручил ей ордер на арест и попросил собрать вещи. Она встретила все очень спокойно, выразила сожаление, что ей придется расстаться с мужем, но утешалась тем, что увидит своих детей, которые остались в Петербурге. Подчеркнула, что поскольку по международным законам браки свергнутой династии автоматически расторгаются, то она уже не русская великая княгиня, а королевна Сербская, и что так и будет везде себя именовать. Я взял ее вещи, и мы спустились к извозчику, королевна хорошо говорила по-русски, мы с ней свободно беседовали. В ЧК ее допросили и через несколько дней отправили вместе с приехавшими за ней миссионерами в Москву. Там ее обменяли на захваченных в плен после подавления революции в Венгрии революционеров – Бела Кун, Матиаса Ракоши и других. В 1921 году королевна Елена выпустила у себя в Сербии воспоминания, в которых описала и ее арест в гостинице, и допрос в ЧК – в противовес ходившим тогда за границей легендах о «зверствах ЧК», она отметила исключительную вежливость и предупредительность к ней екатеринбургских чекистов»983.

Каждый читатель может убедиться в тенденциозности воспоминаний чекиста. В частности, в них утаиваются те обстоятельства, что после вывоза из Екатеринбурга «арестантов» сербская королевна Елена Петровна не была освобождена, а находилась под арестом в застенках ВЧК.

Наконец, в своих показаниях белогвардейскому следователю Н.А. Соколову управляющий делами княгини С.Н. Смирнов дал 16 марта 1922 г. следующую информацию о своей роли в деле освобождения Елены Петровны:

«Удалось нам спастись через двоюродную сестру моей жены Ольгу Иосифовну Палтову, проживавшую в Перми. Я написал ей о нашем положении через одного из надзирателей.

Она, получив мое письмо, кинулась сейчас же в Петроград к секретарю сербского посольства Анастасевичу, оставшемуся в Петрограде для архива посольства. Был отправлен курьер Норвежского посольства в Москву к Ленину.

Мы были зачислены за всечека (правильно ВЧК. – *В.Х.*) и 29 ноября отправлены в Москву. Там мы сразу же попали к Петерсу. Елена Петровна была 2 ноября отправлена на заключение в Кремль и была освобождена во второй половине декабря. 13 ноября был освобожден майор Мичич с солдатами. Я был освобожден 28 февраля 1919 года»984.

Таким образом, в конце ноября 1918 г. княгиня Елена Петровна переводится из Перми в Москву, но по-прежнему остается под арестом ВЧК и, в частности, коменданта Кремля т. Малькова. Возможно, княгиня находилась в той камере, где до того содержалась террористка Фани Каплан. Сохранилось свидетельство врача-психиатра С. Мицкевича о состоянии здоровья княгини: «17 ноября мною была освидетельствована, по словесному предложению коменданта Кремля т. Малькова, Елена Петровна Романова (Сербская) со стороны ее психического состояния. Мною констатирован у нее психоневроз в стадии тяжелого психического угнетения… с приступами острой тоски, с мыслями о самоубийстве… Дальнейшее заключение может ухудшить ее психическое состояние и довести до тяжелой душевной болезни»985.

Княгиня Елена Петровна Романова направляет 19 ноября 1918 г. ходатайство управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу:

«Убедительно прошу Вас заняться делом моего освобождения. Как мать прошу Вас принять участие в тяжелом моем положении. Я страдаю от разлуки с детьми больше, чем можно вынести. Я совершенно невинно осуждена на заключение и во имя человечества прошу меня освободить.

Измученная и больная, прошу Вас обратиться к Совнаркому с просьбой мне разрешить выехать в Норвегию, где сейчас мои дети. С ними я разлучена 8 месяцев и эта разлука меня убивает. Ради памяти Вашей покойной жены, которая сделала столько добра многим матерям, не откажите и Вы помочь совсем несчастной матери.

Королевна *Елена* Сербская»986.

Она была освобождена благодаря вмешательству норвежского атташе Томаса Христиансена. Следует отметить, что свекровь Елены Петровны великая княгиня Елизавета Маврикиевна (урожденная немецкая принцесса) с внуками получила возможность намного раньше уехать в Христианию (Норвегию). По этому поводу Президиумом ВЦИК 2 декабря 1918 г. было принято решение: «Королевну Елену Сербскую освободить, передать ее Норвежскому посольству и не препятствовать ее выезду из пределов РСФСР»987. Сохранилось и сопроводительное письмо к этому решению: «Тов. Малькову. При сем препровождается выписка из протокола № 6 засед[ания] Презид[иума] ВЦИК от 2-го декабря с. г. для исполнения»988.

Но вернемся к хронике событий в Алапаевске.

Хроника преступления

«25 окт[ября] [19]18 года состоялся осмотр член[ом] суда шахты, в которой найдены были трупы покойных] вел[иких] князей. Шахта эта расположена на 11-й версте от г. Алапаевска по направлению на Вер[хний] и Ниж[ний] Синячихин[ские] заводы (соседние с Алапаевском заводы. – *В.Х.*). Шахта имеет вид колодца глубиной около 28 сажен… По стенам колодца устроены полати или мостики, соединяющиеся] лесенками».

«Член суда» – это И.А. Сергеев, белогвардейский следователь, который вел дело по убийству Романовых в Екатеринбурге до замены его Н.А. Соколовым. Но шахту нашел не Сергеев.

В 1932 г. по поступившему доносу в Алапаевске органами ОГПУ был арестован некто Т.П. Мальшиков. Именно он и «напал» в начале октября 1918 г. на указанную шахту. Бывший телеграфный служащий, ставший «милиционером» при белых, он оказался прирожденным сыщиком. Выполняя поручения «военных властей», Мальшиков рассуждал просто: великих князей вывезли по дороге на ближайшие Верхний и Нижний Синячихинские заводы. Но поскольку туда их не привезли, то искать место захоронения следует по направлению дороги. Помог, как часто случается, невольный свидетель. Им оказался местный

самогонщик А. Самсонов[989], который занимался в ту пору запретным промыслом подальше от чужих глаз, в лесной глуши. Поздней ночью он вместе с другом возвращался в Алапаевск. На дороге в Синячиху они неожиданно для себя наткнулись на обоз «в 10–11 коробов, в каждом по два человека, без кучеров на козлах». Как позднее свидетельствовал один из них – К. Трушков – на допросе у белых: «Ни криков, ни разговоров, ни песен, ни стонов – вообще никакого шума я не слышал: ехали все тихо-смирно»[990].

Таким образом, внимание Мальшикова привлекла дорога в Синячиху. Но одно дело «направление», другое – конкретное место; между Алапаевском и ближайшими заводами 12 верст дороги через уральскую тайгу.

К приезду 25 октября 1918 г. Сергеева на место следствия Мальшиков уже достал трупы.

Далее рассказ пойдет по материалам официального протокола[991], тщательно фиксирующего все детали поисков Мальшикова и подписанного понятыми. Он рисует жуткую картину поисков в глубинах шахты.

Итак, протокол повествует: «1918 г. октября 7-го дня я, милиционер Алапаевского отряда Мальшиков, вследствие поручения г. начальника вышеуказанного отряда штабс-капитана Шмакова о производстве розыска [места] казни Великих Князей Дома Романовых, проживавших в г. Алапаевске и казненных красногвардейскими бандитами в ночь с 17 на 18 июля в пределах Алапаевского района, причем по собственным мною [собранным] негласным сведениям, будто бы вышеуказанные князья, казненными или живыми брошены были в какую-то одну из шахт Алапаевских горных заводов».

Вследствие собранных им данных и «по своему соображению» Мальшиков нашел «старую запущенную около 15 лет» каменноугольную шахту и начал очищать ее от наваленной на ее ствол свежей земли и мусора. Затем уже в первый день, спустившись в ствол шахты, он на так называемых полатях на небольшой глубине «на гвозде обшивки» шахты нашел зацепившиеся «белые ленты от женского полотняного фартука и мужскую фуражку из черного сукна и [с] узорчатым черным шелковым околышем».

На другой день, 8 октября, уже на большой глубине в машинном отделении «по вынутии хлама» был найден «труп мужского пола… одет в пиджак и брюки темно-синего цвета трико». Далее протокол содержит потрясающие подробности: у найденных трупов нашли в карманах документы, деньги, личные вещи, устанавливающие их личности. При этом в первый же день тут же нашли «заряженную бомбу артиллерийского образца», а прочитав найденные в

бумажнике документы, установили, что погибший был Федор Семенович Ремез, ведший все хозяйство великих князей.

9 октября в «ходовом отделении на глубине 6 сажен» нашли два трупа – мужской и женский, не имеющих ран ни от огнестрельного, ни от холодного оружия. И снова по документам, которые были в одежде убитых, узнали-таки, что погибшие были: Владимир Павлович Палей и Варвара Яковлева. На шее Яковлевой было «два кипарисовых креста, на шелковых лентах, а также серебряные кресты на двух серебряных цепочках, у правой руки пальцы сложены для благословения, на груди – женские открытые часы на гарусном черном шнурке».

«10 октября, продолжая поиски и очистку хлама в той же шахте, – свидетельствует далее протокол, – на глубине 7 саж. в ходовом отделении… нашли труп мужчины лет 25-ти, на шее которого был «черный шелковый шарф, завязанный спереди узлом», через правое плечо у убитого под одеждой была красная в полвершка шириной лента с надписью «живый в помощи». Поскольку в левом внутреннем кармане пиджака убитого находился «бумажник с деньгами и документами», было выяснено, что это князь Константин Константинович Романов.

Далее, продолжая поиски, нашли «резиновый табачный кошелек с махоркою, ручку от разорвавшейся бомбы, широкий топор с коротким топорищем, мужское черное триковое пальто, в правом кармане которого были обнаружены золотые с крышками карманные часы и др. мелкие вещи». Тут же обнаружили еще одну неразорвавшуюся бомбу с коробкой от динамита.

На глубине 7 сажен в этот же день обнаружили труп князя Игоря Константиновича, одетого следующим образом: летнее пальто, пиджак темно-зеленого цвета, серая ситцевая рубашка, на ногах белые бумажные носки, туфли из черной кожи, через левое плечо голубая лента с изложением молитвы, на шее пять серебряных крестов на золотой цепочке.

Уже тем, кто проводил в глубинах шахты эту тяжелую работу, и тем, кто на поверхности земли складывал один найденный труп около другого, было совершенно ясно, что людей бросали в шахту живыми.

10 октября достали также убитого великого князя Сергея Михайловича. Позднее выяснилось, что только он один был убит выстрелом в голову. Сергей Михайлович, оказав сопротивление, схватил за полу пиджака одного из палачей – верхнесинячихинского большевика Плишкина и чуть-чуть не увлек его за собой в жерло шахты…

11 октября нашли труп женщины, одетой в резиновую серого цвета накидку и серое платье. На шее убитой на простой ленте находились перламутровые образки овальной формы и крестик. На цепочке из крестиков кипарисового дерева был также металлический крест, а на золотой цепочке такого же, среднего размера, другой, серебряный крест. Далее протокол свидетельствует: на груди убитой находился «свернутый в вощеную бумагу и мешочек с лентой через шею образ Спасителя, усыпанный драгоценными камнями, на обратной стороне которого на бархатной, вишневого цвета рамке золотая пластинка с надписью «Вербная суббота 13 апреля 1891 год», кроме того, на золотой цепочке на шее убитой, а это была великая княгиня Елизавета Федоровна, – был образ Божьей матери, на обратной стороне которой стояла надпись «Спаси и сохрани». Рядом с Елизаветой Федоровной нашли труп князя Иоанна Константиновича.

Другой же документ из дела прокурора Иорданского сухо констатировал:

«…26 октября состоялось вскрытие тел покойных, коим установлено, что великие князья умерли от ударов по голове и груди каким-либо твердым тупым орудием или же получили такие повреждения при падении с высоты».

Сбросив свои жертвы в колодец шахты, «революционеры» забрасывают их гранатами и бревнами, оставив на месте преступления охрану, т. к. из-под земли раздавались еще двое или трое суток стоны, пения псалмов и молитв. Только после того, как председатель Алапаевского ЧК Говырин, взяв у местного фельдшера большой кусок серы, зажег его и бросил на дно шахты, а сверху наглухо завалил колодец, прекратились муки жертв. Позднее следователям удалось установить, что великая княгиня, несмотря на тяжелые ранения, нашла в себе силы перевязать голову Иоанна Константиновича своим платком.

Дезинформация

Она сопровождала весь ход событий в акции по уничтожению Романовых, будь то Пермь, Екатеринбург или Алапаевск. Главная цель ее – исказить суть происходившего и скрыть преступление. Ее ход и приемы, вся организация (в т. ч. через средства массовой информации) были продуманы, но не всегда совершенны.

Дезинформация была рассчитана, конечно, на население и направлялась из Петрограда и Москвы. Она прикрывала тех, кто руководил всей акцией. Выяснение ее центров и скрытого механизма требуют особого исследования.

Что же касается алапаевских событий, то здесь дезинформация была представлена явно и грубо. Поэтому не случайно детали ее обходились так старательно многими исследователями (классический пример – работа М.К. Касвинова).

Итак, вновь обратимся к тексту документов прокурора Иорданского:

«16 декабря 1918 г. членом суда Сергеевым были осмотрены девять телеграмм, изъятых по его распоряжению из Алапаевской почтово-телеграфной конторы из числа доставленных всего в количестве 43 штук. Кроме этих телеграмм, прочие оказались не имеющими никакого отношения к делу.

Из этих 9 телеграмм – в шести телеграммах, посланных из Алапаевска отдельными лицами из заключенных князей и адресованных в Петроград частным лицам, сообщается о том, что «они, заключенные» переведены «на тюремный режим и солдатский паек».

В одной из телеграмм за подписью алапаевского комиссара юстиции Е. Соловьева на имя областного Совета Урала запрашивается, давать ли выезд прислуге арестованных князей.

Последние две из этих телеграмм следующего содержания.

Первая:

«Военная – Екатеринбург. Уралоуправление.

18 июля утром [в] два часа банда неизвестных вооруженных людей напала [на] Напольную школу, где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит был убит и, видимо, есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению леса, задержать не удалось, розыски продолжаются. Алапаевский Исполком. *Абрамов, Перминов, Останин*»992.

Вторая: «Екатеринбург. Област[ной] Совет. Алапаевский Исполком сообщает: чрезвычайная комиссия в составе Останина, Старцева, Говырина, Зырянова приступила к расследованию побега князей Романовых. Предисполкома Абрамов»993.

Обе телеграммы посланы 18-го июля.

То, что в деле процитирован текст копий подлинных телеграмм, не вызывает никакого сомнения. Оговорка эта не случайна. До сих пор нет-нет да и

раздаются голоса: а не сфальсифицировано ли все это позднее там, на Западе, Н.А. Соколовым?

В свою очередь, 18 июля 1918 г. председатель Уральского Совдепа А.Г. Белобородов в телеграмме, направленной в Совнарком, ВЦИК и Петроград (Зиновьеву и Урицкому), извещал: «Алапаевский исполком сообщил [о] нападении утром восемнадцатого неизвестной банды [на] помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья: Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей. Несмотря [на] сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы [с] обеих сторон. Поиски ведутся. [№] 4853. Предобласовета*Белобородов*»994.

Неправда ли, события развиваются, как по «сценарию» с Михаилом Романовым?! Бросается в глаза лишь факт, что нигде не упоминается великая княгиня Елизавета Федоровна. Можно предположить, что вся эта переписка затеяна как оправдательный аргумент для третьей стороны. Пока было не совсем ясно, как поведут себя немцы (а Елизавета Федоровна являлась урожденной немецкой принцессой), то предпочли умолчать о ее судьбе до прояснения обстоятельств. Прецедент уже был, когда немцы уступили требованиям Советского правительства о невыезде Романовых из Крыма за границу. Гильотина была запущена. Детали расправы над Романовыми интересовали Свердлова постольку поскольку. Об этом можно судить из его телеграфных переговоров по прямому проводу от 19 июля 1918 г. с Уралом, когда выяснилась военная обстановка на фронте, текст для объявления о расстреле Николая Романова и между прочим об алапаевских событиях. Вот запись, сделанная телеграфистом на «скорую руку»:

«Москва – Екатеринбург.

Свердлов. Прежде всего сообщи работа Алапаехи Комисл. К-та (далее идет пропуск. – *В.Х.*) или нет.

[Белобородов]. Сейчас об этом ничего не известно. Производится расследование…».

Очевидно, вопрос Свердлова в более пространной редакции следует понимать так: «Прежде всего сообщи, работа Алапаехи (т. е. убийство великих князей – *В.Х.*) есть ли дело рук Следственной Комиссии… Исполнительного комитета (возможно, Комитета партии) или нет».

Мало того, сохранился подлинный протокол от 17 июля, заранее составленный официальными властями Алапаевска, где в деталях, с понятыми фиксировались основные этапы «нападения банды» белогвардейцев:

«Протокол

1918-го года июля 17-го дня, 5 час. утра н/в Комиссия в составе: народного судьи 7-го участка Верхотурского уезда и граждан города Алапаевска Гневанова Николая Никифорова, Туева Алексея Спиридонова, Татариновой Афанасьи Даниловой и Простолуповой Харитины Петровны осматривала помещение Напольной Загородной школы в Алапаевске, после нападения на нее неизвестной банды с целью освобождения находящихся в школе под стражею бывших великих князей Романовых. При осмотре обнаружено:

1. Во дворе школы в 6-ти саж. от самого помещения бандою, видимо, прежде всего брошена бомба – граната, давшая для них желаемые результаты, выбив стекла буквально в каждом окне со стороны двора.

2. Двери, ведущие из помещения во двор и из того же помещения на выход, к стороне дороги, оказались открытыми.

3. Все вещи бывших великих князей Романовых оказались уложенными в чемоданы и увязанными в особые узлы, причем большая часть этих чемоданов и узлов сосредоточена в одной комнате, ближней к выходу также к стороне дороги.

4. Провода у имеющегося, в помещении школы, телефона оборваны – почему таковой не действует.

5. Окна помещения, главным образом со стороны населения, завешены темными одеялами.

По осмотре все окна, поскольку это представлялось возможным, были комиссией закрыты. Все вещи оставлены в помещении и входная дверь опечатана сургучной печатью Красной армии. К помещению поставлен караул.

Об изложенном постановили: записать в настоящий протокол каковой представить Исполкому.

Народный судья 7-го участка (подпись).

Резолюция: Настоящее препровождается в область для сведения и надлежащего распоряжения.

Настоящий протокол подтверждаем:

Чрезком

Председатель *Говырин*.

Секретарь *Останин*»995.

Мало этого, уже 18 июля 1918 г. (надо было так случиться) «политический представитель» Кобелянко, оказавшись на месте событий, направил в центр следующую телеграмму:

«Москва: Совнаркому, Штабу фронта и комиссару юстиции Уральской области.

Доношу, что при проезде по делам службы в город Алапаевск на станции я узнал о произведенном нападении на помещение, в котором помещались бывшие великие князья Романовы, и об увозе таковых. [При] проведенном мною дознании и осмотре места происшествия оказалось: Романовы помещались в здании училища под названием Напольного на северной стороне города Алапаевска под охраной караула из шести человек.

17 на 18 июля в два часа ночи нового времени со стороны поля было произведено на помещение вооруженное нападение неизвестными лицами в невыясненном количестве, по заявлению, около 50 человек. После того как караул отступил [в] сторону города, нападающие ворвались в помещение, освободили всех Романовых, слугу и увели с собой. На поддержку караула был выслан отряд, но бандиты успели скрыться. Приняты меры к задержанию скрывшихся тотчас же местным Совдепом. Из нападающих один убит, по-видимому, интеллигент, но в грязной одежде. При осмотре мною помещения оказалось, [что] вещи Романовых упакованы и уложены в комнату ближе к выходу во двор и на площадь [в] сторону поля. Мною сделаны распоряжения о немедленном расследовании [дела] самостоятельной комиссией, а также о составлении подробных актов осмотра и составлении подробной описи оставшемуся имуществу, подготовленному, но не увезенному. Полагаю, что нападение и побег заранее подготовлены, и в этом направлении принимаю меры [к] выяснению. Всевозможные меры принимаю, прошу распоряжений и высылки уполномоченных для дальнейшего следствия.

Политический представитель *Кобелянко*»996.

К дезинформации была подключена пресса. Обратимся к местным советским газетам. «Голос Кунгурского Совета К. Р. и С. Д.» (Пермской губ.) 25 июля 1918

года поместил заметку «Бегство бывших великих князей из Алапаевска», в которой сообщалось:

«Из Алапаевска получена следующая телеграмма: «18 июля утром банда неизвестных вооруженных людей напала на школу, где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и, видимо, есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению к лесу. Задержать не удалось. Розыски продолжаются.

Алапаевский исполком».

В Алапаевске находились быв. вел. князья: Сергей Михайлович, Игорь Константинович, Константин Константинович, [Иоанн Константинович], князь Палей и жена убитого Каляевым Сергея Александровича – Елизавета Федоровна. История водворения в Алапаевск б. вел. князей такова: в первых числах апреля месяца тек[ущего] года они были высланы из Петрограда в Вятку.

По постановлению Вятского губернского съезда Советов б. вел. князья 2 мая были высланы в Екатеринбург; здесь они прожили всего две недели и по постановлению областного Сов[ета] были переведены в Алапаевск под надзор местного Совета. Одновременно с ними выслана в Алапаевск и Елизавета Федоровна, привезенная из Москвы в Екатеринбург по распоряжению Всерос[сийской] Чрезвыч[айной] Комиссии по борьбе с контрреволюцией.

После побега Михаила Романова из Перми ко всем этим лицам был применен по распоряжению областн[ого] Совета тюремный режим.

Бывш. князья помещались в Алапаевске в здании так называемой Напольной школы, на которую и было совершено нападение.

Бегство б. великих князей, безусловно, имеет связь с происходящими событиями. Недавно в Екатеринбурге были арестованы майор сербской службы Мичич, фельдфебель Божечич и управляющий делами сербской королевны, жены бывшего [князя] Ивана Константиновича Елены Петровны – Смирнов.

Эти лица явились в областной Совет как делегаты сербского посланника Сполайковича для отправки Елены Петровны в Петроград, заявив, что на это получено разрешение от Центральной Советской власти. По справкам, наведенным областн[ым] Советом в Москве и Петрограде, оказалось, что просьбу Сполайковича о разрешении Елене Петровне переехать в Петроград

Президиум ВЦИК отклонял. Поэтому Мичич, Божечич и Смирнов были арестованы в Екатеринбурге по обвинению в попытке ввести в заблуждение Советскую власть. Одновременно с ними была арестована и Елена Петровна, приехавшая незадолго до этого в Екатеринбург. Следствие по этому делу продолжается и будет закончено в ближайшем будущем»997.

Через неделю, 1 августа 1918 г., этот сюжет получил дальнейшее развитие на страницах газет:

«К похищению Романовых.

Получены некоторые подробности похищения бывших великих князей из Алапаевского завода Пермской губернии.

Сначала князья Романовы жили в Екатеринбурге, где их держали довольно свободно. Они гуляли по городу, заводили знакомства, пели в церкви на клиросе, флиртовали с девицами, а по пути шушукались с белогвардейскими элементами. Тогда князей отправили в Алапаевск. Но и там они не унялись. Очень скоро охрана стала замечать подозрительные приготовления Романовых. Поведение Романовых делалось тем подозрительнее, чем ближе к Екатеринбургу продвигались чехословаки.

Одно из донесений из Алапаевска гласит, что в квартире Романовых после их похищения все вещи князей найдены совершенно упакованными, готовыми к отъезду.

Таким образом, “похищенные” очень аккуратно готовились к своему похищению.

Сейчас принимаются меры к выяснению всех обстоятельств загадочного похищения»998.

Представленные выше данные достаточно полно отражают ход событий по официальной версии. Все происходит так же, как и в Перми: таинственное бегство, дезинформация о нем в газетах, безуспешные поиски. Отметим, что до прихода белых в Алапаевск (28.09.1918), так же как и в Перми (захвачена в декабре 1918 г.), времени для прояснения обстоятельств «бегства» было более чем достаточно, но «беглецов», понятно, никто не искал.

Выше мы рассказали, что Мальшиков и Сергеев нашли шахту, на поверхность были подняты и опознаны трупы убитых. Что же было дальше?

По материалам следствия

Как мы уже отмечали, важнейшие показания И.А. Сергееву дали: 25 октября 1918 г. Александра Кривова, а в дальнейшем допрошенный с 11 по 29 декабря охранник Петр Константинович Старцев.

Выдержка из показаний А. Кривовой:

«Числа 10–11 июля в дом к великим князьям приехали какие-то большевики, в числе 6 человек, одетых в штатское платье. Они были вооружены винтовками и револьверами. С большевиками пришли 4 комиссара. Из этих последних свидетельница знает по фамилий Щупова и Петра Старцева. Все они описали принадлежавшие великим князьям вещи и объявили, что повезут их в Синячихинский завод, отстоящий в 14 верстах от Алапаевска.

В день отъезда они сильно торопили вел[иких] кн[язей] с обедом, поданным в 6 час. вечера, заявив, что в 11 час. повезут их. Когда она, свидетельница, стала им укладывать продукты, то большевики остановили ее, заявив, что она может привезти их позднее. На другой день от торговца Михаила Сергеевича, у которого для вел[иких] кн[язей] она забирала продукты, она услыхала, что вел[иких] кн[язей] расстреляли.

После увоза вел[иких] кн[язей] 18 июля было вывешено в Алапаевске объявление о том, что князья похищены "бандой белогвардейцев", с которой "доблестные войска" Красной Армии вступили в перестрелку, в результате которой один из них был убит, а двое красноармейцев легко ранены, и что всем князьям удалось бесследно скрыться.

Свое объявление большевики инсценировали, притащив к Напольной школе труп какого-то австрийца, который, как оказалось, еще за несколько времени до этого находился в мертвецкой.

Увоз произошел ночью на 18 июля»999.

Действительно, сохранились подлинники двух удивительных по цинизму документов. Это протокол следствия по делу: «1918 год, 17-го дня, пять часов утра» в составе «народного судьи 7-го участка Верхотурского уезда», граждан г. Алапаевска Гневанова Николая Никифоровича» и др., осмотревших «труп убитого во время вооруженного нападения». Самое интересное здесь в классовой убежденности подписавших, скорее всего обманутых понятых. В протоколе отмечалось: «труп мужского пола, на вид лет 22-х, телосложения и питания хорошего, чисто выбриты усы и борода, руки особенно белы, по всему наружному виду представляет тип «буржуазного маменькинова (так в документе. – *В.Х.*) сынка». Одет плохо… По осмотре труп отправлен в

автономический (так в документе – *В.Х.*) покой»1000. На документе имеется резолюция: «Настоящее препровождается в область для сведения и надлежащего распоряжения».

Допрошенный 11 декабря 1918 г. П.К. Старцев рассказал белогвардейскому следователю И.А. Сергееву следующее:

«Смольников объявил князьям, что их повезут на дачу, и вышел с ними из помещения школы. Каждый из арестованных сел в повозки (коробки) по одному и рядом с каждым из них также по одному из прибывших. Так, он, Старцев, помнит, что с вел[иким] князем Сергеем Михайловичем поехал Григорий Абрамов, с графом Палеем – Петр Зырянов, с князем Иоанном Константиновичем – Владимир Спиридонов.

Из приехавших за князьями остались лишь инженер Родионов, который куда-то уехал, но, кроме приехавших перечисленных лиц, присоединились к общему «поезду» еще Егор Сычев и красноармеец Ив[ан] Дмитриевич] Маслов.

После увоза князей он пробыл в помещении школы около трех часов, причем в этот период времени рядовой красноармеец Василий Пав[лович] Говырин во дворе школы бросил бомбу, которая, однако, не взорвалась. Зачем он это сделал – ему, Старцеву, неизвестно.

Не заходя домой, он прошел в помещение Совета, причем там уже застал вернувшегося из поездки Смольникова, который при нем дежур[ному] милиционеру бросил такую фразу: «Наконец-то успокоились».

Затем по приказанию Смольникова были вызваны красноармейцы, сам же он (Смольников), выбежав на улицу, произвел выстрел в воздух. Это послужило сигналом к поднятию тревоги, и красноармейцы были отправлены «для отражения белогвардейцев». После этого было объявлено, что князей похитили «белогвардейцы». Спустя несколько дней, когда уже становилось ясно, что князей убили, его и других рядовых деятелей предупредили, чтобы они не говорили правды об увозе князей.

Впоследствии вышеназванный Ив[ан] Дмитриевич] Маслов лично говорил ему, Старцеву, что «он за князьями спустил в шахту бомбу». Из намеков и полупризнаний других участников убийства, сделанных впоследствии, он пришел к заключению, что убийство было совершено по распоряжению областного Совета»1001.

Следствие шло весь ноябрь и декабрь, только под Новый год Сергеев вернулся в Екатеринбург.

Собранные им детали «похищения» разнообразны, по ним видно, что сама по себе операция по имитированию «бегства» великих князей проводилась таким образом, чтобы внушить местным жителям, что побег действительно был.

При этом допрошенные П.К. Старцев и особенно Е.А. Соловьев отрицают свое прямое участие в убийстве и последующей инсценировке бегства великих князей. Но допрошены были десятки людей. Один из них – Анатолий Васильевич Переберин, сын священника, служащий Алапаевского союза кооперативных товариществ, по сути дела, выдал Е.А. Соловьева, показав следующее:

«…В ту ночь, в которую, согласно объяснению большевиков, произошло похищение князей, он засиделся за спешной работой в помещении Т[оварищест]ва.

Из помещения Т-ва он вышел уже во 2-м часу ночи, после того, когда услыхал два ружейных выстрела, раздавшихся на улице.

Когда он подходил к зданию, где помещался Совет, то один из патрулей остановил его и потребовал пропуска. По требованию затем секретаря Совета Перминова он был приведен в Совет. Здесь он застал говорившего по телефону какого-то комиссара, который, подойдя к нему, в грубой форме стал спрашивать его, зачем он ходит ночью по улицам. Личность этого комиссара по своему виду (густые, нависшие, с рыжим оттенком брови, растрепанные усы, бритая борода, сверкающие, налитые кровью глаза) настолько запечатлелись в памяти свидетеля, что, по его заявлению, он мог бы признать безошибочно. Одет он был в гимнастерку с расстегнутым воротом и сбившуюся на затылок солдатскую фуражку.

Тогда же производящими следствие членами суда был предъявлен свидетелю Переберину арестованный, вышеназванный Ефим Андр[еевич] Соловьев, причем в последнем свидетель категорически опознал того комиссара, о котором он говорил в своем признании.

Вместе с тем свидетель этот, о том же Соловьеве со слов слушательницы Московских зубоврачебных курсов Надежды Пав[ловны] Удинцевой передает, что, когда она, желая передать букет цветов приехавшему к князьям знакомому ей по Москве доктору, была задержана за это комиссаром Ефимом Соловьевым, то последний при допросе заявил ей: «Если к Алапаевску подойдут чехи и будут

похищать князей, то, если ему самому не удастся, прикажет своим сыновьям заколоть Удинцеву за ее сочувствие князьям».

Упомянутая Удинцева увезена большевиками в качестве сестры милосердия»1002.

Время шло. Колчак, недовольный медленным, по его мнению, ходом следствия, отстранил И.А. Сергеева от ведения дела. В феврале 1919 г. был назначен новый следователь – Н.А. Соколов. Все это сказалось и на следствии, проводимом в Алапаевске. Назначенный сюда вместо Сергеева член окружного суда Ф.И. Михневич заболел и дел не принял. Между тем аресты в Алапаевске продолжались: был арестован председатель Чрезвычайной следственной комиссии Н.П. Говырин, народный судья В.П. Постников. В ночь на 1 апреля 1919 г. в Алапаевске был арестован комиссар делового совета И.П. Абрамов. 18 апреля он был допрошен Н.А. Соколовым. Результаты этого допроса, а также другие обстоятельства отражены в деле прокурора Иорданского следующим образом:

«…В ночь на 1 апреля с. г. в г. Алапаевске чинами местного уголовного розыска был задержан бывший комиссар делового совета Иван Павлов Абрамов, один из участников казни великих князей. При допросе на дознании он пожелал дать лишь краткое объявление, отрицая свою виновность и заявив, что действительно, брат его Григорий Павлов Абрамов, Николай Говырин, Петр Останин и Алексей Смольников предложили ему принять участие в увозе великих князей, но он не согласился и ушел к себе домой, на другой же день утром прочитал объявление о “похищении князей”.

18 апреля с. г. Иван Павлов Абрамов, привлеченный к следствию по 132 п. 1453 ст. ст. Улож. о нак. был допрошен судеб. следователем по особо важ. делам Н.А. Соколовым.

По его объяснению, как-то перед увозом князей его вызвал в чрезвычайную следственную комиссию председатель последней Ник. Павл. Говырин. Когда он пришел туда, то застал там своего брата Григория, члена следствен. комиссии Петр. Фед. Останина, самого Говырина и Алексея Смольникова. Здесь вышеупомянутый Смольников заявил ему, что ввиду угрозы Алапаевску войсками Сибирской армии необходимо «увезти князей» куда-либо подальше, «на первых порах хотя бы в Синячиху». При этом ему предложили быть кучером. Он, Абрамов, отказался и ушел домой, где, поужинав, лег спать. Утром, когда он пришел на завод, то увидел объявление об увозе великих князей»1003.

В условиях Гражданской войны, цепной реакции взаимного ожесточения и кровопролития противоборствующих лагерей в прессе печатались любопытные сведения – от открытых фальсификаций до циничных откровений, где проскальзывали сведения об истинных событиях. Так, газета «Уральский рабочий» в разделе «В стане белых» поместила следующую информацию:

«Разыскали-таки!

Белые упорно собирают останки романовской шайки.

Проделав церемонию с похоронами Николая в Екатеринбурге, они сейчас принялись за великих князей.

Посадив себе на шею диктатора Колчака, они с рабскою пронырливостью докапываются до разных останков бывших властителей и хоронят их с почестью. Вот сообщение из белогвардейской газеты: «19 октября в городе Алапаевске на Урале состоялись похороны убитых в июне месяце (так в газете, правильно: в июле. – *В.Х.*) бывших великих князей и Елизаветы Федоровны. По сообщениям официозов Советской власти, князья, проживавшие в Алапаевске под надзором, бежали в Сибирь. Но впоследствии оказалось, что они убиты. Трупы их были найдены на дне глубокой шахты, куда, по-видимому, их сбрасывали вниз головой, и они расшиблись насмерть. Изуродованные, уже подвергшиеся разложению трупы великих князей извлечены из шахты и были, по распоряжению городских властей, погребены в особом склепе при городском соборе. Похоронам не был придан общественный характер. У 8-ми гробов толпилась лишь любопытная публика»1004.

Закончим описание трагедии следующим документом. 7 июля 1919 г. Н.А. Соколов получил такое предписание (копия – уполномоченному Алапаевским горным округом):

«Приказываю Вам вывезти из гор. Алапаевска на ст. Ишим, Омской железной дороги трупы великих князей: Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича, графа Владимира Павловича Палея, великой княгини Елизаветы Федоровны, Федора Семеновича Ремеза и монахини Варвары Яковлевой. О времени вывоза трупов из г. Алапаевска Вы имеете мне донести телеграфно, указав время отправления их из г. Алапаевска и номер вагона. Вы имеете право требовать от всех военных и гражданских чинов полного Вам содействия к выполнению сего моего Вам приказания.

Главнокомандующий Генерального

штаба генерал-лейтенант *Дитерихс*.

Начальник Штаба Генерального Штаба

полковник *Сальников*.

С подлинным верно:

Вр. и. д. начальника Общего отдела полковник *Абрамович*»1005.

Останки «алапаевских узников» были вывезены в Читу, а затем перезахоронены в склепе храма св. Серафима Саровского при русской миссии в Пекине. Сохранилось письмо атамана Г.М. Семенова к отцу Серафиму от 13 мая 1920 г., в котором значится:

«Уважаемый отец Серафим.

Письмо Ваше получил и с великою радостью и душевным облегчением узнал, что, наконец, Господь Бог помог Вам довести Ваше великое дело если не до конца, то до безопасного пункта.

Прибывший из Пекина генерал-майор князь Тумбаир-Малиновский обо всем подробно меня осведомил, хотя я ни на минуту и прежде не сомневался, что Преосвященный Иннокентий, по долгу верноподданнической преданности и Христианской любви, окажет достойный прием и великий почет останкам Августейших Мучеников: пусть служит прием в Пекине примером всем бывшим верным Царским слугам.

Для содействия по всем нужным вопросам и для присутствования от моего имени, в дальнейшем сопровождении, в России, останков Августейших Мучеников я командирую, вместе с сим, в Пекин генерал-майора князя Тумбаир-Малиновского.

Прошу Вас помянуть меня в своих святых молитвах.

Уважающий Вас *Семенов*»1006.

Гробы с телами великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой и ее спутницы Варвары Яковлевой были переправлены в Иерусалим в церковь Марии Магдалины, где и обрели вечный покой.

Таким образом, сценарий, апробированный большевиками в Перми, во многом был повторен применительно к «алапаевским узникам». Гильотина, запущенная

в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. в Перми, продолжила через месяц с небольшим (с 16 на 17 июля) свой кровавый путь в Екатеринбурге, а еще через сутки в Алапаевске. И везде один и тот же почерк беспощадного уничтожения династии Романовых. Однако пляска смерти не была завершена, кровавое колесо продолжало катиться дальше, и новыми жертвами «красного террора» пали великие князья в январе 1919 г. в Петропавловской крепости Петрограда.

В этой цепи преступлений алапаевское убийство великих князей и великой княгини Елизаветы Федоровны было самым бесчеловечным по своей жестокости и цинизму, полностью уличающим убийц в содеянном и раскрывающим подлинное лицо новых «правителей» России.

Глава XII

Петроград: последний акт трагедии

Расстрел Великих князей в Петропавловской крепости

Недалеко от места казни жертв красного террора, в Петропавловском соборе, весной 1992 г. состоялись похороны великого князя Владимира Кирилловича (1917–1992), принявшего от своего отца великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938) титул Российского царя в эмиграции.

Не будем касаться нюансов этого запутанного дела, но отметим, что еще несколько лет назад подобная ситуация могла возникнуть только на страницах «крутого» зарубежного детектива или в воображении фантаста. К сожалению, наша российская история порой выдавала сюжеты гораздо страшнее «голливудских фильмов-ужасов» и останки многих из династии Романовых лежат еще в безвестных могилах. Возможно, упомянутый акт захоронения великого князя явится символом примирения, которое когда-нибудь должно наступить: ведь перед лицом смерти все равны – и правые, и виноватые.

Удивительно, но факт. Современные историки располагают большими материалами об обстоятельствах гибели Романовых на Урале, благодаря белогвардейским следователям, чем в тех районах, где таковой возможности сбора информации эти следователи не имели. «Тайной за семью печатями» пока остается гибель (по другим сведениям – смерть) «опального» великого князя Николая Константиновича в конце июля 1918 г. в Ташкенте. Пеленой таинственности окутаны обстоятельства расстрела и захоронения великих князей в январе 1919 г. в Петропавловской крепости. Понятно, что агенты ВЧК, приложившие к этому делу руку, не были заинтересованы в утечке информации

и предприняли все усилия к сокрытию следов преступления. Поэтому даже незначительные документальные свидетельства о судьбе великих князей в Петрограде представляют несомненный интерес.

Буквально вслед за высылкой из столицы Михаила Романова в «Красной газете» 26 марта 1918 г. был опубликован следующий декрет, за подписями Г.Е. Зиновьева и М.С. Урицкого:

«Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны постановляет:

Членов бывшей династии Романовых – Николая Михайловича Романова, Дмитрия Константиновича Романова и Павла Александровича Романова выслать из Петрограда и его окрестностей впредь до особого распоряжения, с правом свободного выбора места жительства в пределах Вологодской, Вятской и Пермской губерний…

Все вышепоименованные лица обязаны в трехдневный срок со дня опубликования настоящего постановления явиться в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (Гороховая, 2) за получением проходных свидетельств в выбранные ими пункты постоянного местожительства и выехать по назначению в срок, назначенный Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Перемена выбранного местожительства допускается с разрешения соответствующих Советов Раб., Солд. и Крест. Депутатов».

Только благодаря активному вмешательству княгини О.В. Палей в судьбу мужа удалось избежать по состоянию здоровья ссылки великому князю Павлу Александровичу. Но их сыну Владимиру Павловичу Палей отсрочки не дали и через неделю он должен был отправиться в Вятку.

Вскоре в Вологду были высланы великие князья Николай Михайлович и Дмитрий Константинович. В апреле 1918 г. в их компании оказался великий князь Георгий Михайлович, арестованный незадолго до этого патрулем красно-финнов на вокзале в Гельсингфорсе и переданный в Петроградскую ЧК. Арест великого князя оказался случайным, так как после Февральской революции ему с семьей удалось выехать из России. Однако Георгий Михайлович лично решил переждать лихолетье в имении в Финляндии, но тоска и тревога за семью заставили его опрометчиво отправиться в опасную дорогу, что завершилось арестом, стоившим ему жизни.

Режим ссылки в Вологде вначале был такой же, как в Перми и Вятке. В частности, город произвел хорошее впечатление на Николая Михайловича. Простые русские люди предоставили великому князю квартиру на Златоустинской набережной и отнеслись к нему более чем дружелюбно. Николай Михайлович продолжал писать воспоминания и исторические биографические очерки, жил тихо и неприметно, но однообразие провинции, а главное, полная неизвестность ближайшего будущего вызывали у него, по его выражению, «мозговое утомление». В частности, сохранились листки с его краткими поденными заметками за июнь 1918 г. Против каждого дня имеются отметки о наиболее значительных событиях: 16 июня – нота Чичерина, 22 и 23 июня – слухи об убийстве Николая II. Записи прерываются 30 июня. С братьями в Вологде поддерживал постоянную переписку великий князь Сергей Михайлович до введения тюремного режима в Алапаевске. Именно он 21 июня 1918 г. в 11 часов 50 минут по полудню тревожно предупреждал телеграммой с Урала:

«Николаю Михайловичу Романову. Вологда, Златоустинская наб., 6.

Переведен на тюремный режим [и] солдатский паек. Сергей»1007.

«Побег» Михаила Романова вскоре отразился и на положении «вологодских ссыльных». В газетах была помещена информация: «Вологда. 1 июля (ПТА). Арестованы великие князья: Николай Михайлович, Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович». Сначала они были помещены в Вологодскую губернскую тюрьму, а через три недели перевезены Петроградской ЧК в Дом предварительного заключения с перспективой оказаться в казематах Петропавловской крепости. На положение заключенных перевели остававшихся в Петрограде очень больных великого князя Павла Александровича и князя Гавриила Константиновича.

Представляли ли опасность перечисленные выше Романовы для Советской власти?

Павел Александрович был арестован, когда его сына Владимира Палея уже убили в Алапаевске. «Дядя Павел», как его величали в императорском семействе, родился в 1860 г. и являлся четвертым, младшим и единственным на тот момент остававшимся в живых сыном Александра II. Графиня М.Э. Клейнмихель, знавшая с юности великого князя, вспоминала: «Он был ловким танцором, талантливым, выдающимся драматическим артистом, и не будь он принцем царской крови, он достиг бы громкой славы. Все русское общество хорошо помнит, так же как и я, постановку “Бориса Годунова” Алексея Толстого в театре Эрмитажа. Великий князь Сергей, командовавший

Преображенским полком и бывший впоследствии московским генерал-губернатором, играл Федора, сына Бориса Годунова, играл весьма посредственно, но зато роль молодого датского принца Христиана, жениха Ксении, отравленного националистами того времени, была блестяще, с большим темпераментом исполнена великим князем Павлом. Находившийся тогда в Петербурге великий итальянский трагик Сальвини был также приглашен на этот парадный спектакль. Он сидел рядом со мной и сказал мне: "Как жаль, что такой большой талант погибает для сцены…"… Все знавшие великого князя могли убедиться в его благородстве. Это была исключительно гармоничная натура. Чрезвычайно вежливый с окружающими, скромный, доброжелательный, он тем не менее всегда сохранял благородство осанки и, как бы ни был он прост в отношениях с людьми, нельзя было ни на минуту забыть, что перед вами – великий князь. Он был большим семьянином, и его любимым занятием было чтение. Вместе со своим братом Сергеем он получил, под руководством адмирала Арсеньева, очень тщательное образование. Преподавателями его были лучшие ученые силы столицы. У него были особенные способности к языкам»1008.

Павел Александрович был дважды женат. Его первая жена – принцесса Александра Греческая – умерла от родов в двадцать один год. От брака было двое детей: дочь – великая княгиня Мария Павловна («Младшая», как ее называли в «семействе» Романовых) и сын – великий князь Дмитрий Павлович, участник убийства Г.Е. Распутина, за что Николаем II был сослан в Персию на фронт в отряд генерала Н.Н. Баратова.

Повторно Павел Александрович сочетался морганатическим браком в Ливорно в 1902 г. с Ольгой Валериановной Пистолькорс (урожденной Карнович). На это бракосочетание не было получено «высочайшее соизволение», что повлекло за собою лишение некоторых прав, присвоенных великому князю как члену императорской фамилии, а также увольнение в отставку и высылку из России. Вынужденные вследствие этого проживать за границей, великий князь с супругой, пробыв около двух лет в Италии, переселились в Париж. Регентом Баварии Ольге Валериановне был пожалован титул графини Гогенфельзен.

Графиня М.Э. Клейнмихель впоследствии писала: «Сколько приятных вечеров мы провели в его прекрасной вилле в Булони! Я часто встречала там супругов Жан де Реске, Райнальда Гана, Поля Бурже с женой, принца и принцессу Мюрат, прелестную графиню Роберт де Фиц Джемс, графиню Пурталес, леди де Грей и многих других»1009.

При первой представившейся возможности, получив разрешение царя, великий князь Павел Александрович со своей женой вернулся на родину, где вскоре получил командование гвардейским корпусом. За боевые заслуги в годы Первой мировой войны он был отмечен Георгиевским крестом. Император Николай II пожаловал супруге Павла Александровича титул княгини О.В. Палей (гетман Палей приходился родственником предкам Карновичей).

В воспоминаниях графини М.Э. Клейнмихель дается описание последней встречи ее с великим князем на свободе в 1918 г.:

«Вместо дорогого лимузина, отвозившего ранее гостей, нас извозчик подвез на маленькую дачу, которую они занимали после того, как у них отняли их великолепный дворец. Я нашла великого князя очень изменившимся. Сохранив все еще свою осанку, свое благородство, он все-таки выглядел исхудавшим, осунувшимся. Как всегда любезный и приветливый, он казался почти счастливым и даже улыбался. Когда его супруга была возле него, ему, казалось, ничего более не надо было: в ее нежности, которой она его окружала, в ее взгляде – для него заключался весь мир. Семейная жизнь их была очень трогательной. Они получили письма от сына, сосланного вместе со своими кузенами на Урал. Княгиня читала мне эти письма, эти стихотворения в прозе, в которых бедный юноша изливал, в возвышенных чувствах, свою душу, что слезы выступали на моих глазах. И этот юноша, с такою чистою душой, умер смертью мученика. Его, вместе с великим князем Сергеем Михайловичем, сестрой Государыни и князьями Иоанном, Константином и Игорем, большевики бросили в яму и зверски убили градом камней»1010.

Свое 58-летие великий князь Павел Александрович встретил в Петропавловской крепости и вскоре разделил участь своего младшего сына. По свидетельству современников, великий князь совершенно не интересовался политикой, но это не помешало его казни.

Великий князь Дмитрий Константинович – младший сын великого князя Константина Николаевича, генерал от кавалерии, 59-летний холостяк, был известен в «светском обществе» своим излюбленным изречением: «Берегись юбок». Вел замкнутый образ жизни, занимался коннозаводством и скачками. К началу Первой мировой войны он почти полностью потерял зрение и мог лишь, проклиная судьбу, втыкать флажки в карту военных действий.

Великий князь Георгий Михайлович – сын великого князя Михаила Николаевича, родился в 1863 г. Служил в лейб-гвардии конной артиллерии, генерал от инфантерии, во время Первой мировой войны состоял при Ставке Верховного главнокомандующего. В 1915–1916 гг. с особой миссией ездил в

Японию. Он был неплохим рисовальщиком, женат на принцессе Марии Греческой и имел двух дочерей.

Великий князь Николай Михайлович родился в 1859 г. и по традиции, едва родившись, стал шефом 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады, а также других гвардейских частей. Мать мечтала о его блестящей военной карьере, и, чтобы угодить ей, он получает военное образование, занимая впоследствии командные должности в армии. Не будет большим преувеличением сказать, что он был самым творчески одаренным человеком из многочисленной императорской фамилии. Эрудит, знавший шесть языков. Энтомолог, собравший богатейшую коллекцию насекомых и в свои 16 лет за публикацию трудов избранный членом Французского энтомологического общества. Председатель Императорского исторического общества, историк и эксперт по эпохе Александра I, без работ которого не обходится ни один серьезный исследователь. В «семействе Романовых» он слыл «опасным либералом» и получил еще в молодости прозвище «Филипп Эгалите» (член французской королевской династии, представлявший при дворе оппозицию).

Либерал, принимавший активное участие в общественном движении после Февральской революции. Меценат, щедро субсидирующий художников и ученых.

Его брат, великий князь Александр Михайлович (1866–1933), вспоминал: «Его ясный ум, европейские взгляды, врожденное благородство, его понимание миросозерцания иностранцев, его широкая терпимость и искреннее миролюбие стяжали бы ему лишь любовь и уважение в любой мировой столице. Низменная зависть и глупые предрассудки не позволили ему занять выдающегося положения в рядах русской дипломатии, и вместо того чтобы помочь России на том поприще, на котором она более всего нуждалась в его помощи, он был обречен на бездействие людьми, которые не могли ему простить его способности, ни забыть его презрение к их невежеству…

В ранней молодости он влюбился в принцессу Викторию Баденскую. Эта несчастная любовь разбила его сердце, так как православная церковь не допускала браков между двоюродными братом и сестрой. Она вышла замуж за шведского короля Густава-Адольфа, он же остался всю свою жизнь холостяком и жил в своем слишком обширном дворце, окруженный книгами, манускриптами и ботаническими коллекциями»1011.

Великий князь Николай Михайлович был дружен и поддерживал переписку с великим русским писателем Львом Николаевичем Толстым. В этой переписке отражается все то, чем жила Россия, что мучило ее. Толстой даже прибегает к

посредничеству великого князя для передачи Николаю II своего послания – не только для того, чтобы письмо попало прямо «в руки Государю», но и потому, что письмо это могло иметь «хорошие для многих последствия. А к этому, сколько я понял, Вы не можете быть равнодушны»1012.

Николай Михайлович с готовностью исполняет просьбы Льва Толстого: вызволить попавших в беду духоборов на Кавказе, способствовать в получении архивных документов, необходимых писателю для работы над «Хаджи-Муратом». В письмах к Льву Николаевичу великий князь делится своими творческими замыслами, впечатлениями от путешествий. Их доверительным взаимоотношениям не мешало расхождение в некоторых позициях, например, в вопросах о частной земельной собственности в России, – мнение их о необходимости перемен едино. «Средства лечения – вот где рознь наша»1013,– писал Толстому великий князь.

Николай Михайлович резко и пророчески отзывался о Первой мировой войне: «…к чему затеяли эту убийственную войну, каковы будут ее конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всех странах произойдут громадные перевороты. Мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войн. У нас на Руси не обойдется без крупных волнений и беспорядков… особенно если правительство будет бессмысленно льнуть направо, в сторону произвола и реакции»1014.

За критику царского правительства, за письмо, которое он написал и передал 1 ноября 1916 г. императору Николаю II, где указывал на гибельность для династии и России проводимый курс политики, и особенно критиковал вмешательства в государственные дела Александры Федоровны, великий князь попадает в «опалу». Положение Николая Михайловича усугубилось тем, что он критиковал царскую чету и подписал коллективное письмо членов «семейства» Дома Романовых после убийства Григория Распутина о смягчении участи великого князя Дмитрия Павловича и князя Ф.Ф. Юсупова. Незамедлительно последовала ответная реакция Александры Федоровны: «Пожалуйста, прикажи Ник. Мих. уехать – он опасный элемент здесь в городе». Через фельдъегеря великий князь получает приказание царя выехать в ссылку в свое имение Грушовку Херсонской губернии. Николай Михайлович не смерился с положением и находился в переписке со многими родственниками и представителями оппозиции, когда исподволь решались судьбы династии и Российской империи. Едва кончается срок ссылки, он появляется в Петрограде и застает события, связанные с отречением Николая II и «не восприятия»

верховной власти до решения Учредительного собрания, великого князя Михаила Александровича.

Известно, что 9 марта 1917 г. он пишет письмо А.Ф. Керенскому, где сообщает о своих усилиях заручиться отказами от прав на престол всех великих князей. Многие из этих заверений великих князей в лояльности к новому порядку были опубликованы в прессе. Возможно, ссылка и многие политические перемены в стране заставили Николая Михайловича изменить свои взгляды на государственный строй России. Великий князь даже помышлял об избрании в Учредительное собрание от Тамбова, где владел имением, и обсуждал этот проект с А.Ф. Керенским. Но в июле 1917 г. Временное правительство перечеркивает все эти проекты, приняв постановление о лишении избирательных прав представителей династии Романовых.

Всю жизнь великий князь Николай Михайлович мечтал увидеть возле своего дворца памятник декабристам…

Однако для Советской власти все великие князья являлись в первую очередь представителями контрреволюции, что и показали последующие события. За 60-летнего Николая Михайловича ходатайствовал Максим Горький, но просьба была отклонена. В частности, об этом факте имеется подтверждение в воспоминаниях великого князя Александра Михайловича: «Максим Горький просил у Ленина помилования для Николая Михайловича, которого глубоко уважали даже на большевистских верхах за его ценные исторические труды и всем известный передовой образ мысли.

– Революция не нуждается в историках, – ответил глава Советского правительства и подписал смертный приговор…»1015.

Не помогли даже публикации в газетах о заинтересованности мировой научной общественности в трудах Николая Михайловича. Так, например, еще 17 июля 1918 г. «Петроградская газета» извещала своих читателей: «Бывший великий князь Николай Михайлович получил от лейпцигского Брокгауза предложение продать свои сочинения за 5 млн. марок. Литературный архив его покупает Королевская Берлинская Академия. Такие же предложения сделаны и семье покойного Константина Константиновича (Старшего. – *В.Х.*), литературное наследство которого привлекло внимание германских музеев».

Однако как Николай Михайлович, так и Дмитрий Константинович – брат писателя «К. Р.» (великого князя Константина Константиновича Романова), продолжали ждать своей участи в застенках Петропавловской крепости.

С сентября 1918 г. по декрету Совнаркома Россия стала жить под знаком красного террора и диктатуры ВЧК.

За одно только покушение эсерки Фани Каплан на В.И. Ленина были убиты тысячи заложников; людей, не только не знакомых с Каплан, но за год до того даже не подозревавших о существовании вождя «мировой революции». Между прочим, следствие по этому делу вел все тот же знакомый нам чекист Я.М. Юровский. Расплачиваться за покушение должны были заложники.

В газетах сообщалось: «Петроград. 6 сентября. В “Северной Коммуне” опубликован 1-й список заложников, которые будут расстреляны в случае, если будет убит кто-либо из советских работников. Список начинается бывшими великими князьями: Дмитрием Константиновичем, Николаем Михайловичем, Георгием Михайловичем, Павлом Александровичем, Гавриилом Константиновичем…»

Еще перед расстрелом царской семьи в июле 1918 г. Председателем Совнаркома В.И. Лениным был подписан «Декрет о конфискации имущества низложенного Российского императора и членов императорского дома», в котором говорилось:

«1. Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией Российскому императору Николаю Александровичу Романову, бывшим императрицам: Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего Российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях, как в России, так и за границей, объявляется достоянием Российской Социалистической Советской Республики.

2. Под членами бывшего Российского императорского дома подразумеваются все лица, внесенные в родословную книгу быв. Российского императорского дома: бывший наследник цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини и великие княжны и бывшие князья, княгини и княжны императорской крови…»

Сделаем небольшое отступление. Представители многочисленного Императорского Дома Романовых, остававшиеся в России еще на свободе, вынуждены были приспосабливаться к новым советским условиям. Принадлежность к Императорскому Дому теперь являлась небезопасной. Так, в письме управляющего делами князя С.Г. Романовского, направленном 18 августа 1918 г. в Петроградское отделение Наркомата имуществ, говорилось: «Прошу о выдаче мне, на основании имеющейся в делах Комиссариата Имуществ Республики копии родословной книги б. Императорского Дома, удостоверение в том, что мои доверители князь Сергей Георгиевич

Романовский герцог Лейхтенбергский и его сестра княжна Елена Георгиевна Романовская герцогиня Лейхтенбергская, ныне графиня Тышкевич, не внесены в означенную книгу. Управляющий делами С. Зиновьев»1016.

Центральные и местные советские средства массовой информации продолжали антимонархическую кампанию, нагнетая истерию и страхи заметками, подобными нижеприведенным:

«[1 августа 1918 г.] В Новочеркасске под председательством Родзянко состоялось собрание Союза общественных деятелей. Перводумец Аладьин заявил, что спасение России и возрождение в ее прежних пределах возможно только путем монархии».

«Белоостров, 4 сентября. По полученным из Гельсингфорса сведениям, бывший великий князь Дмитрий Павлович сражается вместе с англо-французами в окрестностях Архангельска. Согласно последним сведениям, Дмитрий Павлович командует отрядом, состоящим из англичан и русских белогвардейцев. Сообщают, что англичане проектируют Дмитрия Павловича посадить на русский престол».

Конечно, информация о великом князе Дмитрии Павловиче это была наглая и заведомая ложь, с целью дезинформации и идеологической обработки населения. «Девятый вал» подобных публикаций накрыл все периодические издания. Харьковская газета «Русская жизнь» 10 сентября 1918 г. писала, что «в Новочеркасске открылся “монархический” съезд, на котором видную роль играет бывший командующий войсками Киевского округа Н.И. Иванов. Съезд намерен организовать во всех городах России “монархические” ячейки, чтобы потом провозгласить старшего из рода Романовых Всероссийским Императором».

Исподволь народу внушалось, что с приходом к власти Романовых будут реставрированы старые порядки, у рабочих будут отобраны фабрики и заводы, у крестьян – земля. Таким образом, оправдывались репрессии по отношению к Романовым, и подготовлялось запланированное уничтожение оставшихся представителей императорской фамилии, символа старого порядка и непримиримого классового врага.

В «Бюллетене Бюро Печати при ВЦИК» № 144 от 2 сентября 1918 г. с удовлетворением отмечались плоды подобной политики: «По поводу монархических демонстраций в киевских ресторанах Украинский Министр внутренних дел предписал участников подобных демонстраций задерживать и

отправлять в Россию, “дабы они там могли с честью на деле проявить свою преданность дорогим для них политическим идеям”»1017

Разумеется, по замыслу авторов упомянутой заметки «благополучие» таких сторонников в Советской России было бы обеспечено. Примером этому была незавидная участь великих князей.

О последнем периоде жизни великих князей в Петропавловской крепости нам мало что известно. Достоверное единственное свидетельство об обстоятельствах трагического конца четверых великих князей в Петрограде – воспоминания чудом спасшегося князя Гавриила Константиновича, который позднее эмигрировал в Германию:

«15-го августа н[ового] с[тиля] 1918 года меня арестовали по приказанию Чека и, продержав там, в полном неведении несколько часов, отвезли в Дом предварительного заключения… Тюрьма на меня произвела удручающее впечатление.

Особенно теперь, в такое тяжелое время и в полном неведении будущего. Мои нервы сдали. Пришел начальник тюрьмы, господин с седой бородой и очень симпатичной наружности. Я попросил меня поместить в лазарет, как обещал сделать Урицкий. Но постоянного лазарета в Доме предварительного заключения не оказалось, и начальник тюрьмы посоветовал мне поместиться в отдельной камере.

Меня отвели на самый верхний этаж, в камеру с одним маленьким окном за решеткой. Камера была длиной в шесть шагов и шириной в два с половиной. Железная кровать, стол, табуретка – все было привинчено к стене. Начальник тюрьмы приказал мне положить на койку второй матрац.

В этой же тюрьме сидели: мой родной дядя великий князь Дмитрий Константинович и мои двоюродные дяди – великие князья Павел Александрович, Николай и Георгий Михайловичи.

Вскоре мне из дома прислали самые необходимые вещи, и я начал понемногу устраиваться на новой квартире. В этот же день зашел ко мне в камеру дядя Николай Михайлович. Он не был удивлен моим присутствием здесь, т. к. был убежден, что меня тоже привезут сюда. Дядя Дмитрий Константинович помещался на одном этаже со мной, но его камера выходила на север, а моя на восток. Дяди Павел Александрович, Николай и Георгий Михайловичи помещались этажом ниже, каждый в отдельной камере…

В этот же день мне удалось пробраться к дяде Дмитрию Константиновичу. Стража смотрела на это сквозь пальцы, прекрасно сознавая, что мы не виноваты. Я подошел к камере дяди, и мы поговорили в отверстие в двери… Я нежно любил дядю Дмитрия; он был прекрасным и очень добрым человеком и являлся для нас как бы вторым отцом. Разговаривать пришлось недолго, потому что разговоры были запрещены…

Тюремная стража относилась к нам очень хорошо. Я и мой дядя Дмитрий Константинович часто беседовали с ними, и они выпускали меня в коридор, позволяли разговаривать, а иногда даже разрешали бывать в камере дяди. Особенно приятны были эти беседы по вечерам, когда больше всего чувствовалось одиночество.

С разрешения большевиков ко мне приходил наш домашний врач… Ввиду моей болезни, меня навещала часто и тюремная сестра милосердия… Встречи с моими дядями продолжались. Мы обычно встречались на прогулках и обменивались несколькими фразами. Странно мне было на них смотреть в штатском платье. Всегда носившие военную форму, они изменились до неузнаваемости. Я не могу сказать, что тюрьма сильно угнетала их дух…

Однажды на прогулке один из тюремных сторожей сообщил нам, что убили комиссара Урицкого… Скоро начались массовые расстрелы, а на одной из прогулок до нас дошло известие, что мы все объявлены заложниками. Это было ужасно. Я сильно волновался. Дядя Дмитрий Константинович меня утешал:

– “Не будь на то Господня воля!..” – говорил он, цитируя “Бородино”, – “не отдали б Москвы”, а что наша жизнь в сравнении с Россией – нашей родиной?

Он был религиозным и верующим человеком, и мне впоследствии рассказывали, что умер он с молитвой на устах. Тюремные сторожа говорили, что когда он шел на расстрел, то повторял слова Христа: “Прости им, Господи, не ведают, что творят…”»1018.

Только благодаря вмешательству М. Горького удалось избежать печальной участи своих родственников князю императорской крови Гавриилу Константиновичу Романову. На этом стоит остановиться особо. Родственники и лечащий врач И.И. Манухин ходатайствовали за больного Гавриила Константиновича не только перед Г.Е. Зиновьевым в Петрограде, но и обратились к Управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу. В частности, в письме Ивана Ивановича Манухина, направленном в Совнарком 19 августа 1918 г, подчеркивалось: «…тяжелый тюремный режим, в котором сейчас находится такой серьезный больной, является для него, безусловно,

роковым; арест в этих условиях, несомненно, угрожает опасностью для его жизни. Об этом только что сообщено мною и врачом Дома предварительного заключения Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Узнав там, что арест гражданина Г.К. Романова проведен по распоряжению Совета Народных Комиссаров, я обращаюсь к Вам и к Совету Народных Комиссаров с просьбой изменить условия его заключения, а именно, перевести арестованного в частную лечебницу под поручительство старшего ее врача (а если этого недостаточно, то и под мое личное поручительство) в том, что он никуда не уйдет и явится по первому Вашему требованию. Я прошу хотя бы об этом…»1019.

По документам видно, что между Петроградом и Москвой шел обмен мнениями. Сохранилась телеграмма Петроградской ЧК на имя Управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича от 22 октября 1918 г., в которой значится: «Гавриил Романов арестован как заложник содержится квартира Горького болен [в] сильной степени туберкулезом. За председателя Чрезкома Яковлева. [№] 13623»1020. Здесь следует заметить, что в своих воспоминаниях Гавриил Константинович писал: «…комиссар показал мне бумагу, в которой значилось, что меня из тюрьмы перевозят в клинику Герзони»1021.

В тот же день 22 октября 1918 г. из Кремля пошла телеграмма:

«Петроград. Смольный, Зиновьеву.

Боюсь, что Вы пошли чересчур далеко, разрешив Романову выезд [в] Финляндию. Не преувеличены ли сведения о его болезни? Советую подождать, не выпускать сразу в Финляндию. Ленин»1022.

Дело, сдвинутое с мертвой точки, вновь застопорилось. Прошел еще почти месяц. 20 ноября 1918 г. Максим Горький обращается к В.И. Ленину со следующим письмом:

«Дорогой Владимир Ильич!

Сделайте маленькое и умное дело, – распорядитесь, чтобы выпустили из тюрьмы бывшего великого князя Гавриила Константиновича Романова. Это – очень хороший человек, вопервых, и опасно больной, во-вторых.

Зачем фабриковать мучеников? Это вреднейший род занятий вообще, а для людей, желающих построить свободное государство, – в особенности.

К тому же немножко романтизма никогда не портит политики.

Вам, вероятно, уже известно, что я с А.В. Луначарским договорился о книгоиздательстве. С этим делом нужно торопиться, и я надеюсь, что Вы сделаете все, зависящее от Вас, для того, чтобы скорее поставить это громоздкое дело на рельсы.

Выпустите же Романова и будьте здоровы.

А. Пешков.

Вот что: болезнь Надежды Константиновны следовало бы лечить д-ру Ив. Манухину. У него есть свой метод лечения той болезни, метод весьма удачный. Может быть, Н[адежда] К[онстантиновна] приехала бы сюда и потолковала с Манухиным.

Привет ей. А. П[ешков]»1023.

Так удалось спастись от неминуемой гибели князю Гавриилу Константиновичу Романову. Академия наук также обратилась в Совнарком с ходатайством об освобождении великого князя Николая Михайловича. В этом документе, подписанном Президентом РАН академиком А. Карпинским 23 декабря 1918 г., указывалось: «Российская Академия наук считает своим долгом обратить внимание Совета Народных Комиссаров на тяжелое положение одного из ее почетных членов Николая Михайловича Романова, б. великого князя, давно известного ей своими плодотворными трудами на пользу русской науки.

С конца 1870-х гг. Николай Михайлович уже выступал с работой, касающейся чешуекрылых… и продолжал печатать целый ряд мемуаров, посвященных их изучению и появившихся в течение последующих десятилетий прошлого века… Вскоре затем Николай Михайлович принес в дар Академии, вместе с оставшимися экземплярами роскошного своего издания, и «беспримерную по своей ценности и научному значению» коллекцию в 110 220 экземпляров палеарктических бабочек, благодаря которой Зоологический музей Академии стал обладателем “одного из богатейших, если не единственного в мире собрания” подобного рода, составленного преимущественно из сборов русских путешественников.

С начала нынешнего столетия Николай Михайлович перенес главный центр своих занятий в область изучения русской истории нового времени. По появлении монографии о князьях Долгоруких (1901), выдержавшей в течение двух лет два издания, он напечатал весьма ценное исследование о графе Павле

Александровиче Строганове в трех томах (1903) и, таким образом, естественно, перешел к эпохе Александра I, на детальной разработке которой он преимущественно сосредоточил свое внимание: одновременно с изданием нескольких важнейших источников, касающихся этого времени, каковы, например, донесения послов императоров Александра I и Наполеона I…

…Признавая весьма желательным предоставить возможность Николаю Михайловичу продолжать свою плодотворную работу на пользу русской науки, Академия ходатайствует о его освобождении».

На письме академика имеется резолюция Наркома просвещения А.В. Луначарского: «Глубоко сочувствую этому ходатайству. На мой взгляд, Ник. Мих. Романов должен был быть выпущен давно. Прошу рассмотреть на ближайшем заседании Совнаркома».

Ходатайство Академии наук поступило в Совнарком лишь 4 января 1919 г., а двумя днями позже Николай Михайлович пишет личное письмо А.В. Луначарскому:

«Седьмой месяц пошел моего заточения в качестве заложника в Доме предварительного заключения. Я не жаловался на свою судьбу и выдерживал молча испытания. Но за последние три месяца тюремные обстоятельства изменились к худшему и становятся невыносимыми. Комиссар Трейман, полуграмотный, пьяный с утра до вечера человек, навел такие порядки, что не только возмутил всех узников своими придирками и выходками, но и почти всех тюремных служителей, может во всякую минуту произойти весьма нежелательный эксцесс.

За эти долгие месяцы я упорно занимаюсь историческими изысканиями и готовлю большую работу о Сперанском, несмотря на все тяжелые условия и недостаток материалов.

Убедительно прошу всех войти в мое грустное положение и вернуть мне свободу. Я до того нравственно и физически устал, что организм мой требует отдыха, хотя бы на три месяца. Льщу себя надеждою, что мне разрешат выехать куда-нибудь, как было разрешено Гавриилу Романову выехать в Финляндию. После отдыха готов опять вернуться в Петроград и взять на себя какую угодно работу по своей специальности, поэтому никаких коварных замыслов не имел и не имею против Советской власти.

Просил бы эти строки довести до сведения Народного Комиссара Луначарского или просто передать их ему.

Николай Михайлович Романов.

6 января 1919 г.

Дом предварительного заключения

Камера № 207».

Заседание Совнаркома, рассматривавшего этот вопрос, состоялось только 16 января 1919 г. Председательствовал на нем В.И. Ленин.

На заседании Совнаркома выступил председатель Вологодского губисполкома и член губкома РКП(б) тов. Ш.З. Элиава, который отметил:

«Никаких конкретных данных, изобличающих Н. Романова в контрреволюционной деятельности, у меня не имеется. За время пребывания Романова в Вологде в ссылке (с апреля по июль 1918 г.) наблюдение установило частные сношения Романова с Японским правительством. Вообще он вел в Вологде замкнутый образ жизни.

Из личных бесед с ним я вынес впечатление о нем, как о человеке большого ума и хитром.

Вообще же считаю, что он для нас совершенно не опасен».

В результате обсуждения вопроса на Совнаркоме было принято расплывчатое и двусмысленное решение:

«Запросить Петроградскую ЧК и т. Элиава и отложить разрешение этого вопроса до получения ответа, если т. Луначарский не представит до тех пор исчерпывающих данных».

Трудно понять, какие «исчерпывающие данные» должен был предоставить А.В. Луначарский – труды Николая Михайловича или коллекцию бабочек из Зоологического музея. Однако вывод ясен, что «верховные комиссары» очередной раз сделали маневр, чтобы уйти от прямой ответственности за судьбу великих князей. В другом месте – в Президиуме ВЧК, прекрасно понимали ситуацию, принимая постановление об «утверждении к лицам быв. царск[их] княз[ей] Романовых» высшей меры наказания.

17 января 1919 г. из Совнаркома в Петроградскую ЧК была направлена следующая депеша:

«Российской Академией Наук внесено через тов. Луначарского в Совет Народных Комиссаров ходатайство об освобождении б. вел. князя Н.М. Романова.

В заседании от 15-го января с. г. Советом Народных Комиссаров постановлено запросить заключения Петроградской Чрезвычайной Комиссии и отложить разрешение этого вопроса до получения ответа».

Мы не располагаем пока сведениями, каким образом чекисты «разбирались» с делом «великокняжеских заложников», но по ходу переписки между Совнаркомом и ЧК можно предположить ведение «двойного» делопроизводства, по подобию «двойной бухгалтерии». Уже через два дня в Москву пришла телеграмма из Петрограда:

«В ответ на Ваше отношение от 17-го января с. г. за № А/326, Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Союзе Коммун Северной Области доводит до Вашего сведения, что на заседании Президиума Чрезвычайной Комиссии от 24-го декабря 1918 года по вопросу о заложниках – членах бывшей императорской фамилии было постановлено запросить ВЧК, как поступить с указанными выше заложниками, присовокупив мнение Президиума, что их следует немедленно расстрелять. Полученный нами ответ гласит, что предлагаемая нами упомянутая мера наказания утверждается Президиумом ВЧК и Центральным Исполнительным Комитетом.

Принимая во внимание все вышеизложенное… Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете Коммун Северной Области полагает, что не следовало бы делать исключение для б. великого князя Н.М. Романова, хотя бы по ходатайствам Российской Академии Наук».

Не правда ли, весьма странная «челночная дипломатия» по получению желаемого ответа: Москва в лице Совнаркома запрашивает Петроградскую ЧК, Петроград в свою очередь ссылается на Президиум ВЧК, то есть на ту же Москву. Однако цель достигнута: общее мнение одобрено, «дело» прошло по кругу и при желании можно «затерять концы» в коллективной ответственности за очередное преступление. Осталось только поставить «точку над i». Действовали по принципу: «Лучший враг – мертвый враг». На согласование команды по постановке последней точки ушло еще несколько дней. В результате многоходовой переписки великие князья Николай Михайлович, Павел Александрович, Дмитрий Константинович и Георгий Михайлович были расстреляны. Это произошло глубокой ночью 27 января 1919 г. во дворе Петропавловской крепости «в порядке красного террора», т. е. за несколько дней до отмены смертной казни. Позднее появилась версия, что казнь была

произведена в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта».

31 января 1919 г. в петроградских газетах появилось лаконичное сообщение: «По постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией С[оюза] К[оммун] С[еверной] Области] расстреляны бывшие великие князья Романовы Павел Александрович, Николай Михайлович, Дмитрий Константинович и Георгий Михайлович».

Очевидно, слишком абсурдным показался привычный довод о политической необходимости вырвать монархическое знамя из рук контрреволюции. В связи с этим запустили новую версию, о которой вполне серьезно упоминает графиня М.Э. Клейнмихель: «Я слыхала, что Ленин, за несколько дней до совершения этого преступления, собирался выдать приказ об освобождении великих князей. Этот приказ должен был быть в то же утро доставлен Максимом Горьким в Петербург. Большевик Петерс телеграфировал председательнице ужасной кровавой комиссии для борьбы с контрреволюцией Яковлевой: “Приказ об освобождении великих князей подписан. Примите надлежащие меры”. Эта двусмысленная телеграмма была истолкована Яковлевой на свой лад, и думается, что и Петерс послал не без задней мысли такую телеграмму. В морозную январскую ночь четверо великих князей были выведены из тюрьмы в Петропавловскую крепость и там расстреляны…»1024.

Не правда ли, все это напоминает хорошо знакомое школьное упражнение по грамматике с пропущенной запятой: казнить нельзя помиловать?! Однако была другая грамматика в действии и рано или поздно, документ с распоряжением расстрела великих князей станет достоянием гласности.

Эпилог

Прошло девяносто лет после гибели ряда представителей династии Романовых. Сегодня Россия вновь на рубеже «перелома» истории и многие «легендарные» события революций и Гражданской войны всеми нами переосмысливаются с точки зрения реалий и объективности. Невольно задаешься вопросом: почему все именно так произошло и могло ли быть по-другому?

В течение всей истории советского общества образ последнего императора Российского, как правило, преподносился нам в тенденциозном и негативном свете, как образ Николая Кровавого – врага жестокого и коварного. Документы свидетельствуют, что в самодержце, как и в любом смертном, были и положительные, и отрицательные стороны. Однако ему не откажешь в

проявлении воли, благоразумия и искреннего патриотизма. Каждый из читателей, соприкоснувшийся с этими драматическими страницами истории России, видит прежде всего то, что ему импонирует, что он желает увидеть. Мы же старались показать события с полярных граней происходящего, с позиций противоборствующих лагерей, показать восприятие этих событий через призму отдельных представителей императорской фамилии и, самое главное, изложить все максимально языком фактов, архивных документов и свидетельств очевидцев.

Грозные события Февральской революции, как мы видели, Николай II встретил при неблагоприятных обстоятельствах раздора Императорского Дома, фактически в политической изоляции и надломленном духовном состоянии, среди всеобщего нарастающего мятежа и надвигающейся разрухи. Все жаждали обновления, но каждый представлял это обновление на свой лад. После отречения царя, а фактически его низложения, бывшие недавние венценосные кумиры стали политическими заложниками новой власти. Но тень более чем 300-летней династии Романовых продолжала тревожить и Временное правительство, и Петросовет. Схватка за власть продолжалась и после свержения самодержавия уже между новыми политическими силами, а проблемы кризиса и разрухи в стране все более усугублялись.

Обвинения Николая II во всех грехах после его устранения с течением времени становились все менее состоятельными, так как в государстве при новых правителях не становилось (мягко говоря) лучше. Вспоминаются доводы императора при отречении от престола относительно «правительства доверия» и его состава, которые он приводил Н.В. Рузскому и которые позднее были опубликованы в интервью генерала журналистам: «Основная мысль Государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку…”. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, – все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»1025. Прогноз Николая II оказался верным.

Лидеры оппозиции, критиковавшие самодержавие, оказались лишь временщиками и плохими управленцами, не способными вывести из охватившей страну политической анархии и экономического хаоса. Не лучше

было и положение на фронте. Романовы были отодвинуты на второй план, но продолжали оставаться в роли «громоотвода» при кризисных политических ситуациях.

Временное правительство назначило Чрезвычайную Комиссию по расследованию злоупотреблений царских сановников, но, несмотря на пристрастное следствие, было вынуждено признать, что все обвинения и нападки на Николая II и его супругу не имели фактического основания. Тем не менее арест с царской семьи снят не был и начавшийся крестный путь в Тобольск завершился плахой в Екатеринбурге.

Бывший английский военный министр У.Черчилль позднее писал в своих мемуарах о Первой мировой войне и российском императоре:

«Ни в одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак – флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами – держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.

…В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерять по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начертывал план борьбы; порицание или хвала за

исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот – поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 г.; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 г. непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, – тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру – к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; его действия осуждают; его память порочат… Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых; людях честолюбивых и гордых духом; отважных и властных – недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями»1026.

Однако были и другие высказывания о Николае II английского политического деятеля Д. Ллойда Джорджа, которые часто цитировали в советские времена: «Заговорщиками, свергнувшими царизм, были, в сущности говоря, царица и Распутин; помощь в свержении царизма им оказали неспособные министры, которых сами выдвигали и которым оказывали поддержку царица и Распутин. Царь, сам того не сознавая, был главою заговора… Существовала корона, но без головы»1027.

Посеявшие ветер Февральской революции пожали бурю Октября, которая не только разрушила радужные перспективы, но поломала и оборвала судьбы многих, привела страну на грань катастрофы. Известно, что год спустя, незадолго до смерти, бывший начальник Генерального штаба М.В. Алексеев, стоявший у истоков организации Белого движения, говорил, что «никогда не прощу себе»1028 той роли, которую он сыграл в отречении царя. Многие из уцелевших политических и военных лидеров, оказавшись за кордоном, еще

долго изводили перья, чернила и бумагу, пытаясь задним числом оправдать свои поступки и действия, просто и коротко определявшиеся – «государственная измена».

Роль «громоотвода» была сохранена за Романовыми и после Октябрьской революции. Однако раскол общества, вылившийся в Гражданскую войну, изменил ситуацию. Новая волна революционеров, в массе своей воспитанная на примерах Великой французской революции, Робеспьера и Марата, во многом подражала им и опасалась возникновения российской «Вандеи». Следует заметить, что «реального» или сколько-нибудь значительного монархического заговора не было ни при Временном правительстве, ни при Советской власти. Тем не менее многие политические события, происходившие в России, преподносились с позиций реальной угрозы реставрации самодержавия и восстановления прежних порядков. Большой ажиотаж в это дело вносили периодически распространявшиеся слухи об очередном побеге или убийстве Николая II. Опровержение слухов давалось в прессе, что в какой-то степени (преднамеренно или нет) подготавливало общество к самым непредсказуемым событиям. Постепенно готовилась планомерная акция по уничтожению Романовых, и срок ее все приближался по мере того, как более зыбким становилось положение новой власти.

Впоследствии А.Ф. Керенский, комментируя сложившуюся ситуацию в России, отмечал: «Ленин был сторонником беспощадного террора без малейшего снисхождения. Только так меньшинство может навязать свою власть в стране. Когда, уже будучи в эмиграции, я спрашивал друзей Ленина из членов левых партий Европы или из меньшевиков о различиях между Лениным и Сталиным, все говорили: в отношении к террору различий между ними не было».

Таких же взглядов на террор придерживался и один из идейных вождей революции Л.Д. Троцкий. Идеи революционного террора в условиях Гражданской войны разделяли многие местные партийные организации. Это была вторая после Февральской революции волна требований о суде и казни Романовых. Так, 4 июля 1918 г. на имя вождя «мировой революции» из Петрограда поступила телеграмма:

«Коломенская организация большевиков единогласно постановила требовать от Совнаркома немедленного уничтожения всего семейства и родственников бывшего царя, ибо немецкая буржуазия совместно с русской восстанавливает царский режим в захваченных городах. [В] случае отказа [в] этом, решено собственными силами привести в исполнение это постановление.

Коломенский районный Комитет большевиков»1029.

Таким образом, сложилась довольно острая ситуация, в Кремле оказались перед жесткой дилеммой: казнить или миловать Романовых? Ответственность за сложившееся положение в полной мере нес главный «куратор» дела Романовых – председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов.

Вывозить Романовых с Урала в центр России, по мнению руководителей акции, было рискованно, проведение судебного процесса над Николаем II (как планировалось) в новой нестабильной обстановке было чревато непредсказуемыми последствиями. Осудить на смерть всю царскую семью было невозможно. Требования немцев о выдаче Александры Федоровны, ее сына Алексея и немецких принцесс могли стать реальностью. Выход был найден самый простой, но жестокий и бесчеловечный. По отношению к Романовым был попран один из принципов цивилизованного государства: каждый отвечает только за себя, а не за поступки членов своей семьи.

В центре отдавали себе отчет в совершенном злодеянии, ибо обнародовали сообщение только о казни Николая II. О судьбе остальных Романовых предпочитали умалчивать. В дипломатической же игре шло затягивание времени и постыдный торг «душами усопших». Советский полпред в Берлине А.А. Иоффе 10 сентября 1918 г. официально обратился в МИД Германии с предложением обменять бывшую царицу на Либкнехта…

За границей, начиная с 20-х годов, вышло немало книг, посвященных судьбе царской семьи. В некоторых из них утверждается, что Советское правительство нашло выход из «пиковой ситуации» с расстрелом Романовых, списав все грехи на самодеятельность местных функционеров и примерно наказав их. В частности, в книге английского корреспондента Р. Вильтона «Последние дни Романовых» (Берлин, 1923), указывается:

«Советская “Правда” в сентябре 1919 г. сообщила, что революционный суд, заседавший 4/17 сентября 1919 г. в Перми, в помещении Совета, судил 28 человек за убийство царя, его семьи и свиты, всего 11 человек. Среди обвиняемых – 3 члена Екатеринбургского совета, Грузинов, Яхонтов, Малютин; 2 женщины, Мария Апраксина, Елизавета Миронова. Прения доказали, что жертвы погибли от пуль. Яхонтов утверждал, что он организовал убийство главным образом с целью набросить тень на Советское правительство, так как с переходом в партию социал-демократов стал его противником… Яхонтов был приговорен к смертной казни за убийство царя. Грузинов, Малютин, Апраксина и Миронова были признаны виновными в краже царских вещей и тоже приговорены к смерти. Приговор был приведен в исполнение на следующий же день…»1030.

Информация об этом, по нашему мнению, мифическом процессе перекочевала в работы некоторых современных исследователей. Так, например, в них упоминается: «Приговор привели в исполнение на следующий же день. В состав Следственного комитета об убийстве Императора Николая II вошли… Янкель Свердлов, главный организатор убийства Царской Семьи, шесть его сородичей и трое русских»1031. Любовь к сенсациям углубляет историю, но порой уводит от истины. В данном случае необходимо искателям сенсаций напомнить, что Я.М. Свердлов скоропостижно скончался 16 марта 1919 г., т. е. задолго до начала судебного «процесса».

Любопытно, что ни один из советских и российских историков не видел этого материала в «Правде» и не упомянул о нем. Не видели его и мы. В чем дело?! Возможно, заграничное отделение РОСТА распространило эту информацию (или дезинформацию) со ссылкой на авторитетный советский источник. Может быть, это заметка какой-то провинциальной газеты с громким одноименным названием. Это еще одна тайна, требующая ответа в ближайшем будущем. Пока же определенно можем утверждать, что, по сообщениям местных газет Урала за 1919 г., «18 и 19 сентября в Пермском Революционном Трибунале рассматривалось шесть дел, из коих четыре имели широкое политическое значение». О процессе не сказано ни слова. О делах, имеющих «широкое политическое значение», можно только догадываться.

Однако наш поиск дал некоторые результаты в этом направлении. Известно, что после эвакуации из Екатеринбурга большинство чекистов (исключая тех, кто перебрался в Москву) обосновалось в Вятке. Возглавил ЧК Михаил Александрович Медведев (Кудрин). В начале 1919 г. Наркоматом юстиции и Следственной комиссией Верховного Революционного Трибунала было возбуждено дело по обвинению членов Вятской губернской ЧК в «преступлении по должности». Под следствие попали: М.А. Медведев – председатель коллегии, С.О. Хохряков – помощник заведующего агентурным отделом, а также В.А. Ведерников, Г.М. Суббоч, М.И. Яворский, А.В. Мешин, Б.И. Иевлев, Айзенберг, И.И. Родзинский, Горин, Петров, Почитаев, Никитин, Карпов, Бройдо.

Все они обвинялись в превышении власти, расстреле без основания ряда лиц, в преступлении по должности. Среди 12 пунктов обвинения значился и такой: «Расстрелянных добивали прикладами и рубили шашками. Солдаты из отряда ЧК занимались мародерством и все отнятое имущество поделили тут же. При расстреле присутствовали председатель ЧК Медведев и др. члены коллегии»1032. Однако тут же нашлись заступники, в ходатайстве от 13 января 1919 г. в Комиссию по расследованию злоупотреблений Вятской Чрезвычайной

Комиссии значилось: «Ознакомившись с Вашим постановлением об аресте членов Вятск. Губ. Чрезвыч. Комиссии, обвиняемых [в] расстреле администрации и надзора Вятского рабочего дома: Петрова, Медведева, Хохрякова, Почитаева, Мешина, Суббоча, Иевлева, Яворского, Бройдо, Ведерникова и Никитина, которые все принадлежат к членам Росс. Комм. Партии, мы нижеподписавшиеся члены Уральского Областного Комитета Росс. Комм. Партии и члены Областного Совета Р. К. и Арм. Деп. Урала Александр Георгиевич Белобородов и Георгий Иванович Сафаров, ссылаясь на постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, просим указанных выше лиц аресту не подвергать, причем заявляем, что они от следствия и суда не скроются и явятся по первому вызову Комиссии. А. Белобородов. Г. Сафаров. 13/1–19 г. г. Вятка»1033.

Дело сразу же стало тормозиться. Использовались любые способы. На требования Верховного Трибунала о явке ряда сотрудников «для ознакомления с следственным материалом освобожденных под Ваше поручительство», А.Г. Белобородов телеграфировал: «Ваша телеграмма получена 3 марта. Адреса Горина, Родзинского, Айзенберга неизвестны. Они выехали по распоряжению Уральского Комитета РКП»1034.

В конечном итоге склока между Вятским Совдепом и Вятской ЧК вылилась в следующее решение Наркомата юстиции от 4 апреля 1919 г.:

«Слушали: 1. По докладу Д.И. Курского о ревизии Вятского городского Совета Раб. и Кр. Депутатов.

Постановили: Передать дело в интересах беспристрастия и ввиду привлечения членов Городского Совета – в Верховный Трибунал»1035.

Таким образом, и исполнители «грязных дел» могли чувствовать себя в относительной безопасности. Не было и оправдательных публикаций об обстоятельствах гибели Романовых. Наоборот, в центральной прессе, в тех же «Известиях» 20 июля 1918 г. по поводу казни Николая II делалось заверение:

«Этим актом революционной кары Советская Россия дала торжественное предупреждение своим врагам, мечтающим о восстановлении царской старины или даже дерзающим посягать на нее с оружием в руках. Помещики и буржуазия за последнее время слишком ясно показали, что они стремятся к реставрации самодержавия и монархической диктатуре: везде, где они с помощью иностранных штыков получили возможность выявить свои затаенные вожделения, они, как на Дону и Украине, поспешили восстановить царские порядки. Они объявили рабоче-крестьянской России смертельную войну,

которая не может кончиться примирением, а должна неизбежно закончиться гибелью той или иной стороны…»

Имена представителей династии Романовых даже после их гибели активно использовались противоборствующими сторонами в политической и вооруженной борьбе. Организаторы белогвардейского движения и монархисты в корыстных целях объявляли то тут, то там о чудесном спасении Николая II, цесаревича Алексея и других членов царской семьи. Точно так же имя Михаила Романова использовали вплоть до 1922 г., призывая объединяться под его знаменами в военном походе против Советов и большевиков.

Из 65 членов Императорского Дома Романовых в 1918–1919 гг. 18 убили большевики, и 47 оказалось за рубежом. Белогвардейский следователь по особо важным делам Н.А. Соколов, продолжавший расследование обстоятельств гибели царской семьи и великих князей Романовых, находясь уже в эмиграции во Франции, в июне 1922 г. отправил письмо генералу Н.А. Лохвицкому, в котором, в частности, подчеркивал:

«Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном (едином плане), причем самым первым из них по времени погиб вел. кн. Михаил Александрович… За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии… Вопрос о жизни и смерти членов Дома Романовых был, конечно, решен задолго до смерти тех, кто погиб на территории России. Непосредственным поводом для этого послужила опасность Белого движения и, в частности, для судьбы великого князя Михаила Александровича не только в Сибири, но и в Северной России (Архангельск)…

Эта работа не прекращена и ныне, изменив приемы своей деятельности. Лица, ею руководящие, стараются всякими способами внести разложение в ряды русских людей, продолжающих интересоваться политическими вопросами и, в частности, посеять рознь и устранить активность действий Августейших особ. Самым главным приемом в этой деятельности является распространение версии о спасении членов царской семьи»1036.

Со стороны советской власти с первых дней делалось все, чтобы окончательно дискредитировать даже память о Романовых. Эту цель, в частности, преследовала появившаяся в 1922 г. в тверском издательстве брошюра «Последние дни последнего царя (Уничтожение династии Романовых)». В разделе «Романовы уничтожены основательно» указывалось: «В официальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Это обстоятельство дало

возможность монархистам и контрреволюционерам говорить о побегах некоторых членов семьи Романовых, о появлении их за границей и прочем. Например, Михаил Александрович якобы “жил” в Крыму в ожидании, пока Врангель восстановит царский трон в России, принадлежащий ему после отречения Николая. Все это, конечно, вымыслы и бредни. В июле 1918 года уральские рабочие, выполняя волю всего пролетариата и крестьянства России, довольно основательно и глубоко загнали осиновый кол в могилу последних отпрысков романовской тирании»1037.

В бурно развивающихся событиях, когда участь «революционных завоеваний» решалась на многочисленных фронтах Гражданской войны, трагическая судьба представителей Императорского Дома Романовых осталась в тени и неоднозначно воспринималась современниками. Известно, что 26 августа 1918 г. Добровольческая армия заняла Новороссийск. В этот период подтвердились слухи о расстреле большевиками императора Николая II в Екатеринбурге (на Урале). Из Екатеринодара с Северного Кавказа последовал приказ генерала А.И. Деникина отслужить добровольцам панихиды по Государю как по бывшему Верховному главнокомандующему Русской армии. Однако этот приказ был встречен на освобожденной от большевиков территории неоднозначно. Большинство офицеров и солдат молилась об упокоении души «убиенного венценосца». В среде интеллигентской «революционной демократии», хлынувшей на юг России в Екатеринодар, этот приказ критиковался и осуждался. В частности, генерал А.И. Деникин писал об этом: «Когда во время второго Кубанского похода на станции Тихорецкой, получив известие о смерти императора, я приказал Добровольческой армии отслужить панихиду, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати…»1038.

Однако имеются и другие примеры. Так, командующий войсками А.А. Павлов, воюющий на Донском фронте, в телеграмме из Сотницкой от 24 июля 1918 г. сообщал в Москву:

«Москва Высший Военный Совет. Копия Кремль Ленину, Троцкому.

Передаю копию приказа № 391 Всевеликому войску Донскому в гор. Новочеркасске седьмого июля (по старому стилю. *–В.Х.*) 1918 года: “Третьего июля в гор. Екатеринбурге большевиками красногвардейцами расстрелян отрекшийся от Всероссийского престола Государь император Николай Второй Александрович. Еще одно страшное кровавое злодеяние совершено врагами русского народа убит больной измученный человек, который всегда желал только России, когда сознал, что оставался на престоле дать этого счастья не

может, отрекся от престола, передав его тем, кто брался спасти. Еще целую и победоносную Россию мы донские казаки, мы русские люди, каких бы партий и мнений бы не были, не можем не скорбеть и не ужасаться пролитой крови, мы верою и правдою служившие многие десятки лет царю и отечеству и присягавшие царю на верность службы и им от присяги освобожденные соберемся помолиться об усопшем страдальце отрекшегося от престола Государя императора Николая Второго Александровича панихида будет отслужена в воинском соборе в понедельник в 12 час. дня. Донской атаман генерал-майор Краснов". И в заголовке газеты напечатано крупными буквами черный крест Императорское Величество отрекшийся от престола Государь император от руки злодеев в городе Екатеринбурге 3 июля сего года. Копия этой телеграммы мною объявляется в приказе по войска [№] 1094. Командующий Павлов»1039.

Взгляды генерала А.И. Деникина на смысл его борьбы и на будущую форму правления в России на протяжении длительного периода остались неизменны. 16 января 1920 г. на заседании Верховного казачьего круга он заявил:

«Я веду борьбу за Россию, а не за власть… Тем, кто хочет непременно читать в душах, я могу облегчить труд и совершенно искренне высказать свой взгляд на самое больное место нашего символа веры.

Счастье родины я ставлю на первый план. Я работаю над освобождением России. Форма правления – для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления, я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский желает той или другой власти»1040.

Стоит отметить, что значительная часть Белого движения разделяла монархические взгляды, но открыто, как правило, это не было провозглашено, не стало четкой общей целью. Среди противников диктатуры большевиков не было стержня, который объединял бы их в одно прочное целое. Белогвардейские правительства на территории России в годы Гражданской войны выступали чаще всего под знаменами «непредрешенчества» до созыва Учредительного собрания, которое должно было установить государственный строй в державе. По нашему мнению, главным образом это было связано с тем, что многие из генералов и лидеров Белого движения чувствовали за собой вину клятвопреступников перед «Богом, Царем и Отечеством», а чтобы признаться в этом, нужно было иметь мужество. Правда, многие из них поплатились за это своей жизнью, а другие, когда оказались в эмиграции, принесли свое

«покаяние» на страницах периодических изданий и в многочисленных мемуарах, но было уже поздно.

Генерал А.И. Деникин ощутит глубокое почтение к скорбному пути царской семьи, когда спустя годы узнает о глубине смирения, с которым Романовы ждали своего последнего часа. Он пишет в одном из писем: «Облик Государя и его семьи в смысле высокого патриотизма и душевной чистоты установлен в последнее время прочно бесспорными историческими документами»1041.

Хорошо известно, что раз свершенное преступление подвигает преступников к свершению новых преступлений и часто по уже отработанному шаблону. Когда полтора года спустя после убийства на Урале представителей династии Романовых чехословацкие легионеры передали в руки иркутских большевиков плененного ими адмирала А.В. Колчака, то В.И. Ленин направил шифрограмму Э.М. Склянскому для пересылки в Реввоенсовет 5-й армии: «Пошлите Смирнову шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так (имеется в виду расстрел Колчака. – *В.Х.*) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»1042. Как известно, адмирал Колчак «архинадежно» был расстрелян. Этот ленинский документ скрыть не удалось. Относительно недавно он был впервые опубликован в России1043, а за рубежом был известен уже более двух десятилетий тому назад. В советской историографии был опубликован и задействован другой документ о расстреле А.В. Колчака, на который ссылались как на распоряжение местной власти. Это телеграмма И.Н. Смирнова (подтвержденная приказом через курьера) руководителям коммунистической организации и советских органов в Иркутске о приведении казни в действие. Вот ее текст: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивости положения советской власти в Иркутске, настоящим приказываю вам находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с поручением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить»1044.

Стоит напомнить также участь террористки Ф.Е. Каплан (Ройтман), которая якобы 30 августа 1918 г. стреляла и ранила В.И. Ленина. К следствию на первых порах был подключен все тот же чекист Я.М. Юровский. В этом следствии также многое остается неясным до сих пор. Не понятны поспешность и жестокость приведения смертного приговора (тайно расстреляна комендантом

Кремля П.Д. Мальковым 3 сентября 1918 г.), а также сам факт сожжения трупа Каплан в железной бочке на территории Кремля.

Как мы видим, многое из перечисленных выше преступлений большевиков напоминает обстоятельства дела по массовому убийству представителей Императорского Дома Романовых на Урале летом 1918 г.

Приведем еще одно доказательство. Я как профессиональный историк-архивист со всей ответственностью могу утверждать, что не все документальные комплексы по указанной теме обнаружены или известны российским историкам. Всесильная и опытная рука целенаправленно «вычистила» многие архивные фонды. В первую очередь избавились от материалов, связанных с установлением большевиками однопартийной системы руководства государством; т. е. с периода подавления левоэсеровского восстания лета 1918 г. и включая часть 1919 г. Историками не найдены архивы ЦК РКП (б), Уральского облисполкома и Екатеринбургской ЧК за лето и осень 1918 г., которые могли бы пролить свет на многие тайны того времени по уничтожению представителей династии Романовых. Эти документы не могли исчезнуть бесследно, т. к. точно известно, что ни белогвардейцы, ни позднее немецкофашистские войска не могли их захватить и уничтожить. Лишь единицы из этих дел были переданы в последние годы из ЦА ФСБ РФ в ГА РФ. Только благодаря материалам белогвардейского следствия Н.А. Соколова по делу убийства царской семьи мы имеем возможность, заглянуть в некоторые обстоятельства «тайны века»1045. Даже открытые для исследователей архивные материалы самой коллегии ВЧК якобы сохранились не полностью, в чем мы можем не без основания усомниться. Просматривая разрозненные повестки заседаний ВЧК, то что дозволено к открытому доступу исследователей, не находишь сведений о «подопечных чекистам» представителей династии Романовых, чего в самом деле быть не может. В центральных государственных и областных архивах Советского Союза была хорошо известна многолетняя практика изъятия документов, связанных с именами В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также бывших их соратников – опальных вождей большевиков, попавших в разряд «врагов народа». Эти документы переводились на хранение в Центральный партийный архив или в «спецхраны». В связи с этим не все из сохранившихся документов до сих пор доступны рядовым исследователям.

История не терпит «сослагательного наклонения» (если сделали бы, то…). Ее нельзя повернуть вспять и переиграть заново. Все свершается раз и навсегда. Другое дело, отношение современников или потомков к этим событиям, оценка их. Кстати, с течением времени оценка одних и тех же событий у разных поколений бывает неоднозначной. Примеров этому можно привести множество.

Так, в 1989 г. во Франции, в дни 200-летней годовщины Великой французской революции, была сделана инсценировка суда Конвента над Людовиком XVI. Суд транслировался по французскому телевидению, были повторены все доводы обвинения и защиты. Каждый из телезрителей имел возможность посредством голосования по телефону зарегистрировать свой приговор. В итоге большинство французов проголосовало за оправдание монарха. Из голосовавших граждан за осуждение к смертной казни Людовика XVI не приговорил никто.

Династия Романовых, олицетворявшая собой в общественном мнении «реакционные силы старого мира», оказалась политическим заложником в военном противоборстве двух непримиримых лагерей на переломном рубеже истории России. Несмотря на то что большинство представителей Императорского Дома Романовых пытались стать рядовыми гражданами своего Отечества, они оказались под колесницей Гражданской войны. Кровавая расправа, проведенная над Романовыми и их приближенными в 1918–1919 гг., остается темным пятном в истории России.

В 1981 г. Русская Православная Церковь За границей (РПЦЗ) канонизировала царскую семью вместе с сонмом других Новомучеников от безбожной власти убиенных. Торжества канонизации имели место в США 31 октября – 1 ноября, при участии 15 архиереев, во главе с митрополитом Филаретом1046, и многочисленного духовенства. Все это происходило в присутствии многих здравствующих членов императорской фамилии, огромного числа молящихся представителей русских эмигрантов из разных стран мира.

Послесловие

К дискуссии о захоронении царских останков

В июле 1998 г. состоялась церемония торжественного захоронения в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга останков императора Николая II и членов его семьи. Это событие было неоднозначно встречено как в России, так и мировой общественностью. В частности, на похоронах не было патриарха Алексия II. Официально церковь дистанцировалась от этой (по некоторым характеристикам) «политической акции», хотя здесь присутствовали президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин и многие представители Императорского Дома Романовых. Тому были свои причины. Предшествовавшая работа правительственной Комиссии «по царским останкам», ее методы работы и выводы, многим оппонентам казались неубедительными. Противоречивые сведения в печати и средствах массовой информации породили «семена

сомнения» в обществе, расколов его на сторонников и противников признания «царских останков». Несмотря ни на что, в конечном итоге царская семья была канонизирована Русской Православной Церковью по решению Поместного архиерейского собора, состоявшегося в августе 2000 г. в Москве. Еще раньше, т. е. в октябре – ноябре 1981 г., это сделала РПЦЗ.

В чем же причина, казалось бы, на первый взгляд противоречивых решений?! В период проведения церковного собора ИТАР – ТАСС распространило информацию «Отношение церкви к екатеринбургским останкам», где сообщалось: «Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал: “Пока есть сомнение в том, что останки подлинные, церковь не может призывать верующих поклоняться лжемощам”. Для восстановления истины, сказал патриарх: “Необходимо сопоставить следствие 1918 года и современное расследование, выводы которых диаметрально противоположны”. Неправомерным считает Алексий II и тот факт, что эксгумация останков великого князя Георгия Александровича (исправлено мною, т. к. в тексте было перепутано отчество великого князя и указано Георгия Михайловича. – *В.Х.*) в Петропавловской крепости была произведена под покровом ночи в присутствии только одного следователя. “Ясно, что такое следствие должно было быть проведено скрупулезно и ответственно”, – подчеркнул патриарх»1047.

Однако данное сообщение, в какой-то степени, по непонятным и необъяснимым причинам исказило действительные события. На самом деле эксгумация останков великого князя Георгия Александровича проходила по всем правилам, с присутствием свидетелей и составлением протокола.

Стоит подчеркнуть, что позиция РПЦЗ к данной проблеме на тот момент была также настороженная. Об этом говорят многие документы.

В конце 1995 – начале 1996 г. «Правительственной комиссией» была предпринята попытка установления делового контакта с представителями РПЦЗ на предмет выявления «вещественных доказательств белогвардейского следствия Н.А. Соколова» и возможности проведения сравнительной экспертизы. Вскоре на имя Ю.Ф. Ярова было получено ответное письмо митрополита Виталия от 1(13) января 1996 г., которое хранится в материалах «Правительственной комиссии». В нем обстоятельно и категорично дословно сообщалось:

«Уважаемый Юрий Федорович,

Консул Федерального русского правительства в Нью-Йорке мне передал Ваше письмо. В нем содержится три пункта, на которые я считал своим долгом ответить как Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви.

Ваше письмо говорит о заботе Вашего правительства исторически выяснить, кто был фактическим виновником этой страшной трагедии, убиения царской семьи, ставя справедливо все это злодеяние как уголовное преступление, пред лицом не только русского народа, но теперь и пред мировой общественностью, это сделать необходимо. Для сего нужно хронологически вернуться к 1917–1918 годам и после крушения монархического строя просмотреть, на какие новые законы опиралось и какими законами действовало новое советское большевистское правление. Сразу же бросается в глаза всякого беспристрастного историка-исследователя, что бесспорным повелителем, вдохновителем и вершителем всех деяний был сам Ленин. Немыслимо даже подумать, что в то лихое и страшное время кто-либо другой мог бы дерзнуть уклониться от гипнотической воли Ленина, настолько последний вырос в негласного диктатора во всей большевистской партии. А это и значило, что Ленин и является настоящим убийцей всей царской семьи и их добровольных спутников.

Об этом следовало бы объявить на всю Россию и как можно скорее похоронить его жалкий прах там, где он сам завещал это сделать своим жутким сотрудникам. Довольно держать его труп на позор всей России на Красной площади нашей древней столицы.

Второй вопрос, какое наше отношение к «мнимым» останкам (кавычки наши; так в письме. – *В.Х.*) царской семьи? Более 40 лет тому назад мы совершили, очень торжественно, заочное отпевание всех Царственных Мучеников в храме их памяти в Брюсселе, а затем прославили их вместе со всеми Новомучениками Российскими. Исторически для нас повернулась безвозвратно еще одна очень страшная страница истории нашей родины. Духовно же царские мученики всегда для нас живы и мы просим их святых молитв пред престолом Божиим и за нас всех еще живущих в этой плачевной и за нашу растерзанную и поруганную, несчастную родину. И только от Господа мы ожидаем, если угодно будет Его святой воле, чудесно явить нам их святые мощи или что осталось от них. И больше ни от кого мы ничего не ожидаем.

Наконец ковчежец, содержащий какие-то крохи от царственных мощей, переданные нам комиссией следователя Соколова в храме-памятнике в Брюсселе как святыня и никак мы не можем, и не смеем передать его, какой бы то ни было комиссии.

Примите заверение в нашем благо желании Вам, Юрий Федорович, в предпринятом Вами историческим исследовании.

Митрополит Виталий»1048.

Указанным выше событиям, т. е. официальному захоронению царской семьи в императорской усыпальнице Петропавловской крепости, предшествовала длительная история. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в полуподвальном помещении Ипатьевского дома в Екатеринбурге была расстреляна вся царская семья и их приближенные. Останки убитых были вывезены в окрестности «Ганиной ямы» и по одним сведениям уничтожены, а по другим сокрыты «в болотистой местности». Только 19 июля 1918 г. большевиками было объявлено в центральной печати о расстреле бывшего императора Николая II, а об его семье сообщалось: «Жена и сын Николая Романова в надежном месте».

В течение 1976–1979 гг. группой энтузиастов, возглавляемой Г.Т. Рябовым и А.Н. Авдониным, проводилась негласная работа по поиску останков царской семьи. Очевидно, благодаря данным «Записки Юровского», экземпляром которой располагали поисковики1049, в окрестностях Екатеринбурга, в районе «Поросенкова Лога» (район бывшей железнодорожной будки 184 км – по материалам белогвардейского следствия Н.А. Соколова) ими было обнаружено захоронение. Летом 1979 г. было произведено вскрытие, в котором участвовало 6 человек: А.Н. Авдонин и Г.П. Авдонина, Г.П. Васильева, В.А. Песоцкий, Г.Т. Рябов и М.В. Рябова. Деревянный настил находился на глубине 30–40 см от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки. Авдониным и Рябовым были изъяты из раскопа 3 черепа, которые позднее после снятия с них слепков через год были возвращены на место погребения. По утверждению Г.Т. Рябова, основное захоронение при этом не вскрывалось. В эпоху гласности это событие было освещено Рябовым на страницах журнала «Родина» (1989, №№ 4–5). Однако с целью конспирации автором публикации была сознательно допущена фальсификация точного места находки «тайного захоронения» царской семьи, что незамедлительно вызвало ажиотаж и породило целый ряд сомнительных версий.

В 1991 г. А.Н. Авдонин обратился в администрацию Свердловской области с заявлением о том, что ему известно предположительное место захоронения царской семьи. В заявлении от 10 июля он писал: «Сообщаю Вам, что несколько лет назад мною были обнаружены человеческие останки в лесу неподалеку от расположения Мостоотряда № 72. Это место могу показать. Авдонин». По поручению прокурора Свердловской области старший помощник областного прокурора В.А. Волков провел проверку этого заявления. С 11 по 13 июля

1991 г. прокуратурой Свердловской области совместно с представителями администрации, судебно-медицинскими экспертами, археологом и другими специалистами было произведено вскрытие данного захоронения, в котором оказалось 9 скелетированных трупов со следами многочисленных телесных повреждений. Однако как свидетельствуют документы, опубликованные историком В.В. Алексеевым1050, это вскрытие производилось тайно, в худших традициях советских времен и с многочисленными нарушениями. Нанесенный ущерб «могильнику» оказался невосполним. Отсутствовали на месте «раскопок» ученые и эксперты международных организаций. Этим скандальным событиям позднее также был посвящен документальный фильм С. Мирошниченко: «Убийство императора. Версии. Ч. 1–4», который дополнительно подлил «масла в огонь» и повысил ажиотажный интерес к данной проблеме1051.

Старший помощник прокурора В.А. Волков запросил во временное пользование ряд архивных документов по убийству царской семьи, которые были ему представлены из фондов ГА РФ. Позднее они послужили основой для публикации В.В. Алексеевым документального сборника: «Гибель царской семьи: мифы и реальность» (Екатеринбург, 1993). Однако скоро выяснилось, что уголовное дело не имеет перспектив, и было закрыто областной прокуратурой «за давностью лет» свершенного преступления. В периодической печати появилось ряд критических статей на эту тему.

В 1992 г. и 1993 г. вопросам обстоятельств гибели и вскрытию тайного захоронения царской семьи были посвящены международные научные конференции в Екатеринбурге, которые, однако, не дали окончательного ответа и оставили многие вопросы открытыми, в том числе о подлинности обнаруженного последнего пристанища императора.

Через некоторое время дело вновь было «реанимировано», но уже в Москве. По указанию Генерального прокурора Российской Федерации 19 августа 1993 г. было возбуждено уголовное дело № 16/123666, расследование которого поручили старшему прокурору-криминалисту В.Н. Соловьеву.

23 октября 1993 г. распоряжением Председателя Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдина была создана специальная «Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи». Работу комиссии возглавил заместитель главы правительства Ю.Ф. Яров.

В тот же период в России и за рубежом появились многочисленные издания, посвященные гибели царской семьи и ряда представителей династии

Романовых, которые систематически продолжают публиковаться до сегодняшнего дня. Одновременно, к сожалению, появляются издания, откровенно спекулирующие на данной теме, с абсурдными версиями, вроде спасения царской семьи под фамилией Березкиных, которая якобы длительное время проживала в г. Сухуми. Другие авторы утверждали, что бывший император Николай II благополучно жил на «спецбазе» под контролем НКВД и т. п. Венцом подобных изданий можно назвать книгу: Романова А.Н. «Я, Анастасия Романова…» (М., 2002). Подобные «труды» вносят смятение в умы простых людей и топят проблески достоверных документальных фактов в мутном потоке сенсационности, измышлений и дезинформации. Если самозванство скандально знаменитой Анны Андерсон (лже-Анастасия) ученые доказали исследованием на «генетическом уровне», то сомнительные фильмы и сериалы из-за своей научной несостоятельности часто не удостаиваются даже мало-мальски стоящей рецензии. Вообще, стало характерным явлением последних лет, что вокруг «царской темы» промышляют: публицисты, журналисты, юристы, любители и искатели сенсаций, порой просто авантюристы, – имя которым «легион».

Порой «медвежью услугу» в этом деле оказывают средства массовой информации. Только за последние годы мы неоднократно слышали противоречивые результаты «независимых» экспертиз, предполагаемых останков царской семьи. Озвучены были без должных комментариев ряд фактов. В том числе, об отсутствии в захоронении останков младших детей Николая II: цесаревича Алексея и одной из дочерей, то Анастасии, то Марии. Хорошо помню шокирующее впечатление, произведенное на меня сюжетом, прошедшим в телевизионных «Вестях», вскоре после «официального» вскрытия «тайного захоронения» царской семьи и в дни проведения по этому поводу 1-й Международной научной конференции в Екатеринбурге. Тогда на телевизионных экранах прошла информация, что одновременно с моментом вскрытия царского захоронения на Урале проводились такие же вскрытия могил в Сухуми, где, по версии Грянника, Романовы проживали под фамилией Березкины до смерти от старости. Здравомыслящему человеку, хоть немного знакомому с данной проблемой, понятно, что подобная сенсация порождена ради сенсации, т. к. она не выдерживает элементарной критики. Более поразительным для всех было другое сообщение. Почти одновременно с упомянутой конференцией на Урале проводилась аналогичная конференция в Петербурге, но с противоположной программой, т. е. об истории спасения царской семьи. Естественно, что взаимоисключающие точки зрения на один вопрос, нежелание ученых услышать друг друга и в открытой дискуссии достигнуть истины, только усиливают нездоровый ажиотаж, порождают сомнения в душах россиян. Воистину методика иезуитов в действии, любое

святое дело можно заболтать до абсурда. В данной ситуации с горечью вспоминаются слова афоризма: «История повторяется дважды…» И хотя, как говорится: «все смешалось» в отечестве нашем… Однако мы не имеем право превращать в угоду «политиканов» историю государства Российского в сиюминутный фарс, а истинно народные традиции и обряды – в ряженных и балаган. Правда, негативных примеров тому в нашей жизни «во времена великих перемен» уже более чем достаточно.

За длительный период (1993–1998) деятельности «Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи» на страницах печати регулярно появлялись официальные сообщения о достигнутых результатах. Эта информация порождала волну ответных публикаций с критикой или поддержкой работы комиссии.

По поручению правительственной комиссии в поиске материалов, связанных с обстоятельствами гибели царской семьи, принимала участие группа специалистов во главе с академиком И.Д. Ковальченко. В состав группы вошли: главный государственный архивист – руководитель Государственной архивной службы России, доктор исторических наук Р.Г. Пихоя; заместитель руководителя Государственной архивной службы, доктор исторических наук В.П. Козлов; директор Государственного архива РФ, доктор исторических наук С.В. Мироненко; директор Архива Президента РФ А.В. Коротков; заместитель начальника Управления регистраций и архивных фондов Федеральной службы контрразведки В.К. Виноградов; доктор исторических наук Ю.А. Буранов; кандидат исторических наук, ведущий архивист Государственного архива РФ В.М. Хрусталев; драматург и писатель Э.С. Радзинский. Активное участие в поиске материалов принимали: член-корреспондент Российской Академии наук, директор Института истории и археологии Урала В.В. Алексеев, ведущие специалисты государственных архивов Санкт-Петербурга, Свердловской, Томской, Новосибирской, Тюменской, Пермской и других областей.

Основные исследования по выявлению документальных материалов проводились в ГА РФ, РГИА, РГАСПИ, ЦХСД, ведомственных архивах Российской Федерации (архивы Президента Российской Федерации, МВД, МИД, ФСБ, Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

Однако это не значит, что все документальные комплексы по указанной теме обнаружены и известны российским историкам. До сих пор не найдены архивы ЦК РКП (б), Уральского облисполкома и Екатеринбургской ЧК за лето 1918 г., которые могли бы пролить свет на многие тайны того мятежного времени. Мы,

к сожалению, не располагаем многими дипломатическими архивными документами, которые ранее в 1920-е и начале 30-х годах частично публиковались в журнале «Красный архив». Мы не имеем некоторых документов, упомянутых в «Биохронике В.И. Ленина» и относящихся к судьбе царской семьи (телеграфные переговоры В.И. Ленина с Уралом). Они должны были сохраниться в РГАСПИ или Архиве Президента РФ. Несомненно, по нашему мнению, имеются до сих пор неизвестные, уникальные документы по данной теме в архивных фондах ВЧК и местных губернских ЧК, а также в составе еще не до конца раскрытых «спецхранах» ФСБ.

Определенную сложность представляют «архивы» белогвардейского следствия «по делу об убийстве царской семьи, представителей династии Романовых и их приближенных на Урале», т. к. эти материалы рассредоточены по нескольким государственным и ведомственным архивам России, где до сих пор часть их не имеют достаточно полной архивной обработки. Кроме того, имеется наличие материалов «архива Н.А. Соколова» за пределами нашей страны, частью которых мы располагаем только в микрофильмах или ксерокопиях, что затрудняет их изучение и использование.

Первое заседание «Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи», состоялось 26 октября 1993 г. Целью Комиссии являлось на основе «достаточности и достоверности исследований выдача рекомендаций Правительству по захоронению останков царской семьи и их приближенных». На начальном этапе заседания Комиссии проводились достаточно регулярно, позднее они собирались с более большим интервалом. Работа данной Комиссии продвигалась к решению поставленных перед ней задач. На 21 августа 1995 г. намечалось важное заседание Комиссии с участием членов «Российской зарубежной экспертной комиссии» (представителей эмиграции). Однако к этой дате не успевали вовремя оформить и разослать необходимые документы. 21 августа 1995 г. состоялось только рабочее совещание Комиссии в составе узкого круга некоторых ее членов.

Генеральная прокуратура РФ 15 сентября 1995 г. неожиданно закрыло уголовное дело № 16/123666-93 в связи с тем, что останки царской семьи и их приближенных идентифицированы, а также в связи с давностью срока совершенного преступления.

Вскоре в Доме Правительства, 20 сентября 1995 г., состоялось очередное заседание «Правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая

II и членов его семьи». Имеется протокол № 5 заседания Комиссии от 20 сентября 1995 г., но стенограмма его отсутствует, как и все последующие стенограммы заседаний данной Комиссии. На этом заседании Комиссии предполагалось объявить о завершении работы и принятии решения о перезахоронении останков императора Николая II и его семьи в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга в день православного праздника: «Прощеное воскресенье», т. е. в феврале 1996 г. На заседании Комиссии присутствовали и выступали с критическими замечаниями представители «Российской зарубежной экспертной комиссии» П.Н. Колпытин-Валловский и профессор Е.Л. Магеровский (США), а также О.Н. Романова-Куликовская (Канада)1052. Свое негативное мнение к результатам следствия и экспертизы высказало руководство РПЦ в связи с рядом еще невыясненных в этом деле проблем. В дальнейшем это выразилось в постановке Патриархией 10 вопросов к Комиссии и следствию. Но несмотря ни на что, на данном заседании Комиссии были отклонены «не мотивированные претензии» к следствию, было принято решение о завершении работы и вынесена рекомендация о захоронении останков царской семьи и их приближенных в Санкт-Петербурге. Потребовалось вмешательство Правительства, указавшее Комиссии на необходимость дальнейшего продолжения работы и проведения дополнительных экспертиз.

На возобновившемся заседании Комиссии 15 ноября 1995 г. были сформулированы и поставлены конкретные вопросы к следствию, которые требуют дополнительных исследований и имеющих «решающее основание для продолжения работы государственной Комиссии». Эти вопросы были также перечислены в письме председателя Комиссии Ю.Ф. Ярова на имя Генерального прокурора Российской Федерации Ю.И. Скуратова с просьбой «изыскать возможность для окончания начатых экспертных исследований и решения в рамках уголовного дела, поставленных Комиссией вопросов». В ответ на это обращение, Генеральная прокуратура РФ сообщила Ю.Ф. Ярову следующее: «Решение о прекращении уголовного дела о гибели царской семьи, принятое 15.09.95, признано преждевременным, так как не проведен ряд экспертиз вещественных доказательств и документов, в частности записок Юровского Я.М., судебно-медицинских исследований объектов по покушению на Николая II в Японии в 1891 году, а также других следственных действий, непосредственно не связанных с идентификацией останков».

Генеральная прокуратура РФ 6 декабря 1995 г. снова возбудила уголовное дело и следствие по предполагаемым «царским останкам». Производство по данному делу было вновь поручено прокурору-криминалисту В.Н. Соловьеву.

Комиссия приступила к работе, с 3 ноября 1997 г. ее возглавил заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Б.Е. Немцов, было принято решение «широко информировать общественность» о результатах работы. Комиссией и следствием были проведены дополнительные исследования, после чего «удалось твердо ответить на вопросы, сформулированные Русской Православной Церковью в 1995 г.». 27 февраля 1998 г. Правительством было принято решение совершить захоронение останков Российского Императора и членов его семьи в фамильной усыпальнице в Петропавловском соборе СанктПетербурга.

Материалы за период деятельности Комиссии под руководством Б.Е. Немцова опубликовал ее секретарь Виктор Владимирович Аксючиц в сборнике: «Покаяние: Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. (Избранные документы)». (М.: «Выбор»,1998). В настоящее время вышло 2-е издание. В предисловии этого сборника подчеркивается: «Никогда еще в мировой практике не проводилась столь точная и скрупулезная экспертиза. Основные документы, характеризующие ее результаты, вы найдете в этом сборнике».

Официальное наименование Комиссии с первых шагов ее деятельности вызывало многочисленные «нарекания оппонентов», т. к., по их мнению, в названии имелось уже «предопределение», что именно исследовались «царские останки», хотя это только «предполагалось» и возможно могло не подтвердиться. Однако наименование Комиссии не было изменено до ее заключительного заседания 30 января 1998 г. в Доме Правительства, когда протоколом № 9 было принято решение: «О завершении судебно-медицинских исследований и идентификации останков российского Императора Николая II, членов его семьи и лиц из окружения, обнаруженных под г. Екатеринбург в 1991 г.». Архивными материалами данного заключительного заседания Комиссии мы располагаем только частично. «Особое мнение» относительно завершения работы Комиссии высказали постоянные члены этой Комиссии историки В.В. Алексеев и С.А. Беляев, а также представитель РПЦ. Однако на заседании Комиссии все же было вынесено окончательное решение о захоронении «екатеринбургских останков» в дни расстрела царской семьи, т. е. в середине июля 1998 г. Под председательством Б.Е. Немцова, состоялось еще несколько рабочих совещаний по выработке процедуры захоронения останков царской семьи и их приближенных, но в состав этих совещаний входили уже ряд новых людей.

В периодической печати появилось сообщение «Утвержден сценарий захоронения. Советника Бориса Немцова не смущает позиция, занятая Церковью», из которого рядовые читатели узнали:

«Виктора Аксючица совсем не смущает позиция, занятая иерархами Русской Православной Церкви по отношению к захоронению останков царской семьи. “Это внутрицерковный вопрос”, – заявил вчера советник вице-премьера и руководителя правительственной комиссии по идентификации екатеринбургских останков Бориса Немцова. К тому же, по мнению г-на Аксючица, средства массовой информации “не всегда адекватны” в трактовке решения Священного Синода. Ни Синод, ни его члены ни разу публично не усомнились в результатах проведения экспертиз, заявил он. Другое дело, что Церковь обеспокоена спорами, разразившимися в обществе по поводу принадлежности останков, и не хочет становиться ни на одну из сторон наметившегося противостояния.

Вместе с тем, подчеркнул Виктор Аксючиц, Церковь отнюдь не заявляла о своем отказе участвовать в церемонии погребения, а лишь снизила уровень своего представительства на ней.

Прощание с императорской семьей начнется 15 июля в Екатеринбурге, сообщил г-н Аксючиц. Здесь будут отслужены литургия и заупокойный молебен. 16 июля останки царской семьи будут отправлены самолетом в Санкт-Петербург, куда они должны прибыть в 2 часа дня. В сопровождении траурного кортежа их доставят в Петропавловский собор. В 11 часов утра 17 июля начнется официальная церемония захоронения. В ней примут участие родственники казненного императора, представители правительства, Федерального собрания и местных органов власти. Что касается московских официальных лиц, то Виктор Аксючиц смог с определенностью назвать пока только одного участника церемонии – своего шефа Бориса Немцова. Точно известно, что президент ограничится посланием, которое будет зачитано у могилы. По мнению г-на Аксючица, Борис Ельцин приехал бы в Санкт-Петербург только в том случае, если бы в похоронах принял участие сам Патриарх»1053.

С завершением работы Комиссии и торжественным захоронением царской семьи не было завершено следствие Генеральной прокуратуры РФ. Многие ученые и мировая общественность (в том числе церковь) требовали дополнительных доказательств о подлинности «царских останков». Прокурором-криминалистом В.Н. Соловьевым были продолжены попытки изыскания доказательств и проведение генетических исследований относительно лиц «претерпевших за царя». К сожалению, на страницы

периодической печати попадали лишь отрывочные и порой противоречивые сведения о проведении этого следствия, в связи с тем, что генетические исследования требовали больших усилий и дополнительных материальных средств финансирования. Потихоньку «на тормозах» этот вопрос сошел на «нет» и, по некоторым сведениям, следствие в 2003 г. было очередной раз прекращено постановлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Многочисленные оппоненты «Комиссии по захоронению» и методов ведения следствия прокуратурой выступали на «Парламентских слушаниях» и в периодической печати с обвинениями в необъективности ведения этого дела. В частности, отмечалось отсутствие останков цесаревича Алексея и одной из младших дочерей Николая II. В частности, оппонентами приводились сведения из ряда обнаруженных документов, которые следствием по каким-то причинам были проигнорированы или оно ими не располагало. В качестве упрека работы Комиссии по захоронению выдвигался аргумент, почему не были произведены генетические исследования останков приближенных царской семьи (доктора Е.С. Боткина, горничной А.С. Демидовой, лакея А.Е. Труппа и повара И.М. Харитонова)1054. Эта экспертиза могла значительно повысить достоверность подлинности обнаруженного захоронения. Несмотря на то, что РПЦ царская семья на Поместном соборе в августе 2000 г. была причислена к страстотерпцам, но захоронение «царских останков» в Петропавловском соборе, произведенном в июле 1998 года, до сих пор не признается «абсолютно достоверным». В средствах массовой информации, в т. ч. и церковной печати, часто появляются критические заметки на эту тему.

В связи со всем перечисленным данная тема из области исторической перешла в разряд политической проблемы. Публикация издания В.В. Аксючица «Покаяние. Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи» (М., 1998; М., 2003), показала только результаты волевого решения Б.Е. Немцова по завершению работы «Комиссии по захоронению», т. е. надводную часть «айсберга». Эта публикация, к сожалению, поспешно обнародовала, но недостаточно убедительно показала правильность вынесенного решения о подлинности «царских останков», а также без должной меры и аргументации в издании опубликованы аналитические справки, которые содержат ряд неточностей и ошибок.

В начале 2008 г. было широко объявлено в средствах массовой информации об обнаружении (еще осенью 2007) под Екатеринбургом отсутствующих ранее в «тайном царском захоронении» останков младших Романовых: цесаревича

Алексея Николаевича и его сестры Марии. Они были найдены недалеко от того места, где находилось общее тайное захоронение царской семьи. В связи с этим фактом было возбуждено следствие, начаты в нескольких лабораториях мира генетическая экспертиза вновь найденных останков. Благодаря усилиям криминалиста В.Н. Соловьева были обнаружены дополнительные, неизвестные ранее «вещественные доказательства» по этому делу, которые позволят провести все необходимые исследования на более высоком и качественном уровне. Таким образом, имеется шанс восполнить недостающее звено в деле следствия и попытаться избежать ошибок. Хотелось бы надеяться, что «тайна века» будет до конца раскрыта.

Приложение: избранные документы

I «Записка Я.М. Юровского»[25]

16/VII [1918] была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р[омано]вых[26]. Николая сначала (в мае) предполагалось судить – этому помешало наступление белых[27].

16-го в 6 ч. веч[ера] Филипп Г[олощеки]н предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов ночи должна была приехать машина для отвоза трупов.

В 6 часов увели мальчика [Леонида Седнева][28] что очень обеспокоило Р[омано]вых и их людей. Приходил д[окто]р Боткин спросить, чем это вызвано? Было объявлено, что дядя мальчика, который был арестован, потом бежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на следующий день был отправлен на родину (кажется, в Тульскую губернию). Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в 1/2 второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были все приготовления: отобрано 12 человек (в т. ч. 6 латышей)[29] с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение, 2 из латышей отказались стрелять в девиц.

Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: “Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Р[омано]вых из верхнего этажа в нижний”. Одевались с 1/2 часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р[омано]вы ни о чем не догадывались. Ком[ендант] отправился за ними лично один и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Ник[олай] нес на руках А[лексе]я, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую

комнату, Александра] Федоровна] спросила: “Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?” Ком[ендант] велел внести два стула. Ник[олай посадил на один А[лексе]я, на другой села Александра Ф[едоровна]. Остальным ком[ендант] велел встать в ряд. Когда стали, позвали команду. Когда вошла команда, ком[ендант] сказал Р[омано]вым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к ком[енданту] с вопросом: “Что? Что?” Ком[ендант] наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Ник[олай] был убит самим ком[ендант]ом наповал. Затем сразу же умерли Александра] Ф[едоровна] и люди Р[омано]вых (всего было расстреляно 12[30] человек: Н[икол]ай, Александра] Ф[едоровна], четыре дочери – Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д[окто]р Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров[31], еще повар[32] и фрейлина[33], фамилию к[отор]ой ком[ендант] забыл.

А[лексе]й, три из его сестер, фрейлина[34] и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком[ендан]та, т. к. целили прямо в сердце, удивительно было и то, что пули [от] наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж. Благодаря всему этому вся процедура, считая “проверку” (щупанье пульса и т. д.), взяла минут 20. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, [который] был выстлан сукном, чтобы не протекала кровь[35]. Тут начались кражи: пришлось поставить 3 надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.). Ком[ендан]ту было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и т. д. лежало на обязанности т. Ермакова (рабочий Верхне-Исетского завода, партийный товарищ, б[ывший] каторжанин)[36]. Он должен был приехать с автомобилем и был впущен по условному паролю “трубочист”. Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнение в аккуратности Е[рмако]ва и ком[ендант] решил проверить сам лично всю операцию до конца. Около 3 часов утра выехали на место, которое должен был приготовить Е[рмако]в (за Верх-Исетским заводом). Сначала предполагалось везти [трупы] в автомобиле, а от известного пункта на лошадях, т. к. автомобиль дальше пройти не мог. Местом выбранным была брошенная шахта. Проехав ВерхнеИсетский завод, [в] верстах

в 5, наткнулись на целый табор человек 25, верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены Совета, исполкома и т. д.), которых приготовил Е[рмако]в. Первое, что они закричали: “Что же вы нам их неживыми привезли?!” Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы – пришлось тут же пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут обнаружилось, что на Татьяне, Ольге и Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Ком[ендант] послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было: не было лопат и т[ому] подобного]. Так как машина застряла между 2 деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга на 16 1/2 верст и остановились в 1 1/2 верстах от деревни Коптяки; это было в 6–7 часов утра. В лесу отыскали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиною аршин 3 1/2. В шахте было на аршин воды. Ком[ендант] распорядился раздеть трупы и разложить костер, чтобы все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, – в отверстии видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Ком[ендант] решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране несколько верховых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На Александре] Ф[едоровне] оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. На шее у каждой из девиц оказался портрет Распутина с текстом его молитвы, зашитые в ладанку[37]. Бриллианты тут же выпарывались. Их набралось (т. е бриллиантовых вещей) около 1/2 пуда. Это было похоронено на Алапаевском заводе, в одном из домиков в подполье; в 19-м г[оду] откопано и привезено в Москву. Сложив все ценное в сумки, остальное найденное на трупах сожгли, а сами трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставлен[ная] челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части – этим комендант объясняет нахождение на этом месте белыми (которые потом его открыли) оторванного пальца и т[ому] подобного]. Но Р[омано]вых не предполагалось оставлять здесь – шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, ком[ендант] часов в 10–11 (часов] утра (17-го уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова. Ком[ендант] рассказал, что найдено, и высказал им сожаление, что ему не позволили в свое время произвести у

Р[омано]вых обыск. От Чуцкаева (пред[седателя] горисполкома) ком[ендант] узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту имеются «очень глубокие, заброшенные шахты, подходящие для погребения Р[омановы]х. Ком[ендант] отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины. Добрался до шахт уже пешком, нашел действительно три шахты, очень глубоких, заполненных водою, где и решил утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, являвшиеся неудобными свидетелями, то решено было, что одновременно с грузовиком, который привезет трупы, приедет автомобиль с чекистами, которые под предлогом обыска арестуют всю публику. Обратно ком[енданту] пришлось добраться на случайно захваченной по дороге паре.

Задержавшие случайности продолжались и дальше. Отправившись с одним из чекистов на место верхом, чтобы организовать все дело, ком[ендант] упал с лошади и сильно расшибся (а после также упал [и] чекист). На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой.

Вернувшись, наконец, в город уже к 8 час. вечера (17-го [июля]), начали добывать все необходимое – керосин, серную кислоту. Телеги с лошадьми без кучеров были взяты из тюрьмы. Рассчитывали выехать в 11 ч. вечера, но инцидент с чекистом задержал, и к шахте, с веревками, чтобы вытаскивать трупы и т. д., отправились только в 12 7гч. ночью с 17 на 18-е [июля]. Чтобы изолировать шахту (первую старательскую) на время операции, объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чехи, лес будут обыскивать, чтобы никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Было приказано, если кто ворвется в район оцепления, расстрелять на месте. Между тем рассвело (это был уже третий день, 18-го). Возникла мысль часть трупов похоронить тут же у шахты, стали копать ямы и почти выкопали. Но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин, и выяснилось, что он мог видеть яму.

Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, ком[ендант] отправился в город за машинами (грузовик и две легких, одна для чекистов). Телеги ломались ранее, машины понадобились, чтобы везти на глубокие шахты, причем до самого места временного погребения машины не могли дойти, поэтому телегами все равно приходилось пользоваться. Когда пришли машины, телеги уже двигались – машины встретились с ними на 1/2 версты ближе к Коптякам[38]. Смогли отправиться в путь только в 9 час. вечера. Пересекли линию жел[езной] дор[оги], в полуверсте перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымащивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько

раз. Около 4 ч утра 19-го [июля] машина застряла окончательно; оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь. Последнее обещал взять на себя один товарищ, фамилию ком[ендант] забыл, но он уехал, не исполнив обещания.

Хотели сжечь А[лексе]я и Александру] Ф[едоровну], [но] по ошибке вместо последней с А[лексе]ем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копанья. Тем временем выкопали братскую могилу для остальных. Часам к 7 утра яма, аршина в 2 глубины, 3 в квадрате, была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне – этого погребения белые не нашли.

Коптяки [находятся] в 18 в[ерстах] от Екатеринбурга. К северо-западу линия ж[елезной] д[ороги] проходит на 9-й версте, между Коптяками и Верх-Исетским заводом. От места пересечения [с] жел[езной] дор[огой] погребены [трупы] саж[енях] в 100 ближе к В[ерхне]-Исетскому заводу[39].

ГА РФ (ЦГАОР СССР). Ф. 601, Оп. 2. Д. 27. Л. 31–34. Подлинник.

II Доклад судебного следователя по особо важным делам Н.А. Соколова вдовствующей императрице Марии Федоровне о ходе расследования дела по участи царской семьи[40]

1919 г.[41]

Предварительное следствие по сему делу производится по повелению Верховного Правителя, вследствие ордера г-на министра юстиции судебным следователем по особо важным делам Н.А. Соколовым.

Исходным моментом, определившим начальные рамки предварительного следствия, судебный следователь признал необходимым принять отречение Государя Императора от Престола и события, его сопровождавшие.

В дни начавшейся в феврале месяце 1917 года в г. Петрограде смуты Августейшая Семья была разведена друг от друга. Государь Император находился в Ставке, Государыня Императрица с Детьми – в Царском.

Это было тяжелое время для Августейшей Семьи: все Дети постепенно переболели корью, протекавшей в тяжелой форме с высокой температурой и с

осложнениями. Все внимание Императрицы было сосредоточено на Детях. О событиях, имевших место в Петрограде, Государыня извещалась по докладам министра внутренних дел Протопопова. Его доклады по поводу этих событий все время носили успокоительный характер и только в самый момент начала открытого восстания, когда уже горело здание судебных установлений, когда толпа уже поджигала полицейские участки, Протопопов признал положение «плохим».

Ввиду данных предварительного следствия можно полагать, что в первые дни событий Государыня видела в них проявление простого бунта и надеялась на благоразумие и преданность Престолу войск, находившихся в Петрограде.

Ее беспокоила главным образом неизвестность судьбы Государя Императора и неопределенные слухи об отречении Его Величества от Престола, каковым слухам Государыня Императрица не доверяла, считая их провокационными. В эти тревожные дни Государыня Императрица Сама изволила приглашать к Себе Великого Князя Павла Александровича и пыталась снестись с Государем Императором через некоторых преданных лиц.

По мере развития событий менялось отношение к ним Императрицы. Она стала видеть в них более грозный характер и, когда ко дворцу были стянуты воинские части: Сводный полк, Гвардейский экипаж, Конвой Его Величества и одна из артиллерийских частей, – Государыня Императрица изволила Сама обходить эти части вместе с Великой Княжной Марией Николаевной, тогда еще не болевшей.

Среди этих событий из жизни Императрицы следственная власть, в разрешение одной из задач следствия, считает необходимым теперь же отметить один факт, который для оценки дальнейших событий, имевших место в г. Тобольске, и в разрешение этой задачи имеет огромное значение. Этот факт, установленный предварительным следствием, кроется в поведении Государыни Императрицы: каково бы ни было внутреннее отношение Ее к событиям того времени и Ее внутренние переживания по поводу их, несомненным представляется, что Государыня Императрица в те тревожные дни проявляла спокойствие, выдержку и мужество.

8 марта 1917 года утром в Александровский дворец прибыл генерал Корнилов. Он был принят Государыней Императрицей на детской половине.

Корнилов сказал Ее Величеству следующее: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вам постановление Совета министров, что Вы с этого часа считаетесь арестованной». При этом Корнилов представил Государыне

нового коменданта гарнизона (коему должен был подчиняться и комендант дворца), полковника Кобылинского, принятого Государыней одновременно с Корниловым, и, приказав затем полковнику Кобылинскому выйти на некоторое время из комнаты, остался наедине с Государыней. Следствием установлено, что в это время генерал Корнилов успокаивал Государыню Императрицу и говорил, что никому из Августейшей Семьи не грозит никакой опасности.

После этого генерал Корнилов был еще во дворце, сопровождая Великого Князя Павла Александровича, проявлявшего в эти дни заботу об Августейшей Семье и, видимо, считавшего себя обязанным оберегать Ее ввиду отсутствия Государя. В этот же день, 8 марта, Корниловым была утверждена инструкция для Августейшей Семьи и всех лиц, которые пожелали остаться с Ней в заключении.

Спустя несколько дней после этого во дворец прибыл Государь Император.

…лишения Государя свободы, член Государственной Думы Вершинин, встречал на платформе вокзала полковник Кобылинский. Государь отбыл во дворец в сопровождении князя Василия Александровича Долгорукого.

Зная о приезде Государя и ожидая Его, Государыня пошла навстречу Государю и вот встретила Его Величество в первой комнате на детской половине.

При этой встрече присутствовал один только из старых слуг, преданных Августейшей Семье. Он дословно в таких выражениях передает об этой встрече: «С улыбочкой Они обнялись, поцеловались и пошли к Детям». Это обстоятельство также отмечается следственной властью как другой факт, также имеющий значение для оценки тобольских событий.

С этого момента потекли однообразные дни жизни Августейшей Семьи в период царскосельского заключения.

Правительственная инструкция, определившая условия этого заключения, установила следующие ограничения для Августейших Особ:

1) вся корреспонденция обязательно должна была проходить через цензуру дворцового коменданта;

2) выход из дворца возможен только в некоторые места парка, особо для того отведенные и огороженные, и притом лишь до наступления темноты;

3) дворец и парк были оцеплены караулами из солдат…вых, заменивших Сводный полк еще 8 марта.

Эти ограничения имели целью пресечь Августейшей Семье возможность сношения с внешним миром. Самого же внутреннего уклада жизни они не касались, и караулов совсем не было во внутренних покоях дворца: они занимали только посты наружные.

Период Царскосельского заключения кончился 31 июля 1917 года (по старому стилю).

В исследовании событий этого периода судебный следователь находит, что правительство того времени, может быть, и пыталось создать для жизни Августейшей Семьи уклад, который в условиях возможной действительности соответствовал бы Ее высокому положению, но благодаря известным причинам эти намерения разбились о жестокую действительность: об отсутствие власти у самого правительства.

Не представляется возможным обойти молчанием некоторые факты этого периода из жизни Августейшей Семьи.

Некоторые из «революционных солдат» позволяли себе непристойные выходки в отношении Августейших Особ.

Увидев однажды в руках Алексея Николаевича его маленькое ружье (модель-винтовка, совершенно безвредная ввиду отсутствия к ней специальных пуль), они отобрали у Него ружье и тем причинили Алексею Николаевичу большое огорчение: он плакал, лишившись ружья, и успокоился только тогда, когда полковник Кобылинский тайно от солдат принес это ружье Алексею Николаевичу в разобранном виде по частям.

Один из солдат невзлюбил двух маленьких коз, живших в парке, и, стоя на посту, застрелил одну из них. Несмотря на некоторые репрессивные меры, принятые в отношении его, он на следующий день застрелил и вторую козу.

«Революционные солдаты», видимо, питали большую склонность к воровству. Они взламывали, стоя на часах в подходящих для этого местах, некоторые хранилища и воровали оттуда вещи Августейшей Семьи.

Некоторые из них при встречах с Государем Императором упорно не желали не только приветствовать сами Государя, но и не отвечали на Его обращенные к ним приветствия.

Они позволяли себе входить иногда и во внутренние покои дворца, рассматривать предметы обихода, высказывая при этом грубые, глупые и злобные суждения.

Однажды, когда Дети уже поправились и Августейшая Семья проводила вечер вместе, в комнату к Ней ворвались солдаты, заподозрив, что из этой комнаты производится сигнализация при помощи света. Оказалось, что одна из Великих Княжон занималась рукоделием, покачиваясь своим корпусом, и Ее тень, отклонявшаяся благодаря этому то в одну, то в другую сторону, и была принята за проявление такой сигнализации.

Во время прогулок Августейшей Семьи они старались иметь ежеминутно Ее на глазах и держаться вблизи Ее. Иногда они проявляли при этом непозволительную разнузданность и бравировали непринужденностью. Иногда они подсаживались к Государыне в парке, принимали непринужденные позы, курили и старались завязать разговор с Ее Величеством.

Не лучше вели себя и некоторые из господ офицеров того же «революционного» типа. Один из таких офицеров, студент одного из университетов, по пятам ходил сзади Императора, когда Его Величество изволил гулять в парке, изо всех, видимо, сил пытаясь показать свою бдительность.

Когда Государь Император изволил прибыть ко дворцу, некоторые из таковых офицеров вышли на крыльцо. У всех у них были на груди красные банты. Ни один из них, когда Государь Император проходил мимо, не отдал ему чести.

Однажды, не в силах, видимо, будучи преодолеть своего мещанского чувства показать «всю полноту своей власти», некоторые из таких господ офицеров потребовали, чтобы им ежедневно показывали Августейших Особ, мотивируя это свое требование боязнью бегства Их. Напрасно боролся с ними полковник Кобылинский. После доклада его о сем генералу Половцеву, сменившему к тому времени генерала Корнилова, было разрешено удовлетворить во избежание каких-либо эксцессов для Августейшей Семьи это требование в форме наименее для Нее тягостной: во время выхода Августейшей Семьи к завтраку. Офицер, кончавший караул, и офицер, вступавший в караул, должны были являться в столовую и приветствовать Государя Императора и Августейшую Семью. Так это и делалось. Но однажды, когда оба офицера явились и Государь, простившись с офицером, уходившим с караула, изволил протянуть руку его заместителю, желая поздороваться с ним, этот господин, отступив театрально шаг назад, не принял руки Государя. Страдая от скорби, Император подошел к этому офицеру, взял его за плечи и сказал ему:

«Голубчик, за что же?» Снова отступив шаг назад, офицер ответил Государю: «Я из народа. Когда народ протягивал Вам руку, Вы не приняли ее. Теперь я не подам Вам руки».

Особенно из господ офицеров этой группы выделялся один нерусского происхождения в чине прапорщика, выбранный в помощники Кобылинского Царскосельским «совдепом». Грубый и нахальный, он всегда старался появляться в парке, когда туда выходила Августейшая Семья. Однажды, проходя мимо него, Государь Император сам, по своему обыкновению, приветствовавший не только офицеров, но и солдат, протянул ему руку. Он не принял руки Государя. Не ограничиваясь проявлением пассивного хулиганства, этот офицер и подстрекал, главным образом солдат, не отвечать на приветствия Государя, что они и проделывали. Видимо, эта личность отравляла минуты жизни всей Августейшей Семьи: о ней отмечает в весьма нелестных для нее выражениях в своем дневнике и Алексей Николаевич.

Фамилии всех таких господ офицеров известны следственной власти.

Справедливость требует, однако, отметить, что такими были, конечно, не все офицеры и не все солдаты. Были среди них и хорошие люди, но они, по условиям того времени, не решались обнаружить своих чувств и противодействовать дурным поступкам других.

Первым комендантом дворца периода революции был штабс-ротмистр Коцебу. Он хорошо относился к Августейшей Семье, но он занимал эту должность недолго и скоро был заменен полковником Коровиченко.

Адвокат по профессии, г-н Коровиченко был близок с г-ном Керенским и г-ном Переверзевым по прежней их деятельности и был их креатурой на этом посту, когда г-н Керенский был уже «главой» правительства, а г-н Переверзев – министром юстиции в его составе.

Он не умел себя держать в высоком обществе, как человек плохо воспитанный, и вызывал у всех лиц Августейшей Семьи своими выходками чувство, видимо, брезгливости.

Его заменил на посту коменданта дворца полковник Кобылинский, оставшийся также и комендантом гарнизона.

Чувство справедливости заставляет меня отметить в отношении Кобылинского, что этот благородный офицер не на словах, а на деле и до самого конца проявлял свою глубокую преданность Августейшей Семье, не один раз рискуя

за свою глубокую преданность Августейшей Семье, не один раз рискуя расплатиться за это своей жизнью. Умный и тактичный, он иногда с трудом выходил из всевозможных затруднительных положений, какие создавала тогда жизнь для Августейшей Семьи, отдавая Ей свои последние нервы. Все члены Августейшей Семьи питали к нему добрые чувства, а в особенности Алексей Николаевич, любивший Кобылинского.

Из лиц, занимавших в этот период царскосельского заключения ответственные в правительстве должности, во дворце бывали: генерал Корнилов, г-н Керенский и г-н Гучков.

Ввиду данных предварительного следствия судебный следователь с полным убеждением утверждает, что генерал Корнилов, бывавший в Царском в короткий промежуток времени, когда он занимал должность командующего Петроградским военным округом, проявлял полную корректность, внимание и должное уважение к Высоким Особам и не оставил в душе Их чувства неприязни.

Иначе вели себя и вызывали иное к себе отношение г-н Гучков и г-н Керенский. Г-н Гучков, посетивший дворец в первый раз вместе с Великим Князем Павлом Александровичем и генералом Корниловым, в скором времени явился туда вторично. Неизвестно для какой цели он был тогда во дворце. Его никто не вызывал, и он явился без всякого предупреждения, сопровождаемый своими «революционными» офицерами.

Когда г-н Гучков, сопровождаемый своими офицерами, проходил коридором дворца, один из них, в состоянии ярко выраженного опьянения, увидев стоящих на лестнице дворцовых служителей, остановился против них и злобно начал кричать им, сопровождая свои крики неприличными жестами пьяного человека: «Вы – наши враги, мы – ваши враги. Вы здесь все продажные». Этот офицер получил полный достоинства ответ со стороны одного из лакеев. Гучков же, бывший в расстоянии нескольких шагов от этого пьяного офицера, даже головы не повернул и сделал вид, что не замечает этого неприличного поступка.

Особливое внимание со стороны следственной власти уделено на предварительном следствии отношению к Августейшей Семье г-на Керенского.

Избегая в выводах и оценках, установленных в сем отношении на предварительном следствии фактов, каких бы то ни было субъективных штрихов, с полным убеждением судебный следователь признает в сем отношении следующее:

Много поработавший для расшатывания основных устоев старой власти, создавший в некоторых умах своими речами в Государственной Думе определенное общественное мнение, г-н Керенский шел в жилище Государя Императора, неся в своей душе определенное убеждение судьи, уверенного в виновности Государя Императора и Государыни Императрицы пред Родиной. Тая в своей душе такие чувства, г-н Керенский в то же время умышленно старался подчеркнуть свое великодушие и свое благородство в форме ярко выраженной корректности.

Руководимый этим убеждением, г-н Керенский проявил его в двух направлениях: Государь Император по возвращении своем в Царское был отделен от Семьи и находился на своей половине. По приказанию г-на Керенского г-н Коровиченко произвел в бумагах Государя обыск и отобрал те, которые счел нужным взять. Г-н Керенский, предпринимая подобные действия, надеялся найти в бумагах Государя доказательства Его и Государыни Императрицы измены Родине в смысле желания заключить мир с Германией.

В этом главным образом и заключалось убеждение г-на Керенского.

Отнюдь не желая прибегать в таком деле к каким-либо натяжкам в выводах, следственная власть готова признать, что г-н Керенский только ошибался, хотя подобные ошибки в его положении представляются все же странными: опытный искусник-адвокат, все время выдававший себя за страдальца по народной правде, г-н Керенский, как профессионал-юрист, не мог не знать, что всякое убеждение должно основываться на фактах. Он же поступил как раз наоборот: он сначала составил себе определенное убеждение, а потом постарался сыскать факты.

Фактов ему не пришлось найти, несмотря на все старания в этом направлении самого Керенского, Коровиченко и г-на Переверзева, занимавшего в то время пост министра юстиции. Мало того, в бумагах Государя Императора он не мог [не] найти отражения Его личных свойств и черт как Монарха и как человека. Кроме того, он получил возможность иметь личное общение с Государем и Государыней и имел его. Он тогда понял всю вздорность своих необоснованных убеждений и круто переменил свое отношение к Августейшей Семье.

Все эти черты поведения г-на Керенского вполне осознавались Государем и Государыней. В душе Их Величеств было чувство гнева, когда Они увидели, в чем заключается сущность убеждения г-на Керенского и г-на Коровиченко.

По свойственной Им поистине Царственной выдержке Они не выдавали этого своего чувства. И только однажды Государь Император, не будучи в силах

сдерживать Себя, проявил это чувство в легкой степени. Это было во время самого отобрания Его бумаг. Предъявляя свои бумаги, хранившиеся в особом ящике, Государь Император изволил объяснить г-ну Коровиченко, в каком порядке и какие именно бумаги хранятся у Него. При этом Он взял лежащее письмо, желая положить его в определенную группу. Увидев это, Коровиченко ухватился за это письмо и стал вырывать его из рук Государя со словами: «Нет, позвольте». Государь слегка огневался, отдал письмо, махнул рукой и вышел из комнаты со словами: «Мне здесь нечего делать».

Меняя свое отношение к Августейшей Семье, г-н Керенский с течением времени, видимо, думал, что и он стал пользоваться иным отношением к себе в глазах Государя и Государыни. Он ошибся и на этот раз: он не понимал, что пользовался в Их глазах презрением.

Видимо, следует думать, что и поступки некоторых высокопоставленных лиц, от которых Августейшая Семья, кажется, могла бы ждать проявления чувств благодарности и преданности в Ее положении, причиняли Ей огорчение.

Такими лицами были флигель-адъютант Нарышкин, флигель-адъютант Мордвинов, флигель-адъютант Саблин, герцог Лейхтенбергский, командир Сводного Его Величества полка генерал-майор Рессин (так в документе, правильно: Ресин. –*В.Х.*) и командир Конвоя граф Граббе. Они проявили полное безразличие к судьбе Августейшей Семьи и определенно выраженное чувство страха иметь общение с Ней.

Отъезд Августейшей Семьи в г. Тобольск из Царского состоялся 1 августа 1917 года (по старому стилю). Причиной перевода Ее из Царского в этот именно город послужило, видимо, желание правительства создать для пребывания Августейшей Семьи более покойные условия. В период еще существования Временного правительства были попытки со стороны петроградского так называемого «совета рабочих депутатов» перевести Августейшую Семью в Петропавловскую крепость. К Кобылинскому являлся какой-то неизвестный человек, одетый в форму полковника и называвший себя Масловским. Он предъявил Кобылинскому требование от названного учреждения, подписанного (так в документе, правильно: подписанное. – *В.Х.*) г-ном Чхеидзе, коим этот Масловский уполномочивался взять Государя Императора из дворца и перевести Его в указанную крепость, и требовал исполнения этого требования, грозя пролитием крови. Получив должный отпор своим домогательствам, он удалился. Государственная разруха все больше овладевала государством. Власть командующего петроградским военным округом из рук генерала с историческим именем уже перешла в руки поручика Кузьмина. Все больше

стало проникать к власти под влиянием темной и глубоко невежественной в государственном строительстве силы – русской столичной рабочей массы людей, проникнутых эгоистическими классовыми интересами и чуждых идеи Родины. Назревала борьба за власть.

К этому моменту протекло уже несколько месяцев со времени лишения свободы Государя Императора и Его Августейшей Семьи Временным Правительством. Попытки Керенского найти в бумагах Государя Императора хоть что-либо, Его компрометирующее, не привели ни к чему. Столь же безрезультатной оказалась и работа так называемой «чрезвычайной следственной комиссии» в этом направлении. Лица, входившие в состав правительства, сознавая это, понимали, что благополучно Августейшей Семьи, ни в чем не повинной перед Родиной и страдающей без вины за эту же Родину, грозят эксцессы этой предстоящей борьбы. Видимо, благое желание спасти благополучие Ее и послужило причиной перевода Ее из Царского.

В распоряжении следственной власти нет данных, которые бы позволяли определенно ответить на вопрос, почему именно выбор правительства пал на г. Тобольск. От всяких же произвольных толкований по этому поводу она воздерживается.

30 июля в Александровский дворец была доставлена икона Знамения Божией Матери и был отслужен молебен по случаю дня рождения Алексея Николаевича и напутственный. В ночь на 1 августа в 12 часов во дворец прибыл Керенский, собрал солдат, которые должны были сопровождать Августейшую Семью в Тобольск и быть там в составе караула, и держал к ним речь. Он говорил солдатам: «Вы несли охрану Царской Семьи здесь. Вы должны нести охрану и в Тобольске, куда переводится Царская Семья по постановлению Совета министров. Помните лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не по-хулигански…».

После этого Керенский отправился во дворец, куда также прибыл Великий Князь Михаил Александрович. Он имел свидание в кабинете Государя с одним Государем в присутствии Керенского. Содержание Их беседы неизвестно следственной власти. Сама беседа длилась около 10 минут, причем Керенский, присутствуя в это время в кабинете Государя, отошел в сторону, совершенно не вмешиваясь в нее.

Узнав о предстоящем отъезде Августейшей Семьи из Царского, рабочие депо Варшавского вокзала не выпускали нужные паровозы. Благодаря этому (по установившемуся тогда обыкновению в приемах управления страной, кто-то из представителей власти ездил «уговаривать» рабочих подчиниться

постановлению Совета министров), отъезд задержался и состоялся в 6 часов 10 минут утра.

Августейшая Семья отбыла в г. Тобольск в полном Ее составе, Ее сопровождали следующие лица: 1) генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, 2) Гофмаршал князь Василий Александрович Долгорукий, 3) доктор медицины Евгений Сергеевич Боткин, 4) личная фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 5) гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, 6) воспитатель Алексея Николаевича Петр Андреевич Жильяр, 7) няня при Детях Александра Александровна Теглева, 8) ее помощница Елизавета Николаевна Эрсберг, 9) камер-юнгфера Мария Густавовна Тутельберг, 10) комнатная девушка при Государыне Анна Степановна Демидова, 11) камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров, 12) его помощник Степан Макаров, 13) камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков, 14) лакей Иван Дмитриевич Седнев, 15) лакей Сергей Иванов[ич] Иванов, 16) лакей Тютин, 17) лакей Алексей Трупп, 18) лакей Григорий Солодухин, 19) лакей Дормидонтов, 20) лакей Киселев, 21) лакей Ермолай Гусев, 22) воспитательница Гендриковой Викторина Владимировна Николаева, 23) прислуга при Гендриковой Маулина Межанц, 24) прислуги при Шнейдер Катя и 25) Маша, 26) служитель Михаил Карпов, 27) дядька при Алексее Николаевиче Клементий (так в документе, правильно: Климентий. – *В.Х.*) Григорьевич Нагорный, 28) официант Франц Журавский, 29) кухонный служитель Сергей Михайлов, 30) кухонный служитель Франц Пюрковский, 31) кухонный служитель Терехов, 32) писец Александр Кирпичников, 33) парикмахер Алексей Николаевич Дмитриев, 34) гардеробщик Ступель, 35) повар Иван Михайлович Харитонов, 36) повар Кокичев, 37) повар Иван Верещагин, 38) поварской ученик Леонид Седнев, 39) заведующий погребом Рожков.

Несколько позднее в г. Тобольск прибыли: 40) воспитатель Алексея Николаевича Сидней Иванович Гиббс, 41) доктор Владимир Николаевич Деревенко, 42) личная фрейлина баронесса София Карловна Буксгевден, 43) камер-юнгфера Магдалина Францевна Занноти, 44) комнатная девушка Анна Павловна Романова, 45) комнатная девушка Анна Яковлевна Уткина.

На вокзал Августейшая Семья следовала в одном автомобиле под охраной драгун 3-го Прибалтийского полка.

Августейшая Семья и следовавшие с Ней лица ехали двумя поездами. В первом поезде помещались Августейшая Семья, свита, часть прислуги и рота 1-го полка; во втором поезде – остальная прислуга и роты 2-го и 4-го полков; багаж был распределен в обоих поездах.

С Августейшей Семьей следовали: командированный от правительства член Государственной думы Вершинин и инженер Макаров и командированный Керенским прапорщик Ефимов, на которого Керенским была возложена специальная миссия – проводить Августейшую Семью до Тобольска и сделать о сем доклад Царскосельскому «совдепу». Кроме того, в поезде ехал также инженер Эрдели.

В первом вагоне международного общества первого поезда, удобном, следовали: Государь Император (в отдельном купе). Государыня Императрица (в отдельном купе), Великие Княжны (в отдельном купе), Алексей Николаевич с Нагорным (в отдельном купе), Демидова, Теглева, Эрсберг, Чемодурова и Волков. Во втором вагоне ехали: Татищев, Долгорукий, Боткин, Шнейдер с прислугой, Жильяр и Гендрикова с прислугой; в третьем вагоне помещались лица, командированные правительством, и офицерские чины; в четвертом помещалась столовая, где обедала Августейшая Семья, кроме Государыни и Алексея Николаевича, обедавших в купе Государыни; в остальных вагонах ехали солдаты.

Самая поездка протекала в удобных условиях и без особых инцидентов. Поезда останавливались на малых станциях. Иногда делались остановки в поле. Августейшая Семья выходила из вагона и прогуливалась, а поезд тихо следовал за Ней.

Только на одной станции, видимо Званке, рабочие не желали пропускать поезда, но инцидент благополучно разрешился.

Со станции Тюмень Августейшая Семья следовала на пароходе «Русь». С Ней на этом пароходе ехали все лица, следовавшие в одном с ней поезде. Все остальные ехали на пароходе «Кормилец».

В г. Тобольск Они прибыли в 4 часа дня 6 августа (по старому стилю). Дом, отведенный для Августейшей Семьи, был не готов к Ее приезду, и Она до 13 августа проживала на пароходе.

13 августа Августейшая Семья перешла в отведенный для Нее дом. Для Государыни Императрицы был подан приличный экипаж на резиновом ходу, в коем Она и изволила отбыть в дом вместе с Татьяной Николаевной.

Государь Император, Алексей Николаевич, Ольга Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна следовали пешком.

Этот дом, где пребывала в заключении Августейшая Семья, находился на улице под названием «улица свободы»; в нем раньше проживал тобольский губернатор. Этот дом – каменный, в два этажа.

Размещение произошло следующим образом. Вход в нижний этаж дома ведет в переднюю, откуда идет коридор, разделяющий нижний этаж дома на две половины. Первая комната из передней на правой стороне – занималась дежурным офицером, рядом с этой комнатой находилась комната Демидовой, рядом с ней – комната, в которой занимались Дети, а рядом с этой комнатой – Царская столовая; с левой стороны коридора против комнаты дежурного офицера находилась комната Чемодурова, рядом с ней – буфетная, за буфетной шли две комнаты, в которых помещались Теглева, Эрсберг и Тутельберг.

Над комнатой Чемодурова шла в верхний этаж лестница. Она прямо вела в угловую комнату, в которой был кабинет Императора; рядом с Его кабинетом был зал, причем в зал можно было попасть и из кабинета, и из передней верхнего этажа, в которую вела парадная лестница; из зала одна дверь выходила в коридор, деливший верхний этаж на две половины: первая комната с правой стороны, если идти от зала, была гостиной, рядом с ней – спальня Государя и Государыни; рядом с передней – шкафная комната, рядом с ней против гостиной и спальни Государя и Государыни – комната Алексея Николаевича; дальше шли уборная и ванная. Все остальные лица свиты помещались в другом доме Корнилова, находившемся в близком соседстве с этим домом.

Но впоследствии баронесса Буксгевден была выселена из корниловского дома, а Занотти, Романова и Уткина совсем не были допущены в дом Корнилова.

Распорядок дня в г. Тобольске был таков. Утренний чай подавался обыкновенно в 8 часов 45 минут. Государь имел обыкновение пить утренний чай у Себя в кабинете вместе с Ольгой Николаевной. Алексей Николаевич с остальными Сестрами пили его в общей столовой. Государыня кушала кофе в постели.

После утреннего чая Государь обыкновенно до 11 часов работал у Себя в кабинете, а после 11 шел на воздух, где обыкновенно занимался физическим трудом: чаще всего Он пилил дрова. Его главным образом стараниями была выстроена площадка над оранжереей и лестница, ведущая на эту площадку. Они любили посидеть на этой площадке, обращенной к солнцу.

Дети после чая занимались до 11 часов уроками. С 11 до 12 часов был свободный час. В 12 часов Детям в Их комнату подавались бутерброды. Сюда входил и Государь и закусывал с Детьми. После 12 до 1 часа Дети снова

занимались уроками. В 1 час подавался завтрак. После чая Государь иногда преподавал Алексею Николаевичу историю.

В 5 часов подавался, чаще всего в кабинете Государя, чай. После чая Государь чаще всего читал у Себя в кабинете. Алексей Николаевич занимался играми с гг. Шнейдер, Долгоруким, Гиббсом и Жильяром; его любимой игрой в это время было «тише едешь, дальше будешь». От 6 до 7 с Алексеем Николаевичем занимались или Жильяр, или Гиббс. Княжны в это время и Алексей Николаевич от 7 до 8 часов готовили уроки. В 8 часов подавался обед. После обеда Семья собиралась обыкновенно вместе, куда также приходили и лица свиты. Занимались беседой, играми. Иногда Государь читал что-либо вслух.

Алексей Николаевич скоро после обеда ложился спать. В 11 часов в гостиной подавался чай, после которого расходились спать.

Государыня вставала позднее других. Она также просыпалась рано, но иногда оставляла свою комнату только к завтраку. В эти часы Она иногда занималась с Детьми или же занималась рукоделиями: вышивала или рисовала. Когда Она оставалась одна в доме, Она иногда играла на пианино. Гулять Она выходила редко. Чаще всего Государыня и обедала у себя в комнате вместе с Алексеем Николаевичем. Она жаловалась на плохое состояние своего сердца и избегала ходить по лестнице в столовую, помещавшуюся в нижнем этаже дома.

За обедом, если обедала Императрица, размещались следующим образом: посередине стола садился Государь, против Государя – Государыня. Справа от Государя – Гендрикова, рядом с ней – Мария Николаевна. Слева от Государя – Шнейдер, а рядом с ней – Долгорукий (правильно Долгоруков. – *В.Х.*). Справа от Императрицы – Алексей Николаевич, рядом с Ним – Ольга Николаевна. Слева от Императрицы – Татищев, рядом с ним – Татьяна Николаевна. На углу стола сидел г. Жильяр, а против него – Гиббс и Анастасия Николаевна. Если же Государыня обедала у Себя, Ее место занимала Ольга Николаевна.

Доктор Боткин делил себя между Августейшей Семьей и своей семьей. Он обедал всегда с Августейшей Семьей и сидел с Ольгой Николаевной и Алексеем Николаевичем. По праздничным дням приглашался к обеду Деревенко и его сын гимназистик Коля.

Обед для Августейшей Семьи готовил повар Харитонов.

Стол был хороший. За завтраком подавалось: суп, мясо, рыба, сладкое и кофе. Обед состоял из таких же блюд, но подавались еще фрукты, если их можно было достать.

Занятия с Детьми вели следующие лица: Государь преподавал Алексею Николаевичу историю. Государыня преподавала Детям Богословие и немецкий язык Татьяне Николаевне. Математику всем Детям и русский язык Алексею Николаевичу, Марии Николаевне и Анастасии Николаевне преподавала Клавдия Михайловна Битнер (прибыла в Тобольск позднее), Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной, Жильяр преподавал Детям французский язык, Гиббс – английский.

Жизнь проходила в Тобольске спокойно, ровно, без всяких инцидентов. Было только скучно. Чтобы скрасить Детям жизнь, ставились иногда домашние пьесы на французском и английском языках, в которых принимали участие Дети. Население хорошо относилось к Августейшей Семье, если проходившая мимо дома публика видела в окнах кого-либо из Августейшей Семьи, всегда приветствовала Ее, а некоторые осеняли крестным знамением. Некоторые лица присылали приношения, преимущественно из провизии. Присылал все возможное местный монастырь.

Жизнь в Тобольске первые месяцы была спокойнее и несколько свободнее, чем в Царском. Августейшая Семья посещала здесь церковь, чего Она была лишена в Царском и о чем в особенности страдала Императрица.

Всенощные богослужения совершались и в Тобольске на дому. Литургия (ранняя) служилась для Августейшей Семьи в церкви Благовещения.

Богослужение совершал священник о. Васильев.

Но такая жизнь продолжалась в Тобольске недолго: до того времени, пока власть была в руках полковника Кобылинского.

В сентябре месяце в Тобольск прибыл комиссар от правительства Панкратов и его помощник Никольский. Оба они были партийные эсеры, причем Панкратов за политическое преступление сидел 15 лет в Шлиссельбургской крепости, а затем 27 лет провел в ссылке в Якутской области, в этой же области отбывал ссылку и Никольский.

Справедливость требует отметить, что лично Панкратов был человек мягкой души, добрый. Он не делал зла Августейшей Семье. Никольский был человек грубый и глупый. Он позволял себе кричать на Алексея Николаевича, оскорбительно обращаться с Ним. Он же, когда для Августейшей Семьи было прислано из Царского с разрешения правительства целебное вино «сен-рафаэль», увидев вино, все перебил его собственноручно.

Однако, каковы бы ни были личные, индивидуальные свойства г. Панкратова и его отношение, как облеченного властью лица, к заключенной Августейшей Семье, не подлежит сомнению, что момент его появления в Тобольске был тем начальным моментом, с которого стало ухудшаться положение Августейших Особ.

Панкратов – типичный эсер. Его миниатюрный ум не видел жизни вне программы своей партии, и он, получив власть над солдатами, стал усерднейшим образом работать над ними, чтобы всех их превратить в правоверных эсеров. Солдаты слушали проповеди этого заядлого эсера, переваривали их посвоему и становились… большевиками. Все больше понижался их моральный уровень. Все слабее и слабее становилась власть над ними полковника Кобылинского. Таким образом, значение для Тобольска гг. Панкратова и Никольского заключалось в том, что эти люди быстро и энергично разложили солдат.

Их разложение отражалось на благополучии Августейшей Семьи. Жизнь Ее была скучная, однообразная. Это было затворничество, заключение. Семья никуда не могла выходить, кроме церкви. Это был единственный способ общения с внешним миром, так как никто из народа не допускался в церковь, когда там молилась Августейшая Семья. Они, конечно, страдали в душе своей. В частности, Государь Император тосковал об охоте и неоднократно выражал свою грусть по этому поводу. Та же нотка грусти была и в глубине души Государыни Императрицы, сознававшей себя «узницей», как Ее Величеству угодно было Самой называть Себя.

Для Государя Императора, воспитанного на привычке к физическому труду, для Августейших Детей единственным местом физической работы и физических развлечений был двор, где Государь Император при участии Великих Княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и Марии Николаевны пилил дрова.

Дети пользовались качелями, а когда установилась зима, Они построили ледяную гору. Кроме этих удовольствий, никаких иных не было.

На эту сторону жизни Августейшей Семьи и проводилось внимание солдат, когда они получали надлежащее воспитание у Панкратова и Никольского.

Зная, что качелями пользуются Великие Княжны, они стали позволять себе делать на доске качелей неприличные надписи.

Увидев однажды на ледяной горе Государя Императора и Государыню Императрицу, они ночью уничтожили гору.

Решив на специальном митинге, чтобы Государь Император снял с Себя погоны, они предъявили это требование Кобылинскому в очень грубой форме и, потеряв последние остатки стыда и совести, осмелились грозить Императору насилием, если Он не подчинится их требованию.

Не зная, к чему бы им еще придраться, они, без всякого видимого повода, переселили всех лиц, проживавших в доме Корнилова в губернаторский дом, преследуя, видимо, цель ухудшить положение Августейшей Семьи, сделать Ее покои более тесными и неудобными, и самочинно перевели лиц свиты и прислугу на положение арестованных.

Наконец, они отняли и то, что для Августейшей Семьи в Ее страданиях было самым дорогим: они запретили Ей посещать церковь. В этом, следует признать, был повинен также и местный священник о. Васильев, игравший вообще какуюто странную роль. На первый день Рождества Христова о. Васильев приказал диакону возгласить многолетие Государю Императору по старой форме, что диаконом и было исполнено.

Солдаты воспользовались этим обстоятельством и лишили Августейшую Семью возможности посещать храм. Мало того, они постановили, чтобы и домашние богослужения совершались не иначе как под надзором их выборных, что и делалось в действительности.

Таким образом, то, с чем так долго и успешно боролся полковник Кобылинский, свершилось: солдаты пробрались в самые покои Августейшей Семьи.

Однажды, когда священник, совершая домашнее богослужение, поминал святых и упомянул имя святой царицы Александры, солдаты снова устроили скандал, не поняв, по своему невежеству, смысл молитвы священника.

Жизнь в Тобольске, довольно сносная в первые месяцы пребывания здесь Августейшей Семьи, становилась постепенно все хуже и хуже. Первыми по времени причинами этого были действия, как указано выше, самих местных правительственных агентов. Г-н Панкратов, развративший солдат, видел плоды своей работы и сам же вкусил от них: большой трус, он боялся сам же солдат и был впоследствии изгнан ими вместе с Никольским.

Однако не одни только правительственные агенты повинны в страданиях Августейшей Семьи этого периода Ее заключения. В этом повинно и само правительство, и прежде всего его глава – г. Керенский.

Выше приводились слова его, обращенные к солдатам перед отъездом Августейшей Семьи из Царского. Он тогда наобещал солдатам всяких милостей и в денежном, и [в] вещевом довольствии. Он даже говорил Кобылинскому: «Не забывайте, что это – бывший Император. Его Семья ни в чем не должна нуждаться». Но сам же первый он забыл о Ней. Из Петрограда не присылались денежные пополнения ни для солдат, ни для содержания Августейшей Семьи. Следственная власть отмечает это обстоятельство: Государь Император и Его Августейшая Семья нуждались в средствах.

Дело стало доходить до того в этом отношении, что повар Харитонов докладывал Кобылинскому, что больше «не варят» и «в кредит отпускать скоро не будут». Свершилось позорнейшее для чести Русского народа событие: полковник Кобылинский ходил по городу Тобольску и выпрашивал у частных лиц деньги на содержание Августейшей Семьи. Ему дал их один из купцов под векселя за его, Кобылинского, Татищева и Долгорукова подписями.

К великому бесчестию всех буржуазно-интеллигентных слоев Русского общества, столь легко отказывавшегося от святых исторических идеалов, я не могу в этой части моего доклада не отметить, что в моих руках имеются акты, коими установлено с непреложностью: 1) что 31 октября 1917 г., уже нуждаясь в средствах, Государь Император жертвовал от Себя и от Августейшей Семьи деньги на нужды фронта; 2) что 3 ноября (через два дня) до сведения Ростовцева было доведено князем Долгоруким о неимении у Августейшей Семьи средств заплатить за портрет Великой Княжны Татьяны Николаевны, заказанный ранее.

В это время, в одну из минут душевного отчаяния, полковник Кобылинский явился к Государю и доложил Ему, что он боится, что благодаря потери им власти над солдатами он не может быть более полезным для Государя и просил отпустить его. Государь Император обнял Кобылинского. На глазах Его навернулись слезы, и Он сказал: «…Вы видите, что мы все терпим. Надо и вам потерпеть».

Временное правительство пало. Новая власть известила по телеграфу Кобылинского, что «у народа» нет средств содержать Царскую Семью. Отныне Они должны существовать на свои личные средства. Ей дается лишь квартира и солдатский паек. Августейшая Семья принуждена была изменить уклад своей жизни. Были уволены 10 человек из служащих. Со стола Августейшей Семьи исчезли сливки, масло, кофе, сладкое. Сахара отпускалось полфунта на человека в месяц.

Был заключен позорнейший Брестский договор.

Как ни владел Собой Государь Император, однако Он иногда не мог скрыть Своих тяжелых душевных страданий. Происшедшую в Его Величестве перемену со времени заключения этого договора окружающие Его ясно видели. Как свидетельствует одно из таких лиц, Государь Император был подавлен этим договором как тяжелым горем. В это время Его душа была столь преисполнена скорби за Родину, за Ее честь, что Он, выдержаннейший из людей, искал общения с другими лицами, чтобы вылить горе Своей души. Государь Император изволил удостаивать в это время одно из лиц Своими беседами и изволил делиться с этим лицом своими мыслями. Государь называл Брестский договор «изменой России и союзникам» и смотрел на него как на позорнейший для чести Родины акт. В резких выражениях Император изволил резко отзываться в это время о Гучкове и Керенском за все великое зло, содеянное ими для Родины, и изволил при этом гневно говорить по их адресу: «И они смели подозревать Ее Величество в измене. Кто же на самом деле изменник?»

После изгнания солдатами комиссаров Панкратова и Никольского прибыл в Тобольск новый, уже большевистский комиссар Дуцман. Он ничем себя не проявлял и не вмешивался в жизнь Августейшей Семьи.

30 марта Алексей Николаевич тяжко заболел. С ним повторился такой же случай, что и в Спале в 1912 г., но болезнь приняла ввиду отсутствия медицинских средств более серьезный характер: у Него отнялись обе ноги и самый болезненный процесс протекал весьма бурно, причиняя ему большие мучения.

3 апреля прибыл новый «чрезвычайный» комиссар – Яковлев. Он прибыл в корниловский дом не один, а с целым штатом своих людей, среди которых был даже специальный телеграфист. Яковлев предъявил полковнику Кобылинскому свои «чрезвычайные» полномочия. Они были выданы ему председателем «ЦИКа» Янкелем Свердловым. В них была определенная санкция – немедленный расстрел на месте за невыполнение требования Яковлева.

Сущность же полномочий Яковлева в бумаге не указывалась.

Яковлев несколько раз был в доме, будучи принят Их Величествами.

Его посещения имели одну определенную цель, хотя сам он упорно хранил молчание и не высказывался о цели своего прибытия: он проверял, действительно ли болен Алексей Николаевич. Убедившись в Его болезни, он отправился на телеграф и говорил через своего телеграфиста по прямому проводу со Свердловым. Это было 11 апреля по старому стилю.

В этот же день он объявил Кобылинскому, что он должен увезти Государя Императора и потребовал от Кобылинского, чтобы 12 апреля он был принят Государем.

12 апреля в 2 с половиной часа дня Яковлев явился в дом и сказал камердинеру Волкову, что он желает говорить с Одним Государем наедине.

Волков доложил Государю об этом, причем при этом докладе Волкова присутствовала и Императрица.

Она не подчинилась требованию Яковлева и, войдя в зал вместе с Государем, в резкой форме заявила Яковлеву, что Она непременно будет присутствовать при разговоре его с Государем.

Яковлев уступил настойчивому требованию Государыни.

Держал себя Яковлев с Их Величествами вежливо, раскланиваясь с Ними, не позволял себе никаких грубостей. Он в категоричной форме заявил Государю, что он на следующий день ранним утром увезет Государя из Тобольска, причем он уверял Его Величество, что за Его неприкосновенность он, Яковлев, сам отвечает своей головой.

Государь ответил Яковлеву, что Он никуда не поедет. Тогда Яковлев сказал Государю, что, если Государь откажется ехать с ним, он должен будет поступить двояко: или сложить свои полномочия, и тогда «могут прислать менее гуманного человека», или же употребить силу. Государь не ответил на это Яковлеву. Хотя Яковлев и не указывал, куда именно и для какой цели он увозит Государя Императора, однако он сам всем своим поведением дал очень много неопровержимых доказательств того, что этим местом должна быть Москва.

Государю Императору и Государыне Императрице не были в тот момент известны эти факты, но тем не менее Их Величества были единодушны в оценке этих фактов и полагали, что Государя Яковлев повезет именно в Москву.

В этот день в жизни Государыни Императрицы и произошло событие, для оценки которого отмечены выше два факта, имевшие место в Царском Селе.

После ухода Яковлева Государь вышел гулять. Государыня Императрица была у себя в будуаре с Татьяной Николаевной. Она позвала к Себе одно из наиболее любимых Ею лиц. В этот момент Она переносила невозможные моральные страдания.

Государыня почти потеряла самообладание. Она почти бегала по комнате, страшно рыдала и ломала Свои руки. Многие из бывших около Августейшей Семьи лиц, которые знали Императрицу в продолжение многих лет, все единодушны в оценке того, что никогда ранее, даже в Спале в 1912 г. и позднее, во время мучительных приступов болезни столь горячо любимого Сына, Императрица так не страдала, как в этот день, 12 апреля.

Нельзя и сравнить Ее состояние в этот день с Ее состоянием в дни революции при отречении Государя Императора и 8 марта, в день приезда во дворец генерала Корнилова.

Сопоставляя многие факты в этой области, установленные на предварительном следствии, с мыслями, которыми в этот день угодно было поделиться по поводу слов Яковлева Государю Императору и Государыне Императрице с некоторыми из лиц, следственная власть констатирует, что цель увоза Государя Императора в Москву Его Величество видел в намерении принудить Его изменить Родине и союзникам: взяв снова власть, заключить договор с немцами. Именно так Его Величеству угодно было объяснить цель приезда Яковлева, причем Государю Императору угодно было сказать по этому [поводу] следующее: «Пусть Мне лучше отрубят правую руку, но Я не сделаю этого».

Именно так же смотрела на этот вопрос и Государыня Императрица. Этим и объяснилось Ее вышеуказанное тяжелое душевное состояние: Она не знала, что Ей делать: оставаться около больного Сына или же оставить Его и быть с Императором. Государыня высказывала определенные при этом мысли: «…они хотят отделить Его от Семьи, чтобы попробовать заставить Его подписать гадкую вещь под страхом опасности для жизни всех своих, которых он оставит в Тобольске, как это было во время отречения во Пскове».

Душевная борьба Императрицы продолжалась час. В мучительной борьбе Она решила ехать вместе с Императором. В это время Государь возвратился с прогулки. Она пошла Ему навстречу и сказала: «Я поеду с тобой. Тебя одного не пущу». Государь сказал Государыне: «Воля твоя».

13 апреля в 3 часа утра к подъезду дома были поданы экипажи. Это были простые сибирские тележки-плетенки. Одна была запряжена тройкой лошадей, все остальные – парой. Ничего не было положено на дне этих тележек – никакого сиденья.

Достали соломы и положили на дно тележек. В одну из них поверх соломы положили матрас. В этом экипаже поместилась Государыня Императрица с Великой Княжной Марией Николаевной. Государыня хотела, чтобы Государь

ехал с Ней и Марией Николаевной, но Яковлев категорически воспротивился этому и сел с Государем в другой экипаж сам. Отъезд состоялся в 4 часа утра. Вместе с Августейшими Особами из Тобольска отбыли: Долгорукий, Боткин, Чемодуров, Седнев Иван и Демидова.

Уныние и грусть воцарились в доме после отъезда Августейших Особ. В особенности убивалась Ольга Николаевна, сильно плакавшая как бы в предчувствии недоброго.

Яковлев страшно гнал во всю дорогу, являя определенную боязнь, что местные большевики остановят его. Дорога была очень тяжелая. Была весенняя распутица. В некоторых местах пришлось идти пешком. 15 апреля в 9 часов вечера он был уже в Тюмени. По прибытии на станцию Тюмень он сел в поезд и повез Августейших Особ по направлению к Екатеринбургу. Но вез он их определенно не в Екатеринбург. На одной из промежуточных станций между Тюменью и Екатеринбургом он известил, что екатеринбургские большевики решили не пропускать поезд дальше и задержать Августейших Особ в Екатеринбурге. Узнав об этом, он повернул обратно в Тюмень. Отсюда он отправился в Омск, думая ехать через Челябинск – Уфу. Но под самым Омском поезд был остановлен омскими большевиками, получившими предупреждение от екатеринбургских. Тогда он отправился в Омск, переговорил по прямому проводу с Москвой, видимо с тем же Свердловым, и, очевидно, получил от него какие-то инструкции. Снова он поехал на Екатеринбург через Тюмень. В Екатеринбурге он делал все возможное, чтобы прорваться далее, но попытка его не удалась, и Августейшие Особы были оставлены в Екатеринбурге.

Это произошло 17 апреля (по старому стилю).

Августейшие Дети были извещены об этом 20 апреля по телеграфу. Известие это вызвало всеобщее удивление.

26 апреля в дом явился председатель тобольского «совдепа» матрос Хохряков и стал торопить Детей с отъездом. Ехать в то время было еще нельзя, так как Алексей Николаевич не совсем еще поправился.

Спустя несколько дней в доме появилось другое лицо, бывшее начальником особого отряда, который должен был сопровождать Детей. Это лицо носило фамилию Родионов и было членом Уральского так называемого «областного совдепа». На всех лиц этот человек производил впечатление бывшего жандарма. Его опознали два лица: баронесса Буксгевден, признавшая в нем одного из жандармов, проверявших однажды в Вержболове паспорта, и Татищев, видевший его в Берлине в Русском посольстве. Татищев сказал об этом

Родионову. Родионов также признал это обстоятельство и уклонился от дальнейших объяснений.

Обращение этих людей с Детьми и некоторыми лицами из прислуги, наиболее преданными Августейшей Семье, было плохое. Родионов запретил Великим Княжнам запирать дверь Их комнаты на ночь, объявив Им, что он имеет право входить в Их комнату в любое время дня и ночи. Он перерыл все вещи в доме, даже на престоле их домовой церкви. Он обыскивал в очень грубой форме даже монахинь при богослужении и вызывал слезы Татьяны Николаевны своими грубыми мерами.

В этой части своего доклада следственная власть считает необходимым отметить следующее. До отъезда Детей из Тобольска из Екатеринбурга было получено письмо от Анны Степановны Демидовой. По существу, это было письмо, исходившее от Государыни. В осторожных выражениях в этом письме Государыня давала понять, что в Их вещах, когда Они прибыли в Екатеринбург, был произведен обыск, и делала указания, как надлежит поступить с драгоценностями, условно называя их «лекарствами». При отъезде из Тобольска с ними и было поступлено таким образом. Некоторые из них были положены в вате между двумя лифчиками, сшитые затем вместе в один. Таких лифчиков было три, и их надели на себя Великие Княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна. Кроме того, с синих костюмов Княжон из шевиота были сняты пуговицы и вместо них были пришиты наиболее крупные камни, обернутые в вату и обшитые затем черным шелком под видом пуговиц. Часть, наконец, драгоценностей были зашиты в шляпы Княжон. Жемчужные нити Ольга Николаевна надела на шею.

7 мая (по старому стилю) в 11 часов утра состоялся отъезд Детей из г. Тобольска на том же пароходе «Русь». Родионов и здесь не менял своего обращения. Он запретил Великим Княжнам запирать дверь Их каюты. Каюту же Алексея Николаевича, в которой находился с Ним еще Нагорный, он запер снаружи висячим замком.

9 мая состоялось прибытие Детей в Тюмень. В тот же день Они отбыли в поезде в Екатеринбург. Сюда они прибыли 10 мая в 2 часа утра. Около 9 часов Дети были перевезены из вагона в дом Ипатьева, где находились Государь, Государыня и Мария Николаевна.

Шел мелкий весенний дождик, когда Дети выходили из вагона. С Ними обращались грубо. Они сами должны были нести свои вещи. Когда Татьяне Николаевне было не под силу нести один из саквояжей, Нагорный подошел к Ней и хотел Ей помочь в этом, его грубо оттолкнули.

Все лица, сопровождавшие Государя, Государыню и Марию Николаевну, были допущены с Ними в дом Ипатьева, кроме Долгорукого. Он был 17 апреля с вокзала отправлен в тюрьму.

С Детьми были пропущены в дом мальчик Леонид Седнев, повар Харитонов и лакей Трупп. Но в тот же день из дома были взяты Чемодуров и Иван Седнев и также отправлены в тюрьму.

Из вагона же были взяты Татищев, Гендрикова, Шнейдер, камердинер Волков и Нагорный и отправлены в тюрьму.

Дом Ипатьева, где имела в Екатеринбурге пребывание Августейшая Семья, находился на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Против него находится площадь и церковь Вознесения.

Это дом каменный, в два этажа, причем нижний – подвальный.

Августейшая Семья была помещена в верхнем этаже, причем в одной комнате помещались Государь, Государыня и Алексей Николаевич; в соседней комнате помещались Великие Княжны. Кроме этих комнат, Августейшая Семья пользовалась столовой. В остальных комнатах: в зале и гостиной (одна комната, перегороженная лишь аркой) – помещались Боткин и Чемодуров, в одной комнате Демидова, в последней комнате и в кухне помещались Леонид Седнев, Харитонов и Трупп.

При доме имелся маленький, скудный растительностью садик, в который выходила из столовой терраса.

Самый дом был обнесен двумя заборами, из коих один закрывал дом, кроме парадного крыльца, и проходил под самыми окнами, а другой, на некотором расстоянии от первого, закрывал весь дом вместе с воротами.

Обнесенный этими заборами дом имел совершенный вид тюрьмы.

Охрана красноармейцев состояла из русских рабочих местных фабрик и заводов. Первым комиссаром дома, носившего название «дом особого назначения», был русский рабочий Александр Авдеев; его помощник был также русский рабочий Александр Мошкин.

Посты были наружные и внутри дома, причем один пост был в вестибюле дома около парадной двери, ведущей с парадной лестницы в комнаты верхнего этажа, а другой был около уборной.

Период Екатеринбургского заключения Августейшей Семьи был полон страданий. Это был сплошной крест.

Комиссар Авдеев, его помощник и еще несколько человек…ных к Авдееву, находились все время в верхнем этаже дома, где они занимали одну из комнат, а команда охраны – в нижнем этаже. Это были грубые и пьяные люди. Они входили когда им было угодно в комнаты Августейшей Семьи и вели себя отвратительно, отравляя жизнь Семьи. Они позволяли себе входить в столовую, когда обедала Августейшая Семья, лезть своими ложками в общую миску с супом, и иногда дерзость их доходила до такой степени, что они как бы неумышленно задевали своими локтями лицо Императора или же, становясь сзади стула Императрицы, наваливались на стул, задевая Государыню.

Сначала пищу для Августейшей Семьи доставляли из так называемой «советской столовой» в готовом виде, и ее только разогревал повар Харитонов. Она состояла из супа и мяса, преимущественно котлет. Впоследствии разрешено было готовить дома. Императрица, не употреблявшая мясной пищи, питалась преимущественно макаронами.

Обед происходил за общим столом, причем вместе с Августейшими Особами по распоряжению Самого Императора обедала и прислуга. Кроме простой клеенки, стол не покрывался более ничем. Ложки для всех были деревянные: часто не хватало ни ложек, ни ножей, ни вилок.

Безобразные пьяные песни с тенденциозным подбором неслись часто по дому. Происходило расхищение Царских вещей.

Уборная была одна в доме, и ею пользовались все.

Выходить можно было только в сад, но нельзя было заниматься физическим трудом.

Государыня, сильно вообще постаревшая к этому времени, чувствовала Себя нездоровой. Алексей Николаевич все время болел и лежал в постели, не будучи в состоянии ходить. Его выносил на прогулки обыкновенно Сам Государь.

Государь и Государыня как бы застыли в Своем Царственном…

…и безропотно выносить все эти ужасные муки.

Иногда из комнат Августейшей Семьи раздавались духовные песнопения, преимущественно Херувимские песни: пели Государыня и Княжны.

Господу угодно было в неисповедимых путях Своих прервать жизнь Святых Царственных Страдальцев в ночь на 4 июля 1918 года (по старому стилю). В эту ужасную ночь погибла Вся Августейшая Семья.

Ее погибель сопровождалась такими обстоятельствами.

21 июня областным Советом были смещены комиссар Авдеев и его помощник Мошкин. Вместо русского рабочего Авдеева комиссаром был назначен еврей Янкель Хаимович Юровский, а помощником его – русский рабочий Никулин.

Политический преступник в прошлом, Янкель Юровский был одно время в Германии и умел говорить по-немецки. Это был злобный и деспотичный по характеру человек.

Он еще ухудшил положение Августейшей Семьи, в чем только можно было это сделать, и произвел с первого же дня своего прихода в дом следующее изменение: до Юровского охрана, состоявшая из русских рабочих-красноармейцев, помещалась в нижнем этаже дома, неся охрану и внешних и внутренних постов. Юровский в первый же день перевел эту русскую охрану в другой дом вблизи дома Ипатьева, а в нижнем этаже дома поселил 10 «своих» людей, приведенных им из Чрезвычайной следственной комиссии, которые только и стали нести охрану внутри дома. Это были палачи при комиссии. Имена некоторых из них известны следственной власти, причем следственная власть в силу некоторых данных, установленных на предварительном следствии, убеждена, что большинство из этих десяти человек были немецкие пленные.

Только одно лицо из русских красноармейцев было близко к Юровскому и пользовалось его доверием. Это был начальник над красноармейцами…

…Павел Медведев.

2 июля Юровский приказал Медведеву увести из дома Ипатьева в соседний дом, где помещалась русская охрана, мальчика Леонида Седнева, что и было сделано…

…чера Юровский приказал Медведеву собрать в команде все 12 револьверов системы «наган» и доставить ему. Когда Медведев выполнил это, Юровский сказал ему, что ночью будет расстреляно все «Царское Семейство», и велел предупредить об этом красноармейцев, но несколько позднее, что и было выполнено Медведевым около 10 часов вечера.

Около 12 часов ночи, когда Августейшая Семья уже спала, сам Юровский разбудил Ее и потребовал под определенным предлогом, чтобы Августейшая Семья и все, кто был с ней, сошли в нижний этаж.

Августейшая Семья встала, умылась, оделась и сошла вниз. Алексея Николаевича нес на руках Государь Император. Следственная власть убеждена, что предлог, под которым

Юровский заманил Августейшую Семью в нижний этаж дома, состоял в необходимости якобы отъезда из Екатеринбурга. Поэтому Августейшая Семья была в верхних платьях. С Собой Они несли подушки, а Демидова несла две подушки. Спустившись по лестнице верхнего этажа во двор, Августейшая Семья вошла со двора в комнаты нижнего этажа и, пройдя их все, пошла по указанию Юровского в отдаленную комнату, имевшую одно окно с железной решеткой совершенно подвального характера.

Полагая, видимо, что предстоит отъезд, в ожидании прибытия экипажей Августейшая Семья попросила стулья. Было подано три стула…..наты сели Государь Император и Алексей Николаевич. Рядом с Ним стоял Боткин. Сзади Них у самой стены стояли Государыня Императрица и с Нею три Княжны. Справа от Них стояли Харитонов и Трупп. Слева – Демидова, а дальше за ней одна из Княжон. Как только произошло это размещение, в комнату, где уже были Юровский, его помощник Никулин и Медведев, вошли упомянутые выше 10 человек, приведенных Юровским в дом. Все они были вооружены револьверами. Юровский сказал несколько слов, обращаясь к Государю, и первый же выстрелил в Государя. Тут же раздались залпы злодеев, и все Они пали мертвыми. Смерть всех была моментальной, кроме Алексея Николаевича и одной из Княжон, видимо Анастасии Николаевны. Алексея Николаевича Янкель Юровский добил из револьвера, Анастасию Николаевну – кто-то из остальных.

Имеются указания, что слова Янкеля Юровского, обращенные к Государю, заключались в следующем: «Ваши родственники хотели Вас спасти, но им этого не пришлось, и мы должны Вас расстрелять сами».

Когда злодеяние было совершено, трупы Августейшей Семьи и всех других были тут же положены в грузовой автомобиль, на котором Янкель Юровский вместе с некоторыми другими известными лицами увез Их за город Екатеринбург, в глухой рудник, расположенный в лесной даче, принадлежавшей некогда графине Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор, а ныне находящиеся во владении общества Верх-Исетских акционерных заводов.

Одновременно с доставлением к руднику трупов вся местность эта была оцеплена заградительными кордонами красноармейцев, и в течение трех дней и трех ночей не позволялось ни проезжать, ни проходить по этой местности.

В эти же дни, 4–6 июля, к руднику было доставлено, самое меньшее, 30 ведер бензина и 11 пудов серной кислоты.

Местность, куда были доставлены трупы Августейшей Семьи, совершенно определенно и точно установлена на предварительном следствии. Она вся подверглась самому тщательному, при участии особо доверенных лиц из воинских чинов, осмотру и розыскам.

Принимая во внимание данные осмотра этой местности и совокупности обнаруженных здесь нахождений, следственная власть не питает никаких сомнений и совершенно убеждена в том, что трупы Августейших Особ и всех остальных, погибших вместе с Ними, около одной из шахт сначала расчленяли на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина. Трудно поддававшиеся действию огня части разрушались при помощи серной кислоты.

На месте уничтожения трупов найдено много предметов, позволяющих без всякого сомнения признать этот факт. В кострищах, около них и в самой шахте обнаружены следующие предметы:

а) драгоценности и части драгоценностей:

1) одна из жемчужных серег (с бриллиантом наверху) Государыни Императрицы;

2) раздавленные и подвергшиеся действию огня части жемчужины от другой серьги;

3) изумрудный крест Государыни Императрицы, осыпанный бриллиантами;

4) большой бриллиант прекрасных свойств и большой стоимости, входивший в состав другого большого украшения Государыни Императрицы;

5) малые круглые жемчужины от ниток жемчуга;

6) осколки рубинов, аметиста и сапфира, причем последние весьма напоминают формой и цветом камень в перстне Государя;

б) части одежды, обуви и принадлежности одежды и обуви:

1) кусочки шинели, весьма напоминающие своим цветом и добротностью шинель Алексея Николаевича;

2) много кусков обгорелой обуви, причем в этих кусках обнаружено много винтиков, признающихся экспертами за принадлежность дорогой обуви благодаря их качеству;

3) пуговицы, петли, кнопки, крючки, причем некоторые из пуговиц индивидуальны: принадлежат к верхнему костюму Государыни Императрицы; кнопки – прекрасной французской работы; крючки и петли – типичные предметы, ставившиеся на их костюмы портным Бризак;

4) металлические части уничтоженных огнем корсетов: планшетки числом шесть; кости, пряжки и крючки от подвязок, шелк от корсетов; причем следствием установлено, что Государыня Императрица, носившая обыкновенно корсет, требовала этого неукоснительно и от Княжон, считая отсутствие его распущенностью; носила корсет и девушка Демидова; пряжки от корсетов (от подвязок) типичны по своим свойствам, они хорошей работы;

5) пряжка от пояса Государя Императора;

6) пряжка от пояса Алексея Николаевича, весьма индивидуальная;

7) три пряжки от туфель, из коих одна – от туфель Государыни Императрицы, а две парные – от туфель одной из Великих Княжон;

в) предметы и части их, принадлежавшие Августейшей Семье:

1) портретная рамочка, дорожная, складная, в которой хранился у Государя Императора портрет Государыни;

2) три образочка: Спасителя, Николая Чудотворца и Святых Мучеников Гурия, Авива и Самона, причем самые лики почти уничтожены кощунственными действиями, а на одном из образков сохранилась и подушечка с колечком для ношения его на груди;

3) серебряная рамочка от образочка работы петроградского мастера;

4) остатки рамочки другого образка;

5) Уланский юбилейный значок Ее Величества;

6) маленький флакончик с английскими солями;

7) типичный флакон зеленого стекла с Царской короной в разбитом на части виде;

8) множество стекол от других флакончиков с солями, от рамочек и украшений, имевших стекла;

9) прекрасно сохранившийся, несмотря на большой период времени, благодаря низкой температуре в шахте труп собачки Анастасии Николаевны Джеми, любимой собачки Государыни, подаренной Анастасии Николаевне в 1915–1916 годах одним из офицеров; эта собачка – очень маленькая, ниппонской породы; ее Анастасия Николаевна обычно носила на руках.

Кроме того, в кострищах и около них найдены: револьверные пули системы «наган», оболочки от пуль и множество расплавленного в огне свинца.

Наконец, найден человеческий палец и два кусочка человеческой кожи. Научная экспертиза признала, что палец этот отрезан от руки и принадлежит женщине средних лет, имевшей тонкие, длинные, красивые пальцы, знакомые с маникюром.

Перед самым оставлением г. Екатеринбурга в сем году, прервавшим, к сожалению, дальнейшие розыски, найдено много рубленых и, возможно, пиленых костей, природу коих надлежит определить в ближайшем будущем в условиях существующей возможности. Все кости подвергались разрушительному действию огня, но, возможно, и кислот.

Нахождение на руднике драгоценностей, частей их и пуль представляется следственной власти ясным.

Как видно из вышеизложенного, в момент отъезда Августейших Детей из г. Тобольска драгоценности были зашиты в лифчиках, в костюмах, в шляпах и частью были надеты Ольгой Николаевной на шею в сумочке. Представляется маловероятным, чтобы драгоценности вынимались из потайных мест в Екатеринбурге: самые условия ужасного режима в доме Ипатьева не могли позволить этого. Полагая, что Они отправляются из дома и города, Августейшая Семья и имела их при Себе в том самом виде, как они были спрятаны в Тобольске. В момент убийства трупы не осматривались; злодеи спешили до рассвета увезти их из города. На руднике же, когда трупы были раздеты и одежда осматривалась (лифчики бросились в глаза своей тяжестью, так как в двух только лифчиках было весу девять фунтов), драгоценности, бывшие в лифчиках, были обнаружены. Лифчики разрывались. В то время наиболее мелкие драгоценности затерялись, были втоптаны в глиняную площадку, и,

когда разрубались трупы, большая часть их была раздавлена и разрублена, как лежащая в верхних слоях площадки. Бриллианты, бывшие пришитыми вместо пуговиц, видимо, сгорели. Сохранившийся бриллиант был найден на самой грани костра втоптанным в землю. Он (его оправа) слегка подвергся действию огня.

Пули, оболочки от них и расплавленный свинец – результат выпадения некоторых из пуль, сохранившихся в организмах, на землю при расчленении трупов; некоторые из них попадали в огонь, и здесь свинец вытапливался из пуль, а оболочки сохранились.

Когда шло уничтожение трупов, охрана не снималась с постов при доме Ипатьева. Когда же все трупы были уничтожены, охрана была снята и большевики объявили в своих газетах и путем особых объявлений о «расстреле» Государя Императора и об «эвакуации» Августейшей Семьи в «надежное место», охрана была уже не нужна, так как уничтожением трупов они отнимали возможность опровергнуть их ложь.

С того времени они тщательно поддерживают, особенно в зарубежной прессе, версию об «увозе» Августейшей Семьи из России.

Сей доклад, по приказанию Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, лично мне переданному Гвардии капитаном Павлом Булыгиным, составлялся мною, судебным следователем по особо важным делам Соколовым, по подлинным актам предварительного следствия, производимого мною согласно требованиям науки, совести и закона.

Я познаю, сколь горька истина о мученической кончине Августейшей Семьи.

И я осмеливаюсь молить у Ее Императорского Величества Всемилостивейшей Государыни Ее ко мне милости простить мне сию горечь: тяжелое дело следователя налагает на меня обязанность найти истину, и одну только истину, как бы горька она ни была.

Не могу также умолчать перед Ее Императорским Величеством, что совесть моя и великое значение сего дела властно требуют от меня почтительнейше доложить Ее Императорскому Величеству, что сведения сии совершенно секретны. Сего требует, по разумению моему, благо нашей Родины: лучшими сынами Ее уже поднят стяг за честь Родины, но настанет великий час, когда поднимется и другой стяг.

Ему нужен будет добытый предварительным следствием материал, и его лозунгом будет: «За честь Императора!»

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов.

Журнал Московской Патриархии. 1996. № 6. С. 64–78; № 7. С. 86–91; Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Новосибирск, 1999. С. 317–340.

III Из воспоминаний[42] коменданта Ипатьевского дома Я.М. Юровского об охране и расстреле царской семьи[43]

Апрель – май 1922 г.

/…/ В первых числах июля 1918 года я получил постановление Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала предписывающее мне занять должность коменданта в доме так называемого Особого назначения, где содержался бывший царь Николай II со своей семьей и некоторыми приближенными.

7–8 июля я отправился вместе с председателем Областного Исполнительного Комитета Советов Урала тов. Белобородовым в дом Особого Назначения, где и принял должность коменданта[44] от бывшего коменданта тов. Авдеева. Нужно сказать, что как тов. Авдеев так и его помощник тов. Украинцев[45], по-видимому, небрежно относились к своим обязанностям, считая лишней проволочкой охрану царя, которого по их мнению надо было поскорее ликвидировать. Такое их отношение не могло не отразиться и на настроении рабочих б. Злоказовского завода, которые находились там в составе охраны, а также красногвардейцев из Сысертского завода, рабочие давно поговаривали, что и Николая, и его семью следовало бы давно расстрелять, не тратя народные деньги на них, на содержание охраны и так далее. Однако пока не было никакого определенного решения из центра по этому вопросу, необходимо было принять меры, чтобы охрана стояла на должной высоте. Нужно сказать, что как сигнализация, которая связывала нас с Советским полком и частями наружной охраны, а также пулеметы, расставленные в разных местах, были не в должном порядке. Это обстоятельство понудило меня набрать известных мне закаленных товарищей, которых я взял частью из Областной Чрезвычайной Комиссии, где я был членом коллегии, а частью из Отряда Особого Назначения при Екатеринбургском Партийном Комитете. Таким образом, я организовал внутреннюю охрану, назначил новых пулеметчиков, одного из них я особенно помню, товарищ Цальмс (латыш) фамилии остальных товарищей в настоящее время не припомню. Нужно сказать, что на случай пожара также не были

приняты меры. Были пожарные приспособления, имелся колодец, из которого можно было брать воду, и я в виду этого занялся организацией всего необходимого на всякий случай. При ознакомлении с арестованными, мне бросились в глаза ценности, которые находились на руках как у Николая, так и его семьи и у прислуживающих: у повара Харитонова, лакея Труппа, а также у врача Боткина и фрейлины Демидовой. В составе арестованных был еще мальчик Седнев, который прислуживал Алексею. Как в доме, так и в складе находились царские вещи в огромном количестве мест. Я внес предложение о производстве обыска, но не получил на это разрешение от Исполкома.

Нужно полагать, что этот обыск не считали нужным делать ввиду того, что в это время напали на след ведения переписки Николая с волей. Считая, что оставлять ценности на руках не безопасно, так как это может все-таки соблазнить того или другого из охраны, я решил на свой страх и риск ценности, находящиеся на руках, отобрать. Для этого я пригласил с собой помощника коменданта тов. Никулина, поручил ему переписать эти ценности; Николай, а также дети, громко своего неудовольствия не выражали. Он только просил оставить часы Алексею, так как без них ему будет скучно. Александра Федоровна же выражала громко свое неудовольствие, когда я хотел снять с ее руки золотой браслет, который был одет и закреплен на руке, и который без помощи инструмента снять было невозможно. Она заявила, что 20 лет носит этот браслет на руке, и теперь посягают на то, чтобы его снять. Принимая во внимание, что такие же браслеты были и у дочерей, и что эти браслеты особой ценности не представляют, их оставил. Переписав все эти вещи, я попросил шкатулку, которую мне Николай дал, сложил туда вещи, опечатал комендантской печатью и передал на хранение самому Николаю. Когда я приходил на проверку, которую, я установил, Николай предъявлял мне шкатулку и говорил: “Ваша шкатулка цела”.

В смысле продовольствия семья получала в начале советский обед. Обеды эти были далеко не изысканные, но снабжение обедами с воли решили прекратить. Обеды стали готовить на кухне. Кроме того, мне удалось узнать, что из монастыря царской семье приносят ежедневно ватрушки, масло, яйца и т. д. Я это решил принять, но был крайне удивлен, что разрешаются такие вольности. Позднее, я узнал, что это было разрешено комендантом Авдеевым, но тов. Авдеев не много передавал семье, а больше оставлял для себя и товарищей. Я решил все принесенное семье передать. Только на второй или третий день мне удалось узнать, что приношение было разрешено тов. Авдеевым. Я решил все приношения прекратить, разрешив приносить только молоко, доктор Боткин заявил мне: “Только при Вашем назначении в течении двух дней мы получали полностью все приносимое из монастыря и вдруг мы всего этого снова

лишились, дети так нуждаются в питании, а питание так скудно, мы были очень обрадованы, что стали получать все приносимое из монастыря”. Однако я отказался передавать все кроме молока, а также решил перевести их на тот паек, который был установлен для всех граждан г. Екатеринбурга, так как продуктов в городе было мало, я считал, что мои заключенные ни чего не делают и могут довольствоваться тем пайком, который получали все граждане. По этому поводу ко мне обращался повар Харитонов с заявлением, что он ни как из четверти фунта мяса не может готовить блюд. Я ему отвечал, что нужно привыкать жить не по-царски, а как приходится жить: по арестантски.

Как не трудно было Харитонову справиться с этой задачей, он был вынужден точно отмеривать и отвешивать то количество, которое причиталось на каждый день. Я ему заявил, что ни каких продуктов, в случае нехватки, добавочно не будет отпущено.

Комната, где помещались Александра Федоровна с наследником, выходила окнами во двор, который от улицы был отгорожен деревянным забором. Она позволяла часто выглядывать в окно и подходить близко к окну. Однажды, однако, Александра Федоровна позволила себе подойти к окну. Она получила от часового угрозу ударить штыком. Она пожаловалась мне. Я ей сказал, что выглядывать в окна не полагается.

За три – четыре дня до казни в комнату Александры Федоровны была вставлена железная решетка. Доктор Боткин по этому поводу заявил, что было бы хорошо, если бы такие решетки поставили и в другие окна. Внутренний распорядок во времени был такой: утром вставали до 10 часов. В 10 я являлся для того, чтобы проверить все ли арестованные на лицо. По этому поводу Александра Федоровна высказывала неудовольствие, что она не привыкла так рано вставать. Тогда я сказал, что могу проверять, когда она будет еще в постели. На это она заявила, что она не привыкла принимать, когда она лежит. А я заявил, что мне безразлично, как ей угодно, но я проверять ежедневно должен. Татьяна и Ольга или Мария, чаще Татьяна приходили спрашивать, скоро ли можно будет пойти гулять. Александра Федоровна ходили реже. Когда она отправлялась гулять, то обязательно с зонтиком и в шляпе. Все же остальные обыкновенно ходили с обнаженными головами. Николай разгуливал поочередно, то с одной, то с другой из дочерей. Алексей в это время забавлялся хлопушками с мальчиком Седневым.

Когда я чинил колодец, Николай приблизился ко мне и сделал какое то замечание, но разговора я не поддержал. Однажды, на гулянии, Ольга разговорилась с одним из латышей и спросила у него, где он служил. Тот

ответил, что он служил в одном из гренадерских полков, где на смотру видел дочерей царя. Ольга обратилась к Николаю с восклицанием: “Папа, это наш гренадер”. Он подошел и сказал: “Здорово”, надеясь вероятно услышать “здравия желаем”, но получил простое “здравствуй”. Долго, как мне потом сказал товарищ латыш, ему говорить не удалось, так как пришел я и разговор прекратился.

Дочери, особенно Татьяна, часто открывали двери, где стоял постоянно часовой. Старались с ними любезничать, очевидно, надеясь расположить к себе конвой. Нужно сказать, что ребята были довольно твердые и конечно, повлиять на них эти заигрывания не могли.

На сколько мне удалось заметить семья вела обычный мещанский образ жизни утром напиваются чаю, напившись чаю, каждый из них занимался той или иной работой: шитьем, починкой, вышивкой. Наиболее из них развиты были Татьяна, второй можно считать Ольгу, которая очень походила на Татьяну и выражением лица. Что касается Марии, то она не похожа и по внешности на первых двух сестер: какая то замкнутая и как будто бы находилась в семье на положении падчерицы. Анастасия самая младшая, румяная с довольно милым личиком. Алексей постоянно больной семейной наследственной болезнью, больше находился в постели и поэтому на гулянье выносился на руках. Я спросил однажды доктора Боткина, чем болен Алексей. Он мне сказал, что не считает удобным говорить, так как это составляет секрет семьи, я не настаивал. Александра Федоровна держала себя довольно величественно, крепко очевидно памятуя, кто она была. Относительно Николая чувствовалось, что он в обычной семье, где жена – сильнее мужа. Оказывала она на него сильное давление. Положение, в каком я их застал, они представляли спокойную семью, руководимою твердой рукой жены. Николай с обрязгшим лицом выглядел весьма и весьма заурядным, простым, я бы сказал деревенским солдатом.

Заносчивости в семье кроме Александры Федоровны не замечалось ни в ком. Если бы это была не ненавистная царская семья, выпившая столько крови из народа, можно было бы их считать как простых и не заносчивых людей. Девицы, например, прибегали на кухню, помогали стряпать, заводили тесто или играли в карты в дурачки или разкладывали пасьянс или занимались стиркой платков. Одевались все просто, никаких нарядов. Николай вел себя прямо “подемократически” не смотря на то, что как обнаружилось позднее, у него было в запасе не один десяток хороших новых сапог, он носил сапоги обязательно с заплатами. Не малое удовольствие представляло для них полоскатся в ванне по несколько раз в день. Я, однако, запретил им полоскаться

часто, так как воды не хватало. Если посмотреть на эту семью по обывательски, то можно было бы сказать, что она совершенно безобидна.

Мальчик Седнев настолько привык и обжился в семье, что ничего похожего на лакейские услуги, оказываемые наследнику Русского престола, не было. Часто своей игрой с собачкой, которая у них была, он проводил в раздражение Александру Федоровну. Он, однако, не покидал этого для него приятного занятия, часто отравлял состояние Александры Федоровны. Трупп и Харитонов были слугами с собачей приверженностью к господам.

Доктор Боткин был верный друг семьи. Во всех случаях по тем или иным нуждам семьи он выступал ходатаем. Он был душой и телом предан семье и переживал вместе с семьей Романовых тяжесть их жизни. Всем известно, что Николай и его семья были люди религиозные. Они меня просили нельзя ли им устроить обедню. Я пригласил священника и дьякона. Когда они у меня в комендантской рядились в свое облачение, я их предупредил, что они могут выполнять службу, так как это полагается по их обряду, но что ни каких разговоров им дозволено не будет. Дьякон заявил: “Это что же бывало и раньше, и не к таким большим особам ходили. Что напутаешь, и получится скандал, а в этой то обстановке мы отмахаем за милую душу”. Обедню служили. Очень усердно молились Николай и Александра Федоровна.

Когда я вступил в должность то уже стоял вопрос о ликвидации семьи[46] Романовых, так как чехославаки и казаки надвигались на Урал все ближе и ближе к Екатеринбургу. Какие то связи у Николая с волей существовали.

Ввиду угрожающей обстановки развязка ускорилась.

Развязка возлагалась на меня, а ликвидация на одного из товарищей.

16 июля 1918 года часа в 2 днем ко мне в дом приехал товарищ Филипп и передал постановление Исполнительного Комитета о том, чтобы казнить Николая, при чем было указано, что мальчика Седнева нужно убрать.

Что ночью приедет товарищ, который скажет пароль «трубочист» и которому нужно отдать трупы, которые он похоронит и ликвидирует дело. Я позвал мальчика Седнева и сказал ему, что вчера, арестованный его дядя Седнев, бежал, что теперь он вновь задержан, и что он хочет видеть мальчика. Поэтому я его и направляю к дяде. Он обрадовался и был отправлен на родину. Неспокойно стало в семье Романовых. Ко мне как всегда, сейчас же пришел доктор Боткин и просил сказать, куда отправлен мальчик. Я ему ответил тоже,

что я сказал мальчику, он все же несколько безпокоился. Потом приходила Татьяна, но я ее успокоил, сказав, что мальчик ушел к дяде и скоро вернется. Я призвал к себе начальника отряда товарища Павла Медведева из Сысертскаго завода и других и сказал им, что бы они в случае тревоги ждали до тех пор, пока не получат условного специального сигнала. Вызвав внутреннюю охрану, которая предназначалась для расстрела Николая и его семьи, я разпределил роли и указал, кто кого должен застрелить. Я снабдил их револьверами системы "Наган". Когда я распределил роли, латыши сказали, чтобы я избавил их от обязанности стрелять в девиц, так как они этого сделать не смогут. Тогда я решил залучшее, окончательно освободить этих товарищей в расстреле, как людей неспособных выполнить революционный долг в самый решительный момент. Выполнив все соответствующие поручения, мы ждали, когда приедет "трубочист". Однако ни в 12, ни в 1 час ночи "трубочист" не являлся, а время шло. Ночи короткие. Я думал, что сегодня не приедут. Однако в 1 1/2 постучали. Это приехал "трубочист". Я пошел в помещение, разбудил доктора Боткина и сказал ему, что необходимо всем спешно одеться, так как в городе неспокойно, и я вынужден их перевести в более безопасное место. Не желая их торопить, я дал возможность одеться. В 2 часа я перевел конвой в нижнее помещение. Велел разположится в известном порядке. Сам – один повел вниз семью. Николай нес Алексея на руках. Остальные кто с подушкой в руках, кто с другими вещами, мы спустились в нижнее помещение в особую очищенную заранее комнату. Александра Федоровна попросила стул, Николай попросил для Алексея стул.

Я распорядился, чтобы стулья принесли. Александра Федоровна села. Алексей также. Я предложил все встать. Все встали, заняв всю стену и одну из боковых стен. Комната была очень маленькая. Николай стоял спиной ко мне. Я объявил, Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала постановил их разстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил приказ и скомандовал: "Стрелять". Первый выстрелил я и на повал убил Николая. Пальба длилась очень долго, и не смотря на мои надежды, что деревянная стенка не даст рикошета, пули от нее отскакивали. Мне долго не удавалось остановить эту стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда, наконец, мне остановить, я увидел, что многие еще живы. Например, доктор Боткин лежал, опершись локтем правой руки, как бы отдыхающего, револьверным выстрелом с ним покончил, Алексей, Татьяна, Анастасия и Ольга тоже были живы. Жива была еще и Демидова. Тов. Ермаков хотел окончить дело штыком. Но, однако, это не удавалось. Причина выяснилась только позднее (на дочерях были бриллиантовые панцыри в роде лификов). Я вынужден был поочередно расстреливать каждого. К величайшему сожалению, принесенные с казнеными вещи обратили внимание некоторых

присутствовавших красногвардейцев, которые решили их присвоить. Я предложил остановить переноску трупов и просил тов. Медведева, последить в грузовике за тем, чтобы не трогали вещей. Сам на месте решил собрать все, что было. Никулина поставил за тем, чтобы следить в дороге, когда будут проносить трупы, а также оставил одного внизу следить за теми которые еще здесь на месте. Сложив трупы, я позвал к себе всех участников и тут же предложил им немедленно вернуть все, что у них есть, иначе грозил разправой. Один по одному стали отдавать, что у них оказалось. Слабодушных оказалось два три человека. Хотя я имел разпоряжение поручить остальную работу тов. Ермакову, я, всеже безпокоясь за то, что он эту работу не выполнит надлежащим образом, решил поехать сам. Оставил Никулина. Распорядился, чтобы не снимать караулов, чтобы ни чего внешне не изменилось. В 3–3 1/2 утра 17 июля мы двинулись по направлению в Верх-Исетскому заводу. Проезжая двор ВерхИсетскаго завода, я спросил Ермакова: есть ли у него инструменты на случай, если придется копать яму. Ермаков мне сказал, что у них приготовлена шахта и, следовательно, ни каких инструментов не надо, но вероятно, кто-нибудь из ребят, чтонибудь захватил. Отъехав версты три от Верх-Исетского завода, мы натолкнулись на целый табор пролеток и верховых. Я спросил Ермакова: “Что это значит”. Он мне сказал: “Это все наши ребята, которые приехали нам помогать”. Для чего тебе понадобилась такая уйма людей, для чего тебе понадобились пролетки. Он сказал. “Я думал, что люди все будут нужны”. И так как я не знал его плана, я продолжал следовать в своем грузовике. Ни один раз мы застревали в грязи. В одном месте мы зацепились между двумя деревьями и остановились. Дальше было болото. На грузовике ехать было нельзя. Рабочие, среди которых были и не члены Исполкома Верх-Исетского завода выражали неудовольствие, что им привезли трупы, а не живых, над которыми они хотели по своему поиздеваться, чтобы себя удовлетворить… Когда начали перегружать в пролетки, это оказалось крайне и крайне неудобно (телег захватить не догадались). С величайшим трудом пришлось уложить трупы в пролетки, чтобы следовать дальше. Обещанной шахты не оказалось. Где эта шахта, никто не знал. Когда начали разгружать с грузовика труппы, ребята снова начали обшаривать карманы. Здесь обнаружилось, что в вещах, очевидно, что-то такое зашито, и я тут же решил, что прежде, чем буду их хоронить, эти вещи сожгу. Пригорозил ребятам, чтобы они этим делом не занимались и продолжали погрузку. Верховые поехали отыскивать эту шахту, о которой говорили. Проездив некоторое время, они ни какой шахты не нашли, вернулись ни с чем. Начало уже светать. Крестьяне выезжали на работу. Ни чего другого не оставалось, как двинуться в неизвестном направлении. Ермаков убеждал, что он знает, где-то дальше шахту, и мы в этом направлении поехали. Верстах в 16 от Верх-Исетска и в верстах 1

1/2 или 2 от д. Коптяков мы остановились. Ребята поехали в лес и вернулись, сказав, что шахту нашли. Мы свернули в лес. Шахта оказалась очень мелкой. Какая-то заброшенная старательская. Распрягли лошадей. Разложили костер. Поставили стражу из верховых вокруг леса. Отогнали бывших вблизи крестьян. Окружили место верховыми. Я приступил к раздеванию трупов. Раздев, труп одной из дочерей, я обнаружил корсет, в котором было что-то плотно зашито. Я распорол и там оказались драгоценные вещи. Масса народу при такой обстановке была совершенно не желательна. Драгоценности невольно вызывали крики, восклицания. Не зная хорошо этих ребят, я сказал: “Ребята, это пустяки: простые какие то камни”. Остановил работу и решил распустить всех, кроме некоторых, наиболее мне известных и надежных, а также несколько верховых. Оставив себе, пять человек и трех верховых, остальных отпустил. Кроме моих людей было еще человек 25, которых приготовил Ермаков. Я приступил снова к вскрытию драгоценностей. Драгоценности оказались на Татьяне, Ольге и Анастасии. Здесь подтвердилось особое положение Марии в семье, на которой драгоценностей не было. На Александре Федоровне были длинные нитки жемчуга и огромное витое золотое кольцо или вернее обруч, более полуфунта весом. Как и кто носил эту штуку, мне показалось очень странным. Все эти ценности я тут же вынимал из искустно приготовленных лификов и корсетов. Драгоценностей набралось не менее полпуда. В них находились бриллианты и другие драгоценные камни. Все вещи (платье и т. д.) здесь же на костре сжигались. У всех на шее были одеты подушечки, в которых были зашиты молитвы и напутствия Гришки Распутина. На месте, где были сожены вещи, находили драгоценные камни (имеются в виду крестьяне и белогвардейцы. – *В.Х.*), которые, вероятно, были зашиты в отдельных местах и складках платья.

Однако из после прибывших красногвардейцев принес мне довольно большой бриллиант, весом каратов в 8 и говорит, что вот возьмите камень, я нашел его там, где сжигали трупы.

По распоряжению Уральского Областного Исполкома мною были эти драгоценности отвезены в Пермь и переданы тов. Трифонову. Позднее тов. Трифонов вместе с тов. Филиппом (Голощекиным) и тов. Новоселовым “предали эти вещи Уральской пролетарской земле”, как об этом выразился тов. Смилга, в одном из домиков, специально для этого временно занятом в Алапевском заводе. В 1919 году после занятия Урала эти вещи были выкопаны и привезены в Москву.

Место для вечного упокоения Николая было выбрано крайне неудачно. Но ни чего не оставалось делать, пришлось временно опустить их в эту шахту, для того чтобы на следующий день или в тотже, если успеем предпринять что-то

другое. Мы спустили трупы в шахту. Воды в шахте было не более аршина или полтора. Я оставил охрану. Поставил разъездных. Сам отправился в город, чтобы доложить Совету, что так оставлять дело нельзя. Увидел в Совете товарищей Сафарова и Белобородова. Доложил, что было сделано. Указал на невозможность оставления их в этой шахте. Сказал, что необходимо отыскать другое место, ночью поехать их извлечь и похоронить в другом месте. Тов. Белобородов и Сафаров мне тогда ответа не дали. Позднее тов. Филипп предложил одного товарища, который должен был каким то другим способом уничтожить трупы. Я отправился к Чуцкаеву, который был тогда председателем Екатеринбургскаго Городского Совета, чтобы узнать, неизвестны ли ему какие нибудь глубокие шахты вблизи Екатеринбурга. Тов. Чуцкаев сказал, что на 9 версте по Московскому тракту имеются глубокие шахты. Я решил, что лучшим местом будут эти шахты. Я взял машину и отправился. От Чуцкаева я отправился в Чрезвычайную Комиссию, там застал снова Филиппа и других товарищей. Здесь порешили сжечь труппы. Но так как никто с этим делом не знаком, то не знали, как и что сделать. Однако решили все-таки их сжечь. Я поехал к Заведующему Отделом Снабжения Уральского Народного Хозяйства тов. Войкову, заказал три бочки керосину, три банки серной кислоты. Затем отправились верхами с тов. Павлушиным посмотреть, как обстоит дело на месте, и где это лучше устроить. Поехали мы туда поздно вечером. В дороге у меня лошадь упала и сильно придавила мне ногу, я встать не мог. Пролежав несколько минут, пересел на другую и кое как поплелся. Приехали на место. Я предложил похоронить их в разных местах: во-первых, по дороге, где имеются глинянные дороги и, следовательно, следы легко замести, а во-вторых, в болоте. На том мы с товарищем Павлушиным и порешили. Частью сожгем, частью похороним. Мы вернулись обратно в Исполком. Я просил тов. Павлушина съездить по кой каким делам в связи с этим. Павлушин поехал, я в это время был у тов. Войкова насчет керосина и серной кислоты, которую не так уж просто было добыть. Необходимы были лопаты, которых у заведующаго снабжением не было, но у дворника во дворе было несколько лопат, которые мы взяли. Павлушина все не было. Прождав некоторое время, я пошел в Чрезвычайную Комиссию. Оказалось, что Павлушин лежит в постели. Возле него доктор. Он свалился с лошади и разшиб себе ногу и едва ли может поехать. Между тем вся работа по сжиганию возлагалась на него, как на человека якобы имеющего так сказать некоторый опыт в операциях более или менее сложных. Но всетаки необходимо было это проделать, что было дело не легкое. Я, пользуясь положением товарища комиссара Юстиции Уральской Области, сделал распоряжение в тюрьму, чтобы мне прислали лошадей и телег без кучеров. Прибыли телеги часов в 12 1/2 ночи. Погрузив все необходимое, посадив в пролетку тов. Павлушина, мы отправились. Часам к 4 мы добрались

до места и стали вытаскивать трупы. Деревня Коптяки расположена всего в 2 верстах от того места, где была наша шахта. Нужно было обезопасить это место. Я послал в деревню людей сказать, что бы ни кто не смел выезжать из деревни, так как здесь сейчас происходит разведка, возможно, завяжется перестрелка и по этому возможны жертвы. Поставя верховых, мы продолжали свою работу. Извлечение трупов вышло делом не легким. К утру мы, однако трупы извлекли. Вывезли их поближе к дороге и я решил похоронить Николая и Алексея. Мы выкопали довольно глубокую яму. Это было вероятно часов около 9 утра. Кто-то заметил, что подъезжал мужик. Был тут и Ермаков. Мужик этот оказался знакомым Ермакову. Ермаков уверял, что мужик ни чего не видел, и он его отпустил. Мною было отдано распоряжение, что ни в коем случае прорвавшагося насильно, живым не отпускать. Я проверил, видел ли мужик, что здесь происходило и выяснилось, что он, несомненно, мог видеть и, разумеется, разболтал, что здесь что-то такое делалось. Я решил отнести глубже в лес трупы и снова отправился в город и решил на всякий случай запастись еще одним местом. Не без труда добыв автомобиль, отправился на Московский тракт к тем шахтам, о которых накануне говорил Чуцкаев.

Верстах в 1 1/2–2 от шахт автомобиль сломался. В течение часа или полуторых починить автомобиль не удалось. Я решил отправиться пешком, осмотреть эти шахты. На этих шахтах было несколько сторожей с их семьями. Шахты были довольно глубоки, и я решил, что это будет самым лучшим местом, где можно похоронить Николая с его семьей, где их никто не отыщет. Вернувшись к автомобилю, я увидел автомобиль в том же положении. В город двигаться пешком было невозможно. Я решил остановить первую попавшуюся лошадь или машину. Как раз проезжала пара лошадей. Я остановил: “Ну друзья, вы куда едете, мне нужны лошади”. “Но позвольте это товарищ Юровский”. “Да товарищ Юровский. А вы кто такие”. “Знакомые”. “Ну так вот что ребята. Необходимо мне ехать в город, а машина поломалась”. “Да мы торопимся”. “Ну, что же машина довезет вас, ребята”. Согласились. На этих лошадях я приехал в Екатеринбург. Пришлось заняться розыском автомобиля. Дело было не легкое. А мои товарищи, второй день были без продовольствия. Нужно было отвезти и еду. Я отправился к авто-базу Окружного Военного Комиссариата. Там я почти никого не застал. Машины свободной не оказалось. Однако, один паренек, очевидно, откуда то пронюхавши или догодавшись, говорит: “А это вам надо машину грузовик и так далее. Хорошо я вам сейчас дам. Но вот какая вещь. Машина есть только Стогова, легкая”. “Давай Стогова, так Стогова какая разница”. Генерал Стогов был Начальником Военных Сообщений: впоследствии он был расстрелян за белогвардейщину. Грузовик с продовольствием отправил. Отправил и второй грузовик. Поручил, чтобы все трупы погрузить в телеги, а потом где можно будет свободно проехать, чтобы

можно было перегрузить в грузовики, чтобы люди поели и так далее. Позднее я отправился на грузовике и на легковой машине по одной дороге, а по другой отправил товарищей для того, чтобы проследить, каким путем будет удобнее ехать обратно, так как я решил вести трупы на автомобилях. Велел приготовить камни, веревки, чтобы привязав к телам эти камни спустить их в шахты. Проехав линию железной дороги, верстах в двух я встретил движущийся караван с трупами. Часов в 9–9 1/2 вечера мы пересекли линию железной дороги, где и решили перегрузиться на грузовики. Меня уверили, что здесь дорога хорошая. Однако на пути было болото. Потому мы взяли с собой шпал, чтобы выложить это место. Выложили. Проехали благополучно. В шагах десяти от этого места мы снова застряли. Провозились не менее часа. Вытащили грузовик. Двинулись дальше. Снова застряли. Провозились до 4 утра. Ничего не сделали. Время было позднее. Один из легких грузовиков с другими товарищами и с тов. Павлушиным, где-то так же застрял. Публика возилась третий день. Измученная. Не спавшая. Начинала волноваться: Каждую минуту ожидали занятия Екатеринбурга чехословаками. Нужно было искать иного выхода.

Я решил использовать болото. А частью трупы сжечь. Распрягли лошадей. Разгрузили трупы. Открыли бочки. Положил один труп для пробы, как он будет гореть. Труп, однако, обгорел сравнительно быстро, тогда я велел начать жечь Алексея. В это время копали яму. Яму в болоте копали там, где были намощены шпалы. Выкопали яму аршина в 2 1/2 глубиной, аршина три в квадрате. Уже было под утро. Жечь остальные трупы не представлялось возможным, так как снова начали крестьяне собираться на работу, и поэтому пришлось хоронить эти трупы в яме. Разложив трупы, в яме, облили их серной кислотой, этим закончили похороны, Николая и его семьи и всех остальных. Наложили шпалы[47]. Заровняли. Проехали. Прочно.

Место, где были сожжены трупы, мы тут же выкопали яму, сложили туда кости, снова зажгли костер. И замели следы.

После этой тяжелой работы на третьи сутки, т. е. 19 июля утром закончив работу, я обратился к товарищам с указанием на важность работы и на необходимость полной тайны до тех пор, пока станет официально известным. Отправились в город. На следующий день утром я по поручению Исполнительного Комитета уехал в Москву с докладом Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета товарищу Я.М. Свердлову.

Первоначальное место похорон было, как я уже указал раньше, в 16 верстах от Екатеринбурга и 2 верстах от Коптяков, последнее же место находится приблизительно в 8–8 1/2 верстах от Екатеринбурга в 1 1/2 приблизительно верстах от линии железной *дороги. /…/*

Яков Юровский.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 2–22. Подлинник.

IV Из воспоминаний Александра Николаевича Яковлева «Омут памяти»

И уж совсем странное поручение я получил в начале 1964 года. Пригласил меня Ильичев и сказал, что Хрущев просит изучить обстоятельства расстрела семьи императора Николая II. Он дал письмо сына одного из участников расстрела, М.А. Медведева, с резолюцией Хрущева. Заметив мое недоумение, Ильичев сказал, что ты, мол, историк, тебе и карты в руки. Карты картами, но я совершенно не представлял, что делать. Попросил Леонида Федоровича позвонить в КГБ, где, видимо, должны лежать документы, связанные с расстрелом. Он позвонил.

По размышлении пришла на ум спасительная мысль: попытаться найти людей, участников расстрела, оставшихся в живых. Тут мне помог Медведев, автор письма, который и назвал адреса еще живых участников тех событий – Г.П. Никулина и И.И. Родзинского. Один жил в Москве, другой – в Риге. Пригласил их на беседу. Как показали последующие события, я был последним, кто официально разговаривал с участниками расстрела семьи Романовых.

Поначалу приглашенные не могли понять, зачем их вызвали в ЦК. Объяснил, что есть поручение Хрущева выяснить обстоятельства гибели царской семьи. После одной-двух встреч собеседники начали оттаивать, сообразив, что для каких-то «претензий» их вызвали бы в другое заведение. Договорились, что их рассказы будут записаны на пленку. Для этих целей я пригласил одного из сотрудников радиокомитета. Началась очень интересная работа.

Лучше будет, если я изложу суть моей последней записки на имя Хрущева. Как и принято, вначале я изложил историю вопроса.

К Вам, писал я, обратился М.М. Медведев, сын умершего в январе 1964 года члена КПСС с 1911 года М.А. Медведева. Сообщается, что отец просил сына направить в ЦК воспоминания о своем участии в расстреле царской семьи, а также передать в подарок один «браунинг», из которого был расстрелян Николай II. Другой предназначается Фиделю Кастро.

А по существу я доложил, в частности, следующее:

В мае 1964 года мною были записаны на магнитофонную ленту рассказы бывшего помощника коменданта Дома особого назначения, где содержалась царская семья, Никулина и бывшего члена коллегии Уральской областной ЧК Родзинского… Они рассказали, что решение расстрелять семью Романовых принял Уральский областной Совет в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Исполнение было возложено на коменданта Дома особого назначения Юровского. Приказ о расстреле отдал Голощекин.

По плану ровно в полночь во двор особняка должен был приехать на грузовике (для вывоза казненных) рабочий ВерхИсетского завода Ермаков. Машина пришла с опозданием на полтора часа. Обитатели дома спали. Когда приехал грузовик, комендант разбудил доктора Боткина. Ему сказали, что в городе неспокойно, а потому необходимо перевести всех из верхнего этажа в нижний (полуподвал). Боткин отправился будить царскую семью и всех остальных, а комендант собрал отряд из 12 человек, который должен был привести приговор в исполнение. Юровский свел по лестнице царскую семью в комнату, предназначенную для расстрела. Романовы ни о чем не догадывались. Николай нес на руках сына Алексея, который незадолго перед этим повредил ногу и не мог ходить. Остальные несли с собой подушки и разные мелкие вещи.

Войдя в пустую нижнюю комнату, Александра спросила:

– Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?

Комендант приказал внести два стула. Николай посадил на один из них сына. На другой, подложив подушку, села царица. Остальным комендант приказал встать в ряд. В комнате было полутемно. Светила одна маленькая лампа. Когда все были в сборе, в комнату вошли остальные люди из команды.

– Ваши родственники в Европе, – сказал Юровский, обращаясь к Николаю, – продолжают наступление на Советскую Россию. Исполком Уральского Совета постановил вас расстрелять!

После этих слов Николай оглянулся на семью и растерянно спросил:

– Что, что?

Несколько секунд продолжалось замешательство, послышались несвязные восклицания, затем команда открыла огонь. Стрельба продолжалась несколько минут и шла беспорядочно, причем в маленьком помещении пули летели

рикошетом от каменных стен. Юровский утверждает, что в царя стрелял он сам, то же самое подтвердили на следствии у колчаковцев: «Царя убил комендант Юровский…»

Первым захоронением трупов расстрелянных занимался чекист Ермаков. В три часа ночи трупы были вывезены в район деревни Коптяки. Неподалеку от дороги нашли старый шурф. Колодец был неглубоким. В шахте скопилось на аршин воды. Было решено раздеть трупы и сбросить их в колодец.

О том, почему вблизи деревни Коптяки колчаковцам не удалось найти ни одного трупа членов царской фамилии, рассказал мне 15 мая 1964 года Родзинский.

Когда руководителям Уральского Совета утром 17 июля стало известно, где и как захоронен Николай и его семья, они пришли к выводу, что место это ненадежное и может быть обнаружено. Поэтому Юровскому и Родзинскому было дано задание укрыть трупы в другом месте. Родзинский рассказал, что когда новая команда прибыла на место и извлекла трупы из колодца, то оказалось, что холодная подземная вода смыла кровь. Перед ними лежали готовые «чудотворные мощи». Очевидно, состав воды и температура были таковы, что трупы могли бы сохраниться в этой шахте долгое время. Решили искать другое место. Это было уже 18 июля. Поехали искать более глубокие шахты, но по дороге грузовик застрял в топкой трясине. Тогда решили захоронить царскую семью прямо в этом топком месте на Коптяковской дороге. Вырыли в торфе большие ямы и перед захоронением трупы облили серной кислотой, чтобы их невозможно было узнать. Часть трупов, облив керосином, сожгли. Эта операция продолжалась до 19 июля. Затем останки сложили в яму, присыпали землей и заложили шпалами. Несколько раз проехали, следов ямы не осталось.

17 июля Уральский Совет сообщил телеграммой во ВЦИК о расстреле царя. Эта телеграмма обсуждалась на заседании 18 июля. По словам Медведева, 20 июля 1918 г. Белобородов получил телеграмму от Свердлова, в которой говорилось о том, что ВЦИК признал решение о казни Романова правильным, а газета «Уральский рабочий» сообщила, что расстрелян Николай II, а его семья «укрыта в надежном месте». 19 июля газета «Известия» также напечатала, что жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место.

В архивных материалах нет никаких указаний, почему сообщалось о расстреле только одного Николая II, однако зафиксировано, что в 1918 г. архивы Уральской ЧК (весом в 16 пудов) были привезены в Москву Ермаковым и сданы

в НКВД через Владимирского. Я неоднократно просил руководителей КГБ поискать эти архивы, но обнаружить их так и не удалось.

– Что вы, Александр Николаевич, у нас еще большая часть архивов времен Гражданской войны до сих пор не разобрана, – сказал мне один из работников архива.

Моя записка Хрущеву была направлена 6 июня 1964 года. Через некоторое время было получено указание подготовить дополнительную записку с предложениями. Ее подписал Ильичев. Но тут подоспел октябрьский пленум ЦК, освободивший Хрущева. Интерес к расстрелу царской семьи пропал. Пистолеты я отдал в комендатуру ЦК, их долго не хотели брать. О своей записке забыл. И только в августе 1965 года, разбираясь в своем сейфе, я обнаружил все эти документы и направил их на особое хранение в Институт марксизма-ленинизма. Приведу сопроводиловку полностью.

“Тов. Поспелову П.Н.

В соответствии с поручением направляем Вам материалы за № 48534: копия записки в ЦК КПСС – на одной странице; справка о некоторых обстоятельствах, связанных с расстрелом царской семьи Романовых, – на 18 страницах; письмо в ЦК КПСС от М.М. Медведева – на 38 страницах («Предыстория расстрела царской семьи Романовых в 1918 году»); воспоминания М.А. Медведева – на 18 страницах («Эпизод расстрела царя Николая II и его семьи»).

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Яковлев”.

Почему я решил кратко напомнить об этой трагической истории? Прежде всего потому, что в последние годы, уже при Ельцине, вновь вспыхнул интерес к обстоятельствам расстрела семьи Романовых. Время от времени сообщалось о какихто находках. Я не хотел вмешиваться в это дело. Мне не нравилась суета, напичканная всякими спекуляциями. Но потом стали раздражать случаи, когда цитировались в качестве новых открытий отдельные пассажи из моей записки без ссылок на источник. И уж окончательно лопнуло терпение, когда я услышал по телевидению магнитофонные записи, сделанные в мае 1964 года. Они преподносились как неожиданная сенсация, но снова без ссылок. Тогда я позвонил Евгению Киселеву на НТВ, который провел встречу со мной в эфире. Я узнал там, что кто-то в архиве продает за большие деньги кусочки пленки, тщательно вырезая при этом мои вопросы Родзинскому и Никулину. Всего компания купила пленки на два часа, а я-то записал более чем на десять часов. Где остальное?

В заключение рассказа об этом преступлении власти хочу передать мое ощущение от показаний Никулина и Родзинского. Я уверен, что они говорили правду. Они расстреливали именно царскую семью. О своих действиях они говорили без восторга, но и не сожалели о содеянном. У них не было никакого смысла лгать.

Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001. С. 147–151.

Хроника событий

Февраль – декабрь 1917 г

22 февраля. Николай II покинул Петроград и отправился в Ставку в Могилев.

23 февраля. Начало уличных беспорядков и Февральской революции в Петрограде.

26 февраля. Указ Николая II о перерыве в работе Государственной думы.

27 февраля. Восстанием охвачен весь Петроград. Образуется двоевластие: Временный комитет Государственной думы и Петросовет.

Ночь с 27 на 28 февраля. По распоряжению Николая II в столицу направляются Георгиевский батальон и другие воинские части под командованием генерала Н.И. Иванова. Вскоре в Петроград выезжает сам император.

1 марта. Великий князь Кирилл Владимирович привел Гвардейский экипаж к Государственной думе и поддержал переворот. Принятие Петросоветом приказа № 1 о демократизации армии.

2 марта. Отречение императора Николая II в пользу брата Михаила Романова. Победа Февральской революции. Образование Временного правительства во главе с князем Г.Е. Львовым.

3 марта. Возвращение Николая II из Пскова в Ставку в Могилев. Отказ великого князя Михаила Романова принять власть до решения Учредительного собрания. Петросовет выносит решение об аресте Николая II и прочих членов династии Романовых.

4 марта. Учреждение Чрезвычайной следственной комиссии для расследования деятельности бывших царских министров и сановников.

7 марта. Временное правительство принимает решение «О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги».

8 марта. Арест Николая II в Ставке в Могилеве и объявление о домашнем аресте императрицы Александры Федоровны в Александровском дворце Царского Села.

9 марта. Признание Временного правительства Соединенными Штатами Америки.

11 марта. О признании Временного правительства заявляют Великобритания, Франция и Италия.

12 и 16 марта. Императорская собственность переходит в собственность государства.

17 марта. Признание Временным правительством права Польши на независимость.

3 апреля. В Петроград из эмиграции возвращается лидер большевиков В.И. Ленин.

21 апреля. Политическая демонстрация в Петрограде – апрельский кризис Временного правительства.

6 мая. Николаю II исполнилось 49 лет.

25 мая. Александре Федоровне исполнилось 45 лет.

3–24 июня. I съезд Советов.

18 июня. Политическая демонстрация в Петрограде – июньский кризис Временного правительства. Провал наступления на Юго-Западном фронте.

4 июля. Расстрел демонстрации в Петрограде – июльский кризис Временного правительства.

7 июля. Приказ Временного правительства об аресте В.И. Ленина.

8 июля. После отставки князя Г.Е. Львова переходный кабинет правительства формирует А.Ф. Керенский.

12 июля. Восстановление смертной казни на фронте.

30 июля. Цесаревичу Алексею исполнилось 13 лет.

1–6 августа. Перевод царской семьи в ссылку в Тобольск (Сибирь).

15 августа. В Москве открывается Собор Русской Православной Церкви.

21 августа. Германские войска занимают Ригу и угрожают Петрограду.

25–31 августа. Корниловский «мятеж».

1 сентября. Введение республики в России.

7 октября. Открытие предпарламента. Большевики покидают его с первого же заседания.

24–26 октября. Октябрьское восстание в Петрограде.

25–27 октября. II съезд Советов.

25 октября – 2 ноября. Восстание в Москве.

26 октября. Декреты Совнаркома о мире и о земле.

26–31 октября. Организованное бывшим председателем-министром Временного правительства А.Ф. Керенским наступление войск генерала П.Н. Краснова на Петроград (так называемый «мятеж Керенского – Краснова») окончилось крахом.

28 октября. Опубликован декрет о печати, которым запрещаются контрреволюционные издания.

29 октября. В Петрограде подавлена попытка мятежа юнкеров.

2 ноября. «Декларация прав народов России» провозглашает равенство и суверенность народов России и их право на свободное самоопределение вплоть до отделения.

8 ноября. Председателем ВЦИК избран Я.М. Свердлов.

10 ноября. Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов».

12 ноября. Начало выборов в Учредительное собрание.

20 ноября. В Брест-Литовске открываются переговоры о перемирии между Россией и центрально-европейскими державами (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией), а также Турцией.

22 ноября. Реорганизация системы судопроизводства.

24 ноября. Финляндия провозглашает свою независимость.

28 ноября. Декрет об аресте руководства партии кадетов, обвиненной в подготовке Гражданской войны.

2 декабря. В Брест-Литовске заключено перемирие до 1 января 1918 г.

7 декабря. Создание ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с саботажем и контрреволюцией) под предводительством Ф.Э. Дзержинского.

9 декабря. Большевики договариваются с левыми эсерами о вхождении последних в Совнарком. Открытие мирной конференции в Брест-Литовске.

14 декабря. Национализация банков.

18 декабря. Совнарком заявляет о признании независимости Финляндии.

Январь – июль 1918 г

5 (18) января. В Петрограде проходит первое заседание Учредительного собрания, которое должно было определить форму государственного правления в России. Оказавшись в явном меньшинстве на заседании, большевики покидают зал. Вопросы, связанные с монархией и государственным строем в России, так и не были рассмотрены.

6 (19) января. Декретом ВЦИК Учредительное собрание распущено.

15 (28) января. Принят декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

27 января (9 февраля). Принят Основной закон о социализации земли.

29 января (11 февраля). Совнарком рассматривает вопрос о передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду.

1 (14) февраля. В Советской России введен в действие григорианский календарь.

18 февраля. После предъявления России ультиматума начато австро-германское наступление по всему фронту; несмотря на то что советская сторона в ночь с 18 на 19 февраля принимает условия мира, наступление продолжается.

20 февраля. Совнарком возвращается к вопросу о предании суду бывшего императора Николая II. Было принято решение о подготовке наркоматом юстиции следственного материала по этому делу, а вопрос о переводе Николая II в Петроград откладывался до прояснения дела.

23 февраля. В Тобольске получено сообщение наркома Карелина об ограничении сумм, отпускаемых государством на содержание царской семьи в сибирской ссылке.

3 марта. В Брест-Литовске подписан сепаратный мирный договор между Советской Россией и центрально-европейскими державами (Германией, Австро-Венгрией) и Турцией. По этому договору Россия теряла Польшу, Финляндию, Прибалтику, Украину и часть Белоруссии, а также от нее отходили в пользу Турции Карс, Ардаган и Батум в Закавказье. Л.Д. Троцкий в знак протеста уходит с поста наркома иностранных дел, а с 8 апреля назначается наркомом военно-морских дел.

6–8 марта. Проходит VII (экстренный) съезд большевистской партии, который принимает ее новое название – Российская Коммунистическая партия (большевиков). Большевики обсуждали вопросы отношения к революционной войне.

9 марта. Высадка вооруженных сил англичан на севере России, в Мурманске, под предлогом борьбы с Германией.

12 марта. Москва становится столицей Советской России.

14–16 марта. Проходит IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, ратифицирующий мирный договор, подписанный в Брест-Литовске. В знак протеста левые эсеры выходят из состава Совнаркома.

1 апреля. На заседании Президиума ВЦИК принимается секретное постановление об эвакуации царской семьи из Тобольска в Москву.

6 апреля. На заседании Президиума ВЦИК принимается новое решение о переводе Романовых не в Москву, а на Урал, в Екатеринбург.

9 апреля. Председатель Президиума ВЦИК Я.М. Свердлов написал письмо в Уральский облисполком о поручении чрезвычайному комиссару В.В. Яковлеву

эвакуации Николая II из Тобольска в Екатеринбург и о заключении бывшего царя под строгий охранный режим вплоть до особого распоряжения из Москвы. Письмо было вручено комиссару Яковлеву для передачи его в Екатеринбург А.Г. Белобородову и Ф.И. Голощекину.

23 апреля. Чрезвычайный комиссар Совнаркома и ВЦИК В.В. Яковлев в 10 ч 30 мин утра посетил в первый раз царскую семью в Губернаторском доме в Тобольске, где Романовы содержались под домашним арестом.

24 апреля. Чрезвычайный комиссар В.В. Яковлев получил телеграфное подтверждение от Я.М. Свердлова о разрешении вывоза из Тобольска только Николая II и части царской семьи в связи с болезнью царевича Алексея.

25 апреля. Чрезвычайный комиссар В.В. Яковлев в 2 ч дня сообщил царской семье о решении Совнаркома об эвакуации Николая II из Тобольска, но не сказал о конечном маршруте предстоящего путешествия.

26 апреля. В 4 ч утра отряд комиссара В.В. Яковлева, взяв под охрану Николая II, императрицу Александру Федоровну, их дочь великую княжну Марию Николаевну и их приближенных, отправился на лошадях с большим темпом из Тобольска в Тюмень, где стоял поезд специального назначения.

27 апреля. Поздно вечером царская семья достигла Тюмени и была помещена в поезд. Комиссар В.В. Яковлев провел телеграфные переговоры с Я.М. Свердловым и во избежание нападения уральских красногвардейских отрядов и покушения на бывшего императора добился изменения маршрута на Омск.

28 апреля. Поздно вечером при переговорах чрезвычайного комиссара В.В. Яковлева из Омска по телеграфу с Москвой было получено предписание о возвращении поезда с царской семьей в Екатеринбург.

30 апреля. Царская семья в 8 ч. 40 мин. доставлена в Екатеринбург и позднее помещена в Ипатьевский дом.

11 мая. Атаманом Войска Донского избран П. Краснов, который ведет вооруженную борьбу с большевиками.

18 мая. На пленуме ЦК РКП(б) принято решение «не предпринимать пока действий» относительно Николая II.

23 мая. В Екатеринбург из Тобольска привезены комиссаром П.Д. Хохряковым царские дети (Ольга, Татьяна, Анастасия и Алексей) и некоторые приближенные Романовых.

25 мая. Начинается антисоветское выступление Чехословацкого легиона (сформированного примерно из 50 тысяч бывших военнопленных, которые должны были эвакуироваться через Владивосток в Европу для укрепления армий Антанты). Поводом к восстанию послужила попытка разоружения чехословаков. Через два месяца после начала вооруженного выступления, 25 июля, они заняли Екатеринбург.

29 мая. Декрет о всеобщей мобилизации в Красную Армию.

8 июня. В Самаре (на Волге) образован комитет членов Учредительного собрания, в который входят эсеры и меньшевики.

10 июня. В Екатеринбурге предпринята попытка антисоветского мятежа, организованная капитаном Ростовцевым и есаулом Мамкиным. Им удалось собрать на Кафедральной площади членов «Союза фронтовиков» и многих сочувствующих из крестьян. Однако их нерешительность привела к поражению. Конный отряд комиссара П. Ермакова из поселка Верх-Исетского завода разогнал митинг и арестовал зачинщиков. Капитан Ростовцев был убит. В городе был усилен военный режим, начались обыски и аресты.

Ночь с 12 на 13 июня. В Перми тайно похищены чекистами и расстреляны великий князь Михаил Александрович Романов (родной брат Николая II) и его секретарь англичанин Н.Н. Джонсон. В печати было объявление об их бегстве.

13 июня. В Екатеринбурге прошли стихийные выступления анархистов, которые были пресечены красногвардейцами и чекистами. Комендант Ипатьевского дома Авдеев предупредил царскую семью «по секрету», что, возможно, им предстоит скорый отъезд, вероятно – в Москву. Он просил подготовиться к отъезду, но скрытно, чтобы не привлекать внимание караула.

14 июня. ВЦИК постановил исключить из Советов всех уровней правых эсеров и меньшевиков за контрреволюционную деятельность.

22 июня. Ипатьевский дом и царскую семью с инспекторской поездкой посетил главнокомандующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Берзин, который сообщил в Москву о ложности слухов об убийстве Николая II.

23 июня. Консерваторы и монархисты образуют в Томске Временное Сибирское правительство.

4 июля. Председатель Уральского облисполкома А.Г. Белобородов извещает телеграммой председателя ВЦИК Я.М. Свердлова и Ф.И. Голощекина о смене коменданта и караула Ипатьевского дома.

6 июля. Во время проведения V Всероссийского съезда Советов левые эсеры предпринимают попытку мятежа в Москве.

Чекист Блюмкин убивает немецкого посла графа фон Мирбаха, что вносит осложнения во взаимоотношения между Германией и Россией.

7 июля. Советское правительство подавляет мятеж левых эсеров при помощи латышских стрелков Вацетиса. Осуществляются массовые аресты объявленных вне закона контрреволюционеров. Однако восстание, поднятое Борисом Савинковым в Ярославле, продолжается еще до 21 июля.

10 июля. На V съезде Советов принята первая Конституция РСФСР. В соответствии с ней местные Советы избираются всеобщим голосованием, однако в выборах могут участвовать только граждане, не эксплуатирующие чужой труд. Местные Советы избирают делегатов на Всероссийский съезд Советов, который делегирует свои полномочия ВЦИК. Председатель ВЦИК исполняет обязанности главы государства. Члены Совнаркома избираются ВЦИК.

12 июля. После возвращения Ф.И. Голощекина из Москвы на заседании Уральского облисполкома принято решение о расстреле Романовых.

15 июля. Германия в ответ на убийство посла Мирбаха потребовала от большевиков разрешения на ввод в Москву для охраны своих дипломатов немецкого батальона.

16 июля. Член ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьев сообщил в Кремль В.И. Ленину и Я.М. Свердлову о полученной телеграмме Уральского облисполкома о необходимости срочного решения участи царской семьи в связи с военными обстоятельствами. Телеграмма была получена в Москве в 21 ч. 22 мин.

Ночь с 16 на 17 июля. В полуподвальном помещении Ипатьевского дома в Екатеринбурге расстреляны императорская семья и ее ближайшее окружение (доктор Е.С. Боткин, горничная А.С. Демидова, повар И.М. Харитонов и лакей А.Е. Трупп). В печати было объявлено только о казни бывшего императора Николая II.

17 июля. Руководство Уральского облисполкома передало днем в Кремль Я.М. Свердлову и В.И. Ленину телеграфное сообщение о расстреле бывшего императора Николая II. Около 9 ч вечера в Кремле В.И. Ленин и Я.М. Свердлов получили шифрованную телеграмму Уральского облисполкома с подтверждением факта казни всей царской семьи, как и императора Николая II.

Ночь с 17 на 18 июля. Под Алапаевском чекистами тайно сброшены в шахту и приняли мученическую смерть великий князь Сергей Михайлович, князья императорской крови братья Иоанн, Игорь и Константин Константиновичи Романовы, великая княгиня Елизавета Федоровна (родная сестра императрицы Александры Федоровны), спутница и сподвижница великой княгини монахиня Варвара Яковлева, князь Владимир Павлович Палей (сын великого князя Павла Александровича) и Ф.С. Ремез (служащий великого князя Сергея Михайловича).

18 июля. Президиум ВЦИК принял постановление об одобрении решения Уральского облисполкома о расстреле бывшего императора Николая II и дальнейших действий. В тот же день Совнарком РСФСР сообщение о данном постановлении ВЦИК «принял к сведению».

Список источников и использованной литературы

Документы

Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). Т. 1, М., 1924.

Аксючиц В.В. Покаяние. Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. М., 1998; М., 2003.

Александр Иванович Гучков рассказывает… М., 1993.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993.

Алферьев Е.Е. Письма царской семьи из заточения. Джорданвиль, 1974.

Архив ВЧК. Сборник документов. / Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007.

Богданович А.А. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.

Борьба за власть Советов в Тюменской (Тобольской) губернии (1917–1920): Сб. документов. Свердловск, 1967.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы. М., 1957.

Великий князь Константин Константинович Романов. Эксклюзивный памятный фотоальбом. Самара, 2002.

Верховное командование в первые дни революции. // Красный архив. 1924. Т. 5.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 5, 6. М., 1975.

Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917)./Сост. В.М. Осин, В.М. Хрусталев. М., 2008.

Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве царской семьи (август 1918 – февраль 1920)/ Сост. Н. Г. Росс. Посев, 1987.

Государственная Дума: Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916.

Декреты Советской власти. Т. 1–8. М., 1957–1976.

Дискуссионный материал: Тезисы тов. Мясникова, письмо тов. Ленина, ответ ему, постановление организационного бюро Цека и резолюция мотовилихинцев. М., 1921.

Дневник великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925.

Дневник императора Николая II. Берлин, 1923.

Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. М., 1991.

Дневник Николая Романова.// Красный архив. 1927. №№ 20–22.

Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, 1924.

Дневники и документы из личного архива Николая II. Мн., 2003.

Дневники императора Николая II. М., 1991.

Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны 1 января 1917 – 16 июля 1918 гг.: в 2 т. / отв. ред., сост. В.М Хрусталев. М., 2008.

Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001.

Записки Н.М. Романова. // Красный архив. 1931. № 6 (49).

Из дневника обер-гофмейстерины княгини Е.А. Нарышкиной. // Последние новости. Париж, 1936, 10 мая.

Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991.

Лев Толстой и русские цари. Сборник. М., 1995.

Л.Н. Толстой и Н.М. Романов. // Красный архив. 1927. Т. 21.

Максаков В., Нелидов Н. Хроника революции. Вып. 1. Пг., 1923.

Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995.

Международный год памяти Государя императора Николая II. М., 1993.

Монархия перед крушением. М.-Л., 1927.

Н.А. Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 гг. / Сост. Л.А. Лыкова. // Российский Архив. Вып. VIII. М., 1998.

Николай II: Венец земной и небесный. Царственные мученики: пророчества, чудеса; даты, события, документы, молитвы, акафист и канон. М., 1997.

Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Николай II и великие князья. М.-Л., 1925.

Николай II, император. Дневник. Берлин, 1923.

Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. Л., 1927.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. I–VII. М.-Л., 1924–1927.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. М. – Пг., 1923.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. Т. III–V. М.-Л., 1923–1927.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполкома и Бюро ЦК. М. – Л., 1925.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Т. 1. Л., 1991.

Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. I–III. Берлин, 1922.

Письма царя Николая II и императрицы Марии. Лондон, 1937.

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005.

Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г.: Сб. документов. Сост. В. Козлов, В. Хрусталев. Новосибирск, 1999.

Последние дни Романовых./ Сост. М.П. Никулин, К.К. Белокуров. Свердловск, 1991.

Расследование цареубийства. Секретные материалы. / Сост. В.И. Прищеп, А.Н. Александров. М., 1993.

Романов Н. Дневник великого князя Николая Михайловича. // Красный архив. 1931. №№ 4, 6, 9.

Романовы и союзники в первые дни революции. (Публикация документов). // Красный архив. 1926. № 16.

Семейная переписка Романовых.// Красный архив. 1923. № 4.

Скорбная памятка. Нью-Йорк, 1928.

Скорбный путь Михаила Романова: от Престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996.

Стенограмма допросов следователем Е.С. Кобылинского в качестве свидетеля, а П. Медведева, Ф. Проскурякова и А. Акимова в качестве обвиняемых по делу об убийстве императора Николая II. // Историк и современник. Берлин, 1924. № 5.

Стенографический отчет. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916.

Требования народа о заключении Николая Романова в крепость. (Публикация документов). // Красный архив. 1937. № 81.

Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994.

Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). // Красный архив. 1927. №№ 21–22.

Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. / Сост. О.А. Шашкова. М., 1996.

Хрусталев В.М. Похищение и гибель Михаила Романова. Публикация документов. // Россияне. 1994. №№ 4–6.

Хрусталев В., Осин В. Военные дневники великого князя Андрея Владимировича Романова. (Публикация документов). // Октябрь. 1998. №№ 4–5.

Хрусталев В., Осин В. «Позорное время переживаем». (Публикация документов). // Источник. 1998. № 3.

Хрусталев В., Осин В. Скандал в императорской семье. (Публикация документов). // Октябрь. 1998. № 11.

Воспоминания и мемуары

Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. Из воспоминаний коменданта. // Красная новь. 1928. № 5.

Авдеев А.Д. С секретным поручением в Тобольск. // Пролетарская революция. 1930. № 9.

Александр Михайлович (вел. князь). Книга воспоминаний. Париж, 1933.

Александр Михайлович (вел. князь). Книга воспоминаний. М., 1991.

Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. Т. 1, 2. Париж, 1930–1931.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997.

Беляев А.И. Семья Романовых в марте – июле 1917 года: Дневник протоиерея. // Исторический архив. 1993. № 1.

Блок А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.

Бубликов А А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918.

Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М., 2006.

Буксгевден С.К. Император Николай II, каким я его знала. // Возрождение. Июль. 1957. Париж.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1924.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.

Бьюкенен М. Крушение великой империи. Ч. 2. Париж, 1932.

Великие дни Российской революции 1917 г. Пг., 1917.

Верная Богу, Царю и Отечеству. СПб., 2006.

Верховский А.И. На трудном перевале. М.,1959.

Вильгельм II, император: События и образы. Берлин, 1923.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995.

Волков А.А. Около царской семьи. Париж, 1928. Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. Воробьев В. Конец Романовых. Из воспоминаний. // Прожектор. 1928. № 9 (47). Воронцова-Дашкова Л.Н. Человек, отрекшийся от трона. // Сегодня (Рига). 19 июля 1937 г. № 194. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. Вырубов В.В. Воспоминания о Корниловском деле. // «Минувшее». Исторический альманах. М.-СПб., 1993. Т. 12. Гибель монархии. М., 2002. Гурко В.И. Царь и царица. Париж, 1927. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. Ден Л., Воррес Й. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. СПб.-М., 2003. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Деникин А.И. Очерки

Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. – М., 1991. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. Диллон Э. Александр III. / Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники. // Русская летопись. Кн. 3. Париж,1922. Дубенский Д. Как произошел переворот в России. Рига, 1923. Жильяр П. Император Николай II и его семья. Петергоф, сентябрь 1915 – Екатеринбург, май 1918 г. Вена, 1921. Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии. Ревель, 1921. Как погибла царская семья. Свидетельство очевидца И.П. Мейера. Пер. с нем. яз. М., 1990. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. Берлин, 1921. Керенский А.Ф. Издалека: Сб. статей. Париж, 1922. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. Кирилл Владимирович (вел. князь). Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.

Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б/г. Коганицкий И. 1917–1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина. // Пролетарская революция. 1922. № 4. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1966. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. Кшесинская М. Воспоминания. Смоленск, 1998. Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. 3. М., 1935. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. Марков С.В. Покинутая царская семья (Царское Село – Тобольск – Екатеринбург). Вена, 1928. Марков С.В. Покинутая царская семья 1917–1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. М., 2002. Мельник (Боткина) Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1–2. М., 1990. Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1926. Мордвинов А.А. Воспоминания. // Русская летопись. Кн. 5.

Париж, 1923. Мордвинов А.А. Из воспоминаний. Париж, 1925. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб.,

1992. Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. Набоков В.Д. Временное правительство. М., 1923. Набоков В. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991. Немцов Н.М. Последний переезд полковника Романова. // Красная нива. 1928. № 27. Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. Обнинский В.П. Последний самодержец. М., 1917. Отъезд царской семьи из Царского Села. Воспоминания графа Бенкердорфа.// Сегодня. Рига, 1928. 18 февраля. № 47. Офросимова С.Я. Из детских воспоминаний. // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925. Палей О.В. Воспоминания о России. М., 2005.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Палей О.В. Воспоминания о России. М., 2005.

Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1925; М., 1990.

Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917.

Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999.

Пронин В.М. Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Русское возрождение. (Нью-Йорк, М., Париж). 1991. №№ 55–56.

Пуришкевич В.М. Из записок. Париж, 1924.

Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Т. IV. М. – Л., 1927.

Революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев. М., 1991.

Родзянко М. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов-на-Дону, 1919.

Родзянко М.В. Воспоминания. Прага, 1922.

Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990.

Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002.

Романова А.Н. Я, Анастасия Романова… М., 2002.

Руднев В.М. Правда о русской царской семье и темных силах. Екатеринодар, 1919.

Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

Сивков В.Ф. Пережитое. Пермь, 1968.

Сирота О.М. А.Ф. Керенский и Николай II. // Исторический архив. 1961. № 1.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мн., 2004.

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни. Берлин, 1923.

Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994.

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. Т. 1–3. СПБ., 1892–1893.

Фабрицкий С.С. Из прошлого: Воспоминания флигель-адъютанта Государя императора Николая II. Берлин, 1926.

Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990.

Царские дети. М., 2003.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.

Царствование и мученическая кончина императора Николая II. Париж, 1993.

Черчилль У. Мировой кризис. 1916–1918. Т. 1. Лондон, 1927.

Чудинов Д. Особое задание. / За власть Советов. Сб. воспоминаний. Уфа, 1961.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996.

Шульгин В.В. Дни. М., 1989.

Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990.

Юровский Я.М. Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача. // Источник. 1993. № 0.

Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. Париж, 1927.

Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М., 1998.

Юсупов Ф. Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993.

Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001.

Яковлев В. (Мячин К.). Последний рейс Романовых. // Урал. 1988. № 8.

Монографии, статьи

Авдонин А.Н. Ганина яма. История поисков останков царской семьи. Екатеринбург, 2002.

Авдонин А.Н. Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи. // Источник. 1994. № 5.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. // Вопросы литературы. 1990. № 6.

Блок А. Последние дни императорской власти. Приложение. Пг., 1921.

Боткин П.С. Что было сделано для спасения императора Николая Второго. // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925.

Боханов А.Н. Николай II. М., 1997.

Буранов Ю.А. Еще раз о так называемой «Записке Юровского». / Тайны Коптяковской дороги. М., 1998.

Буранов Ю.А. К вопросу о версиях и исторической истинности Екатеринбургской трагедии. (На архивных источниках). / «Тайны царских останков». Материалы научной конференции: «Последние страницы истории царской семьи: итоги изучения Екатеринбургской трагедии». Екатеринбург, 1994.

Буранов Ю.А. К вопросу о версиях и исторической истинности Екатеринбургской трагедии. / Тайны Коптяковской дороги. М., 1998.

Буранов Ю., Миркина И., Хрусталев В. Судьба Михаила Романова. // Вопросы истории. 1990. № 9.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Гибель императорского дома. М., 1992.

Буранов Ю., Хрусталев В. Голубая кровь. Тайное убийство великих князей. // Совершенно секретно. 1990. № 12.

Буранов Ю., Хрусталев В. Михаил Последний. // Смена. 1996. № 9.

Буранов Ю., Хрусталев В. Похищение претендента. Неизвестный дневник Михаила Романова. // Совершенно секретно. 1990. № 9.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. М., 1997.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Хронология Екатеринбургского убийства и методика дезинформации. / Тайны Коптяковской дороги. М., 1998.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. М., 1967. Быков П. Последние дни последнего царя. В кн.: Рабочая

революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. Василевский (Не-Буква) И.М. Николай II. Пг. – М., 1923. Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923. Вильтон Р. Последние дни Романовых. М., 1991. Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб. – Дюссельдорф, 1993. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. Грянник А.Н. Завещание Николая II. Ч. 1–2. Рига, 1993. Дзулиани М.Д. Царская семья. Последний акт трагедии. М., 1991. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Ч. 1, 2. Владивосток, 1922. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Ч. 1–2. М., 1991. Игумен Серафим (Кузнецов). Православный царь-мученик. М., 1997. Иоффе А.Е. О попытке вывезти Николая II в США. // Исторический архив. 1961. № 1. Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. Иоффе Г. Дом особого назначения. //Родина. 1989. № 4–5. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978. Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. Кобылин В. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970. Кончин Е.В. Революцией призванные. Рассказы о московских эмиссарах. М., 1988. Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы. М., 1993. Кузнецов В.В. Тайна пятой печати. Судьба царя – судьба России. СПб., 2002. Куликовская-Романова О.Н.

Неравный поединок. М., 1995. Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927.

Мельгунов С. Последний самодержец. – М., 1917.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1956.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.

Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951.

Миллер Л.П. Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994.

Миллер Л. Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 2002.

Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921.

Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990.

Назанский В.И. Крушение великой России и дома Романовых. Париж, 1931.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

Осин В., Хрусталев В. «Пусть болтают». (Цитата из дневника, 1917 г.). // Огонек. 1997. № 41.

Павлова Т., Хрусталев В. Скорбный путь Романовых. // Уральский следопыт. 1992. №№ 1, 3, 5–6, 7, 10.

Пагануцци П.Н. Правда об убийстве царской семьи. М., 1992.

Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994.

Платонов О.А. Убийство царской семьи. – М., 1991.

Платонов О.А. Убийство царской семьи.// Россияне. 1992. №№ 3–4.

Последние дни последнего царя. Саратов, 1922.

Правда о Екатеринбургской трагедии: Сб. статей под ред. доктора исторических наук Ю.А. Буранова. М., 1998.

Пушкарева И.М. Февральская революция 1917 г. в России. М., 1982.

Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. 1917–1921 гг. / Сост. П.М. Быков. Екатеринбург, 1921.

Радзинский Э. Расстрел в Екатеринбурге.// Огонек. 1990. № 2.

Радзинский Э.С. «Господи… спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993.

Революционеры Прикамья. Пермь, 1966.

Родиков В. Легенда о царской голове. / Дорогами тысячелетий. Сб. ист. ст. и очерков. Кн. 4. М., 1991.

Росс Николай. «Записка Юровского» или «записка Покровского». // Русская мысль. 10–16 апреля 1997 г.

Рябов Г. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М., 1998.

Рябов Г. «Принуждены вас расстрелять…». // Родина. 1989. №№ 4–5.

Савченко П. Русская девушка. М., 2001.

Сахаров В., Хрусталев В. Андрей Кочедаев «Все могло быть иначе…» Почему Николай II отказался спасти себя и свою семью? // Огонек. 1997. № 17.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925; М., 1990.

Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г. М., 1932.

Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.

Тальберг Н.Д. Русская быль. Очерки истории императорской России. М., 2000.

Тарасов И.Д., Деденко В.П. Дмитрий Михайлович Чудинов. Уфа, 1969.

Фальштинский Ю. Троцкий и убийство царской семьи. // Русская мысль. 2 августа 1985 г.

Ферро М. Николай II. М., 1991.

Хрусталев В. Николай II. Арестован и сослан буржуазными вождями. Отвержен британским правительством. Расстрелян большевиками. // Международная жизнь. 1996. № 2.

Хрусталев В. Новые документы об убийстве царской семьи. // Известия. 14 мая 1993 г.

Хрусталев В. Полуночные страсти по Николаю II. Полемические заметки о фильме Сергея Мирошниченко «Убийство Императора. Версии». // Независимая газета. 2 июля 1997 г.

Хрусталев В. Претерпевшие за царя. // Держава. 1996. № 3 (6).

Хрусталев В. Спекуляция на костях. Положит ли ей конец завтрашняя церемония в Санкт-Петербурге? // Вечерний клуб (Москва). 16 июля 1998 г.

Хрусталев В.М. Тайна «миссии» чрезвычайного комиссара Яковлева. // Россияне. 1993. №№ 10–12.

Хрусталев В.М. Тайное убийство великих князей в Алапаевске. // Россияне. 1993. №№ 10–12.

Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма. М., 1976.

Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999.

Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005.

Щеголев П.Е. Последний рейс Николая II. М. – Л., 1928.

Яковлев Н. 1 августа 1914 г. Изд. 3-е. М., 1993.

Архивные источники

Архив Генеральной прокуратуры РФ (Архив ГП РФ)

Архив Главной военной прокуратуры РФ (Архив ГВП РФ).

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ).

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ; бывш. ЦГАОР СССР).

Государственный архив Свердловской обл. (ГАСО).

Государственный архив Тобольской обл. (ГАТО).

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ; бывш. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Центральный архив федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ).

Центр документации общественных организаций Свердловской обл. (ЦДНИСО; бывш. ПАСО).

Примечания

1 Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома 1917–1919 гг. М., 1992.

2 Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978.

3 Буранов Ю., Миркина И., Хрусталев В. Судьба Михаила Романова. // Вопросы истории. 1990. № 9.

4 Буранов Ю., Хрусталев В. Похищение претендента. Неизвестный дневник Михаила Романова. // Совершенно секретно, 1990, № 9.

5 Буранов Ю., Хрусталев В. Голубая кровь. Тайное убийство великих князей. // Совершенно секретно, 1990, № 12.

6 Скорбный путь Романовых. // Уральский следопыт. 1992. №№ 1, 3, 5–7, 10.

7 Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома 1917–1919 гг. М., 1992. С. 43.

8 Хрусталев В.М. Тайна «миссии» чрезвычайного комиссара Яковлева. // Россияне. 1993. №№ 10–12; The fall of the Romanovs. Political dreams and personal struggles in time of revolution. / Edited by M.D. Steinberg and V.M. Khrustalёv. London, New-Haven, 1995; Хрусталев В.М. Николай II. Арестован и сослан буржуазными вождями. Отвержен британским правительством. Расстрелян большевиками. // Международная жизнь. 1996. № 2; Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996; Хрусталев В.М. Претерпевшие за царя. // Держава. 1996. № 3 (6); The last diary of tcaritsa Alexandra. / Edited by V.A. Kozlov and V.M. Khrustalёv. London, New-Haven, 1997; The fall of the Romanovs. / Edited by M.D. Steinberg and V.M. Khrustalёv. Tokio, 1997; Хрусталев В., Осин В. «Позорное время переживаем». Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова. // Источник. 1998. № 3; Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. / Ред. и сост. В.А. Козлов, В.М. Хрусталев. Новосибирск, 1999; Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев при участии М.Д. Стейнберга. М., 2001; Хрусталев В. «Мой любимый, бесценный ангел…». // Story. 2007. Октябрь; Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны 1 января 1917 – 16 июля 1918 гг.: в 2 т. / отв. ред., сост. В.М Хрусталев. М., 2008 и др.

9 Буранов Ю., Хрусталев В. Убийцы царя. Уничтожение династии. Берлин, 1994; М., 1997; Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель династии (1917–1919). Варшава, 1995; Буранов Ю., Хрусталев В. Михаил Последний. // Смена. 1996. № 9; Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Хронология Екатеринбургского убийства и методика дезинформации. / Тайны Коптяковской дороги. М., 1998; Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Романовы. Гибель династии. М., 2000 и др.

10 Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 87–88.

11 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 62–63.

12 Дом Романовых. СПб., 1992. С. 103; Сургучев И.Д. Детство императора Николая II. / Николай II. Книга первая. М., 1995. С. 28–29; Царские дети. М., 2003. С. 22–23; Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 13.

13 Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 69.

14 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 62.

15 См.: Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 14.

16 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 4–5.

17 Там же. Л. 8–10, 12.

18 Там же. Л. 17.

19 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 24–25.

20 Там же. С. 65.

21 Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М.,

1991. С. 362. 22 Там же. С. 306.

23 Там же. С. 122.

24 Там же. С. 123.

25 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 153.

26 Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 11–12.

27 Вел. кн. Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 39–40.

28 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219. Л. 163–167.

29 Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 282–283.

30 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 288.

31 Там же. Л. 42.

32 Там же. Л. 61.

33 Буксгевден С.К. Император Николай II, каким я его знала. // Возрождение. Июль. 1957. Париж; Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 41.

34 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 44–45.

35 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 53.

36 ГА РФ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 20. Л. 20–20 об.

37 Буксгевден С.К. Император Николай II, каким я его знала. // Возрождение. Июль. Париж, 1957; Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 42–43.

38 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 729. Л. 3–4.

39 Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. С. 344–345.

40 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 171.

41 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 55–57.

42 Воррес Й. Последняя великая княгиня: Воспоминания. М., 1998. С. 217.

43 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 31. Л. 21–21 об.

44 ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 3. Л. 65.

45 Там же. Л. 71.

46 Там же. Л. 72.

47 Там же. Л. 80.

48 ГА РФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102. Л. 23–24.

49 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 34. Л. 55.

50 Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 80–81.

51 Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991. С. 125.

52 Там же. С. 389.

53 Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1966. С. 377; Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 163.

54 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

55 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

56 Там же. Л. 1 об., 2–4 об.

57 Там же. Л. 7.

58 См.: Царствование и мученическая кончина императора Николая II. Париж, 1993. С. 33.

59 Марков С.В. Покинутая царская семья 1917–1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. М., 2002. С. 46.

60 Там же. С. 47.

61 Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 84.

62 Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 27.

63 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981. С. 56–59.

64 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 142–143.

65 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 145–146.

66 Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 155–156.

67 Там же. С. 156.

68 Там же. С. 157.

69 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 146.

70 Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 157.

71 Воррес Й. Последняя великая княгиня. СПб.-М., 2003. С. 245–246.

72 Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 60; Новогодний номер венской газеты Neue Freie Pressa на 1910 год.

73 Гурко В.И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 24.

74 Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 144–145.

75 Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б/г. С. 180.

76 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 83.

77 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 13.

78 ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 96–99 об.

79 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 25а – 26а об.; Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 14–15.

80 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38. Л. 66 об.

81 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 188–194.

82 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38. Л. 79 об. – 80.

83 Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1949–1911 гг. М., 1991. С. 288–289.

84 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 196.

85 Там же. Л. 204.

86 Там же. Л. 205.

87 Там же. Л. 208.

88 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Л. 107–108.

89 Там же. Л. 149.

90 Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1949–1911 гг. М., 1991. С. 286.

91 ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 52 об.

92 Богданович А.А. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 120.

93 Там же. С. 191.

94 Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 53–54.

95 Там же. С. 59.

96 Кшесинская М.Ф. Из «Воспоминаний». / Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 25.

97 Там же. С. 25–26, 31–32.

98 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 232. Л. 96–97.

99 Там же. Л. 98–99; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 46.

100 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 232. Л. 101–103; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 47–48.

101 ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 2–5 об.

102 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 34.

103 Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 129.

104 Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. Берлин, 1922; Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 461–462.

105 Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1996. С. 295.

106 Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 74, 287.

107 ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 125–125 об.

108 Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. М., 1991. С. 85,

287. 109 Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 72. 110 Там же. С. 72–73. 111 Алферьев А.А. Император Николай II как человек сильной

воли. М., 1991. С. 23–24; Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 172.

112 Диллон Э. Александр III. / Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 270.

113 Ден Л. Подлинная царица: Воспоминания; Воррес Й. Последняя великая княгиня: Воспоминания. М., 1998. С. 215.

114 Российский Архив. Вып. V. М., 1994. С. 306–308.

115 ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 293–293 об.

116 Миллер Л. Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 2002. С. 97–99.

117 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 43.

118 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 140–141.

119 Международный год памяти Государя императора Нико

лая II. М., 1993. С. 9. 120 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 43. 121 Верная Богу, Царю и Отечеству. СПб., 2006. С. 29. 122 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 48. 123 Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 100,

289. 124 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 56. 125 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 346. Л. 27–28. 126 Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель

адъютанта Государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 118,

122. 127 Там же. С. 122. 128 Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Ан

ны Вырубовой. М., 1990. С. 10. 129 Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б/д. С. 170–

172. 130 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 111. 131 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 222. 132 Светлый отрок. М., 1990. С. 12. 133 Офросимова С.Я. Из детских воспоминаний. // Русская ле

топись. Кн. 7. Париж, 1925; Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 284. 134 Верная Богу, Царю и Отечеству. СПб., 2002. С. 60.

135 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 512. Л. 52–53.

136 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 245–246.

137 Красный архив. 1930. № 6 (43). С. 106.

138 ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 23. Л. 49 об., 50–51 об.

139 Красный архив. 1930. № 6 (43). С. 106–107.

140 Новое время. 1909. 3 октября.

141 Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. С. 151.

142 См.: Царствование и мученическая кончина императора Николая II. Париж, 1993. С. 22.

143 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 475.

144 Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 284–286.

145 Яковлев Н. 1 августа 1914 г. М., 1993. С. 41–42.

146 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 476.

147 Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. М. – Пг., 1923. С. 172.

148 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 531.

149 Платонов О.А. Жизнь за царя. (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996. С. 105.

150 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 67–67 об., 68.

151 Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б/г. С. 214–

215. 152 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 477. 153 Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 259. 154 Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последне

го дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 80.

155 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 13.

156 ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 172. Л. 26–27 об., 28.

157 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 45–46.

158 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 127–130.

159 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 46–47.

160 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 477–478.

161 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972. С. 108.

162 Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 291–292.

163 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 478.

164 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920,

1923 годы). М., 2005. С. 53. 165 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 481.

166 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 54.

167 Царствование и мученическая кончина императора Николая II. Париж, 1993. С. 32.

168 Там же. Л. 10–12.

169 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 482.

170 Графиня Воронцова-Дашкова Л.Н. Человек, отрекшийся от трона. // Сегодня. 1937. 19 июля. № 194.

171 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 483.

172 ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 171. Л. 226–230 об., 231.

173 Кшесинская М. Воспоминания. Смоленск, 1998. С. 244.

174 Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 339.

175 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 61.

176 Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005. С. 101.

177 Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 97.

178 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 499–501.

179 ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 30. Л. 75, 79–81.

180 Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 97.

181 Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 8.

182 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 508.

183 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 620. Л. 1–2.

184 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 559; Алферов Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 105; Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы. М., 1993. С. 32.

185 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 616. Л. 1–3.

186 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 гг.). М., 2005. С. 89.

187 Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 312–314.

188 Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 89.

189 Дом Романовых. СПб., 1992. С. 105; Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 268.

190 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 55. Л. 155–160.

191 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 619. Л. 1; Д. 2477. Л. 1; Летопись войны 1914–1915 гг. 29 августа 1915 г. № 54. С. 855.

192 Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 88.

193 Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 199.

194 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Минск, 2004. С. 174.

195 Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л., 1925. С. 80.

196 Там же. С. 107.

197 Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 125.

198 Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 290.

199 Государственная Дума: Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 12, 35–48.

200 ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 135. Л. 308.

201 РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 54. Л. 443.

202 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 156–159 об., 160.

203 РГИА. Ф. 920. Оп. 1. Д. 55. Л. 17–18.

204 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 153.

205 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 217.

206 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 610.

207 Переписка Николая и Александры Романовых. М.-Л., 1927. Т. 5. С. 128.

208 Там же. С. 129–130.

209 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1222. Л. 9–11 об.

210 Русская Мысль. Кн. VI–VII. Прага, 1922. С. 265.

211 Александр Иванович Гучков рассказывает… М., 1993. С. 15–16.

212 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. – М., 1991. С. 105–106.

213 Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники. // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 12–

13. 214 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Л.,

1927. С. 152. 215 Там же. С. 44. 216 Там же. С. 133. 217 Там же. С. 16–17. 218 РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 46. Л. 158.

219 Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 58.

220 Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 147–

148. 221 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Л.,

1927. С. 146.

222 Там же. С. 153.

223 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 240–241.

224 Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 188.

225 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1143. Л. 80–85.

226 Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 196.

227 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 274.

228 Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 122–123.

229 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2480. Л. 1.

230 Гибель монархии. М., 2002. С. 301.

231 Там же. С. 256.

232 См.: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 232–233; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 17.

233 Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 217.

234 Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. Берлин, 1922. С. 184.

235 Там же. С. 189.

236 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Минск, 2004. С. 386–387.

237 Монархия перед крушением. М.-Л., 1927. С. 282; Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, 2003. С. 353–354.

238 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Л., 1925. С. 190.

239 Вырубов В.В. Воспоминания о Корниловском деле. // «Минувшее». Исторический альманах. Т. 12. М.-СПб., 1993. С.10–11.

240 Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 155.

241 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и

армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 107–109. 242 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 171.

243 Падение царского режима. Т. 6. С. 278–279; Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 617.

244 Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 201.

245 Падение царского режима. Т. 6. С. 279; Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 617.

246 Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 205.

247 Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 55.

248 Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Т. 2. Берлин, 1924. С. 39.

249 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923. С. 261.

250 Бьюкенен М. Крушение великой империи. Ч. 2. Париж, 1932. С. 31–32.

251 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Минск, 2004. С. 449.

252 Палей О.В. Воспоминания о России. М., 2005. С. 21–22

253 Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 199–201.

254 Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники. // Русская Летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 16–17.

255 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 224.

256 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 457–458.

257 Блок А. Последние дни императорской власти. Приложение. Пг., 1921. С. 139.

258 Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 32.

259 См.: Николай II: Венец земной и небесный. Царственные мученики: пророчества, чудеса; даты, события, документы, молитвы, акафист и канон. М., 1997. С. 278–279.

260 Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 189–190.

261 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1.

262 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 287.

263 Мельник (Боткина) Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 39.

264 Стенографический отчет. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916. С. 287.

265 Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С. 146.

266 Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. Париж, 1927. С. 34–35.

267 Верная Богу, Царю и Отечеству. СПб., 2006. С. 105.

268 Воррес Й. Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 299–

300.

269 ГА РФ. Ф. 640. Оп. 2. Д. 50. Л. 1–4 об.

270 ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 5 об. – 6, 10 об. – 11.

271 Записки Н.М. Романова. // Красный архив. 1931. № 6 (49). С. 101–102.

272 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2148. Л. 6–6 об., 7.

273 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 298.

274 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С.163.

275 Там же. С. 163–164.

276 Там же. С. 166.

277 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1297. Л. 155.

278 Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 209–210.

279 Там же. С. 210.

280 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923. С. 302.

281 См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. М., 1967. С. 78.

282 Иллюстрированная Россия (Париж). 1931. 5 декабря. № 50 (343). С. 4.

283 Записки Н.М. Романова. // Красный архив. 1931. № 6 (49). С. 102.

284 Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 224.

285 Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 14–15.

286 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 622.

287 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 222–224.

288 Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 212–

213. 289 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 4 об. 290 Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуа

ры. М., 1993. С. 131–132.

291 Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М., 2006. С. 389–390.

292 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция.

Воспоминания. Минск, 2004. С. 483. 293 Падение царского режима. Т. 5. М.-Л., 1925. С. 209. 294 Там же. С. 38.

295 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 627; Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 118.

296 Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 190.

297 Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники (воспоминания).

298 Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 176.

299 Там же. С. 181, 182.

300 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 629.

301 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 29–29 об.; РГИА. Ф. 1276. Оп.

13. Д. 36. Л. 2–2 об.; Пролетарская революция. 1923. Т. 1 (13). С. 290. 302 Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 4–5. 303 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1155. Л. 490–493 об.; Красный ар

хив. 1923. № 4. С. 208–210.

304 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 31–31 об., 32.

305 ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 11215. Л. 1.

306 Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 9.

307 Там же. С. 9.

308 Там же. С. 6–7.

309 Там же. С. 11–12.

310 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2.

311 ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 115. Л. 52–53 об.; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 223–224.

312 Дневники императора Николая II. М., 1991. С 625.

313 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 2.

314 Там же. Л. 5 об.

315 Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 155.

316 Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 195.

317 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 65–66.

318 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 121–122.

319 Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 31.

320 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 122.

321 Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921; М., 1991. С. 148–149.

322 РГИА. Ф. 2856. Оп. 1. Д. 84. Л. 15.

323 Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Ан

ны Вырубовой. М., 1990. С. 199. 324 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1151. Л. 500–500 об.; Красный архив. 1923. № 4. С. 214–216.

325 Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 58.

326 Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 208.

327 Вел. кн. Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 238–239, 241–242.

328 Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917 гг. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 230.

329 Там же. С. 231.

330 Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Пер. с фр. Берлин, б/д. С. 272–273.

331 Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 29.

332 Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 208.

333 См.: Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г. М., 1932.

334 Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 50–52.

335 Великие дни Российской революции 1917 г. Пг., 1917. С. 20, 27–28.

336 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 353.

337 См.: Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 257; Кобылин В. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970. С. 312.

338 См.: Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 122.

339 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 66–67.

340 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2102. Л. 1–1 об., 2.

341 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 120.

342 Скорбный путь Михаила Романова. От престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 41. «Иллюстрированная Россия» (Париж). № 3. С. 5.

343 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101(а). Л. 5.

344 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992. С. 123.

345 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

346 Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 117–120

347 Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 183.

348 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 124.

349 Пронин В.М. Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Русское возрождение. (Нью-Йорк, М., Париж). 1991. №№ 55–56. С. 261.

350 Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 185.

351 Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 233.

352 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1151. Л. 505–506 об.; Красный архив. 1923. № 4. С. 220–221.

353 Жильяр П. Император Николая II и его семья. М., 1991. С.164–165.

354 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 227–228.

355 Дневники императрицы Марии Федоровны. 1914–1920, 1923 годы. М., 2005. С. 175–176.

356 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2104. Л. 1–4 об.

357 Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 87–89.

358 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 229–230.

359 ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

360 Гибель монархии. М., 2000. С. 334–335.

361 Там же. С. 337.

362 Вестник Временного правительства. 1917 г. 9 марта. № 4.

363 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Т. 1. Л., 1991. С. 81.

364 Красный архив. 1925. № 3 (10). С. 343.

365 Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта.

366 ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 300. Л. 34.

367 ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 170. Л. 42–46 об., 47.

368 Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта.

369 ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 283. Л. 28.

370 ГА РФ. Ф. 5849. Оп. 2. Д. 30. Л. 8.

371 Красный архив. 1924. Т. 5. С. 233–235.

372 Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 35.

373 Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 468.

374 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925. С. 9.

375 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2103. Л. 1.

376 Там же. Л. 1–1 об.

377 Там же. Л. 1–1 об.

378 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 33.

379 Там же. С. 34.

380 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1758. Л. 16; Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 53–54.

381 Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 54.

382 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2107. Л. 1.

383 Красный архив. 1926. № 3 (16). С. 48.

384 Там же. С. 48.

385 Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 47.

386 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925. С. 16–17.

387 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 19. Л. 60.

388 Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 47–49.

389 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 15.

390 ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1.4. 1. Л. 15.

391 Набоков В. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991. С. 32–33.

392 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Буэнос-Айрес, 1969. С. 267.

393 Маленькая газета (Петроград). 1917. 10 марта. № 58 (856). С. 1.

394 Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 1924. С. 218.

395 Там же. С. 218.

396 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 383–384.

397 Вестник НКИД. 1920. №№ 4–5. С. 91; Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 191.

398 Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 362.

399 См.: Тальберг Н.Д. Русская быль. Очерки истории Императорской России. М., 2000. С. 737; Боткин П.С. Что было сделано для спасения императора Николая Второго. // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925.

400 См.: Тальберг Н.Д. Русская быль. Очерки истории императорской России. М., 2000. С. 740.

401 Последние новости. (Париж). 1921. 8 сентября.

402 См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 232–233.

403 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 53.

404 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 68.

405 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 31.

406 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Т. 1. Л., 1991. С. 205.

407 Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 79.

408 Там же. С. 79.

409 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925. С. 29–33.

410 Историк и современник. Берлин, 1924. № 5. С. 172

411 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 70.

412 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 626.

413 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 35.

414 Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 202–203.

415 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 20–21.

416 Там же. С. 21.

417 Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия. Берлин, 1921. С.118–119, 121–122.

418 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. 1. Л., 1991. С. 155.

419 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925. С. 32–33.

420 Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 85.

421 Мстиславский (Масловский) С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 98–104.

422 899 Там же. С. 106.

423 Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. / Сост. О.А. Шашкова. М., 1996. С. 235.

424 Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 204–205.

425 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 7 об.

426 Историк и современник. Берлин, 1924. № 5. С. 173–174.

427 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. 1. Л., 1991. С. 225.

428 Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны 1917–1918. М., 2008. С. 378–379.

429 Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 205–206.

430 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

431 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 386–387.

432 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 7 об.

433 ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–3 об.

434 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 8.

435 Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б. г. С. 222.

436 Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 208.

437 Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны 1917–1918. М., 2008. С. 399, 401.

438 Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 207–208.

439 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 627.

440 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 8.

441 ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 714. Л. 101–101 об., 102.

442 Историк и современник. Берлин, 1924. № 5. С. 174.

443 Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 208–210.

444 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 40.

445 Там же. С. 44.

446 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 628.

447 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 8 об. – 9.

448 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 214.

449 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 17 об.

450 Набоков В.Д. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1991. С. 36.

451 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992. С.129.

452 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 628–629.

453 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992. С.129.

454 Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны 1917–1918. Т. 1. М., 2008. С. 429.

455 Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 232.

456 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 234.

457 Волков А.А. Около царской семьи. М.,1993. С. 74.

458 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992. С. 130.

459 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 630.

460 Там же. С. 631.

461 Отъезд царской семьи из Царского Села. Воспоминания графа Бенкендорфа // Сегодня. Рига, 1928. 18 февраля. № 47.

462 ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

463 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 174–

175. 464 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 74. 465 Царственные мученики в воспоминаниях верноподдан

ных. М., 1999. С. 562–563.

466 Исторический архив. 1961. № 1. С. 184–185.

467 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 13 об.

468 Там же. Л. 14.

469 Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 63–64.

470 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 638.

471 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 207–208.

472 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 641.

473 Исторический архив. 1961. № 1. С. 185.

474 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 643.

475 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 235.

476 Красный архив. 1927. № 5(24). С. 152.

477 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 464. Л. 40–44.

478 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 235.

479 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 79 об.

480 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 563.

481 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 646.

482 Сегодня. Рига. 1928. 18 февраля. № 47.

483 ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 210.

484 Историк и современник. Берлин, 1924. № 5. С. 180–181.

485 Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 139.

486 Танеева (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни. Берлин,

1923. С. 147–148; Письма царской семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. С. 102–104.

487 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Новосибирск, 1999. С. 65.

488 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 75.

489 Историк и современник. Берлин, 1924. № 5. С. 184.

490 Православная жизнь. Джорданвилль. 1963. № 2.

491 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 44. Л. 1–1 об.

492 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

493 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 647.

494 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 19. Л. 91.

495 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 46. Л. 1.

496 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 647.

497 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 563–564.

498 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 76.

499 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 648.

500 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–2.

501 Там же. Д. 15. Л. 1.

502 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 648–649.

503 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 564–565.

504 Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 9–10.

505 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 651.

506 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 565–566.

507 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 23. Л. 38.

508 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 651–652.

509 Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 35–37.

510 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 295.

511 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 652.

512 Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 22–24.

513 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 79.

514 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–4.

515 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 654.

516 Там же. С. 654.

517 Там же. С. 655.

518 Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 28.

519 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 424.

520 Там же. С. 424–425.

521 ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 66. Л. 28–29 об.

522 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 294–295.

523 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 660.

524 ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 66. Л. 11.

525 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 662.

526 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992. С. 142–143.

527 Коганицкий И. 1917–1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина. // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 7.

528 Тобольский рабочий. 1918. 6 января. № 1 (7). С. 3.

529 Коганицкий И. 1917–1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина. // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 9.

530 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 298.

531 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

532 900 Там же. Л. 2.

533 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992. С. 144.

534 Там же. С. 145.

535 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 21. Д. 7. Л. 170(а).

536 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 8. Л. 204.

537 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 666.

538 Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 37.

539 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 650, 651.

540 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 568–569.

541 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 657.

542 Там же. С. 658.

543 Там же. С. 658.

544 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 570.

545 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 2. Л. 99.

546 Там же. Л. 73.

547 Вечерний час (Петроград). 1917. 29 ноября.

548 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 658.

549 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 20. Л. 18.

550 Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 55.

551 Коганицкий И. 1917–1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина. // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 5.

552 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 20. Л. 19.

553 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 667.

554 Там же. С. 667.

555 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 227.

556 Там же. С. 227.

557 Там же. С. 227.

558 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 669.

559 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 580–581.

560 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 231–232.

561 Там же. С. 227.

562 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Новосибирск, 1999. С. 153.

563 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 578.

564 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 34. Л. 43.

565 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 669.

566 Там же. С. 670.

567 Там же. С. 649.

568 ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–4.

569 Там же. Л. 5–5 об., 6.

570 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2472. Л. 8.

571 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 319–320.

572 Там же. С. 185

573 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 495–496.

574 Там же. С. 497.

575 Там же. С. 498.

576 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 316–317.

577 Там же. С. 317–318.

578 Там же. С. 324–325.

579 Там же. С. 326.

580 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 31. Л. 1.

581 Яковлев В. (Мячин К.). Последний рейс Романовых. // Урал. 1988. № 8. С. 151–152; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 31. Л. 27–28, 96–97.

582 Пагануцци П.Н. Правда об убийстве царской семьи. М., 1992. С. 39.

583 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 581.

584 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 670–671.

585 Там же. С. 671.

586 Коганицкий И. 1917–1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина. // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 12.

587 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 5–6.

588 Там же. Л. 14–17.

589 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 672.

590 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 228.

591 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 77. Л. 185.

592 Там же. Оп. 34. Д. 36. Л. 7–13.

593 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 582.

594 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 673.

595 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 29–31.

596 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 56. Л. 2.

597 Там же. Д. 35. Л. 1.

598 Там же. Л. 3.

599 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 23. Д. 558. Л. 13 об.

600 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.

601 Там же. Д. 60. Л. 10.

602 Там же. Д. 56. Л. 10.

603 Там же. Д. 33. Л. 9–9 об.

604 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 583.

605 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 674.

606 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 228.

607 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 674.

608 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 54–54 об.

609 ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 326. Л. 31 об.

610 Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге. // Красная Нива. Кн. 5. 1928. С. 190–191.

611 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 84–85 об.

612 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 27–28.

613 Там же. Л. 62–63.

614 Там же. Л. 67–67 об.

615 Стенограмма допросов… С. 195–196.

616 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 624.

617 ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 326. Л. 32–32 об.

618 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 585–587.

619 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 45. Л. 1.

620 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 60. Л. 1–4.

621 ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 326. Л. 33–33 об.

622 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 204.

623 ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 78. Л. 3–3 об.

624 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 83.

625 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 204.

626 Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге. // Красная Новь. Кн. 5. 1928. С. 194.

627 ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 326. Л. 34–34 об.

628 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 118.

629 Марков С.В. Покинутая царская семья… С. 298.

630 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 13; Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 54.

631 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 17; Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 54 об.

632 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 31; Последние дни Романовых. Свердловск, 1991. С. 69.

633 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 17 об., 88 об., 99–100.

634 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 2.

635 Там же. Д. 33. Л. 44–48.

636 Последние дни Романовых. Свердловск, 1991. С. 69.

637 Архив новейшей истории России. Публикации. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 197.

638 Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 98.

639 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 19–20.

640 Последние дни Романовых. Свердловск, 1991. С. 70–71.

641 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 7.

642 Там же. Л. 93–94, 229–232.

643 Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 99.

644 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 67–67 об., 73.

645 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Т. 5. М., 1975. С. 155.

646 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 56. Л. 18–19.

647 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 16–16 об., 17; Ф. 601. Оп.

2. Д. 32. Л. 76–81. 648 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 22. 649 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 71. 650 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 92–92 об.; Алексеев В.В. Ги

бель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 69.

651 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 198.

652 Юсупов Ф. Перед изгнанием: 1887–1919. М., 1993. С. 190–191.

653 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1274. Л. 231–233 об., 234.

654 ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 93 об.

655 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М.,

2001. С. 315.

656 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 236.

657 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 178–180.

658 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 239.

659 ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 192 об.

660 ГА РФ. Ф. 1790. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

661 ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 140 об.

662 ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 281. Л. 3.

663 Там же. Д. 280. Л. 1.

664 Там же. Д. 281. Л. 1–1 об.

665 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 240.

666 Там же. С. 241.

667 Там же. С. 242–243.

668 ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 12. Л. 238.

669 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 203. Л. 11–11 об.

670 Там же. Л. 12.

671 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 1.

672 ГА РФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 42. Л. 85–86.

673 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 231.

674 Там же. С. 234.

675 Там же. С. 235.

676 Там же. С. 239.

677 Там же. С. 240.

678 Там же. С. 242.

679 Там же.

680 Там же. С. 244.

681 Там же. С. 244–245.

682 Там же. С. 248.

683 Там же. С. 249.

684 Революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 6.

685 Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М., 1998. С. 256.

686 Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 396.

687 Революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 7.

688 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 44–45.

689 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 367. Л. 10–11.

690 ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.

691 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2098. Л. 1; Ф. 644. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.

692 Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 149–150.

693 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 369. Л. 3–4.

694 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 203. Л. 21 об. – 22.

695 ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 60.

696 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 362–365.

697 Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. С. 143–145.

698 Родзянко М. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов-на-Дону, 1919. С. 45.

699 Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 263–265.

700 Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 208.

701 Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 154–155.

702 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101(б). Л. 2; Ф. 668. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

703 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

704 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 227–228.

705 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925. С. 9.

706 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 19. Л. 63.

707 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 33.

708 Красный архив. 1927. № 5 (24). С. 131.

709 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 17.

710 Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 139.

711 Биржевые ведомости (Петроград). 1917. 23 августа.

712 Красный архив. 1927. № 5 (27). С. 157–158.

713 Великая Октябрьская социалистическая революция: Документы и материалы. М., 1957. С. 625.

714 ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

715 ГА РФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 90–92 об.

716 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 10. Л. 18.

717 Там же. Л. 1–2.

718 Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 578.

719 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 3.

720 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 4. Л. 1–1 об.

721 Там же. Д. 17. Л. 3.

722 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 4.

723 ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 125. Л. 14.

724 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 32.

725 Сивков В.Ф. Пережитое. Пермь, 1968. С. 185–186.

726 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 6.

727 Скорбный путь Михаила Романова: от Престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 97.

728 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 414. Л. 1–2.

729 Скорбный путь Михаила Романова: от Престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 95, 96.

730 Там же. С. 93–94.

731 Там же. С. 96.

732 Там же. С. 96–97.

733 Там же. С. 98.

734 Кончин Е.В. Революцией призванные: Рассказы о московских эмиссарах. М., 1988. С. 97.

735 Скорбный путь Михаила Романова: от Престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 100, 103.

736 Там же. С. 103–104.

737 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 27.

738 Скорбный путь Михаила Романова: от Престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 104.

739 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 30.

740 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 30.

741 Там же. Л. 8–8 об.

742 Гибель царской семьи: Материалы следствия… С. 141–142.

743 ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 414. Л. 1–3.

744 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 330–331.

745 Сивков В.Ф. Пережитое. Пермь, 1968. С. 186.

746 ГА РФ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 11 142. Л. 13.

747 Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 483–484.

748 ГА РФ. Ф. 391. Оп. 6. Д. 161. Л. 45.

749 ГА РФ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1552. Л. 49. Вопросы истории. 1990. № 9. С. 154.

750 ГА РФ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1552. Л. 49–49 об.

751 ГА РФ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1552. Л. 50–50 об. Вопросы истории. 1990. № 9. С. 155.

752 Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 125–126.

753 Вопросы истории. 1990. № 9. С. 155–156.

754 Гибель царской семьи: Материалы следствия… Франкфурт-на-Майне, 1988. С. 173–174.

755 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 22. Л. 1–2.

756 ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 203; Литературная Россия. 1990. 21 сентября.

757 ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 202–205 об.

758 ГА РФ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1552. Л. 51. Вопросы истории. 1990. № 9. С. 156.

759 Дискуссионный материал: Тезисы тов. Мясникова, письмо тов Ленина, ответ ему, постановление организационного бюро Цека и резолюция мотовилихинцев. М., 1921. С. 34.

760 ГА РФ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 2765. Л. 63.

761 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Л. 407; Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 44.

762 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 36. Л. 406.

763 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 91–94.

764 Известия Пермского губисполкома. 1918. 11 сентября.

765 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 266. Л. 16.

766 Там же. Л. 367.

767 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 3. Л. 16–16 об.

768 ГА РФ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 1552. Л. 46.

769 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 14.

770 Там же. Л. 21.

771 Там же. Л.155.

772 Голос Кунгурского Совета К., Р. и С. Д. 1918. 22 (9) июня. № 66.

773 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 64–65.

774 Там же. Л. 66–67 об.

775 Там же. Л. 61–61 об.

776 Голос Кунгурского Совета К., Р. и С. Д. 1918. 6 июня.

777 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 17. Л. 33.

778 Петроградская газета. 1918. 17 июля.

779 Ишимский край. 1918. 19 июля.

780 Наш век. 1918. 23 июля.

781 Быков П. Последние дни последнего царя. В кн.: Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 25–26.

782 Известия Пермского уездного исполкома Совета крестьянских и рабочих депутатов. 1918. 18 сентября.

783 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 529. Л. 196.

784 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.

785 Последние дни Романовых. Свердловск, 1991. С. 71–72.

786 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 675.

787 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 199.

788 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 494.

789 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 199.

790 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 494.

791 Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге.// Красная Новь. 1928. Кн. 5. С. 197.

792 Там же. С. 198.

793 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 61–62.

794 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 6.

795 Там же. Д. 32. Л. 136.

796 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 79. Л. 176–178.

797 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 118.

798 Там же. Л. 123–123 об.

799 Там же. Д. 31. Л. 7–7 об.

800 СОЦДОО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 964. Л. 102–113.

801 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 57. Л. 1; Последние новости (Париж). 1924. 30 марта.

802 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 13. Л. 56–62.

803 Известия. 1918. 10 мая.

804 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 79. Д. 7. Л. 88–90.

805 Там же. Л. 86.

806 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 675–676.

807 ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–1 об.

808 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 676.

809 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 203.

810 ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 78. Л. 2.

811 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 309.

812 Там же. С. 423–424.

813 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 164.

814 Там же. Л. 176.

815 Воробьев В. Конец Романовых. (К десятилетию казни Николая II). Воспоминания. // Прожектор. Еженедельный журнал. 1928. 15 июля. № 29 (147). С. 24–25.

816 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 165.

817 Там же. Л. 148.

818 Там же. Л. 156.

819 Там же. Д. 34. Л. 44, 45.

820 Там же. Л. 46.

821 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 676.

822 Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. Из воспоминаний коменданта. // Красная новь. 1928. № 5. С. 185–209.

823 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 677.

824 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 112.

825 Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 208.

826 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 36. Л. 343.

827 Там же. Д. 48. Л. 7.

828 Там же. Л. 8–8 об.

829 Там же. Л. 9.

830 ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

831 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 677.

832 ГА РФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 40. Л. 4–6 об.

833 ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 276. Л. 1–2 об.

834 ГА РФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 268. Л. 1.

835 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 245–246.

836 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 229.

837 Там же. С. 229.

838 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 246.

839 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 233.

840 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 246.

841 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 32. Л. 168.

842 Там же. Д. 35. Л. 7.

843 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 229.

844 Там же. С. 229.

845 Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921; М., 1991. С. 246.

846 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 83.

847 Савченко П. Русская девушка. М., 2001. С. 54.

848 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 246–247.

849 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 84.

850 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 75. Л. 20.

851 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 105.

852 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 680.

853 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 38. Л. 1, 2.

854 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 680.

855 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 105.

856 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 85–86.

857 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 451.

858 Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 87.

859 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992. С. 176.

860 Там же. С. 156.

861 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 56. Л. 23–25.

862 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 78.

863 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 368–369; Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 79–81.

864 Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 81–82.

865 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 14. Л. 23–25, 31–35, 41, 45.

866 См.: Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2001. С. 210–214.

867 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 682.

868 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 35.

869 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 683.

870 Там же. С. 683.

871 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 38.

872 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 683.

873 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 24.

874 Там же. Л. 23.

875 Прожектор. Еженедельный журнал. 1928. 15 июля. № 29 (147). С. 24–26.

876 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 43.

877 Там же. Оп. 34. Д. 25. Л. 174.

878 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 49. Л. 1–5.

879 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 34. Л. 92–94; Д. 56. Л. 23–25.

880 ГА РФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.

881 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–1 об.

882 Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 209,

211. 883 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 456. 884 Новая жизнь (Москва). 1 июня (19 мая) 1918 г. № 1. 885 Голос Кунгурского Совета К., Р. и С. Д. 1918. 21(8) мая. 886 Новая Петроградская газета. 1918. 25 мая. 887 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 39.

888 Новая жизнь (Москва). 1918. 20 (7) июня. № 16.

889 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1ос. Оп. 2. Д. 1. Л. 99.

890 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 18–19.

891 ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 45. Л. 1; Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М, 1990. С. 306; Вильтон Р. Последние дни Романовых. М., 1991. С. 464.

892 Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 2–22; Юровский Я.М. Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача// Источник. 1993. № 0. С. 109–111.

893 Стенограмма допросов… С. 214–215.

894 Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 515.

895 Стенограмма допросов… С. 217.

896 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 29.

897 Там же. Л. 18.

898 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 43–58.

899 См.: Буранов Ю.А. К вопросу о версиях и исторической истинности екатеринбургской трагедии. / «Тайна царских останков». Материалы научной конференции «Последние страницы истории царской семьи итоги изучения екатеринбургской трагедии». Екатеринбург, 1994.

900 См.: The fall of the Romanovs. Political dreams and personal struggles in time of revolution. / Edited by M.D. Steinberg and

V.M. Khrustalëv. London, New-Haven, 1995; Хрусталев В.М. Николай II. Арестован и сослан буржуазными вождями. Отвержен британским

правительством. Расстрелян большевиками. // Международная жизнь. 1996. № 2.

901 Беседовский Г.З. На путях к термидору. Париж, 1930; М., 1997. С. 111.

902 См.: Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2001. С. 245–251.

903 Там же. С. 246.

904 Беседовский Г.З. На путях к термидору. Париж, 1930; М., 1997. С. 112–114.

905 Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 106–107, 110, 112.

906 Там же. С. 114–115.

907 Как погибла царская семья. Свидетельство очевидца

И.П. Мейера. М., 1990. С. 19–20. 908 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 43–58; Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и

материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2001. С. 253–

254. 909 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6601. Л. 1. 910 Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской

семьи. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хру

сталев. М., 2001. С. 246–247.

911 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 653. Л. 12.

912 Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2001. С. 263.

913 Там же. С. 266.

914 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 31.

915 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 31–34; Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2001. С. 236–239.

916 Беседовский Г.З. На путях к термидору. Париж, 1930; М., 1997. С. 114–116.

917 Там же. С. 116.

918 Как погибла царская семья. Свидетельство очевидца И.П. Мейера. Перевод с немецкого. М., 1990. С. 28.

919 Историк и современник. (Берлин). 1924. № 5. С. 207–212.

920 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 43–58.

921 Алферьев Е.Е. Письма царской семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. С. 375;

922 См.: Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925; М., 1990.

923 См.: Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Ч. 1–2. Владивосток, 1922; М., 1991.

924 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 43–58; Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2001. С. 260.

925 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 31–35.

926 Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2001. С. 260.

927 См.: Авдонин А.Н. Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи. // Источник. 1994. № 5; Рябов Г. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М., 1998; Авдонин А.Н. Ганина яма. История поисков останков царской семьи. Екатеринбург, 2002.

928 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 8–9. 929 Воробьев В. Конец Романовых. Из воспоминаний. // Про

жектор. 1928. № 9 (47).

930 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 28. Д. 24. Л. 1.

931 ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 51. Л. 1; Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 310.

932 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62–65; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 158. Л. 8.

933 Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 117–118.

934 Приазовский край. 1918. 10 сентября. № 131.

935 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

936 Там же. Оп. 79. Д. 10. Л. 86.

937 Там же. Оп. 35. Д. 11. Л. 1–3.

938 Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 434–435.

939 Алферьев Е.Е. Письма царской семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. С. 399; Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1996. С. 341.

940 Алферьев Е.Е. Письма царской семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. С. 400; Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1996. С. 342.

941 ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

942 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 52. Л. 3.

943 ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149. Л. 14.

944 Ганноверише Анцайгер. 1928. 7 декабря № 288; Литературная Россия. 1991. 9 августа. № 32 (1488).

945 Родиков В. Легенда о царской голове. / Дорогами тысячелетий. Сб. ист. ст. и очерков. Кн. 4. М., 1991. С. 223.

946 Последние новости (Париж). 1924. 30 марта.

947 Сегодня (Рига). 1928. 7 августа. № 211.

948 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 46. Л. 3.

949 Известия Пермского губисполкома. 1918. 14 мая.

950 Великий князь Константин Константинович Романов. Эксклюзивный памятный фотоальбом. Самара, 2002. С. 146.

951 Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 55.

952 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 826. Л. 106.

953 Новый вечерний час. 1918. 9 мая.

954 Известия Пермского окружного исполкома Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов. 1918. 14 мая.

955 Игумен Серафим (Кузнецов). Православный царь-мученик. М., 1997. С. 70.

956 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 36. Л. 1.

957 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 679.

958 Хрусталев В.М. Тайное убийство великих князей в Алапаевске. // Россияне. 1993. №№ 10–12. С. 84.

959 Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 102.

960 Там же. С. 107.

961 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 327–328.

962 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 29; Ф. 393. Оп. 1. Д. 97. Л. 6.

963 ГА РФ. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 28; Ф. 130. Оп. 2. Д.1137. Л.113.

964 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 558. Л. 31.

965 ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149.

966 Там же. Л. 300.

967 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 33. Л. 55.

968 Там же. Л.6–6 об.

969 Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 25; Расследования цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 249–251.

970 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 322.

971 Там же.

972 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 264.

973 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 35.

974 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 264.

975 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 175–176.

976 Архив ГП РФ. Дело следствия Н.А. Соколова. Л. 298–302 об.

977 Там же. Л. 298–302 об.

978 ГА РФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 33. Л. 125.

979 Архив ГП РФ. Дело следствия Н.А. Соколова. Л. 298–302 об.

980 ГАСО. Ф. 1913-р. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

981 Там же. Л. 12.

982 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 35. Д. 24. Л. 32.

983 РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 7–8.

984 Архив ГП РФ. Дело следствия Н.А. Соколова. Л. 298–302 об.

985 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 58. Л. 78.

986 Там же. Л. 77–77 об.

987 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 58. Л. 86; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 58. Л. 31.

988 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 58. Л. 85.

989 Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 284–285.

990 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 325.

991 Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 262–277; Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 326–328.

992 Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 324.

993 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 41.

994 Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 218–219.

995 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 47. Л. 2–2 об.

996 Там же. Д. 35. Л. 15.

997 Голос Кунгурского Совета К. Р. и С. Д. (Пермской губ.). 1918. 25 июля.

998 Там же. 1918. 1 августа.

999 Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 25–26.

1000 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 47. Л. 1.

1001 Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 27; Расследования цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 281–282.

1002 Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 27; Расследования цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 302–303.

1003 Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 27; Расследования цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 313–319.

1004 Уральский рабочий. 1918 г. 12 декабря.

1005 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 52. Л. 2.

1006 Там же. Д. 54. Л. 1.

1007 Расследования цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 255.

1008 Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин., б.г. С. 289–291

1009 Там же. С. 291.

1010 Там же. С. 291–292.

1011 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 124.

1012 См.: Л.Н. Толстой и Н.М. Романов. // Красный архив. 1927. Т. 21. С. 232–239; Лев Толстой и русские цари. Сборник. М., 1995.

1013 Великий князь Николай Михайлович. Записки. / Гибель монархии. М., 2000. С. 21.

1014 Там же. С. 28–29.

1015 Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 263.

1016 ГА РФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 33. Л. 203.

1017 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 826. Л. 106.

1018 Вел. кн. Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 249–

253. 1019 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 51–52. 1020 Там же. Л. 46. 1021 Вел. кн. Гавриил Константинович. В Мраморном дворце.

Из хроники нашей семьи. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 254.

1022 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 45; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 198.

1023 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 48–49.

1024 Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б.г. С. 288.

1025 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 636.

1026 Черчилль У. Мировой кризис. 1916–1918. Т. 1. Лондон, 1927. С. 223–225.

1027 Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. 3. М., 1935. С. 373–

374. 1028 Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II.

СПб., 1991. С. 638.

1029 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 2.

1030 Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923; М., 1991. С. 439–440.

1031 Кузнецов В.В. Тайна пятой печати. Судьба царя – судьба России. СПб., 2002. С. 544.

1032 ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 1-а. Д. 116. Л. 30 об.

1033 Там же. Л. 35.

1034 Там же. Л. 4.

1035 ГА РФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 841. Л. 50.

1036 Пагануцци П.Н. Правда об убийстве царской семьи. М., 1992. С. 20; Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 14–15.

1037 Последние дни последнего царя. (Уничтожение династии Романовых). Тверь, 1922.

1038 Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 28.

1039 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 42–43.

1040 Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 211.

1041 Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999. С. 399.

1042 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24362. Л. 1; Д. 6601. Л. 1; Бумаги Троцкого. 1920–1922. Ч. II. Париж, 1971. С. 30, 32.

1043 Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 118–119.

1044 Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 260.

1045 См.: Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу

об убийстве царской семьи. (Август 1918 – февраль 1920). / Сост. Н. Росс. Посев. Франкфурт-на-Майне, 1987; Расследование цареубийства. Секретные материалы. / Сост. В.И. Прищеп, А.Н. Александров. М., 1993; Н.А. Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 гг. / Сост. Л.А. Лыкова. // Российский Архив. Вып. VIII. М., 1998.

1046 См.: Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 142.

1047 ИТАР – ТАСС / Православие 2000; «Православное слово». 2000. № 16; «Русский вестник». 2000. №№ 31–32.

1048 ГА РФ. Ф. Р-10 130. Оп. 1. Д. 10. Л. 156–157.

1049 См.: Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 258.

1050 Там же. С. 215–272.

1051 Хрусталев В. Полуночные страсти по Николаю II. Полемические заметки о фильме Сергея Мирошниченко «Убийство императора. Версии». // Независимая газета. 1997. 2 июля.

1052 Куликовская-Романова О.Н. Неравный поединок. М., 1995.

1053 Независимая газета. 1998. 18 июня. № 107 (1678). С. 2.

1054 См.: Хрусталев В. Претерпевшие за царя. // Держава. 1996. № 3 (6).

Примечания

1

Император Николай Александрович Романов (Николай II) родился в Царском Селе под Петербургом 6 (19) мая 1868 г. в день памяти святого Иова Многострадального.

2

В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. в Перми был похищен чекистами великий князь Михаил Александрович и тайно убит. Его могила до сих пор неизвестна. В печати было ложно объявлено об его бегстве. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в полуподвальном помещении Ипатьевского дома в Екатеринбурге была расстреляна вся царская семья. В печати было объявлено только о казни Николая II. Через сутки, в ночь с 17 на 18 июля были зверски убиты под Алапаевском на Урале (сброшены в шурф шахты) ряд членов императорской фамилии, включая родную сестру царицы великую княгиню Елизавету Федоровну. В советской печати было объявлено об их похищении белогвардейцами.

3

Русский Зарубежный Исторический Архив (РЗИА), эмигрантские материалы которого до Второй мировой войны хранились в Праге (Чехословакия).

4

Возможно другое прочтение этого слова.

5

Николай II пометил акт об отречении более ранним временем, чем было в действительности, чтобы предать передаче власти черты некоторой легитимности, а не принуждения.

6

В ГА РФ (ЦГАОР СССР), в частности, сохранилось удостоверение А. Демидовой.

7

Эта группа в Тобольске не появлялась.

8

Сергей Владимирович Марков являлся представителем организации известного Николая Евгеньевича Маркова (Маркова II), но был близок к А.А. Вырубовой.

9

Указана фамилия ошибочно, правильно – Демьянова.

10

В документе ошибочно указано: Гендрикова.

11

Правильно: Василий Александрович Долгоруков.

12

Правильно: Нагорный.

13

Татищев остался в Тобольске вместе с царскими детьми.

14

Трина: Е.А. Шнейдер. Очевидно, имеются в виду известия, полученные Александрой Федоровной по телеграфу в Ивлеве.

15

Два слова неразборчивы, возможно, другое прочтение.

16

Так в документе.

17

Пункт 6 пропущен (цитируется согласно подлиннику).

18

Публикуется по машинописной копии, впервые опубликованной в 1990 г. Подлинник неизвестен (см. «Список использованной литературы» в данной работе).

19

С 1924 года станция Шарташ.

20

В следственных показаниях Н.А. Соколову камердинер А.А. Волков утверждал: «Родионов с неизвестным комиссаром сели также на одного извозчика и поехали сзади нас».

21

В биографии Белобородова этот факт не имел места.

22

Мрачковский играл особую роль в судьбе Романовых. Во всех воспоминаниях до 1991 г. его роль приглушена, поскольку он был репрессирован как троцкист.

23

Здесь и ниже вопросы ведущего беседу.

24

Обе телеграммы были отправлены из Екатеринбурга 17 июля 1918 г. Первая (открытым текстом) в 2.00, вторая (шифровкой) после 21 ч. Время местное.

25

Название публикуемого документа условно: он не имеет даты и подписи автора. Но речь в тексте ведется от третьего лица, т. е. «коменданта» (им был Я.М. Юровский). В публикуемом машинописном варианте имеются рукописные вставки и приписка о месте захоронения екатеринбургских останков. Второй документ (автограф М.Н. Покровского) рукописной концовки не имеет. Машинописный подлинник хранится в ГАРФ, рукописный – в РГАСПИ. (Автограф Покровского в данном издании не публикуется. – *В.Х.*)

26

В тексте имеется рукописная пометка.

27

Фраза вписана от руки на полях документа.

28

В документе вместо фамилии Седнева поставлено отточие. Фамилия вписана от руки.

29

В тексте документа было напечатано 7, исправлено от руки на 6.

30

Так в документе. На самом деле было расстреляно 11 человек.

31

Допущена ошибка, имеется в виду повар Харитонов.

32

Неточность – поваренок Леонид Седнев накануне казни был изолирован от царской семьи.

33

Имеется в виду комнатная девушка царицы А. Демидова.

34

Слово «фрейлина» вписано от руки – «фрелина».

35

Фраза: «был выстлан сукном» вписана от руки.

36

Здесь от руки добавлена вставка: «партийн. тов.».

37

Фраза вписана от руки на полях документа.

38

Две последние фразы вписаны от руки.

39

Последний абзац документа написан от руки и касается места погребения расстрелянных членов царской семьи и их приближенных.

40

Заголовок документа дан составителем. Текст доклада публикуется без сокращений в орфографии подлинника. В некоторых местах документа проставлены многоточия, что означает неясности прочтения текста или, в том числе, связано с частичными его утратами. Однако возможно его восстановление в будущем за счет использования для реставрации специальной аппаратуры, а также сопоставлением с возможно сохранившимися полными копиями данного документа. В некоторых случаях содержание доклада грешит неточностями изложения фактов или версий событий, что можно объяснить на тот момент недостатком документальных данных и вещественных доказательств в распоряжении предварительного следствия.

41

Датируется по содержанию документа.

42

Машинописный экземпляр воспоминаний с правкой Я.М. Юровского обнаружен в Архиве Президента РФ в ходе работы Комиссии экспертов и архивистов, созванной руководителем Государственной Архивной Службой России доктором исторических наук Р.А. Пихоя. Очевидно, эти воспоминания были приурочены к 5-летней годовщине ВОСР, но так и не были опубликованы. Данные воспоминания имеют некоторые расхождения с «запиской» Я.М. Юровского 1920 г. Здесь многие детали событий и имена действующих лиц уточнены, но основа остается прежней.

43

Сохранены орфография и пунктуация документа.

44

На самом деле это событие происходило не 7–8 июля, как ошибочно указывает в воспоминаниях Я.М. Юровский, а 4 июля 1918 г.

45

К этому времени помощником коменданта Ипатьевского дома Авдеева был не Украинцев, а красногвардеец Мошкин. Обращает на себя внимание, что Юровский впервые упоминает фамилию одного из латышей внутренней охраны: тов. Цальмс.

46

Обращает на себя внимание одно важное обстоятельство, а именно, что на момент вступления Юровского в должность коменданта Ипатьевского дома, то «уже стоял вопрос о ликвидации семьи Романовых». Эти сведения подтверждаются в опубликованных работах члена Уральского облисполкома П.М. Быкова.

47

По материалам белогвардейского следствия по делу убийства царской семьи железнодорожные шпалы для настила чекистами были взяты от будки у железнодорожного переезда.